Библиотека Литературы Древней Руси

ТОМ 5
(XIII век)

Библиотека литературы Древней Руси */ РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 5: XIII век. – 527 с.*

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

ЛИТЕРАТУРА ТРАГИЧЕСКОГО ВЕКА В ИСТОРИИ РОССИИ

Под 1224 годом галицкий летописец записал: «Приде неслыханая рать: безбожнии моавитяне, рекомыи татарове...» Новгородский летописец пишет о том же: «приидоша языци <народы.— *Д. Л.*> незнаеме, и ихь же добре никто же ясно весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их <что они за народ.— *Д. Л.*>, и коего племени суть, и что вера их; и зовут их татары, а инии глаголють таурмене, друзии же печнезе <...>»

И в самом деле, те, кого русские летописи и в первые, и в последующие века называют «татарами», не были какою-то определенной и единой национальностью. Это было государственное объединение различных кочевых племен, находившихся в стадии кочевого феодализма, объединение крайне агрессивное и подвижное, сплоченное столь же сильной жаждой захвата новых земель, как и стремлением к разрушению соседних оседлых культур.

Объединенные орды кочевых племен, которые мы в дальнейшем будем условно называть монголо-татарами, начали проявлять необычайную активность еще в начале XIII века. Их появлению в 1223—1224 годах на границах Русской земли предшествовали чрезвычайные военные успехи в Азии.

В 1207 году монголо-татары покорили Южную Сибирь, в 1211 году — Китай, затем Туркестан, Афганистан, Персию. Крупнейшие культурные очаги Средней Азии — Самарканд, Бухара, Мерв — лежали в развалинах. В 1221—1223 годах полчища монголо-татар захватили

Кавказ и Закавказье и появились на границах Руси, победили русских в 1223 году в битве на Калке, а затем ушли. Однако в 1236 году они переправились через Яик, покорили Волжскую Болгарию и снова пришли на Русь, взяли Владимир и другие города, а в 1240 году овладели Киевом. На западных рубежах Руси русские вынуждены были отражать нападения шведов, ливонских и тевтонских рыцарей.

Монголо-татарское нашествие, перешедшее затем в страшное иноземное иго, когда, по словам летописца, «и хлеб во уста не идешеть от страха», нанесло жесточайший урон русской культуре и изменило развитие литературы. С середины XIII века основными жанрами русской литературы стали воинские повести, жития мучеников за веру, проповеди, призывавшие к нравственному очищению как залогу будущего освобождения. Монументализм литературного стиля, столь характерный для предшествующего периода, отныне приобретает более сдержанный, суровый и лаконичный характер.

Драматичность ситуаций, о которых повествуют литературные произведения середины и второй половины XIII века, усиливается сознанием собственной вины русских, приведшей к установлению ига: недостаток единства среди князей и недостаток твердости в сопротивлении чужеземным захватчикам.

В сущности, эти две темы присутствуют уже в неясных предчувствиях грядущей опасности, которыми была пронизана русская литература в первой трети XIII века — накануне монголо-татарского нашествия.

Русские авторы уже в XII и начале XIII века ясно понимали, что рядом с разрываемой княжескими усобицами Русью стоит наготове ее внешний враг — степные народы. Вот почему каждая из княжеских распрей заставляла русских писателей тревожиться за целостность и независимость Русской земли. Братоубийственные войны князей были опасны не только сами по себе, но были чреваты также резким внешним ослаблением страны. Назиданием русским князьям кончается «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году», написанная кем-то из русских очевидцев этих событий: «И тако погибе царство богохранимаго Костянтиняграда и земля Грьчьская въ свадѣ цесаревъ, еюже обладають фрязи». Иными словами, даже царство богохранимого Константинаграда — Византия погибло от свары князей. Междоусобия «князей-цесарей» представлялись несчастьем мирового порядка.

В Лаврентьевской летописи под 1227 годом мы находим обличения в «мздоимании», «граблении», «насилиях»: «Горе град Володимерь и церквии згоре 27 и дворъ блаженаго князя Костянтина и церкы згоре ту сущия святаго Михаила, юже бе украсилъ христолюбивый князь Костянтинъ. Се же наводит на ны Богъ, веля нам имети покаянье и встягнутися от грех, от блуда, и зависти, и грабленья, насилья, и от прочих злых делъ неприязнинъ. Богъ бо казнит рабы своя напастми разноличными, огнем, водою, ратью, смертью напрасною, тако бо и подобает христьяном многыми напастми и скорбьми внити в царство небесное...»

В 1218 году, меньше чем за двадцать лет до Батыева нашествия, рязанский князь Глеб Владимирович и его брат Константин пригласили к себе князей — своих ближайших родственников. Приехал родной брат Олега и Константина Изяслав Владимирович, приехали пять их двоюродных братьев со своими боярами и дворянами. Пир был летом, устроен он был за городом, в большом шатре. В разгар веселого пира Глеб и Константин обнажили мечи и вместе с заранее скрытыми у шатра половцами и воинами бросились на братьев и перебили их всех. Рязанский летописец князя Ингваря Ингоревича, описав этот пир, так обращается к этим самым рязанским князьям: «Что прия Каинъ от Бога, убивъ Авеля, брата своего <...> или вашь сродникъ оканьный Святопълкъ, избивъ братью свою?»

Обличение этого страшного злодеяния было опять-таки как бы освещено предчувствием страшной катастрофы Батыева нашествия. Рассказчик замечает про рязанского князя Ингваря: «Ингворъ же не приспѣ приехати к нимъ: не бе бо приспело врѣмя его». Когда же оно «приспело»?! Это время явилось с нашествием Батыя. Следовательно, писалась эта летописная повесть о сваре рязанских князей уже после национальной катастрофы.

Перу того же рязанского летописца, который описал преступление Глеба и Константина, принадлежит и первый летописный вариант «Повести о разорении Рязани Батыем» в 1237 году. Тот же рязанский летописец, что описал усобицы,— описал и гибель старой могущественной Рязани под ударами войск Батыя... Рассказ этот, принадлежащий рязанцу, читается сейчас в Новгородской первой летописи. Он был первым вариантом той замечательной «Повести о разорении Рязани Батыем», которая представляет сейчас одно из лучших произведений древней русской литературы и о котором мы будем еще говорить в дальнейшем.

Есть принципиальное различие между нашествиями половцев и нашествием Батыя. Половцев и орды Батыя не следует смешивать и рассматривать как явление одного и того же порядка. Половцы выступали то как враги, то как союзники и родичи русских князей (впрочем, только по женской линии: русские князья женились на половчанках, но русские княжны не выходили замуж за половецких ханов). В какой-то относительной мере половцы были вовлечены в круговорот княжеских распрей, становились их «внутренними участниками».

Появление орд Чингисхана, а затем Батыя было явлением совсем другого характера. Это был враг куда более страшный, чем половцы. Не случайно, что испуганные половцы в первый момент бросились к русским князьям за помощью. Они имели основание надеяться на эту помощь и не ошиблись. Русские вышли на помощь своим врагам и союзникам одновременно, так как понимали различие между половцами и монголо-татарами.

Последствия нашествия монголо-татарских орд для русской культуры были в полном смысле катастрофическими. Исчезли целые разделы

ремесел, ибо монголо-татары уводили в плен прежде всего ремесленников. Исчезли города, подобно старой Рязани, и возрождать их пришлось уже на других местах.

В литературе произошло почти то же, что произошло во всей русской культуре в целом. Рукописи сгорали вместе с городами и монастырями. Многие произведения домонгольской поры исчезли совершенно (даже житие основателя Киево-Печерского монастыря Антония не сохранилось). Литература сжалась тематически, сжалась в своем трагическом и эмоциональном единстве. И это сжатие не было признаком ее ослабления. Так могло только казаться. Накопленный за предшествующие века литературный опыт не пропал даром. Мы увидим в последующем, какую огромную роль он сослужил. Он сослужил ее в пору возрождения русской культуры — непосредственно перед Куликовской битвой, когда Русь готовилась к решительной борьбе за свою независимость, и после Куликовской битвы, когда Русь испытала на себе веяния Предвозрождения. Это было как бы сжатием силы. Литература накапливала силы. Почти столетие она находилась в этом состоянии внутреннего титанического напряжения. В чем состояло это напряжение, и надлежит нам сейчас рассмотреть. Увидеть его далеко не просто.

Единство русской литературы на всем пространстве Руси от Новгорода на севере до Киева на юге и от Владимира и Ростова на северо-востоке до Галича и Волыни на юго-западе сказалось особенно отчетливо в повестях о нашествии монголо-татар, и прежде всего — в уже упоминавшихся нами в начале этой статьи повестях о Калкской битве 1223 года.

В Новгородской первой и в Лаврентьевской летописях сохранилась одна из таких повестей, и замечательно, что монголо-татары рассматриваются в ней как общие враги всех дотоле известных русским восточных народов — половцев, ясов, обезов (грузин), касогов. Жестокость нового врага подчеркивается рассказом о том, как связанных князей удавили, уложив под доски, на которые сами татары сели обедать, чтобы изобразить тем самым свое полное равнодушие к страданиям врагов.

Другой рассказ о Калкской битве читается в Ипатьевской летописи в составе «Жизнеописания Даниила Галицкого» и подчеркивает мужественное поведение Даниила, не чуявшего на себе ран в битве.

Более поздний рассказ о Калкской битве в Новгородской четвертой летописи делает ее участниками богатыря Александра Поповича и других «богатырь 70», убитых в битве.

Повести о Калкской битве объясняют поражение русских — «недоумением» русских князей, действовавших несогласованно и эгоистично. Одним из главных виновников поражения автор повести считает киевского князя Мстислава, который не помог другим русским князьям, когда обратившиеся в бегство половцы «потъпташа бежаще станы русскыхъ князь».

Во всех повестях о Калкской битве говорится о том, что поражение русских явилось следствием недостатка единства русских князей и свидетельствуется появлением врагов «из невести». Последнее не менее важно, чем первое. С точки зрения книжных людей Древней Руси, враждебность таинственна и непонятна. Враги находят на Русь из «страны незнаемой». Напротив того, мир добрый — это мир, хорошо известный, мир упорядоченного строя, мир законного престолонаследия и взаимной уступчивости князей.

Поэтому междоусобицы князей сами являются следствием отсутствия порядка в общественной жизни и открывают ворота на Русскую землю неведомым народам. Вражда князей — предвестие враждебного завоевания, само же враждебное вторжение неведомых народов — вестник конца мира.

Одержав победу над соединенными силами половцев и русских, монголо-татары, как мы уже говорили, удалились и вновь появились под предводительством хана Батыя в 1237 году. Это второе пришествие неведомых и жестоких врагов было куда более ужасно.

В первом из княжеств, подвергшемся страшному разгрому ордами Батыя, было создано и наиболее значительное произведение об этом нашествии — цикл повестей, связанный с иконой Николы, находившейся в момент нашествия в небольшом рязанском городе Заразске (с XVII в. Зарайске).

Нашествие Батыя застигло Рязанское княжество в тот момент, когда, казалось бы, приумолкли усобицы рязанских князей, когда сгладились и отношения Рязани с соседним Владимирским княжеством. На рязанском столе сидел Юрий Ингоревич, шесть лет пробывший в заключении во Владимире при Всеволоде Юрьевиче, но уже давно отпущенный его сыном Юрием Всеволодовичем. Он был чист от обвинений в интригах против своих же младших рязанских князей и ничем не нарушил за последние годы добрых отношений с соседним Владимирским княжеством. Но ни владимирские, ни черниговские князья не пришли ему на помощь, когда войска Батыя подошли к пределам Руси и вторглись в Рязанское княжество. Положение на Руси было почти то же, что и при авторе «Слова о полку Игореве», с тем только различием, что теперь последствия разъединения оказались во сто крат тяжелее. Сильнейший князь северо-восточной Руси — Юрий Всеволодович Владимирский,— сын того самого великого князя владимирского Всеволода, обращаясь к которому за помощью, автор «Слова о полку Игореве» писал, что он может «Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти», не внял мольбам рязанских князей, не пошел им на помощь.

Монголо-татары страшной лавиной прошли по Руси, и не к кому было уже обращаться с укорами и призывами к прекращению усобиц. Эти призывы вновь раздались позже, спустя полтора столетия. И тогда вновь зазвучала публицистическая лирика «Слова о полку Игореве» в «Задонщине» и в «Сказании о Мамаевом побоище». Теперь же на разоренной Рязанской земле создался цикл произведений, в котором

упреки князьям за их «недоумение» (неразумие) были умерены похвалой им и всему прошлому Рязанской земли, а публицистическая направленность повествования смешалась с плачем о погибших. Но никогда до того ни одно произведение не было исполнено такой веры в моральную силу русских бойцов, в их удаль, отвагу, стойкость и преданность родине, как тот единственный цикл, который сохранился от всей, очевидно немалой, рязанской литературы. Созданный на пепелище, он сохранил тем не менее тот великолепный «пошиб» письма и точность стилистического чекана, по которым опознается не только личная одаренность, но и принадлежность целой группы авторов, работавшей над его созданием, к высокой школе мастерства.

Речь идет о своеобразном своде различных произведений, составлявшемся и разновременно пополнявшемся в течение нескольких веков при церкви Николы в Заразске. Здесь, в составе этого свода, многократно переписывавшегося и расходившегося по всей Руси во множестве списков, читаются «Повесть о иконе Николы Заразского», Родословие служителей Николы, из поколения в поколение вплоть до XVII века отправлявших церковные службы в заразской церкви Николы, знаменитая «Повесть о разорении Рязани Батыем» — одно из лучших произведений древнерусской литературы, завершающееся Похвалой роду рязанских князей, и «Коломенское чудо» — рассказ о чуде от иконы Николы, произошедшем значительно позднее — в 1522—1531 годы.

В основе первой повести лежит распространенный сюжет о чудесном переходе христианской святыни из одной страны в другую в результате угрозы завоевания или Божественного покровительства новому местопребыванию именно этой святыни. Древнейший обзор такого рода сюжетов о переносе святыни принадлежит автору одной из переработок рязанского свода в первой половине XVII века. Называется этот обзор: «О таковых же преславных чудесах и знамении и прехождении от места на место, от страны во страну и от града во град в Божественном писании в различных повестях много о святых иконах повествуют <...>» Давая затем едва ли не самый полный список всех повестей на тот же сюжет — перенесения святынь с места на место,— автор этой статьи рассматривает повесть как пример традиционного жизненного положения: так, по его мнению, всегда бывает перед «казнию Божиею».

В повести о перенесении иконы Николы из Корсуни в Рязанскую землю больше жизненной, исторической правды, чем может показаться с первого взгляда. В форму «чуда» в ней облечено жизненно реальное, историческое содержание. И далеко не случайными оказываются в ней многие детали.

Почему же, в самом деле, так настойчиво «гнал» Никола своего служителя со своею иконою из Корсуни, почему выбрал для своего нового местопребывания именно Рязань? Гнал служителя, конечно, не Никола,— гнали половцы, пришедшие в движение после Калкского поражения, вспугнутые монголо-татарами, наполнившими причерноморские степи и отрезавшими Корсунь от Руси. Никола

«запрещает» своему служителю идти через опасные половецкие степи и указывает ему путь вокруг Европы через Рижский залив, Кесь и Новгород на Рязань. Рязанское княжество не случайно также было выбрано для нового места пребывания иконы Николы. Русское население на берегах Черного моря издавна было связано с Черниговским и Рязанским княжествами. Тесные связи Рязани с Причерноморьем определялись вхождением Чернигова и Муромо-Рязанской земли в единое владение Святослава Ярославича. Правнук Святослава Ярославича новгород-северский князь Игорь Святославич в своем знаменитом неудачном походе на половцев ставил себе целью достигнуть далекой Тмутаракани на Таманском полуострове. Русское население было довольно обильным и в Тмутаракани и в Корсуни еще в XIII веке. Впрочем, в первой половине XIII века эти древние связи настолько ослабели, что служитель иконы, отказываясь выполнять требование Николы идти в Рязанскую землю, мог сослаться на свое незнание этой земли.

Вторая повесть рязанского свода — о разорении Рязани Батыем — и наиболее значительна по размерам, и наиболее ценна в литературном отношении. Это типичная воинская повесть — одно из лучших произведений древней русской литературы. В ней нет открытого вымысла, но есть уже художественное обобщение, приведшее к некоторому искажению исторических событий — искажению, которое было вызвано тем, что в народной памяти ко времени написания повести сложились уже свои представления о гибели независимости Руси.

Когда, явившись на пограничную со степью реку Зоронеж, Батый прислал к рязанским князьям «послов бездельных» с требованием уплатить «во всем десятину», рязанский князь Юрий Ингоревич созывает на совещание князей Рязанской земли. В этом совещании по повести принимают участие живые и мертвые... Многих из созываемых Юрием князей к 1237 году уже не было в живых: Давыд Муромский умер в 1228 году, Всеволод Пронский — отец кир Михаила Пронского, упоминаемого в дальнейшем,— умер еще раньше, в 1208 году. Сзывает Юрий и Олега Красного, и Глеба Коломенского (последний, впрочем, упоминается не во всех списках и по летописи не известен). Родственные отношения всех этих князей эпически сближены, все они сделаны братьями. В последовавшей затем битве все эти князья гибнут, хотя об Олеге Красном (на самом деле не брате, а племяннике Юрия) известно, что он пробыл в плену у Батыя до 1252 года и умер в 1258 году. Это соединение всех рязанских князей — живых и мертвых — в единое братское войско, затем гибнущее в битве с Батыем, вызывает в памяти эпические предания о гибели богатырей на Калке, записанные в поздних летописях XV—XVI веков. Там также были соединены «храбры» разных времен и разных князей (Добрыня — современник Владимира I и Александр Попович — современник Липицкой битвы 1212 г.). И здесь и там перед нами, следовательно, результат общего им обоим эпического осмысления Батыева погрома как общей круговой чаши для всех русских «храбров». Образ общей смертной чаши много раз как рефрен настойчиво повторяется в повести. О смертной чаше, испить которую пришел перед битвой черед князьям и дружине,

говорят перед боем князья; он развивается в образ боя-пира; им подчеркивается равенство всех: «...И не оста во граде ни един живых,— говорится о Рязани,— вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Нѣсть бо ту ни стонюща, ни плачуща: и ни отцу и матери о чадех, или чадом о отци и матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертви лежаща».

Круговая общая чаша смерти для тех, кто не признавал равенства в политической жизни, кто стремился к обособлению и междоусобной вражде,— такова доля русских князей. Согласно воззрениям Древней Руси за «неустроение сущих властей» страдает весь народ: «...Отья Господь у нас силу, а недоумение, и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехы наша»— такова основная мысль исторической литературы XIII века.

Чинное, неторопливое и, одновременно, лаконичное изложение событий в «Повести о разорении Рязани Батыем» исполнено сознанием значительности всего совершающегося. Детали интересуют автора только в тех случаях, когда они о чем-то свидетельствуют. Во всем остальном динамичность повествования лишена суетного внимания к мелочам. Монументальность повести производит тем большее впечатление, что сама повесть относительно невелика. Все рассказываемое в ней «объемно», события крупны и значительны, но рассказ скуп и краток.

Создавалась повесть как свод и сама входила в еще больший по размерам свод рязанских повестей, где заняла центральное место.

В своем наикратчайшем виде повесть читается как своего рода выдержка из рязанского летописания Ингваря Ингоревича, попавшая в Новгородскую первую летопись XIII века. Мы уже об этом говорили выше. Затем она стала обрастать легендами по мере того, как детали событий утрачивались в памяти. Уже в XIV веке повесть была дополнена словами плача Ингваря Ингоревича, а в XV веке в повесть была включена замечательная историческая песнь о Евпатии Коловрате. Сама повесть дошла до нас во многих списках, из которых древнейший — не ранее XVI века. Но движение повести можно проследить по отражениям ее в различных московских исторических повестях — о нашествии Тохтамыша, в «Слове» о Дмитрии Ивановиче Донском, в «Задонщине» и в «Сказании о Мамаевом побоище».

Однако публицистическая нота в «Повести о разорении Рязани Батыем» выражена значительно слабее, чем, скажем, в «Слове о полку Игореве». Автор «Слова» имел возможность обращаться к живым князьям — своим современникам, он звал их к единению перед угрозой грядущей опасности утраты независимости Руси. Автор же «Повести о разорении Рязани» стоял уже перед лицом совершившегося. Он обращался к мертвым князьям, уже испившим общую смертную чашу и тем как бы искупившим своею кровью, пролитой за Русскую землю, преступления усобиц. И это различие особенно отчетливо выступает в Похвале роду рязанских князей.

С точки зрения литературной отделки, тонкости литературного рисунка — Похвала эта своего рода образцовое произведение, «шедевр», какой средневековые ремесленники обязаны были выполнить перед вступлением в цех для доказательства своего мастерства. Ее сжатость, отточенность формулировок, ритм синтаксических оборотов, напоминающий повторяемость орнаментальных мотивов, позволяют сравнивать ее с произведениями столь развитого на Рязани ювелирного искусства. Стилистическая выделка этой краткой Похвалы доведена до медальонной чеканности. Только при внимательном наблюдении можно заметить некоторые швы и спайки, допущенные в этом поразительном по законченности групповом портрете рязанских князей: «плоти угодие не творяще», но и «на пированье тщивы», «взором грозны», но и «сердцем легкы».

И вместе с тем, несмотря на всю идеализированность и обобщенность этого группового портрета, мы узнаем в нем все же именно рязанских князей. «К бояром ласковы», «до осподарьских потех охочи», «на пированье тщивы»: так писать нельзя было, скажем, о князьях владимирских, упорно и сурово боровшихся со своим боярством. Напротив, беспокойные, своевольные и «резвые» на походы, потехи и пиры (и скорые на кровопролитие — именно на этих пирах),— рязанские князья как нельзя более подходили к этим чертам их характеристики. Не случайно автор похвалы фантастически и неправильно возводит их происхождение к Святославу Ольговичу Черниговскому. «Хороброе Ольгово гнездо» черниговских князей имело много общих черт с гнездом князей рязанских.

Этот идеализированный портрет рязанских князей мог создаться только в такую эпоху, когда ушла в прошлое и была смыта кровью, пролитой за родину, память о многих преступлениях одной из самых беспокойных, воинственных и непокорных ветвей рода Владимира Святославича Киевского.

Вот почему, прочтя эту похвалу роду рязанских князей, мы тут только начинаем понимать всю святость для ее автора земли-родины, которая, впитав в себя пролитую за нее кровь храбрых, хотя и безрассудных, рязанских князей, так начисто смогла их освободить от всех возможных укоров за ужасы феодальных раздоров. Мы живо чувствуем в этой похвале роду рязанских князей тоску ее автора по былой независимости родины, по ее былой славе и могуществу. Эта похвала роду рязанских князей обращена не к Олегу Владимировичу, «сроднику» знаменитого Олега «Гориславича» и братоубийцы Святополка Окаянного, и не к какому-либо другому из рязанских князей — она обращена к рязанским князьям как к представителям родины. Именно о ней — о родине — думает автор, о ее чести и могуществе, когда говорит о рязанских князьях, что они были «к приеждим привѣтливы», «к посолником величавы», «ратным <врагам.— *Д. Л.*> во бранех страшениа ивляшесе, многие враги, востающи на них, побежаша, и во всех странах славна имя имяша». В этих и во многих других местах похвалы рязанские князья рассматриваются как представители Русской земли, и именно ее чести, славе, силе и независимости и воздает похвалу автор. С этой точки зрения, похвала

эта близко связана — и общим настроением скорби о былой независимости родины, и общей формой ритмически организованной похвалы — с другим замечательным произведением того же времени — со «Словом о погибели Русской земли».

«Слово о погибели...» прославляет и оплакивает Русскую землю, какой она была до поражения русских. Это плач и слава одновременно, но в отличие от Похвалы роду рязанских князей оно посвящено не только русским князьям, но и всей Русской земле — ее былой красоте и богатству.

В науке существуют две точки зрения на этот поэтический памятник: согласно одной «Слово о погибели» — своеобразное введение к «Житию Александра Невского», согласно другой — это самостоятельное произведение, но, по-видимому, правы обе стороны. Мы видели, что произведения часто строились как своды других, предшествовавших произведений. «Слово о погибели» в обоих сохранившихся списках предшествует одной из редакций «Жития Александра Невского», следовательно, оно фактически служило предисловием, но было ли оно с самого начала написано как предисловие — это сомнительно. Скорее всего,оно, как и Похвала роду рязанских князей, было включено в состав того свода произведений, которыми стало обрастать «Житие Александра Невского».

Постоянные вставки в предшествующие произведения, соединение различных повестей в единый свод показывает, что историзм русской литературы этого времени вынуждал к открытой форме. Интерес к истории был так силен, что превозмогал потребность в законченности и цельности повествования. Произведение на историческую тему получало продолжение, росло вместе с развитием самой истории, как бы следовало за событиями по пятам. Как и летописи, исторические повести все время устремлялись к настоящему — настоящему, постоянно отодвигавшемуся и поэтому вынуждавшему переписчиков и разного рода других книжников дополнять своих предшественников собственными продолжениями. Даже самые даты, которые имеются в «Повести о разорении Рязани Батыем» и в предшествующей ей «Повести о перенесении иконы Николы в Рязанские пределы», показывают тяготение литературы XIII века к летописной форме. Летопись стала ведущим жанром. Летопись не только сохраняла память о прошлом, но служила осознанию настоящего. Историческое повествование становилось общенародным делом, способствуя динамизации стиля монументального историзма, который был так характерен для древней русской литературы особенно в первые века ее существования.

Киевское и владимирское летописание прекратилось, ибо в развалинах лежали и самые города, зато два центра летописания развивались особенно усиленно — это Новгород и Ростов. Первый взял на себя главные трудности в защите северо-западных границ, второй в XIII веке возглавлял внутреннее сопротивление чужеземным захватчикам и стал центром первого против них восстания 1262 года.

Замечательная повесть о взятии Владимира войсками Батыя, читающаяся сейчас в Лаврентьевской летописи, была составлена, по предположениям А. Н. Насонова, именно в Ростове, хотя главным героем ее сделан владимирский князь Юрий Всеволодович.

Повесть не первоначальна, она составлена по различным источникам — один из которых ростовский, а другой, может быть, принадлежит перу спасшегося от гибели владимирца. Вот почему рассказ о взятии Владимира войсками Батыя читается с многочисленными дублировками: дважды гибнет князь, дважды умирает епископ. Но картина мужественной обороны и жестокого истребления населения дана в этом рассказе с потрясающей силой.

Ростовское летописание было явно связано с ростовской княгиней Марьей — вдовой погибшего в борьбе с татарами ростовского князя Василька Константиновича и дочерью замученного в 1246 году в Орде черниговского князя Михаила Всеволодовича. Вот почему ростовское летописание Марьи не носит только личный характер, связанный с ее семейными интересами, но поднимает большие общественные вопросы своего времени и приветствует восстание против монголо-татар: «Избави Богъ от лютаго томленья бесурьменьскаго люди Ростовьския земля: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ, изволиша вечь, и выгнаша из городовъ, из Ростова, из Володимеря, ис Суждаля, изъ Ярославля».

Движение против монголо-татар, поднятое и руководимое из Ростова, было подлинно народным, Однако нельзя не видеть, что борьба за независимость находила себе сочувствие и в княжеской среде.

Ростовский свод, составленный после того, как начались восстания, весь проникнут идеей необходимости крепко стоять за веру и независимость родины. Именно эта идея определила собой и содержание, и форму летописи. Летопись Марьи соединяет в своем составе ряд рассказов о мученической кончине русских князей, отказавшихся от всяких компромиссов со своими завоевателями. Рассказы эти резко выделяются и своим объемом, и своим стилем в ростовском летописании Марьи. Враги много «нудили» Василька Константиновича стать на их сторону, «быти въ их воле и воевати с ними», но Василько не покорился их «безаконью», остался верен родине и был убит. Так же точно остался верен родине великий князь Юрий. Монголо-татары присылали к нему послов, предлагая мир, но Юрий предпочел славную брань постыдному миру. Не поклонился огню и болванам (идолам) в ханской ставке и князь Михаил Черниговский, убитый в Орде в 1246 году. Мученически умер и рязанский князь Роман. Враги заткнули ему рот, резали по суставам; с уже мертвого князя враги содрали кожу на голове, а голову отрубили и воткнули на копье. Роман — «новый мученик», описание его кончины сопровождается горячим обращением к русским князьям следовать его примеру: «О възлюблении князи русскии, не прелщаитеся пустошною и прелестною славою свѣта сего, еже хужьши паучины <слабее паутины. — *Д. Л.*> есть и яко стѣнь <тень.— *Д. Л.*> мимо идеть; не принесосте бо на свѣтъ сей ничто же, ниже отнести можете» и т. д. Князь Роман

ставится в пример русским князьям: мученичеством он приобрел себе царство небесное вместе со «сродникомъ своимъ Михаилом <Черниговским>». Литературный образец всех этих некрологов князей-мучеников отыскивается отчасти в «Житии Бориса и Глеба». Культ этих святых братьев-мучеников широко поддерживался княгиней Марьей, назвавшей даже в честь их своих сыновей Борисом и Глебом. «Житие Бориса и Глеба» оказало влияние и на составленное при ней житие ее отца — Михаила Черниговского. Все позднейшие рассказы о князьях, замученных монголо-татарами, в той или иной степени подвергались воздействию «Жития Михаила Черниговского» и других житийно-некрологических статей летописного свода Марьи. Но вместо князя-преступника — Святополка Окаянного — в них выступают в роли мучителей чужеземные враги, и мученичество князей становится мученичеством за независимость родины.

Идея свода княгини Марьи не была идеей чисто политической. Свод был лишен ясной исторической концепции. Он ставил себе по преимуществу нравоучительную цель. Борьба с чужеземным игом воспринималась прежде всего как нравственно-религиозная. Вот почему свод княгини Марьи так легко превращался в собрание некрологов, выдвигая идеалы княжеской жизни в мученичестве за веру. Но и такая задача в условиях, когда все было полно ужасом перед чужеземными захватчиками, когда, по словам летописца, и хлеб не шел в рот от страха, имела большое значение, воспитывая стойкость и непримиримость, вселяя уверенность, что внешней силе завоевателя можно противопоставить силу духа.

Мученичество и смерть мирили народ с теми из князей, которые сопротивлялись завоевателям. Вот почему и владимирский князь Юрий (Георгий. «Юрий» — сокращение имени «Георгий» через ряд промежуточных форм — «Гюргий», «Гюрий») Всеволодович, погибший в битве с монголо-татарами, который далеко не был идеальным князем, подвергся идеализации в народной легенде о невидимом граде Китеже. Об отказе Юрия (Георгия) Всеволодовича прийти на помощь рязанским князьям зло говорит «Повесть о разорении Рязани Батыем»: «Князь великий Георгий Всеволодович Владимерьской сам не пошел и на помощь не послал, хотя о собе сам сотворити брань з Батыем». Кроме того, Юрий известен длительной борьбой за наследие его отца Всеволода Большое Гнездо со своими братьями — Константином и Ярославом. Замечательный исследователь русского летописания А. Н. Насонов пишет о переработанном тексте «Повести о взятии Батыем Владимира» в Лаврентьевской летописи: «Переработка делалась с целью показать читателю братское единение князей, дать образцы княжеского согласия и взаимной любви. В редакции Лаврентьевской летописи вражда, длившаяся с 1211 по 1216 г., почти полностью замалчивалась» (*Насонов А. Н.* История русского летописания. XI — начало XVIII века. М., 1969, с. 193.). При этом всячески идеализировался Юрий. Так, например, Юрий и Ярослав, приехав во Владимир по смерти Константина, будто бы плакали по нем «плачем вельим, акы по отци и по брате любимем, понеже вси имеяхуть и́ <его.— *Д. Л.*> въ отца место». Имелась в Лаврентьевской летописи и подробная характеристика-некролог Юрию под 1239 годом.

Идеализация князей, павших в борьбе с врагами Русской земли, не была единичной особенностью Лаврентьевской летописи. Мы видели такую же идеализацию в «Повести о разорении Рязани Батыем» и в Похвале роду рязанских князей. В известной мере она была даже общенародной. И это легко показать на той же истории с владимирским великим князем Юрием.

Дело в том, что героем древнейшей основы Китежской легенды сделан именно Юрий. Его гибель в неравном бою послужила основой в разное время возникавших и переделывавшихся и так или иначе отражавшихся в письменности рассказов о том, что есть такие места, куда не проникли враги и куда может попасть только чистый сердцем человек, внутренне не причастный злу и не вступивший в союз с врагами. Сделать главным героем такой легенды Юрия могла только всеобщая вера в то, что Юрий не запятнал себя ни в чем своим прежним поведением.

В том, что народные легенды о Юрии возникали очень рано и что какие-то первоначальные версии Китежской легенды существовали уже в XIII веке, убеждает один сравнительно короткий текст Новгородской первой летописи, древнейшая рукопись которой относится к XIII веку. Согласно этой летописи, Юрий бежал в сторону Ярославля и о смерти его существуют разные рассказы: «...Бог же весть како скончася: много бо глаголють о немь инии». Не приходится сомневаться, что из этих народных рассказов и выросла знаменитая Китежская легенда, согласно которой, потерпев поражение в битве на Сити, Юрий с остатками своего войска очутился в невидимом граде Китеже. Моральное значение этой легенды верно почувствовал в конце XIX века Н. А. Римский-Корсаков, сделав ее сюжетной основой своей оперы «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии». Жизнь Февронии относится к совсем иной эпохе, но и в ней есть та моральная основа, которая позволила Н. А. Римскому-Корсакову и либреттисту оперы В. И. Бельскому соединить обе легенды в один музыкальный рассказ: вышедшая из крестьянской среды муромская княгиня Феврония не уступает преследованиям спесивых боярских жен и уходит из Мурома, уводя с собой своего князя и оставив в Муроме все земные блага.

Представление о существовании невидимого, избегнувшего завоевания, безгрешного града или даже целой страны, существовало во все века народного угнетения и способствовало впоследствии переработкам этих представлений в легендах о счастливом Беловодском царстве (*Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967, с. 239—290).

*

По какому пути могло бы пойти развитие русской литературы в XIII веке, если бы Русь не была захвачена монголо-татарами, отчасти показывает Ипатьевская летопись,— вернее, лежащие в ее основе галицко-волынские произведения XIII века.

Монголо-татарское нашествие мало отразилось на положении юго-западной Руси. Она сохранила некоторую самостоятельность, свободу общения с Византией и западными странами. Литературное развитие продолжалось в Галицко-Волынской Руси по предустановленному пути. Путь этот вел к развитию личностного начала в литературе и к появлению обширного связного исторического повествования. То и другое нашло свое выражение в создании жизнеописаний галицких и волынских князей,— жизнеописаний пышных, подробных и в той или иной мере светских.

Список Ипатьевской летописи относится к середине XV века. Он был переписан, как предполагал А. Н. Насонов, с летописи, составленной в Турово-Пинском княжестве на основе, с одной стороны, Киевского летописного свода, доведенного до 1200 года, а с другой — своеобразных жизнеописаний галицких и волынских князей.

Первая часть Галицко-Волынского раздела Ипатьевской летописи после 1200 года, на котором кончалась Киевская летопись Рюрика Ростиславича, может быть с полным правом названа «Жизнеописанием Даниила Галицкого». Жизнеописание это носит своеобразную, не привычную для предшествующего периода форму связного биографического повествования. Замечательно, что в нем, как отметил еще Н. М. Карамзин, не было обязательной для большинства летописей хронологической канвы, дат описываемых событий. Указания «в лето 6712» или «в лето 6713» и т. д. были вставлены значительно позднее, по-видимому, самим книжником, писавшим Ипатьевский список, так как в другом списке той же Турово-Пинской летописи — Хлебниковском — даты эти отсутствуют. Сами даты, вставляемые позднейшим летописцем, не заслуживают доверия. Первая же дата Галицко-Волынских известий представляет собой неверный домысел позднейшего летописца. В самом деле, Галицко-Волынское летописание, первую часть которого составляло «Жизнеописание князя Даниила Галицкого», было механически присоединено к Киевскому своду 1200 года. Последнею датою Киевского свода был 1200 год, поэтому в качестве первой даты для следующего за Киевским сводом изложения составитель Ипатьевского списка взял 1201 год, обозначив им смерть Романа Галицкого. Между тем польские источники называют иную, и при этом совершенно точную дату смерти Романа — 19 июня 1205 года. Как можно думать на основании внимательного анализа текста, первоначальная последовательность рассказа устанавливалась исключительно связующими фразами вроде следующих: «времени же минувши», «по тех же летех» и т. д. Жизнеописатель то забегал в своем рассказе вперед, то упоминал о событиях более ранних, не разбивая свое повествование никакими хронологическими рамками.

Автор называет свое произведение «хронографом», и действительно литературная манера автора теснее всего примыкает к типу византийских хронографов, связно описывавших историю царствований византийских императоров.

«Жизнеописание Даниила Романовича Галицкого», как литературное произведение, целиком посвящено прославлению его и его деда. Отец

Даниила — Роман — был храбрым воином. Его выразительная характеристика помещена в начале жизнеописания Даниила. Сам Даниил был «дерзъ и храборъ, от главы и до ногу его не бѣ на немь порока». Даниил, «спешаше и тосняшеся на войну», стремился углубиться в землю врага и обогатиться полоном и добычей. Его деяния сравниваются с деяниями Святослава Храброго и Владимира Святого. Даниил был первым русским князем, повоевавшим «землю Чешскую»; никто, кроме Владимира Святого, не входил «толь глубоко» в Польскую землю. Он «измлада» не давал себе покоя в борьбе с внешними врагами Руси. Его войско одним своим видом вызывало удивление иноземцев. Стоит в этом отношении обратить внимание на парад русских войск, описание которого попало в Ипатьевский список под 1251 годом. Здесь описывается сбруя лошадей, светлые латы и оружие воинов, а главное — удивительный наряд самого Даниила: сапоги зеленой кожи и золотые плоские кружева, которыми был обшит его кожух из греческой кожи.

Автор жизнеописания подробно следит за деятельностью своего князя, дает развернутые картины его городского строительства, всюду подчеркивая любовь к нему населения. Жители Галича устремляются к нему, как дети к отцу, как пчелы к матке, как жаждущие воды к источнику. Подробно приводит автор жизнеописания речи Даниила, полные высокого рыцарского представления о чести воина и чести родины, многие из которых представляют собой образцы высокого ораторского искусства. Автор следит за ратными подвигами Даниила, описывает его участие в боевых схватках. Не раз обнажает меч Даниил, не раз ломает свое копье (т. е. лично начинает битву), не раз оказывается на волосок от смерти. В сражении на Калке Даниил в пылу битвы «не чуял» на себе ран, и только вода, которую он выпил, заставила его почувствовать их боль. Другой раз конь вынес его из смертельной опасности, конец вражеского меча успел отхватить кусок шерсти на «стегне» у коня.

Как в личном летописце (автобиографии) Владимира Мономаха, жизнеописатель Даниила рассказывает не только о его ратных трудах, но ведет счет и его «трудам» на «ловех» (охотах). Автор скорбит об унижении Даниила в ханской ставке, радуется его успехам, отмечает его болезни и т. д. В тоне резкого раздражения говорит автор о врагах Даниила — боярах. Одного из них, Жирослава, он называет «льстивым», он «лукавый льстѣць», его язык «лъжею питашеся». Устами Даниила автор проклинает Жирослава в самых патетических выражениях: «Проклят ты буди, стоня и трясыся на земли… да не будеть ему пристанъка во всихъ земляхъ, и рускихъ и во угорьскыхъ <венгерских.— *Д. Л.*>, и ни в ких же странахъ, да ходить шатаяся во странахъ, желание брашна <еды> да будеть ему, вина же и олу поскуду да будеть ему, и да будеть дворъ его пустъ и в селѣ его не будеть живущаго <…>» Автор сатирически изображает бояр. У льстивого боярина Семьюнка лицо было красное, как у лисицы. Боярин Доброслав, когда ехал на коне, то в гордости не смотрел на землю. Малодушные изменники бояре, которые вынуждены были сдать Галич Даниилу, выходят к нему со слезами на глазах, с осклабленными лицами, облизывая губы. Автор описывает, как подлые заговорщики, «сидя в думе» и совещаясь, как бы убить Даниила, были испуганы его братом Васильком. Молодой Василек вышел к ним и

обнажил на одного из слуг «мѣчь свой играя», а у другого, играя же, вырвал щит. Заговорщики, решив, что они открыты, бежали, подобно Святополку Окаянному. Автор описывает, как бояре оскорбляли Даниила, как один из них на пиру выплеснул чашу вина ему в лицо и т. д.

Таким образом, автор жиэнеописания Даниила ставил себе задачи не только прославления Даниила, но и пропаганды сильной княжеской власти и необходимости борьбы с боярством.

В отличие от стиля Владимиро-Суздальского летописания стиль жизнеописания Даниила в основном светский, в нем мало церковного. Автор жизнеописания — начитанный дружинник, скорее всего — это печатник князя Кирилл, ставший затем митрополитом, или кто-то из его окружения. Он пользуется песнями об отце Даниила — Романе, упоминает «песнь славну», которую пели Даниилу и Васильку при возвращении из похода на ятвягов. Отзвуки какой-то половецкой песни на тему о любви к родине содержит самое начало жизнеописания. Поэтической темой этой песни пленялись впоследствии не раз русские поэты: это песнь о степной траве «евшан» (полыни), запах которой заставил хана Отрока вернуться на родину. К фольклору, а также, отчасти, к византийской хронографии восходит в жизнеописании широкое пользование эпитетами: «борзый конь», «острый меч», «светлое оружие» и мн. др.

Установленное академиком А. С. Орловым (*Орлов А. С.* К вопросу об Ипатъевской летописи.— «Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР», т. XXXI, 1926, с. 93 и сл.) влияние компилятивного хронографа на Галицкую летопись имеет важное принципиальное значение. Княжеская власть стремилась найти опору своему возрастающему значению в византийской культуре. В Галицкой Руси это византийское влияние облегчалось при Данииле еще и тем, что Галиция имела общие с Византией границы по Дунаю и издавна находилась с нею в союзных отношениях. Сильные князья стремятся подражать византийским императорам и вводят у себя придворную хронографию, отчасти сходную с византийской. В Византии был распространен обычай, по которому император назначал при жизни историографа, в обязанность которого входило составлять жизнеописание своего монарха. Император сам следил за работой такого историографа. Этот последний свободно пользовался его архивами, записывал многое с его слов и заканчивал свою работу уже после смерти императора. Но жизнеописание Даниила прервалось до его смерти в 1264 году — где-то около 1255—1256 годов. Поводом к составлению жизнеописания Даниила могло быть получение им в 1255 году от римского папы титула короля. Настойчивость, с какою восхваляется могущество Романа и Даниила, должны были утвердить закон-ность титула «короля», даже в глазах тех, кто не признавал права папы даровать титул «короля» русским князьям.

Можно предполагать, что подобные же жизнеописакия были составлены в Галицко-Волынской Руси для Владимира Васильковича, Мстислава Даниловича и Льва Даниловича. Все они читаются в

Ипатьевской летописи и показывают, как утвердилась в юго-западной Руси новая манера исторического повествования. Особенно интересно жизнеописание Владимира Васильковича с подробным и красочным рассказом о его смерти и предсмертной политике его, завещание и заключительная похвала, в которой автор использовал слово митрополита Илариона «О Законе и Благодати», стремясь словами Илариона восхвалить его просветительскую деятельность среди вновь крещеных народов.

Галицко-Волынская летопись поразительна по энергии повествования. Меньше одной страницы посвящено в ней описанию взятия Киева ордами Батыя, но что за слова отобраны, какая монументальная картина разворачивается перед нами! Кратко изложенное описание все-таки дает яркое представление о грандиозности и трагичности происшедшего. Слова летописи приобретают былинный строй:

«Приде Батый Кыеву в силѣ тяжьцѣ, многомь множьствомь силы своей, и окружи град и остолпи сила татарьская, и бысть град во обьдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города и отроци обсѣдяху град, и не бѣ слышати от гласа скрипания телѣгъ его, множества ревения вельблудъ его, и рьжания от гласа стадъ конь его. И бѣ исполнена земля руская ратныхъ <...>»

Не менее поразителен плач летописца и всех окружающих по поводу унижения Даниила в ставке Батыя (под 1250 г.). Само это унижение описано почти как драматическая сцена с диалогом между князем и ханом, с указанием жестов и движений: «...и поклонися по обычаю ихъ, и вниде во вежю его...» Описав, как Даниил выпил «черное молоко» — «кумуз» (кумыс), летописец замечает, что на приеме у ханши Даниил пил уже присланное ему Батыем вино, и пишет: «О, злѣе зла честь татарьская!» И далее оплакивает унижение своего князя.

Светское «Жизнеописание Даниила Галицкого» послужило образцом для церковного «Жития Александра Невского». И именно это облегчило автору «Жития Александра Невского» задачу создания нового типа церковного жития святого-полководца. «Житие...» было, по-видимому, составлено в том же кругу книжников, ибо «печатник» Даниила — Кирилл — стал митрополитом Кириллом, переехавшим на северо-восток и помогавшим Александру. Он сам, этот Кирилл, или кто-то из его окружения составил оба жизнеописания — и Даниила, и Александра. В этом убеждает множество стилизованных и лексических совпадений (См. подробнее: *Лихачев Д. С.* Галицкая литературная традиция в «Житии Александра Невского».— Труды Отдела древнерусской литературы, т. V. М.— Л., 1947, с. 36—56.). Среди других образцов для «Жития Александра» были «Александрия», «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, «Повесть о Троянском пленении», «Летописец вкратце» патриарха Никифора, «Девгениево деяние» и мн. др. Александр Невский сравнивается в житии с Александром Македонским, Ахиллесом, Девгением Акритом, императором Веспасианом, Иосифом Прекрасным, Самсоном, Давидом, Моисеем, Иисусом Навином. Его деяния и он сам вставлены в величественную раму мировой истории. Сам Александр Невский как бы сознает свою

мировую роль и, отвечая папе римскому на предложение принять его учение, отвечает: «Отъ Адама до потопа, от патопа до разделения языкъ, от разьмѣшениа языкъ до начяла Авраамля, от Авраама до проитиа Иисраиля сквозе море, от исхода сыновъ Исраилевъ до умертвия Давыда царя, от начала царства Соломоня до Августа и до Христова рожества, от рожества Христова до страсти и воскресения, от въскресения же его и на небеса възшествиа и до царства Константинова, от начала царства Константинова до перваго збора и седмаго — си вся добрѣ съвѣдаемь, а от вас учения не приемлем».

Как и в «Повести о разорении Рязани Батыем», в «Житии Александра Невского» рассказывается о героизме простых ратников — о шести «храбрых и сильных мужах», которые совершали подвиги в битве на Неве.

Заканчивается «Житие...» описанием народного горя при известии о смерти Александра. Люди рыдали так, что и «земли потрястися». Александр сравнивается с зашедшим солнцем.

Перед нами яркая вспышка того исторического и «космического» монументализма, который был так характерен для домонгольской литературы.

*

Заключая свой рассказ о нашествии Батыя, новгородский летописец замечает: «Усобная же рать бываеть от сважения дьяволя». Это не случайно. В период монголо-татарского ига особое значение приобрели церковные проповеди с моральными наставлениями пастве или отдельным лицам — по преимуществу князьям. Вражеские нашествия и стихийные бедствия (землетрясения, неурожаи, наводнения и т. д.) всегда считались Божьим наказанием за моральные грехи людей. Одним из популярнейших произведений было «Слово о казнях Божиих» Феодосия Печерского, часто цитировавшееся в летописях XII — начала XIII века. Однако после установления монголо-татарского ига были еще и особые обстоятельства, которые придали этим церковным наставлениям особое значение. Бесправие населения и произвол чужеземных властителей вели к мрачному моральному падению многих князей: князья добывали себе благоволение угодливостью, уступчивостью чужеземной власти, доносами друг на друга. И все это стало жесточайшим бедствием в общественной жизни. Авторитет княжеской власти среди народа никогда еще не падал так низко. Церковь стремилась обуздать пороки паствы и отдельных князей, чтобы укрепить власть последних, а литература брала на себя заботы по возрождению павшего, было, общественного сознания. Стремление к моральному возрождению и сплочению охватило всю Русь.

Проповеди владимирского епископа Серапиона — живое свидетельство единства русской литературы на всем пространстве русской земли от Киева на юге, Галицко-Волынской Руси на юго-западе и Владимиро-Суздальской Руси на северо-востоке. А вместе с тем его проповеди

свидетельствуют об общем всей русской литературе отношении к страшным событиям иноземного нашествия и ига.

Серапион был до 1274 года архимандритом Киево-Печерского монастыря — монастыря, сыгравшего значительную роль в укреплении общерусского самосознания, самый патерик которого был составлен на основе переписки из двух крайних концов Русской земли — Поликарпа, жившего в самом Киево-Печерском монастыре, и Симона, жившего во Владимире. Серапиона взял с собой из Киева во Владимир митрополит Кирилл — бывший «печатник» галицкого князя Даниила. Самим Кириллом непосредственно или кем-то из его окружения, сопровождавшего его в переезде на север, как мы уже говорили, было составлено «Жизнеописание Даниила Галицкого», включенное впоследствии в состав Ипатьевской летописи, и написано «Житие Александра Невского» — одно из самых популярных произведений древнерусской литературы на всем протяжении ее существования. Кириллу принадлежит «Правило Кирилла, митрополита русского», представляющее собой литературное объединение постановлений церковного собора, происходившего во Владимире в 1274 году. Можно установить непосредственную близость по содержанию, по форме и языку между этим произведением и пятью сохранившимися проповедями Серапиона. Больше того, мы можем заметить живую связь между всеми произведениями русской литературы XIII века как в оценке событий и их причин, так и в правилах того, как следует держаться в новых условиях «томления и муки» чужеземной тирании.

Первое из поучений Серапиона написано им около 1230 года, то есть до катастрофы Руси, связанной с Батыевым нашествием. Оно, как и все другие произведения первой трети XIII века, полно предчувствий надвигающегося. Этим подтверждается тот неоспоримый для нас факт, что внешнее поражение Руси воспринималось как следствие ее внутреннего неблагополучия. И характерно, что самое мрачное из его поучений именно это первое, написанное им еще до того, как он увидел и испытал на себе все последствия длительного ига. Четыре других поучения с удивительной образностью и художественной энергией и лаконизмом говорят об иге и нашествии: гнев Божий застиг людей «акы дождь съ небеси», пролитая кровь «аки вода многа землю напои», но тем не менее он уверен, что, сохранив моральную чистоту и стойкость, не идя ни на какие сделки с совестью, «гнѣвъ Божий престанеть <…> мы же в радости поживемъ в земли нашей».

Иго чужеземцев — это прямое следствие «вражды» князей между собой и безудержного использования труда простого населения — «несытства именья», «резоимства» (ростовщичества), отсутствия патриотизма и гражданской солидарности.

В отличие от Слов знаменитого проповедника XII века Кирилла Туровского поучения Серапиона Владимирского просты по форме, доступны не только «преизлиха насытевшейся» «сладости книжности» аудитории и читательской среды, которая была у киевского митрополита Илариона XI века, но самым широким слоям читателей и слушателей. Простота проповедей Серапиона не была, однако,

следствием его собственной простоты и необразованности. Он знает сочинения Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого и «инѣхъ святитель святыхъ, ими же вѣра утвержена бысть». Он осведомлен в событиях на Далматинском побережье Адриатики, Польши и Литвы. Он выступает против самых грубых суеверий: против расправы с теми «жонками», которым молва приписывала порчу урожая, засуху, падеж скота, мор. Он выступает против испытания водой, которое особенно упорно было принято в Новгороде и часто вело к гибели многих ни в чем не повинных людей. Он убеждает не подвергать самосуду тех, кого толпа считала виновными в чародействе, не считать, что погребение утонувших людей или самоубийц ведет к неурожаям, и многое другое.

Его проповеди отличаются ясностью мысли, ритмической организацией речи, особой лиричностью. В них чувствуется уже приближение той эпохи, когда эмоциональность широко овладеет литературой и обращение к человеческой психологии станет характернейшим явлением не только литературы, но и изобразительного искусства.

К 1281 году относится и «Послание Иакова-черноризца к ростовскому князю Дмитрию Борисовичу». Необходимо отметить, что духовники (т. е. священники, которые исповедовали мирян и отпускали им грехи) обладали известной долей независимости. Это позволяло им не только обращаться к своим «духовным детям» с поучениями, но и разоблачать дурное поведение самих высокопоставленных лиц, а если они обнаруживали свое непослушание, то и выступать с публичными к ним упреками.

Год, в который было написано послание Иакова, был годом начавшейся борьбы между ростовскими князьями. Князь Андрей испросил себе в Орде ярлык на великое княжение и с разными «коромольники» пошел с татарской ратью на Дмитрия Борисовича. К татарской рати Андрея присоединились Константин Ростовский и другие. Вся земля от Мурома и до Торжка подверглась страшному опустошению: «...множьство безчислено христианъ полониша, по селомъ скотъ и кони и жита пограбиша, высѣкающе двери у хоромовъ; и бяше великъ страхъ и трепетъ на христианскомъ родѣ» (Симеоновская летопись).

Черноризец Иаков уговаривает Дмитрия Борисовича проявлять любовь к ближнему, причем указывает, что сейчас «род ратен». И действительно, ссора с братьями угрожала перейти в огромное военное столкновение: Дмитрий Борисович стал в Ростове «наряжать полки» и «город весь замяте», но вскоре «замирился».

*

Воздействие литературы на общественную и политическую жизнь всегда трудно учитываемое. Но можно все-таки предполагать, что оно было немалым и в Древней Руси вообще, и особенно в тяжелейшие годы монголо-татарского ига. Осуждения в письменных произведениях страшились, похвал добивались. Значение литературы в исторической

жизни русского народа становилось все выше, а ее отрезвляющий моральный голос звучал все увереннее.

Если можно говорить об идеологической направленности литературного стиля, то теперь эта направленность приобретала все более четкие очертания. Стиль монументального историзма, который раньше заставлял читателей подниматься над суетностью повседневной жизни, видеть жизнь с высот общечеловеческой истории и как бы с птичьего полета, теперь в эпоху нашествия и начавшегося ига направлен прежде всего на моральное оздоровление русского общества.

Литература этого периода как бы слилась с действительностью. Она может быть понята только в органической связи с трагическими событиями монголо-татарского нашествия. Рассказы об ужасах нашествия удесятерялись в силе своего воздействия на читателей именно потому, что в них не было вымысла. Читатели знали: это все было, и не только было, но продолжало существовать в своих последствиях. Погибли родные, погибли отцы и деды, погибли их односельчане и жители их города, продолжала гибнуть вся Русская земля. И читая, каждый думал о своем, близком, родном ему. Историзм русской литературы, запрещавший рассказывать заведомый вымысел, стал в повествованиях о нашествии больше, чем историзмом,— он стал требованием писать только о том, что есть, что еще не ушло целиком в прошлое, что существует в своих последствиях и объясняет настоящее. Повести о монголо-татарском нашествии воспринимались не как рассказы о прошедшем, а как сообщения о только что случившемся. Легенда о невидимом граде Китеже была рассказом о том, что теперь, сейчас, существует где-то заветный град, непокорившийся врагу, в который могут войти те, кто чист сердцем, не примкнул к неправде. «Повесть о разорении Рязани Батыем» была не только простым рассказом о том, как погибла старая Рязань, как она запустела, но и объяснением этого запустения, а вместе с тем и воздаянием должного памяти ее защитников… Именно поэтому она заканчивалась Похвалой роду рязанских князей — как бы светской им «вечной памятью». Писатели «плели» в своих произведениях мученические венки погибшим в сражениях на поле брани и при защите городов, уведенным в полон, убитым в Орде, скрывшимся в невидимом Китеже.

Стиль литературы середины XIII — первой половины XIV века не имел резко выраженных особых черт в своей словесной форме, но все же, если бы потребовалось его особое определение по своему содержанию, то монументализм древней русской литературы этогс времени мог бы быть условно назван монументализмом нравственным.

Литература этого периода решала вопросы, касавшиеся всех и каждого. События были огромны, и моральные проблемы выступали на первый план, при этом в громадных охватах: как вести себя всем князьям, всему войску, всему населению города или сельских местностей. Нравственные проблемы охватывали не только отдельных людей, а всех в целом, в совокупности. И хотя жизнь заставляла прибегать к компромиссам, литература учила только бескомпромиссности, и только

в решительном отказе склонить голову перед врагом видела правый пример для остальных.

Вот почему именно в это время, в XIII и XIV веках получили особенное распространение сочинения по всемирной истории, описания вселенной, животного и растительного царств. Судьба народа — своего собственного и всех народов мира, всей вселенной — интересовала читателей в этот период с особенной остротой.

Нравственный монументализм был содержанием произведений середины XIII — первой половины XIV века, но в известной мере он коснулся и их формы. Экспрессивность сжатого и лаконичного иэложения, столь типичная для многих произведений древнерусской литературы, достигла в это время исключительной силы.

Лучшие произведения этой поры очень невелики по объему, точно их авторам нет времени заниматься многописанием, но они огромны по охватываемому ими пространству. Все они своеобразные реквиемы, за которыми, однако, стоит величайшая жизнеутверждающая сила, вера в жизнь, не страшащаяся смерти, убежденность в бессмертии правды и неизбежности победы над врагами.

Учительный и патриотический характер русской литературы, ее нравственная бескомпромиссность определились в XIII—XIV веках с полной отчетливостью и сохранились в русской литературе до нового времени включительно, став одной из важнейших национальных черт русской литературы в ее целом.

Д. С. Лихачев

ЖИТИЕ АВРААМИЯ СМОЛЕНСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина

ВСТУПЛЕНИЕ

«Житие Авраамия Смоленского», написанное в первой половине XIII в., — одно из наиболее интересных произведений областной литературы Древней Руси. В житии ярко отображается умственная и культурная жизнь Смоленска на рубеже XII и XIII вв., о которой не сказано ни слова в летописях. Биографические сведения об Авраамии Смоленском сохранились только в житии, которое, судя по заключению, написано его учеником по имени Ефрем. На время жизни Авраамия указывают отдельные факты, которые приводятся в житии: в частности, Ефрем пишет, что святой был рукоположен в священники при княжении Мстислава Смоленского (Мстислав Романович), который сидел на смоленском престоле с 1197 г.; далее в житии упоминается придворный храм Михаила-архангела, построенный в 1191—1194 гг.; наконец, один из героев повествования епископ Игнатий упомянут в летописи под

1206 г. (занял Смоленскую кафедру после 1197 г.); его сменил Лазарь, который принимал активное участие в судьбе святого Авраамия.

Авраамий был одним из образованнейших людей своего времени. В житии перечисляются книги, которые особенно любил святой, причем называются сочинения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, жития византийских и русских святых: Антония, Саввы, Златоуста, Феодосия Печерского; возможно, Авраамий читал также некоторые апокрифические произведения («глубинныя книгы»). Авраамий Смоленский не только сам занимался перепиской книг, но пользовался услугами писцов монастырского скриптория в Селище. Герой жития отличался также незаурядным даром проповедника, что вполне соответствует нашим представлениям о высоком уровне развития ораторского искусства в Древней Руси XII—XIII вв. (Кирилл Туровский, Серапион Владимирский). Кроме того, Авраамий занимался иконописью — Ефрем называет две иконы («Страшный судъ втораго пришествиа» и «Испытание въздушныхъ мытарствъ»), принадлежащие его кисти.

Разносторонняя одаренность Авраамия и, в особенности, его ораторский талант снискали ему широкую популярность у жителей Смоленска, что вызвало зависть духовенства. Из-за этого святому пришлось покинуть пригородный монастырь в Селище и переселиться в Крестовоздвиженский монастырь в Смоленске. Но и здесь его продолжали преследовать, и несмотря на возражения светских властей, которые на суде вынуждены были признать невиновность Авраамия, духовенство запретило ему совершать литургию и выслало его из города. Об Авраамии вспомнили лишь в трудную минуту — когда город постигла засуха. После молитвы Авраамия пролился дождь, и он был окончательно оправдан. Епископ Игнатий поставил его игуменом в основанном им монастыре (позднее широко известный Авраамиев монастырь), в котором Авраамий доживал свои дни, пользуясь всеобщим уважением. Такова версия жития.

Житие, написанное учеником Авраамия Ефремом, по предположению исследователей появилось уже после татарского нашествия (1237), поскольку автор призывает Бога уничтожить «измаилтескыя языкы». Ефрем был не менее начитанным книжником, чем его учитель, о чем свидетельствуют разнообразные источники, использованные в житии. В жизнеописании Авраамия приводятся параллели из житий Саввы Освященного, Иоанна Златоуста, Феодосия Печерского. Из «Жития Феодосия Печерского» Нестора Ефрем приводит две выписки, причем одна из них, во вступлении, отличается буквальной точностью; установлено также, что молитва, составляющая первую половину предисловия к житию, является переделкой молитвы из «Жития Бориса и Глеба»; в сочинении Ефрема отразилось также «Житие Авраамия Затворника», которое принадлежит перу Ефрема Сирина. Автор жития приводит пример из древнерусского сборника «Златая цепь» и делает выписку из «Повести некоего духовного отца к духовному сыну». Наряду с «Посланием Климента Смолятича пресвитеру Фоме», замечательными архитектурными памятниками «Житие Авраамия

Смоленского» свидетельствует о высокой культуре и образованности жителей Смоленского княжества в XII—XIII вв.

Текст жития публикуется по изданию С. П. Розанова: «Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему». СПб., 1912, с. 1—24, по списку *ГИМ*, собр. Уварова, № 350, лл. 322—343. Исправления сделаны по спискам: *РНБ*, Софийское собр., № 1492 (лл. 56—93 об.); *ГИМ*, Синодальное собр., № 997 (лл. 1073—1083). В двух случаях, где текст явно испорчен, исправления сделаны по другим спискам в соответствии с указаниями С. П. Розанова.

ОРИГИНАЛ

ЖИТИЕ И ТЕРПѢНИЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО АВРАМЬЯ, ПРОСВѢТИВШАГОСЯ ВЪ ТЕРПѢНЬИ МНОЗЕ, НОВАГО ЧЮДОТВОРЦА ВЪ СВЯТЫХЪ ГРАДА СМОЛЕНЬСКА

Господи благослови.

О пресвятый царю, Отче и Сыне и Святый Душе, слово Божие, искони сый вь вѣкы, сътворивый небо и землю, видимая и невидимая, отъ небытья насъ въ бытие приведый; и не въсхотѣ насъ презрѣти въ мнозѣй прелести мира сего, но посла на избавление наше Сынъ свой единочадный. Глаголеть бо пророкомъ Духъ Святый: «Не ходатай, ни аггелъ осия ны, но самъ сый преклонь небеса и сниде»;[1] и родися отъ святыя и пречистыя и неискусобрачныя приснодѣвыя Мария безъ сѣмене отъ святаго Духа, и поживъ яко человѣкъ на земли, и страсть претерпѣ отъ твари своея, и смерть вкуси на крестѣ, безстрастенъ сый и бесмертенъ Божествомъ, и въ гробѣ положенъ, и въскресе третий день, явися ученикомъ своимъ и увѣривъ я, и многа знамениа и чюдеса показа предъ ученикы, и взыиде на небо къ Отцю, и сѣде одесную, и посла святый свой Духъ на святыя апостолы, и тѣми вся языкы просвѣти и научи истиннѣ вѣровати и славити Бога, и се, заповѣдаа, глаголаше: «Се азъ с вами есмь по вся дни до скончания вѣка».[2]

И се преже написаниа молю ти ся, Господи Исусе Христе Сыне Божий, молитвами пресвятыя и пречистыа Дѣвы матере и всѣхъ небесныхъ силъ, и всѣхъ святыхъ молбами, и дай же ми разумъ, просвѣщенъ Божиею благодатью, подаждь мнѣ худому и грѣшнѣишу паче всѣхъ свѣтлый подвигъ житиа и терпѣниа начати, еже о житьи блаженаго Аврамиа, бывшаго игумена монастыря сего святыя владычица нашея Богородица, его же день успениа нынѣ празднующи память чтемъ.

Се же, братия, въспоминающу житие преподобнаго и не сущу написану, печалью по вся дни обдержимъ быхъ и моляхся Богу: «Господи, сподоби мя вся по ряду писати о житьи богоноснаго отца нашего Авраамиа», — да и по насъ сущии черноризци, приемше наказание и почитающе, ти, *видяще* мужа доблѣсть, въсхвалятъ Бога и, угодника его прославляющии, на прочий подвигъ укрѣпяться, паче же въ странѣ сей, яко такъ мужь явися, угодникъ Божий. О семъ бо рече Господь пророкомъ, яко «отъ утробы матерня възвахъ тя».[3] Хотящу же ми начати исповѣдати, преже молюся Богови, глаголя сице: «Владыко мой Вседержителю, благымъ подателю, Отче Господа нашего Исуса Христа, приида на помощь мнѣ и просвѣти сердце мое на разумѣние заповѣдий твоихъ, отвръзи устнѣ мои на исповѣдание устенъ твоихъ и чюдесъ, и на похваление святаго твоего угодника, и да прославиться имя твое, яко ты еси помощникъ всѣмъ уповающимъ на тя въ вѣкы».

Бѣ бо сей блаженый Авраамей отъ вѣрну родителю рождься, бѣста и та въ законѣ Господни добрѣ живуща благочестно. Бѣ же отець его всѣми чтимъ и любимъ, отъ князя честь приемля, бѣ бо воистинну отъ всѣхъ опознанъ, яко и правдою украшенъ, и многымъ въ бѣдахъ помагая, милостивъ и тихъ къ всѣмъ, къ молитвѣ и ко церквамъ прилежа. Тако же и мати его всѣмъ благочестиемъ украшена. Та же не яко неплоды бѣста: двѣма на десятъ дщеремъ отъ нею рождьшимся, и не бѣ има отрочате. И се бысть има отъ Божиа строениа. Многымъ желаниемъ моляста Бога подати има отроча, многы же обѣты и милостыня церквамъ и монастыремъ дающа,— и послуша ею Богъ и дасть има отроча. Еще бо ему носиму въ утробѣ матрьни, обави и Христова благодать и възва, освяти, и яко преже Самоила Аннѣ подасть.[4] Бысть бо она нѣкая дѣва и блаженая черноризица. Отъ Божиа промысла нѣкогда, недѣли сущи, бысть ей у заутрени годѣ опочивающий, и удариша въ двери и възъваша ю: «Скоро въстани и поиди, яко Марья отроча роди, имаши е ты крещати». «И се бысть, — глаголаше, — ми, яко на явѣ. И вшедшу ми в домъ къ матери его, яко отроча мыяху мнози же святители священнолѣпно, яко крещениемъ благодати освящающи, и нѣкая жена вельми пресвѣтла сияющи, предстоящи и одежу бѣлу, яко подобну снѣгу бѣлѣиши, дръжащи. И слугамъ прашающимъ: “Кому, госпоже, дати отроча се?” — и повелѣ имъ к собѣ принести. Она же свѣтлою оною ризою яко свѣтомъ одеже и дасть матери его. Се же сказающи ми матери его, и она глаголаше: “В тотъ часъ отроча оживе въ утробѣ моей”».

И свершившим же ся днемъ рождению, родиста блаженаго дѣтища, тачe въ осмый день принесоста къ святителю божью, яко же обычай есть христианомъ, имя дѣтищу нарещи. Прозвитеръ же, видѣвъ дѣтища, сердечныма очима и благодатью Божиею прозряше о немъ, яко хощеть измлада Богу датися. Таче минуша 40 дни дѣтищу, крещениемъ освятиша и. Отрочя же ростяше и кормимо родителема своима, и благодать Божиа бѣ с нимъ,[5] и Духъ Божий измлада в онь вселися. И егда же бѣ отрочатемъ Христовою благодатью въ возрастъ смысла

пришедшу, родителя же его даста и книгамъ учити. Не бо унывааше, яко и прочая дѣти, но скорымъ прилежаниемъ извыче, к сему же на игры съ инѣми не исхожааше, но на божественое и на церковное пѣние и почитание преже инѣхъ притекая, яко о семъ родителема радоватися, а инѣмъ чюдитися таковому дѣтища разуму. Господня бо бѣ благодать на немъ, просвѣщающи разум его и наставляющи на путь заповѣдей Христовыхъ. Егда же въ болший възрастъ прииде, всею телесною красотою и добротою яко свѣтъ сияше. Родителема же его къ браку принужающимъ, но тъй самъ не въсхотѣ, но паче поучивъ ею и наказавъ презрѣти и възненавидѣти житейскую сию славу, прелесть мира сего, и въсприяти мнишескый чинъ.

Тѣма же отшедшима житиа сего къ Богу, онъ же повелику обрадовася и дасть Богу славу, тако изволшему, богатьство же, яже остависта родителя его, убогымъ раздаде, вдовицамъ и сиротамъ, и черноризцемъ все, бояся, и како бы бес печали всѣхъ земныхъ отъити и наставити мысль свою къ Богу, и утвержая, и уча ся Господню словеси, глаголющему: «И аще кто не възметь креста своего, не поидеть въслѣдъ мене, нѣсть мнѣ подобенъ».[6] Богодуховеныя же книгы и святыхъ житиа почитая, и како бы ихъ житиа и труды, и подвигъ въсприяти, измѣнися свѣтлыхъ ризъ и в худыя ся облече, и хожааше яко единъ отъ нищихъ, и на уродство ся преложь, и расмотряя, и прося, и моляся Богу, како бы спастися и в кое мѣсто приити. И утаився всѣхъ, Богу наставляющу, отшедъ отъ града дале 5 поприщь,[7] острижеся, яко же мнози вѣдятъ святые Богородици монастырь, къ въстоку, Селища нарицають.[8] И бысть оттолѣ по благодати Христовѣ болий на подвигъ, и на вся труды подвизаяся, и мыслью въспоминая святаго града Иерусалима и гробъ Господень, и вся честная мѣста *иже* избавитель Богъ и Спасъ всего мира иде же страсть приятъ нашего ради спасениа, вся честная мѣста, и преподобныхъ отець пустыня, иде же суть подвигъ и трудъ свершивше; дивнаго началника всѣмъ и восиявшаго, ангеломъ равна, великаго меню Антониа, бывшаго крѣпка, храбра и побѣдившаго силою крестною духы неприязненыя,[9] Илариона, бывъшаго ученика его; по немъ свѣтлаго в постьницѣхъ чюдотворца Еуфимья;[10] иже по нихъ Саву и Феодосья архимандрита[11] ... старейша всѣхъ наставника черноризцемъ, сущимъ окрестъ Иерусалима.

Изъ всѣхъ любя часто почитати учение преподобнаго Ефрѣма[12] и великаго вселеныя учителя Иоанна Златоустаго,[13] и Феодосия Печерьскаго,[14] бывшаго архимандрита всеа Руси. И вся же святыхъ богодухновенныхъ книгъ житиа ихъ и словеса проходя и внимая, почиташе день и нощь, беспрестани Богу моляся и поклоняяся, и просвѣщая свою душю и помыслъ. И кормимъ словомъ Божиимъ, яко дѣлолюбивая пчела, вся цвѣты облѣтающи и сладкую собѣ пищу приносящи и готовящи, тако же и вся отъ всѣх избирая и списая ово своею рукою, ово многыми писци, да яко же пастухъ добрый, вся свѣдый паствы и когда на коей пажити ему пасти стадо, а не яко же невѣжа, невѣдый паствы, да овогда гладомъ, иногда же по горамъ

разыдуться, блудяще, а инии отъ звѣрей снѣдени будуть. Тако всѣмъ есть вѣдомо невѣжамъ, взимающимъ санъ священьства. Тако же и корабленикъ, и хитрии кормници, вѣдуще путь и пристанище ихъ, милости ожидающе отъ Бога и подобна вѣтра, а не противу бури и волнамъ морьскымъ, но съ Божиею помощью како ити нареченнаго града бес пакости и потопления. Аще ли в градъ далний хотяще поити, тъ вѣдущихъ просимъ, егда суть пути различнии и мѣста сущихъ разбойникъ, и того всего боимся и молимъ Бога, дабы безъ всякоя бѣды дойти.

Но на прежереченная възвратимся, отнеле же начахомъ, о дарехъ слова Божия, данное отъ Бога преподобному Авраамию. Яко же кто хотя нареченъ быти воеводы отъ царя, то не вся ли събираетъ храбрыя оружникы и тако стати крѣпко, урядившеся на противныя, съ Божиею помощию наступити и побѣдити? Тако и сей такому дару и труду Божественыхъ писаний и прилежа, и почитая, и како бы свой корабль своея душа съ Божиею помощию съблюсти многыхъ бурь и волнъ, реку напастей отъ бѣсовъ и отъ человѣкъ, съ упованиемъ непогружену отъ сихъ бѣдъ оного пристанища спасенаго доити и в тишину небеснаго Иерусалима Бога нашего приити. Пишетъ бо смерть, искушениа и брань по святымъ книгамъ наше же житие се есть, яко неудобь есть без напасти прѣйти никому же. Аще бо самъ Владыко Спасъ, Господь и Творець всѣмъ, и създавый вся, и пришедъ на спасение наше отъ пречистыя дѣвица Богородица, толику страсть приятъ отъ своея твари, кромѣ бывъ всякого грѣха, всехъ святыхъ колко не то же ли претерпѣша и тако улучиша царство небесное, его же получити и мы молимся.

Пребысть же блаженый Авраамий въ прежереченнѣмъ монастыри въ трудѣ и въ бдѣнии, и въ алкании день и нощь, яко же и самому игумену, зрящу добраго житья, радоватися, и всей братьи славити Бога, и многимъ отъ мира притекати отъ него утѣшение приимати отъ святыхъ книгъ. И бѣ въ всемъ повинуяся игумену, и послушание имѣа къ всей братьи, и любовь, и смирение имый, и Бога ради покоряяся всѣмъ. Искусивъ же его игуменъ, яко въ всемъ повинуется ему и послушаеть и, — бѣ бо и самъ игуменъ хитръ Божественымъ книгамъ и вся свѣдый и проходя, яко же многи свѣдятъ, и никто же смѣя предъ нимъ отъ книгъ глаголати, — и принуди же блаженаго Авраамиа прияти священическый санъ; и поставлену ему бывшу дьякономъ, и потомъ иерѣемъ при княженьи великого и христолюбиваго князя Мьстислава Смоленьскаго и всея Рускыа.[15] Прием же блаженый священный санъ, болшее смирение приатъ, яко таку благодать Христосъ ему дарова.

Божественую же литургию съ всяцѣмъ тщаниемъ, иже за всего мира Христосъ повелѣ приносити, не единого же дне не остави, яко же и мнози вѣдять его бывша и до самое смерти, и не оставившаго церковная правила и божественая литургиа, и своего подвига. Нищету же и

наготу, и укорениа же отъ диявола, и тугу, и искушение отъ игумена и отъ всее братьи, и от рабъ — кто можеть исповѣдати? Яко же ему самому глаголати: «Быхъ 5 лѣтъ искушениа терьпя, поносимъ, бесчествуемъ, яко злодѣй». Яко же не терпя его и видя себе диаволъ побежена отъ святого, и воздвиже на нь сию крамолу своими совѣты, хотя и оттоле прогнати; яко же и бысть. Видя бо диаволъ, яко мнози отъ града приходять и учениемъ духовнымъ его множатся, отъ многыхъ грѣхъ на покаяние приходять, аще ли и сице рѣчемъ: Богу хотящу, яко «нѣсть лѣпо свѣтилнику во тмѣ сияти и укрытися граду, выше горы сущу».[16] Пишетъ бо о великомъ свѣтитѣли и учители всего мира, о Златаустѣмъ Иоанѣ, яко егда отъиде в пустыню и пребысть нѣколко врѣмя въ пустыни, яко многымъ трудомъ и въздержаниемъ, и алканиемъ приятъ врѣдъ и нужу отъ тѣла, яко же бысть и се ему отъ Божиа промысла, да не учитель далече града будеть. Оттолѣ выйде въ градъ, уча и наказуя на страхъ Господень.

И сице же и сему бысть отъ дияволя научениа, ибо нѣции отъ ерѣи, друзии же отъ черноризецъ како бы на нь въстати, овии же отъ града потязати и укорити исходяще, друзии спиру творяще, яко ничто же свѣдуща противу насъ глаголааху, и тако посрамлени съ студомъ отхожааху. И пакы не преставааху, крамолы на нь въздвизающе въ градѣ и везде, глаголюще: «Се уже весь градъ к собѣ обратилъ есть». Есть бо, о братие о семь приложити слово на утѣшение вамъ: тако бо бѣ благодатью Христовою утѣшая приходящаа, и плѣняя ихъ душа и смыслъ ихъ, дабы възможно и неотходящу быти, яко же и сему мнози суть послуси. Яко же и самому игумену не стерпѣти, многыя к нему видя притекающаа, и не хотя того, его отлучи и глаголаше: «Азъ за тя отвѣщаю у Бога, ты же престани уча»; и много озлоблениа на нь возложи.

И оттолѣ вниде въ градъ, и пребысть въ единомъ монастыри у Честьнаго Креста.[17] И ту начаша болѣ приходити, и учение его множайшее быти, а врагъ сѣтоваашеся, а Господь Богъ раба своего прославляаше и съблюдааше на всяко время, благодать и силу подавая рабу своему. И пребысть мало время, и отъ многъ приемля утѣшение: подавааху ему на потребу и лише потребы, и потомъ скоро раздаваше вдовицамъ и нищимъ, а самъ еже на потрѣбу собѣ приимаше. Украси же церковь иконами, и завѣсами, и свѣщами, и мнози начаша отъ града приходити и послушати церковнаго пѣниа и почитаниа Божественыхъ книгъ. Бѣ бо блаженый хитръ почитати, дасть бо ся ему благодать Божиа не токмо почитати, но протолковати, яже мнозѣмъ несвѣдущимъ и отъ него сказаная всѣмъ разумѣти и слышащимъ; и сему изъ устъ и памятью сказая, яко же ничто же ся его не утаить Божественыхъ писаний, яко же николи же умлъкнуша уста его къ всѣмъ, к малымъ же и к великымъ, рабомъ же и свободнымъ, и рукодѣлнымъ. Тѣм же ово на молитву, ово на церковное пѣние, ово на утѣшение притекающихъ, яко и в нощи мало сна приимати, но колѣнное покланяние и слезы многы отъ очью безъ щука излиявъ, и въ перси биа и кричаниемъ Богу

припадая помиловати люди своя, отвратити гнѣвъ свой и послати милость свою, и належащимъ бѣдъ избавити ны, и миръ и тишину подати молитвами пречистыя дѣвы Богородица и всѣхъ святыхъ. Написа же двѣ иконѣ: едину Страшный судъ втораго пришествиа, а другую испытание въздушныхъ мытарьствъ, их же всѣмъ нѣсть избѣжати, яко же великый Иоанъ Златаустъ учитъ, чемеритъ день поминаеть, и самъ Господь, и вси святии его се проповѣдають, его же избѣжати нѣгде, ни скрытися, и рѣка огнена предъ судищемъ течеть, и книгы разгыбаются, и Судии сѣде, и дѣла открыются всѣхъ. Тогда слава и честь, и радость всѣмъ праведнымъ, грѣшным же мука вѣчная, ея же и самъ сотона боится и трепещеть. Да аще страшно есть, братье, слышати, страшнѣе будетъ самому видети. Се же оставльше, на се пакы обратимся, яже о блаженѣмъ Аврамьи.

И сего убо не престааше Страшнаго поминая суда, испытаниа бояся, и не прѣстая прилѣжно Бога моля и в нощь, и въ день, и къ всѣмъ приходящимъ оного страшнаго дне не престая о томъ глаголя и почитая великаго оного и свѣтлаго учителя вселеныя Иоана Златаустаго и преподобнаго Ефрѣма, и всѣхъ богогласныхъ святыхъ, Святаго Духа, глаголанаго ими, собѣ внимая и всѣмъ проповѣдая. И бѣ блаженый съ въздерьжаниемъ отъ многаго пития, пьяньства же отинудь ненавидя, ризы же по смирению любя, драгыхъ велми бѣгая и смирение присно имѣа. На трапезы же и на пиры отинудь не исходя многыхъ ради зазираний, яже бывають отъ мѣста избирающихъ, и инѣхъ ради многыхъ, яже бывають отъ многаго ради пьяньства и бѣды, и того ради сего убѣгааше. Образъ же блаженаго и тѣло удручено бяше, и кости его, и състави яко мощи исщести, и свѣтлость лица его блѣдъ имуще отъ великаго труда и въздержания, и бдѣния, отъ многъ глаголъ, яже тружаашеся, поя и почитая, и молитву принося къ Богу. И къ божествному егда приступаше жертвенику на божествное приношение отъ Господа прѣданую апостоломъ на вечери, и апостолы намъ оного завѣта въ оставление грѣховъ, съ благобоязньствомъ и съ вниманиемъ, отинудь запрѣщаще же въ церкви не глаголати, паче же на литургии, и заповѣдая, и уча, всю имѣти веля мысль и съ душею тогда къ Богу стройно же, по чину, лѣпо. Егда устраяшеся въ священчьскый санъ, образъ же и подобье на Великого Василья:[18] черну браду таку имѣя, плешиву развѣ имѣя главу. Но не зазрите ми, братье, моей грубости, не лжа бо си глаголю или какою хытростью, или мудростью, но многыхъ ради, иже его не видѣша и не слышаша. И въспоминаю Господа, глаголюща: «Рабе лѣнивый и лукавый! подобааше ти дати сребро мое купцемъ, да азъ быхъ на нихъ взялъ с лихвою».[19] Тѣмъ, бояся сего осуждениа, сия написаю, да сего послушавше, прославимъ Бога, давшего сию благодать и помощъ граду Смоленьску, блаженаго Авраамья.

Хотящу же ми и еще глаголати, помозѣте ми в молитвахъ вашихъ, да ми подасть Господь и конець свершити — положити хотящимъ почитати и

поревновати житью преподобнаго или прѣписати и велику отъ Бога милость прияти сде и въ будущий и страшный день възданиа Христова.

Но на прежереченая поминая възвратимся, отнюду же поидохомъ. Видя же себе сотона побѣжена Христовою силою отъ святаго, яко являашеся ему овогда в нощи, овогда въ день, устрашая и прѣтя, яко огнь освѣщаа и в нощи, яко мнозѣмъ еще не спящимъ с нимъ, да овогда стужая, ово являяся въ мнозехъ мечтаниихъ, яко и до стропа, и пакы яко левъ нападая, яко звѣрие лютии устрашающе, другое яко воини нападающе и сѣкуще, иногда и съ одра и смещуще. А егда отъ сна въстаяше блаженый, по малу сна укусивъ отъ злыхъ окаянннныхъ бѣсовьскыхъ мечтовъ, и въ день болѣ ему о семь стужающе, тѣм же ово собою, ово въ жены бестудныя прѣображающеся, то же, яко о Великомъ Антонии пишется.[20] Видя Господь силу неприязнину и его злобу на ны, не попусти вся воли его, но яко же самъ вѣсть, тако и попущаеть по силѣ... приимати его брань, яко же Господь въ Еуангельи рече, яко «ни на свиньяхъ имать власти без Божиа повелѣниа»; да искусни Божии раби явятся. К сему же учить Златаустъ, глаголя: «Господи, аще попустиши единого врага, то ни весь миръ ему не удолѣеть, то како азъ възмогу, калъ и берние?» Укрѣпивый же Антониа и явлься ему, дръзати повелѣвъ: «Не бойся, азъ ти помогу». *Той* же и сему блаженому свою благодать и силу подавааше и избавляше.

И сими блаженаго всѣми исусивъ сатана, и не удолѣвъ, Богу помагающу, и ту крамолу на нь въздвиже, яко же и при Господи бысть: и вшедъ сотона въ сердца июдеомъ, и съвѣтъ сътворше на нь, и много поругавшеся, и страсти предаша Господа славы. Сице же и на сего бысть: яко же бо сотона отъ прѣжняго монастыря отгна, сице и нынѣ сътвори, не могый окаянный терпѣти бывающая ради благодати и помощь вѣрнымъ и христолюбивымъ христианомъ и отъ всѣхъ побѣжаемъ силою Христовою. Но яко есть пасущихъ душа приимати бѣды, и вшедъ сотона въ сердца бесчинныхъ, въздвиже на нь: и начаша овии клеветати епископу, инии же хулити и досажати, ови еретика нарицати, а инии глаголаху на нь — глубинныя книгы почитаеть,[21] инии же къ женамъ прикладающе, попове же зиающе и глаголюще: «Уже наши дѣти вся обратилъ есть»; друзии же пророкомъ нарицающе и ина же многа на нь вѣщания глаголюще, их же блаженый чюжь. Истинною реку тако, никто же аще бы не глаголя на блаженаго Авраамиа въ граде, но диаволъ о семъ радоваашеся, а блаженый все, радуяся, терпяше о Господи. Събраша же ся вси от мала и до велика весь градъ на нь: инии глаголють заточити, а инии къ стѣнѣ ту пригвоздити и зажещи, а друзии потопити и, проведше въсквозе градъ. Всѣм же собравшимся на дворъ владычень, игуменомъ же и попомъ, и черньцемъ, княземъ и боляромъ, диакони и вси церьковници, внегда послаша по блаженаго, уже всѣмъ собравшимся. Посланыя же слугы, емше, яко злодѣа влачяху, овии ругахуся ему, инии же насмихаахуся ему и бесчинная словеса кыдающе, и весь градъ и по торгу, и по улицамъ — вездѣ полна народа, и мужи же, глаголю, и жены, и дѣти, и

бѣ позоръ тяжекъ видѣти. Блаженый же бѣ яко птица ятъ руками, не умѣа, что глаголати или что отвѣщати, но едино упование имѣа къ Богу и к нему моляся отъ такоя избавитися печали, и в собѣ въспоминая страсть Господа нашего Исуса Христа, яко вся си претерпѣ нашего ради спасениа, и за нихъ моляся: «Господи, не постави имъ грѣха сего[22] и не попусти на раба твоего предатися в руцѣ ихъ, но укроти и запрѣти, яко же предъ ученикы на мори вѣтру повелѣ умолкнути.

Яко же и бысть; князю бо и властелемъ умягъчи Богъ сердце; игуменомъ же и ереомъ, аще бы мощно, жива его пожрети. Ведому же ему на снемъ, явися Господь в то время преподобному Луцѣ Прусину у церькви честнаго архангела Михаила.[23] Стоящу ему на молитвѣ въ 9 часъ, и гласъ бысть ему, глаголющь, яко «се возводять блаженнаго моего угодника на снемъ съ двѣма ученикома, истязати хотять, ты же о немь никако же съблазнися». И глаголаше блаженый Лука на снимающихся на блаженаго Аврамия и на уничижающихъ его: «Много бо бес правды хулящеи и уничижають; но да быша грѣси его на мнѣ были! И вы слышасте, яко хотѣша сътворити преже сего не имуще страха Божия и тации же безумнии и епископъ и како хотѣша бес правды убити и.[24] Иже и еще порокъ золъ и хула, и клятва зла, и гнѣвъ Божий и за 30 лѣтъ пребысть, и еще вы прибудеть, аще ся того не покаете». Понеже възвратимся, о нем же начахъ глаголати. Приведену же бывшу блаженному на судъ, ничьсо же на нь вины не обрѣтающимъ, но бе-щину попомъ, яко воломъ, рыкающимъ, тако же и игуменомъ; князю же и велможамъ не обрѣтающимъ такыя вины, но изискавше все, нѣсть неправды никоея же, но все лжуть, тогда яко единѣми усты: «Неповинны да будемъ, владыко,— рекуще къ всѣмъ,— еже таку на нь крамолу въздвигнули есте, и неповинни есмы, иже на нь глаголетѣ или что съвѣщаете како любо безаконно убийство!» И глаголюще: «Благослови, отче, и прости, Аврамие!»— и тако отъидоша въ свояси.

Видѣвше же сия тако отъидоша и яко нѣсть имъ конца, в чемъ осудити и, и рѣша отъ епископа на се приготованнымъ крѣпко стрѣши и и блюсти и и ина два отъ ученикъ его, иже преподобному служаща добрѣ. Наутрия же събравшимся игумени и ереи, и вины, яже преже глаголааху, укоривше, озлобивше, възложиша на нь. И отъ того времене пакы вниде в монастырь, идѣ же бѣ преже остриглъся блаженый, яко не приемшу ему никоего зла. Се же от сего времене многа зла пребысть: елико бяше блаженнымъ научено, вси ти обратишася на своя дѣла злыхъ грѣхъ. И слава Богу, терпящему сихъ всѣхъ! И еще тогда блаженому Лазарю иерѣемъ сущу и по Игнатьи епископу бывшу, истинною рещи, яко поборникъ и пастухъ Христовы церкве словесныхъ овець, сьй бо бѣаше Бога ради оставилъ епискупью свою и за многое обидѣние святыхъ церквей иже обидятъ и властели, отъимающе чюжая бес правды и обидящихъ вдовица и сироты. Сьй бо видѣ и слыша, яко вся бес правды, яже на блаженаго Авраамиа ону крамолу въздвигнули, Богу убо о семь възложившу, сьй пришедъ глагола къ епископу Игнатию: «Великой есть быти опитемьи граду сему, аще ся добрѣ не

опечалиши»; яко же и бысть. Блаженый Игнатий сего послуша, скоро посла по всѣмъ игуменомъ и к всѣмъ попомъ, заповѣдая и запрѣщая всѣмъ отъ всякого речениа зла прѣстати, яже на блаженаго Авраамия. «Се бо, послушавъ васъ, на ся отъ Бога въсприяхъ въ вѣкы опитемью. А вы, чада, покайтеся, а сами вѣсте, что прияша отъ Бога въставшеи на великого Иоана Златаустаго;[25] аще же не покаетеся, то то же и вы подъимете». Сего же ради блаженый имя нареклъ себѣ, своего святьца подражая,[26] яко же бо *и онъ*, подражая, много пострадалъ отъ оноя веси и за ня моляся Богу обращая вся къ Богу и спасая, блаженый же терпя ихъ запрещение.

Тако же бѣ и сему ихъ запрѣщение, яко и никому же не приходити к нему, мнози же мечници на всѣхъ путехъ стрѣжааху, а нѣции разграблени быша. Богу же хотящу всѣмъ спастися, овогда же человѣколюбие свое и милость являеть, овогда же казня, бѣда дая: глады, смерть, бездождье, сушу, туча тяжкыя, поганыхъ нахождениа, градъ плѣнение и вся, яже на ны отъ Бога приходятъ. И тѣми обращая и приводя к собѣ, да не бо есмы безъ грѣха, а терпяще сихъ, рассудимъ, помянемъ, колико злыхъ яже сътворихомъ и забытью предахомъ, в нощи же и въ день съгрѣшающе. Овии осужають и хулятъ святителя и ереа, и черноризца, а сами яко безъ грѣха суще; а слышасте Господа, глаголюща: «Святителя моя, и черноризца, и ерѣа честьно имѣйте и не осужайте ихъ»,— да не сами отъ Господа приимете горкый судъ; да не забудете Господа, заповѣдающа, рече бо Господь: «За весь празднъ глаголъ въздати есть слово въ день судный».[27] А Павелъ апостолъ, вселеныя учитель, глаголеть: «Что осужаете чюжаго раба? Своему господину или стоить, или падаеть, или въстанеть; силенъ же Господь поставити и»;[28] и пакы: «Ихъ ради приходить гнѣвъ Божий на сыны непокоривыя».[29] Тѣм же внимай мы кождо себе: кождо за ся въздати имать слово въ день суда.

Достойно же есть и сде помянути слово, яже отъ житья преподобнаго Савы и о патриарсѣ Ерусалимъстѣмъ Ильи,[30] его же Анастасьй царь бес правды повелѣ изгнати отъ престола, иного в него мѣсто възведе. Яко же се услышаша въ Иерусалимѣ гражане, яко изгнанъ бысть патриархъ, и зело порадовашася сему, яко за то прииде на ня гнѣвъ Божий и бысть на ня 5 лѣтъ глада, да накажуться не радоватися о злѣ ни о коемъ же. Яко же приити иконому къ преподобному Савѣ и глаголати: «Уже суть братья не ядше всю недѣлю, да уже есть намъ не ударити в трапезѣ било». И преподобный же Сава, утѣшая, глаголаша, яко «не имать Богъ презрѣти рабъ своихъ». По глаголу же преподобнаго бысть: нѣкто христолюбецъ 30 велблудъ имѣа, яже къ блаженому посла въ лавру, всякого брашна наполнивъ до изъобилья. Яко же призва иконома Сава и глагола к нему: «Есть ли ударити въ било?» Икономъ же повелику похули себе. А и еже о цари Анастасьи рекохомъ, иже патриарха Илью съ престола отгна, и гнѣвъ за то постиже Божий, яко сказають смерть его: яви бо ся облакъ и молниа развѣ о полатѣ царевѣ, тако гонимъ, убьенъ бысть гнѣвомъ.

Достоино же есть помянути зде о великомъ свѣтилѣ всего мира. *Иже* на святаго Иоана Златаустаго въставше злии, погнаша; и явистася ему великая апостола Петръ и Павелъ, глаголюща: «Дръзай, страстотерпче Божий, Господь с тобою. Миръ буди, мужайся и крѣпися, прияти бо имаши въздание, небесное царство и вѣнецъ свѣтелъ отъ Бога, а въставшеи на тебе лютою смертью отъ Бога казнь приимуть, яже и наскорѣ прияти имутъ и сде, и въ будущий судъ». Скончавъшу же ся блаженому, сбысться прововѣдь святую апостолу на крамольствовавшихъ и на отгнавшихъ святаго, да ови отъ епископъ напрасную смерть приимаху, инымъ же прыщые синиа по ногамъ бываахy, просѣдающеся, иному напрасенъ огнь, свыше сшедъ, руцѣ и нозѣ усуши, иному же нога обѣтрися и нача гнити, и претираемѣй ей, яко отъ тоя и другой тотъ же врѣдъ прияти, и въ три лѣта едва душю испусти, иному же языкъ яко затыка въ устѣхъ бяше, и в доску вписавъ, глаголаше свой грѣхъ, яко на святаго Иоана Златаустаго хулу глаголахъ; Евдоксию же лютый недугъ порази,[31] лономъ бо ей кровь грядяше, и потомъ бысть смрадъ, и черви породи, и тако горкою смертию животъ свой злѣ скончa. Ибо видѣти гнѣвъ Божий, напрасно на нихъ находяй и многымъ мукамъ и смертемъ предая тяжко.

Но на иже глаголанная възвратимся, да уже о блаженѣмъ Авраамии помянемъ. Скоро на сихъ бысть, да овии отъ игуменъ, инии же отъ поповъ напрасную смерть приимаху; яко вѣдуще и бывше въ сонмѣ на блаженнаго тужаахy и припадаахy ему на ногу, прощениа просяще, а не бывше на сонмѣ радоваахуся. Пишеть бо въ «Златыхъ Чепехъ»[32] всея вселеныя святыхъ отецъ, яко бысть нѣкый отецъ отъ преподобныхъ, многымъ ползу творя словомъ и житиемъ. Нѣции же отъ дѣйства дияволя завидѣвше и оклеветавша, много отсѣкоша отъ него и яже к нему ползы лишиша, послѣди же уразумѣвше диаволю лесть и покаявъшеся к нему, и прощение отъ него прияша, послѣди овии възбеснѣша, ови въ различныя впадоша бѣды грѣха ради. Рече бо Спасъ: «Смущая васъ, тъй прииметь судъ, кто любо буди».[33] И се есть подобно помянути повѣсть нѣкоего отца духовна къ сыну духовну: корабль есмы мы, кормникъ же Богъ, всего мира направляя и спасая своими присными рабы, реку же пророкы и апостолы, святителя и вся учителя Божиа, дажде и до скончаниа вѣку сему. Да аще мы на ся възмемъ инѣхъ осужати, изгонити въ правду или бес правды, то уже отняли есмы отъ Бога и отдали есмы оному противному, рекше диаволу, Божий корабль. Нынѣ же не вѣмы ся, в чемъ есмы, понеже ны взяла есть противная буря, а егда ны принесеть къ истоплению, тогда ся помянемъ безгода, яко никто же насъ о своихъ грѣсѣхъ нудится и плачеть, но ины осужаемъ и хулимъ, яко же рече Господь: «Человѣци взяша судъ мой, уже бо ихъ судиша, азъ имъ не сужду», того ради да не осужени будете от Бога. Аще бо кто прииметь благодать отъ Бога и даръ поучениа, то ни весь миръ таковаго можетъ оскорбити, имать бо надо всѣми Бога помощника, яко же рече Господь: «Азъ есмь с вами, никто же на вы». Се же отставлъше, на се възвратимся.

Бывшу же бездождью велику въ градѣ, яко иссыхати земли и садомъ, и нивамъ, и всему плоду земленому, яко нѣ за колко бысть время, всѣмъ тужащимъ и молящимъ Бога. И самъ епископъ, блаженый Игнатий, съ честнымъ крилосомъ и съ богобоязнивыми игумены, и ереи, и дьяконы, и черноризци, и съ всѣмъ градомъ, мужи и женами, и весь младый възрастъ, вкупѣ весь градъ, окрестъ ходяще съ честнымъ крестомъ и съ иконою дръжащею Господа, и съ честными святыхъ мощьми, и с великымъ умилениемъ, и съ слезами помиловати люди своя, и послати милость свою на землю, и отвратити гнѣвъ свой: «Пусти, Господи, дождь, одожди лице земли, молимся, святый». И кончавшимъ *отпустъ*, крестомъ и святыхъ мощьми воду освятивше, и отъидоша кождо въ свояси. И не бысть дождя на землю, и быша в печали велицѣ. Се же все бысть отъ Божия промышления. И хотя Богъ блаженаго Араамиа обьявити, нѣкоему помянути възложи на сердце Богъ, сущу иерею, яко, шедъ, помяну христолюбивому епископу Игнатию яже о блаженѣмъ Аврамии, глаголя сице: «Вси молихомся, не послуша насъ Богъ. Кая вина така, яже на преподобнаго Авраамиа, яко лишенъ бысть божественыя литургиа? Егда и того ради бысть отъ Бога казнь си?»

Тогда блаженный Игнатий въскорѣ посла по блаженаго Авраамия, и призвавъ, и испытавъ, яко все лжа и оглаголание по зависти и злобѣ диаволи бысть, и прости и, глаголя: «И благослови, честный отче, за невѣдѣние мое се ти сътворихъ, и весь градъ благослови, и прости послушавшихъ лживыхъ клеветникъ и оглагольникъ». И благослови пакы пречистую и честную литургию съвершати: «И моли Бога о градѣ и о всѣхъ людехъ, да помилуеть Господь и подасть богатно дождь свой на земьлю». И глагола блаженый къ святителю: «Кто есмь азъ грѣшный, да сице повелѣвае ми выше силы моея?» Но глагола: «Воля Божиа да будеть о всѣхъ насъ! И ты преже о насъ помолися, честный о святителю, о своемъ ти богопорученѣмъ избраннѣмъ святемъ стадѣ словесныхъ овець». Отшедшу же блаженому и молящуся Богу, и глаголющю: «Услыши, Боже, и спаси, владыко Вседръжителю, молитвами твоего святителя и всѣхъ иерей твоихъ, и всѣхъ людий твоихъ. И отврати гнѣвъ твой отъ рабъ твоихъ, и помилуй градъ сьй и вся люди твоя, и приими милостиве всѣхъ въздыхание и съ слезами молящих ти ся, и пусти, и одожди, напои лице земли, человѣкы и скоты възъвесели. Господи, услыши и помилуй!» — еще преподобному не дошедшу своея кѣлия, одожди Богъ на землю дождь, яко славити Бога всѣмъ и глаголати: «Слава тебѣ, Господи, яко скоро послуша своего раба!» И бысть многа радость въ градѣ. И оттолѣ начаша притѣкати въ градъ, и вси глаголати, яко «помилова Богъ, избави ны отъ всѣхъ бѣдъ твоими, господи отче, молитвами». И отселѣ болѣ просвѣтися по благодати Христовѣ.

Лѣпо же есть помянути и о житьи преподобнаго отца Феодосья Печерьскаго[34] всеа Руси. Хотя Богъ вѣру раба своего явити и отъ того

мѣста на другое преселити, и пресвѣтлѣйшу и пространнѣйшу церковь възградити и уже умножившися братьи, и показа Богъ чюдо в нощи, яко сказують, рекуще: бысть яко дуга въ образъ отъ верха церковна, а другый холмъ конець еа, и преподобнаго отца Феодосия идуща съ иконою пречистыя Богородица и братьи въслѣдъ идуща и поюща, яко же и бысть потомъ. Тако же нынѣ помянемъ о преподобнѣмъ Авраамии и о молитвѣ пресвятыя Богородица, и братьи въслѣдъ идущи и поюща, яко же и бысть потомъ, и хотящимъ показати мѣсто, на нем же блаженый о Бозѣ хощетъ жити, и инѣмъ мнозѣмъ, иже имуть с нимъ спастися. Преподобный и благочестивыый Игнатий епископъ мышляше создати церковь камену въ имя святаго Игнатья, в память собѣ, и есть вънѣ града и таково суще мѣсто близь и равьно, угодно на поставьление церкве и вся могуще въсприяти рядъ монастырескъ. И скупи оградь овощныя окрестъ его, и постави церквицю во имя Богоносца,[35] и потомъ ту раздрушивъ и на ино мѣсто пресели, и основа болшу, и нарече во имя святое владычица нашеа Богородица Положение честные ризы и пояса.[36] И быша в немъ нѣколико братье, блаженымъ питаеми епископомъ Игнатием. Некотории же буяци несмыслении *уничижаху*, глаголюще: «Аще хощетъ кто, да идеть на игуменьство», имя нарицающе. Преподобный же епископъ к мнозѣм глаголаше и благодатию же Божиею прозря духовныма очима, яко имать прославити Богъ мѣсто се и молитва пресвятыя Богородица, и мнози имутъ в немъ спастися о Христовѣ Благодати о Бозѣ, пребывающе и в немъ притекающе христолюбивии людие. По мнозѣ же времени, Богу о семъ промысляющу, *стужаше* же бо в себѣ блаженый Авраамий, яко далече сущу града приходящимъ. Тако же блаженый помянувъ епископъ Божию волею тогда, призва единого отъ своего честнаго крилоса перьваго отъ старѣйшихъ протопопу, именемъ Георгий, глагола к нему о блаженѣмъ Арaамии, помянувъ, яко далече ему сущу града, скорбь ему велья, да призоветь и скоро.

Скоро же блаженный приде по повелѣнию епископа, и вшедъ, сътвори поклонение, глаголя: «Благослови, владыко святый, раба твоего» Призва блаженаго Авраамиа епископъ, утѣшая, глаголаше: «Како, отче, о Господи пребываеши?» Оному же рекшу: «Ей, владыко святый, истинною молитвами твоими добрѣ»,— и рече к нему епископъ: «Хощу дати ти благословение, аще е приимеши». Отвѣщавъ блаженый, глаголаше: «Честно есть благословение яже нъ и даръ». И глагола к нему епископъ: «Се благословение: поручаю ти и даю пресвятые Богородици дом: поиди, похваля Бога и славя, и моли о всѣхъ». Блаженый же радоваашеся и хваляше Бога, таку даровавшаго благодать рабу своему молитвами святыя Богородица. И входящу ему въ врата монастырьская, *нѣкако* свѣтъ восия ему въ сердци отъ Бога и с радостью просвѣщая душю его и помыслъ, яко же се всѣмъ повѣдааше. Яко же сице *Иаковъ* во снѣ видѣ лѣствицю, досязающу до небеси, и глаголаше, яко «есть Господь на семь мѣстѣ»,[37] то же то и сему открываашеся, уже бо Господь искусна и яви. И събысться псаломъ Давидовъ: «Възведе человѣкы на главы наша, и проидохомъ сквозѣ огнь и воду, и изведе ны в покой».[38] Яко же бо царь по многыхъ побѣдахъ и трудѣхъ на болший санъ и честь възводить своего воина, да уже и сему

Господь Богъ самъ подаеть рабу своему утѣшение, яко трудившуся, и всѣх сердца обращая своею благостью, далнимъ же и ближнимъ, и просвѣщая всѣхъ душа.

И оттолѣ нача пребывати в первѣмъ подвизѣ, и всѣмъ же притекающимъ с радостью великою, ибо велиа благодать Божиа на градѣ, вся просвѣщающи, и веселящи, и хранящи, избавляющи, тишину же и мир, и всѣхъ благыхъ на многа лѣта подающи, и еще не оскудѣти имать молитвами святыя Богородица и преподобнаго ради Авраамия и всѣхъ святыхъ его. И оттолѣ прослави и Господь болѣ, зане же злѣ блаженаго оскорбивше обращатися начаша и припадати на ногу, просяще прощениа. Иже всѣми ненавидимъ бывъ, всѣми любимъ бысть, да иже преже бояхуся приити, то убо не боящеся, но радующеся приходяху, не точью гражане едини приходяху, но съ женами и съ дѣтьми, но и отъ князь, и отъ вельможь работнии же и свободнии притекааху, вси своя грѣхы к нему исповѣдающи, и тако отхожааху в домы своа радующеся. Приемь же блаженый домъ святыя Богородица и украси ю яко невѣсту красну же, яко же и преже и болѣ, рцѣмъ, иконами и завѣсами, и свѣщами; яко же и нынѣ есть видѣти и всѣмъ притекающимъ в домъ ея милости и заступлению, въ хвалу Богу и угодника его. Мнози же хотяху быти черноризцы, но не ту абие постризааше, вѣдый трудъ, искушение велико отъ общаго всего врага, и се братьи числомъ 17. Сице же блаженый искушааше отъ Христовы благости,— вся бо ему Господь *откровенно* даяше разумѣти,— жити хотящимъ и к нему притекающимъ, тако отвѣщевая: глаголаше къ послушливымъ и смѣренымъ, веля имъ часто притекати к собѣ, елико бо ихъ отъ златолюбьства и злобы, тѣхъ удаляшеся. Сице бо и отъ своихъ напастий много, и отъ черноризець приимаше искушение, да того ради скоро не приимаше и. Искушаше же сице, вѣдый по книгамъ, но слыша нѣкоего игумена сице бывша, точью до 12 числомъ имяше мнихъ, два же въ искусе. А егда кто хотяше отъ него пострищися, то знаменаше преже, къ коему брату внидеть: да аще поидяще къ подвижну брату, то стоя славяше Бога, руцѣ въздѣвъ и о немъ моляся къ Господу, аще ли не къ такому, то печаленъ бываше. То же *на* собѣ блаженый помышляше, вѣдый, яко нудьно есть лѣнящимся сий подвигъ черноризьцѣмъ, а подвизающимся рече Господь: «Възмѣте иго мое на ся, и научитеся отъ мене: яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; и обрящете покой душамъ вашимъ и утѣшение. Ибо яремъ мой благъ, и брѣмя мое легко есть»,[39]— всѣмъ притекающимъ к тобѣ истиннымъ сердцем.

Велику же любовь потомъ стяжаста блаженая: епископъ радоваашеся, яко таковаго дарова ему Богъ свята и блаженна мужа, Авраамий же радоваашеся, яко тако дарова ему Богъ свята и блаженна епископа; Авраамий же пакы радовашеся, яко такъ даръ благодати приемъ от него. Мало же по такой любви поживъ епископъ, и преставися къ Богу, по правдѣ рещи, воистинну святу и преподобну и къ Богу тако подвизався, отъ уности потрудився и до самоя сѣдины великаго

священичьства. И тако преставися къ Богу святитель великый Игнатий града Смоленьска, яко же въ преставленьи его мнози повѣдають о немъ, глаголюще, яко великъ свѣтъ сниде на нь съ небесе, яко и страхъ нападе на вся, и тако взиде радуяся на небеса, свершивъ течение добрѣ о Господѣ Бозѣ. И вси въпросимъ милости от Бога, да помилует ны по милости своей, яко дарова святителя таковаго граду сему. И оттолѣ болѣ начатъ подвизатися блаженый Авраамий о таковѣмъ разлучении преподобнаго въ смѣрении мнозѣ и въ плачи отъ сердца съ воздыханиемъ и съ стенаньми, поминааше бо о собѣ часто о разлучении души от тѣла. Блаженый Авраамий часто собѣ поминая, како истяжуть душу пришедшеи аггели, и како испытание на въздусѣ отъ бѣсовьскыхъ мытаревъ, како есть стати прѣдъ Богомъ и отвѣтъ о всемъ въздати, и в кое мѣсто поведутъ, и како въ второе пришестие предстати предъ судищемъ страшнаго Бога, и какъ будеть отъ судья отвѣтъ, и како огньная рѣка потечетъ, пожагаюши вся, и кто помагая будеть развѣи покаяниа и милостыня, и беспрестанныя молитвы, и кто всѣмъ любы, и прочая иная дѣла благая, яже обрѣтаются помагающия души. Мы же сего ни на памяти *имамы*, но ово о семь, а другое о иномъ станемъ, не имуще ни единого слова отвѣщати предъ Богомъ.

Пребысть же блаженый в таковѣмъ подвизании вся дни лѣтъ живота своего, о семь бдя и моляся съ въздыханиемъ, многы же научивъ и наказавъ пребывати въ добрѣмъ трудѣ, въ бдѣнии же и въ молитвѣ, въ терпѣнии же и смирении, въ милостыни же и въ любви. И сице утверди вся съ слезами многами сихъ не забывати николи же и глаголаше: «И мене смиренаго не забывайте въ молитвахъ вашихъ, молящися Владыцѣ и Богу и пресвятѣй его Матери съ всѣми святыми его». И потомъ болѣзни на блаженаго нашедши, и тако преставися, предавъ блаженую и святую свою душю Господеви, его же желааше и получи, царьство небесное. И пребысть блаженый Авраамий подвизаяся лѣтъ 50, подвизаяся отъ уности до конца живота своего о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, ему же слава и дръжава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно въ вся бесконечныя вѣки. Аминь.

А се конець блаженаго и преподобнаго отца нашего Авраамиа и похвала граду сему, и заступление пречистѣй Богородици приснодѣвѣ, и похвала. Азъ же грѣшный и недостойный Ефрѣмъ и в лѣности мнозѣ пребывая, и в послѣдний всѣхъ, и празденъ, и пустъ бывъ всѣхъ благыхъ дѣлъ, развѣ въ праздно имя облекохся, въ аггельскый сий санъ, именемъ черноризець нарицаюся, дѣлы же злыми далече его отстою. А како нарекуся, абы послѣдний нарѣщися не могу, дѣла бо злая, яже сдѣяхъ, обличають мя и стужають, тѣм же послѣдний въ житии и блаженому, рцѣмъ, быхъ ученикъ, иже ни по малу быхъ послѣдуя житию, терпѣнию, смирению, любви и молитвѣ и всѣхъ его благыхъ нравовъ и обычай, но по вся дни пианъ и веселяся, и глумяся в неподобныхъ дѣлехъ, иже въ правду быхъ празденъ. Онъ умиленый плачася, азъ же веселяся и глумляся; онъ иже на молитву и почитаниа Божественыхъ книгъ, на славословие въ Божию церковь тщася, азъ же

на дремание и на сонъ многъ; онъ еже трудитися и бдѣти, азъ празденъ ходити и в лѣности мнозѣ, онъ еже непразденъ ходити, азъ же в лѣности мнозѣ; онъ еже не празднословити и не осужати, азъ же осужати и празднословити; онъ же страшный судный день Божий поминая, азъ же трапезы велиа и пиры; онъ паметь смертную и разлучение души отъ телеси, испытание въздушныхъ мытаревъ, азъ же бубны и сопѣли, и плясаниа; онъ еже подражати житие святыхъ отецъ и подобитися благому житью ихъ, и почитая святая жития ихъ и словеса, азъ же быхъ подражая и любя пустотная и суетная злыхъ обычая; онъ еже *смирити* себе и уничижити, азъ же веселитися и гордѣти; онъ нищету любя и безъимѣньство и вся раздавая требующимъ и сиротамъ, азъ еже събрати и не подати, побѣженъ отъ многыя скупости и немилосердия; онъ по смѣрению ризы любя, азъ же красны и многоцѣнны; онъ рогоже положи и постелю жестоку, азъ же постелю мяхъку и теплу; и не могый терпѣти студени и мраза и стерпяше, азъ же баню имѣа утѣшену и теплу; онъ о нищихъ тужа, изволя самъ алченъ быти и не вкуся, азъ же отинудь ихъ ненавидя и презря; онъ нагыхъ видѣвъ плещу и неодѣныхъ, мразомъ изъмерзъшихъ, одѣ, азъ же не вѣмъ, яко ти тако же отъ тоя же утробы произыдоша, и еще же мнози, утаившися, страньствують Господа ради, яко же рече Павелъ апостолъ, вселеныя учитель: «Их же ни весь миръ имать, яко ходиша въ овчинахъ и в козьяхъ кожахъ, заблужающе и скрывающеся по вселеннѣй, не имуще ни дому, заблуждающе въ верьтепѣхъ и в пещерахъ земныхъ».[40]

Сего ради, господье, и отци, и братья, не могу дивнаго и божественаго, и преподобьнаго образъ и подобие похвалити, грубъ и неразуменъ сый, оного бо образъ свѣтелъ, и радостенъ, и похваленъ, образъ же мой теменъ и лукавъ, и мерзокъ, и безстуденъ, аще хощу, не достигну. Како имамъ похвалити? Прошу милости, помощи отъ Господа и все упование имѣа, надежу и помощь възлагаю на пресвятую и пречистую дѣву и Богородицю Марию, та бо имать болѣ всѣхъ дръзновение къ Сыну и Богу нашему Исусу Христу, молящися съ всѣми бесплотными силами и съ всѣми святыми, могущи мя спасти и избавити отъ всѣхъ бѣдъ. И та ми есть помощница и поручница животу и спасению, и зде и въ будущий день, та бо вѣсть избавити и подати помощь своимъ рабомъ, елико и когда требуемъ ея на помощь, в доме, и на пути, и на мори, въ буряхъ и волнахъ, и на бранехъ, и въ всѣхъ бѣдахъ *скорѣе молниа* обрѣтающися на помощь, в нощь же и во день, и на всякъ часъ изъбавляющи и хранящи отъ всѣхъ съвѣтъ, сотонинъ, глаголю, и всѣхъ его дѣмонъ, и отъ всякоя крамолы, и поганыхъ нашествия, и всѣхъ съвѣтъ и съвѣщаниа испроверьзи. Святителя и черньца, и всего церковнаго чина, и сонма, князя же, и вся христианы въ молитвѣ, Госпоже, испроси, пресвятая и приснодѣво Богородице Марие, Сына своего и Бога нашего молящи прилежно за порученное тебѣ стадо новыхъ людий, яже избра Сынъ твой и Богъ нашь Исусъ Христосъ, иже прииде на землю, родися отъ пречистыя ти утробы, и бысть Богъ и человѣкъ, и страсть, и смерть приятъ, яко же изволи, тако и бысть, и отъ гроба въскресъ, и царьство адово испровергъ, и на небеса къ Отцю възыде, и раздруши всю неприязнину силу. И тако раздруши нынѣ

измаилтескыя языкы,[41] разсыпли и расточи, яко прахъ отъ гумна *вѣтру*, молитвами пречистыя ти Матери, и възвесели новыя люди избранное стадо, гнѣвъ свой устави, избавление и милость подати, да и еше прибудеть, твоею храними милостью, Вседръжителю Господи, да не ркуть языци, гдѣ есть Богъ их, но услыши и приими молитву всѣхъ молящих ти ся, иного бо упованиа и помощи не имамъ развѣ тебе.

И мое же худое грѣшнаго и недостойнаго раба твоего Ефрема моление *умиленое*, господи Исусѣ Христѣ, приими и помилуй, и не отлучи мене лика преподобныхъ. Аще ти много съгрѣшихъ и тя прогнѣвах паче всѣхъ, но не вѣмъ иного Бога развѣ тебе, иже словомъ всяческая яко въсхотѣ и быша, ты бо повелѣ и създашася, всяко дыхание хвалить тебе, Владыку и Господа, сътворшему и създавшему всяческая. Направи же и научи мя, Господи, творити волю твою, и посли благодать в помощь рабу твоему, да всегда, тобою съхраняемъ, избавляюся отъ всѣхъ нападений вражьихъ. И подаждь всему граду и рабу твоему руку твоея помощи, всегда ми падающу и лютѣ съгрѣшающу, и не повели взяти, о Владыко, отъ мене душа моея непокаянны отъ тѣла грѣшна, но малое покаяние мое приими, яко блуднаго сына, и блудницю, и разбойника, и въскреси мя, и оживи, въ мнозѣхъ грѣсѣхъ суща, молитвами святыя и пречистыя ти Матере дѣвы и всѣхъ небесныхъ силъ, и всѣхъ отъ вѣка святыхъ, послуживших и много потружьшихся по тобѣ.

Иже и нынѣ преподобнаго и блаженнаго Аврамиа успениа память празднуемъ и радующеся ликоствуемъ. Радуйся граде твердъ, набдимъ и хранимъ десницею Бога Вседръжителя! Радуйся пречитая дѣво, Мати Божия, иже градъ Смоленескъ всегда свѣтло радуется о тебѣ, хвалится тобою, избавляемъ отъ всякыя бѣды! Радуйся, граде Смоленескъ, отъ всѣхъ находящихъ золъ избавляемъ молитвами пресвятыя Богородица и всѣхъ небесныхъ силъ, и всѣхъ святыхъ его! Радуйтеся апостоли и пророци, мученици и святители, преподобнии, праведнии и вси святии въ день и в память святаго успениа преподобнаго Авраамиа! Радуйтеся пастуси и наставници Христова стада, патриарси, епископи, архимандрити, игумени, иереи, и дьякони, и весь черноризьческый чинъ, и честьныхъ черноризець, и преставльшихся о Христѣ, и еже и еще о Бозѣ и о Господи живущеи въ христоименитой вѣрѣ, свѣтло радуйтеся ликоствующе въ память успѣниа преподобнаго Авраамиа! Радуйтеся, о христолюбимии и богохранимии цари и князи, и судьи, богатии и славнии, и нищии о Бозѣ, уже преставльшиися о Христѣ и еще о Господѣ здравьствующе, и всякъ, реку, възрастъ мужескъ и женескъ, уноша и старци, въ честное успѣние богоноснаго отца Авраамиа! Радуйтеся о Господи множество вездѣ нищии, убозии, слѣпии же, и хромии, трудоватии и вси просители, не имуть же гдѣ главы подъклонити, иже претерпѣша гладъ, наготу, зиму, иже претерпѣша, рцѣмъ, многыя сугубыя напасти и скорби и на мори, и на суши, озлоблении и прогнани, и разграблени бес правды отъ велможь и отъ судьй неправедьныхъ, иже си вся приаша и претерпѣша с похвалениемъ и благодарениемъ о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ! И

нынѣ радуйтеся и вы, отшедшии и преставльшиеся отъ сего свѣта, и пакы и еще живущеи съ трьпѣниемъ о Бозѣ, веселитеся и радуйтеся, и ликоствуйте въ святое успение богоноснаго отца Авраамиа! Радуйтеся, граде Сионъ и Ерусалимѣ,[42] и Христова Господа нашего Исуса Христа церкви, ты мати господи всѣмъ церквамъ,[43] в нем же Господь волное распятие приятъ и претерпѣ крестъ и смерть, и въскресе за наше спасение и избавление! Радуйтеся святая и честная сущая вся мѣста окрестъ Иерусалима и преподобныхъ пустыня! Се бо суть святыхъ домове, и в нихъ добрѣ поживше, нынѣ веселятся о Господѣ. Радуйтеся по всему миру церквы Христовы и домове святыхъ, иже отъ всѣхъ святитель, и игуменъ, и ерѣй, и дияконъ, и черноризець, и отъ всѣхъ благовѣрныхъ и христолюбивыхъ християнъ, иже молитвы и молениа, и приношениа приносяще на святый жрътвеникъ за оставление грѣховъ Новаго завѣта. И да презрить вся съдержай владыка Господь Саваофъ, и прииметь, и посѣтить яко благъ и всѣхъ иерѣй, моляшихся и приношение приносяшихъ ему, и стоящихъ съ страхомъ, и с великымъ вниманиемъ послушающихъ святаго Еуангелиа, и святыхъ всѣхъ учениа сладкаго, и всѣхъ любовь и смѣрение имуще, не въздающе зла и противу злу, тружающеся в долзѣмъ дѣлѣ день паче отъ дне и злыхъ всѣхъ отбѣгающе, а къ добродѣтели правымъ дѣломъ и трудомъ понужающеся, радующеся и веселящеся о Господи Боже помощи по милости его, и дасть благостыню свою и благодать, избавление отъ всѣхъ золъ и бесконечнаго мучение избавит ны. То бо есть благый и великый даръ милости его — входъ въ бесконечное царство Господа Бога нашего Исуса Христа съ всѣми избранными его, послушающихъ и творящихъ волю его. Тѣм же поимъ и молимся славимому отъ всѣхъ небесныхъ силъ и отъ человѣкъ, яко въ вѣкы милость его на всѣхъ, творящихъ волю его, яко тому слава и честь, и държава, и покланяние Отцю и Сыну и Святому Духу и нынѣ, и присно, и в вѣкы вѣкомъ. Аминь.

---

[1] *«…преклонь небеса и сниде».* — ср. 2 Цар. 22, 10.

[2] *«Се азъ… вѣка».* — Мф. 28, 20.

[3] *«…възвахъ тя».* – Пс. 22, 11.

[4] *…Самоила Аннѣ подасть.*— Анна — библейский персонаж, жена Елканы и мать пророка Самуила. Будучи бездетной, она молила Бога дать ей потомство, которое обещала посвятить служению Богу. Родив наконец сына Самуила, она отдала его служению в храме.

[5] *…и благодать Божиа бѣ с нимъ…*— Лук. 2, 40.

[6] *«И аще… подобенъ».*— Мф. 10, 38.

[7] *...отъ града дале 5 поприщь...*— Поприще – древнерусская мера длины, равная приблизительно версте (1066 м).

[8] *...Селища нарицають.* — Богородицкий монастырь на месте нынешнего села Богородицкое к юго-востоку от Смоленска.

[9] *...великаго меню Антониа... побѣдившаго силою крестною духы неприязненыя...* — Антоний (Великий, ок. 250—356 гг.), родом из Египта, считается первым христианским иноком и основателем монашества. «Житие Антония Великого», написанное Афанасием Александрийским (IV в.), с древнейших времен известно на Руси.

[10] *...чюдотворца Еуфимья...* — Евфимий Великий (Благодушный, 376—477 гг.) — пустынножитель, с 29 лет жил в пещере близ Иерусалима, где позднее возникла Евфимиева лавра. «Житие Евфимия», написанное Кириллом Скифопольским (VI в.), известно на Руси уже в XI в.

[11] *...иже по нихъ Саву и Феодосья архимандрита...* — Савва (Освященный, 434—531 гг.) — палестинский монах, основатель монастыря близ Иерусалима (484 г.), названного его именем. «Житие святого Саввы», написанное Кириллом Скифопольским (VI в.), известно на Руси уже в XI в. Один из героев жития — архимандрит Феодосий, сподвижник Саввы.

[12] *...преподобнаго Ефрѣма...* — Ефрем Сирин (ок. 306—373 гг.) — сирийский богослов, «отец церкви». Перевод сборника сочинений Ефрема Сирина «Паренесис» относится к числу древнейших памятников славянской письменности (IX—X вв.).

[13] *...Иоанна Златоустаго...* — Иоанн Златоуст (Хрисостом, между 344 и 354—407 гг.) — «отец церкви», в 398—404 гг. константинопольский патриарх. В Древней Руси с ранних времен известны были различные сборники слов Иоанна Златоуста, а также его житие, написанное Георгием, архиепископом Александрийским (VII в.). Отдельные эпизоды из жития Иоанна Златоуста неоднократно использует автор жизнеописания Авраамия.

[14] *...Феодосия Печерськаго...* — Феодосий Печерский (ум. в 1074 г.) — русский святой, основатель Киево-Печерского монастыря. Житие его, написанное Нестором, используется в жизнеописании Авраамия дважды: во вступлении и в рассказе об основании Авраамиевого монастыря.

[15] *...князя Мьстислава Смоленьскаго и всея Рускыа.* — Мстислав (Борис) Романович — смоленский князь с 1197 по 1214 г., когда он занял киевский престол. Убит в сражении на Калке (1223).

[16] *...«нѣсть лѣпо... сущу».* — Ср. Мф. 5, 14—15.

[17] *...въ единомъ монастыри у Честьнаго Креста.* — Крестовоздвиженский монастырь, около которого позднее была построена кладбищенская церковь Гурия, Самона и Авива.

[18] *...образъ же и подобье на Великого Василья...* — Василий Кесарийский (Великий, ок. 330—379 гг.) — «отец церкви», с 370 г. был епископом Кесарии Каппадокийской. Создатель литургии, названной его именем.

[19] *«Рабе... с лихвою».* — Мф. 25, 26—27.

[20] *...яко о Великомъ Антонии пишется.* — См. комм. 9.

[21] *...глубинныя книгы почитаеть...* — Видимо, имеются в виду апокрифические, отреченные книги.

[22] *«Господи, не постави имъ грѣха сего...»* — Ср. Деян. 7, 60.

[23] *...у цeрькви честнаго архангела Михаила.* — Церковь Михаила-архангела, или Свирская (1191—1194) — княжеский придворный храм в Смоленске.

[24] *...яко хотѣша ... бес правды убити и.* — Имеется в виду Иоанн Златоуст.

[25] *...что прияша отъ Бога въставшеи на великого Иоана Златаустаго...* — Далее автор жития подробно рассказывает об участи преследовавших Иоанна Златоуста.

[26] *...своего святьца подражая...* — Имеется в виду Авраамий Затворник (IV в.), житие которого, написанное Ефремом Сирином, входит в сборник «Паренесис». В житии рассказывается, как в течение трех лет Авраамий Затворник кротко увещевал язычников некоего селения принять христианство, терпеливо вынося их преследования.

[27] *«За весь... день судный».* — Мф. 12, 36.

[28] *«Что осужаете... поставити и».* — Рим. 14, 4.

[29] *«Ихъ ради... непокоривыя».* — Еф. 5, 6, ср. Кол. 3, 6.

[30] *...слово, яже отъ житья преподобнаго Савы и о патриарсѣ Ерусалимъстѣмъ Ильи...* — Приводится эпизод из «Жития святого Саввы». Илья — патриарх Иерусалимский (ум. 20.7.518 г.); как рассказывается в житии Саввы, изгнан византийским императором Анастасием I (430—518, император с 491 г.).

[31] *...Евдоксию же лютый недугъ порази...* — Евдоксия — жена византийского императора Аркадия (377—408 гг., император с 395 г.), принимала активное участие в гонениях на Иоанна Златоуста.

[32] *Пишеть бо въ «Златыхъ Чепехъ»...* — «Златая Цепь» — древнерусский сборник поучений о христианско-аскетических добродетелях.

[33] *«Смущая... буди».* — Гал. 5, 10.

[34] *...и о житьи преподобнаго отца Феодосья Печерськаго...* — См. коммент. 14.

[35] *...церквицю во имя Богоносца...* — Святой Игнатий Богоносец — один из «мужей апостольских»; предание считает его вторым епископом Антиохии. Во время преследования христиан при римском императоре Траяне (53—117, император с 98 г.) был казнен в Риме.

[36] *...и нарече во имя святое владычица нашеа Богородица Положение честные ризы и пояса.* — Церковь основана в память Положения ризы и пояса Богородицы во Влахерне. Позднее монастырь назван Авраамиевым (нач. XIII в.) по имени первого игумена — Авраамия Смоленского.

[37] *Яко же сице Иаковъ во снѣ видѣ лѣствицю... на семь мѣсте...* — Иаков — младший из сыновей патриарха Исаака — во сне увидел лестницу, которая стояла на земле, а ее верх касался неба, и по этой лестнице поднимались и спускались ангелы (Быт. 28, 12).

[38] *«Възведе... в покой».* — Пс. 65, 12.

[39] *«Възмѣте... легко естъ».* — Мф. 11, 29—30.

[40] *«Их же... земныхъ».* — Евр. 11, 37—38.

[41] *...раздруши нынѣ измаилтескыя языкы...* — Предполагают, что здесь намек на татаро-монгольское нашествие.

[42] *...граде Сионъ и Ерусалимѣ...* — Сион — гора в Иерусалиме, на которой находилась Иерусалимская крепость. В Писании Сион называется городом Давида, Святой Горой, жилищем и домом Бога, часто означает сам Иерусалим.

[43] *...ты мати господи всѣмъ церквамъ...* — Храм святого Гроба Господня в Иерусалиме.

ПЕРЕВОД

ЖИТИЕ И ТЕРПЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО АВРААМИЯ, ПРОСВЕТИВШЕГОСЯ ВО МНОГОМ ТЕРПЕНИИ, НОВОГО ЧУДОТВОРЦА СРЕДИ СВЯТЫХ ГОРОДА СМОЛЕНСКА

Господи, благослови.

О пресвятой царь, Отец и Сын и Святой Дух, слово Божье, царь, который всегда был, сотворивший небо и землю, видимое и невидимое, приведший нас из небытия в бытие; не захотел он нас оставить во многих соблазнах этого мира, но послал для нашего избавления своего

единственного Сына. Ибо Святой Дух говорит устами пророка: «Не ходатай, не ангел нас освятил, но сам преклонил небеса, и снизошел»; и родился без семени у святой, пречистой и невинной приснодевы Марии от Святого Духа, и пожил на земле как человек, и претерпел мучения от тех, кого сам сотворил, и познал смерть на кресте, будучи нестрастным и бессмертным божеством, и положен был в гроб, и воскрес в третий день, явился своим ученикам и утвердил их, и показал ученикам многие знамения и чудеса, и взошел на небо к Отцу, и сел справа от него, и послал свой Святой Дух святым апостолам, и через них просветил все народы и научил их истинно веровать и славить Бога, и, наставляя, вот что сказал; «Вот, я с вами во все дни до скончания века».

И вот, прежде чем я начал писать, молю тебя, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами пресвятой и пречистой Девы-матери и всех небесных сил, и мольбами всех святых,— дай мне разум, просвещенный Божьей благодатью, дай мне, человеку дурному и грешнейшему из всех грешников, начать рассказ о светлом подвиге жизни и терпения, рассказ о житии блаженного Авраамия, бывшего игуменом этого монастыря нашей святой владычицы Богородицы, память которого мы отмечаем, празднуя день его успения.

Так вот, братья, вспоминая жизнь преподобного и то, что она еще не описана, я был всегда одержим печалью и молился Богу: «Господи, сподобь меня написать все по порядку о жизни нашего богоносного отца Авраамия»,— чтобы и в будущем иноки, получив наставление и читая его, видя доблесть мужа, восхвалили Бога и, прославляя его угодника, укрепились на дальнейшие подвиги, особенно же в этой стране, ибо здесь появился такой муж, угодник Божий. Ведь о таких, как он, Господь через пророка сказал: «Я призвал тебя из утробы матери». Собираясь начать рассказ, прежде всего молюсь Богу, говоря так: «Владыка мой Вседержитель, податель благ, отец Господа нашего Иисуса Христа, приди ко мне на помощь и просвети мое сердце для разумения заповедей твоих, открой уста мои для изречения слов твоих и чудес и для похвалы твоего святого угодника, и пусть прославится имя твое, так как ты помощник всем, уповающим на тебя всегда».

Родился же блаженный Авраамий от правоверных родителей, и они хорошо и благочестиво жили по Божьим законам. Отец его был всеми почитаем и любим, в чести у князя, и поистине все его знали, и был он украшен правдой, и многим помогал в бедах, был милостив и кроток со всеми, к молитвам и службам церковным прилежание имел. Мать его также была украшена всяким благочестием. И хотя была она не бесплодна — родилось у нее двенадцать дочерей,— но не было у них сына. И это было им по Божьему промыслу. Они усердно молили Бога даровать им сына, принося многие обеты и милостыню в церкви и

монастыри,— и Бог услышал их, и даровал им сына. И еще когда он находился в материнской утробе, благодать Христа его прославила и призвала его, освятила и даровала его матери, как прежде Самуила Анне. Жила в то время некая дева и блаженная инокиня. По Божьему промыслу однажды в воскресенье, когда она сладко спала поутру, к ней ударили в дверь и позвали ее: «Быстро вставай и иди, так как Мария родила сына, а ты будешь его крестить». «И было это со мной,— рассказывала она,— как будто наяву. Когда же я вошла в дом его матери, многие святители благоговейно омывали отрока, как бы крещением благодати освящали его, и некая женщина, сияющая ярким светом, стояла рядом и держала одежду белую, как самый белый снег. А когда слуги спросили: “Кому, госпожа, дать этого ребенка?” — то повелела принести его себе. И, как будто в свет, одела она его в светлую одежду, и отдала матери. Когда же я рассказала об этом видении его матери, она ответила: “В этот час ребенок ожил в моей утробе”».

Когда наступил день рождения, родила она блаженного ребенка, а затем в восьмой день принесли его к священнику, чтобы, как принято у христиан, имя ребенку дать. А пресвитер, увидев ребенка, глазами сердца по Божьей благодати прозрел, что хочет он смолоду посвятить себя Богу. Затем, когда ребенку исполнилось сорок дней, пресвитер его окрестил. Мальчик рос и вскармливался своими родителями, и была с ним благодать Божья, и Божий Дух уже в молодости вселился в него. И когда по благодати Христа мальчик достиг разумного возраста, родители отдали его учиться, по книгам. Он же не унывал, как прочие дети, но, благодаря большому прилежанию, быстро обучился, к тому же он не играл с другими детьми, но спешил прежде других на божественное и церковное пение и чтение, так что его родители радовались этому, а другие удивлялись такому разуму ребенка. Ведь на нем была Господня благодать, которая просвещала его разум и наставляла на путь Христовых заповедей. Когда же он вырос, он как свет сиял красотою телесною и своими добродетелями. Хотя родители принуждали его вступить в брак, он сам не захотел этого, и, более того, сам наставлял и учил их презирать и ненавидеть славу здешней жизни, соблазны этого мира, и советовал постричься в монахи.

Когда же его родители отошли к Богу, он весьма обрадовался и воздал хвалу Богу, который так устроил, а все богатство, которое оставили родители его, раздал нищим, вдовам и сиротам, и инокам, помышляя о том, как бы ему без печали отказаться от земных благ и обратить свою мысль к Богу, и утверждая себя в этом, и учась Господнему слову, гласящему: «И кто не берет креста своего и не следует за мною, тот не похож на меня». Читая же боговдохновенные книги и жития святых, желая последовать их жизни, и трудам, и подвигам, он отказался от богатых одежд и облекся в бедные, и ходил как нищий, и стал юродивым, и раздумывал, прося и молясь Богу, о том, как бы ему спастись и в какое бы уйти место. Следуя наставлениям Бога, он

отошел далее пяти поприщ от города, скрыв это от всех, и постригся, как известно многим, в монастыре святой Богородицы, в месте, называемом Селище, к востоку от города. И был он с тех пор по благодати Христа еще более склонен к подвигу, готовый на все труды, и мысленно представлял себе святой город Иерусалим и Гроб Господень, и все священные места, где избавитель Бог и Спаситель всего мира претерпел мучения ради нашего спасения, и все святые места и пустыни преподобных отцов, где они подвиг и труд совершили; и я говорю о дивном основателе пустынножительства и воссиявшем, равном ангелам великом Антонии, который был крепок и храбр и победил крестной силой враждебных духов, о Иларионе, бывшем его учеником; затем о прославленном среди постников Евфимии-чудотворце; затем о Савве и Феодосии-архимандрите, самом первом наставнике всех иноков, живущих вокруг Иерусалима.

Из всех книг более всего любил он часто читать учение преподобного Ефрема и великого учителя вселенной Иоанна Златоуста, и Феодосия Печерского, который был архимандритом всей Руси. Изучая и вдумываясь в святые боговдохновенные книги с их житиями и поучениями, он читал днем и ночью, непрерывно молясь Богу, и совершая поклоны, и просвещая свою душу и помыслы. И он кормился словом Божьим, как трудолюбивая пчела, облетающая все цветы и приносящая и готовящая себе сладкую пищу; так и он выбирал все из всех книг и переписывал кое-что своей рукой, кое-что поручал многочисленным писцам, как добрый пастух, знающий и паству свою, и когда на какой пажити ему пасти стадо, а не так, как невежда, который не знает стада, так что оно иногда от голода по горам разбредется, блуждая, а некоторых звери съедят. Да будет известно это всем невеждам, которые облачаются в сан священника. Так и моряки, и искусные кормчий, зная путь и пристани, ожидают милости от Бога и попутного ветра, а не плывут навстречу буре и волнам морским, но знают, как с Божьей помощью достигнуть необходимого города без несчастья и потопления. Или если же в далекий город захотим пойти, то сведущих людей спрашиваем, нет ли разных дорог и нет ли мест, опасных из-за разбойников, и остерегаемся всего этого, и молимся Богу, чтобы без всякой беды дойти.

Но вернемся к прежнему, с чего мы начали, говоря о даре Божьего слова, который был дан Богом преподобному Авраамию. Если кто-нибудь хочет стать воеводой у царя, не собирает ли он всех храбрых воинов, чтобы твердо противостоять врагу, исполчившись, наступать и побеждать с Божьей помощью? Так Авраамий, и заботясь, и почитая такой дар и труд Божественных писаний, думал, как бы корабль своей души уберечь с Божьей помощью от многих бурь и волн, то есть напастей от бесов и людей, с надеждой не погибнуть в этих бедах, и достичь пристанища спасения, и в тишину небесного Иерусалима нашего Бога прийти. Ибо в святых книгах пишется, что наша здешняя жизнь — это смерть, искушение и война, так что трудно кому-либо

пройти ее без напастей. Ведь к сам Владыка и Спаситель, Господь и творец всех, и создавший все, и от пречистой девы Богородицы пришедший для нашего спасения, не претерпел ли такие страдания от своего творения, будучи безгрешен,— и сколько святых не претерпели ли то же и так достигли небесного царства, которое и мы молимся получить.

Пребывал же блаженный Авраамий в прежде названном монастыре в труде, и в бодрствовании, и в голоде днем и ночью, так что и сам игумен радовался, видя его славную жизнь, и вся братия славила Бога, и многие миряне приходили, чтобы он их утешил чтением святых книг. И он во всем повиновался игумену, и слушался всех братьев, и был полон любви и смирения, и покорялся всем Бога ради. И игумен его испытал, во всем ли он ему повинуется и слушается (ибо и сам игумен был начитан в Божественных книгах, и знал все, и проникал во все, как известно многим, и никто не смел с ним спорить о книжной премудрости), и принудил он блаженного Авраамия принять священнический сан; и тогда он был поставлен дьяконом, а потом священником при княжении великого и христолюбивого князя Мстислава Смоленского и всей Руси. Когда же блаженный принял священный сан, он еще более смирился, поскольку Христос даровал ему такую благодать.

А божественную литургию, которую Христос велел творить за весь мир, он с большим усердием совершал, и ни единого дня не пропускал, и делал это, как известно многим, до самой смерти, и не оставил церковных правил, и божественной литургии, и своего подвига. Кто может рассказать о его нищете и наготе, и о поношениях от дьявола, и о болезни, и об испытании его игуменом и всеми братьями и рабами? Он сам говорил: «Я терпел испытание пять лет, поносили меня, бесчестили как злодея». Так вот, дьявол, не терпя его и видя, что побежден святым, воздвиг на него крамолу своими злоумышлениями, желая его оттуда прогнать; что и сбылось. Ведь дьявол видел, что многие из города приходят и умножаются сторонники его учения духовного, приходят к покаянию от многих грехов, хотя мы можем думать и иначе — Бог так хотел, «потому что не подобает светильнику сиять во тьме и не может укрыться город, стоящий на верху горы». Ибо пишется о великом просветителе и учителе всего мира, об Иоанне Златоусте, что когда он ушел в пустыню и пробыл в пустыне некоторое время, то из-за большого труда, и воздержания, и голода слабость и недуг охватили его тело, и это было по Божьему промыслу, чтобы учитель не был далеко от города. И после этого он возвратился в город, поучая людей и призывая их к страху перед Господом.

И по наущению дьявола и с Авраамием то же произошло, ибо некоторые из священников, а другие из числа иноков помышляли, как

бы восстать на него, и некоторые приходили из города, чтобы оскорбить и обидеть его, другие же лиходействовали и утверждали, что он ничего не знает по сравнению с ними, но уходили со стыдом, посрамленные. И снова не переставали они воздвигать на него крамолу в городе и повсюду., говоря: «Вот уже он обратил к себе весь город». К этому можно добавить, братья, одно слово вам для утешения: он так по благодати Христовой утешал приходящих и пленял их душу и разум, что, если бы возможно было, они уже не уходили, чему также есть многие свидетели. Так что не мог стерпеть этого даже сам игумен, видя, что к нему многие приходят, и не желая этого, он отлучил Авраамия и сказал ему: «Я за тебя отвечаю перед Богом, а ты перестань поучать»; и возвел на него многие обвинения.

И оттуда он вернулся в город и находился в одном монастыре Честного Креста. И сюда стали приходить люди еще больше, и учение его еще больше распространилось, и враг сетовал, а Господь Бог прославлял своего раба и соблюдал его все время, подавая благодать и силу рабу своему. И был он там недолго, и от многих получал подношения: ему давали необходимое и сверх потребностей, а он тотчас раздавал все вдовам и нищим, а себе оставлял только необходимое. Украсил же он церковь иконами, и завесами, и свечами, и многие из города начали приходить и слушать церковное пение и чтение Божественных книг. Ибо блаженный был искусным чтецом, так как по Божьей благодати он мог не только читать, но также толковать книги, так что многие несведущие люди, слушая его, понимали все, что он сказал; и он говорил наизусть и по памяти, потому что ничто в Божественных писаниях не утаилось от него, так что его уста никогда не умолкали, обращаясь ко всем, к малым и к великим, к рабам и свободным, и к ремесленникам. И так как они иногда приходили на молитву, иногда на церковное пение, иногда же для утешения, он даже ночью мало спал, но совершал коленопреклонения и тихо проливал из глаз обильные слезы, и бил себя в грудь, и обращался к Богу, умоляя помиловать своих людей, отвратить гнев свой и послать милость свою, и избавить нас от угрожающих нам бед, и дать мир и покой молитвами пречистой девы Богородицы и всех святых. Написал же он две иконы: одну — Страшный суд второго пришествия, а другую — испытание воздушных мытарств, которых никто не избежит, так учит великий Иоанн Златоуст, который напоминает о страшном дне, и сам Господь, и все его святые проповедуют это испытание, которого нигде не избежать, не скрыться от него, и огненная река течет перед судилищем, и раскрываются книги, и восседает Судья, и явными становятся дела всех людей. Тогда будет слава, и честь, и радость всем праведным, грешным же — вечная мука, которой сам сатана боится и трепещет. Если уж, братья, страшно слышать об этом, то еще страшнее будет самому видеть. Но, оставив это, обратимся снова к нашему рассказу о блаженном Авраамии.

И он не переставал вспоминать Страшный суд, боясь испытания, и не переставал прилежно молиться Богу, и ночью, и днем, и всем

приходящим к нему не переставал говорить об этом страшном дне, читая великого и светлого учителя вселенной Иоанна Златоуста, и преподобного Ефрема, и всех богогласных святых, внимая Святому Духу, который говорил их устами, и всем проповедая. И жил блаженный, воздерживаясь от многого питья, особенно же ненавидел пьянство, и любил он скромную одежду, пренебрегая очень дорогой одеждой и будучи всегда смиренным. А на трапезы и на пиры он никогда не ходил из-за многих ссор, которые бывают там между выбирающими себе места, и из-за многих других бед, которые бывают из-за неумеренного пьянства, поэтому он избегал пиры. Лицо же блаженною и тело были сильно изнурены, так что его кости и суставы можно было сосчитать как в мощах, и лицо его было бледно из-за великого труда, и воздержания, и бодрствования, и из-за многих проповедей, которыми он изнурял себя, из-за пения и чтения, и молитв, возносимых к Богу. И когда он с благочестием и с вниманием приближался к божественному жертвеннику для божественного приношения святых даров, которое завещано Господом на вечери апостолам, а апостолами Нового завета передано нам во оставление грехов, тогда он не разрешал разговаривать в церкви, особенно на литургии, наставляя и поучая, повелевая тогда ум вместе с душой неколебимо, как подобает, с прилежанием целиком обращать к Богу. Когда он облачался в одежды священника, был он образ и подобие Василия Великого: имел такую же черную бороду, только что голова у него была плешива. Но не осудите, братья, мою грубость, ведь не лгу я, не хитрю, не мудрствую, но говорю это для тех многих, что не видели и не слышали его. И вспоминаю Господа, говорящего: «Раб ленивый и лукавый! надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я получил бы мое с прибылью». Поэтому, боясь такого осуждения, я пишу это, чтобы, выслушав, мы прославили Бога, ниспославшего такую благодать и помощь городу Смоленску, как блаженный Авраамий.

Так как я хочу далее рассказывать, помогите мне вашими молитвами, чтобы Господь дал мне и закончить работу — написать для тех, кто хочет читать и последовать житию преподобного, или переписать его и получить великую милость от Бога здесь и в будущий и страшный день воздаяния Христова.

Но, помня об этом, вернемся к прежнему рассказу, с чего мы начали. Сатана, видя, что силой Христа побежден он святым, являлся ему иногда ночью, иногда днем, устрашая и угрожая ему, освещая его ночью как огонь, так что многие вместе с ним не могли спать, иногда же сатана пугал его, или являясь ему во многих наваждениях ростом вплоть до потолка и снова нападая на него, как лев, устрашая его, как лютые звери, или же нападая и избивая его подобно воинам, иногда даже сбрасывал его с постели. Когда же блаженный пробуждался, вкусив мало сна из-за злых окаянных бесовских видений, тот его днем еще более пугал, являясь ему иногда в собственном виде, иногда преображаясь в бесстыдных женщин, как пишется и о Великом

Антонии. Видя дьявольскую силу и злобу беса на нас, Господь не дал ему полной свободы, но допускает по своему усмотрению, чтобы мы соразмерно нашей силе могли вступать с ним в борьбу, ибо Господь сказал в Евангелии, что сатана «не имеет власти даже над свиньями без Божьего повеления»; пусть так Божьи рабы укрепляются. Тому же учит Златоуст, говоря: «Господи, если ты дашь свободу одному врагу, то его не одолеет даже весь мир, а что смогу я, который кал и грязь?» Укрепивший же Антония явился ему, повелевая дерзать: «Не бойся, я тебе помогу». Он же давал благодать и силу и этому блаженному и избавлял его.

И всем этим сатана искушал блаженного, но не одолел его, ибо Бог помогал ему, и тогда воздвиг на него мятеж, как и при Господе было: вошел сатана в сердца иудеям, и они учинили суд, и много надругались над ним, и предали мучению Господа славы. Так же и с Авраамием было: как сатана его выгнал из прежнего монастыря, так он сделал и теперь, так как не мог окаянный терпеть его вследствие благодати и помощи, которая бывает верным и христолюбивым христианам, и будучи побеждаем всеми силою Христа. Но поскольку душам пасущих предназначено принимать на себя беды, то сатана, войдя в сердца бесчинных, воздвиг их на Авраамия: и начали одни клеветать на него епископу, другие же хулить его и досаждать ему, одни называли его еретиком, другие же говорили о нем: он читает глубинные книги, другие же обвиняли его в блуде, а попы с яростью говорили: «Он уже совратил всех наших детей»; другие же называли его пророком и много прочего говорили о нем, в чем блаженный неповинен. Поистине скажу, что не было в городе такого, кто не оговаривал бы блаженного Авраамия, так что дьявол радовался этому, а блаженный, радуясь, терпел все во имя Господа. Собрался на него весь город от мала до велика: одни говорят, что его нужно заточить, другие — пригвоздить к стене и поджечь, а другие — утопить его, проведя через город. Когда же собрались все на двор владыки, игумены и попы, и чернецы, князья и бояре, дьяконы и все церковнослужители, тогда послали за блаженным, когда уже все собрались. Посланные же слуги, схватив Авраамия, волочили его как злодея, одни ругались над ним, другие насмехались над ним, бросая ему оскорбительные слова, и так делал весь город и по торгу, и по улицам — везде много народу, и мужчины, и женщины, и дети, и было тяжело видеть это зрелище. Блаженный же был схвачен руками, как птица; не знал, что ему сказать или что отвечать, но уповал на одного только Бога, и молился ему, чтобы он избавил его от такого несчастья, и про себя вспоминал страдания Господа нашего Иисуса Христа, который все это претерпел ради нашего спасения, и молился за них: «Господи, не вмени им сего греха и не допусти, чтобы твой раб был предан в их руки, но укроти их и запрети им, как перед учениками ты повелел умолкнуть ветру на море».

Так и случилось, ибо властителям Бог смягчил сердце; а игумены и священники, если бы могли, съели бы его живьем. Когда же его вели на

суд, Господь явился в это время у церкви честного архангела Михаила преподобному Луке Прусину. В то время когда он стоял на молитве в 9 часов, услышал он голос, говорящий, что «вот моего блаженного угодника ведут на суд с двумя его учениками, хотят его мучить, ты же ни в коем случае не сомневайся в нем». И сказал блаженный Лука осуждающим блаженного Авраамия и унижающим его: «Ведь его сильно унижают, несправедливо хуля; но если бы его грехи были на мне! А слышали вы, что хотели в давние времена сделать такие же не имеющие страха Божьего безумцы и их епископ и как хотели безвинно убить другого святого. Это к тому же злой порок, и хула, и злая клятва, и за это гнев Божий продолжался более тридцати лет, а с вами будет хуже, если не покаетесь». Однако возвратимся к тому, о ком я начал говорить. Когда блаженный был приведен на суд, не нашли за ним никакой вины, но бесчинно попы, а также игумены ревели на него, как волы; а после того как князь и вельможи не нашли за ним никакой вины, проверивши все и убедившись, что нет никакой неправды, но все лгут на него, сказали тогда в один голос: «Да будем неповинны, владыка,— сказали они всем,— в том, что воздвигли такое обвинение на него, а мы неповинны в том, что вы на него наговариваете или замышляете какое-то беззаконное убийство!» И говоря: «Благослови, отец, и прости нас, Авраамий!» — с тем ушли восвояси.

Увидев же, что те разошлись и не за что им осудить Авраамия, повелели людям, приготовленным для этого епископом, крепко стеречь и блюсти его и еще двух его учеников, которые верно служили преподобному. Когда же утром собрались игумены и священники, они, укорив и оскорбив его, возвели на него прежние обвинения. И с этого времени блаженный снова вошел в монастырь, в котором он прежде постригся, когда ему не причиняли еще никакого зла. Вот с этого времени много зла совершилось: все, кто были наставлены блаженным, возвратились к своим злым греховным делам. И слава Богу, терпящему всех их! И был в то время блаженный Лазарь еще священником (а после Игнатия он стал епископом), воистину был он как бы поборник и пастух словесных овец Христовой церкви, ибо он ради Бога оставил свою епархию из-за многих обид святым церквям, которые обижают и властители, отнимающие чужое неправедно и обижающие вдов и сирот. Так вот, этот Лазарь видел и слышал, что несправедливо на блаженного Авраамия воздвигли крамолу, и он, поскольку Бог вложил ему это, сказал, придя к епископу Игнатию: «Граду сему великая епитимия будет, если ты искренне не раскаешься»; так и случилось. Блаженный Игнатий послушался его — послал быстро ко всем игуменам и ко всем попам, приказывая и запрещая произносить какие-либо злые слова о блаженном Авраамии. «Ведь вот, послушавшись вас, я принял на себя от Бога вечную епитимию. А вы, дети мои, покайтесь, ведь вы и сами знаете, как Бог наказал поднявшихся на великого Иоанна Златоуста; а если вы не покаетесь, то же произойдет и с вами». А блаженный подражал своему святому, имя которого он носил, как и тот пострадал от селения язычников и молился за них Богу, обращая всех к Богу и спасая, и терпел блаженный их преследование.

И Авраамию также было запрещено, чтобы кто-либо к нему приходил, и поэтому много стражников было выставлено на всех дорогах, а некоторые люди были ограблены. Но Бог хочет, чтобы все спаслись, потому иногда он являет свое человеколюбие и милость, иногда же казнит, посылая беды: голод, смерть, бездождие, засуху, грозные тучи, набеги поганых, пленение городов и все, что нам ни посылается Богом. И этими бедами он обращает нас и приводит к себе, поскольку мы небезгрешны, а, терпя все это, поймем и вспомним, сколько злых дел мы совершили, а затем предали их забвению, согрешая ночью и днем. Некоторые осуждают и хулят епископа, и священника, и монаха, как будто сами безгрешны; однако вы слышали Господа, говорящего: «Епископов моих, и монаха, и священника содержите в чести и не осуждайте их»,— чтобы вы сами не были строго осуждены Богом; не забывайте Господа, наставляющего вас, ибо Господь сказал: «За всякое праздное слово дадут люди ответ в день суда». А апостол Павел, учитель вселенной, говорит: «Что вы осуждаете чужого раба? Перед своим господином стоит он, или падает, и будет возвышен; ибо силен Господь возвысить его»; и дальше: «За это приходит гнев Божий на сынов непокорных». Итак, будем думать каждый про себя: каждому за себя придется дать ответ в день суда.

Можно здесь вспомнить рассказ из жития преподобного Саввы об Илье, патриархе Иерусалимском, которого царь Анастасий повелел несправедливо согнать с престола, а на его место возвел другого. Когда же горожане в Иерусалиме услышали, что патриарх изгнан, они очень обрадовались этому, за что и постиг их Божий гнев, и был у них голод пять лет, чтобы они научились не радоваться ничьей беде. А к преподобному Савве пришел эконом и сказал: «Уже братья не ели целую неделю, и уже не ударить нам в било к трапезе». Преподобный же Савва сказал, утешая его, что «Бог не оставит своих рабов». И сбылось по слову преподобного: некий христолюбец имел тридцать верблюдов, которых он послал к блаженному в лавру, нагрузив их в изобилии всякой едой. Тогда Савва призвал эконома и спросил его: «Можно ли ударить в било?» Эконом же весьма осудил себя. А что касается сказанного нами о царе Анастасии, который согнал с престола патриарха Илью, то его за это постиг Божий гнев, о его смерти так рассказывают: появилось облако и молния только над царской палатой, — так, преследуем, царь был убит Божьим гневом.

Здесь же можно напомнить о великом светиле всего мира. Злые люди прогнали святого Иоанна Златоуста, поднявшись против него; и явились ему великие апостолы Петр и Павел, говоря: «Дерзай, Божий страстотерпец, Господь с тобой. Да будет мир, мужайся и крепись, ибо ты получишь воздаяние, небесное царство и светлый венец от Бога, а поднявшиеся на тебя будут казнены Богом лютой смертью, которая скоро постигнет их и здесь, и на будущем суде». И после того как

блаженный скончался, сбылось пророчество святых апостолов о преследовавших и прогнавших святого, так что одних из епископов постигла внезапная смерть, у других же появились на ногах синие прыщи, которые лопались, а еще одному внезапный огонь, сошедший свыше, иссушил руки и ноги, у другого же распухла нога и начала гнить, а поскольку она прикасалась ко второй, зараза перешла и на ту, и он умер лишь через три года, у другого же язык стал как затычка во рту, и, написав на доске, он признал свой грех, что изрек хулу на святого Иоанна Златоуста; а Евдоксию поразила жестокая болезнь, ибо у нее из недр шла кровь, а потом был смрад, и она извергла из себя червей, и так злообразно кончила она свою жизнь горькой смертью. Так можно было видеть, как приходит на них внезапно Божий гнев, обрекая их на многие муки и тяжкую смерть.

Но вернемся к тому, о чем мы говорили, и вспомним теперь о блаженном Авраамии. Вскоре случилось так, что некоторых игуменов, а также некоторых попов постигла внезапная смерть; узнав об этом, участвовавшие в суде над блаженным горевали и припадали к его ногам, прося прощения, а не присутствовавшие на суде радовались. Ибо в «Златой Цепи» святых отцов всей вселенной написано, что был некий преподобный отец, который приносил многим пользу словом и житием. Но некие люди, побуждаемые дьяволом, завидовали ему и оклеветали его, многих отогнали от него и лишили тем самым пользы, потом же поняли коварство дьявола и покаялись перед ним, и получили от него прощение, а затем одни обезумели, с другими же приключились различные беды за их прегрешение. Ибо Спаситель сказал: «Смущающий вас понесет на себе осуждение, кто бы он ни был». А теперь вспомним также наставление некоего духовного отца к духовному сыну: мы подобны кораблю, а кормчий — Бог, который направляет весь мир и спасает его своими вечными рабами, то есть пророками и апостолами, святителями и всеми учителями Божьими, вплоть до скончания века сего. Если же мы возьмем на себя смелость осуждать других, изгонять их справедливо или несправедливо, то, значит, мы отняли кормило у Бога и отдали Божий корабль его противнику, то есть дьяволу. И теперь мы уже не знаем, где находимся, потому что попали во власть враждебной нам бури, а когда она нас принесет к потоплению, тогда с опозданием вспомним, что никто из нас не сдерживает себя в своих грехах и не оплакивает их, но мы осуждаем и хулим других, как говорит об этом Господь: «Люди взяли суд мой, уже они их осудили, а я не вершу суда над ними», поэтому да не будете вы осуждены Богом. Ведь если кто-нибудь получит благодать от Бога и дар поучения, то не сможет его одолеть даже весь мир, ибо он имеет против всех помощника — Бога, как об этом говорит Господь: «Я с вами, и никто против вас». Оставив же это, вернемся вот к чему.

Было в городе великое бездождие, так что высыхала земля, и сады, и нивы, и весь земной плод, чего никогда не бывало, и все горевали и молились Богу. И сам епископ, блаженный Игнатий, с честным

клиросом и с богобоязненными игуменами, и священниками, и дьяконами, и монахами, и со всем городом, с мужчинами и женщинами, и со всеми молодыми людьми,— все жители города вместе ходили вокруг с честным крестом, и с иконой Господней, и с честными мощами святых и просили Бога с великим умилением и со слезами помиловать людей своих, и послать милость свою на землю, и отвратить гнев свой: «Пусти, Господи, дождь, одожди лицо земли, молимся тебе, святой». И когда они кончили отпуст, и освятили воду крестом и мощами святых, каждый ушел восвояси. И не было дождя на земле, и были все в великой печали. Все же это было по Божьему промыслу. И поскольку Бог хотел прославить блаженного Авраамия, он вложил в сердце некоему священнику мысль о нем, так что тот, отправившись к христолюбивому епископу Игнатию, напомнил ему о блаженном Авраамии, говоря так: «Мы все молились, но Бог не услышал нас. Какая такая вина блаженного Авраамия, что он лишен возможности служить божественную литургию? Не из-за этого ли ниспослана от Бога казнь сия?»

Тогда блаженный Игнатий быстро послал за блаженным Авраамием и, призвав его и испытав, выяснил, что все обвинения против него были ложью и клеветой из-за зависти и злобы дьявола, и он простил его, говоря: «Благослови меня, честной отец, я сделал это тебе по неведению, и благослови весь город, и прости послушавших лживых клеветников и обвинителей». И благословил его, чтобы он снова совершал пречистую и честную литургию: «И моли Бога о городе и о всех людях, чтобы Господь помиловал их и послал свой обильный дождь на землю». И сказал блаженный епископу: «Кто такой я, грешный, что ты повелеваешь мне сделать то, что свыше моих сил?» Но сказал: «Да будет над всеми нами воля Божья! А ты, о честной святитель, сначала помолись о нас, о своем порученном Богом тебе избранном святом стаде словесных овец». После чего блаженный вышел, и молился Богу, и говорил: «Услышь, Боже, и спаси нас, владыка-Вседержитель, молитвами твоего святителя, и всех твоих священников, и всех твоих людей. И отврати гнев свой от рабов твоих, и помилуй этот город и всех твоих людей, и прими милостиво воздыхания всех молящих тебя со слезами, и пусти, и пошли дождь, напои лицо земли, возвесели людей и скотов. Господи, услышь и помилуй!» — и не успел еще преподобный дойти до своей кельи, как Бог уже послал на землю дождь, так что все славили Бога и говорили: «Слава тебе, Господи, что скоро услышал своего раба!» И была в городе большая радость. И с тех пор стали люди приходить в город, и говорили все, что «Бог помиловал, избавил нас от всех бед твоими, отец, молитвами». И с тех пор еще более прославился он по Христовой благодати.

Подобает здесь вспомнить также о жизни преподобного отца всей Руси Феодосия Печерского. Когда Бог хотел показать веру своего раба и с одного места переселить его на другое, чтобы он создал более светлую и просторную церковь, поскольку умножилась братия, тогда, как

говорят, Бог показал ночью чудо: появилась как бы дуга от верха церкви, а другой ее конец был на холме, и видели преподобного отца Феодосия, идущего с иконой пречистой Богородицы, и братия шла за ним вслед и пела, как потом и случилось. Так и теперь вспомним о преподобном Авраамии, и о молитве пресвятой Богородицы, и о братии, идущей за ним и поющей, что и было потом, поскольку нужно было показать место, где блаженный и многие другие, что спасутся с ним, станут жить в Боге. Преподобный и благочестивый епископ Игнатий задумал создать каменную церковь во имя святого Игнатия на память о себе, а за пределами города имеется недалеко ровное место, подходящее для построения церкви, где могут разместиться все монастырские строения. И он скупил вокруг этого места огороды, и поставил церковку во имя Богоносца, а затем, разрушив ее, он перенес ее на другое место, где основал большую церковь, и дал ей имя в честь Положения честных риз и пояса святой владычицы нашей Богородицы. И там было несколько братьев, которых содержал блаженный епископ Игнатий. Некоторые же глупцы уничижали его, говоря: «Кто хочет, пусть пойдет на игуменство», и называли имя. А преподобный епископ говорил со многими и по Божьей благодати увидел духовными очами, что Бог и молитва пресвятой Богородицы хотят прославить это место и многие христолюбивые люди, посвятив себя Богу и во имя его приходя сюда, спасутся в этом месте по Христовой благодати. Спустя некоторое время (ибо Бог об этом заботился) сетовал блаженный Авраамий на то, что он находится далеко от приходящих из города людей. Тогда же вспомнил об этом по Божьей воле блаженный епископ, призвал из своего честного клироса самого старшего из протопопов по имени Георгий и завел с ним беседу о блаженном Авраамии, сказав, что Авраамий находится далеко от города, и поэтому он в большой скорби, и повелел, чтобы протопоп позвал его скорее.

Блаженный вскоре пришел по повелению епископа и, войдя, поклонился, говоря так: «Благослови, святой владыка, твоего раба». Призвал к себе блаженного Авраамия епископ и спросил, утешая его: «Как, отец, живешь о Господе?» Когда же тот ответил: «Поистине, святой владыка, хорошо твоими молитвами»,— епископ сказал ему: «Хочу дать тебе благословение, если ты примешь его». Блаженный же ответил, сказав: «Не только благословение честное, но и дар». И сказал ему епископ: «Вот благословение: я тебе поручаю и даю дом пресвятой Богородицы; иди, хваля и славя Бога, и молись за всех». Блаженный же радовался и восхвалял Бога, который даровал своему рабу такую благодать молитвами святой Богородицы. И когда он входил в монастырские ворота, то в сердце у него воссиял некий свет от Бога, радостно просвещая его душу и ум, как он рассказывал всем об этом. Так же и Иаков во сне видел лестницу, доходящую до небес, и сказал, что «Господь присутствует на сем месте», и поскольку Господь счел Авраамия достойным, ему также открылось это. И сбылся псалом Давидов: «Ты посадил людей на головы наши, и мы вошли в огонь и в воду, и ты вывел нас на свободу». Ведь как царь после многих побед и трудов возводит воина своего в больший сан и честь, так и Господь Бог сам уже дает утешение своему рабу, поскольку он трудился, обращая

сердца всех, дальних и близких, своей благостью, и просвещая души всех.

И с тех пор он вернулся к первоначальному подвигу, и все приходили к нему с великой радостью, ибо на городе была великая благодать Божья, просвещающая, и веселящая, и хранящая, избавляющая всех, а также подающая тишину и мир, и все благости на многие лета, и эта благодать не оскудеет молитвами святой Богородицы и ради преподобного Авраамия и всех его святых. И с тех пор еще больше прославил его Господь, поскольку те, которые зло оскорбили блаженного, начали раскаиваться и припадать к его ногам, прося прощения. Тот, кто был всеми ненавидим, теперь стал любим всеми, и те, кто раньше боялись прийти, уже без боязни, но с радостью приходили, и горожане приходили не одни, но с женами и с детьми, а также и от князя, от вельмож приходили зависимые и свободные люди, исповедуя ему все свои грехи, и затем, радуясь, расходились по своим домам. А блаженный принял дом святой Богородицы и украсил его, как невесту прекрасную, еще более прежнего, скажем так, иконами, и завесами, и свечами; так что и теперь могут видеть это все, приходящие в дом для ее милости и заступничества, на похвалу Бога и его угодника. Многие же хотели стать иноками, но он не сразу постригал желающих, зная тяжесть монашеской жизни, большое искушение от всеобщего врага, и число братьев было семнадцать человек. А блаженный испытывал по Христовой благости (ибо Господь наградил его даром все ясно разуметь) тех, кто хотел с ним жить и приходил к нему, и встречал их вот как: он говорил с послушными и смиренными, повелевая им часто приходить к нему, тех же, которые приходили из-за златолюбия и злобы, он избегал. Ведь он имел достаточно искушения и от своих напастей, и от монахов, поэтому не торопился принимать приходящих. Испытывал же он их так, поскольку был сведущ в книгах, и слышал он о некоем игумене, у которого было только до двенадцати монахов, а два — в испытании. А когда кто-нибудь хотел у него постричься, то Авраамий сначала обращал внимание, к какому брату он войдет: если он шел к подвижнику, то Авраамий, стоя, славил Бога, воздев руки и молясь за пришедшего Богу, если же он шел к другому брату, то Авраамий печалился. А блаженный думал так про себя, зная, что труден подвиг сей для ленивых иноков, а подвизающимся Господь сказал: «Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня: ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим и утешение. Ибо иго мое благо и бремя мое легко»,— так будет всем, приходящим с открытым сердцем.

И со временем блаженные прониклись друг к другу большою любовью: епископ радовался, что Бог даровал ему такого святого и блаженного мужа, а Авраамий радовался, что Бог даровал ему такого святого и блаженного епископа; Авраамий к тому же радовался, что получил от него такой дар благодати. В такой любви с Авраамием епископ жил недолго и отошел к Богу, а был он, по правде сказать, воистину свят и

преподобен и стремился к Богу, потрудившись от юности и до седых волос великого священства. Так отошел к Богу Игнатий, великий епископ города Смоленска, а многие рассказывают, что когда он умирал, великий свет, говорят, сошел на него с неба, так что страх объял всех, и так он, радуясь, взошел на небеса, блаженно завершив течение жизни о Господе Боге. И будем все просить милости у Бога, чтобы он помиловал нас по своей милости, по которой он даровал этому городу такого епископа. И с тех пор блаженный Авраамий стал еще большим подвижником из-за такой разлуки с преподобным епископом, и пребывал он во многом смирении и плаче сердечном со вздохами и со стенаниями, ибо вспоминал он часто о разлучении души с телом. Блаженный Авраамий часто напоминал себе, как придут ангелы испытывать душу, и какое будет испытание на воздухе от бесовских мытарей, как придется предстать перед Богом и дать обо всем ответ, и в какое место нас поведут, и как нужно будет во второе пришествие предстать перед судом страшного Бога, и какой приговор произнесут судьи, и как потечет огненная река, все сжигая, и кто тогда поможет нам, кроме покаяния и милостыни, и беспрестанных молитв, и любви ко всем, и кроме других подобных благих дел, которые в силах помочь душе. У нас же этого нет даже в мыслях, но мы обращаемся то к одному, то к другому делу и не сможем сказать ни одного слова, представ перед Богом.

В таком подвижничестве блаженный пребывал во все дни своей жизни, помнил об этом и молился с воздыханием, наставлял многих и призывал их пребывать в благом труде, в бодрствовании и в молитве, в терпении и смирении, в милостыни и в любви. И так наказывал всем со слезами обильными никогда не забывать об этом и говорил: «Не забывайте и меня, смиренного, в ваших молитвах, молясь Владыке и Богу и пресвятой его Матери со всеми его святыми». И потом блаженный был поражен болезнью, от которой и умер, передав свою блаженную и святую душу Господу, и получил то, что желал получить,— царство небесное. А в подвиге пребывал Авраамий в течение пятидесяти лет, трудясь от юности до конца своей жизни о Господе нашем Иисусе Христе, которому слава и держава с Отцом и Святым Духом ныне и всегда во все бесконечные веки. Аминь.

А вот конец блаженного и преподобного отца нашего Авраамия, и похвала этому городу, и защита его пречистой Богородицей-приснодевой, и похвала. А я, грешный и недостойный Ефрем, пребывающий во многой лености, и последний среди всех, и праздный, и чуждый всех благих дел, и в пустое только имя облачившийся, в этот ангельский сан, по имени только называюсь иноком, но далек от этого из-за злых дел. И как назову себя иноком я, который не может назвать себя и последним, ибо злые дела, которые я сделал, обличают и пугают меня, и поэтому, скажу, при жизни блаженного я был его последним учеником, который и в малом не следовал его житию, его терпению, смирению, любви и молитве, его благим нравам и обычаям, но во все

дни был пьян, и веселился, и развлекался в недостойных делах, воистину я был праздным. Он, умиленный, плакал, я же веселился и развлекался; он спешил на молитву и чтение Божественных книг, на славословие в Божью церковь, а я предпочитал дремоту и долгий сон; он старался трудиться и бодрствовать, я же в праздности ходить и во многой лени; он не празднословил и не осуждал никого, а я осуждал и празднословил; он вспоминал страшный судный день Божий, а я обильные трапезы и пиры; он помнил о смерти и о разлучении души с телом, испытание воздушных мытарей, а я бубны, и свирели, и пляски; он хотел подражать жизни святых отцов и следовать их благой жизни, и читал их святые жития и сочинения их, а я подражал и любил пустые и суетные обычаи злых людей; он смирял себя и уничижал, а я веселился и возносился; он любил нищету и бедность и раздавал все нуждающимся и сиротам, а я только собирал и не совершал подаяния, будучи побежден большой скупостью и немилосердием; он любил скромные одежды, а я красивые и дорогие; он стелил себе рогожу и жесткую постель, а я мягкую и теплую; не будучи в силах терпеть холод и мороз, он все же терпел их, я же имел приятную и теплую баню; он скорбел о нищих, а сам предпочитал быть голодным и не ел, а я ненавидел и презирал нищих; он, видя людей с обнаженными плечами и раздетых, замерзающих от холода, одевал их, я же знать не хочу, что они вышли из той же утробы, что и я, и что многие, к тому же, утаившись, странствуют Господа ради, как говорит Павел-апостол, учитель вселенной: «Те, которых весь мир не был достоин, ходили в овчинах и козьих шкурах, скитались и скрывались по вселенной, не имели дома, блуждали в ущельях и пещерах земных».

Поэтому, господа, и отцы, и братья, не могу воздать хвалы образу дивного, и божественного, и преподобного человека, поскольку я груб и неразумен, ведь его образ светел, и радостен, и похвален, мой же образ темен, и лукав, и мерзок, и бесстыден, даже если захочу, то не достигну желаемого. Как я смогу похвалить его? Прошу милости, помощи у Господа и, уповая на него, надежду на помощь возлагаю на пресвятую и пречистую деву и Богородицу Марию, ибо она скорее других дерзнет обратиться к Сыну и Богу нашему Иисусу Христу, молясь со всеми бесплотными силами и со всеми святыми, которые могут спасти меня и избавить от всех бед. И она моя помощница и поручительница за мою жизнь и спасение, и здесь, и в будущий день, так как она умеет избавить своих рабов и подать им помощь, когда бы мы ни призвали ее на помощь, дома, и в пути, и на море, в бурях и волнах, и в сражениях, и во всех бедах — она скорее молнии приходит на помощь — как ночью, так и днем, и она ниспровергла все злые советы и умыслы, во всякий час избавляя нас и храня от всех злоумышлении сатаны, и всех его демонов, и от всякого раздора, и от нашествия поганых. За епископа же, и за монаха, и за весь церковный чин, и весь народ, и за князя, и за всех молящихся христиан упроси своего Сына, о Госпожа, пресвятая и приснодева Богородица Мария, молясь прилежно своему Сыну и нашему Богу за порученное тебе стадо новых людей, которых избрал твой Сын и наш Бог Иисус Христос, который пришел на землю, родился из твоей пречистой утробы, и был Богом и человеком, и претерпел

мучения и смерть по своей воле, и воскрес от гроба, и ниспроверг царство ада, и взошел на небеса к Отцу, и разрушил всю вражескую силу. И теперь, Господи, так же уничтожь измаилтянские народы, рассей и разгони их молитвами пречистой твоей Матери, как ветер разносит пыль от гумна, и возвесели избранное стадо новых людей, оставь свой гнев, дай нам милость и избавление, чтобы мы еще пожили, хранимые твоей милостью, о Господь-Вседержитель, чтобы не могли спросить народы,— где же их Бог? — но услышь и прими молитву всех молящихся тебе, ибо у меня нет другой надежды и помощи, кроме тебя.

И мое худое, грешного и недостойного раба твоего Ефрема, умиленное моление прими, господи Иисусе Христе, и помилуй, и не отлучи меня ог лика преподобных. Хотя и сильно согрешил перед тобой и прогневал тебя более всех, но я не знаю другого Бога, кроме тебя, словом которого, когда ты захотел, все возникло, ведь ты повелел, и все создалось, всякое дыхание хвалит тебя, Владыку и Господа, все сотворившего и создавшего. Направь же меня и научи, Господи, творить твою волю, и пошли благодать на помощь твоему рабу, чтобы я всегда, хранимый тобой, избавлялся от всех вражеских нападений. И подай всему городу и твоему рабу руку помощи, поскольку я всегда падаю и сильно грешу, и не повели, о Владыка, взять у меня мою непокаявшуюся душу от грешного тела, но прими мое ничтожное покаяние, как принял ты блудного сына, и блудницу, и разбойника, и воскреси, и оживи меня, пребывающего во многих грехах, молитвами твоей святой и пречистой Матери-девы и всех небесных сил, и молитвами всех искони бывших святых, послуживших и много потрудившихся для тебя.

А теперь мы празднуем память успения преподобного и блаженного Авраамия и, радуясь, ликуем. Радуйся, твердый град, оберегаемый и хранимый десницей Бога-Вседержителя! Радуйся, пречистая дева, Матерь Божья, а город Смоленск всегда светло радуется о тебе, гордится тобой, избавляемый тобой от всякой беды! Радуйся, город Смоленск, избавляемый от всех постигающих тебя зол молитвами пресвятой Богородицы, и всех небесных сил, и всех святых! Радуйтесь, апостолы и пророки, мученики и святители, преподобные, праведники и все святые в день и в память святого успения преподобного Араамия! Радуйтесь, пастухи и наставники Христова стада, патриархи, епископы, архимандриты, игумены, священники, и дьяконы, и весь монашеский чин, и честные монахи, и умершие во Христе, и те, которые еще живут о Боге и о Господе в христоименитой вере, светло радуйтесь, ликуя, в память успения преподобного Авраамия! Радуйтесь в честное успение богоносного отца Авраамия, христолюбимые и богохранимые цари и князья, и судьи, богатые и славные, и нищие о Боге, уже умершие во Христе и еще здравствующие о Господе, и люди,— скажу так,— любого возраста, мужчины и женщины, юноши и старцы! Радуйтесь повсюду о Господе, многочисленные нищие, убогие, слепые и хромые, больные и все просители, которые не имеют, где голову преклонить, которые

претерпели голод, наготу, зиму, которые претерпели многие страшные напасти и скорби и на море, и на суше, обиженные и прогнанные, и ограбленные несправедливо вельможами и неправедными судьями,— которые все это вынесли и претерпели ради Господа нашего Иисуса Христа с похвалой и благодарностью! Радуйтесь теперь и вы, отошедшие от этого света и преставившиеся, а также живущие еще с терпением о Боге, веселитесь, и радуйтесь, и ликуйте в <день> святого успения богоносного отца Авраамия! Радуйтесь, города Сион и Иерусалим, в котором Господь по своей воле был распят, и претерпел крестные муки и смерть, и воскрес за наше спасение и избавление, радуйтесь и Христовы церкви, Господа нашего Иисуса Христа, и ты, мать всех церквей! Радуйтесь, все святые и честные места окрест Иерусалима и скиты преподобных! Ведь это дома святых, в которых они славно пожили, а теперь веселятся о Господе. Радуйтесь, рассеянные по всему миру церкви Христовы и дома святых, в которых все епископы, и игумены, и священники, и дьяконы, и иноки, и все благоверные и христолюбивые христиане приносят молитвы, и моления, и святые дары на святой жертвенник за оставление грехов Нового завета. Да не оставит нас держащий все в своей власти владыка Господь Саваоф, да примет он, милосердный, к себе и посетит и всех священников, молящихся и приносящих ему приношение, и всех стоящих со страхом, и с большим вниманием слушающих святое Евангелие, и сладостное учение всех святых, и всех, имеющих любовь и смирение, не воздающих злом за зло, занятых долгим трудом день за днем и отбегающих от всех злых дел, но стремящихся к добродетели правым делом и трудом, радующихся и веселящихся о помощи Господа Бога по его милости, и он даст благость свою и благодать, избавление от всех зол и избавит нас от бесконечного мучения. Ведь это благой и великий дар его милости — вход в бесконечное царство Господа нашего Иисуса Христа со всеми его избранными, которые слушают и творят его волю. И вот поем и молимся тому, кто прославляется всеми небесными силами и людьми, ибо его милость во веки на всех, творящих его волю, так что ему слава и честь, и держава, и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА КРЕСТОНОСЦАМИ В 1204 г.

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

Древнерусская повесть о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г., во время Четвертого крестового похода, написана русским, вероятно очевидцем событий. Старший текст ее читается в составе Синодального списка Новгородской первой летописи, в той части его, которая датируется XIII в.; таким образом, перед нами весьма редкий случай, когда рукопись незначительно удалена по времени от даты создания памятника. Повесть эта входит также в состав других летописей и Еллинского летописца второй редакции — хронографического свода, содержащего изложение всемирной истории.

Живой, изобилующий подробностями рассказ русского автора интересен и ценен, так как он в чем-то дополняет подробное изложение этих событий у византийского историка Никиты Хониата (ум. в 1213 г.).

Повесть издана по Синодальному списку, по кн.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.

Исправления, сделанные на основании Комиссионного списка Новгородской первой летописи, выделены; в тексте и переводе учтены также конъектуры, предложенные Н. А. Мещерским в статье «Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году» (*ТОДРЛ*, т. X. М.—Л., 1954).

ОРИГИНАЛ

Въ лѣто 6712. Царствующю Ольксе въ Цесариградѣ, въ царствѣ Исаковѣ, брата своего, егоже слѣпивъ, а самъ цесаремь ста.[1] А сына его Олексу затвори въ стѣнахъ высокыхъ стражею, яко не вынидеть. И временомъ минувъшемъ, и дьрьзну Исакъ молитися о сыну своемь, дабы его испустилъ ис твьрди прѣдъ ся. И умоли брата Исакъ, и приястa извѣщение съ сыномь, яко не помыслити на царство, испущенъ бысть ис твьрди и хожашеть въ своей воли. Цесарь же Олькса не печяшеся о немь, вѣря брату Исакови и сынови его, зане прияста извѣщение. И потом Исакъ помысливъ, и въсхотѣ царства, и учишеть сына, посылая потаи, яко «добро створихъ брату моему Олѣксѣ, от поганыхъ выкупихъ его, а онъ противу зло ми възда: слѣпивъ мя, царство мое възя». И въсхотѣ сынъ его, якоже учашеть его, и мышляшьта, како ему изити из града въ дальняя страны и оттолѣ искати царства. И въвѣденъ бысть въ корабль, и въсаженъ бысть въ бочку,[2] имущи 3 дна при единѣмь конци, за нимь же Исаковиць сѣдяше, а въ другомь конци вода, идеже гвоздъ: нѣлзѣ бо бяше инако изити из града. И тако изиде из Грѣчьскѣй земли. И, увѣдавъ, цесарь посла искатъ его. И начаша искати его въ мнозѣхъ мѣстѣхъ, и внидоша въ тъ корабль, идеже бяшеть, и вся мѣста обискаша, а из бъчькъ гвозды вынимаша, и видеше воду текущю, идоша прочь, и не обрѣтоша его.

И тако изиде Исаковичь, и приде къ нѣмьчьскуму цесарю Филипови, къ зяти и къ сѣстрѣ своей[3]. Цесарь нѣмечьскый посла къ папѣ въ Римъ, и тако увѣчаста, яко «нѣ воевати на Цесарьградъ, нъ якоже рече Исаковиць: “Всь град Костянтинь хотять моего царства”,— такоже посадяче его на прѣстолѣ, поидете же къ Иерусалиму,[4] въ помочь; не въсхотять ли его, а ведете и́ опять къ мнѣ, а пакости не дейте Грѣчьской земли».

Фрязи[5] же и вси воеводы ихъ възлюбиша злато и срѣбро, иже мѣняшеть имъ Исаковиць, а цесарева велѣниа забыша и папина. Първое, пришьдъше въ Судъ, замкы желѣзныя разбиша,[6] и приступивъше къ граду, огнь въвергоша 4-рь мѣстъ въ храмы. Тъгда цесарь Олькса, узьревъ пламень, не створи брани противу имъ. Призвавъ брата Исака, егоже слѣпи, посади его на прѣстолѣ, и рече: «Даже еси, брат, тако створилъ, прости мене, а се твое царство»,— избѣжа из града. И пожьженъ бысть град и церкви несказьны лѣпотою, имъже не можемъ числа съповѣдати. И Святое Софие притворъ погорѣ, идеже патриарси вси написани, и подрумье и до моря, а семо по Цесаревъ затворъ и до Суда погорѣ. И тъгда погна Исаковиць по цесари Олексѣ съ фрягы, и не постиже его и възвратися въ град, и съгна отця съ прѣстола, а самъ цесаремъ ста: «Ты еси слепъ, како можеши царство дьржати? Азъ есмь цесарь!» Тъгда Исакъ цесарь, много съжаливъси о градѣ и о царствѣ своемь и о граблении манастырьскыхъ, еже даяста фрягомъ злата и срѣбро, посуленое имъ, разболѣвъся, и бысть мнихъ, и отъиде свѣта сего.

По Исаковѣ же смерти людие на сына его въсташа[7] про зажьжение градьное и за пограбление манастырьское. И събрачеся чернь, и волочаху добрые мужи, думающе с ними, кого цесаря поставять. И вси хотяху Радиноса. Онъ же не хотяше царства, нъ крьяшеся от нихъ, измѣнивъся въ чьрны ризы. Жену же его, имъше, приведоша въ Святую Софию и много нудиша ю: «Повѣжь намъ, где есть муж твой?» И не сказа о мужи своемь. Потомь же яша человѣка, именьмь Николу, воина,[8] и на того възложиша вѣньць бес патриарха, и ту *бысть снемъ* въ Святѣй Софии 6 дний и 6 ночий.

Цесарь же Исаковиць бяшеть въ Влахернѣ, и хотяше въвести фрягы отай бояръ въ град. Бояре же, увѣдавъше, утолиша цесаря, не даша ему напустити фрягъ, рекуче: «Мы с тобою есмь». Тъгда бояре, убоявъшеся въвѣдения фрягъ, съдумавъше съ Мюрчюфломь, яша цесаря Исаковиця, а на Мюрчюфла вѣньчь възложиша.

А Мюрчюфла бяше высадилъ ис тьмьнице Исаковиць, и приялъ извѣщение, яко не искати подъ Исаковицемь царства, нъ блюсти подъ нимь. Мюрчюфлъ же посла къ Николѣ и къ людьмъ въ Святую Софию: «Язъ ялъ ворога вашего Исаковиця, язъ вашь цесарь; а Николѣ даю пьрвый въ боярехъ, сложи съ себе вѣньць». И вси людие не даша ему сложити вѣньця, нъ боле закляшася: кто отступить от Николы, да будеть проклятъ. Того же дне, дождавъше ночи, разбѣгошася вси, а Николу яша, и жену его я Мюрчюфлъ, и въсади я въ тьмницю, и Ольксу Исаковиця утвьрди въ стѣнехъ, а самъ цесаремь ста Мюрчюфлъ феуларя въ 5 день, надѣяся избити фрягы.

Фрязи же, уведавъше ята Исаковиця, воеваша волость около города, просяче у Мюрчюфла: «Дай нам Исаковиця, *ото* поидемъ къ нѣмечьскуму цесарю, отнеле же есме послани, а тобе царство его». Мурчюфлъ же и вси бояре не даша его жива, и уморивъше Исаковиця,[9] и рекоша фрягомъ: «Умьрлъ есть; придете и видите и». Тъгда же фрязи печяльни бывъше за прѣслушание свое: не тако бо бѣ казалъ имъ цесарь нѣмѣчьскый и папа римьскый, якоже си зло учиниша Цесарюграду. И *рѣша* сами к соби вси: «Оже намъ нѣту Исаковиця, с нимь же есме пришли, да луче ны есть умрети у Цесаряграда, нежели съ срамомь отъити». Оттоль начаша строити брань къ граду.

И замыслиша, якоже и прѣже, на кораблихъ раями на шьглахъ,[10] на иныхъ же кораблихъ исъциниша порокы и лѣствиця, а на инѣхъ замыслиша съвѣшивати бъчькы чересъ град, накладены смолины. И лучины зажьгъше, пустиша на хоромы, якоже и прѣже, пожьгоша градъ. И приступиша къ граду априля въ 9 день, въ пятъкъ 5 недѣли поста, и не успѣша ничьтоже граду, нъ фряг избиша близъ 100 муж. И стояша ту фрязи 3 дни; и въ понедѣльник Верьбной недѣли[11] приступиша къ граду, солнчю въсходящю, противу Святому Спасу, зовемый Вергетисъ, противу Испигасу, сташа же и до Лахерны.[12] Приступиша же на 40 корабльвъ великыхъ, бяху же изременани межи ими,[13] в нихъ же людье на коних, одени в бръне и коне ихъ. Инии же корабле ихъ и галѣе ихъ стояху назаде, боящеся зажьжения, якоже и прѣже, бяхуть грьци пустили на не 10 кораблевъ съ огньмь, и въ пряхъ изверемени вьше погодье вѣтра, на Васильевъ день полуноци, не успеша ничтоже фрязьскымъ кораблемъ: вѣсть бо имъ бяше далъ Исаковиць, а грькомъ повеле пустити на корабле на не; тѣмьже и не погорѣша фрязи.

И тако бысть възятие Цесаряграда *великого*: и привлеце корабль къ стенѣ градьнѣй вѣтръ, и быша скалы ихъ великыя чрѣсъ град, и нижьнее скалы равно заборолом, и бьяхуть съ высокыхъ скалъ на градѣ грькы и варягы камениемь и стрѣлами и сулицами, а съ нижьнихъ на град сълѣзоша; и тако възяша град. Цесарь же Мюрчюфолъ крѣпляше бояры и все люди, хотя ту брань створити с фрягы, и не послушаша его: побѣгоша от него вси. Цесарь же побеже от нихъ, и

угони е на Коньнемь търгу, и многа жалова на бояры и на все люди. Тъгда же цесарь избеже изъ града, и патриархъ и вси бояре.

И внидоша въ град фрязи вси априля въ 12 день, на святого Василия Исповѣдника, въ понедѣльник, и сташа на мѣсте, идеже стояше цесарь грьчьскый, у Святого Спаса, и ту сташа и на ночь. Заутра же, солнчю въсходящю, вънидоша въ Святую Софию, и одьраша двьри[14] и расѣкоша, а онболъ окованъ бяше всь сребромь, и столпы сребрьные 12, а 4 кивотьныя, и *тябло*[15] исѣкоша, и 12 креста, иже надъ олтаремь бяху, межи ими шишкы, яко дрѣва, вышьша муж, и прѣграды олтарьныя межи стълпы, и то все сребрьно. И тряпезу чюдьную одьраша, драгый камень и велий жьньчюг, а саму невѣдомо камо ю дѣша. И 40 кубъковъ великыхъ, иже бяху прѣдъ олтаремь, и понекадѣла и свѣтилна сребрьная, яко не можемъ числа повѣдати, съ праздьничьными съсуды бесцѣньными поимаша. Служебьное Еуангелие и хресты честьныя, иконы бесцѣныя — все одраша. И подъ тряпезою[16] кръвъ наидоша — 40 кадие чистаго злата,[17] а на полатѣхъ и въ стѣнахъ и въ съсудохранильници не вѣде колико злата и сребра, яко нету числа, и бесцѣньныхъ съсудъ. То же всѣ в единой Софии сказахъ, а Святую Богородицю, иже на Влахѣрнѣ, идеже Святый Духъ съхожаше на вся пятницѣ, и ту одраша. Инѣхъ же церквий не можеть человѣкъ сказати, яко бе-щисла. Дигитрию же чюдьную, иже по граду хожаше, святую Богородицю, съблюде ю Богъ[18] добрыми людьми, и ныне есть, на ню же надѣемъся. Иные церкви въ градѣ и вънѣ града, и манастыри въ градѣ и вънѣ града пограбиша все, имъже не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати. Черньче же и чернице и попы облупиша и нѣколико ихъ избиша, грьки же и варягы изгнаша изъ града, иже бяхуть остали.

Се же имена воеводамъ ихъ: 1 маркосъ от Рима, въ градѣ Бьрне, идеже бе жилъ поганый злый Дедрикъ.[19] А 2-й кондофъ Офланьдръ.[20] А 3 дужь слепый от Маркова острова Венедикъ.[21] Сего дужа слѣпилъ Мануилъ цесарь[22]; мнози бо философи моляхуться чесареви: аще сего дужа отпустиши съдрава, тъ много зла створить твоему царсгву. Царь же не хотя его убити, повелѣ очи ему слѣпити стькломь, и быста очи ему яко невреженѣ, нъ не видяше ничегоже. Сь же дужь много браний замышляше на град, и вси его послушаху, и корабли его велиции бяхуть, с нихъ же градъ възяша. Столнья же фряжьска у Цесаряграда от декабря до априля, доколь городъ възяшь. А мѣсяця маия въ 9 поставища цесаря своего латина кондо Фларенда своими пискупы, и власть собе раздѣлиша: цесареви град, а маркосу судъ, а дужеви десятина. И тако погыбе царство богохранимаго Костянтиняграда и земля Гречьская въ свадѣ цесаревъ, еюже обладають фрязи.

---

[1] *Царствующю Ольксе въ Цесариградѣ, въ царствѣ Исаковѣ... самъ цесаремь ста.*— Алексей III вступил на престол в 1195 г., свергнув и ослепив своего брата — Исаака Ангела (1185—1195 гг.).

[2] *И вьвѣденъ бысть въ корабль, и въсаженъ бысть въ бочку...*— Никита Хониат рассказывает иначе: Алексей на лодке был доставлен на итальянский корабль; «он остриг себе в кружок волосы, нарядился в латинскую одежду, смешался с толпою и таким образом укрылся от сыщиков». Версия же о бегстве Алексея в бочке с тройным дном, вероятно, легендарна.

[3] *...и приде къ нѣмьчьскуму цесарю Филипови, къ зяти и къ сѣстрѣ своей.*— Алексей, бежавший в 1202 г. из Константинополя, высадился в Сицилии. Он установил связь с папой Иннокентием III, с императором Священной Римской империи Филиппом Швабским, женатым на его сестре Ирине, и непосредственно с самими крестоносцами, которые в это время уже готовились к походу в Палестину.

[4] *...такоже посадяче его на прѣтолѣ, поидете же къ Иерусалиму...*— Крестоносцы, восстановив на престоле Исаака Ангела, должны были продолжать путь в Палестину. Алексей Ангел обещал субсидировать поход и отправить с крестоносцами десятитысячное войско.

[5] *Фрязи.*— По-древнерусски так называли итальянцев, здесь этот термин распространен на всех крестоносцев.

[6] *Пьрвое, пришьдъше въ Судъ, замкы желѣзныя разбиша...*— Залив Золотой Рог (Суд), омывающий Константинополь с востока, в оборонительных целях перегораживался железной цепью, которая была разбита воинами-крестоносцами, и их корабли смогли подойти к стенам города.

[7] *По Исаковѣ же смерти людие на сына его въсташа...*— Исаак Ангел был восстановлен на престоле в июле 1203 г., однако фактически правил его сын Алексей Ангел — Алексей IV. Требования выдвинуть другого кандидата в императоры возникли в январе 1204 г., когда Исаак, вероятно, еще был жив.

[8] *...Николу, воина...*— Николая Канава венчал на царство простой народ. Кандидатом знати был вельможа Алексей Дука Мурчуфл.

[9] *Мурчуфлъ же и вси бояре не даша его жива, и уморивъше Исаковиця...*— Мурчуфл явился во Влахернский дворец к Алексею, вывел его потайным ходом, якобы спасая от мятежников. Затем Алексей был закован, отведен в темницу и позднее умерщвлен.

[10] *...раями на шьглахъ...*— Корабли крестоносцев были увешаны по реям веревочными лестницами, по которым воины перебирались на крепостные стены.

[11] *...Верьбной недѣли...*— Последней недели Великого поста.

[12] *...противу святому Спасу, зовемый Вергетисъ, противу Испигасу, сташа же и до Лахерны.*— Здесь упомянуты монастырь Спаса Евергета, ворота, ведущие в Пигу и Влахернский дворец. Автор хочет подчеркнуть, что штурмовались стены города на всем их протяжении.

[13] *...бяху же изременани межи ими...*— В переводе учтена догадка Н. А. Мещерского, что речь идет о «дромонах», кораблях для перевозки конницы.

[14] *...одьраша двьри...*— Двери храмов покрывалисъ пластинами из меди или драгоценных металлов, украшались резьбой.

[15] *...тябло...*— часть иконостаса.

[16] *...подъ тряпезою...*— под западной частью храма.

[17] *...40 кадие чистаго злата...*— Н. А. Мещерский обращает внимание на частое употребление эпического числа сорок: сорок кораблей, сорок кубков, сорок кадей золота. Кадь — мера сыпучих тел: в позднее время (в XV в.) кадь соответствует объему четырнадцати пудов ржи.

[18] *Дигитрию же чюдьную... съблюде ю Богъ...*— Одигитрия («путеводительница») — определенный тип иконы Богоматери с младенцем. Существовала легенда о том, что константинопольская икона Одигитрии чудесным образом являлась в разных концах города.

[19] *...маркосъ от Рима, въ градѣ Бьрне, идеже бе жилъ поганый злый Дедрикъ.*— Маркос — передача титула «маркграф». Здесь имеется в виду Бонифаций Монферратский, уроженец Вероны (в немецком произношении — Берн). Дедрик— остготский король Теодорих (454—526).

[20] *...кондофъ Офланъдръ...*— Граф Балдуин IX Фландрский, будущий император Латинской империи, в состав которой вошел Константинополь с окрестностями, южное побережье Мраморного моря и некоторые области Греции.

[21] *...дужъ слепый от Маркова острова Венедикъ.*— Венецию именовали республикой святого Марка по имени почитавшегося там апостола — покровителя города. Дож — Энрико Дандоло (1108—1205), один из инициаторов захвата Константинополя.

[22] *...Мануилъ цесарь...*— Византийский император Мануил I Комнин (1143—1180 гг.).

ПЕРЕВОД

В год 6712 (1204). Царствовал Алексей в Царьграде, в царстве Исаака, брата своего, ослепив которого, он сам стал цесарем. А сына его, Алексея, держал под стражей в заточении, за высокими стенами, чтобы не убежал. И прошло некоторое время, и решился Исаак просить за

сына своего, чтобы прежде него выпустил сына из темницы. И упросил Исаак брата, и поклялся ему вместе с сыном, что не помыслят они о царстве, и выпущен был сын из темницы, и стал жить на свободе. Цесарь же Алексей не остерегался его, веря брату Исааку и сыну его, ибо те клялись ему. И потом же Исаак, поразмыслив, снова захотел царствовать и стал подстрекать сына своего, посылая к нему тайно: «Я, мол, добро сделал брату своему Алексею, выкупив его у варваров, а он отплатил мне злом: ослепив меня, завладел моим царством». И возжелал сын того, на что подстрекал его отец, и стали размышлять они, как бы бежать Алексею из города в дальние страны и оттуда добиваться престола. И приведен он был на корабль, и посажен в бочку, имевшую с одного конца три дна, там, где сидел Исаакович, а с другого конца, где затычка, была налита вода: ибо нельзя было иначе бежать из города. И так покинул он Греческую землю. И, узнав об этом, цесарь послал искать его. И стали искать его повсюду, и пришли на тот корабль, где он был, и все обыскали, и из бочек повыбивали затычки, но, видя, что течет вода, ушли, так и не найдя его.

И так бежал Исаакович, и прибыл к немецкому цесарю Филиппу, к зятю своему и к сестре своей. А цесарь немецкий послал к папе в Рим, и так они повелели: «Не воюйте с Царьградом, но так как говорит Исаакович: “Весь град Константинополь хочет, чтобы я царствовал”, то, посадив его на престоле, отправляйтесь дальше, в Иерусалим, на помощь; а если не примут его, то приведите его обратно ко мне, а зла не причиняйте земле Греческой».

Фряги же и все полководцы их помышляли лишь о золоте и серебре, обещанном им Исааковичем, а повеления цесаря и папы забыли. Войдя в Суд, прежде всего разбили железные цепи и, подступив к городу, с четырех концов подожгли строения. Цесарь же Алексей, увидев пожар, не стал сопротивляться врагам. Призвал он к себе брата Исаака, им же ослепленного, возвел его на престол и сказал: «Даже если и ты это сделал, брат,— прости меня, вот твое царство»,— и бежал из города. И пострадали от пожара город и церкви несказанной красоты, которых нам и не перечислить. И сгорел притвор у Святой Софии, где изображены все патриархи, и ипподром, и до самого моря, а там и до Цесарева затвора и до Суда все сгорело. И тогда погнался Исаакович с фрягами за цесарем Алексеем, но не догнал его, и возвратился в город, и согнал отца с престола, а сам стал цесарем: «Ты, мол, слепой, как же сможешь управлять государством? Я буду цесарем!» Тогда цесарь Исаак, скорбя о городе, и о царстве своем, и о разграблении монастырей, которые давали золото и серебро, обещанное фрягам, разболелся и постригся в монахи, и покинул этот свет.

После смерти Исаака народ восстал против сына его, возмущенный сожжением города и разграблением монастырей. И собралась чернь, и

призвали к себе знатных людей, советуясь с ними, кого царем поставить. И все стояли за Радиноса. Но он не хотел царствовать и, спасаясь от них, постригся в монахи. Жену же его схватили, и привели в Святую Софию, и долго требовали у нее: «Скажи нам, где муж твой?» И не сказала она о муже своем. Потом привели человека по имени Никола, воина, и его венчали на царство без патриарха, и шесть дней и шесть ночей совещались в Святой Софии.

А цесарь Исаакович был во Влахерне и хотел, втайне от бояр, ввести в город фрягов. Но бояре, узнав об этом, успокоили цесаря, не дали ему впустить фрягов в город, говоря: «Мы за тебя». А потом испугались бояре, что войдут фряги в город, и, посовещавшись с Мурчуфлом, схватили цесаря Исааковича, а Мурчуфла венчали на царство.

Мурчуфла того Исаакович освободил из темницы, взяв с него клятву, что не будет он добиваться престола у Исааковича, а будет ему помогать. Мурчуфл же послал к Николе к к народу в Святую Софию сказать: «Схватил я врага вашего, Исааковича, я ваш царь, а Никола будет у меня первым сановником, но пусть сложит царский венец». И все люди не давали тому отречься от престола и, напротив, заклинали: «Кто отступится от Николы, да будет проклят!» Однако в тот же день, дождавшись ночи, разбежались все, а Николу схватили, и жену его захватил Мурчуфл, и посадил их в темницу, и Алексея Исааковича заточил, а сам Мурчуфл стал царем в пятый день февраля, надеясь расправиться с фрягами.

Фряги же, узнав, что схвачен Исаакович, стали грабить окрестности города, требуя у Мурчуфла: «Выдай нам Исааковича, и пойдем к немецкому цесарю, кем и посланы мы, а тебе — царство Исааковича». Мурчуфл же и все бояре не выдали его живым, а умертвили Исааковича и сказали фрягам: «Умер он, приходите и увидите сами». Тогда опечалились фряги, что нарушили заповедь: не велели им цесарь немецкий и папа римский столько зла причинять Царьграду. И пошли среди них разговоры: «Раз уж нет у нас Исааковича, с которым мы пришли, так лучше умрем под Царьградом, чем отступим от него с позором». И с той поры начали осаду города.

И пустились на хитрости, как и раньше: приготовили к штурму корабельные реи, а на других кораблях установили тараны и лестницы, а с третьих приготовились метать через городскую стену бочки со смолой. И зажгли лучины на бочках, и метали их на дома, и, как прежде, зажгли город. И пошли на приступ в девятый день апреля, в пятницу пятой недели поста, но ничего не сделали городу, и было убито около ста фрягов. И стояли здесь фряги три дня, и в понедельник

Вербной неделя на восходе солнца приступили к стенам напротив Святого Спаса, называемого Вергетис, и против Испигаса и далее до самой Влахерны. Подошли же на сорока больших кораблях, среди которых были и дромоны, а в них — люди на конях, и сами в доспехах, и кони их. Другие же корабли и галеи фряги поставили позади, опасаясь, что их подожгут, как в тот раз, когда пустили греки на них десять кораблей с огнем, установив паруса на попутный ветер, в ночь на Васильев день, но не смогли причинить вреда фряжским кораблям: Исаакович посоветовал грекам пустить корабли на фрягов, а сам предупредил тех об этом, поэтому и не сгорели фряжские корабли.

И вот как был взят Царьград великий: подогнало ветром корабль к городской стене, и были огромные лестницы на нем выше стен, а короткие — на уровне заборол, и стреляли фряги с высоких лестниц по грекам и варягам, оборонявшим городские стены, камнями, и стрелами, и сулицами, а с коротких перелезли на стену; и так овладели городом. Цесарь же Мурчуфл воодушевлял бояр и всех людей, надеясь дать отпор фрягам, но не послушали его: разбежались от него все. Тогда бежал цесарь от фрягов, но они настигли его на Конном рынке, и горько сетовал он на своих бояр и народ. И бежал цесарь из города, а с ним патриарх и все бояре.

И вступили фряги в город в двенадцатый день апреля, на праздник святого Василия Исповедника, в понедельник, и расположились на том месте, где недавно еще стоял греческий цесарь — у Святого Спаса,— и тут простояли всю ночь. А наутро, с восходом солнца, ворвались фряги в Святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром, и двенадцать столпов серебряных и четыре кивотных; и тябло разрубили, и двенадцать крестов, находившихся над алтарем, а между ними — шишки, словно деревья, выше человеческого роста, и стену алтарную между столпами, и все это было серебряное. И ободрали дивный жертвенник, сорвали с него драгоценные камни и жемчуг, а сам неведомо куда дели. И похитили сорок сосудов больших, что стояли перед алтарем, и паникадила, и светильники серебряные, которых нам и не перечислить, и бесценные праздничные сосуды. И служебное Евангелие, и кресты честные, и иконы бесценные — все ободрали. И под трапезой нашли тайник, а в нем до сорока бочонков чистого золота, а на полатях, и в стенах, и в сосудохранильнице — не счесть сколько золота, и серебра, и драгоценных сосудов. Это все рассказал я об одной лишь Святой Софии, но и Святую Богородицу, что на Влахерне, куда Святой Дух нисходил каждую пятницу, и ту всю разграбили. И другие церкви; и не может человек их перечислить, ибо нет им числа. Одигитрию же дивную, которая ходила по городу, святую Богородицу, спас Бог руками добрых людей, и цела она и ныне, на нее и надежды наши. А прочие церкви в городе и вне города к монастыри в городе и вне города все разграбили, и не можем ни перечислить их, ни рассказать о красоте их. Монахов, и монахинь, и попов обокрали, и

некоторых из них поубивали, а оставшихся греков и варягов изгнали из города.

А вот имена полководцев их: первый — маркграф из Рима, из города Вероны, где жил когда-то язычник жестокий Теодорих. А второй — граф Фландрский. А третий — дож слепой с острова Марка, из Венеции. Этого дожа ослепил цесарь Мануил, ибо многие мудрые убеждали цесаря: если отпустишь этого дожа невредимым, то много зла принесет твоему царству. Цесарь же не захотел его убить, но повелел ослепить его стеклом, и были глаза его как бы невредимы, а перестал он видеть. Этот дож постоянно замышлял козни против города, и все слушали советов его, и ему принадлежали огромные корабли, с которых город был взят. А стояли фряги у Царьграда с декабря по апрель, когда и был взят город. А в мае, девятого числа, поставили цесарем своего латинянина — графа Фландрского — решением своих епископов, и власть между собою поделили: цесарю — город, маркграфу — Суд, а дожу — десятина. Вот так и погибло царство богохранимого города Константинова и земля Греческая из-за распрей цесарей, и владеют землей той фряги.

ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА ЛИПИЦЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье

ВСТУПЛЕНИЕ

Древнейший летописный рассказ о битве новгородцев с суздальцами на Липице в 1216 г. читается в Новгородской первой летописи старшего извода, дошедшей до нас в пергаменном списке XIII—XIV вв. (самом раннем из всех известных нам летописных памятников). Более развернутая летописная повесть о битве на Липице сохранилась в составе летописного свода, лежащего в основе Новгородской Карамзинской, Новгородской четвертой (*ПСРЛ*, т. IV, вып. 1—3. Пг.—Л., 1915—1929) и Софийской первой (*ПСРЛ*, т. V, изд. 2-е. Л., 1925) летописей,— так называемого свода 1448 г. В большинстве более поздних летописей (Московский свод конца XV в., Ермолинская летопись и другие) читается с небольшими изменениями тот же рассказ. Рассказ этот основывался на рассказе Новгородской первой летописи, но уже описание переговоров князей Мстислава Удалого и Владимира с князем Ярославом, засевшим в Торжке, заимствовано из другого источника, а начиная со слов «И пакы посласта къ обѣма князема с послѣднею рѣчью» (с. 76), рассказ лишь в незначительной степени совпадает с Новгородской первой летописью. Рассказ Новгородско-Софийского свода представлял собой, очевидно, соединение известия Новгородской первой летописи с сообщениями каких-то источников. Один из этих источников был, по-видимому,

связан с князьями из династии Ростиславичей, правившими в Смоленской земле, и, в частности, с Мстиславом Удалым (Торопецким), известным военным деятелем XIII в. (участником битвы на Калке 1223 г.); Мстислав и его брат Владимир дважды именуются здесь «нашими князьями». Мстислав был в 1216 г. приглашен в Новгород, а его брат Владимир — в Псков, но слова «наши князья», очевидно, восходят не к новгородскому источнику, ибо князья в рассказе несколько раз противостоят новгородцам: вопреки совету новгородцев, они, например, предусмотрительно не идут к Торжку, дабы не опустошитъ новгородские земли; о мудрости и храбрости князей «Ростиславля племени» упоминается в речи боярина Творимира; в конце рассказа говорится, что Мстислав легко мог бы взять город Владимир, но не сделал этого, ибо «князи же, племя Ростиславле, милостиви суть и до хрестьанства добрѣ, той день стоаше на побоищи». Можно предполагать поэтому, что один из источников Новгородско-Софийского свода был памятником, связанным со смоленскими Ростиславичами (летописью или отдельным сочинением о Мстиславе Удалом). Любопытные дополнения к рассказу о битве на Липице содержатся также в Тверском сборнике XVI в. (*ПСРЛ*, т. XV. СПб., 1863) — после слов «О многы побѣды, братье» здесь читается яркое описание поля боя, усеянного мертвыми и ранеными, и далее говорится: «Князь же Константин повеле погребати их... У князя же Константина тогда бяше в полку два человека храбрых, Олешка Попович и человек его Торопь и Тимоня Золотой Пояс». О том, что этот рассказ не представляет собой творчества составителя Тверского сборника в XVI в., а восходит к более раннему источнику, свидетельствует краткое известие о сражении 1216 г. в Сокращенных сводах конца XV в. (*ПСРЛ*, т. XXVII. М., 1962) и Устюжском летописце (Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950), в которых тоже упоминаются «два храбра» (богатыря) князя Константина: «Добрыня Золотой Пояс да Александро Попович с своим слугою Торопом». Поскольку упомянутый здесь Константин (вместе с Мстиславом и Владимиром одержавший победу на Липице) был ростовским князем, можно предполагать в этих источниках отражение ростовской литературной традиции (в Новгородско-Софийском своде эта традиция, возможно, отразилась в другом месте — при упоминании участия Александра Поповича в битве на Калке в 1223 г.). Основная идея рассказа о битве на Липице — осуждение вражды между «братьями»-князьями — очень характерна для свода, составленного в период феодальной войны в Московском княжестве.

Текст повести о битве на Липице мы публикуем по неизданной Новгородской Карамзинской летописи (*РНБ*, F.IV.603, лл. 314 об.— 319 об.) с исправлениями нескольких явно ошибочных чтений по Новгородской четвертой летописи.

ОРИГИНАЛ

О побоищи новогородцѣмъ съ Ярославом.[1] В лето 6724. Марта 1 въ вторник поиде князь Мстислав с новгородци на зять свой на Ярослава,[2] а в четверток побѣгоша кь Ярославу крестопреступници[3]

Володислав Завидович, Гаврила Игоревич, Юрьи Олексинич, Гаврилець Милятичь, и с женами, и съ дѣтми. Новгородци же поидошя Серегиром,[4] и быша връху Волзѣ, осѣлъ Святославъ Ржовку;[5] городець Мстиславль с полкы въ 10000. Мстислав же с Володимеромъ съ Псковскым[6] поиде вборзѣ въ 500, толико бо всѣх вой бяше, и пригони, а они бяху побѣгли проч. А Ярунъ[7] бѣ затворился въ градѣ въ 100 и отбись у них, и Мстислав взя Зубцев[8] и бышя на Возузѣ. И прииде Володимеръ Рюрикович[9] съ смолняны.

И послаша на Торжокъ Ярославу о миру, а сами сташя на Холохне[10]. Ярослав же отвѣтъ да: «Мира не хочю, пошли естя, поидѣте же, нони сту нас достанется одинъ вас». И ркошя промеж себе князи: «Ты, Ярославе, съ силою, а мы съ крестом».

Ярославли же мужи изчиниша твердь, а пути от Новаграда засѣкошя, и рѣку Тферцу. И ркошя новгородци князем: «Поидем к Торжку». *И князи ркоша: «Аще поидем к Торжку*, то попустошимъ Новгородскую власть».[11]

И тако поидоша къ Тфери, начашя имати села и жечи, а на Ярослава не бѣ вѣсти, в Торжку ли или въ Тфери. И Ярославъ же слышав, оже емлют села, еха ис Тръжку въ Тферь, поимав с собою старѣйшая мужи новгородскыа, и молодых избором, а новотръжци вси. И посла сто мужь избранных в сторожу, они же выехавше за 15 верстъ от града явишась, ту бо стали бяху князи наши,[12] поставивше полкы, творяста рать велику. И посла Яруна с молодыми людьми, и наехаша на него сторожи Ярославли, и пособи Богъ Яруну, изымаша сторожов Ярославлих 33, а седмь их убишя, а ины убѣжаша въ Тферь, то же бысть перваа побѣда на них них на Благовещенье Богородици,[13] 5 неделя поста.

И бѣ вѣсть у тѣх, что Ярославъ въ Тфери, и тако ездяху в зажитие не боящеся. И оттолѣ послаша Яволода, боярина Володимеря,[14] к Костянтину Всеволодичю в Ростов,[15] а Володимера Псковского съ псковичи и смолняны на рубежь послашя проводити и́. А сами с новгородци поидошя по Влъзѣ воююще, и пожгошу Шешу и Дубну.[16] И Володимеръ съ псковичи и съ смолняны взяшя город Коснятин[17] и пожгоша и́ и все Поволъжие. И срѣте и́ воевода Еремий от князя Констянтина из Ростова, наших князей, и рече: «Констянтин ся вамь кланяет: яз рад, слышав вашь приездъ; се вам от мене в помочь 500 муж рати, да пришлите ко мнѣ съ всѣми рѣчми Всеволода, шюрина моего».[18]

И ту и отрядиста Всеволода с дружиною, и послашя къ Констянтину, а сами поидоша по Волзѣ вниз, и ту пометашя возы, а на кони полѣзошя и поедоша к Переяславлю воюючи.[19] И бышя на Городищи на рѣцѣ Саррѣ[20] у Святѣй Марины априля 9 в Велик день, и ту приеха Констянтин князь с ростовци. И възрадовашася видѣвшеся, и крестъ цѣловашя, и отрядиша Володимера Псковского с дружиною в Ростов, а сами, пришедше с полки, сташя противу Переяславлю в Фомину неделю. И ехавше ис плъков под град, яшя человека, и испыташя, оже Ярослава в градѣ нѣтъ: пошол бяше к брату Юрьеви с полки, скопив волость свою всю с новгородци и с новоторъжци.

Юрьево княжение Всеволодича в Суждалѣ.[21] А Юрьи съ Святославомъ и с Володимеромъ[22] вышол бяше из Володимеря съ всею братиею. И бяху *полци* силни велми: муромци, и бродници,[23] и городчане,[24] и вся сила Суждалской земли; бяше бо погнано ис поселий и до пѣшца. Оле страшно чюдо и дивно, братье! Поидошя сынове на отцы, а отцы на дѣти, брат на брата, рабы на господу, а господа на рабы. И ста Ярослав и Юрьи з братьею на рѣцѣ Кзѣ.[25] А Мстислав же и Володимеръ с новгородци постависта свои полкы близ Юрьева, и ту стоаста. А Констянтин дале стоаше съ своими полкы на рѣцѣ Липицѣ.[26] И узрѣша плъкы стояща Ярославли и Юрьевы, и послаша Лариона соцкого къ Юрью: «Кляняем ти ся, нѣту намъ с тобою обиды; обида нам съ Ярославом». Отвѣцав же Юрьи: «Одинъ есмы брат съ Ярославом».

И посласта къ Ярославу, ркуще: «Пусти мужи нвогородци и новотръжци, и что зашол еси волости новгородскыа, Волок вспяти. А миръ с нами възми, а крестъ к намъ цѣлуй, а крови не проливай».

Отвѣща же Ярослав: «Мира не хочу, а мужи у мене, но далече есте шли, а вышли есте как рыба на сухо». И сказа Ларьян ту рѣчь князем и новгородцемъ.

И пакы посласта къ обѣма князема с послѣднею рѣчью: «Мы пришли есме, брате Юрьи и Ярославе, не на пролитье крови, не дай Богъ створить того! Управимся, мы бо есмы племенници собѣ, а дадим старѣйшинство Констянтину, а посадите его в Володимерѣ, а вам земля Суждалскаа вся».

Юрьи же рече: «Рци брату Мстиславу и Володимеру: пришли есте, да куды хотите отъити? А брату Констинтину молвимъ: перемогай нас, тобѣ вся земля».

И тако Юрьи съ Ярославом възнесшеся славою, видѣвше у себе силу великую, не прияста мира и начаста пировати в шатрѣ с своими бояры. Молвит Творимиръ боярин:[27] «Княже Юрьи и Ярославе, а меншаа братья в вашей воли! Оже бы по моему гаданию, лучше было миръ взяти и дати старѣйшинство Констянтину. Чи зримъ иже при наших полцѣх тѣх мало, Ростиславля племени, да князи мудри суть, и рядни, и хоробри, а мужи их, новгородци и смолняне, дерзъки суть к боеви. А Мстислава Мстиславичя и сами вѣдаете в том племени, иже дана ему от Бога храбрость изъ всѣх. А господина, гадаита».

И не люба бысть рѣчь си Юрью и Ярославу. Нѣкто же рече бояръ Юрьевых: «Княже Юрьи и Ярославе, не было того ни в прадѣдехъ, ни при дѣдех, ни при отци вашем, оже бы кто вшед ратью в силную в Суждалскую землю, оже бы вышол цѣлъ. Хотя бы и вся Рускаа земля и Галичскаа, и Киевскаа, и Смоленскаа, и Черниговскаа, и Новгородскаа, и Рязанскаа, ни тако противу сей силѣ успѣют. Ажь нынешние полцы, право, навержемъ их сѣдлы».

И люба бысть рѣчь си Юрьеви и Ярославу, и съзвша бояры и переднии свои люди, начаста глаголати: «Се пришел вы товаръ в рукы: вам же буди кони, брони, порты, а человека, иже кто иметь живаго, то сам убитъ будет; аще и златом шито плечие будет, уби и, а мы два надѣлива. Да не оставимъ ни одиного живаго. Аще кто с полку утечет не убит, а имемъ и, а тѣх повелѣваемь вѣшати, а инѣх роспинати. А о князех, оже будут у нас в руках, тогда сгадаем».

И отпустивша людии, внидоста в шатеръ з братьею, и начасти дѣлити грады, и рече Юрьи: «Мнѣ же, брате Ярославе, Володимерскаа земля и Ростовскаа, а тобѣ Новград, а Смолнескъ брату нашему Святославу, а Киев даевѣ черниговъскымъ князем, а Галич нам же».

И цѣловашя крестъ межи собою, и писаша грамоты того не заступити. Ты же грамоты взяша смолняне по побѣдѣ в станех Ярославлих и даша своим князем. Юрьи же и Ярослав раздѣливше грады вси Русской земли, надѣющесь силѣ своей многой, почаста позывати к Липицам.

Мстислав же и Володимеръ призваста Констянтина и гадавша с ним много, увѣриста и крестомъ, яко не быти в немъ перевѣту, и поидошя. И тое же нощи пополошишась, стояша за щиты всю нощь, кликоша бо въ всѣх полцех. И вструбиша в Констянтиновых полцех, слышавше Юрьи и

Ярослав, хотѣста побѣгнути и уяшася. Заутра же приидоша князи к Липицам, где их позывали, а они тое нощь поскочили бяху за дебрь. И есть гора, словет Авдова, ту постави Юрьи и Ярослав свои полкы, а Мстиславь и Володимеръ и Констянтин и Всеволод поставиша полкы свои на другой горѣ, еже словет Юрьева гора, а посреди двою гору ручей, имя ему Тунег. И посласта Мстислав и Волдимеръ 3 мужи к Юрьеви, мира просяще: «Или не даси мира, да отступите дале на равно мѣсто, а мы на ваши станы поидем, или мы отступимь на Липици, а вы на наши станы».

Юрьи же рече: «Ни мира емлю, ни отступаю. Пошли есте чресъ землю, то сее ли дебри не переидете?»

Надѣаше бо ся на твердь, бяше бо плотом оплетено мѣсто и насовано колья, ту бо стояху, глаголюще: егда ударят на нас в нощь. То слышав Мстислав и Володимеръ, посласта молодые люди бится. И бишяся ти день и до вечера, но бьяхутся не присердно, бяше бо того дни буря и студено велми. Заутра же хотѣшя поити к Володимерю, не заимаючи их плъков, почаша доспѣвати в станех. Они же видѣвше с горы, начашя сходити, глаголюще: ото бѣжати имъ. Си же текше възбиша их назадь. А ту пристиже Володимеръ Псковскый из Ростова, и начашя думати. Рече Костянтин: «Брате Мстиславе и Володимере, аще поидем мимо их, измятут ны в тылъ, а другое, мои люди к боеви не дерзи, тамо и разидутся по градом».

Мстислав же рече: «Володимере и Констян*ти*не, гора намъ не поможет, ни гора нас побѣдит. Позряще на креста и на правду, поидемь к нимь».

И почашя ставити плъкы. Володимир же Смоленскый постави плъкъ свой с краа, а от него ста Мстислав, и Всеволод с новгородци, и Володимеръ съ псковичи, а от него Констянтинъ с ростовци. Ярослав же ста своими полкы, и с муромскыми, и с городчаны, и с бродникы противу Володимеру и смолняном. А Юрьи ста противу *Мстиславу* и новгородцем съ всею силою Суздалской земли, а меншаа его братья противу Констянтину.

Нача же Мстислав с Володимеромъ укрѣпляти новогородци и смолняны, ркуще: «Братье, се вошли есми в землю силну, а позряче на Богъ, станем крѣпко, не озираимся назадъ: побегше, не уйти. А забудем, братье, домы, жены и дѣти, а коли любо умирати, хто хочеть пѣшь, или кто на конѣ».

Нвогородци же ркоша: «Мы не хочем измрети на конихъ, но отцы наши билися на Колакши пѣши».[28]

Мстислав рад бысть тому. Новгородци же ссѣд с коней, и порты и сапоги с себе сметавше, боси поскочиша. А смолняне же молодые полѣзше же с конь, тако же поидоша боси, завиваючи ноги.

А по них отряди Володимиръ Ивора Михайловича[29] с полком, а сами князи поехаша за ними на коних. И егда бѣ плъкъ Иворь в дебри, подчесь под Ивором конь, пѣшци же, не ожидающе Ивор, удариша на Ярославлих пѣщцев, и кликнушя они връгше кии,[30] а они топоры, ото бѣжати имъ, они же побѣгоша, и тако почаша я бити, подтяшя стягъ Ярославль. И пристиже Иворъ с смолняны же и досѣкошася другаго стяга, а князи же не доехали еще. Видѣвъ Мстислав рече: «Не дай Богъ выдати, Володимере, добрых люди».

И удариша на них сквозѣ свои пѣщци, Мстиславъ своим полком, а Володимеръ своим, а Всеволод Мстиславич з дружиною, а Володимеръ съ псковичи, пристиже и Констянтинъ с ростовци. Мстислав же проеха 3-жды сквозѣ полкы Юрьевы и Ярославли, сѣкуще люди, бѣ бо у него топоръ с поворозою[31] на руцѣ и сѣчаше тѣмь. Тако же и Володимеръ. И створиша брань велику, и досѣкошася до товаров. Юрьи же и Ярослав, видѣвше, аки на нивѣ класы пожинаху, побѣгоста с меншею братьею и с муромскими князи. Мстислав же рече: «Братье новгородци, не стойте к товару, прилежите боеви: възвергнут ли ся на нас и смятут ны».

Новгородци же не радячи товаръ бьяхуся, а смолняне падша на товарѣ и лупяху мертвых, а о бои не правяху. Побѣжени же бывше полкы силнии суждалстии месяца априля 21 в четверток 2 недели по Пасце.

О великъ, братье, промыслъ Божий! На томъ побоищи толико новгородець убиша на сступѣ; Дмитра пльсковитина, Онтона котелника, Ивана Прибышинича опонника,[32] а в загонѣ Иванка Поповича, терскаго данника,[33] а в смоленском полку один бысть убитъ Григоръ Водмолъ, муж передний.[34] А си вси съхранени быша силою честнаго креста и правдою.

О многы побѣды, братье, безчисленое число, яко не может умъ человечьскый достигнути Юрьевых и Ярославлих избьеных, а изыманых бяше в станех въ всѣхъ в новгородскых и в смоленскых 60 муж. Аще бо быста вѣдала се Юрьи и Ярослав, то мирилася быста: се бо слава ею и хвала погыбе, и полци силнии ни во что же быша. Бяше бо у Юрья стягов 17, а трубь 40, толико же и бубнов, а у Ярослава стягов 13, а трубъ и бубнов 60. Молвяхут мнози люди о Ярославѣ, яко: «Тобою ся намъ много зла створи. Про твое бо преступление крестное речено бысть: “приидѣте, птици небесныа, напийтеся крови человечьскы; звѣрие, наядитеся мяс человечьскых”». Не 10 бо убито, ни 100, но тысяща тысящами, а всѣх избитых 9233 мужи. Бяше бо слышати крич живых, иже не до смерти убити, и вытие прободеных въ Юрьевѣ градѣ и около Юрьева. Не бѣ кто погребаа, а мнози истопошя бѣжаще в рѣцѣ, а инии забѣгши ранени измроша, а живии побѣгоша, овии к Володимерю, а инии к Переяславлю, а инии въ Юрьев.

Князь же Юрьи, стояв противу Констянтину, и узрѣ Ярославль плъкъ побѣгшь, и тъй прибѣжа в Володимерь о полудни на четвертом кони, а трех одушив, въ первой срачицѣ — подкладъ и тый выверглъ.[35] А сступу был въ обѣд год. В Володимерѣ же остался непротивный народ: попове, черньци, жены, дѣти, и видѣвше радовахуся, творяху посла от князя, и ти бо глаголаху: «Наши одолѣют». И се Юрьи прибѣглъ один, начал ездити около града, глаголя: «Твердите град». Они же слышавше, смятошася, и бысть в веселья мѣсто плач. К вечеру же прибѣгоша людие, инъ раненъ, а инъ нагъ, такоже и нощи тоя. И заутра, съзвавь людий, Юрьи рече: «Братья володимерци, затворимся в городѣ, негли отбьемся их».

Молвять людие: «Княже Юрьи, с кимь ся затворим? Братья нашя избита, а инии изымани, а прок нашь прибѣгло без оружиа. То с чимь станем?».

Юрьи же рече: «То яз все вѣдаю, а не выдайтя мя ни брату Констянтину, ни Володимеру, ни Мстиславу, да бых вышол по свое воли из града». Они же тако обѣщашася ему.

Ярослав же такоже прибѣглъ одинъ в Переяславль на 5-мь кони, а четырех одушив, и затворися. И не доволѣ ему о первомь злѣ, не насытися крови человечьскыа, избив в Новѣграде людий много, и в Торжку, и на Волоцѣ, но и ту в бѣгъ изыма новгородци и смолняны, иже бѣ зашли гостьбою в землю его, повел в погребы вметати, что есть новгородцев, а иных в гридницу;[36] и ту издохшеся въ множествѣ, а иных повелѣ затворити в тѣснѣ избѣ и издуши их 150, а смолнян 15 муж затворишя кромѣ, ти же быша вси живи.

Князи же, племя Ростиславле, милостиви суть и до хрестьянства добрѣ, той день стояше на побоищи. Аще быша гонилися по них, то Юрьеви и Ярославу не ути было, а град бы Володимерь изъехали. Но тихо приидоша к Володимерю и обьехавше его, сташа в день неделный до обѣда и думаху откуду взяти и́. И тое нощи загорѣся в градѣ княж дворъ, и хотѣша новгородци полѣсти к граду, и не да им Мстислав, а въ вторник на нощь въ 2 час загорѣся же град, и горѣ до свѣта. Смолняне же просяхуся: «Ото чина взяти намь град». Володимер же не пусти их. И высла князь Юрьи с поклоном къ князем: «Не дѣйте мене днесь, а заутра поиду из града».

Заутра же рано выеха Юрьи съ двѣма браты, и поклонися князем, и рече Мстиславу и Володимеру: «Братье, вам ся кланяю и челомь бою: вамъ животъ дати и хлѣбом накръмити.[37] А Костянтин, брат мой, в вашей воли».

И да имъ дары многы, они же дашя ему миръ. Мстислав же и Володимеръ управиста ихъ: Констянтину Володимерь, а Юрью Радилов Городець. И тако вборзѣ спрятавшеся в лодьи, и владыка, и княгини, и людие вси поедоша вниз. Сам же Юрьи вшед в церковь в Святую Богородицу, удари челом у отня гроба и плачася глаголаше: «Суди Богъ брату моему Ярославу, оже мя сего доведе».

И тако поиде из Володимеря в малѣ дружинѣ в Городець. Из Володимеря же выидоша съ кресты гражане же вси противу Констянтина. Князи ж с новгородци посадиста Констянтина в Володимери на столѣ отнѣ. Князь же Констянтин одари в той день князи, и новгородци, и смолнян дары многыми, а володимерцов води къ кресту.

А Ярослав же еще пребываа в злобѣ и дыша гнѣвом и не покоряшеся, затворися в Переяславлѣ и творяшеся тамо избыти. Князи же, сдумавше с новгородци, поидошя к Переяславлю в пяток 3 недели по Пасце. Слышав се Ярослав, смятеся, нача высылати люди, моляся о мирѣ. И бысть вторник 4 недели, выеха Ярослав самъ из града, удари челом Констянтину брату и рече: «Господине, аз есмь в твоей воли, не выдавай мя тестю моему Мстиславу, ни Володимеру, а сам, брате, накръми мя хлѣбом».

Констянтин же управи Мстислава с *Ярославом* с зятем, и умиришася не доидучи Переяславля. А в среду в Преполовление[38] придоша к Переяславлю, и ту Ярослав одари князи и новгородци дары великыми. А Мстислав, не идя к граду, поимав дары, посла в град и възмя дщерь свою, а жену Ярославлю, и что живых новгородцов, и что было съ Ярославомъ в полку, и выеха в станы за град. Ярослав же многажды высылашеся с молбою къ Мстиславу, прося княгини своей к собѣ, глаголя: «Чи не бывает поточи княземь? А мене по правдѣ крестъ убил».

Мстислав же не пусти дщери своей к нему. И ту нощь стоявше князи поидоша розно: Костянтин к Володимеру, а Мстислав к Новуграду, Володимеръ к Смоленску, а другый Володимеръ къ Пскову, побѣдивше силнии плъкы и вземше свою честь и славу.

---

[1] *О побоищи новгородцѣмъ съ Ярославом.*— Далее описываются события, происшедшие после столкновения Ярослава Всеволодовича (сына Всеволода Большое Гнездо) с новгородцами. Этим событиям посвящен рассказ предшествующего года, заимствованный из Новгородской первой летописи. Согласно этому рассказу, Ярослав Всеволодович нарушил новгородские вольности, захватил и сослал в Тверь двух новгородских бояр. Затем он удалился в Торжок (Новый Торг), находившийся на границе Новгородской и Владимиро-Суздальской земли, и начал осаду Новгорода; в городе наступил страшный голод. Послов, которых присылали ему из Новгорода, князь захватывал и на обращения новгородцев не отвечал. Тогда в город пришел Мстислав Удалой, князь торопецкий, уже прежде защищавший Новгород от владимиро-суздальских князей. Мстислав дал новгородцам клятву: «Положу свою голову за Новгород; освободим своих мужей — вашу братью; да не будет Новый Торг над Новгородом, ни Новгород над Торжком!»

[2] *...на зять свой на Ярослава...*— Ярослав Всеволодович был женат на дочери Мстислава Удалого.

[3] *...крестопреступници...*— Бояре, бежавшие к Ярославу, именуются «крестопреступниками» (клятвопреступниками) потому, что (как рассказывается в Новгородской первой летописи) они целовали «хрест честный к Мстиславу с всеми новгородци, яко всем одинакым быти» (выступать воедино), а затем изменили.

[4] *Новгородци же поидоша Серегиром...*— Новгородцы пошли через озеро Селигер к границе Смоленской и Владимиро-Суздальской земли.

[5] *...осѣлъ Святославъ Ржовку...*— Святослав — младший из братьев Ярослава, также помогавший ему в войне с Новгородом; Ржевка (Ржева Владимирская, Ржев) — город в Смоленской земле на границе с Новгородской и Владимиро-Суздальской землей.

[6] *...с Володимеромъ съ Псковскым...*— Владимир Мстиславич, смоленский князь, брат Мстислава Удалого, княживший в это время в Пскове.

[7] *Ярунъ* — по-видимому, воевода Мстислава, впоследствии участвовавший вместе с ним в битве на Калке в 1223 г.

[8] *Зубцев* — город во Владимиро-Суздальской земле на реке Вазузе (приток Волги).

[9] *Володимеръ Рюрикович* — племянник и союзник Мстислава Удалого.

[10] *...на Холохне.*— Холохна (Холохольня), приток Волги на границе с Владимиро-Суздальской землей.

[11] *«Аще поидем к Торжку, то попустошимъ Новгородскую власть».*— Это объяснение отказа князей от похода на Торжок (дефектное место в Новгородской Карамзинской летописи и восстанавливаемое по Новгородской четвертой и Софийской первой летописям) расходится с объяснением, читающимся в Новгородской первой летописи: «Поидем к Переяславлю, есть у наю (нас) третий друг» (речь идет о князе Константине Ростовском, о котором в рассказе говорится дальше).

[12] *...князи наши...*— Речь идет, очевидно, о смоленских князьях Ростиславичах.

[13] *...на Благовещенье Богородици...*— 25 марта.

[14] *...послаша Яволода, боярина Володимеря...*— Яволд, по-видимому, боярин Владимира Мстиславича, не упоминается в рассказе Новгородской первой летописи.

[15] *...к Костянтину Всеволодичю в Ростов...*— Старший сын Всеволода Юрьевича Большое Гнездо был обделен при распределении наследства отца (стольный город Владимир и главенство над братьями достались второму брату Юрию) и находился в оппозиции по отношению к братьям.

[16] *...Шешу и Дубну.*— Шоша и Дубна — притоки Волги между Тверью и Кснятиным.

[17] *...город Коснятин (Кснятин)* — город при впадении в Волгу реки Нерли.

[18] *...Всеволода, шюрина моего.*— Речь идет о Всеволоде Мстиславиче-Борисовиче, шурине Константина, который был князем во Пскове незадолго до Владимира Мстиславича.

[19] *...поедоша к Переяславлю воюючи.*— Город Переяславль (Северный) был наследственным владением Ярослава Всеволодовича, главного виновника событий 1216 г.

[20] *...бышя на Городищи на рѣцѣ Саррѣ...*— Сарское городище находится при впадении реки Сары в Ростовское озеро (Неро) на южном берегу озера, противоположном Ростову.

[21] *Юрьево княжение Всеволодича в Суждалѣ.*— Этот заголовок, читающийся только в Новгородской Карамзинской и Новгородской четвертой летописях (в Софийской первой его нет), не совсем точен, ибо княжение Юрия Всеволодовича началось не в 1216 г., а в 1212 г., когда умер Всеволод Большое Гнездо и Владимиро-Суздальский престол достался не Константину, а Юрию (впрочем, в Новгородско-Софийском своде, как и в Новгородской первой летописи, о вокняжении Юрия в 1212 г. не упоминается).

[22] *...и с Володимеромъ...*— О каком Владимире, союзнике Юрия, здесь идет речь (он упоминается и в Новгородской первой летописи), неясно. Среди сыновей Всеволода Большое Гнездо был и Владимир (Дмитрий) Всеволодович, но, согласно Лаврентьевской летописи, он был взят в плен половцами в 1215 г. и вернулся из плена только в 1217 г.

[23] *...бродници...*— бродники, племена (по-видимому, славянского происхождения), кочевавшие на нижнем Дону и принимавшие участие в ряде военных столкновений той эпохи, например в битве на Калке в 1223 г.

[24] *...городчане...*— жители Городца Радилова на Волге, недалеко от Нижнего Новгорода.

[25] *...на рѣцѣ Кзѣ.*— Река Кза (Гза, Хза) — приток реки Колокши (в свою очередь, впадающей в Клязьму), на которой стоит город Юрьев-Польский.

[26] *...на рѣцѣ Липицѣ.*— Липица — река близ Юрьева-Польского.

[27] *...Творимиръ боярин...*— «Творимир» здесь, судя по тексту Новгородской Карамзинской и Новгородской четвертой летописей, а также Тверского сборника,— собственное имя (а не обращение: «Твори мир...»). В Новгородской первой летописи этот персонаж не фигурирует. Имя это явно имеет символический характер, и весь рассказ чрезвычайно характерен для тенденций Новгородско-Софийского свода в целом.

[28] *...отцы наши билися на Колакши пѣши.*— Речь идет о битве на Колокше (Колакше, Кулачке) в 1096 г., в которой новгородцы помогли князю Мстиславу Владимировичу (сыну Владимира Мономаха) одержать победу над его противником Олегом Святославичем. Согласно тексту Повести временных лет (в Радзивиловской летописи), новгородцы при этом (как и на Липице) спешились.

[29] *...отряди Володимиръ Ивора Михайловича...*— Ивор Михайлович, очевидно, воевода смоленского князя; в других источниках не упоминается.

[30] *...връгше кии...*— Кий (кый), по-видимому, боевой молот.

[31] *...топоръ с поворозою...*— Повороза (повруза, повраз) — петля для привязывания предмета к руке.

[32] *...опонника...*— Опонник — мастер, изготовляющий опоны — ткани, завесы.

[33] *...терскаго данника...*— Терская волость (волость Тре) — юго-восточный берег Кольского полуострова, находившийся под властью Новгородской земли и плативший дань Новгороду.

[34] *...Григоръ Водмолъ, муж передний.*— В отличие от перечня новгородских убитых, заимствованного из Новгородской первой летописи (где он читался в конце всего рассказа), упоминание об убитом смольнянине имеется только в Новгородско-Софийском своде.

[35] *..подкладъ и тый выверглъ.*— В Тверском сборнике картина бегства Юрия Всеволодовича дополнена еще одной деталью: «...бе бо телом толст и тяжек».

[36] *Гридница* — помещение для княжеской дружины.

[37] *...хлѣбом накръмити...*— дать средства к жизни, взять под свое покровительство (сюзеренитет).

[38] *Преполовление* — среда четвертой недели после Пасхи.

ПЕРЕВОД

О побоище новгородцев с Ярославом. В 6724 (1216) году. 1 марта во вторник пошел Мстислав с новгородцами на своего зятя Ярослава, а в четверг побежали к Ярославу клятвопреступники Владислав Завидович, Гаврила Игоревич, Юрий Олексинич, Гаврилец Милятич с женами и детьми. Новгородцы же пошли через Селигер и пришли на верховья Волги, а Святослав осадил Ржевку, городок Мстислава, с десятью тысячами войска. Мстислав же с Владимиром Псковским быстро пришли с пятьюстами человек — всего столько было воинов, и пришли спешно, а те убежали прочь. А Ярун засел в городе с сотней воинов и отбился от них, и Мстислав взял Зубцов и вышел на реку Вазузу. И пришел Владимир Рюрикович со смольнянами.

Послали в Торжок к Ярославу предложить мир, а сами стали на Холохне. Ярослав же дал ответ: «Мира не хочу, пришли, так идите;

нынче на сто наших будет один ваш!» И сказали, посоветовавшись между собой, князья: «Ты, Ярослав, с силою, а мы с крестом!»

Воины Ярослава построили укрепление и поставили засеки на путях от Новгорода и на реке Тверце. И сказали новгородцы князьям: «Пойдем к Торжку». И князья сказали: «Если пойдем к Торжку, то опустошим Новгородскую волость».

И так пошли к Твери, и начали захватывать села и жечь, а об Ярославе не было вести — в Торжке ли он или в Твери. А Ярослав, услышав, что занимают села, поехал из Торжка в Тверь, забрав с собой старейших мужей новгородцев и младших по выбору, а новоторжцев взял всех. И послал сто избранных мужей в сторожевой отряд; они же, отъхав пятнадцать верст от города, стали; а тут же стояли наши князья, расположив полки и ожидая великого сражения. И послали Яруна с младшими людьми, и напал на него сторожевой отряд Ярослава, и помог Бог Яруну, он захватил тридцать три воина Ярослава, семерых убили, а иные бежали в Тверь. Это была первая победа над ними — в день Благовещения святой Богородицы, на пятой неделе поста.

И пришла к ним весть, что Ярослав в Твери, и стали они без опасения ездить за припасами. И оттуда послали Яволода, боярина Владимира, к Константину Всеволодовичу в Ростов, а Владимира Псковского с псковичами и смольнянами послали на рубеж проводить его. А сами с новгородцами пошли по Волге, воюя, и пожгли поселения по Шоше и Дубне. А Владимир с псковичами и смольнянами взял город Коснятин и пожег его и все Поволжье. И встретил их, наших князей, воевода Еремей, посланный из Ростова князем Константином, и сказал: «Константин вам говорит с поклоном: я рад услышать о вашем походе; вот вам от меня на помощь пятьсот мужей ратников; пришлите ко мне со всеми делами моего шурина Всеволода».

Тогда они снарядили Всеволода с дружиной и отправили к Константину, а сами пошли по Волге вниз; и тогда бросили обозы, сели на коней и пошли в Переяславль, воюя. Когда же они были у Городища на реке Саре у церкви Святой Марины на Пасху 9 апреля, тут приехал к ним князь Константин с ростовцами. И обрадовались встрече, и целовали крест, и отрядили Владимира Псковского с дружиной в Ростов, а сами, придя на Фоминой неделе с полками, стали напротив Переяславля. И выехав из войска под город, захватили человека и узнали, что Ярослава в городе нет: он уже ушел к брату Юрию с полками, взяв всех подвластных ему, с новгородцами и новоторжцами.

Княжение Юрия Всеволодовича в Суздале. А Юрий со Святославом и с Владимиром уже вышел из города Владимира со всей братьей. И были полки у них очень сильны: муромцы, бродники, городчане и вся сила Суздальской земли; из сел погнали даже пеших. О, страшное чудо и дивное, братия! Пошли сыновья на отцов, а отцы на детей, брат на брата, рабы на господ, а господа на рабов. И стали Ярослав и Юрий с братией на реке Кзе. А Мстислав и Владимир с новгородцами поставили свои полки близ Юрьева и там стояли. А Константин со своими полками стоял далее, на реке Липице. И увидели стоящие полки Ярослава и Юрия, и послали сотского Лариона к Юрию: «Кланяемся тебе, от тебя нам нет обиды; обида нам от Ярослава!» Юрий ответил: «Мы заодно с братом Ярославом».

И послали к Ярославу, говоря: «Отпусти мужей новгородских и новоторжских, верни захваченные волости новгородские, Волок верни. А с нами возьми мир, целуй нам крест, а крови не проливай».

Ярослав ответил: «Мира не хочу, мужи ваши у меня; издалека вы пришли, а вышли как рыба на сушу». И передал Ларион эту речь князьям и новгородцам.

И снова послали к обоим князьям с последней речью: «Братья, Юрий и Ярослав, мы пришли не кровь проливать — не дай Бог сотворить такое! Договоримся, ведь мы же родичи; дадим старейшинство Константину — посадите его во Владимире, а вам вся Суздальская земля».

Юрий же сказал: «Скажи брату Мстиславу и Владимиру: пришли уже, так куда вам уходить? А брату Константину говорим так: пересиль нас, тогда вся земля твоя будет».

И так Юрий с Ярославом вознеслись славой, видя у себя силу великую, не приняли мира и начали пировать в шатре со своими боярами. И сказал Творимир-боярин: «Князья Юрий и Ярослав и вся меньшая братия, которая в вашей воле! Если бы по моей мысли, лучше бы вам взять мир и дать старейшинство Константину. Хоть и видим, что рядом с нашими полками их мало, Ростиславова племени, да князья их мудры, достойны и храбры, а мужи их, новгородцы и смольняне, дерзки в бою. А Мстислава Мстиславича из этого рода вы сами знаете — дана ему от Бога храбрость больше всех. Подумайте, господа».

Не люба была эта речь Юрию и Ярославу. И кто-то из бояр Юрьевых сказал: «Князья Юрий и Ярослав, не было того ни при прадедах, ни при дедах, ни при отце вашем, чтобы кто-нибудь пришел с войной в сильную Суздальскую землю и вышел цел. Хоть бы и вся Русская земля пошла на нас — и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская,— но никто против нашей силы не устоит. А эти полки — право, седлами их закидаем».

И люба была эта речь Юрию и Ярославу, и созвали бояр и главных своих людей, и начали говорить: «Вот добро само пошло нам в руки: вам будут кони, оружие, платье, а человека кто возьмет живого, тот сам будет убит; даже если в золотом будет оплечье — убей его, а мы вдвое наградим. Да не оставим ни одного в живых. Если кто и убежит из боя не убитый, а мы его захватим, прикажем одних повесить, а других распять. А о князьях, когда будут в наших руках, потом решим».

И, отпустив людей, пошли в шатер с братьею и стали делить города, и сказал Юрий: «Мне, брат Ярослав, Владимирская земля и Ростовская, а тебе Новгород; а Смоленск брату нашему Святославу, а Киев дадим черниговским князьям, а Галич — нам же».

И целовали крест между собой, и написали грамоты, чтоб от этого не отступаться. Эти грамоты взяли смольняне в стане Ярослава после победы и отдали своим князьям. Юрий же и Ярослав, разделив города всей Русской земли в надежде на свою большую силу, стали звать на бой к Липицам.

Мстислав же и Владимир позвали Константина и долго с ним советовались, взяли у него крестное целование, что не изменит, и выступили. И той же ночью объявили тревогу, всю ночь стояли со щитами и перекликались во всех полках. И когда вострубили в полках Константина, и Юрий и Ярослав услышали, хотели даже побежать, но потом успокоились. Наутро же пришли князья к Липицам, куда их вызвали на бой, а суздальцы за эту ночь отбежали за лесистый овраг. Есть там гора, зовется Авдова, там Юрий и Ярослав поставили свои полки, а Мстислав, Владимир, Константин и Всеволод поставили свои полки на другой горе, которая зовется Юрьева гора, а между двумя горами ручей, имя ему Тунег. И послали Мстислав и Владимир трех мужей к Юрию, предлагая мир: «Если же не дашь мира, то отступите далее на ровное место, а мы перейдем на ваш стан, или же мы отступим к Липицам, а вы займете наш стан».

Юрий же сказал: «Ни мира не приму, ни отступлю. Пришли через всю землю — так разве этой заросли не перейдете?»

Он надеялся на укрепление, ибо они оплели это место плетнем и наставили колья, и стояли там, говоря: «Могут напасть на нас ночью». Узнали об этом Мстислав и Владимир и послали биться молодых людей, и те бились весь день до вечера, но бились не усердно, ибо была буря в тот день и очень холодно. А утром решили перейти к Владимиру, не завязывая стычек с их полками, и начали собираться в станах. Те же увидели с горы и стали спускаться, говоря: «Вот они и бегут». Но эти, придя, их отбили назад. Тут подошел Владимир Псковский из Ростова, и стали совещаться. И сказал Константин: «Брат Мстислав и Владимир, если пойдем на виду у них, то они ударят нам в тыл, а, кроме того, мои люди не дерзки в бою и разбредутся по городам».

И сказал Мстислав: «Владимир и Константин, гора нам не поможет, и не гора нас победит. Надеясь на крест и на правду, пойдемте на них».

И начали устанавливать полки. Владимир же Смоленский поставил свой полк с края, далее стал Мстислав и Всеволод с новгородцами, и Владимир с псковичами, далее Константин с ростовцами. Ярослав же стал со своими полками, и с муромцами, и с городчанами, и с бродниками против Владимира и смольнян. А Юрий стал против Мстислава и новгородцев со всеми силами Суздальской земли, его меньшая братия — против Константина.

Начали Мстислав с Владимиром воодушевлять новгородцев и смольнян, говоря: «Братья, мы вступили в эту сильную землю; станем же твердо, надеясь на Бога, не озираясь назад: побежав, не уйдешь. Забудем, братья, дома, жен и детей, а уж коли умирать — то, кто хочет, пеший, кто хочет — на конях».

Новгородцы же сказали: «Не хотим погибать на конях, но, как отцы наши на Колокше, будем сражаться пешими».

Мстислав был этому рад. Новгородцы же, сойдя с коней и сбросив одежду и обувь, выскочили босыми. А молодые смольняне тоже спешились и пошли босыми, обвив себе ноги.

А вслед за ними Владимир отрядил Ивора Михайловича с полком, а сами князья поехали за ними на конях. И когда полк Ивора был в зарослях, споткнулся под Ивором конь, а пешие воины, не ожидая Ивора, ударили на пеших воинов Ярослава, и, воскричав, они подняли кии, а те — топоры, они ринулись, а те побежали, и начали их бить, и подсекли стяг Ярослава. И приспел Ивор со смольнянами, и пробились к другому стягу, а князья еще не доехали. И, увидев это, Мстислав сказал: «Не дай Бог, Владимир, выдать добрых людей».

И ударили на них сквозь свои пешие полки, Мстислав своим полком, а Владимир — своим, а Всеволод Мстиславич с дружиной, а Владимир с псковичами, подошел и Константин с ростовцами. Мстислав же проехал трижды через полки Юрия и Ярослава, посекая людей — был у него топор, прикрепленный петлею к руке, им он и сек. Так сражался и Владимир. Шел великий бой, досеклись и до обоза. Юрий же и Ярослав, увидев, что их косят, как колосья на ниве, обратились в бегство с меньшею братьею и муромскими князьями. Мстислав же сказал: «Братья новгородцы, не обращайтесь к добыче, продолжайте бой: если они вернутся, то сомнут нас».

Новгородцы же не ради добычи бились, а смольняне бросились на добычу и обдирали мертвых, а о бое не думали. Побеждены же были сильные суздальские полки 21 апреля в четверг, на вторую неделю после Пасхи.

О, велик, братия, промысел Божий! На том побоище убили из новгородцев в схватке только Дмитра-псковитина, Антона-котельника, Ивана Прибышинича-ткача, а в отряде Иванка Поповича, терского данника, а в смоленском полку был убит один Григор Водмол, знатный муж. А все остальные были сохранены силою честного креста и правдой.

О, многих победили, братья, бесчисленное число, ибо убитых воинов Юрия и Ярослава не может вообразить человеческий ум, а пленников во всех новгородских и смоленских станах оказалось шестьдесят мужей. Если бы предвидели это Юрий и Ярослав, то пошли бы на мир: ибо слава и хвала их погибли и сильные полки стали ни во что. Было ведь у Юрия семнадцать стягов, а труб сорок, столько же и бубнов, а у Ярослава тринадцать стягов, а труб и бубнов шестьдесят. Говорили многие люди про Ярослава так: «Из-за тебя сотворилось нам много зла. О твоем клятвопреступлении сказано было: “Придите, птицы небесные, напейтесь крови человеческой; звери, наешьтесь мяса человеческого”». Ибо не десять человек было убито, не сто, а тысячи и тысячи, а всех избитых девять тысяч двести тридцать три человека. Можно было

слышать крики живых, раненных не до смерти, и вой проколотых в городе Юрьеве и около Юрьева. Погребать мертвых было некому, а многие, бежавшие к реке, утонули, а другие раненые умерли в пути, а оставшиеся в живых побежали кто к Владимиру, а иные к Переяславлю, а иные в Юрьев.

Князь же Юрий стоял напротив Константина и увидел побежавший полк Ярослава, и он тогда прискакал во Владимир к полудню на четвертом коне, загнав трех коней, в одной сорочке, даже подседельник потерял. А началось сражение в обеденное время. Во Владимире же остался небоеспособный народ: попы, чернецы, женщины, дети, и, увидев всадника, обрадовались, думали, что это послы от князя, а им ведь говорили: «Наши одолеют». И вот Юрий прискакал один и стал ездить вокруг города, говоря: «Укрепляйте город». Они же, услышав, пришли в смятение, и был вместо веселия плач. К вечеру же прибежали сюда люди: кто ранен, кто раздет, то же продолжалось и ночью. А утром, созвав людей, Юрий сказал: «Братья владимирцы, затворимся в городе, авось отобьемся от них».

А люди говорят: «Князь Юрий, с кем затворимся? Братия наша избита, иные взяты в плен, а остальные прибежали без оружия. С чем станем обороняться?»

Юрий же сказал: «Все знаю, но не выдавайте меня ни брату Константину, ни Владимиру, ни Мстиславу, чтобы я сам мог выйти из города по своей воле». Они ему это обещали.

Ярослав тоже прискакал один в Переяславль на пятом коне, четырех загнав, и затворился в городе. И не довольно было ему прежнего злодейства, не насытился крови человеческой, избив множество людей в Новгороде, в Торжке и на Волоке, но и теперь, уже бежав, он велел захватить новгородцев и смольнян, которые пришли по торговым делам в его землю, и всех новгородцев заточить в погреба, а других в гридницу, где они задохлись от скопления множества людей, а иных велел загнать в тесную избу и удушил их там — сто пятьдесят человек, а отдельно заточили пятнадцать человек смольнян — эти остались в живых.

Князья же из Ростиславова племени, милостивые и добрые к христианам, весь день оставались на месте боя. Если бы погнались за ними, то Юрию и Ярославу не уйти бы было и город Владимир бы захватили. Но они осторожно подошли к Владимиру, и, объехав его,

остановились в воскресение до обеда, и решали, откуда взять город. И в ту же ночь загорелся в городе княжий двор, и новгородцы хотели вторгнуться в город, но Мстислав не позволил им этого, а во вторник в два часа ночи загорелся весь город и горел до рассвета. Смольняне же просили: «Вот, кстати, нам сейчас взять город». Но Владимир не пустил их. И обратился Юрий с поклоном к князьям: «Не трогайте меня сегодня, а завтра я выеду из города».

Утром же рано выехал Юрий с двумя братьями, и поклонился князьям, и сказал Мстиславу и Владимиру: «Братия, кланяюсь вам и бью челом: дайте мне жить и накормите хлебом. А Константин, мой брат, в вашей воле».

И дал им многие дары, они же даровали ему мир. Мстислав же и Владимир рассудили их: Константину дали Владимир, а Юрию — Городец Радилов. И так, поспешно забравшись в ладьи, владыка, княгини и все люди отправились вниз по реке. Сам же Юрий вошел в церковь Святой Богородицы, поклонился гробу своего отца и, плача, сказал: «Суди Бог брата моего Ярослава — он довел меня до этого».

И так пошел из Владимира с малой дружиной в Городец. Из Владимира же все горожане вышли с крестами навстречу Константину. Князья же совместно с новгородцами посадили Константина во Владимире на отчем столе. Князь же Константин одарил в тот день многими дарами князей, новгородцев и смольнян, а владимирцев водил целовать крест.

А Ярослав, все еще пребывая в злобе, и дыша гневом, и не покоряясь, затворился в Переяславле и надеялся там остаться. Князья же, посоветовавшись с новгородцами, подошли к Переяславлю в пятницу третьей недели по Пасхе. Услышав это, Ярослав пришел в смятение, стал посылать людей, умоляя о мире. И во вторник четвертой недели выехал сам Ярослав из города, ударил челом брату Константину и сказал: «Господин, я в твоей воле, не выдавай меня ни тестю моему Мстиславу, ни Владимиру, а сам, брат, накорми меня хлебом».

Константин же рассудил Мстислава с Ярославом, зятем его, и, не доходя до Переяславля, они заключили мир. А в среду, в Преполовение, вошли в Переяславль, и тут Ярослав одарил князей и новгородцев великими дарами. А Мстислав, не входя в город, принял дары, послал в город и забрал свою дочь, жену Ярослава, и всех новгородцев, оставшихся в живых, и тех, кто был в войске Ярослава, и расположил свой стан за городом. Ярослав же много раз обращался с мольбой к

Мстиславу, прося вернуть ему его княгиню, говоря: «Чего не бывает между князьями? А меня по справедливости крест наказал».

Но Мстислав не пустил к нему своей дочери. И, простояв всю ночь, князья разошлись в разные стороны: Константин ко Владимиру, а Мстислав к Новгороду, Владимир к Смоленску, а другой Владимир к Пскову, победив сильные полки и добыв себе честь и славу.

РАССКАЗ О ПРЕСТУПЛЕНИИ РЯЗАНСКИХ КНЯЗЕЙ

Подготовка текста, перевод и комментарии Д. С. Лихачева

ВСТУПЛЕНИЕ

Рассказ о предательском избиении рязанских князей на пиру у Глеба Владимировича в 1218 г. читается в составе Синодального списка XIII в. Новгородской первой летописи. Туда он попал из рязанской летописи, предположительно составленной для рязанского князя Ингваря Ингоревича, умершего в 20-х гг. XIII в. Предположение о своде Ингваря Ингоревича было высказано В. Л. Комаровичем (см.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, с. 74—77) на том основании, что в дошедших до нас отрывках этой рязанской летописи Ингварь Ингоревич косвенно выступает как основное лицо, которое интересует летописца. То летописец замечает, что Ингварь Ингоревич спасся от убийства, так как «не бе бо приспело врѣмя его», то он определяет одного из рязанских князей как «Инъгворовъ братъ» (в другом отрывке из рязанской летописи в Новгородской первой летописи под 1238 г.).

Рязанские князья, упомянутые в рассказе, были потомками Ярослава Святославича Черниговского — младшего брата родоначальника князей «ольговичей»— Олега Святославича (Олега Гориславича «Слова о полку Игореве»).

Текст печатается по изданию: Насонов А. Н. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 58 (по Синодальному списку — *ГИМ*, Синодальное собр., № 786, перв. пол. XIV в.).

ОРИГИНАЛ

Томь же 6726 лѣтѣ. Глѣбъ, князь Рязаньскыи, Володимиричь, наученъ сыи сотоною на убиииство, сдумавъ въ своемь оканьнѣмь помыслѣ, имѣя поспешника Костянтина, брата своего, и с нимь диявола, юже и прѣльсти, помысылъ има вложи, рѣкшема има, яко избьеве сихъ, а сама приимѣва власть всю. И не вѣси, оканьнѣ, Божия смотрения: даеть

власть ему же хощеть, поставляеть цесар и князя Вышнии. Что прия Каинъ от Бога, убивъ Авеля, брата своего: не проклятье ли и трясение? Или вашь сродникъ оканьныи Святоплъкъ,[1] избивъ братью свою: онема вѣньць царства, а собѣ вѣчьную муку. Сь же оканьныи Глѣбъ Святопълчю ту же мысль приимъ, и съкры ю въ сердци своемь съ братомь своимь.

Въньмъшемъся всѣмъ на исадѣхъ на порядѣ: Изяслав, кюръ[2] Михаилъ, Ростислав, Святослав, Глѣбъ, Романъ; Ингворъ же не приспѣ приехати к ним: не бе бо приспело врѣмя его. Глѣбъ же Володимиць съ братомъ позва я к собе, яко на честь пирения, въ свои шатьръ, они же не вѣдуще злыя его мысли и прѣльсти, вси 6 князь, кождо съ своими бояры и дворяны, придоша въ шатьръ ею. Сь же Глѣбъ прѣже прихода ихъ изнарядивъ свое дворяне и братие, и поганыхъ половьчь множьство въ оружии, и съкры я въ полостьници близъ шатра, въ немь же бе имъ пити, не вѣдущю ихъ никому же, развѣ тою зломысльною князю и ихъ проклятых думьчь. Яко начала пити и веселитися, ту абие оканьныи, проклятыи Глѣбъ съ братомъ, изьмъша меся своя, начаста сѣчи прѣже князи, та же бояры и дворянъ множьство: одинѣхъ князь 6, а прочихъ бояръ и дворянъ множьство, съ своими дворяны и съ половчи. Си же благочьстивии князи рязаньстии концяшася мѣсяця июля въ 20, на святого пророка Илии, и прияша вѣнця от Господа Бога, и съ своею дружиною, акы агньцы непорочьни прѣдаша душа своя Богови. Сь же оканьныи Глѣбъ и Костянтинъ, брат его, онѣмъ уготова царство небесное, а собе мку вѣчьную и съ думьци своими.

---

[1] *...оканьныи Святопълкъ...*— Сын Владимира I Святославича, убивший своих братьев, чтобы завладеть киевским княжением.

[2] *Кюр* (от греч. *Κυρος*)— титул особ византийского императорского дома, передававшийся и некоторым русским князьям.

ПЕРЕВОД

В тот же 6726 (1218) год. Глеб Владимирович, князь рязанский, подученный сатаной на убийство, задумал дело окаянное, имея помощником брата своего Константина и с ним дьявола, который их и соблазнил, вложив в них это намерение. И сказали они: «Если перебьем их, то захватим всю власть». И не знали окаянные Божьего промысла: дает он власть кому хочет, поставляет Всевышний царя и князя. Какую кару принял Каин от Бога, убив Авеля, брата своего: не проклятие ли и ужас? Или ваш сродник окаянный Святополк, убив братьев своих, тем князьям не принес ли венец царствия небесного, а себе — вечную муку?

Этот же окаянный Глеб ту же воспринял мысль Святополчью и скрыл ее в сердце своем вместе с братом.

Собрались все в прибрежном селе на совет: Изяслав, кир Михаил, Ростислав, Святослав, Глеб, Роман; Ингварь же не смог приехать к ним: не пришел еще час его. Глеб же Владимирович с братом позвали их к себе в свой шатер как бы на честный пир. Они же, не зная его злодейского замысла и обмана, пришли в шатер его — все шестеро князей, каждый со своими боярами и дворянами. Глеб же тот еще до их прихода вооружил своих и братних дворян и множество поганых половцев и спрятал их под пологом около шатра, в котором должен был быть пир, о чем никто не знал, кроме замысливших злодейство князей и их проклятых советников. И когда начали пить и веселиться, то внезапно Глеб с братом и эти проклятые извлекли мечи свои и стали сечь сперва князей, а затем бояр и дворян множество: одних только князей было шестеро, а бояр и дворян множество, со своими дворянами и половцами. Так скончались благочестивые рязанские князья месяца июля в двадцатый день, на святого пророка Илью, и восприняли со своею дружиною венцы царствия небесного от Господа Бога, предав души свои Богу как агнцы непорочные. Так окаянный Глеб и брат его Константин приготовили им царство небесное, а себе со своими советниками — муку вечную.

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева

ВСТУПЛЕНИЕ

«Слово о погибели Русской земли» представляет собой отрывок не дошедшего до нас произведения, посвященного монголо-татарскому нашествию на Русь. Упоминаемые в «Слове» имена и контекст, в котором эти имена встречаются («до ныняшняго Ярослава и до брата его Юрья...»), отзвуки легенд о Владимире Мономахе и некоторые южнорусские черты текста дают основание считать, что «Слово о погибели Русской земли» было написано автором южнорусского происхождения в северо-восточной Руси. Время написания «Слова» датируется периодом с 1238 по 1246 г. («нынешний Ярослав» умер в 1246 г.). Описание в «Слове» величия и могущества Русской земли предшествовало не сохранившемуся рассказу о нашествии Батыя. Такой характер вступления к тексту, который должен был повествовать о горестях и бедах страны, не случаен. Эта особенность «Слова о погибели Русской земли» находит себе типологическое соответствие с произведениями древней и средневековой литературы, в которых описываются с патриотических позиций невзгоды и тяжелые испытания, обрушившиеся на родину автора.

«Слово о погибели Русской земли» по поэтической структуре и в идейном отношении близко к «Слову о полку Игореве». Оба эти произведения отличает высокий патриотизм, обостренное чувство национального самосознания, гиперболизация силы и воинской доблести князя-воина, лирическое восприятие природы, ритмический строй текста. Оба памятника близки и сочетанием в них похвалы и плача: похвалы былому величию Русской земли, плача о ее бедах в настоящем. «Слово о полку Игореве» было лирическим призывом к единению русских князей и русских княжеств, прозвучавшим перед монголо-татарским нашествием. «Слово о погибели Русской земли» — лирический отклик на события этого нашествия.

«Слово о погибели Русской земли» дошло до нас в двух списках: один (XV в.) — в Гос. архиве Псковской области (собр. Псково-Печерского монастыря, ф. 449, № 60), другой (XVI в.) — в Древлехранилище *ИРЛИ* (Р.IV, оп. 24, № 26). В обоих списках «Слово» дошло в виде предисловия к «Повести о житии Александра Невского». Такое объединение этих текстов — факт более поздней литературной истории обоих произведений. Научное издание текстов и их исследование см.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965. Мы печатаем текст «Слова» по псковскому списку с исправлением явно ошибочных написаний отдельных слов и одной конъектурой (вместо слова «ношаху» оригинала дается написание «полошаху». — Конъектура эта была предложена А. В. Соловьевым).

ОРИГИНАЛ

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУСКЫЯ ЗЕМЛИ И ПО СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА[1]

О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами, крутыми холми, высокыми дубравоми, чистыми польми, дивными звѣрьми, *различными* птицами, бе-щислеными городы великыми, селы дивными, винограды обителными, домы церковьными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами. Всего еси испольнена земля Руская, о прававѣрьная вѣра хрестияньская!

Отселѣ до угоръ и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немець,[2] от нѣмець до корѣлы, от корѣлы до Устьюга,[3] гдѣ тамо бяху тоймици погании,[4] и за Дышючимъ моремъ;[5] от моря до болгаръ,[6] от болгарь до буртасъ,[7] от буртасъ до чермисъ,[8] от чермисъ до морьдви,— то все покорено было Богомъ крестияньскому языку, поганьскыя страны, великому князю Всеволоду,[9] отцю его Юрью,[10] князю кыевьскому, дѣду его Володимеру и *Манамаху*,[11]

которымъ то половоци дѣти своя *полошаху* в колыбѣли. А литва из болота на свѣтъ не выникываху, а угры твердяху каменые городы желѣзными вороты, абы на них великый Володимеръ тамо не вьѣхалъ, а нѣмци радовахуся, далече будуче за Синимъ моремъ. Буртаси, черемиси, вяда[12] и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера.[13] И жюръ Мануилъ цесарегородскый[14] опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под нимъ великый князь Володимеръ Цесарягорода не взял.

А в ты дни болѣзнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера,[15] и до ныняшняго Ярослава,[16] и до брата его Юрья, князя володимерьскаго...[17]

---

[1] *...великого князя Ярослава.*— Имеется в виду Ярослав Владимирович Мудрый (ок. 978—1054), сын Владимира Святославича Киевского. В 1019 г. утвердился на киевском столе и после длительной борьбы с братьями объединил под своей властью почти все древнерусские земли. Время его княжения ознаменовалось политическим укреплением государства, высоким развитием культуры. В 1038—1042 гг. предпринял ряд походов на литовские племена, в том числе на ятвягов, и на другие, пограничные с русскими княжествами, земли.

[2] *...до немець...*— Здесь под немцами подразумеваются шведские народы.

[3] *...до Устьюга...*— Город Великий Устюг в низовьях Сухоны, притока Северной Двины.

[4] *...тоймици погании...*— языческое племя, жившее по берегам Верхней и Нижней Тоймы — притоков Северной Двины.

[5] *...Дышючимъ моремъ...*— Дышащее море — Белое море и Северный ледовитый океан (названы «дышащими» из-за больших приливов и отливов).

[6] *...до болгаръ...*— Имеются в виду волжские болгары, обитавшие в районе впадения Камы в Волгу.

[7] *...до буртасъ...*— Буртасы — мордовское племя.

[8] *...до чермисъ...*— Черемисы — марийцы.

[9] *...великому князю Всеволоду...*— Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212), великий князь владимирский, сын Юрия Долгорукого,

внук Владимира Мономаха. В 1162 г., изгнанный братом Андреем Боголюбским, уехал в Константинополь к императору Мануилу, в 1174 г. вернулся. С 1176 г.— великий князь. При Всеволоде возросло могущество Владимиро-Суздальского княжества. В 1183 и 1186 гг. предпринял походы на волжских болгар и мордву.

[10] *...отцю его Юрью...*— Юрий Владимирович Долгорукий (кон. 90-х гг. XI в.— 1157), сын Владимира Мономаха, князь суздальский и киевский. В годы правления Юрия Долгорукого впервые упоминается под 1147 г. Москва, укрепленная Юрием Долгоруким в 1156 г. При Юрии Долгоруком начался экономический и политический подъем северо-восточной Руси. В 1120 г. Юрий Долгорукий предпринял поход на волжских болгар.

[11] *...Володимеру и Манамаху...*— Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), великий князь киевский (1113—1125 гг.). Успешная борьба Владимира Мономаха с половцами определила отношение к нему и в половецком эпосе (см. Галицко-Волынскую летопись, рассказ о траве евшан), и в древнерусской литературе как к грозному врагу половецкой степи. В период монголо-татарского нашествия и ига имя Владимира Мономаха было символом защитника Русской земли от внешних врагов.

[12] *...вяда...*— одно из мордовских племен.

[13] *...бортьничаху на князя великого Володимера* — то есть платили дань медом.

[14] *...жюръ Мануилъ цесарегородскый...*— византийский император Мануил Комнин. Упоминание его как современника Владимира Мономаха ошибочно. Жюръ — ошибочное написание слова «кюр».

[15] *...от великаго Ярослава и до Володимера...*— От Ярослава Мудрого до Владимира Мономаха.

[16] *...до ныняшняго Ярослава...*— Ярослав Всеволодович (1191—1246), великий князь владимирский (1238—1246 гг.), сын Всеволода Большое Гнездо; отец Александра Невского.

[17] *...до брата его Юрья, князя володимерьскаго.*— Юрий Всеволодович (1188—1238), великий князь владимирский. Погиб в битве с монголо-татарами на реке Сити 4 марта 1238 г. После гибели Юрия Всеволодовича владимирский стол занял его брат Ярослав Всеволодович.

ПЕРЕВОД

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА

О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами Божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то все с помощью Божьею покорено было христианскому народу, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей в колыбели пугали. А литовцы из болот своих на свет не показывались, а угры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко — за Синим морем. Буртасы, черемисы, вяда и мордва бортничали на великого князя Владимира. А император царьградский Мануил от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не взял.

И в те дни,— от великого Ярослава, и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя владимирского,— обрушилась беда на христиан...

ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ О МОНГОЛО-ТАТАРСКОМ НАШЕСТВИИ

Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина

ВСТУПЛЕНИЕ

В начале XIII в. из ряда восточных народов образовалось могущественное государство Чингисхана. После завоевания Средней Азии монголо-татары продолжали продвижение на запад. В 1223 г. тридцатитысячный отряд под предводительством Джебе и Субедея вышел через Закавказье в степь и разгромил половцев, которые бежали за Днепр. Русские князья на съезде в Киеве решили оказать им помощь, и коалиция, состоявшая из большинства князей, выступила в поход. Однако из-за феодальных распрей русско-половецкая рать потерпела

жестокое поражение в сражении с монголо-татарами на р. Калке. Татары преследовали русских до Днепра, но вторгнуться в пределы Руси не решились. Таково было первое знакомство русских людей с грозными завоевателями.

В 1235 г. на курултае в Каракоруме было принято решение об общем походе на запад, и во главе войска был поставлен Батухан (Батый). В конце 1236 г. монголо-татары разгромили Волжскую Болгарию, а зимой 1237 г. подошли к Рязанскому княжеству. В условиях княжеских распрей Русь не могла осуществить организованный отпор завоевателям. Значительное численное превосходство (в татарском войске насчитывалось 120—140 тысяч воинов), использование сложной осадной техники, заимствованной у китайцев, также предопределили успех монголо-татарского нашествия. Рассеяв рязанское войско, монголо-татары осадили Рязань и взяли ее штурмом на шестой день. После этого они двинулись на Владимирское княжество.

Около Коломны отряды Батыя разгромили значительное войско, собранное Юрием Всеволодовичем Владимирским. Захватив Коломну и Москву, монголо-татары осадили Владимир, который был взят и опустошен 7 февраля 1238 г. По свидетельству летописи в течение февраля месяца были взяты и разграблены 14 городов. В сражении на реке Сити Батый уничтожил остатки владимирской рати во главе с Юрием Всеволодовичем, Васильком Константиновичем и другими владимирскими князьями. После двухнедельной осады захватчики взяли Торжок и двинулись на Новгород. Однако из-за весенней распутицы сильно поредевшее войско Батыя вынуждено было повернуть назад и возвратиться в южные степи, не дойдя до Новгорода. Отходя на юг, монголо-татары разорили окраины Черниговского и Смоленского княжеств; особое мужество проявили жители маленького городка Козельска, семь недель отбивавшие штурм татарских войск — не случайно Батый назвал Козельск «злым городом».

В том же 1238 г. были опустошены Муром, Гороховец, Нижний Новгород, в 1239 г.— Переяславское княжество и Черниговская земля, а в 1240 г. Батый двинулся на Южную Русь. После ожесточенного штурма 6 декабря был взят Киев, обороной которого руководил воевода Дмитрий, поставленный князем Даниилом Романовичем. Разорив ряд городов Галицко-Волынской Руси, Батый отправился дальше на запад и целый год опустошал Венгрию, Польшу, Чехию. Русь осталась позади, испепеленная и обескровленная.

Древнерусская литература откликнулась на монголо-татарское нашествие целым рядом выдающихся произведений, таких, как «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем». Заслуживают внимания и летописные повести, посвященные этому событию. Составленные в разное время в различных концах Русской земли, летописные своды акцентируют внимание не на всех этапах монголо-татарского нашествия. Если во Владимирских и Ростовских сводах внимание уделяется преимущественно судьбе северо-восточных городов и земель, то южнорусская летопись более подробно сообщает о разорении Киева и городов Галицко-Волынского княжества. В

настоящем издании публикуются повести о битве на Калке и о покорении Батыем русских земель в 1237—1240 гг. по двум летописям — Лаврентьевской летописи и Тверскому сборнику.

Лаврентьевская летопись переписана в 1377 г. монахом Лаврентием с помощниками по заказу нижегородского князя Дмитрия Константиновича и епископа Дионисия. В это время Нижегородское княжество было одним из наиболее значительных на северо-востоке. Труд Лаврентия, как полагают, объяснялся желанием нижегородского правительства получить материал для составления собственного летописного свода. Лаврентьевская летопись содержит свод 1305 г. (этим годом датируется последнее ее известие), который также лежал в основе Троицкой летописи, погибшей в 1812 г. Начиная с 1206 г. Лаврентьевская летопись представляет собой соединение владимирского и ростовского летописания. Когда произошло это соединение, вскоре после татарского нашествия или в 1280-х гг.,— пока не установлено. Соединением двух традиций объясняется интерес летописца к Юрию Всеволодовичу Владимирскому, с одной стороны, и к Васильку Константиновичу Ростовскому — с другой.

Повесть о битве на Калке вошла в Лаврентьевскую летопись в краткой редакции, которая содержит лишь деловой перечень событий. Считается, что рассказ о битве на Калке в Лавретьевской летописи восходит к владимирской великокняжеской летописи 1228 г., куда он, очевидно, попал из летописца Переяславля Русского. В Лаврентьевской летописи этот рассказ был переработан ростовским летописцем, который значительно сократил повествование и включил сведения о Васильке Константиновиче, счастливо избежавшем поражения на Калке. Представляет интерес начальная часть рассказа о сражении на Калке, которая находит точную аналогию в Новгородской первой летописи (ср. также в позднем Тверском сборнике). Существует предположение, что эта часть восходит к Рязанскому летописанию. В повести о битве на Калке отразился ужас перед грозным завоевателем. Основываясь на «Слове о царстве язык» (Откровение) Мефодия Патарского, летописец возводит татар к нечестивым библейским народам.

Рассказывая о пленении Батыем Русской земли, летопись особенно подробно останавливается на завоевании Владимиро-Суздальского княжества. В этой части Лаврентьевской летописи четко прослеживается рука ростовского летописца, который в рассказе владимирской летописи сделал многочисленные вставки, посвященные Васильку Ростовскому. Поэтому, например, о гибели Юрия Всеволодовича в Лаврентьевской летописи сообщается дважды. Рассказ о гибели Василька заканчивается похвалой ему; под пером ростовского летописца Василек Ростовский становится почти святым. Вниманием летописца пользуется также великий князь владимирский Юрий Всеволодович. Сообщение о том, как Ярослав Всеволодович перенес тело брата из Ростова во Владимир, заканчивается в летописи похвалой Юрию, в значительной части заимствованной из похвалы Владимиру Мономаху. О завоевании Батыем других русских княжеств в

Лаврентьевской летописи рассказывается очень кратко — для жителя северо-восточной Руси эти события представляли меньший интерес.

В рассказе о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи имеется целый ряд важных фактических данных, которые, очевидно, принадлежат современнику событий. С другой стороны, повествование в Лаврентьевской летописи отличается обилием риторических отступлений, множеством цитат из Священного писания. Большая часть этих отступлений, как теперь установлено, заимствована из предшествующей части летописи и Повести временных лет, которая читается в начале Лаврентьевской летописи. Летописец старается оживить свой рассказ, используя диалог, внутренний монолог и т. д. Весьма живо изображен, например, разговор сыновей великого князя Всеволода и Мстислава с татарами, которые привели к Золотым воротам пленного Владимира Юрьевича. В уста действующих лиц (Юрия, Василька, епископа Митрофана) летописец вкладывает традиционные предсмертные молитвы. Повесть Лаврентьевской летописи о нашествии Батыя представляет большой интерес как исторический источник и как образец летописного стиля.

В отличие от Лаврентьевской летописи, в которой содержится в цельном виде свод 1305 г., Тверской сборник (Тверская летопись) представляет собой довольно позднюю компиляцию. В Тверском сборнике произошло механическое соединение двух летописных сводов, причем две части независимы друг от друга и не объединены даже редакторски. Первый свод, который содержится в Тверском сборнике и в котором читаются повести о битве на Калке и о Батыевом нашествии, составлен в 1534 г. Считается, что составитель свода 1534 г. был ростовцем. Свод этот основывался на Ермолинской (или близкой к ней Львовской) летописи и содержал также заимствования из Новгородской первой и Софийской первой летописей. Второй свод, вошедший в Тверской сборник, представляет собой в основном летопись тверских событий.

В Тверском сборнике повесть о битве на Калке более подробна, чем в Лаврентьевской летописи. В целом повесть близка к рассказу в Софийской первой летописи, которая, в свою очередь, комбинирует сведения о поражении русских князей в 1223 г. Новгородской первой и Ипатьевской летописей. В повести о битве на Калке, помещенной в Тверском сборнике, подробно рассказывается о том, как половецкий князь Котян обращается за помощью к своему зятю, князю Мстиславу Мстиславичу Галицкому, который призывает других князей выступить против татар, прослеживается путь русского войска до Калки. Летописец рассказывает о первых удачных столкновениях с татарскими войсками Мстислава Галицкого и Даниила Романовича, князя волынского. Поражение на Калке объясняется раздорами между русскими князьями — Мстислав Галицкий, вступая в сражение, не сообщает об этом великому князю Мстиславу Романовичу. В Тверском сборнике говорится о судьбе Мстислава Киевского, который, не участвуя в полевой битве, устроил на высоком берегу Калки ограду из кольев и мужественно оборонялся, пока не был предательски выдан татарам и умерщвлен.

Особый интерес представляет вставленный в повесть о битве на Калке рассхаз о «храбре» («храбр» означает воитель, слово «богатырь» более позднего происхождения) Александре Поповиче, известном герое русских былин Алеше Поповиче. Рассказ этот замечателен своей антикняжеской направленностью: летописец объясняет поражение на Калке «гордостью» и «высокоумием» русских князей и именно в связи с этим приводит рассказ об Александре Поповиче и его слуге Торопе. Александр Попович участвовал в усобице между сыновьями владимирского князя Всеволода Большое Гнездо, Юрием и Константином, на стороне Константина. В этой усобице удача сопутствовала Константину Ростовскому якобы благодаря мужеству Александра Поповича и Торопа. Юрий совершает неудачные попытки овладеть Ростовом и наконец терпит сокрушительное поражение в Липицкой битве, в результате чего Константин садится на престол во Владимире. Но Константин вскоре умирает, и престол вновь переходит к Юрию. Опасаясь мести Юрия Всеволодовича, Александр Попович совещается с другими «храбрами», и они принимают решение не участвовать в княжеских распрях, но служить Мстиславу Романовичу Киевскому.

В дальнейшем в летописи вновь упоминается Александр Попович в рассказе о поражении на Калке. Здесь сообщается, что в числе других в сражении погиб Александр Попович и семьдесят других «храбров». Это сообщение находит параллель в известной былине о том, как на Руси перевелись богатыри. Подробный рассказ об Александре Поповиче, несомненно фольклорного происхождения, вставлен в летопись из какого-то ростовского источника; не случайно в этом рассказе упоминаются местные ростовские урочища. К тому же источнику восходит, очевидно, и вступление к повести о нашествии Батыя, в котором вновь говорится о гибели на Калке Александра и других «храбров».

Повесть о нашествии Батыя в Тверском сборнике является компиляцией, которая, в конечном итоге, восходит к рассказам Лаврентьевской, Новгородской первой и Ипатьевской летописей. Повесть, входящая в состав Тверского сборника, сообщает целый ряд сведений о завоевании Руси монголо-татарами, которые отсутствуют в Лаврентьевской летописи. Так, например, здесь говорится о мужестве рязанских князей, отказавшихся выплачивать дань татарам, приводятся достаточно развернутые описания взятия Торжка, мужественной обороны Козельска, сообщается об осаде и штурме Чернигова и Киева, даются сведения о дальнейшем продвижении войск Батыя по волынским землям. Благодаря соединению различных источников повесть о нашествии Батыя, помещенная в Тверском сборнике, дает весьма четкое представление о трагических событиях 1237—1241 гг.

Текст Лаврентьевской летописи публикуется по изданию: *ПСРЛ*, т. I. Л., 1927, стлб. 445—447, 460—470. Исправления сделаны на основании подстрочных примечаний этого издания. Текст Тверского сборника публикуется по изданию: *ПСРЛ*, т. XV. М., 1965, стлб. 335—343, 365—375. При публикации учтены исправления, внесенные в текст в этом издании.

ОРИГИНАЛ

ИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В лѣто 6731. Всеволодъ Гюргевич иде из Новагорода къ отцю своему в Володимерь, новгородци же пояша к собѣ Ярослава Всеволодича ис Переяславля княжитъ.

Того же лѣта явишася языци, их же никто же добрѣ ясно не вѣсть, кто суть, и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ. И зовуть я татары, а инии глаголють таумены, а друзии печенѣзи. Ини глаголють, яко се суть, о них же Мефодий, Патомьскый епископъ,[1] свѣдѣтельствует, яко си суть ишли ис пустыня Етриевьскы, суще межю встоком и сѣвером. Тако бо Мефодий рече: «Яко къ скончанью временъ явитися тѣм, яже загна Гедеонъ,[2] и поплѣнять вся землю от встока до Ефранта, и от Тигръ до Понетьскаго моря,[3] кромѣ Ефиопья». Богъ же единъ вѣсть ихъ, кто суть и отколѣ изидоша, премудрии мужи вѣдять я добрѣ, кто книгы разумно умѣеть. Мы же их не вѣмы, кто суть, но сдѣ вписахом о них памати ради русскых князий, бѣды, яже бысть от них.

И мы слышахом, яко многы страны поплѣниша: Ясы, Обезы, Касогы,[4] и половець безбожных множество избиша, а инѣхъ загнаша. И тако измроша убиваеми гнѣвом Божьимь и пречистыя его Матере. Много бо зла створиша ти оканнии половци Руской земли. Того ради всемилостивый Богъ хотя погубити и наказати безбожныя сыны Измаиловы, куманы,[5] яко да отмьстять кровь христьяньску; еже и бысть над ними безаконьными. Проидоша бо ти *таурмени* всю страну Куманьску и придоша близь Руси, иде же зовется валъ Половечьскый. И слышавше я русстии князи Мстиславъ Кыевьскый, и Мстиславъ Торопичскый[6] и Черниговьскый, и прочии князи здумаша ити на ня, мняще яко ти поидут к ним. И послашася в Володимерь к великому князю Юргю, сыну Всеволожю, прося помочи у него. Он же посла к ним *благочестиваго* князя Василька, сыновца своего, Костянтиновича с ростовци, и не утяну Василко прити к ним в Русь.[7] А князи русстии идоша, и бишася с ними, и побѣжени быша от них, и мало ихъ избы от смерти; их же остави судъ жити, то ти убѣжаша, а прочии избьени быша. Мьстиславъ старый добрый князь ту убьенъ бысть, и другый Мстиславъ, и инѣх князий 7 избьено бысть; а боляръ и прочих вой много множество. Глаголют бо тако, яко кыянъ одинѣх изгыбло на полку том 10 тысячь.

И бысть плачь и туга в Руси и по всей земли слышавшим сию бѣду. Се же ся зло сключи месяца мая въ 30,[8] на память святаго мученика Еремиа. Се же слышавъ Василко приключьшееся в Руси, възвратися от Чернигова, схраненъ Богомь, и силою креста честнаго, и молитвою отца своего Костянтина, и стрыя своего Георгия. И вниде в свой Ростовъ славя Бога и святую Богородицю. <...>

В лѣто 6745. Благовѣрный епископъ Митрофанъ постави кивотъ в святѣй Богородицѣ зборнѣй над трапезою и украси его златомь и сребром при благовѣрнѣмь князи велицѣмь Георгии. Того же лѣта исписа притворъ святое Богородици.

Того же лѣта на зиму придоша от всточьныѣ страны на Рязаньскую землю лѣсом безбожнии татари, и почаша воевати Рязаньскую землю, и плѣноваху и до Проньска, поплѣнивше Рязань весь, и пожгоша, и князя ихъ убиша. Их же емше овы растинахуть, другыя же стрѣлами растрѣляху в ня, а ини опакы руцѣ связывахуть. Много же святыхъ церкви огневи предаша, и манастырѣ, и села пожгоша, имѣнья не мало обою страну взяша; потом поидоша на Коломну. Тое же зимы поиде Всеволодъ, сынъ Юрьевъ, внук Всеволожь, противу татаром. И сступишася у Коломны, и бысть сѣча велика. И убиша у Всеволода воеводу Еремѣя Глѣбовича и иных мужий много убиша у Всеволода, и прибѣжа Всеволодъ в Володимерь в малѣ дружинѣ. А татарове идоша к Москвѣ. Тое же зимы взяша Москву татарове, и воеводу убиша Филипа Нянка за правовѣрную христьянскую вѣру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева. А люди избиша от старьца и до сущаго младенца, а град и церкви святыя огневи предаша, и манастыри вси и села пожгоша, и много имѣнья въземше, отидоша.

Тое же зимы выѣха Юрьи из Володимеря в малѣ дружинѣ, урядивъ сыны своя в собе мѣсто Всеволода и Мстислава. И ѣха на Волъгу с сыновци своими с Васильком, и со Всеволодом, и с Володимером, и ста на Сити[9] станом, а ждучи к собѣ брата своего Ярослава с полкы и Святослава с дружиною своею. И нача Юрьи князь великый совкупляти воѣ противу татаром, а Жирославу Михайловичю приказа воеводьство в дружинѣ своей.

Тое же зимы придоша татарове к Володимерю, месяца февраля въ 3, на память святаго Семеона, во вторник преже мясопуста[10] за неделю. Володимерци затворишася в градѣ, Всеволод же и Мстиславъ бяста, а воевода Петръ Ослядюковичь. Володимерцем не отворящимся, приѣхаша татари к Золотым воротом,[11] водя с собою Володимера Юрьевича, брата Всеволожа и Мстиславля. И начаша просити татарове князя великого Юрья, ест ли в градѣ. Володимерци пустиша по стрѣлѣ

на татары, и татарове тако же пустиша по стрѣлѣ на Золотая ворота, и по сем рекоша татарове володимерцем: «Не стрѣляйте!» Они же умолчаша. И приѣхаша близь к воротом, и начаша татарове молвити: «Знаете ли княжича вашего Володимера?» Бѣ бо унылъ лицем. Всеволодъ же и Мстиславъ стояста на Золотых воротѣх и познаста брата своего Володимера. О умиленое видѣнье и слезъ достойно! Всеволодъ и Мстиславъ с дружиною своею и вси гражане плакахуся, зряще Володимера.

А татарове отшедше от Золотых воротъ, и обьѣхаша весь градъ, и сташа станом пред Золотыми враты на зрѣемѣ — множство вои бе-щислено около всего града. Всеволод же и Мстиславъ сжалистаси брата своего дѣля Володимера и рекоста дружинѣ своей и Петру воеводѣ: «Братья, луче ны есть умрети перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру христьяньскую»; и не да воли ихъ быти Петръ Ослядюковичь. И рекоста оба князя: «Си вся наведе на ны Богъ грѣх ради наших»; яко же пророкъ глаголет: «Нѣсть человеку мудрости, ни е мужства, ни есть думы противу Господеви. Яко Господеви годѣ бысть, тако и бысть. Буди имя Господне благословено в вѣкы». Створися велико зло в Суждальской земли, яко же зло не было ни от крещенья, яко же бысть нынѣ; но то оставим.

Татарове станы своѣ урядивъ у города Володимеря, а сами идоша взяша Суждаль, и святу Богородицю разграбиша,[12] и дворъ княжь огнемь пожгоша, и манастырь святаго Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша. А черньци и черници старыя, и попы, и слѣпыя, и хромыя, и слукыя, и трудоватыя, и люди всѣ иссѣкоша, а что чернець уных, и черниць, и поповъ, и попадий, и дьяконы, и жены ихъ, и дчери, и сыны ихъ, то все ведоша в станы своѣ, а сами идоша к Володимерю. В суботу мясопустную почаша наряжати лѣсы,[13] и порокы[14] ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыном около всего города Володимеря. В неделю мясопустную по заутрени приступиша к городу, месяца февраля въ 7, на память святаго мученика Феодора Стратилата.

И бысть плачь велик в градѣ, а не радость, грѣх ради наших и неправды. За умноженье безаконий наших попусти Богъ поганыя не акы милуя ихъ, но нас кажа, да быхом встягнулися от злых дѣлъ. И сими казньми казнить нас Богъ, нахоженьем поганых; се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся от пути своего злаго. Сего ради в праздникы нам наводить Богъ сѣтованье, яко же пророкъ глаголаше: «Преложю праздникы ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданье». И взяша град до обѣда от Золотых воротъ, у святаго Спаса внидоша по примету[15] чересъ город, а сюдѣ от сѣверныя страны от Лыбеди[16] ко Орининым воротом и к Мѣдяным, а сюдѣ от Клязмы к Волжьским воротом, и тако вскорѣ взяша Новый град.[17] И бѣжа Всеволодъ и Мстиславъ, и вси людье бѣжаша в Печерний городъ.[18]

А епископъ Митрофанъ, и княгыни Юрьева съ дчерью, и с снохами, и со внучаты и прочиѣ, княгини Володимеряя с дѣтми, и множество много бояръ, и всего народа людий затворишася в церкви святыя Богородица.[19] И тако огнем безъ милости запалени быша. И помолися боголюбивый епископъ Митрофанъ, глаголя: «Господи Боже силъ, свѣтодавче, сѣдяй на хѣрувимѣхъ, и научивъ Осифа,[20] и окрѣпивъ пророка своего Давида на Гольяда,[21] и въздвигнувый Лазаря четверодневнаго из мертвыхъ,[22] простри руку свою невидимо и приими в миръ душа рабъ своихъ»; и тако скончашася. Татарове же силою отвориша двери церковныя и видѣша овы огнем скончавшася, овы же оружьем до конца смерти предаша.

Святую Богородицю разграбиша, чюдную икону одраша[23] украшену златом, и серебром, и каменьемь драгым, и монастырѣ всѣ и иконы одраша, а иныѣ исѣкоша, а ины поимаша, и кресты честныя, и ссуды священныя, и книгы одраша, и порты блаженых первых князий, еже бяху повѣшали в церквах святыхъ на память собѣ. То же все положиша собѣ в полонъ, яко же пророкъ глаголеть: «Боже, придоша языци в достоянье твое, оскверниша церковь святую твою, положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша трупья рабъ твоихъ брашно птицам небесным, плоть преподобных твоих звѣрем земным, пролияша кровь их акы воду». И убьенъ бысть Пахоми, архимандритъ манастыря Рожества святы Богородица, да игуменъ Успеньскый,[24] Феодосий Спасьскый, и прочии игумени, и черньци, и черници, и попы, и дьяконы от уного и до старца и сущаго младенца. И та вся иссѣкоша, овы убивающе, овы же ведуще босы и безъ покровенъ въ станы своѣ, издыхающа мразом.

И бѣ видѣти страх и трепетъ, яко на христьяньскѣ родѣ страх, и колѣбанье, и бѣда упространися. Согрѣшихом казними есмы, яко же ны видѣти бѣдно пребывающа. И се нам сущюю радость скорбь, да и не хотяще всякъ в будущий вѣкъ обрящем милость. Душа бо сдѣ казнима всяко в будущий суд милость обрящет и лгыню от мукы. О неиздреченьному ти человеколюбью! И тако подобаеть благому владыцѣ казати. И се бо и азъ грѣшный много и часто Бога прогнѣваю и часто согрѣшаю по вся дни; но нынѣ на предреченая взидем.

Татарове поплѣниша Володимерь, и поидоша на великого князя Георгия оканнии ти кровопийци. И ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городець, и ти плѣниша все по Волзѣ доже и до Галича Мерськаго; а ини идоша на Переяславль, и тъ взяша, и оттолѣ всю ту страну и грады многы все то плѣниша доже и до Торжку. И нѣсть мѣста, ни вси ни селъ тацѣх рѣдко, иде же не воеваша на Суждальской земли. И взяша городовъ 14 опричь свободъ и

погостовъ во один месяць февраль, кончевающюся 45-тому лѣту;[25] но мы на предняя взидем.

Яко приде вѣсть к великому князю Юрью: «Володимерь взятъ, и церкы зборъная, и епископъ, и княгини з дѣтми, и со снохами, и со внучаты огнемь скончашася, а старѣйшая сына Всеволодъ с братом внѣ града убита, люди избиты, а к тобѣ идут». Он же, се слышавъ, възпи гласомь великым со слезами, плача по правовѣрнѣй вѣрѣ христьяньстѣй, преже и наипаче о церкви, и епископа ради, и о людех (бяше бо милостивъ), нежели собе, и жены, и дѣтий. И въздохнувъ из глубины сердца, рекъ: «Господи, се ли бы годѣ твоему милосердью?» Новый Иовъ бысть[26] терпѣньем и вѣрою яже к Богу. И нача молитися, глаголя: «Увы мнѣ, Господи, луче бы ми умрети, нежели жити на свѣтѣ семь. Нынѣ же что ради остах азъ единъ?» И сице ему молящюся со слезами, и се внезапу поидоша татарове. Он же, отложивъ всю печаль, глаголя: «Господи, услыши молитву мою и не вниди в судъ с рабом своимъ, яко не оправдится пред тобою всякъ живый, яко погня врагъ душю мою». И пакы второе помолися: «Господи Боже мой, на тя уповах, и спас мя и от всѣх гонящих избави мя». И поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю.

Слышав же князь Юрги с бротом своимъ Святославом, и с сыновци своими Василком, и Всеволодом, и Володимером, и с мужи своими, поидоша противу поганым. И сступишася обои, и бысть сѣча зла, и побѣгоша наши пред иноплеменникы. И ту убьенъ бысть князь Юрьи, а Василка яша руками безбожнии и поведоша в станы своѣ. Се же зло здѣяся месяца марта въ 4 день, на память святою мученику Павла и Ульяны. И ту убьенъ бысть князь великый Юрьи на Сити на рѣцѣ, и дружины его много убиша. Блаженый же епископъ Кирилъ взя князя мертва, иды из Бѣлаозера и принесе и в Ростовъ. И пѣвъ надъ ним обычныя пѣснь, со игумены, и с клирошаны, и с попы со многами слезами вложиша и в гробъ у святое Богородици.

А Василка Костянтиновича ведоша с многою нужею до Шерньского лѣса,[27] и яко сташа станом, нудиша и много проклятии безбожнии татарове обычаю поганьскому, быти въ их воли и воевати с ними. Но никако же не покоришася ихъ безаконью и много сваряше я, глаголя: «О глухое цесарьство оскверньное! Никако же мене не отведете христьяньское вѣры, аще и велми в велицѣ бѣдѣ есмъ. Богу же какъ отвѣтъ дасте, ему же многы душа погубили есте бес правды, их же ради мучити вы имать Богъ в бесконечныя вѣкы; истяжет бо Господь душѣ тѣ, их же есте погубили». Они же въскрежташа зубы на нь, желающе насытитися крове его. Блаженый же князь Василко помолися, глаголя: «Господи Исусе Христе, помагавый ми многажды, избави мя от сих плотоядець». И пакы помоливъся, рече: «Господи Вседержителю и нерукотвореный цесарю, спаси любящих тя, и прошенья, его же азъ

прошю, дажь ми, помози христьяном и спаси рабы твоя: чада моя Бориса и Глѣба и отца моего епископа Кирила». И пакы 3-ее помолися: «Благодарю тя, Господи Боже мой, кую похвалную память мою вижю, яко младая моя память желѣзом погыбает, и тонкое мое тѣло увядает». И прочее помолися: «Господи Исус Христе Вседержителю, приими духъ мой, да и азъ почию в славѣ твоей»; и се рек абье безъ милости убьенъ бысть.

И повержену на лѣсѣ, видѣ и етера жена вѣрна, повѣда мужю богобоязниву, поповичю Андрияну. И взя тѣло князя Василка, и понявицею обитъ, реку саваном, и положи его в скровнѣ мѣстѣ. Увѣдѣв же боголюбивый епископъ Кирилъ и княгыни Василкова, послаша по князя, принесоша и в Ростовъ. И яко понесоша и в град, и множество народа изидоша противу ему, жалостныя слезы испущающе, оставше такого утѣшения. Рыдаху же народа множество правовѣрных, зряще отца сирым и кормителя отходящим, печалным утѣшенье великое, омрачным звѣзду свѣтоносну зашедшю. На весь бо церковный чинъ отверзлъ бяшеть ему Богъ очи сердечнѣи, и всѣмъ церковником, и нищим, и печалным яко възлюбленый бяше отець; паче же и на милостыню, поминая слово Господне глаголющее: «Блажении милостивии, яко ти помиловани будут». И Соломонъ глаголеть: «Милостынями и вѣрою очищаются грѣси». Тѣм же и не погрѣши надежи, его же просяше у Бога: «Господи, спаси любящих тя». Сего бо блаженаго князя Василка спричте Богъ смерти подобно Андрѣевѣ;[28] кровью мученичьскою омывъся прегрѣшений своих с братом и отцомъ Георгием с великим князем. Се бо и чюдно бысть, ибо и по смерти совкупи Богъ телеси ею; принесоша Василка и положиша и в церкви святыя Богородица в Ростовѣ, иде же и мати его лежить. Тогда же принесоша голову великаго князя Георгия и вложиша ю в гроб к своему тѣлу.

Бѣ же Василко лицем красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, хоробръ паче мѣры на ловѣх, сердцемь легок, до бояръ ласковъ. Никто же бо от бояръ, кто ему служилъ, и хлѣбъ его ѣлъ, и чашю пилъ, и дары ималъ, тотъ никако же у иного князя можаше быти за любовь его. Излише же слугы свои любляше, мужьство же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста. Бѣ бо всему хытръ и гораздо умѣя, и посѣдѣ в доброденьствии на отни столѣ и дѣдни; и тако скончася, яко же слышасте.

В лѣто 6746. Ярославъ, сынъ Всеволода великаго, сѣде на столѣ в Володимери. И бысть радость велика христьяном, их же избави Богъ рукою своею крѣпкою от безбожных татаръ. И поча ряды рядити, яко же пророкъ глаголет: «Боже, суд твой цареви дажь, и правъду твою сынови цесареви — судити людемъ твоим в правду и нищим твоимъ в суд». И потомъ утвердися в своем честнѣмь княжении. Того же лѣта

князь Ярославъ великый отда Суждаль брату своему Святославу. Того же лѣта отда Ярославъ Ивану Стародубъ. Того же лѣта было мирно.

В лѣто 6747. Посла Ярославъ князь великий по брата своего Георгия в Ростовъ,[29] и привезоша и к Володимерю, и не дошедше ста. Изидоша из града противу ему епископъ Кирилъ и Дионисий архимандритъ; понесоша и в град с епископомъ, и игумени, и попове, и черноризци. И не бѣ слышати пѣнья в плачи и велици вопли, плака бо ся весь град Володимерь по нем. Ярослав же, и Святославъ, и князи рустии плакахуся по нем с дружиною своею, и множество бояръ и слугъ плакахуся лишения своего князя, убозии кормителя. Пѣвше обычныя пѣсни и положиша и в гроб каменъ в святой Богородици в гробници, иде же лежить Всеволодъ, отець его. Бѣ Юрьи, сынъ благовѣрнаго отца Всеволода, украшенъ добрыми нравы, их же имена вмалѣ повѣмы.

Се бо чюдный князь Юрьи потщася Божья заповѣди хранити и Божий страх присно имѣя в сердци, поминая слово Господнее, еже рече: «О семь познают вы вси человеци, яко мои ученици есте, аще любите друг друга. Не токмо же друга, но и врагы ваша любите и добро творите ненавидящим вас. Всякъ зломыслъ его прежемѣненыя безбожныя татары отпущаше одарены.[30] Бяхуть бо преже прислали послы своѣ злии ти кровопийци, рекуще: «Мирися с нами». Он же того не хотяше, яко же пророкъ глаголет: «Брань славна луче есть мира студна». Си бо безбожнии со лживым миром живуще велику пакость землям творять, еже и здѣ многа зла створиша. Богъ бо казнить напастми различными, да являться яко злато искушено в горнилѣ — христьяном бо многыми напастми внити в царство небесное. Сам бо Христосъ Богъ: «Нужно е царство небесное, и нужници въсхытают е». Георгие, мужьство тезоимените, кровью омывъся страданья ти! Аще бо не напасть, то не вѣнець, аще не мука, ни дарове. Всякый бо держася добродѣтели, не может безъ многих враг быти.

Милостивъ же бяше паче мѣры, поминая слово Господне: «Блажении милостиви, яко ти помиловани будут». Тѣмь и не щадяше имѣния своего, раздавая требующим; и церкви зижа и украшая иконами безъцѣнными и книгами, и грады многы постави, паче же Новъгородъ вторый[31] постави на Волзѣ усть Окы, и церкы многы созда и манастырь святыя Богородица[32] Новѣгородѣ. Чтяшет же излиха чернечьский чинъ и поповьский, подая имъ еже на потребу. Тѣм и Богъ прошения его свершаше, исполни лѣт его в доброденьствии. И посѣдѣ в Володимерѣ на отни столѣ лѣт 20 и 4, а на 5-е убьенъ бысть от безбожных и поганых татаръ. Се же все сдѣяся грѣх ради наших.

Но не предай же нас до конца имени твоего ради святаго и не остави милости твоея от нас молитвою святыя Богородица и блаженаго епископа Кирила. Не презрѣ Господь молитвы его и слезъ, иже приношаше Господеви, моляся день и нощь, абы не оскудѣла правовѣрная вѣра христьяньская. Еже и бысть: сдѣя Господь спасенье велико князем нашим, избавилъ есть от враг наших; «очи бо Господни на боящаяся его, а уши его в молитву ихъ». Гониша по них татарове и не обрѣтоша. Яко же и Саулъ гоняше Давида,[33] но Богъ избави от руку его, тако и сих Богъ избави от рукы иноплеменник, благочестиваго и правовѣрнаго великого князя Ярослава с благородными своими сыны. Бѣ же ихъ 6: Олександръ, Андрѣй, Костянтинъ, Офонасий, Данило, Михайло. А Святославъ с сыном с Дмитрием, Иванъ Всеволодичь, Володимеръ Костянтинович, Василковича 2 — Борисъ и Глѣбъ, Всеволодичь Василий, — си вси схранени быша Божьею благодатью; но мы на предреченая взидем.

Того же *лѣта* татарове взяша Переяславль Рускый, и епископа убиша, и люди избиша, и град пожьгоша огнем, и люди, и полона много вземше, отидоша. Того же лѣта Ярославъ иде г Каменьцю; град взя Каменець, а княгыню Михайлову со множьством полона приведе в своя си. Того же лѣта священа бысть церкы Бориса и Глѣба в Кидекшии[34] великым священьем на праздник Бориса и Глѣба священымъ епископомъ Кириломъ. Того же лѣта взяша татарове Черниговъ, князи ихъ выѣхаша въ Угры; а град пожегше, и люди избише, и манастырѣ пограбиша, а епископа Перфурья пустиша в Глуховѣ;[35] а сами идоша в станы своѣ. Того же лѣта Ярославъ иде Смолиньску на Литву, и Литву побѣди, и князя ихъ ялъ; а смольняны урядивъ князя Всеволода посади на столе, а сам со множеством полона с великою честью отиде в своя си. Того же лѣта на зиму взяша татарове Мордовьскую землю, и Муром пожгоша, и по Клязьмѣ воеваше, и град святыя Богородица Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя. Тогды же бѣ пополохъ золъ по всей земли, и сами не вѣдяху и гдѣ хто бѣжить.

В лѣто 6748. Родися Ярославу дщи и наречена бысть в святомь крещении Марья. Того же лѣта взяша Кыевъ татарове и святую Софью разграбиша и манастыри всѣ. И иконы, и кресты честныя, и вся узорочья церковная взяша, а люди от мала и до велика вся убиша мечем. Си же злоба приключися до Рожества Господня на Николинъ день.[36]

В лѣто 6749. Родися Ярославу сынъ и нареченъ бысть въ святомь крещении Василий. Того же лѣта татарове побѣдиша угры. Того же лѣта татарове убиша Мстислава Рыльского.

ИЗ ТВЕРСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Повѣсть о Калкацкомъ побоищѣ, и о князехъ рускыхъ, и о храбрыхь 70. Въ лѣто 6732. По грѣхомь нашимъ приидоша языци незнаеми, безбожнии моявитяне, их же никто же добрѣ не вѣсть ясно, кто суть, и отколѣ изыидоша, и что языкь ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ. И зовуть я татари, а инии глаголють таурмени, а друзии печенѣзи. Инии же глаголють, яко сии суть, о нихъ же Мефодий, епископь Паторомский, свѣдительствуетъ, яко сии суть вышли ис пустыня Ефровскиа, сущи межи въстока и сѣвера. Тако бо глаголеть Мефодий: «Яко въ скончание времени явитися имъ, их же загна тамо Гедеонъ, и изшедше оттуду, поплѣнятъ всю землю отъ востока до Ефранта, и отъ Тигра до Понетскаго моря, кромѣ Ефиопиа». Богь же вѣсть единъ, кто суть и отколѣ изыидоша, премудрии мужи вѣдятъ я добрѣ кто книгы разумѣетъ. Мы же ихъ не вѣмы, кто суть, но и здѣ написахомъ о нихъ памяти ради рускыхъ князь и бѣды, яже бысть отъ нихъ.

Но не сихъ же ради сие случися, ко гордости ради и величаниа рускыхъ князь попусти Богь сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози, и высокоумны, и мнящеся своею храбростию съдѣловающе. Имѣяхутъ же и дружину многу и храбру, и тою величающеся, от них же о единомъ въспомянемъ здѣ, описаниа налѣзше.

Бѣ нѣкто отъ ростовскыхъ житель Александрь, глаголемый Поповичь, и слуга бѣ у него именемь Торопь; служаше бо той Александръ великому князю Всеволоду Юриевичу. Повнегда же дасть князь великий Всеволод градъ Ростовъ сыну своему князю Костантину, тогда и Александрь начатъ служити Костантину. Егда же преставися великий князь Всеволодъ, Костантину не восхотѣвшу быти въ Володимери, но у пречистиа Ростовскиа и чюдотворцевь излюбы жити. Тѣмь и прошаше Вълодимера къ Ростову, а не Ростова къ Володимерю, ту бо омышляше столу быти великому княжению; но не въсхотѣ сего пречистая Богородица. И дасть князь великий Всеволодъ столъ свой меншему отъ Костантина сыну своему Юрию. Тѣмъ Костантинь гнѣвашеся на брата о княжении, а князь великий Юрий многы браны на Костантина въздвиже, хотя съ Ростова съгнати его; и не попусти ему Господь.

Пришедшу бо ему на нь ратию, Костантинъ отъиде къ Костромѣ и тоа съжже. Князь великий Юрий стоаше подъ Ростовомъ, въ Пужбалѣ, а войско стояше за двѣ версты отъ Ростова, по рѣцѣ Ишнѣ,[37] биахутъ бо ся вмѣсто острога объ рѣку Ишню. Александръ же выходя многы люди великого князя Юриа избиваше. Их же костей накладены могыли великы и донынѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а инии по ону страну рѣки Усии: много бо людей бяше съ великымъ княземь Юриемь. А инии побиени отъ

Александра же подъ Угодичами, на Узѣ, тѣ бо храбрии выскочивше на кою либо страну обороняху градъ Ростовъ молитвами пречистыа. Многажды бо князь великий Юрий на братне достоание прихождаше, но съ срамомъ възвращашеся.

Единою выйде на него изъ Ростова Костантинь, и бысть имъ бой за Юриевымъ на рѣцѣ Гзѣ,[38] и тамо побѣди Костантинь, молитвами пречистыа, своею правдою и тѣми же храбрыми Александромъ съ слугою Торопомъ; ту же бѣ и Тимоня Золотой поясъ. И ту убиша у великого князя храбраго Юряту, о семъ велми опечалися князь великий Юрий; побѣждень же смирися съ братомъ. Потомъ прииде на Ярослава Переяславьского Мьстиславь Мьстиславичь, тесть его, и инии князи, съ собою же и Костантина подвигоша, а за Ярослава сталъ князь великий Юрий за брата. И бысть имъ бой на Липицахъ и на Юриевѣ горѣ,[39] а ту всѣ полки великого князя Юриа избыти. Въ них же убиень бысть храбрый и безумный бояринъ Ратиборъ, иже похвалися сѣдлы наметати супротивныхъ. Князя же Юриа побѣдивше, и на столѣ въ Володимерѣ Костантина посадиша. Два же лѣта Костантинъ бывь князь великий, пакы столъ дасть брату Георгию, а дѣтемъ Ростовъ и Ярославль, а самъ кь Господу отходитъ.

Видѣвъ же Александрь князя своего умрьша, а Юриа сѣдша на столѣ, размышляше о животѣ, еда како отдасть мьщение князь великий, Юряты ради, и Ратибора, и инѣхъ мнозѣхъ отъ дружины его, их же изби Александрь. Вскорѣ смысливь посылаетъ своего слугу, их же знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ ихь къ собѣ въ городъ, обрытъ подъ Гремячимъ колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и нынѣ той сопъ стоитъ пустъ. Ту бо събравшеся съвѣтъ сътвориша, аще служити начнутъ княземъ по разнымъ княжениямъ, то и не хотя имутъ перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроение и части боеве. Тогда же рядъ положивше, яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Киевѣ. Бѣ же тогда въ Киевѣ князь великий Мьстиславь храбрый Романовичь Смоленского и Володимеръ Руриковичь Ростиславича, въ то же время Мъстиславь Мьстиславичь въ Галичи. И быша челомъ вси тыи храбрыи великому князю Мьстиславу Романовичу, о них же князь великий велми гордящеся и хваляшеся, донеле же сиа злоба съключися, о ней же повѣсть предлежитъ.

Начатъ бо слухъ проходити, яко сии безбожнии многы страны поплѣниша: Ясы, Обезы, Касогы, и половець безбожныхъ множество избыша, и приидоша на землю Половеческую. Половци же не могуще противися бѣжаша, и многыхъ избыша, а иныхъ погнаша по Дону въ лукоморя,[40] и тамо избиваеми гнѣвомъ Божиимъ и пречистыа его Матери. Много бо зла сътвориша тѣ окаании половци Руской земли. Того ради всемилостивый Богъ хотя погубити безбожныа сына Измаиловы, куманы, яко да отъмьстятъ кровь христианьскую; еже и

бысть надъ ними. Приидоша бо ти таурмени на всю страну Куманьскую и гониша ихъ до рѣки Днѣпра близъ Руси.

И прибѣгоша окаяннии половци, иде же зовется валъ Половеческий, остатокъ избытыхъ: Котянь, князь половеческий, съ инѣми князи; а Данило Кобяковичь съ нимъ и Юрий Кончаковичь убьена быста. Сей же Котянъ тестъ бѣ князю Мьстиславу Мьстиславичу Галичьскому, и прииде съ поклономъ съ князи половеческыми къ зятю Мьстиславу въ Галичь и къ всѣмъ княземъ рускымъ. И принесе дары многы, кони, и велбуди, и буйволы, и дѣвки, и одариша всѣхъ князей рускыхъ, кланяяся, ркуще: «Дньсь нашу землю отъяли суть, а вашу пришедше заутра възмутъ, то помозѣте намъ». И възмолися Котянъ зятю своему Мьстиславу; князь же Мьстиславъ посла кь братии своей, княземъ рускымъ, съ молбою рекъ: «Поможемъ симь; аще ли же мы симъ не поможемъ, то сии имутъ предатися къ нимъ, то онимъ болши будетъ сила, а намъ тяготнѣе будетъ отъ нихъ». И тако думавше много о себѣ, и поклона для и молбы князей половеческыхъ яшася Котягу помагати.

Начаша вои пристраивати, кождо свою власть: князь великий Мьстиславъ Романовичь Ростиславича Киевский, и Мьстиславъ Святославичь Черниговский Всеволодича Козельский, и Мстиславь Мьстиславичь Галичьский, сии бо старѣйшии земли Руской; съ ними же и младии князи: Данило Романовичь Мьстиславича, и князь Михайло Всеволодичь Черниговский, и князь Всеволодъ Мьстиславичь Киевьского сынь, и инии князи мнози. Бывшу же съвѣту ихъ въ Киевѣ всѣхъ князей, послаша къ Володимеру къ великому князю Юрию Всеволодичу на помочь; онъ же посла имъ Василка Ростовскаго. Съвѣщаша же князи, яко срѣсти ихъ на чюжой земли (тогда же половецкий князь крестыся Бастый), и съвъкупивше всю землю Рускую, поидоша противу татаромъ. Пришедши же имъ кь Днѣпру на Зарубъ, къ острову Варяжскому,[41] то же слышавше татарове, оже идутъ князи рустии противу имъ, послаша къ нимъ послы своа, глаголюще: «Се слышахомъ, оже идете противъ насъ, послушающе половецъ. А мы вашеа земли не заяхомъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ вашихъ, ни на васъ приидохомъ. Но приидохомъ, Богомъ пущони, на конюхи и на холопы свои, на поганыа половци, а вы възмѣте съ нами миръ. А половци, аще прибѣжатъ къ вамъ, то не приимайте ихъ, и бийте ихъ отъ себе, а товаръ ихъ възмите къ собѣ. Зане же слышахомъ, яко и вамъ много зла творятъ, того ради и мы биемъ». Князи же русстии того не послушаша, по послы изъ избыша, а сами поидоша противу имъ. И не дошедше Олѣшиа,[42] и сташа на Днѣпрѣ. И прислаша къ нимъ татарове второе послы, ркуще тако: «Аще есте послушали половець, а послы наши избыли, а идѣте противу насъ, то вы поидите. А мы васъ ничимъ не заимали, а всѣмъ намъ Богь». Они же отпустиша послы ихъ.

Ту прииде къ нимъ вся земля Половецкаа и съ князи своими. Тогда же Мъстиславъ Мъстиславичь Галичский, въ тысячи войска, перебродися рѣку Днѣпръ на сторожи татарскиа, и побѣди ихъ. А останокъ ихъ възбѣже въ курганъ Половецкий съ своимъ воеводою Гемябѣкомъ, и ту имъ не бысть помочи. И погребоша воеводу своего Гемябѣка живого въ землю, хотяще его ублюсти. И ту его налѣзоша, испросивше его половци у Мстислава, и убиша его. То же слышавше князи рустии, поидоша за Днѣпрь на множествѣ людей: Мъстиславь князь великий Романовычь съ кианы, Володимерь Рюриковичь съ смолняны, черниговьстии князи, галичане, и волинцы, и куряне, и трубчане, и путивльци, и вся страны руския, и вси князи и множество вой. Приидоша же выгонцы галичьские[43] въ лодиахь по Днѣстру въ море, бѣ же тысяща лодей. Изъ моря выидоша въ Днѣпрь, и възведше порогы, сташа у рѣки Хортици,[44] на бродѣ у Протолчии; воевода же у нихь Юрий Домарѣчичь, а другой Держикрай Водиславича.

Приидоша же имъ вѣсти, яко татарове приидоша къ нимъ посмотрити рускыхъ полковъ; Данило же Романовичь и инии князи, всѣдше на коня, погнаша видѣти рати татарскиа. И видѣвше послаша къ великому князю ко Мстиславу Романовичу, рекуще: «Мьстиславе и Мстиславь! Не стойте, поидемъ противу имъ». И поидоша въ поле, и срѣтоша ихъ татарове, и ту стрѣлци русстии погнаша ихъ въ поле далече, ихъ сѣкуще; и взяша скоты ихъ, и съ стаду утекоша. И оттуду идоша по нихъ осмь дний до рѣки Калка,[45] и послаша въ сторожехъ Яруна съ половци, а сами станомъ сташа ту. И ту срѣтошася съ сторожи, и убиша Ивана Дмитриевича и ина два съ нимъ; а татарове възвратишася. Князь же Мьстиславъ Мьстиславичь Галицкий повелѣ Данилу Романовичу перейти рѣку Калку съ полкы, а самъ по нихъ прииде; перешедъ сташа станомъ. Поиха же и самъ на сторожи Мьстиславъ, и видѣвь полки татарьские, прииха и повелѣ въоружатися воемъ своимъ. А два Мьстислава въ стану бяху, того не вѣдающе: не повѣда бо имъ зависти ради, бѣ бо межи ихъ пря велика.

Тако съступишася полкы, и напередъ иха на татарове и Данило Романовичь, и Семень Олюевичь, и Василко Гавриловичь. Ту Василка събодоша, а Данилу убодену бывшу въ перси, но не чюяше, буести ради и мужества; бѣ бо младъ, осминадесяти лѣть, но крѣпокь бяше на брань, избиваше татаръ мужественѣ полкомъ своимъ. Тако же и Мьстиславь Нѣмый потече на нихъ, и той бѣ крѣпокъ, и видѣвь яко събодоша Данила. Бѣ бо ужика отцу его, любовь имѣа къ нему, ему же и власть по себѣ обѣща. Тако же и Олгу Курскому крѣпко биющюся; тако же и Ярунь съ половци прииде, съступыся съ татары, хотя съ ними бытися. Но пакы половци въскорѣ побѣгоша назадъ, не успѣвше ничто же, и потопташа бѣжучи станы рускыхъ князей. А князи не успѣша исполчитися против имъ; и тако смятошася полци рустии, и бысть сѣча зла, грѣхъ ради нашихъ. И бысть побѣда на князи рускиа, яко же не бывала отъ начала Руские земли.

Князь великий же Мьстиславъ Романовичь Киевьский, внукъ Ростиславль Мьстиславича, сына Владимерова Манамахова, и князь Андрѣй, зять его, и Александрь Дубровский, видѣвше се зло, не двигошася никамо же съ мѣста. Стали бо на горѣ надъ рѣкою Калкою, бѣ бо мѣсто то каменно, и учиниша себѣ городъ колиемъ. И бишася съ ними изъ города того по 3 дни. Татарове же поидоша по рускыхъ князехъ, гониша ихъ биюще до Днѣпра. А у города того осташася два воеводи, Чегыркань и Тешукань, на Мьстислава Романовича, и на зятя его Андрея, и на Александра на Дубровского; тии бо два князя съ Мьстиславомъ. Быша же съ татары и бродницы,[46] а воевода у нихъ Плоскиня. И той окаянный воевода цѣлова кресть къ великому князю Мьстиславу, и кь обѣма князема, и кь всѣмъ сущимъ съ нимъ, яко не збыти ихъ, но окупь взяти на нихъ, и солгавь окаянный, предасть ихъ татаромъ, связавь. А городъ веземъ людей изсѣкоша, и ту костию падоша. А князей издавиша, подкладше подъ дощки, а сами на верху сѣдоша обѣдати; и тако издохошася и животъ свой скончаша.

А иныхъ князей, опроче того, до Днѣпра гоняще, избиша 6: князя Святослава Каневского, Изяслава Иньгваревича, Святослава Шумского, Мьстислава Черниговского съ сыномъ, Юриа Несвѣжского, а вой толко десятый прииде. И Александрь Поповичь ту убиенъ бысть съ инѣми седмидесятию храбрыхъ. Князь же Мьстиславъ Мьстиславичь Галичский переже всѣхъ пребѣгь за Днѣпръ, повелѣ лодии пережечь, а иныя отъ берега отрѣа, боячися погони; а самъ едва убѣже въ Галичь. А Володимеръ Руриковичь, братаничь Романовь, внукъ Ростиславль Мьстиславича, сѣде в Киевѣ, мъсяца июня 16 день. А злоба случилася мѣсяца маа 30, на память святаго мученика Еремеа. Войска же остатокъ десятый прииде кождо во своа, а иныхъ половци избыша ис коня, а иныхъ ис порта. И тако за грѣхы наша Богъ вложи недоумѣние въ насъ, и погыбе множество бес числа людий. Татарове же гнашася по Руси до Новагорода Святополчего.[47] Христиане же, не вѣдуще лести татарскыя, выидоша противу ихъ съ кресты, и тако избыша ихъ. Глаголаху же, яко единѣхъ же киань изгыбе тогда 30 тысячь.

И бысть плачь и вопль по всѣмъ градомъ и по селомъ. Татарове же възвратишася отъ рѣки Днѣпра, и не свѣдаемъ откуду были пришли, и камо ся дѣли. Единь Богъ вѣсть, откуду приведе за грѣхы наша и за похвалу и гордость великого князя Мьстислава Романовича. Глаголють бо, яко прииде слухъ про сихъ татаръ, яко многы земли плѣнуютъ, а приближаются Рускимъ странамъ, и сповѣдаша ему о нихъ; онъ же отрече: «Дондеже есмь на Киевѣ, то по Яико, и по Понтийское море,[48] и по рѣку Дунай саблѣ не махивати». Василка же Костантиновича тогда Богъ съблюде, прииде бо съ полки ко Чернигову въ помочь. Слышавъ се зло, случившеся въ Руси, възвратися въ свой Ростовь, съхраненъ Богомъ. <…>

Въ лѣто 6745. <...> О плѣнении Рускыа земля отъ Батиа. Слышано бысть на восточнѣй странѣ въ родѣ Измаиловѣ, сына Агарина, рабыни Авраамовы,[49] яко смири Господь Богъ Рускую землю нахождениемъ безбожныхъ иноплеменникъ, таурмень. Еже на Калкы и побѣждение рускыхъ князей прослу, и храбрыхъ онѣхъ 72 избиение вѣдомо тамо бысть, и межиусобныа брани Рускыа земля, и глады, и морѣ велицѣи, и оскудѣние рускаго воинства, и разньствие въ братии, и просто все земское неустроение. Наипаче же обнажися грѣховнаа злоба, и вопль грѣховный въ уши Господа Саваофа вънииде. Тѣмъ и попусти на землю нашу таковую всепагубную рану. Еще бо и сеа крови не отмыхомъ, Калкацкого бою, и пакы народися людий по велицѣмъ мору по всей земли, кромѣ Киева. Но киевьстии людие на Калкахъ съ великымъ княземь Мьстиславомъ Романовичомъ, и съ инѣми 10-ю князи и съ 72-ю храбрыми костию тамо падоша; новгородстии людие отъ гладныя смерти изъмроша, а живыи разыдошася по чюжимъ землямъ; тако же и смоленскаа, и вси просто гради столнии смерти тоа вкусивше, въскорѣ осиротѣша. Не много бо лѣтъ мину, отъ Калкатцкиа рати до потрясениа земли 8 лѣтъ, тогда же и гладъ бысть, а отъ потрясениа земли до Батыева прихождениа 8 лѣтъ. Того ради не исполнися земля наша, но и наипаче всѣмъ животнымъ опустѣ.

Мы же приведемъ слово къ повѣсти, како ублюде Богъ великого князя Юриа Всеволодича, и Ярослава, брата его, и братанича ихъ Василка Ростовского Костантиновича от Калокъ, тако же и люди оставшая отъ мору, и како не угоньзнуша своеа смерти, обща бо есть всей Руской земли.

Слышавше бо безбожнии татарове таковое смирение руское, и имѣние великое, многыми лѣты събраное, двигнушася съ восточныа страны, и поплѣниша прьвое Болгарскую землю.[50] А на третий годъ на Русскую землю приидоша бесчисленое множество, яко прузи траву поядающе, тако и сии сыроядци христианьский родъ потребляюще.

Въ лѣто 6746. Зимоваша окааныи татарове подъ Чернымъ лѣсомъ и оттолѣ приидоша безвѣстно на Рязаньскую землю лѣсомъ съ царемъ ихъ Батиемь. И прьвое приидоша и сташа о Нузлѣ,[51] и взяша ю, и сташа ту станомъ. И оттолѣ послаша посломъ жену чародѣицу, а съ нею два татарина, въ Рязань къ княземъ рязаньскымъ, просяще у нихъ десятыны: десятого въ князехь, десятого въ людехъ, и въ конехъ, десятаго въ бѣлыхъ, десятаго въ вороныхъ, десятаго въ бурыхъ, десятаго въ пѣгыхъ, и въ всемь десятого. Князи же рязаньстии, Юрий Иньгваревичь и брата его Олегь и Романь Иньговоровичи, и муромские князи, и проньские хотѣша съ ними брань сътворити, не выпустячи въ свою землю. И выидоша противу ихъ въ Ворониожь,[52] и ркоша посломъ

Батыевымъ: «Коли насъ не будетъ всѣхъ, то все то ваше будеть». И оттолѣ послаша ихъ къ великому князю Юрию Всеволодичу въ Володимеръ, и оттолѣ пустиша татаре въ Воронажи. Послаша же рязаньстии князи пословъ своихъ въ Володимеръ къ великому князю Юрию, просяще помощи, или самому поити и вмѣстѣ постоати за землю Рускую. Князь великий же Юрий не послуша молбы рязаньскыхъ князей, самъ не поиде ни посла къ нимъ; но вьсхотѣ самъ о себѣ съ татары брань сътворити. Но уже бяше Божию гнѣву не възможно противитися, яко же древле речено бысть Господемь Исусу Навгину; [53] егда веде ихъ Господь въ землю обѣтованную, тогда рече: «Азъ послю во нихъ прежде въ васъ недоумѣнное, и грозу, и страхъ, и трепетъ». Тако же и у насъ отъятъ Господь преже силу, а за грѣхы наша вложи въ насъ грозу, и страхъ, и трепетъ, и недоумѣние.

Погании же татарове начаша воевати землю Рязаньскую, и оступиша Рязань, мѣсяца декабря въ 16 день, на память святаго пророка Аггеа, и острогомъ оградиша его. Князь же Юрий Рязаньский затворися въ градѣ съ людми, а князь Романь отступи къ Коломнѣ съ своими людми. И взяша градъ татарове, в 21 день, приступивше, того мѣсяца, на память святыа мученицѣ Иулианы, князя Юриа Иньгваревича убиша и княгыню его, а люди изсѣкоша, мужа, и жены, и дѣти, и чрьнца, и чрънорызыца, иереа, овыхъ огнемъ, а иныхъ мечемъ; поругание чрьницамъ, и попадиамъ, и добрымъ женамъ, и дѣвицамъ предъ матереми и сестрами. А епископа же ублюде Богъ, отъиха въ то время прочь, егда татарове городъ оступиша. И изсѣкше люди, а иныхъ плѣнивше, зажгоша градъ. И кто, братие, отъ насъ не поплачется о семъ, кто насъ осталъ живыхъ, како они горкую и нужную смерть подъяша! Да и мы, то видѣвши, устрашилися быхомъ и плакалися грѣховъ своихъ день и нощь сь въздыханиемь; мы же творимъ съпротивное, пекущеся о имѣнии и о ненависти братни. Мы же на предлежащее възвратимся.

Князь же великий Юрий Всеволодичь Володимерский посла въ сторожехъ Иеремѣя воеводою, и сняся съ Романомъ Ингваревичемъ. Татарове же, вземше Рязань, поидоша х Коломнѣ, и ту прииде противу ихь сынь великого князя Юриа Всеволодича изъ Володимера и Романъ Ингваревичь съ своими людми. И оступиша ихъ татарове, и ту бысть имъ бой, и бишася крѣпко, и пригониша ихъ къ надолобамъ, и ту убиша князя Романа Ингваревича и Еремеа Глѣбовича, воеводу Всеволожа, и ту паде много людей съ княземъ и съ Иеремѣемъ; а москвичи побѣгоша, ничего же не видѣвше. А Всеволодъ Юриевичь бѣжа в малѣ въ Володимеръ. А татарове пришедше взяша Москву, и князя Володимера, сына великого князя Юриа, поимаша. И поидоша къ Володимеру многое множество кровопролитецъ крови христианскыа.

Слышавъ же то князь великий Юрий, уряди въ себе мѣсто въ Володимери сыны своа, Всеволода и Мстислава, а самъ поиде къ Ярославлю, и оттолѣ за Волгу, а съ нимъ сыновци его Костантиновичи, Василко, и Всеволодъ, и Вълодимеръ, и пришедъ ста на Сити, ждучи къ себѣ брата Ярослава и Святослава. А въ Володимери затворися сынь его Всеволодъ съ материю, и съ владыкою, и съ братомъ, и съ всею областию своею.

Безаконнии же татарове приидоша къ Володимеру, мѣсяца февраля 3 день, на память святаго Симеона богоприемца, въ вторникъ мясопустныя недѣли. Приведоша же со собою Володимера Юриевича къ Золотымъ воротамъ, глаголюще: «Знаете ли княжича вашего?» Братиа же его, Ослядюковичь и вси людие видѣвше и, многы слезы излиаша, видяще его въ мнозѣ истомлении. Татарове же отступлыше отъ вратъ града, и градъ объихавше, и потомъ сташа станы противу Золотыхъ воротъ на зрѣимѣ. Юриевичи же, Всеволодъ и Мьстиславъ, хотѣша выйти на нихъ, не дасть имъ брати Петрь воевода, глаголя: «Нѣсть мужества, ни думы, ни силы противу Божия посѣщениа, за наше съгрѣшениа».

Татарове же шедше взяша Суздаль, и приидоша къ Володимеру, въ пятокь преже мясопуста. Во утрии же, въ суботу мясопустную, февраля 7, на память святаго отца Парфениа, начаша татарове полки рядити, въ нощи той градъ весь тыномъ отыниша. Въ утрѣи же видивше князи Всеволодъ и Мьстиславъ и владыка Митрофань, яко уже граду ихъ взяту быти, ни надѣяхуся не откудо же помощи, и вниидоша вси въ церковь святыа Богородица, и начаша каятися грѣховь своихь. И елици отъ нихъ хотяху вь аггелскый образъ, постриже ихь всѣхъ владыка Митрофанъ: князей, и княгиню Юриеву, и дочерь, и сноху, и добрыа мужи и жены. А татарове начаша пороки рядити, и къ граду приступиша, и выбывше стѣну градную, наметавше въ ровъ сырого лѣса, и тако по примету вниидоша въ градъ, тако же и отъ Лебеди вниидоша въ Ориныни ворота, и отъ Клязмы въ Мѣдяные ворота и Волжские ворота, и тако взяша градъ и огнемъ запалиша. Увидѣвше же князи, и владыка, и княгыны, яко зажжень бысть градъ, а людие уже огнемъ скончаются, а инии мечемъ, и бѣжаша князи въ Средний градъ. А владыка, и княгыни съ снохами, и съ дочерью, княжною Феодорою, и съ внучаты, иныи княгыни, и боярыни, и люди мнози въбѣгоша в церковь святыа Богородица и затворишася на полатехъ. А татарове и тотъ градъ взяша, и у церкви двери изсѣкше, и много древиа наволочиша, и около церкви обволочивше древиемъ, и тако запалиша. И вси сущии тамо издъхошася, и тако предаша душа своа въ руцѣ Господеви; а прочиихъ князей и людей оружиемъ избыша.

И оттолѣ разсыпашася татарове по всей земли той, къ Ростову, ины по великомъ князи погнаша на Ярославль, и на Городецъ, и по Волзѣ вся

грады поплѣниша и до Галича Мерскаго; а инии Тфѣрь шедше взяша, въ нейже сына Ярославля убиша. И вся грады поимаша по Ростовской земли и по Суздалской въ единъ мѣсяць февраль, нѣсть же мѣсто и до Торжьку, иде же не быша.

Прииде же си вѣсть къ великому князю Юрию на рѣку Сить, сущу ему тамо, а мѣсяцю февралю уже исходящу, яко «Володимеръ взятъ бысть и сущаа въ немъ вся взята, люди вся, и епископь, и княгыни твоя, и сынове, и снохы вся избыти, а къ тебѣ идетъ». Онъ же бысть въ велицѣ тузѣ, яко себе не видѣти, о церковномъ разорению и о погыбели христианской. И посла Дорожа въ просокы въ трехъ тысящахъ пытаты татаръ. Онъ же прибѣже, глаголя: «Господине, княже, уже обошли суть на насъ татарове». Онъ же съ братомъ Святославомъ, и съ сыновци своими, Василкомъ, и Всеволодомъ, и Володимеромъ, и съ полки исполчившеся, и поидоша противу ихъ, и постави полки около себе, но не успѣша ничто же. А татарове пришедше къ нимъ на Сить, и бысть сѣча зла, и побѣдиша рускыхъ князей. Ту же убиенъ бысть князь великий Юрий Всеволодичь, внукь Юриевь Долгорукого, сына Манамахова, и мнози вои его избиени быша.

А Василка Костантиновича Ростовского руками яша, и того ведоша съ собою до Шеренского лѣса, нудяще его въ своей волѣ жити и воевати съ ними. Онъ же не повинуся имъ и ни вкуси ничто же, яже суть въ рукахъ ихъ, но и много хулна изрекъ на царя ихъ и на всѣхъ ихъ. Они же много мучивше его, предаша смерти марта въ 4, въ средохрестие,[54] повергоша тѣло его на лѣсѣ. То же видѣ нѣкаа жена, повѣда мужу богобоязниву; вземше тѣло его, обвиша плащеницею и положиша въ скровеннѣ мѣстѣ.

Они же оттолѣ възвращьшеся, яко же выше рѣхъ, взяша Переяславль, и Москву, и Юриевъ, и Дмитровъ, и Волокь, к Тфѣрь, и оттолѣ приидоша кь Торжку, вь недѣлю 1 поста, мѣсяца февраля вь 22 день, на Обрѣтение мощей святыхь мученикъ иже вь Евгении. И отыниша его тыномъ весь около, яко же инии грады имаху, и бишася ту окааннии по 2 недѣли. Изнемогоша же людие въ градѣ, а изъ Новогорода не бысть имъ помощи, но уже кто же собѣ сталъ бѣ въ недоумѣнии и въ страсѣ. И тако погании взяша градъ, изсѣкоша вся отъ мужеска полу и до женска, иерейский чинь весь и чрьноризческий. А все изобнажено и поругано, горкою и бѣдною смертию предаша душа своа въ руцѣ Господеви мѣсяца марта въ 5 день, на память святаго Канона, въ среду 4-ю недѣлю поста. Ту же убиени быша: Иванко, посадникъ новоторжеский, Якимъ Влуньковичь, Глѣбъ Борисовичь, Михаилъ Моисеевичь. А за прочими людми гнашася безбожнии татарове Серегѣрьскымъ путемъ до Игнача креста,[55] а все сѣкучи люди, яко траву, и толику не дошедше за 100 версть до Новагорода. Новъ же городъ заступи Богъ, и святая и великаа съборнаа и апостольскаа церковь София, и святый преподобный

Кирилъ, и святыхъ правовѣрныхъ архиепископъ молитва, и благовѣрныхъ князей, и преподобныхъ чръноризецъ иерейскаго събора.

Да кто, братие, и отци, и дѣти, видѣвши таковое Божие попущение се на всей Рустѣй земли, и не плачется? Грѣхь ради нашихъ попусти Богъ найты на ны поганыя; наводитъ бо Богъ, по гнѣву своему, иноплеменникы на землю, и тако съкрушенномъ имъ въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ наважденна диавола. Богъ бо не хощетъ зла вь человѣцѣхъ, но блага; а диаволъ радуется злому убийству кровопролитию. Земли же коей съгрѣшивши, казнитъ Богъ смертию, или гладомъ, или поганыхъ навидениемъ, или ведромъ, или дождемъ силнымъ, или пожаромъ, или иными казньми; аще ли покаемся, въ немъ же ны Богъ велитъ жити, глаголеть бо къ намъ пророкомь: «Обратитеся кь мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ, и плачемъ, и стенаниемъ». Да аще сице сътворимъ, всихъ грѣхъ прощени будемъ. Но мы на злое възвращаемся, яко пси на своа бльвотины и яко свиниа валяющеся въ калъхь грѣховныхъ присно, и тако пребываемъ. Сего бо ради казни приемлемь отъ Бога,— нахождение поганыхъ, по Божию повелѣнию, грѣхъ ради нашихь. Кирилу же, епископу ростовскому, въ то время бывшу на Бѣлѣозерѣ и оттуду идущу ему, пришедъ на Сить, иде же скончa животъ свой князь великий Юрий, Богь вѣсть како скончася, много бо инде глаголеть о немъ. Кирилъ же епископъ обрѣтѣ тѣло его, главы же его не обрѣте въ мнозѣ трупий мертвыхъ; и несе тѣло его въ Ростовь, и положи вь церкви святыа Богородица съ многыми слезами. Потомъ же увѣдѣ о Василкы, шедъ взя тѣло его, и принесе въ Ростовь съ многымъ плачемъ.

Бѣ бо се князь лицемъ красень, очима свѣтелъ, взоромъ грозенъ, паче мѣры храборь, сердцем же легокъ; но, яко же рече Соломонъ, «въ оскудѣнии людей бываетъ ськрушение силному». Тако и сий храбрый князь и воинство его; много храбрыхъ служаше ему, но что сихъ, яко противу пругомь. Кто же служилъ ему, и отъ тоа рати кто его остался, и кто его хлѣбь илъ и чашу пилъ, тотъ, по его животѣ, не можаше служити ни единому князю за его любовь. Еще же бысть милостивъ на убогыа и на церковный чинъ паче мѣры. По семь же пришедше, нашедше главу князя Юриа, привезше въ Ростовъ, положиша въ гробь къ тѣлу его.

Батый оттуду поиде къ Козелску. Бѣ же въ немъ князь младъ, именемъ Василий. Козличи же горожане сами о собѣ сътворше съвѣть, яко не датися поганымъ, но и главы своа положити за христианьскую вѣру. Татарове же пришедше подъ Козелскь сташа, яко и подъ прочими грады, и начаша бити пороки, и выбивше стѣну, взыдоша на валъ. И ту бысть брань велика, яко и ножи туто съ ними граждане рѣзахуся; а инии враты изшедше на полкы ихъ много избыша, яко до 4-хь тысячь изсѣкоша ихъ. И тако埋 вземъ градъ ихъ, избы и до отрочаты. А про князя

ихъ вѣсти не бѣ; глаголаху бо, яко вь крови утопе. И повелѣ Батый оттолѣ не зваты Козелъскомъ, но злымъ городомъ; убиша бо ту 3 сыны темничи,[56] их же не обрѣтоша въ множествѣ мертвыхъ.

Оттуду иде Батый въ Поле, въ землю Половецкую. Избави же тогда Богь отъ нахождениа поганыхъ: князя Ярослава, сына великого князя Всеволода, и сыновь его: Александра, Андрѣа, Костантина, Афанасиа, Данила, Михаила, и братию Ярославлю: Святослава Всеволодича Юриевского съ сыномъ Дмитриемъ, Иоанна Всеволодича, и Володимера Костантинича, и Василковича два — Бориса и Глѣба, и Василиа Всеволодича. Ярославъ же по плѣнении томъ пришедъ сѣде въ Володимери, очисти церковь отъ трупий мертвыхъ и кости мертвыхъ съхрани, а люди оставшаа събра и утѣши; и дасть брату Святославу Суздаль, а Ивану Стародубь.

Княжение великого князя Ярослава Всеволодича. Въ лѣто 6747. Князь великий Ярославь Всеволодичь повелѣ принести тѣло брата своего, великого князя Юриа, изъ Ростова въ Володимерь. Того же лѣта князь великый Ярослав ходи на литву ратию, смолнянъ бороня; и посади у нихъ на столѣ шурина своего Всеволода Мьстиславича, внука Романа Мьстиславича. Того же лѣта оженися князь Александръ Ярославичь,[57] княжа въ Новѣгородѣ, понялъ дочерь у Полоцкого князя у Брячислава. И вѣнчався въ Торопцѣ; и ту свадбу игра, а въ Новѣгородѣ другую. Того же лѣта Александрь Ярославичь съ новогородци сруби Городецъ въ Шелонѣ. Того же лѣта посла Батый татарове, и взяша градъ Переяславль Рускый, а епископа Симеона убиша. Сей бысть Семионъ 9 епископъ Переяславлю, то и послѣдний; 1 бо бысть епископь Переяславлю Петръ, 2 Ефремъ, 3 Лазарь, 4 Силивестръ, 5 Иоанъ, 6 Маркель, 7 Еуфимий, 8 Павелъ, 9 Симионъ, иже и послѣдний; отъ того донынѣ безъ пяти лѣтъ 300 лѣть какъ тамо епископа нѣтъ, а и градъ безъ людей. А иныхъ татаръ посла Батый на Черниговъ. Слышавь то Мьстиславъ Глѣбовичь, внукъ Святослава Олговича, и прииде на нихъ съ многыми вои кь Чернигову, и бысть брань люта. А изъ града на нихъ камение съ пороковъ метаху за полтора перестрѣла, а камение два человѣка възднимаху. Но и тако татарове побѣдиша Мьстислава, и многыа воа избыша, а градъ взяша и огнемъ запалиша, а епископа ихъ доведъ Глухова отпустиша. А инии татарове Батыеви Мордву взяша, и Муромъ, и Городецъ Радиловь на Волзѣ, и градъ святыа Богородица Владимерскыа.[58] И бысть пополохъ золь по всей земли, не вѣдаху кто камо бѣжаше.

Княжение великого князя Михаила Киевьского. Въ лѣто 6748. Посла Батый Менгукана съгладати Киева. Онъ же шедъ, ста у городка Пѣсочнаго, видѣвь Киевь, удивися красотѣ его и величьству; посла на ны послы кь князю Михаилу Всеволодичу Черниговскому съ лестию. Князь Михайло же послы избы, а самъ бѣжа ис Киева за сыномъ въ

Угорскую землю; а Ростиславъ Мьстиславичь, внукъ Давыда Смоленского, пришедъ сѣде въ Киевѣ. Данило же Романовичь, внукъ Мьстислава Изяславича, пришедъ на Ростислава ятъ его; а Киевь дасть Дмитрови, своему посаднику, дръжати противу безбожныхъ. Тогда же прииде самъ безбожный Батый съ всею своею силою х Киеву. Яша же тогда татарина, именемъ Туврила, и сказа всѣхъ князей, и сущыхъ съ Батыемъ, и силу ихъ; бяху же братиа Батыевы, воеводы его: Урду, Бардаръ, Бичюръ, Кайданъ, Бечонъ, Менгуй, Коюкь (сей же не бѣ отъ рода его, но прьвый воевода его), Себедяй-богатырь, Бурандай, Бастырь, иже поплѣни всю землю Болгарскую и Суздалскую, инѣхъ же бѣ множество воеводъ, их же не написахомъ. Нача же Батый пороки ставити, и бити безпрестани градъ, день и нощь, и выбы стѣну у Лятскыхъ воротъ.[59] И ту гражане на избытыхъ стѣнахъ многу брань сътвориша, но побѣжени бывше, а Дмитрови ранену бывшу. И взыидоша татарове на стѣну, и отъ многаго истомления стѣны падоша, а граждане въ нощь ту иный градъ сътвориша около святыа Богородица.[60] Наутрия же приидоша на насъ, и бысть ту сѣча зла; възбѣгоша людие на комари церковныя съ товары ихъ, и отъ тягосты стѣны повалишася. Взяша градъ декабря 6, на память иже въ святыхъ отца нашего Николы, въ лѣто 6749. А Дмитра не убиша, мужества его ради, язвень бысть велми. Вземше Батый градъ Киевь, и слыша о великомъ князи Данилѣ Романовичи, яко въ Угрѣхъ, поиде къ Володимеру въ Русь. Тоя же зыми родися великому князю Ярославу сынь Василей.

Плѣнение Вльнынскыа земли. Въ то же лѣто 6749 пришедъ Батый къ граду кь Лодяжну, и би градъ двѣнатцатми пороки, и не може взяти его; и пришедъ х Каменцу Изяславлю, и взя его; Кременца же княже Данилова не може взяти. Оттолѣ шедъ взя Володимерь Руский, на рѣцѣ Бугу; тако же и Галичь взя и вся грады бес числа поима. По съвѣту Дмитрову иде на угры, и срѣте его король Велий и Коломанъ[61] у Солоной рѣкы, на ней же грады велиньские: Изборско, Лвовъ великий, Велинь. На той рѣцѣ бысть имъ бой, и Батый побѣди, и побѣгоша угры, а Батыевы погнавшу до Дунаа. И стоа ту 3 лѣта, и воеваша до Володавы,[62] възвратишася въ поле, вся земля поплѣнивше. Того же лѣта убиша татарове князя Мьстислава Рылскаго, иже градъ его на Сѣмѣ рѣцѣ.

---

[1] *...Мефодий, Патомьскый епископъ...*— Мефодий, епископ г. Патар (III — начало IV в.). В средние века ему приписывалось сочинение, известное под названием «Откровение», в котором рассказывается о событиях, связанных с концом света.

[2] *...Гедеонъ...*— Гедеон — библейский персонаж, победитель восточных кочевых народов.

[3] *...до Понетьскаго моря...*— Понтийское море — Черное море.

[4] *...Ясы, Обезы, Касогы...*— Ясы, обезы, касоги — кавказские племена.

[5] *...куманы...*— Куманы — половцы.

[6] *...Мстиславъ Торопичскый...*— Мстислав Мстиславич Удалой, княживший тогда в Галиче.

[7] *...прити к ним в Русь.*— Под словом «Русь» здесь имеется в виду Киевская земля.

[8] *...месяца мая въ 30...*— Ошибка (также в Тверском сборнике), так как память святого Ермия отмечалась 31 мая.

[9] *...и ста на Сити...*— Сить — приток р. Мологи, впадающей в Волгу.

[10] *...преже мясопуста...*—Мясопустная неделя — Масляная неделя, последняя неделя перед Великим постом.

[11] *...к Золотым воротом...*— Золотые ворота (1164) — центральные ворота Владимира.

[12] *...и святу Богородицю разграбиша...*— Собор Рождества Богородицы (конец XI — начало XII в.).

[13] *...лѣсы...*— Леса — укрытия для осаждающих.

[14] *...порокы...*— Пороки — камнеметные орудия.

[15] *...по примету...*— Примет — вязанки хвороста, которыми осаждающие заваливали ров перед городом.

[16] *...от Лыбеди...*— Лыбедь — приток р. Клязьмы.

[17] *...Новый град.*— Новый город— западная часть города, укрепленная Андреем Боголюбским (1158—1164).

[18] *...В Печерний городъ.*— Печерний город — древнейшая часть Владимира (город Мономаха).

[19] *...в церкви святыя Богородица.*— Успенский собор (1158—1160).

[20] *...научивъ Осифа...*— Иосиф — библейский персонаж, сын Иакова. Иосиф был продан братьями в рабство в Египет, но во всех испытаниях пользовался покровительством Бога.

[21] *...окрѣпивъ пророка своего Давида на Гольяда...*— Давид — библейский персонаж, победил в единоборстве исполина Голиафа во время одной из войн израильтян с филистимлянами.

[22] *...въздвигнувый Лазаря четверодневнаго из мертвыхъ...*— В Новом завете рассказывается, что Иисус Христос воскресил Лазаря через четыре дня после его смерти.

[23] *...чюдную икону одраша...*— Имеется в виду икона, известная под названием «Владимирская Богоматерь», которая была вывезена в 1155 г. Андреем Боголюбским из Киева.

[24] *...да игуменъ Успеньскый...*— В Троицкой летописи читается его имя — Даниил.

[25] *...кончевающюся 45-тому лѣту...*— Летописец пользуется мартовским годом, то есть новый год начинался 1 марта.

[26] *Новый Иовъ бысть...*— Иов — библейский персонаж, величайший праведник и образец веры и терпения. В Библии ему посвящена Книга Иова.

[27] *...до Шерньского лѣса...*— Шерньский лес — лес между городами Кашином и Калязином.

[28] *...спричте Богъ смерти подобно Андрѣевѣ...*— Имеется в виду Андрей Боголюбский, который был убит в 1174 г. заговорщиками-боярами. В похвале Васильку есть ряд заимствований из некролога Андрею Боголюбскому.

[29] *...по брата своего Георгия в Ростовъ...*— Ярослав Всеволодович перенес из Ростова во Владимир тело Юрия Всеволодовича, погибшего на р. Сити.

[30] *Всякъ зломыслъ его прежемѣненыя безбожныя татары отпущаше одарены.*— В данном контексте фраза бессмысленна. Эта фраза, как установлено, заимствована по частям из похвалы Владимиру Мономаху, которая читается в Лаврентьевской летописи под 1125 г.: «Вся бо зломыслы его вда Богъ подъ руцѣ его... Он же заповѣдь Божью храня, добро творяше врагом своимъ, отпущаше я одарены».

[31] *...паче же Новъгородъ вторый...*— Нижний Новгород, заложенный Юрием Всеволодовичем в 1221 г.

[32] *...манастырь святыя Богородица...*— Благовещенский монастырь, основанный Юрием Всеволодовичем в 1221 г. одновременно с Нижним Новгородом.

[33] *Яко же и Саулъ гоняше Давида...*— Саул — библейский царь, преследовавший пророка Давида.

[34] *...в Кидекшии...*— Кидекша, село около Суздаля на р. Нерли, резиденция Юрия Долгорукого.

[35] *...в Глуховѣ...*— Глухов — город в Черниговской земле.

[36] *...на Николинъ день.*— Память Николая Чудотворца отмечалась 6 декабря.

[37] *...по рѣцѣ Ишнѣ...*— Ишна (Идша), река около Ростова.

[38] *...на рѣцѣ Гзѣ...*— Гза (Кза), приток реки Колокши около Юрьева-Польского.

[39] *...на Липицахъ и на Юриевѣ горѣ...*— Липицы — урочище у реки Липицы (Липичи) около Юрьева-Польского. Юрьева гора около Юрьева-Польского находится против Авдовой горы, от которой отделяется ручьем Тунегом.

[40] *...въ лукоморя...*— Имеется в виду Азовское море.

[41] *...на Зарубъ, къ острову Варяжскому...*— Заруб — город в Киевской земле на правом берегу Днепра напротив устья реки Трубежа.

[42] *...не дошедше Олѣшиа...*— Олешье — село в низовьях Днепра.

[43] *...выгонцы галичьские...*— Бояре Домажиричи и Володислав Кормиличич со своей родней были изгнаны князем Романом Мстиславичем и в качестве «выгонцев» обосновались в Понизье.

[44] *...у рѣки Хортици...*— Река Хортица, впадает в Днепр напротив Хортичева острова.

[45] *...до рѣки Калка...*— Река Калка, впадает в Азовское море.

[46] *...бродницы...*— Бродники, племена, кочевавшие на нижнем Дону.

[47] *...до Новагорода Святополчего.*— Новгород, город в Переяславской земле южнее Киева. Основан на реке Стугне Святополком Изяславичем в 1095 г.

[48] *...по Яико, и по Понтийское море...*— Яик — река Урал; Понтийское море — Черное море.

[49] *...въ родѣ Измаиловѣ, сына Агарина, рабыни Авраамовы...*— Измаил — библейский персонаж, сын Авраама и его наложницы Агари. В средние века Измаил считался родоначальником восточных народов.

[50] *...поплѣниша прьвое Болгарскую землю.*— Имеется в виду Волжская Болгария (Булгария) со столицей в городе Булгар (Великий город).

[51] *...о Нузлѣ...*— Нужа, или Онуза,— место лагеря Батыя, где-то в устье рек Лесного и Польного Воронежа, притоков реки Воронежа.

[52] *...въ Вороножь...*— Воронеж — место между Лесным и Польным Воронежем.

[53] *...речено бысть Господемь Исусу Навгину...*— Иисус Навин — библейский персонаж, преемник Моисея в руководстве израильским народом; при вступлении в Палестину победил хананских царей. В Библии ему посвящена Книга Иисуса Навина.

[54] *...въ средохрестие...*— Среда на четвертой неделе Великого поста.

[55] *...до Игнача креста...*— Игнач-крест — урочище в Новгородской земле.

[56] *...3 сыны темничи...*— Темник—предводитель отряда в 10 тысяч человек в татарском войске.

[57] *...князь Александръ Ярославичь...*— Александр Невский.

[58] *...и градъ святыа Богородица Владимерскыа* — город Гороховец на Клязьме.

[59] *...у Лятскыхъ воротъ.*— Лядские ворота — ворота в западной части Киева.

[60] *...около святыа Богородица.*— Церковь Богородицы Десятинной (конец X в.).

[61] *...король Велий и Коломанъ...*— Бела IV (1235—1270) — венгерский король. Коломан — брат Белы IV.

[62] *...до Володавы...*— Володава — город в Волынской земле.

ПЕРЕВОД

ИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В год 6731 (1223). Всеволод Юрьевич ушел из Новгорода к отцу своему во Владимир, а новгородцы призвали к себе на княжение Ярослава Всеволодовича из Переяславля.

В тот же год пришли народы, о которых никто точно не знает, кто они, и откуда появились, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татары, а иные говорят — таурмены, а другие — печенеги. Некоторые говорят, что это те народы, о которых Мефодий, епископ Патарский, сообщает, что они вышли из пустыни Етриевской, находящейся между востоком и севером. Ибо Мефодий говорит так: «К скончанию времен появятся те, которых загнал Гедеон, и пленят всю землю от востока до Евфрата, и от Тигра до Понтийского моря, кроме Эфиопии». Один Бог знает, кто они и откуда пришли, о них хорошо известно премудрым людям, которые разбираются в книгах. Мы же не

знаем, кто они такие, а написали здесь о них на память о русских князьях и о бедах, которые были от этих народов.

И мы слышали, что татары многие народы пленили: ясов, обезов, касогов, и избили множество безбожных половцев, а других прогнали. И так погибли половцы, убиваемые гневом Бога и пречистой его Матери. Ведь эти окаянные половцы сотворили много зла Русской земле. Поэтому всемилостивый Бог хотел погубить и наказать безбожных сыновей Измаила, куманов, чтобы отомстить за христианскую кровь; что и случилось с ними, беззаконными. Эти таурмены прошли всю страну куманов и подошли близко к Руси на место, которое называется Половецкий вал. Узнав об этом, русские князья Мстислав Киевский, и Мстислав Торопецкий, и Мстислав Черниговский, и прочие князья решили идти против татар, полагая, что татары нападут на них. И послали князья во Владимир к великому князю Юрию, сыну Всеволода, прося у него помощи. И он послал к ним племянника своего благочестивого князя Василька Константиновича, с ростовцами, но Василек не успел прийти к ним на Русь. А русские князья выступили в поход, и сражались с татарами, и были побеждены ими, и немногие только избегли смерти; кому выпал жребий остаться в живых, те убежали, а прочие перебиты были. Тут убит был старый добрый князь Мстислав, и другой Мстислав, и еще семь князей погибло, а бояр и простых воинов многое множество. Говорят, что только одних киевлян в этой битве погибло десять тысяч.

Плакали и горевали на Руси и по всей земле слышавшие о той беде. А случилось это зло месяца мая в тридцатый день, на память святого мученика Ермия. Услышав о том, что случилось на Руси, Василько повернул назад от Чернигова, сохраненный Богом, и силой креста честного, и молитвой отца своего Константина, и дяди своего Георгия. И вернулся он в город Ростов, славя Бога и святую Богородицу. <...>

В год 6745 (1237). При благоверном великом князе Георгии благоверный епископ Митрофан поставил над трапезой в святом соборном храме Богородицы киот и украсил его золотом и серебром. В тот же год был расписан придел церкви святой Богородицы.

В тот же год зимой пришли из восточных стран на Рязанскую землю лесом безбожные татары, и начали завоевывать Рязанскую землю, и пленили ее до Пронска, и взяли все Рязанское княжество, и сожгли город, и князя их убили. А пленников одних распинали, других — расстреливали стрелами, а иным связывали сзади руки. Много святых церквей предали они огню, и монастыри сожгли, и села, и взяли отовсюду немалую добычу; потом татары пошли к Коломне. В ту же

зиму выступил Всеволод, сын Юрия, внук Всеволода, против татар. И встретились они у Коломны, и была битва великая. И убили воеводу Всеволодова Еремея Глебовича, и многих других мужей Всеволода убили, а Всеволод прибежал во Владимир с малой дружиной. А татары пошли к Москве. В ту же зиму взяли татары Москву, и воеводу убили Филиппа Няньку за правоверную христианскую веру, а князя Владимира, сына Юрия, взяли в плен. А людей избили от старца до грудного младенца, а город и церкви святые огню предали, и все монастыри и села сожгли, и, захватив много добра, ушли.

В ту же зиму выехал Юрий из Владимира с небольшой дружиной, оставив своих сыновей, Всеволода и Мстислава, вместо себя. И поехал он на Волгу с племянниками своими, с Васильком, и со Всеволодом, и с Владимиром, и расположился на реке Сити лагерем, поджидая братьев своих Ярослава с полками и Святослава с дружиной. И начал князь великий Юрий собирать воинов против татар, а Жирослава Михайловича назначил воеводой в своей дружине.

В ту же зиму пришли татары к Владимиру, месяца февраля в третий день, на память святого Симеона, во вторник, за неделю до мясопуста. Владимирцы затворились в городе, Всеволод и Мстислав были в нем, а воеводой был Петр Ослядюкович. Увидев, что владимирцы не открывают ворот, подъехали татары к Золотым воротам, ведя с собой Владимира Юрьевича, брата Всеволода и Мстислава. И начали спрашивать татары, есть ли в городе великий князь Юрий. Владимирцы пустили в татар по стреле, и татары также пустили по стреле на Золотые ворота, и затем сказали татары владимирцам: «Не стреляйте!» Те перестали. И подъехали татары близко к воротам, и начали спрашивать: «Узнаете ли княжича вашего Владимира?» И был Владимир печален лицом. Всеволод же и Мстислав стояли на Золотых воротах и узнали брата своего Владимира. О горестное и достойное слез зрелище! Всеволод и Мстислав с дружиной своей и все горожане плакали, глядя на Владимира.

А татары отошли от Золотых ворот, и объехали весь город, и расположились лагерем на видимом расстоянии перед Золотыми воротами — бесчисленное множество воинов вокруг всего города. Всеволод же и Мстислав пожалели брата своего Владимира и сказали дружине своей и Петру-воеводе: «Братья, лучше нам умереть перед Золотыми воротами за святую Богородицу и за правоверную веру христианскую»; но не разрешил им этого Петр Ослядюкович. И сказали оба князя: «Это все навел на нас Бог за грехи наши», ведь говорит пророк: «Нет у человека мудрости, и нет мужества, и нет разума, чтобы противиться Господу. Как угодно Господу, так и будет. Да будет имя Господа благословенно в веках». Свершилось великое зло в

Суздальской земле, и не было такого зла от крещения, какое сейчас произошло; но оставим это.

Татары станы свои разбили у города Владимира, а сами пошли и взяли Суздаль, и разграбили церковь святой Богородицы, и двор княжеский огнем сожгли, и монастырь святого Дмитрия сожгли, а другие разграбили. Старых монахов, и монахинь, и попов, и слепых, и хромых, и горбатых, и больных, и всех людей убили, а юных монахов, и монахинь, и попов, и попадей, и дьяконов, и жен их, и дочерей, и сыновей — всех увели в станы свои, а сами пошли к Владимиру. В субботу мясопустную начали татары готовить леса, и пороки устанавливали до вечера, а на ночь поставили ограду вокруг всего города Владимира. В воскресенье мясопустное после заутрени пошли они на приступ к городу, месяца февраля в седьмой день, на память святого мученика Федора Стратилата.

И стоял в городе из-за наших грехов и несправедливости великий плач, а не радость. За умножение беззаконий наших привел на нас Бог поганых, не им покровительствуя, но нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Такими карами казнит нас Бог — нашествием поганых; ведь это бич его, чтобы мы свернули с нашего дурного пути. Поэтому и в праздники Бог насылает на нас печаль, как говорит пророк: «Обращу праздники ваши в плач и песни ваши в рыдание». Взяли татары город до обеда от Золотых ворот; у церкви святого Спаса они перешли по примету через стену, а с севера от Лыбеди подошли к Ирининым воротам и к Медным, а от Клязьмы подступили к Волжским воротам и так вскоре взяли Новый город. Всеволод и Мстислав и все люди бежали в Печерний город.

А епископ Митрофан, и княгиня Юрия с дочерью, и со снохами, и с внучатами, и другие, княгиня Владимира с детьми, и многое множество бояр и простых людей заперлись в церкви святой Богородицы. И были они здесь без милости сожжены. И помолился боголюбивый епископ Митрофан, говоря так: «Господи Боже сил, податель света, сидящий на херувимах, и научивший Иосифа, и укрепивший своего пророка Давида на Голиафа, и воскресивший на четвертый день из мертвых Лазаря, протяни руку свою невидимо и прими с миром души рабов твоих»; и так он скончался. Татары же силой выбили двери церковные и увидели: некоторые в огне скончались, других они оружием добили.

Церковь святой Богородицы татары разграбили, сорвали оклад с чудотворной иконы, украшенный золотом, и серебром, и камнями драгоценными, разграбили все монастыри и иконы ободрали, а другие разрубили, а некоторые взяли себе вместе с честными крестами и

сосудами священными, и книги ободрали, и разграбили одежды блаженных первых князей, которые те повесили в святых церквах на память о себе. Все это татары взяли с собой, а пророк так говорит: «Боже, пришли язычники в наследие твое, осквернили церковь святую твою, Иерусалим превратили в хранилище овощей, трупы рабов твоих отдали на съедение птицам небесным, тела преподобных твоих — зверям земным, пролили кровь их, как воду». Убит был Пахомий, архимандрит монастыря Рождества святой Богородицы, и игумен Успенский, Феодосий Спасский, и другие игумены, и монахи, и монахини, и попы, и дьяконы, начиная с юных и кончая старцами и грудными младенцами. Расправились татары со всеми, убивая одних, а других уводя босых и раздетых, умирающих от холода, в станы свои.

И было видеть страшно и трепетно, как в христианском роде страх, и сомнение, и несчастье распространялись. Мы согрешили — и наказаны, так что жалко было видеть нас в такой беде. И вот радость наша превратилась в скорбь, так что и помимо своей воли мы будем помилованы в будущей жизни. Ведь душа, всячески наказанная в этом мире, на будущем суде обретет помилование и облегчение от муки. О сколь неизреченно, Боже, твое человеколюбие! Именно так должен наказывать добрый владыка. И я, грешный, также много и часто Бога гневлю и грешу часто каждодневно; но теперь вернемся к нашему рассказу.

Пленив Владимир, пошли татары, эти окаянные кровопийцы, на великого князя Георгия. Часть татар пошла к Ростову, а другая часть к Ярославлю, а иные пошли на Волгу на Городец, и пленили они все земли по Волге до самого Галича Мерьского; а другие татары пошли на Переяславль, и взяли его, а оттуда пленили все окрестные земли и многие города вплоть до Торжка. И нет ни одного места, и мало таких деревень и сел, где бы не воевали они на Суздальской земле. Взяли они, в один месяц февраль, четырнадцать городов, не считая слобод и погостов, к концу сорок пятого года; но мы вернемся к нашему рассказу.

Пришла весть к великому князю Юрию: «Владимир взят, и церковь соборная, а епископ, и княгини с детьми, и со снохами, и с внучатами скончались в огне, а старшие твои сыновья, Всеволод с братом, вне города убиты, люди перебиты, а теперь татары идут на тебя». Князь же, услышав это, в слезах закричал громким голосом, оплакивая правоверную христианскую веру, и особенно сокрушаясь о гибели церкви, епископа и всех людей (ведь он был милостив), нежели о себе, о жене и о детях. И, вздохнув из глубины сердца, он сказал: «Господи, это ли нужно было тебе, милосердному?» И был он как новый Иов терпением и верой в Бога. Начал он молиться, говоря так: «Увы мне, Господи, лучше бы мне умереть, чем жить на этом свете. Чего же ради

теперь остался я один?» И когда он так молился со слезами, внезапно подошли татары. Он же, отбросив всякую печаль, сказал: «Господи, услышь молитву мою и не судись с рабом своим, ведь не оправдается перед тобой ни один из живущих, потому что поработил враг душу мою». И вторично помолился: «Господи, Боже мой, я на тебя уповал, и ты спас меня, и избавь меня теперь от всех преследующих». И пришли безбожные татары на Сить против великого князя Юрия.

Услышав об этом, князь Юрий с братом своим Святославом, и с племянниками своими Васильком, и Всеволодом, и Владимиром, и с воинами своими пошел против поганых. И встретились оба войска, и была битва жестокой, и побежали наши перед иноплеменниками. И тут убит был князь Юрий, а Василька взяли в плен безбожные и повели в станы свои. А случилось это несчастье месяца марта в четвертый день, на память святых мучеников Павла и Ульяны. Так был убит великий князь Юрий на реке Сити, и многие из его дружины погибли здесь. Блаженный же епископ Кирилл пришел с Белоозера, взял тело князя, и принес его в Ростов. И совершив над ним погребальные песнопения с игуменами, и с клирошанами, и с попами, со многими слезами положили его в гробницу в церкви святой Богородицы.

А Василька Константиновича вели насильно до Шерньского леса, и когда стали станом, проклятые безбожные татары упорно принуждали его принять их поганые обычаи, быть вместе с ними и воевать на их стороне. Но он не покорился их беззаконию и, не переставая, обличал их, говоря так: «О глухое царство скверное! Ничем не заставите вы меня отречься от христианской веры, хотя я и в великой беде пребываю. Какой вы ответ дадите Богу, погубив неправедно многие души, за которые Бог вас будет казнить в бесконечные веки; ведь Бог будет судить души тех, кого вы погубили». Татары же заскрежетали на него зубами, желая насытиться его кровью. Тогда блаженный князь Василек, помолившись, сказал: «Господи Иисусе Христе, многократно мне помогавший, избавь меня от этих плотоядцев». И, еще раз помолившись, сказал: «Господи Вседержитель и нерукотворный царь, спаси любящих тебя и выполни просьбу, с которой я обращаюсь,— помоги христианам и спаси рабов твоих: детей моих Бориса и Глеба и отца моего духовного епископа Кирилла». И в третий раз он снова помолился: «Благодарю тебя, Господи Боже мой, предвижу, что обо мне останется славная память, потому что молодая моя жизнь от железа погибает, и мое юное тело увядает». И вновь помолился он: «Господи Вседержитель Иисусе Христе, прими дух мой, чтобы и я почил в славе твоей»; и после того как сказал это, немилосердно убит был.

Когда тело Василька было брошено в лесу, увидела его некая благочестивая женщина и рассказала об этом своему богобоязненному мужу, поповичу Адриану. Взял он тело князя Василька, и завернул его в

понявицу, то есть в саван, и положил его в тайном месте. Узнав об этом, боголюбивый епископ Кирилл и княгиня Василька послали за телом князя, и принесли его в Ростов. И когда понесли его в город, навстречу ему вышло множество людей, проливая слезы жалостные, горюя, что остались без такого утешителя. Многие правоверные люди рыдали, глядя на погребение отца и кормителя сиротам, великого утешителя печальным, закатившуюся светоносную звезду во мраке пребывающим. Ведь Бог открыл ему глаза сердца на всех служителей Божьих, и он был как бы возлюбленным отцом для всех церковнослужителей, и нищих, и печальных; щедр он был на милостыню, помня слово Господа, гласящее: «Блаженны милостивые, ибо они будут помилованы». И Соломон говорит: «Милостынями и верой очищаются грехи». И так не обманули его надежды, то, о чем он просил Бога: «Господи, спаси любящих тебя». Этому блаженному князю Васильку послал Бог смерть, как Андрею: смыл он мученической кровью свои прегрешения со своим братом и отцом, великим князем Георгием. И удивительно было, что даже после смерти Бог соединил тела их; принесли тело Василька и положили его в церкви святой Богородицы в Ростове, где и мать его похоронена. Тогда же принесли голову великого князя Георгия и положили ее в гробницу, где уже лежало тело его.

Был же Василек лицом красив, очами светел и грозен, храбр безмерно на охоте, сердцем легок, с боярами ласков. Кто из бояр ему служил, и хлеб его ел, и пил из его чаши, и дары получал, тот из-за преданности Васильку никакому другому князю уже не мог служить. Крепко любил Василек слуг своих, мужество и ум в нем жили, правда и истина с ним ходили. Был он сведущ во всем и искусен, и княжил он мудро на отцовском и дедовском столе; а скончался он так, как вы слышали.

В год 6746 (1238). Ярослав, сын великого Всеволода, занял стол во Владимире. И была радость великая среди христиан, которых Бог избавил рукой своей крепкой от безбожных татар. И начал князь творить суд, как говорит пророк: «Боже, даруй царю твой суд, и сыну царя твою правду — да судит праведно людей твоих и нищих твоих на суде». И потом он утвердился на своем честном княжении. В тот же год великий князь Ярослав отдал Суздаль брату своему Святославу. В тот же год отдал Ярослав Ивану Стародуб. В тот же год было мирно.

В год 6747 (1239). Великий князь Ярослав послал за телом брата своего Георгия в Ростов, и привезли его к Владимиру, и остановились, не доехав. Навстречу телу вышли из города епископ Кирилл и Дионисий архимандрит; понесли его в город с епископом, и игуменами, и попами, и монахами. И не слышно было пения из-за великого плача и вопля, ибо весь город Владимир оплакивал князя. А Ярослав, и Святослав, и князья русские оплакивали его с дружиной своею, и множество бояр и слуг оплакивало смерть своего князя, кормителя убогих. После

заупокойной службы положили его тело в гробницу каменную в церкви святой Богородицы в усыпальнице, где погребен и Всеволод, отец его. Был Юрий, сын благоверного отца Всеволода, украшен добродетелями, о которых расскажем вкратце.

Этот дивный князь Юрий старался Божественные заповеди соблюдать и всегда имел страх Божий в сердце, помня слово Господа, которое так звучит: «Все люди узнают, что вы мои ученики, если будете любить друг друга. Любите не только друзей, но и ваших врагов и делайте добро ненавидящим вас». Всякого его недруга эти безбожные татары отпускали, наградив. Ведь сначала злые эти кровопийцы прислали к нему послов своих, призывая: «Мирись с нами». Он же не хотел этого, как говорит пророк: «Славная война лучше постыдного мира». Ведь эти безбожники, лживый мир предлагая, великое зло землям творят, и нам они сотворили много зла. Бог наказывает людей различными несчастьями, чтобы они стали как золото, очищенное в горниле,— ведь христиане, преодолев много напастей, войдут в царство небесное. Ведь сам Христос Бог говорит: «Усилием берется царство небесное, и прилагающие усилие получат его». Георгий,— воплощенное мужество, — кровью омылись страданья твои! Если не будет испытания, не будет и венца, если нет мук, нет и воздаяния. Всякий, кто привержен добродетели, не может прожить без множества врагов.

Был Юрий милостив безмерно, помня слово Господа: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Поэтому он не дорожил своим имуществом, раздавая его нуждающимся; он строил церкви, украшая их иконами бесценными и книгами, и много городов основал, прежде всего Новгород второй на Волге в устье Оки, и многие церкви воздвиг и монастырь святой Богородицы в Новгороде. Особенно же почитал он иноков и священников, наделяя их всем необходимым. Поэтому и Бог выполнял его просьбы, и было мудро правление его. И сидел Юрий во Владимире на отеческом престоле двадцать четыре года, а на двадцать пятый год был убит безбожными и погаными татарами. И все это произошло из-за наших грехов.

Но не погуби нас, Господи, до конца ради твоего святого имени и не лишай нас своей милости ради молитвы святой Богородицы и блаженного епископа Кирилла. Не презрел Господь молитвы и слезы князя Юрия, что приносил он Господу, молясь днем и ночью, чтобы не оскудела правоверная вера христианская. Так и случилось: Господь послал нам великое спасение ради нашего князя, избавил нас Бог от врагов наших; «ведь очи Господа обращены к боящимся его, а уши его к их молитве». За князьями гнались татары, но не настигли их. Как и Саул преследовал Давида, но Бог спас Давида от его руки, так и этих князей Бог спас от руки иноплеменников, благочестивого и правоверного великого князя Ярослава и его благородных сыновей. А

было их шесть: Александр, Андрей, Константин, Афанасий, Даниил, Михаил. А Святослав с сыном Дмитрием, Иван Всеволодович, Владимир Константинович, два сына Василька — Борис и Глеб, Василий Всеволодович. И все они были сохранены Божьей благодатью; но мы вернемся к прежнему рассказу.

В тот же год татары взяли Переяславль Русский, и епископа убили, и людей перебили, а город сожгли огнем, и, захватив много пленников и добычи, отступили. В тот же год Ярослав пошел к Каменцу; он захватил город Каменец, а княгиню Михаила и большую добычу забрал с собой. В тот же год освящена была великим освящением церковь Бориса и Глеба в Кидекше в праздник Бориса и Глеба священным епископом Кириллом. В том же году татары взяли Чернигов, князья же оттуда выехали в Венгрию; а город сожгли, и людей перебили, и монастыри разграбили, а епископа Порфирия отпустили в Глухове; а сами татары вернулись в станы свои. В тот же год Ярослав выступил в поход из Смоленска против Литвы, и победил Литву, а князя их взял в плен; уладив дела со смольнянами, он посадил у них князем Всеволода, а сам с большой добычей и с великой славой вернулся в свои земли. В тот же год зимой захватили татары Мордовскую землю, и Муром сожгли, и воевали по берегу Клязьмы, и город святой Богородицы Гороховец сожгли, а затем вернулись в станы свои. Тогда было смятение большое по всей земле, и сами люди не знали, кто куда бежит.

В год 6748 (1240). У Ярослава родилась дочь и была названа при святом крещении Марией. В тот же год взяли татары Киев и храм святой Софии разграбили и монастыри все. А иконы, и честные кресты, и все церковные украшения забрали и избили мечом всех людей от мала до велика. А случилось это несчастье в Николин день до Рождества Господа.

В год 6749 (1241). У Ярослава родился сын и был назван при святом крещении Василием. В тот же год татары победили венгров. В тот же год татары убили Мстислава Рыльского.

ИЗ ТВЕРСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Повесть о битве на Калке, и о князьях русских, и о семидесяти богатырях. В год 6732 (1223). Из-за грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне, о которых никто точно не знает, кто они, и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татарами, а иные говорят — таурмены, а

другие — печенеги. Некоторые говорят, что это те народы, о которых Мефодий, епископ Патарский, сообщает, что они вышли из пустыни Етриевской, находящейся между востоком и севером. Ибо Мефодий говорит так: «К скончанию времен появятся те, которых загнал Гедеон, и, выйдя оттуда, пленят всю землю от востока до Евфрата и от Тигра до Понтийского моря, кроме Эфиопии». Один Бог знает, кто они и откуда пришли, о них хорошо известно премудрым людям, которые разбираются в книгах. Мы же не знаем, кто они такие, а написали здесь о них на память о бедах, которые они принесли, и русских князьях.

Но все это случилось не из-за татар, а из-за гордости и высокомерия русских князей допустил Бог такое. Ведь много было князей храбрых, и надменных, и похваляющихся своей храбростью. И была у них многочисленная и храбрая дружина, и они хвалились ею; из дружины вспомним здесь об одном, найдя рассказ о нем.

Среди жителей Ростова был некто Александр по прозвищу Попович, и был у него слуга по имени Тороп; а служил этот Александр великому князю Всеволоду Юрьевичу. А когда великий князь Всеволод отдал город Ростов сыну своему князю Константину, тогда и Александр начал служить Константину. После смерти великого князя Всеволода Константин не захотел княжить во Владимире, но пожелал жить близ чудотворцев и церкви пречистой Богородицы в Ростове. Поэтому и захотел присоединить он Владимир к Ростову, а не Ростов к Владимиру, и замыслил, чтобы здесь был стол великокняжеский; но не допустила этого пречистая Богородица. И завещал великий князь Всеволод престол свой младшему после Константина сыну своему Юрию. Тогда Константин разгневался на брата из-за его княжества, а великий князь Юрий начал войну против Константина, желая выгнать его из Ростова; но не допустил этого Господь.

Когда Юрий пришел на брата с войском, Константин ушел в Кострому и сжег ее. Князь великий Юрий стоял в Пужбале под Ростовом, а войско его находилось в двух верстах от Ростова, на реке Ишне, и была для них река Ишна как крепкая стена. Тогда Александр вышел из города и перебил многих людей великого князя Юрия. А кости их собраны в большие могилы, которые и ныне есть на реке Ишне, а также по другую сторону реки Усии: ведь с князем Юрием много пришло людей. А другие перебиты были Александром под Угодичами, на реке Узе, потому что богатыри Александра, делая вылазки с различных сторон, обороняли молитвами пречистой Богородицы город Ростов. Так великий князь Юрий многократно приходил во владения брата, но возвращался посрамленный.

Однажды вышел против него Константин из Ростова и вступил в бой с Юрием на реке Гзе, и здесь Константин победил молитвами пречистой Богородицы, своей правдою и с богатырями Александром и его слугой Торопом; здесь же был и Тимоня Золотой пояс. А у великого князя убили тут храброго Юряту, о чем сильно горевал великий князь Юрий; но, побежденный братом, помирился с ним. А затем на Ярослава Переяславского пришел Мстислав Мстиславич, тесть его, и другие князья, и привлекли они на свою сторону Константина, а на стороне Ярослава, своего брата, выступил великий князь Юрий. И был у них бой на Липицах и на Юрьевой горе, и здесь все полки великого князя Юрия погибли. В числе их был убит храбрый и безрассудный боярин Ратибор, который хвастался, что закидает противников седлами. Победив князя Юрия, посадили на престол во Владимире Константина. Константин был великим князем два года и затем вновь отдал престол брату Георгию, детям отдал Ростов и Ярославль, а сам скончался.

Когда Александр увидел, что его князь умер, а на престол взошел Юрий, он стал бояться за свою жизнь, как бы великий князь не отомстил ему за Юряту, и Ратибора, и многих других из его дружины, которых перебил Александр. Быстро сообразив все это, посылает он своего слугу к богатырям, которых он знал и которые были в то время поблизости, и призывает их к себе в город, устроенный под Гремячим колодцем на реке Гзе,— а теперь это укрепление запустело. Собравшись здесь, богатыри решили, что если они будут служить князьям в разных княжествах, то они поневоле перебьют друг друга, поскольку между князьями на Руси постоянные раздоры и частые сражения. И приняли они решение служить одному великому князю в матери всех городов Киеве. А был тогда великим князем в Киеве храбрый Мстислав, сын Романа Смоленского, а в Смоленске Владимир Рюрикович (оба внуки князя Ростислава), а Мстислав Мстиславич в это время был в Галиче. Били челом все эти богатыри великому князю Мстиславу Романовичу, и князь великий очень гордился и хвалился ими, пока не приключилось то несчастье, о котором пойдет речь.

Начали приходить слухи, что эти безбожные татары пленили многие народы: ясов, обезов, касогов, избили множество безбожных половцев и пришли в Половецкую землю. Половцы же, не в силах сопротивляться, бежали, и татары многих избили, а других преследовали вдоль Дона до залива, и там они убиты были гневом Бога и его пречистой Матери. Ведь эти окаянные половцы сотворили много зла Русской земле. Поэтому всемилостивый Бог хотел погубить безбожных сынов Измаила, куманов, чтобы отомстить за кровь христианскую; что и случилось с ними. Ведь эти таурмены прошли всю землю Куманскую и преследовали половцев до реки Днепра около Руси.

И прибежали окаянные половцы к месту, которое называется Половецкий вал, остаток их: Котян, князь половецкий, с другими князьями; а Даниил Кобякович вместе с Юрием Кончаковичем были убиты. Этот Котян был тесть князя Мстислава Мстиславича Галицкого, и пришел он с князьями половецкими в Галич с поклоном к своему зятю Мстиславу и ко всем князьям русским. И принес он многие дары — коней, и верблюдов, и буйволов, и невольниц, и, кланяясь, одарил всех русских князей, говоря: «Сегодня нашу землю татары отняли, а вашу завтра придут и возьмут, и поэтому помогите нам». Умолял Котян зятя своего Мстислава; а князь Мстислав послал к своим братьям, князьям русским, за помощью, говоря так: «Поможем половцам; если мы им не поможем, то они перейдут на сторону татар, и у тех будет больше силы, и нам хуже будет от них». Долго они советовались и, уступив просьбам и мольбам половецких князей, решили пойти на помощь Котяну.

И начали князья собирать воинов каждый в своей области: великий князь Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, и Мстислав Свято-славич Козельский, внук Всеволода Черниговского, и Мстислав Мстиславич Галицкий — эти старшие князья в Русской земле; а с ними и младшие князья: Даниил Романович, внук Мстислава, и князь Михаил Всеволодович Черниговский, и князь Всеволод Мстиславич, сын киевского князя, и многие другие князья. Когда все князья собрались на совет в Киеве, они послали во Владимир к великому князю Юрию Всеволодовичу за помощью, а он отправил к ним Василька Ростовского. Посоветовавшись, князья решили встретить врага на чужой земле (тогда же крестился половецкий князь Бастый) и, собрав всех русских воинов, выступили в поход против татар. Когда они пришли к Днепру на Заруб, к острову Варяжскому, услышали татары, что русские князья идут против них, и прислали своих послов, говоря: «Слышали мы, что идете вы против нас, послушавшись половцев. А мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел ваших, и пришли не на вас. Но пришли мы, посланные Богом, на конюхов и холопов своих, на поганых половцев, а вы заключите с нами мир. И если прибегут половцы к вам, вы не принимайте их, и прогоняйте от себя, а добро их берите себе. Ведь мы слышали, что и вам они много зла приносят, поэтому мы их также бьем». Князья же русские не стали слушать этого, но послов татарских перебили, а сами пошли против татар. Не доходя до Олешья, остановились они на Днепре. И прислали татары вторично послов, говоря: «Если вы послушались половцев, послов наших перебили и идете против нас, то идите. А мы вас не трогали, и пусть рассудит нас Бог». Князья отпустили этих послов.

И пришли к Олешью все половцы со своими князьями. Тогда князь Мстислав Мстиславич Галицкий с тысячью воинов перешел Днепр вброд, ударил по татарским сторожевым полкам и победил их. А оставшиеся татары убежали на курган Половецкий с воеводой Гемябеком, и не было им здесь помощи. И зарыли они своего воеводу

Гемябека живым в землю, желая его уберечь. Но здесь его нашли половцы и, выпросив его у князя Мстислава, убили. Услышав это, князья русские стали переправляться через Днепр на множестве ладей: великий князь Мстислав Романович с киевлянами, Владимир Рюрикович со смольнянами, черниговские князья, галичане, и волынцы, и куряне, и трубчане, и путивличи, все земли русские, все князья и множество воинов. А выгнанные галичане спустились на ладьях по Днестру в море, и была у них тысяча ладей. Из моря вышли они в Днепр и, пройдя пороги, остановились у реки Хортицы на броде у Протолочи; а воеводой у них был Юрий Домамерич, а другим воеводой Держикрай Володиславич.

Пришла весть русским, что пришли татары осматривать русские полки; тогда Даниил Романович и другие князья сели на коней и погнались, чтобы увидеть татарские войска. И, увидев их, послали к великому князю Мстиславу Романовичу, призывая: «Мстислав и другой Мстислав! Не стойте, пойдем против них». И вышли в поле, и встретились с татарами, и тут русские стрелки погнали их далеко в поле, рубя их; взяли они их скот и вернулись назад со стадами. И оттуда шли русские полки за ними восемь дней до реки Калки, и отправили со сторожевым отрядом Яруна с половцами, а сами разбили здесь лагерь. И здесь они встретились с татарскими дозорами, и убили татары Ивана Дмитриевича и с ним еще двоих; а татары поворотили назад. Князь же Мстислав Мстиславич Галицкий повелел Даниилу Романовичу перейти реку Калку с полками, а сам отправился вслед за ними; переправившись, стали они станом. Тогда Мстислав сам поехал в дозор, и, увидев татарские полки, вернулся, и повелел воинам своим вооружаться. А оба Мстислава оставались в стане, не зная об этом: Мстислав Галицкий не сказал им ничего из зависти, ибо между ними была великая распря.

И так встретились полки, а выехали вперед против татар Даниил Романович, и Семен Олюевич, и Василек Гаврилович. Тут Василька поразили копьем, а Даниил был ранен в грудь, но он не ощутил раны из-за смелости и мужества; ведь он был молод, восемнадцати лет, но силен был в сражении и мужественно избивал татар со своим полком. Мстислав Немой также вступил в бой с татарами, и был он также силен, особенно когда увидел, что Даниила ранили копьем. Был ведь Даниил родственником его отца, и Мстислав очень любил его и завещал ему свои владения. Также и Олег Курский мужественно сражался; также и Ярун с половцами подоспел и напал на татар, желая с ними сразиться. Но вскоре половцы обратились в бегство, ничего не достигнув, и во время бегства потоптали станы русских князей. А князья не успели вооружиться против них; и пришли в смятение русские полки, и было сражение гибельным, грехов наших ради. И были побеждены русские князья, и не бывало такого от начала Русской земли.

Князь же великий Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, правнук Мстислава, который был сыном Владимира Мономаха, и князь Андрей, зять Мстислава, и Александр Дубровский, видя это несчастье, никуда не двинулись с места. Разбили они стан на горе над рекой Калкой, так как место было каменистое, и устроили они ограду из кольев. И сражались из-за этой ограды с татарами три дня. А татары наступали на русских князей и преследовали их, избивая, до Днепра. А около ограды остались два воеводы, Чегирхан и Тешухан, против Мстислава Романовича, и его зятя Андрея, и Александра Дубровского; с Мстиславом были только эти два князя. Были вместе с татарами и бродники, а воеводой у них Плоскиня. Этот окаянный воевода целовал крест великому князю Мстиславу, и двум другим князьям, и всем, кто был с ними, что татары не убьют их, а возьмут за них выкуп, но солгал окаянный: передал их, связав, татарам. Татары взяли укрепление и людей перебили, все полегли они здесь костьми. А князей придавили, положив их под доски, а татары наверху сели обедать; так задохнулись князья и окончили свою жизнь.

А других князей, которых татары преследовали до Днепра, было убито шесть: князь Святослав Каневский, Изяслав Ингваревич, Святослав Шуйский, Мстислав Черниговский с сыном, Юрий Несвижский, а из воинов только десятый вернулся домой. И Александр Попович тут был убит вместе с другими семьюдесятью богатырями. Князь же Мстислав Мстиславич Галицкий раньше всех переправился через Днепр, велел сжечь ладьи, а другие оттолкнуть от берега, боясь погони; а сам он едва убежал в Галич. А Владимир Рюрикович, племянник Романа, внук Ростислава Мстиславича, сел на престоле в Киеве месяца июня в шестнадцатый день. А случилось это несчастье месяца мая в тридцатый день, на память святого мученика Ермия. Только десятая часть войска вернулась домой, а у некоторых половцы отняли коня, а у других одежду. Так за грехи наши Бог отнял у нас разум, и погибло бесчисленное множество людей. Татары же гнались за русскими до Новгорода-Святополча. Христиане, не зная коварства татар, выходили им навстречу с крестами, и все были избиты. Говорили, что одних киевлян погибло тогда тридцать тысяч.

И был плач и вопль во всех городах и селах. Татары же повернули назад от реки Днепра, и мы не знаем, откуда они пришли и куда исчезли. Один только Бог знает, откуда он привел их за наши грехи, и за похвальбу, и высокомерие великого князя Мстислава Романовича. Говорят, что когда распространился слух про этих татар, что завоевывают они многие земли и приближаются к русским пределам, великому князю сказали о них; а он ответил: «Пока я нахожусь в Киеве — по эту сторону Яика, и Понтийского моря, и реки Дуная татарской сабле не махать». А Василька Константиновича, который пришел на помощь с войсками к Чернигову, тогда сохранил Бог. И услышав о

несчастье, случившемся на Руси, он возвратился в свой Ростов, сохраненный Богом. <...>

В год 6745 (1237). <...> О пленении Русской земли Батыем. Стало известно в восточных странах среди потомков Измаила, сына Агари, рабыни Авраама, что Бог смирил Русскую землю нашествием безбожных иноплеменников, таурмен. Распространились слухи о поражении русских князей на Калке, и стало известно о гибели семидесяти двух богатырей, и о междоусобных войнах в Русской земле, и о голоде, и о великом море, и об оскудении русских войск, и о ссорах между братьями — о всех этих бедах Русской земли. Особенно же обнаружилась греховная злоба, и дошел вопль греховный до ушей Господа Саваофа. Поэтому он напустил на нашу землю такое пагубное наказание. Не отмыли мы еще кровь после битвы на Калке, и снова народились люди после великого мора по всей земле, кроме Киева. А киевляне полегли костьми на Калке с великим князем Мстиславом Романовичем, и с другими десятью князьями, и с семьюдесятью двумя богатырями; так же и Смоленск, и все другие города постигла такая же смерть, и вскоре опустели они. От битвы на Калке до землетрясения прошло немного времени — восемь лет, и тогда случился голод, а от землетрясения до нашествия Батыя прошло восемь лет. Поэтому не разбогатела наша земля, но, напротив, еще более обезлюдела.

Мы же приложим к повести рассказ о тех, кого Бог спас при Калке — о великом князе Юрии Всеволодовиче, и брате его Ярославе, и племяннике их Васильке Константиновиче Ростовском, также и о людях, оставшихся после мора, и расскажем, как они не избегли смерти, постигшей всю Русскую землю.

Узнали безбожные татары о таких невзгодах русских и о великом богатстве, собранном за многие годы, и двинулись они из восточных стран, и пленили сначала Булгарскую землю. А в третий год пришло их на Русскую землю бесчисленное множество — как саранча, пожирающая траву, так и эти варвары христианский род истребляли.

В год 6746 (1237). Окаянные татары зимовали около Черного леса и отсюда пришли тайком лесами на Рязанскую землю во главе с царем их Батыем. И сначала пришли и остановились у Нузы, и взяли ее, и стали здесь станом. И оттуда послали своих послов, женщину-чародейку и двух татар с ней, к князьям рязанским в Рязань, требуя у них десятой части: каждого десятого из князей, десятого из людей и из коней: десятого из белых коней, десятого из вороных, десятого из бурых, десятого из пегих — и во всем десятого. Князья же рязанские, Юрий Ингваревич, и братья его Олег и Роман Ингваревичи, и муромские

князья, и пронские решили сражаться с ними, не пуская их в свою землю. Вышли они против татар на Воронеж и так ответили послам Батыя: «Когда нас всех не будет в живых, то все это ваше будет». Потом они послали к великому князю Юрию Всеволодовичу во Владимир, и тогда отпустили татарских послов от Воронежа. А к великому князю Юрию во Владимир послали рязанские князья своих послов, прося помощи, или чтобы сам пришел вместе постоять за землю Русскую. Но великий князь Юрий не внял мольбе рязанских князей, сам не пошел и не прислал помощи; хотел он сам по себе биться с татарами. Но гневу Божьему уже невозможно было противиться, как в древности сказано было Господом Иисусу Навину; когда Господь вел иудеев в землю обетованную, тогда он сказал: «Я пошлю сначала на них недомыслие, и грозу, и страх, и трепет». Так и у нас Господь отнял сначала силы, а за наши грехи послал на нас грозу, и страх, и трепет, и недомыслие.

Поганые же татары начали завоевывать землю Рязанскую, и осадили Рязань, и огородили ее острогом месяца декабря в шестнадцатый день, на память святого пророка Аггея. Князь же Юрий Рязанский заперся в городе с жителями, а князь Роман отступил к Коломне со своими людьми. И взяли татары приступом город двадцать первого декабря, на память святой мученицы Ульяны, убили князя Юрия Ингваревича и его княгиню, а людей умертвили,— одних огнем, а других мечом, мужчин, и женщин, и детей, и монахов, и монахинь, и священников; и было бесчестие монахиням, и попадьям, и добрым женам, и девицам перед матерями и сестрами. Только епископа сохранил Бог, он уехал в то время, когда татары окружили город. И, перебив людей, а иных забрав в плен, татары зажгли город. И кто, братья, из оставшихся в живых не оплачет это,— какая горькая и мучительная смерть их постигла! И мы, видя это, должны устрашиться и оплакивать свои грехи с покаянием денно и нощно; а мы поступаем по-другому, заботимся о своем имуществе и ненавидим братьев. Но вернемся к прежнему рассказу.

Великий князь Юрий Всеволодович Владимирский послал передовое войско с воеводой Еремеем, и оно соединилось с Романом Ингваревичем. А татары, захватив Рязань, пошли к Коломне, и здесь вышел против них сын великого князя Юрия Всеволодовича Владимирского и Роман Ингваревич со своими людьми. Окружили их татары, и произошло сражение, и бились ожесточенно, и оттеснили русских к городским укреплениям, и убили здесь князя Романа Ингваревича и Еремея Глебовича, воеводу Всеволода, и убито было с князем и с Еремеем много народа; а москвичи обратились в бегство, ничего не видя кругом. А Всеволод Юрьевич с остатками войска убежал во Владимир. А татары пошли и захватили Москву, а князя Владимира, сына великого князя Юрия, взяли в плен. И пошли в несметной силе кровопускатели крови христианской к Владимиру.

Услышав об этом, великий князь Юрий оставил вместо себя во Владимире сыновей своих Всеволода и Мстислава, а сам пошел к Ярославлю и оттуда за Волгу, а с ним пошли племянники Василек, и Всеволод, и Владимир Константиновичи, и, придя, остановился Юрий на реке Сити, ожидая на помощь братьев Ярослава и Святослава. А во Владимире заперся его сын Всеволод с матерью, и с епископом, и с братом, и со всеми жителями.

Беззаконные же татары пришли к Владимиру месяца февраля в третий день, на память святого Симеона-богоприимца, во вторник мясопустной недели. Привели они с собой Владимира Юрьевича к Золотым воротам, спрашивая: «Узнаете ли княжича вашего?» Братья его, воевода Ослядюкович и все люди проливали обильные слезы, видя горькие мучения князя. Татары же отошли от городских ворот, объехали город, а затем разбили лагерь на видимом расстоянии перед Золотыми воротами. Всеволод и Мстислав Юрьевичи хотели выйти из города против татар, но Петр-воевода запретил им сражаться, сказав: «Нет мужества, и разума, и силы против Божьего наказания за наши грехи».

А татары пошли, и взяли Суздаль, и вернулись к Владимиру в пятницу перед мясопустом. Утром же в субботу мясопустную, седьмого февраля, на память святого отца Парфения, начали татары готовить войско и ночью окружили тыном весь город. Утром увидели князья Всеволод и Мстислав и епископ Митрофан, что город будет взят, и, не надеясь ни на чью помощь, вошли они все в церковь святой Богородицы и начали каяться в своих грехах. А тех из них, кто хотел принять схиму, епископ Митрофан постриг всех: князей, и княгиню Юрия, и дочь его, и сноху, и благочестивых мужчин и женщин. А татары начали готовить пороки, и подступили к городу, и проломили городскую стену, заполнили ров свежим хворостом, и так по примету вошли в город; так от Лыбеди вошли они в Иринины ворота, а от Клязьмы в Медные и Волжские ворота, и так взяли город и подожгли его. Увидели князья, и епископ, и княгини, что зажжен город и люди умирают в огне, а других рубят мечами, и бежали князья в Средний город. А епископ, и княгиня со снохами, и с дочерью, княжной Феодорой, и с внучатами, другие княгини, и боярыни, и многие люди вбежали в церковь святой Богородицы и заперлись на хорах. А татары взяли и Средний город, и выбили двери церкви, и собрали много дров, обложили церковь дровами и подожгли. И все бывшие там задохнулись, и так предали души свои в руки Господа; а других князей и людей татары зарубили.

И оттуда рассеялись татары по всей земле Владимирской, одни пошли к Ростову, иные погнались за великим князем в Ярославль и к Городцу, и пленили все города по Волге до самого Галича Мерьского; а иные пошли к Юрьеву, и к Переяславлю, и к Дмитрову, и взяли эти города; а еще иные пошли и взяли Тверь, и убили в ней сына Ярослава, И все

города захватили в Ростовской и Суздальской земле за один февраль месяц, и нет места вплоть до Торжка, где бы они не были.

На исходе февраля месяца пришла весть к великому князю Юрию, находящемуся на реке Сити: «Владимир взят и все, что там было, захвачено, перебиты все люди, и епископ, и княгиня твоя, и сыновья, и снохи, а Батый идет к тебе». И был князь Юрий в великом горе, думая не о себе, но о разорении церквей и о гибели христиан. И послал он на разведку Дорожа с тремя тысячами воинов узнать о татарах. Он же вскоре прибежал назад и сказал: «Господин князь, уже обошли нас татары». Тогда князь Юрий с братом Святославом и со своими племянниками Васильком, и Всеволодом, и Владимиром, исполчив полки, пошли навстречу татарам, и каждый расставил полки, но ничего не смогли сделать. Татары пришли к ним на Сить, и была жестокая битва, и победили русских князей. Здесь был убит великий князь Юрий Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха, и убиты были многие воины его.

А Василька Константиновича Ростовского татары взяли в плен, и вели его до Шерньского леса, принуждая его жить по их обычаю и воевать на их стороне. Но он не покорился им и не принимал пищи из рук их, но много укорял их царя и всех их. Они же, жестоко мучив его, умертвили четвертого марта, в середину Великого поста, и бросили его тело в лесу. Некая женщина, увидев тело Василька, рассказала своему богобоязненному мужу; и тот взял тело князя, завернул его в плащаницу и положил в тайном месте.

Татары, вернувшись от Владимира, взяли, как я сказал уже, Переяславль, и Москву, и Юрьев, и Дмитров, и Волок, и Тверь, а затем подошли к Торжку в первую неделю поста, месяца февраля в двадцать второй день, на Обретение мощей святых мучеников в Евгении. И окружили они весь город тыном, так же как и другие города брали, и осаждали окаянные город две недели. Изнемогли люди в городе, а из Новгорода им не было помощи, потому что все были в недоумении и в страхе. И так поганые взяли город, убив всех — и мужчин и женщин, всех священников и монахов. Все разграблено и поругано, и в горькой и несчастной смерти предали свои души в руки Господа месяца марта в пятый день, на память святого Конона, в среду четвертой недели поста. И были здесь убиты: Иванко, посадник новоторжский, Аким Влункович, Глеб Борисович, Михаил Моисеевич. А за прочими людьми гнались безбожные татары Селигерским путем до Игнатьева креста и секли всех людей, как траву, и не дошли до Новгорода всего сто верст. Новгород же сохранил Бог, и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и молитвы святых правоверных архиепископов, и благоверных князей, и преподобных монахов иерейского собора.

Кто, братья, и отцы, и дети, не восплачет, видя такое Божье наказание всей Русской земле? За грехи наши Бог напустил на нас поганых; ведь Бог, в гневе своем, приводит иноплеменников на землю, чтобы побежденные ими люди обратились к нему; а междоусобные войны бывают из-за наваждения дьявола. Ведь Бог хочет не зла, но добра людям; а дьявол радуется жестокому убийству и кровопролитию. А если какая-нибудь земля согрешит, Бог наказывает ее смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или сильным дождем, или пожаром, или иными наказаниями; и нужно нам покаяться и жить, как велит Бог, который говорит нам устами пророка: «Обратитесь ко мне всем вашим сердцем, с постом, и плачем, и стенанием». Если так сделаем, простятся нам все грехи. Но мы возвращаемся к злодеяниям, как псы на свою блевотину, и как свинья постоянно валяется в греховных нечистотах, так и мы живем. Поэтому и наказание приемлем от Бога,— нашествие поганых, по повелению Бога, за наши грехи. Кирилл же, епископ ростовский, в то время был на Белоозере, и когда он шел оттуда, то пришел на Сить, где погиб великий князь Юрий, а как он погиб, знает лишь Бог — различно рассказывают об этом. Епископ Кирилл нашел тело князя, а головы его не нашел среди множества трупов; и принес он тело Юрия в Ростов, и положил его со многими слезами в церкви святой Богородицы. А потом, узнав о судьбе Василька, пошел и взял его тело, и принес в Ростов, горько рыдая.

Был же Василек лицом красив, очами светел, грозен взглядом, необыкновенно храбр, а сердцем легок; но, как говорит Соломон, «когда слабеют люди, побеждают и сильного». Так случилось и с этим храбрым князем и войском его; ведь ему служило много богатырей, но что они могут против саранчи? А из тех, кто служил ему и уцелел в сражении, кто ел его хлеб и пил из его чаши, никто не мог из-за преданности Васильку после его смерти служить другому князю. Василек также щедро наделял убогих и церковнослужителей. А позднее пришли и нашли голову князя Юрия, и привезли ее в Ростов, и положили в гроб вместе с телом.

Батый оттуда пошел к Козельску. Был в Козельске князь юный по имени Василий. Жители Козельска, посоветовавшись между собой, решили сами не сдаваться поганым, но сложить головы свои за христианскую веру. Татары же пришли и осадили Козельск, как и другие города, и начали бить из пороков, и, выбив стену, взошли на вал. И произошло здесь жестокое сражение, так что горожане резались с татарами на ножах; а другие вышли из ворот и напали на татарские полки, так что перебили четыре тысячи татар. Когда Батый взял город, он убил всех, даже детей. А что случилось с князем их Василием — неизвестно; некоторые говорили, что в крови утонул. И повелел Батый с тех пор называть город не Козельском, но злым городом; ведь здесь погибло три сына темников, и не нашли их среди множества мертвых.

Оттуда пошел Батый в Поле, в Половецкую землю. Бог тогда избавил от нашествия поганых князя Ярослава, сына великого князя Всеволода, и его сыновей: Александра, Андрея, Константина, Афанасия, Даниила, Михаила, а также братьев Ярослава: Святослава Всеволодовича Юрьевского с сыном Дмитрием, Иоанна Всеволодовича и Владимира Константиновича, и двух сыновей Василька — Бориса и Глеба, и Василия Всеволодовича. А Ярослав после того нашествия пришел и сел на престол во Владимире, очистил церковь от трупов и похоронил останки умерших, а оставшихся в живых собрал и утешил; и отдал брату Святославу Суздаль, а Ивану — Стародуб.

Княжение великого князя Ярослава Всеволодовича. В год 6747 (1239). Великий князь Ярослав Всеволодович велел принести тело своего брата, великого князя Юрия, из Ростова во Владимир. В тот же год великий князь Ярослав ходил в поход на литву, обороняя смольнян; и посадил там на престоле своего шурина Всеволода Мстиславича, внука Романа Мстиславича. В тот же год женился князь Александр Ярославич, княживший в Новгороде, взял дочь полоцкого князя Брячислава. Венчался он в Торопце и здесь сыграл свадьбу, а в Новгороде — еще раз. В тот же год Александр Ярославич с новгородцами основал Городец на Шелони. В тот же год Батый послал татар, и они взяли город Переяславль Русский, а епископа Симеона убили. Этот Симеон был девятым и последним епископом в Переяславле; а первым епископом в Переяславле был Петр, вторым Ефрем, третьим Лазарь, четвертым Сильвестр, пятым Иоанн, шестым Маркел, седьмым Евфимий, восьмым Павел, девятым Симеон, который и был последним; с тех пор до нынешнего времени без пяти лет триста в Переяславле не было епископа, да и людей нет в городе. А других татар Батый послал к Чернигову. Мстислав Глебович, внук Святослава Ольговича, услышав об этом, пришел на татар с большим войском к Чернигову, и произошла жестокая битва. Из города на татар метали пороками камни на полтора выстрела, а камни могли поднять только два человека. Но татары все же победили Мстислава, и многих воинов избили, а город взяли и огнем запалили, но епископа их довели до Глухова и отпустили. А другие татары Батыя пленили Мордовскую землю, и Муром, и Городец Радилов на Волге, и город святой Богородицы Владимирской. И было большое смятение по всей земле, и сами люди не знали, кто куда бежит.

Княжение великого князя Михаила Киевского. В год 6748 (1240). Батый послал Менгухана осмотреть Киев. Пришел он и остановился у городка Песочного и, увидев Киев, был поражен его красотой и величиной; отправил он послов к князю Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, желая его обмануть. Но князь Михаил послов убил, а сам убежал из Киева вслед за сыном в Венгерскую землю; а в Киеве взошел на престол Ростислав Мстиславич, внук Давыда Смоленского. Но Даниил

Романович, внук Мстислава Изяславича, выступил против Ростислава и взял его в плен; а Киев поручил оборонять против безбожных татар своему посаднику Дмитрию. В это время пришел к Киеву сам безбожный Батый со всей своей силой. Киевляне же взяли в плен татарина по имени Товрул, и сообщил он обо всех князьях, пришедших с Батыем, и о войске их; и были там братья Батыя, воеводы его: Урдюй, Байдар, Бичур, Кайдан, Бечак, Менгу, Куюк (он не был из рода Батыя, но был у него первым воеводой), Себедяй-богатырь, Бурундай, Бастырь, который пленил всю землю Булгарскую и Суздальскую, и много было других воевод, о которых мы не написали. И начал Батый ставить пороки, и били они в стену безостановочно, днем и ночью, и пробили стену у Лядских ворот. В проломе горожане ожесточенно сражались, но были побеждены, а Дмитрий был ранен. И вошли татары на стену, и от большой тяжести стены упали, горожане же в ту же ночь построили другие стены вокруг церкви святой Богородицы. Утром татары пошли на приступ, и была сеча кровопролитной; народ спасался на церковных сводах со своим добром, и от тяжести стены обрушились. Взяли татары город шестого декабря, на память отца нашего святого Николы, в год 6749 (1240). А Дмитрия, который был тяжело ранен, не убили из-за его мужества. Взял Батый город Киев, и, услышав, что великий князь Даниил Романович находится в Венгрии, пошел он к Владимиру на Русь. В ту же зиму родился у великого князя Ярослава сын Василий.

Пленение Волынской земли. В тот же год 6749 (1240) подошел Батый к городу Лодяжну и бил город из двенадцати пороков, но не смог его взять; и пришел к Каменцу Изяслава и взял его; а Кременец князя Даниила не смог взять. Потом пошел он и захватил Владимир Русский на реке Буг; взял также Галич и пленил бесчисленные города. Затем по совету Дмитрия двинулся он против венгров, и встретил его король Бела и Коломан около Солоней реки, на которой находятся волынские города: Изборско, великий Львов, Велин. На этой реке произошел бой, и Батый победил, и венгры обратились в бегство, а Батый гнал их до Дуная. И оставался здесь Батый три года, и разорял земли до Володавы, а затем возвратился в степь, пленив все земли. В тот же год убили татары князя Мстислава Рыльского, город которого на реке Сейме.

СКАЗАНИЕ О ПЕРЕНЕСЕНИИ ОБРАЗА НИКОЛЫ ЧУДОТВОРЦА ИЗ КОРСУНЯ В РЯЗАНЬ

Подготовка текста и перевод Д. С. Лихачева, комментарии И. А. Лобаковой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуня в Рязань» в 1225 г. и «Повесть о разорении Рязани Батыем» в 1237 г. в древнейших из сохранившихся рукописях (относящихся ко второй трети XVI в.) читаются в составе цикла повестей о Николе Заразском, образованном, кроме них, «Коломенским чудом» (события которого относятся к 1521 и 1531 гг.) и «Родом поповским» (доведенным до 1615 г., в некоторых списках — до 1561 г.).

Но если Повесть, впервые опубликованная И. П. Сахаровым по тексту поздней (XVI в.) редакции в 1841 г., была включена во все общие курсы истории древнерусской литературы, учебники и учебные пособия, то тексты других частей цикла (и текст самой Повести по древнейшим спискам) были впервые опубликованы Д. С. Лихачевым, которым были выявлены 34 списка XVI—XVIII вв., выделены редакции памятника, дана их классификация и определены особенности каждой из них. Опубликовав в 1947 г. последнюю, неоконченную работу В. Л. Комаровича о цикле повестей о Николе Заразском, в которой основой цикла названо Сказание, а Повесть его распространением, Д. С. Лихачев в своем исследовании отметил «разнотипность, разновременность и неравноценность» составляющих цикл произведений. Он писал, что воинская повесть относится к лучшим после «Слова о полку Игореве» произведениям древнерусской литературы, другие же части цикла «достаточно трафаретны», причем Повесть «не могла быть создана при церкви Николы ее служителями, она только была включена в Заразский цикл» (см.: Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском.— ТОДРЛ, т. 7, М.—Л., с. 258). Д. С. Лихачев дал обоснование маршрута Евстафия с иконой (в Рязань «идти через Половецкие степи было уже опасно: ...все пришло в движение после Калкской битвы. Поэтому Евстафий плывет из Крыма, также в 1223 г. захваченного монголо-татарами, вокруг Европы из моря Понтийского (Черного, или Русского) в Варяжское (Балтийское)»). Окончательное оформление цикла повестей о Николе Заразском, как явствует из работ Д. С. Лихачева, относится к 1530-м гг. А. Поппэ, исследовав происхождение культа Николы Корсунского, доказал позднее его происхождение, появление которого связал с той же датой — 1530-ми гг. К этому же времени исследователь отнес и сложение Сказания. Очевидно, что все произведения цикла (за исключением «Повести о разорении Рязани Батыем») связаны темой чудес Николы и его иконы, имеют ряд повторяющихся мотивов: слепота Владимира Святославича перед крещением — слепота Евстафия как наказание за ослушание Николы; явление Николы Евстафию — явление князю Федору («Сказание«); исцеление Евстафия — исцеление жены Евстафия («Сказание») — исцеление Сазона — исцеление глухонемого Климента («Коломенское чудо»); чудесное перенесение иконы к «старому престолу» в Заразск является своего рода редукцией сюжета долгого шествия иконы из Корсуня. Главной темой произведений являются чудеса Николы и его иконы, оформленные в жанре «чуда». И только Повесть, ориентированная на традиции воинского повествования, не содержит чудес святыни.

Текст сказания о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань представляет собою 4 эпизода, различных по стилю и слабо связанных

сюжетно. Первый из них —сообщение о Калкской битве 1223 г. Во втором эпизоде еще раз повторяется известие о «приходе» святыни в «пределы рязаньския», но главное место отведено рассказу о крещении в Корсуне Владимира Святославича. Фрагмент этот в целом ничем не связан с темой иконы Николы, кроме того, что «стоял чудотворный образ во граде Корсуни посреди града, близ церкви», где крестился Владимир. Третий — наиболее яркий — фрагмент повествует о явлении Николы Евстафию и пути священника с женою и сыном на Русь. Этот фрагмент содержит предсказание о том, что Федор сподобится мученического венца вместе с женой и сыном. Необходимо отметить, что смерть Федора как гибель мученика за веру была осознана с конца XVI в. Более того, краткий рассказ о приходе Батыя, убийстве им рязанского князя и о самоубийстве княгини с младенцем Иваном — четвертый эпизод Сказания — дублирует сообщение Повести, и дублировка эта появилась именно потому, что в цикл о Заразской святыне в 1530-х гг. оказалась включена «Повесть о разорении Рязани Батыем», существовавшая до этого в качестве самостоятельного произведения, которое и послужило первоначальным источником краткого сообщения о судьбе Федора, Евпраксии и Ивана. Достаточно длительная литературная судьба Повести подтверждается и тем фактом, что ко второй трети XVI в. уже существовали три различные редакции текста (в трех древнейших списках памятника зафиксирован текст трех разных редакций). Таким образом, существует целый ряд проблем: о соотношении между собой трех старших редакций Повести и о степени близости их первоначальному тексту; о художественной организации Повести; о времени ее создания.

Точнее всего история разгрома Рязани изложена в Новгородской первой летописи, куда она попала, как было доказано Д. С. Лихачевым, из недошедшей до нас Рязанской летописи. Но в Повести исторический факт взятия столицы Рязанского княжества стал основой литературного произведения, подчиненного четкому идейно-художественному замыслу автора (как и поход Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в «Слове о полку Игореве»). Нашествие монголо-татар воспринималось современниками как конец света, как «великая конечная погибель» (ср. «Повесть о битве на Калке», «Слово о погибели Русской земли», «Слова» Серапиона Владимирского). В Повести, созданной, по наблюдению Н. С. Демковой, на основе структуры «летописной повести» (изложение обстоятельств смерти князя, плач по нему, погребение, похвала умершему), описавшей гибель Рязани и рода рязанских князей, включившей плач по ним, рассказ о погребении и Похвалу роду рязанских князей (начинающуюся со слов «Сии бо государи...»), главной идее — идее «великой конечной погибели» подчинен исторический материал. Действия рязанских князей в Повести изображены соответствующими идеальному представлению автора о том, как должно сражаться за Русь. Если в летописях сообщается, что князья бились в осаде, то в тексте памятника рассказано о том, что они как равные выступили навстречу «велицей силе» Батыя, что подтверждает наблюдение Д. С. Лихачева о том, что «русское понятие о храбрости — это удаль..., это храбрость, умноженная на простор для выявления этой храбрости. Нельзя быть удалым, храбро отсиживаясь в укрепленном месте» (Лихачев Д. С.

Заметки о русском. М., 1981, с. 9). Описание битвы рязанцев словно раскрывает слова Похвалы «паче меры храбры».

В Повести монголо-татары стали победителями не потому, что победили рязанцев, а потому, что их противников не осталось в живых. Федор Юрьевич, посланный к Батыю с дарами, был убит, отказав царю в праве победителя. Гибель Евпраксии с сыном — не только рассказ о супружеской любви, но и подтверждение этого отказа. Невозможность оставаться в живых побежденным подвигла Евпатия с дружиной в 1700 человек напасть на станы Батыя. Темой, соединившей воедино все эпизоды Повести, является тема смерти. В рефрене «вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни един от них возратися вспять, но вси вкупе мертви лежаша», который читается в Повести трижды (после описания гибели князей с дружиной; после гибели Рязани; в авторском плаче над погибшими дружинами), главным является образ «единой смертной чаши» для всех: князей, священников, народа. С этим связана основная эмоциональная тональность произведения: появление в тексте плачей. Их 7: над телом Федора плакал Апоница; об убитом Федоре плакал «весь град на мног час»; «в горести души своея» над Рязанской землей, а потом и Рязанью плакал Евпатий Коловрат; над пепелищем и убитыми братьями плакал Ингварь Ингоревич; можно говорить и об авторском плаче в Повести.

Публицистичность звучания, эмоциональность плачей, общность художественных приемов и, наконец, основная идея сближают Повесть с литературой 1270-х гт. Допущенные исторические неточности могут быть объяснены не эпической отдаленностъю, а художественными задачами автора (так, например, гибель Олега Красного — по Повести, — первого русского князя, погибшего за веру — окружает ореолом святости всех рязанских князей) или публицистическими целями (возможно, борьба за Муром и Коломну с Московским княжеством сделала необходимым для автора присутствие в братском войске князей Давыда Муромского и Глеба Коломенского).

Повесть оказала влияние на многие памятники древнерусской литературы («Задонщину», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора-Искандера, «Повесть о нашествии Тохтамыша» и др.).

Тексты «Сказания о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуня в Рязань» и «Повести о разорении Рязани Батыем» печатаются по рукописи *РГБ*, Волоколамское собр., вт. треть XVI в., лл. 229—258 об.

ОРИГИНАЛ

Въ лѣто 6730. Приход изъ Корсуня чюдотворнаго Николы образа Заразскаго, како приде из пременитаго града Херсони[1] в предѣлы рязанския въ третье лѣто по Калском побоище. Тогда убито много князей руских. И сташа князи рустии за половець, а побьени быша за Днепром на речке на Хортицы на Калском поле Половецькой земли, на Калках месяца июня въ 16 день.

Въ лѣто 6733. При великом князе Георгии Всеволодовичи Владимерском, и при великом князе Ярославе Всеволодовичи Ноугородцкомъ, и сыне его князе Алексанъдре Ярославичи Невском[2], и при Рязанском великом князе Юрьи Ингоревиче, принесенъ бысть чюдотворный образ великаго чюдотворца Николы Корсунскаго Заразскаго из преименитаго града Херсони в предѣлы резаньскыа во область благовѣрна князя Федора Юрьевичя Резанскаго. А стоялъ чюдотворный образ во граде Корсуни посреди града близ церкви апостола Иякова брата Богословле. А у сего бо апостола Иякова крестися самодержавный и великий князь Владимер Святославич Киевской[3] и все Руси. А полата была болшая краснаа у чюдотворцева храма сзади олтаря, в ней же гречестии цари веселяшася Василей, Костянтинъ Парфиенитос[4] — православный. Сии бо цари даша сестру свою Анну за великаго князя Володимера Святославича Киевъского и прислаша ю во град Корсунь. Благовѣрная царица Анна не сочтася брака со Владимером Святославичем и нача его молити быти крестьяна. Князь велики Владимеръ Святославичь возлюби совѣт православныа царицы нѣвесты своея и призва епископа Анастаса Корсуньскаго и повеле себя просвятити святым крещением. И по Божию строению в то время разболѣся Владимеръ очима и ничто же не видяше. Епископъ Анастас с попы царьцыны внѣ града Херусони крестиша Владимера и погрузиша его въ святѣй купили и абие прозрѣ. И видѣ Владимеръ, яко воскорѣ исцелѣ, и прослави Бога, и рек: «Во истину велий Богъ христьянескъ и чюдна вѣря ся». Не токма очима прозрѣ и душевныма очима позна Творца своего. Тогда бысть радость велия во граде Корсуни о крещении благовѣрнаго великаго князя Владимера Святославича.

Въ лѣто 6732-го. Явися святый великий чюдотворець Николае Корсунской в приименитом граде Херсунии служителю своему Астафию именем в привидѣнии. *И* рече ему великий чюдотворець Николае: «Астафие, возми мой чюдотворный образ Корсунски, супругу свою Феодосию и сына своего Остафиа и гряди в землю Резаньскую. Тамо хощу быти, и чюдеса творити, и мѣсто прославити». Остафей убужся от такова видѣниа и нача ужасатися. А во вторую нощь чюдотворець тако же ему явися. Остафей в боли страх вниде, и нача помышляти: «О великий чюдотворець Николае! Камо волиши ити? И аз рабъ твой ни земли Рязаньскыя знах, ни на сердце мое взыде. Не вѣм бо та земля, яко на востокъ, или на запад, или на юг, или на северъ»,— в собѣ помышляше. И в третию нощь чюдотворець явися Остафию, и утыкая в ребра, и веля немедлено ити, яко на восток, и поручаяся его доправити до Рязанскыа земли. Остафей нача трепетен быти от таковаго видѣниа, и мышляше в серцы своем — како остати града Корсуня. И мало позамедли, и абие нападе на нь болѣзнь главная. И от толикие болѣзни абие ослепе, и нападоша на очию его яко чешуя. Остафей же нача скорбѣти и плакатися. И по малѣ нача ум свой собирати, и каятися о них же содѣа. И прилѣжно припаде к чюдотворному образу, и нача плакатися: «О великий чюдотворець Николае, возвеличеный от Господа

на небесех и прославленый на землю в чюдесех! Съгрѣших пред тобою, владыко,— не послушах твоего повѣление. Прости мя грешнаго раба своего. Буди воля твоа, яко же изволи». И в той час прозрѣ и быша глава его бѣз болѣзни, а очи его без мозоля, яко же преже. Остафей нача молити всемилостиваго Бога и пречистую его Матерь и великаго чюдотворца Николу, чтобы ему по чюдотворьцеву изволению получити желание свое: доити уречена мѣста Резанския земли. И мыслиша ити вверхъ по Непру, и паки ити за Днѣпръ в Половецкую землю на возстокъ к Рязанскиа земли, уповаше бо на всемилостиваго Бога и пречистую его Матерь, и на великаго чюдотворца Николу, яко той может его съхранити от поганых половець. И не избысся мысль его: великий чюдотворьць Николае явися Остафию и рече ему: «Не полезно ти есть ити чрез землю поганых половець. Иди во устье Днѣпръское в Понтеньское море и сяди в корабль, и доиди моря Варяжского в Немецкия области.[5] И оттуду ити сухимъ путем до великаго Новаграда и паки и до Рязанския земли невозбрано, но и чти приемлемо». Остафей вборзе взя чюдотворное образъ великаго чюдотворца Николы Корсунскаго, и жену свою Федосию, и сына своего Остафия, и единаго от клирик предстатель своих, и забы преименитаго града Херсони, и отрекъся всего имениа, и поиде в путь, яко же чюдотворець изволи, Богу его соблюдающи, а чюдотворець ему путь правяще. Прииде во устье Днѣпрьское и сяди в корабл в Поньтенское море,— се же словет море Руское. И доиде моря Варяжскаго, и паки прииде в Немецкия области во град Кесь,[6] и мало пребы в нем. И поиде оттуду сухимъ путем, и прииде в Великий Новград к великому князю Ярославу Всеволодовичю и сыну его князю Алексаньдру; пребысть ту много дни. Велики чюдотворець Николае нача великие чюдеса творити. И жена же Остафиева Феодосия возлюби Великий Новиград, и не хотя ити во слѣд чюдотворнаго образа, и скрыся от мужа своего. И абие разслабѣ всѣ уды и телеси ея, и быша, яко мертва, и недвижима,— едино дыхание в персех ея быше. И нѣцыи сказаша Остафию, яко жена твоа при смерти. Остафие услыша, яко жена его при кончине живота ея, и припаде к чюдотворному образу, и глаголаше со слезами: «Великий чюдотворець Николае, прости мя, рабу свою, яже ти согреших, яко едина от безумных женъ». И в том часѣ исцелена бысть. Остафей вскоре взя чюдотворный Николин образ, иде в путь свой с великою радостию и славою, и хотя доити желаемаго. И многими денми доидет Рязанскиа земли, и нача помышляти в себе: «О великий чюдотворець Николае, се земля Резанская, камо хощу ити и покой обрести». Остафие согреших в мысли своей, забы прежнаго чюдотворцева видениа и чюдес его. Богъ бо творит чюдеса угодником своим елико хощет.

Великий чюдотворець Николае явися благовѣрному князю Федору Юрьевичю Резанскому[7] и повѣда ему приход чюдотворнаго своего образа Корсуньскаго, и рек: «Княже, гряди во стрѣтение чюдотворнаго моего образа Корсунскаго. Хощу бо здѣ быти и чюдеса творити. И умолю о тобе всемилостиваго и человеколюбиваго владыку Христа Сына Божия — да подарует ти венець царствиа небеснаго, и женѣ твоей, и сынови твоему».[8] Благовѣрный князь Федоръ Юрьевич возбну

от сна, и устрашися от таковаго видѣниа, и нача помышляти в тайнем храме сердца своего, яко страхом обьят бысть. И не повѣда ни единому страшнаго видѣния, и нача помышляти: «О великий чюдотворець Николае, како умолиши о мнѣ милостиваго Бога — да сподобит мя венца царствиа небеснаго, и жене моей, и сынови моему: аз бо ни браку сочтася, ни плода чреву не имѣх». И вскоре иде во срѣтение чюдотворнаго образа, яко же ему чюдотворец повелѣ. И прииде предреченое мѣсто, и увиде издалече от чюдотворнаго образа, яко свѣт неизреченый блистаяся. И припаде къ чюдотворному Николину образу любезно сокрушеным сердцем, и испущая слезы от очию, яко струю. И приа чюдотворный образ, и принесе во область свою. И вскоре посла вѣсть ко отцу своему великому князю Юрью Ингоревичю Резанскому, и веля ему поведати приход чюдотворнаго образа Николина изъ Корсуня града. Великий князь Георгий Ингоревич услыша приход чюдотворнаго Николина образа, и возблагодари Бога и угодника его чюдотворца Николу, яко посѣти Богъ люди своих, и не забы дѣло руку своею.

Князь велики взя собою епископа Ефросима Святогорца, и вскоре поиде во область сыну своему князю Федору Юрьевичю. И увидѣ от чюдотворнаго образа великиа и преславны чюдеса, и радости наполнися о преславных чюдесех. И создаша храм во имя святаго великаго чюдотворца Николы Корсунскаго. И святи ю епископъ Ефросин, и торжествовав свѣтло, и отъиде во свой град.

Не по мнозе же лѣтех князь Федоръ Юрьевич сочтася браку, и поят супругу от царьска рода именем Еупраксѣю.[9] И помалѣ и сына роди имянем Иоана Посника.

Въ лѣто 6745. Убиен бысть благовѣрный князь Федоръ Юрьевич Рѣзанский от безбожнаго царя Батыа на рекѣ на Воронежи. И услыша благовѣрная княгиня Еупраксѣа царевна убиение господина своего блаженаго князя Федора Юрьевичя, и абие ринуся ис превысокаго храма своего и сыном своимъ со князем Иваном Федоровичем, и заразишася до смерти. И принесоша тѣло блаженаго князя Федора Юрьевича во область его к великому чюдотворцу Николе Корсунскому, и положиша, и его благовѣрную княгиню Еупраксѣю царевну, и сына их князя Ивана Федоровича во едином мѣсте, и поставиша над ними кресты камены.[10] И от сея вины да зовется великий чюдотворець Николае Зараский, яко благовѣрнаа княгиня Еупраксѣа с сыном князем Иваном сама себе зарази.

[1] *...изъ Корсуня... из пременитаго града Херсони...* — Корсунь — русское название древнего Херсонеса, основанного в V в. до н. э. переселенцами из Гераклеи Понтийской. Как и большинство греческих городов-колоний Причерноморья в IX—XIII вв. входил в состав Византийской империи. С X в. (судя по археологическим находкам) в нем значительной частью населения были русские.

[2] *...и сыне его князе Алексанъдре Ярославичи Невском...*— Сын Ярослава Всеволодовича получил прозвище Невский пятнадцатью годами позже — после победы над шведами в 1240 г. В 1225 г. ему было около 5 лет.

[3] *...крестися самодержавный и великий князь Владимер Святославич Киевской...*— По версии, изложенной в Повести временных лет, Владимир крестился, взяв Корсунь, в 988 г. в церкви св. Василия. По другим источникам, Владимир крестился в Васильеве близ Киева (или в самом Киеве) в 987 г.

[4] *...гречестии цари... Василей, Костянтинъ Парфиенитос...* — Имеются в виду византийские императоры Василий II Болгаробойца (976—1025) и Константин VIII Порфирородный (976—1028).

[5] *Иди во устье Днѣпръское в Понтеньское море и сяди в корабль, и доиди моря Варяжского в Немецкия области.*— Здесь указывается путь вокруг Европы.

[6] *...во град Кесь...*— Ныне город Цесис Латвии. В некоторых списках вместо Кеси указывается Рига.

[7] *...явися... князю Федору ...Резанскому...*— Рязанское летописание дошло до нас в очень незначительных фрагментах, сохраненных, в основном, Новгородской I летописью. По летописным источникам неизвестен.

[8] *...да подарует ти венець царствиа небеснаго, и женѣ твоей, и сынови твоему.*— Осмысление смерти Федора как мученической гибели за веру произошло в XVI веке.

[9] *...и поят супругу от царьска рода именем Еупраксѣю.*— По другим источникам об Евпраксии, родственнице византийских императоров, ничего не известно.

[10] *...поставиша над ними кресты камены.*— В середине XVII в. этих крестов, очевидно, уже не было, т. к. в 1665 г. князь Никита Григорьевич Гагарин по рассмотрении «летописной книги» заново поставил в Заразске три каменных креста на месте предполагаемых могил Федора, Евпраксии и Ивана (см.: Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, т. I. Зарайск, 1884, с. 163).

ПЕРЕВОД

В год 6730 (1222). Прибытие из Корсуни чудотворного образа Николы Заразского: как прибыл из преславного города Херсонеса в рязанские пределы на третий год после Калкского побоища. Тогда убито было много князей русских. И встали князья русские за половцев, а побиты были за Днепром на речке на Хортице на Калкском поле Половецкой земли, на Калках, месяца июня в шестнадцатый день.

В год 6733 (1225). При великом князе Георгии Всеволодовиче Владимирском, и при великом князе Ярославе Всеволодовиче Новгородском, и сыне его князе Александре Ярославиче Невском, и при рязанском великом князе Юрии Ингоревиче принесен был чудотворный образ великого чудотворца Николы Корсунского Заразского из преславного города Херсонеса в пределы рязанские, в область благоверного князя Федора Юрьевича Рязанского. А стоял тот чудотворный образ в городе Корсуни посреди града близ церкви апостола Якова, брата Иоанна Богослова. А в этой церкви апостола Якова крестился самодержавный и великий князь Владимир Святославич Киевский и всея Руси. А палата была большая красивая у чудотворцева храма позади алтаря, в ней же греческие цари пировали, Василий и Константин Порфирородный — православные. Эти цари выдали сестру свою Анну за великого князя Владимира Святославича Киевского и прислали ее в город Корсунь. Благоверная царица Анна сперва не захотела сочетаться браком с Владимиром Святославичем и стала его умолять стать христианином. Князь великий Владимир Святославич возлюбил совет православной царицы, невесты своей, и призвал епископа Анастаса Корсунского, и повелел просвятить себя святым крещением. И по Божьему промыслу в то время разболелся Владимир глазами и ничего не видел. Епископ Анастас с попами царицыными крестил Владимира вне города Херсонеса, и погрузил его в святой купели, и тот сразу прозрел. И увидел Владимир, что тотчас исцелился, и прославил Бога, и сказал: «Воистину велик Бог христианский, и чудна вера эта». Не только глазами прозрел, но и душевными очами познал Творца своего. Тогда была радость великая в городе Корсуни по случаю крещения благоверного великого князя Владимира Святославича.

В год 6732 (1224). Явился в видении святой великий чудотворец Никола Корсунский в преславном городе Херсонесе служителю своему, по имени Астафию. И сказал ему великий чудотворец Никола: «Астафий, возьми мой чудотворный образ Корсунский, супругу свою Феодосию и сына своего Астафия и иди в землю Рязанскую. Там хочу пребывать, и чудеса творить, и место то прославить». Астафий пробудился от этого видения и стал ужасаться. А во вторую мочь чудотворец снова ему явился. Астафий в еще больший страх пришел и стал думать: «О великий чудотворец Никола, куда велишь идти? Я, раб твой, ни земли Рязанской не знаю, ни в сердце своем не помышляю. Не знаю той земли, на востоке ли, или на западе, или на юге, или на севере»— так про себя думал. И в третью ночь явился чудотворец Астафию, толкая

его под ребра, и веля немедленно идти на восток, и обещая проводить его до Рязанской земли. Астафий стал трепетать от такого видения и помышлять в сердце своем — как ему оставить город Корсунь. И стал медлить, и тотчас напала на него болезнь головы, и покрылись глаза его как чешуей. И стал Астафий скорбеть и плакать. И постепенно стал приходить в разум и каяться в том, что сделал. И прилежно припал к чудотворному образу, и заплакал: «О великий чудотворец Никола, возвеличенный Господом на небесах и прославленный на земле чудесами! Согрешил перед тобою, владыко: не послушал твоего повеления. Прости меня, грешного раба своего. Да будет воля твоя, как изволил». И в то же мгновение прозрел и была голова его здорова, а глаза — без бельм, как прежде. Стал Астафий молить всемилостивого Бога, и пречистую его Матерь, и великого чудотворца Николу, чтобы ему по чудотворцеву повелению достигнуть желаемого: дойти до указанного места Рязанской земли. И замыслил пойти вверх по Днепру, и затем снова от Днепра в Половецкую землю на восток к Рязанской земле, надеясь на всемилостивого Бога, и на пречистую его Матерь, и на великого чудотворца Николу, что тот сможет его сохранить от язычников-половцев. И не сбылся замысел его: великий чудотворец Никола явился Астафию и сказал ему: «Не удобно тебе идти через землю язычников-половцев. Иди в устье Днепра в Понтийском море, и сядь в корабль, и доплыви до моря Варяжского в Немецкой области. И оттуда пойдешь сухим путем до Великого Новгорода и далее в Рязанскую область не только беспрепятственно, но и с почетом». Астафий не медля взял чудотворный образ великого чудотворца Николы Корсунского, и жену свою Феодосию, и сына своего Астафия, и одного из клириков приближенных своих, и забыл о преславном городе Херсонесе, и отказался от всего своего имущества, и направился в путь, как чудотворец приказал, охраняемый Богом, а чудотворец ему путь указывал. Пришел в устье Днепра и сел в корабль в Понтийском море,— то море называют морем Русским. И доплыл до моря Варяжского, и далее пошел в Немецкую область в город Кесь, и не долго пробыл в нем. И пошел оттуда сухим путем, и пришел в Великий Новгород к великому князю Ярославу Всеволодовичу и к сыну его князю Александру и пробыл там много дней. Великий чудотворец стал там великие чудеса творить. И жена Астафия Феодосия возлюбила Великий Новгород, и не захотела сопровождать чудотворный образ, и скрылась от мужа своего. И тотчас расслабли все члены и все тело ее, и стала как мертвая, и неподвижной,— только дыхание в груди ее было. И некие сказали Астафию, что жена его при смерти. Астафий услышал, что жена его при смерти, и припал к чудотворному образу, и говорил со слезами: «Великий чудотворец Никола, прости рабу свою, согрешившую пред тобой, как одна из безумных жен». И тотчас же была исцелена. Астафий немедленно взял чудотворный образ Николы, отправился в путь свой с великою радостью и славою, собираясь дойти до желаемого места. И через много дней дошел до Рязанской земли и стал думать: «О великий чудотворец Никола, вот земля Рязанская, куда хочу добраться и покой обрести!» И согрешил Астафий в мыслях своих,— забыл о прежнем обещании в видении чудотворца и чудеса его. Ибо Бог творит чудеса с помощью угодника своего сколько пожелает.

Явился великий чудотворец Никола благоверному князю Федору Юрьевичу Рязанскому, и возвестил ему прибытие чудотворного своего образа Корсунского, и сказал: «Князь, иди встречать чудотворный образ мой Корсунский. Ибо хочу здесь пребывать и чудеса творить. И умолю о тебе всемилостивого и человеколюбивого владыку Христа, Сына Божия — да дарует тебе венец царствия небесного, и жене твоей, и сыну твоему». Благоверный князь Федор Юрьевич встал от сна, и устрашился от такого видения, и стал помышлять в тайном храме сердца своего, будучи объят страхом. И не поведал никому страшного видения, и стал думать: «О великий чудотворец Никола! Как же умолишь обо мне милостивого Бога, чтобы сподобил меня венца царствия небесного, и жену мою, и сына моего: я ведь и в браке не состою, и плода чрева не имею». И тотчас направился встречать чудотворный образ, как ему чудотворец повелел. И пришел в то место, о котором говорили, и увидел издалека как бы неизреченный свет, блистающий от чудотворного образа. И припал к чудотворному образу Николы любовно с сокрушенным сердцем, испуская слезы из глаз, как струю. И принял чудотворный образ, и принес во область свою. И тотчас послал весть отцу своему великому князю Юрию Ингоревичу Рязанскому, веля поведать ему о прибытии чудотворного образа Николы из Корсуня-града. Великий князь Георгий Ингоревич услышал о прибытии чудотворного образа Николы и возблагодарил Бога и угодника его чудотворца Николу за то, что посетил Бог людей своих и не забыл создание рук своих.

Князь великий взял с собою епископа Ефросина Святогорца и тотчас пошел в область к сыну своему князю Федору Юрьевичу. И увидел от чудотворного образа великие и преславные чудеса, и исполнился радости о его преславных чудесах. И создал храм во имя святого великого чудотворца Николы Корсунского. И освятил его епископ Ефросин, и торжествовал светло, и вернулся в свой город.

Спустя немного лет князь Федор Юрьевич сочетался браком, взяв супругу из царского рода именем Евпраксию. И вскоре и сына родил именем Ивана Постника.

В год 6745 (1237). Убит был благоверный князь Федор Юрьевич Рязанский безбожным царем Батыем на реке на Воронеже. И услышала благоверная княгиня Евпраксия-царевна про убиение господина своего блаженного князя Федора Юрьевича, и тотчас ринулась с превысокого дворца своего и с сыном своим с князем Иваном Федоровичем, и убилась до смерти. И принесли тело блаженного князя Федора Юрьевича в область его к великому чудотворцу Николе Корсунскому, и положили его, и его благоверную княгиню Евпраксию-царевну, и сына их Ивана Федоровича в едином месте, и поставили над ними кресты каменные. И зовется с тех пор великий чудотворец Николой Заразским

по той причине, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном князем Иваном сама себя «заразила» < — расшиблась до смерти>.

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

Подготовка текста, перевод и комментарии И. А. Лобаковой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Сказание о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуня в Рязань» в 1225 г. и «Повесть о разорении Рязани Батыем» в 1237 г. в древнейших из сохранившихся рукописях (относящихся ко второй трети XVI в.) читаются в составе цикла повестей о Николе Заразском, образованном, кроме них, «Коломенским чудом» (события которого относятся к 1521 и 1531 гг.) и «Родом поповским» (доведенным до 1615 г., в некоторых списках — до 1561 г.).

Но если Повесть, впервые опубликованная И. П. Сахаровым по тексту поздней (XVI в.) редакции в 1841 г., была включена во все общие курсы истории древнерусской литературы, учебники и учебные пособия, то тексты других частей цикла (и текст самой Повести по древнейшим спискам) были впервые опубликованы Д. С. Лихачевым, которым были выявлены 34 списка XVI—XVIII вв., выделены редакции памятника, дана их классификация и определены особенности каждой из них. Опубликовав в 1947 г. последнюю, неоконченную работу В. Л. Комаровича о цикле повестей о Николе Заразском, в которой основой цикла названо Сказание, а Повесть его распространением, Д. С. Лихачев в своем исследовании отметил «разнотипность, разновременность и неравноценность» составляющих цикл произведений. Он писал, что воинская повесть относится к лучшим после «Слова о полку Игореве» произведениям древнерусской литературы, другие же части цикла «достаточно трафаретны», причем Повесть «не могла быть создана при церкви Николы ее служителями, она только была включена в Заразский цикл» (см.: Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском.— ТОДРЛ, т. 7, М.—Л., с. 258). Д. С. Лихачев дал обоснование маршрута Евстафия с иконой (в Рязань «идти через Половецкие степи было уже опасно: ...все пришло в движение после Калкской битвы. Поэтому Евстафий плывет из Крыма, также в 1223 г. захваченного монголо-татарами, вокруг Европы из моря Понтийского (Черного, или Русского) в Варяжское (Балтийское)»). Окончательное оформление цикла повестей о Николе Заразском, как явствует из работ Д. С. Лихачева, относится к 1530-м гг. А. Поппэ, исследовав происхождение культа Николы Корсунского, доказал позднее его происхождение, появление которого связал с той же датой — 1530-ми гг. К этому же времени исследователь отнес и сложение

Сказания. Очевидно, что все произведения цикла (за исключением «Повести о разорении Рязани Батыем») связаны темой чудес Николы и его иконы, имеют ряд повторяющихся мотивов: слепота Владимира Святославича перед крещением — слепота Евстафия как наказание за ослушание Николы; явление Николы Евстафию — явление князю Федору («Сказание«); исцеление Евстафия — исцеление жены Евстафия («Сказание») — исцеление Сазона — исцеление глухонемого Климента («Коломенское чудо»); чудесное перенесение иконы к «старому престолу» в Заразск является своего рода редукцией сюжета долгого шествия иконы из Корсуня. Главной темой произведений являются чудеса Николы и его иконы, оформленные в жанре «чуда». И только Повесть, ориентированная на традиции воинского повествования, не содержит чудес святыни.

Текст сказания о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань представляет собою 4 эпизода, различных по стилю и слабо связанных сюжетно. Первый из них —сообщение о Калкской битве 1223 г. Во втором эпизоде еще раз повторяется известие о «приходе» святыни в «пределы рязаньския», но главное место отведено рассказу о крещении в Корсуне Владимира Святославича. Фрагмент этот в целом ничем не связан с темой иконы Николы, кроме того, что «стоял чудотворный образ во граде Корсуни посреди града, близ церкви», где крестился Владимир. Третий — наиболее яркий — фрагмент повествует о явлении Николы Евстафию и пути священника с женою и сыном на Русь. Этот фрагмент содержит предсказание о том, что Федор сподобится мученического венца вместе с женой и сыном. Необходимо отметить, что смерть Федора как гибель мученика за веру была осознана с конца XVI в. Более того, краткий рассказ о приходе Батыя, убийстве им рязанского князя и о самоубийстве княгини с младенцем Иваном — четвертый эпизод Сказания — дублирует сообщение Повести, и дублировка эта появилась именно потому, что в цикл о Заразской святыне в 1530-х гг. оказалась включена «Повесть о разорении Рязани Батыем», существовавшая до этого в качестве самостоятельного произведения, которое и послужило первоначальным источником краткого сообщения о судьбе Федора, Евпраксии и Ивана. Достаточно длительная литературная судьба Повести подтверждается и тем фактом, что ко второй трети XVI в. уже существовали три различные редакции текста (в трех древнейших списках памятника зафиксирован текст трех разных редакций). Таким образом, существует целый ряд проблем: о соотношении между собой трех старших редакций Повести и о степени близости их первоначальному тексту; о художественной организации Повести; о времени ее создания.

Точнее всего история разгрома Рязани изложена в Новгородской первой летописи, куда она попала, как было доказано Д. С. Лихачевым, из недошедшей до нас Рязанской летописи. Но в Повести исторический факт взятия столицы Рязанского княжества стал основой литературного произведения, подчиненного четкому идейно-художественному замыслу автора (как и поход Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в «Слове о полку Игореве»). Нашествие монголо-татар воспринималось современниками как конец света, как «великая конечная погибель» (ср. «Повесть о битве на Калке», «Слово о погибели

Русской земли», «Слова» Серапиона Владимирского). В Повести, созданной, по наблюдению Н. С. Демковой, на основе структуры «летописной повести» (изложение обстоятельств смерти князя, плач по нему, погребение, похвала умершему), описавшей гибель Рязани и рода рязанских князей, включившей плач по ним, рассказ о погребении и Похвалу роду рязанских князей (начинающуюся со слов «Сии бо государи...»), главной идее — идее «великой конечной погибели» подчинен исторический материал. Действия рязанских князей в Повести изображены соответствующими идеальному представлению автора о том, как должно сражаться за Русь. Если в летописях сообщается, что князья бились в осаде, то в тексте памятника рассказано о том, что они как равные выступили навстречу «велицей силе» Батыя, что подтверждает наблюдение Д. С. Лихачева о том, что «русское понятие о храбрости — это удаль..., это храбрость, умноженная на простор для выявления этой храбрости. Нельзя быть удалым, храбро отсиживаясь в укрепленном месте» (Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1981, с. 9). Описание битвы рязанцев словно раскрывает слова Похвалы «паче меры храбры».

В Повести монголо-татары стали победителями не потому, что победили рязанцев, а потому, что их противников не осталось в живых. Федор Юрьевич, посланный к Батыю с дарами, был убит, отказав царю в праве победителя. Гибель Евпраксии с сыном — не только рассказ о супружеской любви, но и подтверждение этого отказа. Невозможность оставаться в живых побежденным подвигла Евпатия с дружиной в 1700 человек напасть на станы Батыя. Темой, соединившей воедино все эпизоды Повести, является тема смерти. В рефрене «вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни един от них возратися вспять, но вси вкупе мертви лежаша», который читается в Повести трижды (после описания гибели князей с дружиной; после гибели Рязани; в авторском плаче над погибшими дружинами), главным является образ «единой смертной чаши» для всех: князей, священников, народа. С этим связана основная эмоциональная тональность произведения: появление в тексте плачей. Их 7: над телом Федора плакал Апоница; об убитом Федоре плакал «весь град на мног час»; «в горести души своея» над Рязанской землей, а потом и Рязанью плакал Евпатий Коловрат; над пепелищем и убитыми братьями плакал Ингварь Ингоревич; можно говорить и об авторском плаче в Повести.

Публицистичность звучания, эмоциональность плачей, общность художественных приемов и, наконец, основная идея сближают Повесть с литературой 1270-х гт. Допущенные исторические неточности могут быть объяснены не эпической отдаленностъю, а художественными задачами автора (так, например, гибель Олега Красного — по Повести, — первого русского князя, погибшего за веру — окружает ореолом святости всех рязанских князей) или публицистическими целями (возможно, борьба за Муром и Коломну с Московским княжеством сделала необходимым для автора присутствие в братском войске князей Давыда Муромского и Глеба Коломенского).

Повесть оказала влияние на многие памятники древнерусской литературы («Задонщину», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть

о взятии Царьграда турками» Нестора-Искандера, «Повесть о нашествии Тохтамыша» и др.).

Тексты «Сказания о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуня в Рязань» и «Повести о разорении Рязани Батыем» печатаются по рукописи *РГБ*, Волоколамское собр., вт. треть XVI в., лл. 229—258 об.

ОРИГИНАЛ

Въ лѣто 6745, въ фторое на десять лѣто по принесении чюдотворнаго образа ис Корсуня, прииде безбожный царь Батый на Русскую землю со множеством вой татарскыми и ста на рѣце на Воронеже[1] близ Резанскиа земли. И присла на Резань[2] к великому князю Юрью Ингоревичю Резанскому[3] послы бездѣлны, просяща десятины въ всем: во князех, и во всяких людех, и во всем.

И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский приход безбожнаго царя Батыа, и воскоре посла в град Владимер к благоверному и великому князю Георгию Всеволодовичю Владимерскому,[4] прося помощи у него на безбожнаго царя Батыа, или бы сам пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимръской сам не пошел и на помощь не послал, хотя о собе сам сотворити брань з Батыем.

И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский, что нѣсть ему помощи от великаго князя Георьгия Всеволодовича Владимерьскаго, и вскоре посла по братью свою: по князя Давыда Ингоревича Муромского,[5] и по князя Глѣба Ингоревича Коломенского,[6] и по князя Олга Краснаго,[7] и по Всеволода Проньского,[8] и по прочии князи. И начаша совещевати, яко нечестиваго подобает утоляти дары.[9]

И посла сына своего князя Федора Юрьевича Резаньскаго к безбожному царю Батыю з дары и молении великиими, чтобы не воевал Резанския земли. Князь Федоръ Юрьевич прииде на реку на Воронеже к царю Батыю, и принесе ему дары и моли царя, чтобы не воевал Резанския земли. Безбожный царь Батый, льстив бо и немилосердъ, приа дары и охапися лестию не воевати Резанския земли. И яряся хваляся воевати Русскую землю.

И нача просити у рязаньских князей тщери или сестры собѣ на ложе.[10] И нѣкий от велмож резанских завистию насочи безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича Резанскаго, яко имѣет у собе

княгиню от царьска рода, и лѣпотою-тѣлом красна бѣ зело. Царь Батый, лукав есть и немилостивъ в неверии своем, пореваем в похоти плоти своея, и рече князю Федору Юрьевичю: «Дай мнѣ, княже, вѣдети жены твоей красоту!» Благовѣрный князь Федор Юрьевич Резанской и посмѣяся, и рече царю: «Не полезно бо есть нам, христианом, тобѣ, нечестивому царю, водити жены своя на блуд,— аще нас приодолѣеши, то и женами нашими владѣти начнеши».

Безбожный царь Батый возярися и огорчися и повелѣ вскорѣ убити благовѣрнаго князя Федора Юрьевича, а тѣло его повелѣ повpещи зверем и птицам на разтерзание; инех князей, нарочитых людей воиньских побилъ.

И единъ от пѣстун князя Федора Юрьевича укрыся, именем Апоница,[11] зря на блаженное тѣло честнаго своего господина и видя его никим брегома, горько плачющися, и взя возлюбленаго своего государя, и тайно сохрани его.

И ускори к благовѣрной княгине Еупраксѣе, и сказа ей, яко нечестивый царь Батый убий благовѣрнаго князя Федора Юрьевича. Благовѣрная княгиня Еупраксѣа стояше в превысоком храме своемъ и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича. И услыша таковыа смертоносныа глаголы и горести исполнены, и абие ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваномъ на среду земли и заразися до смерти.

И услыша великий князь Юрьи Ингоревич убиение возлюбленаго сына своего князя Федора, инѣх князей, нарочитых людей много побито от безбожнаго царя, и нача плакатися, и с великою княгинею,[12] и со прочими княгинеми, и з братею. И плакашеся весь град на многъ час, и едва отдохнув от великаго того плача и рыданиа.

И начаша совокупляти воинство свое и учредиша *полки*. Князь великий Юри Ингоревич, видя братию свою, и боляр своих, и воевод храбры и мужествены ездяше, и возде руце на небо со слезами и рече: «Изми нас от враг наших, Боже, и от востающих на *ны* избави нас,[13] и покрый нас от сонма лукавнующих[14] и от множества творящих безаконие.[15] Буди путь их тма и ползок[16]».

И рече братьи своей: «О господия и братиа моа! Аще от руки Господня благая прияхом, то злая ли не потерпим?[17] Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти. Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святыа Божиа церкви, и за вѣру христьянскую, и за отчину отца нашего, великаго князя Ингоря Святославича!»[18]

И поидоша в церковь — в пресвятыа владычиииы Богородици честнаго ея Успениа.[19] И плакася много пред образом пречистыа Богородицы, и великому чюдотворцу Николе, и сродником своим Борису и Глѣбу. И дав последнее целование великой княгини Агрепѣне Ростиславне, и прием благословение от епископа[20] и отъ всего священнаго собора.

И поидоша против нечестиваго царя Батыя и сретоша его близ предел резанских. И нападоша на нь и начаша битися крепко и мужественно. И бысть сѣча зла и ужасна, мнози бо силнии полки падоша Батыеви. Царь Батый и видяше, что господство резанское крѣпко и мужественно бъяшеся, и возбояся. Да противу гнѣву Божию хто постоит? А Батыеве бо силе велице и тяжце: един бьяшеся с тысящею, а два — со тмою.[21] Видя князь великий убиение брата своего князя Давыда Ингоревича и воскричаша: «О братие моя милая! Князь Давыдъ, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем?!» Преседоша с коня на кони, и начаша битися прилѣжно, многиа сильныя полкы Батыевы проеждяя, а храбро и мужествено бьяшеся, яко всѣм полкомъ татарьскым подивитися крѣпости и мужеству резанскому господству. И едва одолѣша их силныя полкы татарскыа.

Ту убиен бысть благовѣрный князь велики Георгий Ингоревич, брат его князь Давыд Ингоревич Муромской, брат его князь Глѣб Ингоревич Коломенской, брат их Всеволод Проньской, и многая князи мѣсныа, и воеводы крѣпкыа, и воинство — удалцы и резвецы резанския. Вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни един от них возратися вспять, вси вкупе мертвии лежаша. Сиа бо наведе Богъ грех ради наших.

А князя Олга Ингоревича яша еле жива суща.

Царь же, видя свои полкы мнозии падоша, и нача велми скръбѣти и ужасатися, видя своея силы татарскыя множество побьеных. И начаша воевати Резанскую землю, и веля бити, и сѣчи, и жещи без милости. И град Пръноск,[22] и град Бѣл,[23] и Ижеславець[24] розари до основаниа, и всѣ люди побиша без милости. И течаше кровь христьянская, яко река силная, грѣх ради нашихъ.

Царь Батый и видя князя Олга Ингоревича велми красна и храбра и изнемогающи от великых ран, и хотя его извpачевати от великых ран и на свою прелесть возвратити. Князь Олег Ингоревич укори царя Батыа, и нарек его безбожна и врага христьянска. Окаяный Батый и дохну огнем от мирскаго сердца своего, и въскоре повелѣ Олга ножи на части раздробити. Сий бо есть вторый страстоположник Стефан,[25] приа венець своего страданиа от всемилостиваго Бога и испи чашу смертную своею братею ровно.

Царь Батый окояный нача воевати Резанскую землю, и поидоша ко граду к Резани. И обьступиша град, и начаша битися неотступно пять дней. Батыево бо войско применишася, а гражане непремѣно бьяшеся. И многих гражан побиша, а инѣх уазвиша, а инии от великих трудов изнемогша.

А в шестый день рано приидоша погании ко граду, овии с огни, а ини с пороки, а инѣи со тмочислеными лѣствицами. И взяша град Резань месяца декабря 21 день. И приидоша в церковь собрънную пресвятыа Богородици, и великую княгиню Агрепѣну, матерь великаго князя, и с снохами, и с прочими княгинеми мечи исекоша, а епископа и священическый чин огню предаша — во святѣй церкве пожегоша; а инѣи мнози от оружиа падоша. А во граде многих людей и с жены, и с дѣти мечи исекоша, и иных в рѣцѣ потопиша. И ерѣи, черноризца до останка исекоша. И весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство резанское и сродник их киевское и черъниговское[26] поимаша. А храмы Божиа разориша, и во святых олтарех много крови пролиаша.

И не оста во граде ни един живых, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Нѣсть бо ту ни стонюща, ни плачюща: и ни отцу и матери о чадех, или чадом о отци и матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертви лежаща. И сиа вся наиде грех ради наших!

Безбожный царь Батый и видя велие пролитие крови христианскиа, и возярися зело и огорчися. И поиде на град Суздаль и Владимер[27] и желая Рускую землю поплеӈити, и вѣру христианскую искоренити, и церкви Божии до основаниа разорити.

И некий от велмож резанских имянем Еупатий Коловрат[28] в то время был в Чернигове со князем Ингварем Ингоревичем.[29] И услыша приход зловѣрнаго царя Батыа, и иде из Чернигова с малою дружиною, и гнаша скоро. И приѣха в землю Резаньскую, и видѣ ея опустѣвшую: грады разорены, церкви пожены, люди побьены.

И пригна во град Резань, и видѣ град разоренъ, государи побиты, и множества народа лежаща: ови побьены и посѣчены, а ины позжены, ины в рецѣ истоплены. Еупатий воскрича в горести душа своея и разпалаяся въ сердцы своем. И собра мало дружины тысящу семсот человек, которых Богъ соблюде — быша внѣ града.

И погнаша во след безбожнаго царя, и едва угнаша его в земли Суздалстей. И внезапу нападоша на станы Батыевы, и начаша сѣчи без милости, и сметоша яко всѣ полкы татарскыа. Татарове же сташа яко пианы или неистовы. Еупатию тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля татарскыа мечи и сѣчаша их. Татарове мняша, яко мертви восташа! Еупатий силныа полкы татарьскыа проеждяя, бьяше их нещадно. И ездя полком татарскым храбро и мужественно, яко и самому царю возбоятися.

И едва поимаша от полку Еупатива пять человекъ воиньскых, изнемогших от великых ран. И приведоша их къ царю Батыю. Царь Батый нача вопрошати: «Коеа вѣры еста вы и коеа земля? И что мнѣ много зла творите?» Они же рѣша: «Вѣры христианскыя есве, раби великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Еупатиева Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя, силна царя, почтити, и честна проводити, и честь тобѣ воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу — рать татарьскую». Царь же подивися отвѣту их мудрому.

И посла шурича своего Хостоврула[30] на Еупатиа, а с ним силныа полкы татарскыа. Хостоврулъ же похвалися пред царем, хотя Еупатия жива пред царя привести. И ступишася силныа полкы татарскыа, хотя Еупатиа жива яти. Хостоврул же сьехася сь Еупатием. Еупатей же, исполин силою, и разсѣче Хостоврула на полы до седла. И начаша сѣчи силу татарскую, и многих тут нарочитых багатырей Батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла краяше.

Татарове возбояшеся, видя Еупатия крѣпка исполина. И навадиша на него множество пороков, и нача бити по нем ис тмочисленых пороков, и едва убиша его. И принесоша тѣло его пред царя Батыа. Царь Батый и

посла по мурзы, и по князи, и по санчакбѣи,[31] и начаша дивитися храбрости, и крѣпости, и мужеству резанскому господству. Они же рекоша царю: «Мы со многими цари, во многих землях, на многихъ бранех бывали, а таких удалцов и резвецов не видали, ни отцы наши възвестиша нам. Сии бо люди крылатыи и не имеюще смерти. Тако крѣпко и мужественно ездя, бьяшеся един с тысящею, а два — с тмою. Ни един от них может съехати жив с побоища!»

Царь Батый и зря на тело Еупатиево и рече: «О Коловрате Еупатие! Гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною! Да многих богатырей сильной орды побил еси, и многие полкы падоша. Аще бы у меня такий служил, держал бых его против сердца своего». И даша тѣло Еупатево его дружине останочной, которые поиманы на побоище. И веля их царь Батый отпустити, ничем вредити.

Князь Ингварь Ингоревич в то время был в Чернигове у брата своего, князя Михаила Всеволодовича Черниговского,[32] Богъмъ соблюден от злаго того отметника, врага христьянскаго. И прииде из Чернигова в землю Резанскую, во свою отчину, и видя ея пусту, и услыша, что братья его всѣ побиены от нечестиваго законопреступника царя Батыа.

И прииде во град Резань, и видя град разорен, а матерь свою, и снохи своа, и сродник своих, и множество много мертвых лежаща, и град разоренъ, церкви позжены, и все узорочье в казне черниговской и резанской взято. Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грѣх ради наших и жалостно воскричаша, яко труба, рати глас подавающе, яко сладкий орган вещаюши, и от великаго кричаниа и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертв. И едва отлеяше его, и носяша по вѣтру. И едва отдохну душа его в нем.

Кто бо не возплачетца толикиа погибели, или хто не возрыдает о селице народе людей православных, или хто не пожалит толико побито великих государей, или хто не постонет таковаго пленения?!

Князь Ингварь Ингоревич, разбирая трупиа мертвых, и наиде тѣло матери своей великия княгини Агрепены Ростиславны, и позна снохи своя. И призва попы из веси, которых Богъ соблюде, и погребе матерь свою, и снохи своа плачем великым во псалмов и пѣсней мѣсто: кричаше велми и рыдаше. И похраняше прочиа трупиа мертвых, и очисти град, и освяти. И собрашася мало людей, и даша имъ мало утешениа. И плачася безпрестано, поминая матерь свою, и братью

свою, и род свой, и все узорочье резанское — вскоре погибе. Сиа бо вся наиде грѣх ради наших.

Сий бо град Резань и земля Резанская! Изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видѣти[33] — токмо дым и пепел. А церкви всѣ погорѣша, а великая церковь внутрь погоре и почернѣша. Не един бо сий град плененъ бысть, но и инии мнози. Не бѣ бо во граде пѣниа, ни звона: в радости мѣсто всегда плач творяще.

Князь Ингварь Ингоревич поиде и гдѣ побьени быша братьа его отъ нечестиваго царя Батыа: великий князь Юрьи Ингорович Резанской, брат его князь Давыдъ Ингоревич, брат его Всеволод Ингоревичь и многиа князи мѣсныа, и бояре, и воеводы, и все воинство — и удалцы и резвецы, узорочие резанское.[34] Лежаша на земли пусте, на травѣ ковыле, снѣгом и ледом померзоша, никим брегома. От зверей телеса их снѣдаема, и от множества птиц разъстерзаемо. Всѣ бо лежаша, купно умроша, едину чашу пиша смертную.

И видя князь Ингварь Ингоревич велия трупиа мертвых лежаша, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в перьси свои рукама биюще, и ударяшеся о земля. Слезы же его от очию, яко поток, течаше. И жалосно вещающи: «О милая моа братья и господие! Како успе, животе мои драгии? Меня единаго оставиша в толице погибели! Про что аз преже вас не умрох? И камо заидесте очию маею? И где отошли есте, сокровища живота моего? Про что не промолвите ко мнѣ, брату вашему, цвѣты прекрасныи, винограде мои несозрѣлыи? Уже не подасте сладости души моей! Чему, господине, не зрите ко мнѣ, брату вашему, не промолвите со мною? Ужели забыли есте мене, брата своего, от единаго отца роженаго и единые утробы честнаго плода матери нашей — великие княгини Агрепѣны Ростиславне, и единым сосцем воздоеных многоплоднаго винограда? И кому приказали есте меня, брата своего? Солнце мое драгое, рано заходящее! Месяци красныи, скоро изгибли есте! Звѣзды возточныа, почто рано зашли есте? Лежите на земли пусте, никим брегома, чьти-славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша! Гдѣ господство ваше? Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пусте, зрак лица вашего изменися во истлѣнии. О милая моя братиа и дружина ласкова! Уже не повеселюсь с вами! Свѣте мои драгие, чему помрачилися есте? Не много порадовахся с вами! Аще услышит Богь молитву вашу, то помолитеся о мнѣ, о брате вашем, да вкупе умру с вами! Уже бо за веселием плач и слезы приидоша ми, а за утѣху и радость сетование и скръбь яви ми ся. Почто аз не преже вас умрох, да бых не видѣл смерти вашея, а своея погибели? Не слышите ли бѣдных моих словес жалостно вещающа? О земля, о земля! О дубравы! Поплачите со мною! Како нареку день той, или како возпишу его — в он же погибе толико господарей и многие узорочье резанское храбрых удалцев. Ни един от

нихъ возвратися вспять, но вси равно умроша, едину чашу смертную пиша. Се бо в горести души моея язык мой связается, уста заграждаются, зрак опусмевает, крѣпость изнемогает!»

Бысть убо тогда многи туги и скорби, и слез и воздыханиа, и страха и трепета от всѣх злых, находящих на ны.

Великий князь Ингварь Ингоревич воздѣ руцѣ на небо, со слезами возва, глаголаше: «Господи Боже мой! На тя уповах, спаси мя, и от всѣх гонящих — избави мя![35] Пречиста владычице Богородице Христа, Бога нашего! Не остави меня во время печали моея! Великие страстотерпы и сродники наши Борис и Глѣбъ! Буди мнѣ помощники, грешному, во бранех! О, братие моа и господие! Помогайте мнѣ во святых своих молитвах на супостаты наши — на агаряне и внуци измаительска рода!»

Князь Ингварь Ингоревич начаша разбирати трупие мертвых, и взя тѣло братьи своей: и великаго князя Георгия Ингоревича, князя Давыда Иньгоревичя Муромского, и князя Глѣба Ингоревича Коломенского, и инех князей мѣсных — своих сродниковъ, и многих бояръ и воевод, и ближних-знаемых, принесе их во град Резань и похраняше их честно. А инех тут на мѣсте на пусте собираше и, надгробное пѣша, похраняше.

Князь Ингварь Ингоревича и поиде ко граду Проньску, и собра раздробленыи уды брата своего — благовѣрнаго и христолюбиваго князя Ольга Ингоревича, и несоша его во град Резань, а честную его главу сам князь велики Ингварь Иньгоревич и до града понеси, и целова ю любезно. Положиша его с великим князем Юрьем Ингоревичем во единой раце.[36] А братью свою — князя Давыда Ингоревича да князя Глѣба Иньгоревича, положиша у него близ гроба во единой рацѣ.

Поиде же князь Ингварь Ингоревичь на реку на Воронеж, иде убьен бысть князь Федор Юрьевич Резанский. И взя честное тѣло его, и плакася над ним на долгъ час, и принесе во область его — к великому чюдотворцу Николе Корсунскому. И его благовѣрьную княгиню Еупраксѣю, и сына их князя Ивана Федоровича Посника *похраниша* в во едином мѣстѣ. И поставиша над ними кресты камены. И от сея вины да зовется великий чюдотворець Николае Заразский, яко благовѣрная княгиня Еупраксѣа и с сыном своим князем Иваном сама себе заразі.

Сии бо государи рода Владимера Святославича, сродника Борису и Глѣбу, внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговьского. [37] Бяше родом христолюбивыи, братолюбивыи, лицем красны, очима светлы, взором грозны, паче мѣры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим привѣтливы, к церквам прилежны, на пированье тщивы, до осподарьских потех охочи, ратному дѣлу вельми искусны, к братье своей и ко их посолником величавы.

Мужествен умъ имѣяше, в правде-истине пребываста, чистоту душевную и телесную без порока соблюдаста. Святого корени отрасли и Богом насажденаго сада цвѣты прекрасныи, воспитани быша въ благочестии со всяцем наказании духовнем. От самых пеленъ Бога возлюбили, о церквах Божиих вельми печашеся. Пустошных бесѣд не творяще, срамных человекъ отвращашеся, а со благыми всегда бѣсѣдоваша, Божественых писаниих всегда во умилении послушаше.

Ратным во бранех страшениа ивляшеся, многия враги, востающи на них, побежаша, и во всех странах славна имя имуща. Ко греческим царем велику любовь имуща и дары у нихъ многи взимаша.

А по браце целомудрено живяста, смотряющи своего спасениа. В чистой совести, и крѣпости, и разума придерьжа земное царство и к небесному приближаяся. Плоти угодие не творяще, соблюдающи тѣло свое по браце греху непричасна. Государьский сан держа, а посту и молитве прилежаста и кресты на рамѣ своем носяща. И честь и славу от всего мира приимаста. А святыа дни святого поста честно храняста, а по вся святыа посты причащастася святых пречистых бесмертных таин.

И многи труды и побѣды по правой вѣре показаста. А с погаными половцы[38] часто бьяшася за святыа церкви и православную вѣру. А отчину свою от супостатъ велми без лѣности храняща. А милостину неоскудно даяша, и ласкою своею многих от невѣрных царей, детей их и братью к собѣ приимаста, и на вѣру истиную обращаста.[39]

Благовѣрный во святом крещении Козма сяде на столе отца своего великаго князя Ингоря Святославича. И обнови землю Резаньскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришельцы утѣши, и люди собра. И бысть радость христианом: их же избави Богъ рукою своею крѣпкою от безбожнаго царя Батыя.

А кир Михайло Всеволодовича Пронского[40] посади на отца своего отчине.

---

[1] *...на рѣце на Воронеже...*— Река Воронеж, левый приток Дона, была южной границей Рязанского княжества с Половецкой степью.

[2] *И присла на Резань...*— Город Рязань был основан (по археологическим данным) в X веке, впервые упоминается в летописи под 1096 г. Стоял на крутом берегу реки Оки километрах в пяти от устья реки Прони. По данным раскопок А. Л. Монгайта неоднократно разрушался и горел и после 1237 г. В 1372 г., в отместку за отбиваемые князем Олегом Ивановичем полоны и постоянное вооруженное сопротивление монголо-татарам, совместными силами татар и московского князя Дмитрия Ивановича (будущего Донского) Рязань была сожжена до тла, восстановить ее оказалось невозможным. Столица Рязанского княжества была перенесена в Переяславль Рязанский (современную Рязань).

[3] *...Юрью Ингоревичю Резанскому...*— По летописям известен Юрий Игоревич, сын рязанского князя Игоря Глебовича. Впервые он упоминается в летописи в 1207 г., когда он, его брат Ингварь Игоревич, князья Роман и Святослав по приказу Всеволода Юрьевича Владимирского были захвачены и сосланы во Владимир. Освобождены в 1212 г., после смерти Всеволода. Причины ссылки рязанских князей неясны. С сыном Всеволода Юрием у них были дружеские отношения: в 1217 г., после предательского умерщвления на пиру братьев Изяслава, Романа, Святослава, Ростислава, Глеба и Михаила Глебом Владимировичем, именно Юрий Всеволодович помог Ингварю Игоревичу изгнать из Рязани братоубийцу. После смерти Ингваря Игоревича в 1220 г. рязанским князем стал Юрий Игоревич.

[4] *...Георгию Всеволодовичю Владимерскому...*— великий князь владимирский Георгий (Юрий) Всеволодович, сын великого князя Всеволода III Юрьевича («Большое Гнездо»). Погиб в битве с войсками Батыя на реке Сить.

[5] *...Давыда Ингоревича Муромского...*— В дошедших до нас летописных источниках сведений о Давыде Ингоревиче нет. Муромское и Рязанское княжества до конца XIII в. были тесно связаны: муромские и рязанские князья имели общего родоначальника — Святослава Ярославича, с конца XII в. имели общую епископию. До 1228 г. муромским князем был Давыд Юрьевич, потом — его сын Юрий. Родные и двоюродные братья подчинялись ему как старшему.

[6] *...Глѣба Ингоревича Коломенского...*— По летописям Глеб Ингоревич неизвестен. Коломна (впервые упоминается в летописи под

1117 г.) входила в состав Рязанского княжества и была оплотом против Владимиро-Суздальского княжества. Возможно, сообщение о появлении в братском войске рязанцев муромского и коломенского князей имело публицистическое значение: в 1270-х гг. Муром окончательно отошел от Рязанского княжества, а борьба за Коломну с Владимиро-Суздальским княжеством велась с 1162 г. После разгрома Рязани Ярослав Всеволодович Владимирский дважды предпринимал попытку присоединить Коломну к Владимирскому княжеству. Борьба за Коломну с владимирскими Всеволодовичами трагически завершилась убийством Константина Рязанского Юрием Московским в 1319 г. Возможно, подчеркнутая братская связь между Муромом, Рязанью и Коломной была призвана напомнить о единстве Рязанской земли.

[7] *...Олга Краснаго...*— Ниже он назван Олегом Ингоревичем Красным (т. е. Красивым). По Повести — брат Юрия Ингоревича (Игоревича). В действительности он был, по-видимому, не братом, а племянником Юрия (сыном Ингваря), упоминаемым в летописях под 1252 и 1258 гг., хотя в жалованной грамоте Олега Ивановича (Акты исторические, т. I. СПб., 1841, № 2, с. 2) Олег поставлен наряду с Ингварем и Юрием как с братьями: «...коли ставили во первых прадеди наши святую Богородицю, князь великий Инъгвар, князь Олег, князь Юрьи».

[8] *...Всеволода Проньского...*— очевидно, Всеволод Глебович Пронский — сын князя рязанского Глеба Ростиславича, отец кир Михаила Пронского. Однако по летописи Всеволод Пронский погиб значительно раньше — в 1208 г.

[9] *...нечестиваго подобает утоляти дары.*— Ср. «Аще дасться время мучителю, то дарми его укротим» — слова Василия Великаго (Житие Василия Великого.— *ВМЧ*. М., 1910, I, 1—6).

[10] *...нача просити у рязаньских князей тщери или сестры собѣ на ложе.*— Требование Батыя в Повести отражает древнейшие (со времен Римской империи) представления о праве победителя, получавшего не только имущество, но и власть над семьей побежденного. Федор был прислан к Батыю «з дары» (как к равному), а Батый настаивает на признании себя победителем. Таким образом, данный эпизод не столько «романический», сколько героический.

[11] *...Апоница...*— Имя пестуна Федора Апоница (в некоторых поздних списках — «Аполоница») автор брошюры «Чудотворный образ Николая Зарайского» (М., 1860) связывает с селением «Апоничищи» близ Заранска, предполагая в основе рассказа об Апонице местную легенду.

[12] *...с великою княгинею...*— «Великая княгиня» — мать Юрия Ингоревича Агриппина Ростиславовна, имя которой упоминается в Повести далее. В летописях о ней ничего не говорится.

[13] *Изми нас от враг наших, Боже, и от востающих на ны избави нас...* — Ср. «Изми мя от враг моих, Боже, и от востающих на мя избави мя» (Пс. 58, 2).

[14] *...и покрый нас от сонма лукавнующих...*— Ср. «Покрый мя от сонма лукавнующих» (Пс. 63. 3).

[15] *...и от множества творящих безаконие.*— Ср. «Избави мя от творящих беззаконие» (Пс. 58. 3).

[16] *Буди путь их тма и ползок!* — Ср.: «Да будет путь их тма и ползок!» (Пс. 34, 7). Молитва князя Юрия Ингоревича затем часто включалась в другие воинские повествования (см. «Сказание о Мамаевом побоище», напр.).

[17] *Аще от руки Господня благая прияхом, то злая ли не потерпим?* — Ср.: «Аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим?» (Иов. 2, 10). Иов произнес эти слова после известия о гибели скота и урожая, когда были еще живы его дети. Юрий Ингоревич — после гибели сына, невестки и внука.

[18] *...великаго князя Ингоря Святославича...*— Кто такой Ингорь (Игорь) Святославич — неясно. Рязанские князья — потомки Игоря Ольговича (ум. в 1194 г). Возможно, Игорь Ольгович эпически переосмыслен здесь как Игорь Святославич — герой «Слова о полку Игореве»; художественные традиции этого произведения легко могли перейти в Рязанскую землю через соседнюю Черниговщину.

[19] *...в церковь... Успениа.*— Каменный рязанский Успенский собор, остатки которого обнаружены еще раскопками 1836 г., был, по-видимому, построен при учреждении в Рязани епископской кафедры — между 1187 и 1207 гг. Он был украшен снаружи резным камнем, внутри — фресками и довольно значителен по размерам.

[20] *...епископа...*— По летописным источникам известно, что епископа в тот момент в городе не было.

[21] *...тмою.*— Тьма в монголо-татарском войске — 10000 человек.

[22] *...Прънескъ...*— город Пронск на реке Прони. В летописях впервые упоминается под 1186 г., когда его осадили войска суздальцев. К этому времени в Пронске уже существовали крепостные стены. Вторично подвергся осаде в 1207 г. Из летописного рассказа явствует, что в нем имелись крепостные сооружения. Исследования археологов установили, что крепость стояла на длинной и узкой площадке, ограниченной с одной стороны крутым скатом горы, а с другой — оврагами.

[23] *...град Бѣл...*— Белгород в Рязанской земле, ныне — Белгородище, недалеко от Венева. В летописях упоминается только один раз — под 1155 г. в связи с убийством в нем тысяцкого Андрея Глебовича. После нашествия Батыя не возродился.

[24] *...Ижеславець...*— В летописях не упоминается и после нашествия Батыя не возродился. Д. Иловайский предполагал, что этот город

находился к северо-востоку от Старой Рязани близ устья реки Пры (Иловайский Д. История Рязанского княжества. М., 1858, с. 105).

[25] *...страстоположник Стефан...*— святой Стефан, мученик, побитый камнями за отстаивание христианской веры (I в.). Олег сравнивается с первомучеником, так как первым из русских князей, по Повести, гибнет за веру. На самом деле известно, что Олег Ингваревич возвратился из Орды «на свою отчину» в 1252 г., а умер в 1258 г. (см. Лаврентьевскую, Симеоновскую, Воскресенскую, Никоновскую летописи). В Орде был замучен сын Олега, Роман, в 1270 г. В Повести не говорится о гибели Романа Ингоревича, посланного за помошью во Владимир и участвовавшего в битве с Батыем на земле Владимирского княжества. Обстоятельства его гибели по летописным источникам неизвестны.

[26] *...богатство резанское и сродник их киевское и черъниговское...*— Старинные связи Рязани с Черниговом и Киевом подтверждаются и археологическим материалом. Б. А. Рыбаков отмечал, что «в Старой Рязани в составе клада 1868 г. найдены тонкие тисненые бляшки, оттиснутые на одном штампе с бляшками из Киевского княжества (Княжья Гора) и из клада близ Чернигова (Святое озеро). Кроме того, там же есть серебряные тисненые колты с чернью, близкие к работе черниговских мастеров и представляющие единичную находку в рязанских древностях». (Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948, с. 453). Это объясняется существовавшими родственными связями между рязанскими, киевскими и черниговскими князьями: так, князь Роман Глебович Рязанский, боровшийся за независимость Рязанского княжества от Владимиро-Суздальской земли, был женат на дочери Святослава Всеволодовича Черниговского (героя «Слова о полку Игореве»), а его брат Ярослав Глебович — на дочери Рюрика Ростиславича Киевского.

[27] *...поиде на град Суздаль и Владимеръ...* — От Рязани войска Батыя двинулись на Владимир окружным путем — через Коломну и Москву, чтобы отрезать Юрию Всеволодовичу Владимирскому пути к отступлению. Под Коломной Батый разбил часть войск Юрия Всеволодовича. Захватив Москву, он направился на Владимир. 3 февраля 1238 г. началась осада города. Одновременно посланный Батыем отряд захватил Суздаль. 7 февраля Владимир пал.

[28] *...Еупатий Коловрат...*— Евпатий Коловрат нигде более не упоминается. В некоторых редакциях ему дано отчество — «Львович».

[29] *...Ингварем Ингоревичем...*— Ингварь Ингоревич (Игоревич) — брат Юрия Ингоревича Рязанского: в Повести говорится о том, что он нашел тело матери своей Агриппины Ростиславовны — она же по Повести и мать Юрия. Н. М. Карамзин считал Ингваря сыном Юрьева брата Ингваря (см.: История государства Российского, т. 3, гл. VIII, примеч. 358). Эту точку зрения поддерживали Д. Иловайский, А. Экземплярский и А. Пресняков. В. Л. Комарович предполагал в князе Ингваре Ингваревиче инициатора создания рязанского летописного свода, частично дошедшего до нас в составе Новгородской первой, Ростовской и Галицко-Волынской летописей.

[30] *...шурича своего Хостоврула.*— В русских и монгольских источниках Хоставрул (в других редакциях — Таврул) не упоминается.

[31] *...санчакбѣи...*— тюркское слово, означающее знаменосца («санчак» — знамя), военачальника.

[32] *...у брата своего... Михаила Всеволодовича Черниговского...*— О родственных связях черниговских и рязанских князей в начале XIII в. по летописным источникам ничего неизвестно. О Михаиле Всеволодовиче см.: Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора и коммент. к нему.

[33] *Изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видети...*— Ср. «И се святая наша, и красота наша, и слава наша опусте» (I Кн. Макк. 2, 12).

[34] *Узорочие резанское.*— Узорочьем в древнерусской традиции назывались драгоценные украшения — произведения искусства златокузнецов. В Повести главным украшением Рязани названо погибшее воинство, что развивает образ, появившийся в «Слове о полку Игореве», где погибшие дружинники названы богатством, рассыпанным русским золотом.

[35] *Господи Боже мой! На тя уповах, спаси мя, и от всѣх гонящих — избави мя!* — Ср.: «Господи Боже мой, на тя уповах, спаси мя, от всех гонящих мя избави мя» (Пс. 7. 2—3).

[36] *...во единой раце.*— По летописям известно, что Олег Ингваревич был похоронен в 1258 г. в церкви Спаса.

[37] *...рода Владимера Святославича... внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговьского.*— Рязанские князья — потомки Владимира I Святославича через его правнука Ярослава Святославича (ум. в 1129 г.; сын Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, младший брат знаменитого Олега «Гориславича» Черниговского). Возведение генеалогии рязанских князей к Святославу Ольговичу Черниговскому или Киевскому (отцу Игоря Святославича — героя «Слова о полку Игореве») не верно, но, возможно, отражает стремление возвести род рязанских князей к Игорю Новгород-Северскому.

[38] *...с погаными половцы...*— Рязань, пограничное княжество, было щитом Руси от половецких набегов, потому сражения с половцами были делом привычным.

[39] *...и ласкою своею многих от невѣрных царей... на вѣру истиную обращаста.*— Имеются в виду «аманаты» (заложники из детей знатных родов), которых русские князья брали у степных народов для предотвращения набегов и выполнения ими мирных договоренностей.

[40] *...Михайло Всеволодовича Пронского...*— Михаил Всеволодович (кир Михаил) был убит своим двоюродным братом Глебом в 1217 г. О его потомках ничего не известно.

ПЕРЕВОД

В 6745 (1237) году, через двенадцать лет по принесении из Корсуня чудотворного образа, пришел безбожный царь Батый на Русскую землю со множеством воинов татарских и стал станом на реке на Воронеже, близ Рязанской земли. И прислал в Рязань к великому князю Юрию Ингоревичу Рязанскому послов без пользы для дела, прося десятины во всем: в князьях, и в людях всех сословий, и во всем.

И услышал великий князь Юрий Ингоревич Рязанский о приходе безбожного царя Батыя, и быстро послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него либо помощи воинами против безбожного царя Батыя, либо чтобы он сам войска привел. Князь же великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам войско не повел, и на помощь воинов не послал, желая сам, в одиночку, сразиться с Батыем.

И узнал великий князь Юрий Ингоревич Рязанский, что нет помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и быстро послал за своими братьями: за князем Давыдом Ингоревичем Муромским, и за князем Глебом Ингоревичем Коломенским, и за Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским и за другими князьями. И начали советоваться, и решили, что нечестивого надлежит утолить дарами.

И послал <князь Юрий> сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и великими мольбами не воевать Рязанской земли. Князь Федор Юрьевич пришел на реку Воронеж к царю Батыю и принес ему дары и молил царя, чтобы не воевал он Рязанской земли. Безбожный царь Батый, будучи лжив и немилосерд, принял дары и неискренне обещал не ходить войною на Рязанскую землю. И грозился-хвалился воевать землю Русскую.

И начал просить у рязанских князей дочери или сестры себе на ложе. И кто-то из рязанских вельмож из зависти нашептал безбожному царю Батыю, что князь Федор Юрьевич Рязанский имеет княгиню царского рода, прекрасную собой. Царь Батый, лукавый и немилостивый по своему язычеству, обуреваем плотской страстью, сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, князь, познать красоту твоей жены!» Благоверный князь Федор Юрьевич Рязанский засмеялся и сказал царю: «Не годится нам, христианам, приводить тебе, нечестивому царю, своих женщин на блуд,— когда нас одолеешь, тогда и будешь властен над нашими женщинами».

Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и сразу же приказал убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его повелел бросить зверям и птицам на растерзание, и иных князей и посольских воинов убил.

И уберегся один из дядек князя Федора Юрьевича по имени Апоница, и глядя на блаженное тело, почестей достойного своего господина, и видя его брошенным, горько плакал, и взял любимого своего государя и похоронил тайно.

И поспешил к благоверной княгине Евпраксии и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича. Благоверная княгиня Евпраксия <тогда> стояла в превысоком тереме своем и держала <на руках> любимое дитя свое князя Ивана Федоровича. И услышав столь смертоносные, полные горя слова, кинулась тут из превысокого своего терема с сыном своим князем Иваном на землю и разбилась насмерть.

И услышал великий князь Юрий Ингоревич об убийстве любимого сына своего князя Федора, других князей, людей посольских многих, убитых по приказу безбожного царя, и начал плакать, и с великою княгинею, и с прочими княгинями, и с братьями. И плакал весь город долго, и едва в себя пришли от великого того плача и рыдания.

И начал собирать войско и расставлять полки. Князь великий Юрий Ингоревич, видя братьев своих, и бояр, и воевод, храбро и мужественно гарцующих <верхом>, воздел руки к небу и со слезами сказал: «Огради нас от врагов наших, Боже, и от восстающих на нас избави нас, и спаси нас от сонма лукавствующих и от множества творящих беззаконие. Да будет путь их темен и скользок!»

И сказал своим братьям: «О господа мои и братья! Если мы от руки Господней приняли доброе, то не стерпим ли и злое? Лучше нам смертью вечной жизни достигнуть, чем быть во власти язычников. И я, брат ваш, прежде вас изопью чашу смертную за святые Божий церкви, и за веру христианскую, и за отчину предка нашего Игоря Святославича!»

И пошел в церковь — в церковь славного Успения пресвятой владычицы Богородицы. И плакал много и молился пред образом пречистой Богородицы, и великого чудотворца Николы, и сродников своих Бориса и Глеба. И совершил обряд прощания с великой княгиней Агриппиной Ростиславовной и принял благословение от епископа и от всего священного собора.

И вышел против нечестивого царя Батыя и встретил его близ границ рязанских. И напал на Батыя, и начали биться с упорством и мужеством. И была сеча жестока и ужасна, и многие воины сильных Батыевых полков пали. И увидел царь Батый, что воинство рязанское беззаветно и мужественно сражается, и испугался. Да против гнева Божия кто устоит? А у Батыя войск великое множество: один <рязанец> бьется с тысячей, а два — со тьмою. Увидел князь великий гибель <в бою> брата своего Давыда Ингоревича и воскликнул: «О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, раньше нас чашу смертную испил, а мы ли этой чаши не пьем?!» Поменяли коней и начали биться усердно, со многими сильными полками Батыевыми воюя, храбро и мужественно сражаясь, так что все войска татарские подивились твердости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские.

Здесь убит был благоверный князь великий Георгий Ингоревич, брат его князь Давыд Ингоревич Муромский, брат его князь Глеб Ингоревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие рязанские князья и мужественные воеводы, и воинство — удальцы и резвецы рязанские. Все заодно погибли, и одну на всех чашу смертную испили. Ни один из них не вернулся назад, но все вместе мертвыми полегли. И все это Бог наслал за грехи наши.

А князя Олега Ингоревича захватили едва живого.

Царь же, видя гибель многих своих полков и из числа богатырей татарских много убитых, начал сильно скорбеть и ужасаться. И начал воевать Рязанскую землю, повелев бить, и сечь, и жечь без милости. И город Пронск, и город Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей убил без милости. И текла кровь христианская, как река полноводная, из-за грехов наших.

Царь Батый, увидав князя Олега Ингоревича, столь прекрасного и храброго, изнемогающего от тяжких ран, захотел его излечить от тех ран и к вере своей склонить. Князь же Олег Ингоревич укорил царя

Батыя и назвал его безбожным и врагом христиан. Окаянный же Батый и дохнул огнем мерзкого сердца своего и повелел, чтобы Олега рассекли ножами на части. Этот Олег — второй первомученик Стефан, принял венец своего страдания от всемилостивого Бога и испил чашу смертную со своими братьями наравне.

Царь Батый окаянный стал воевать Рязанскую землю и пошел к городу Рязани. И обступили город, и начали биться пять дней не отступая. Воины Батыева войска переменялись и отдыхали, а горожане бились бессменно. И многих горожан убили, а других ранили, а иные от долгой битвы обессилели.

А в шестой день рано утром пришли язычники к городу, одни — с факелами, а иные — со стенобитными орудиями, а иные — со множеством лестниц. И взяли город Рязань в декабре месяце в 21 день. И пришли в соборную церковь Успения пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину — мать великого князя, и со снохами, и с прочими княгинями изрубили мечами, а епископа и священнослужителей предали огню — в святой церкви сожгли; и иные многие пали от оружия, и в городе многих людей и с женами, и с детьми мечами изрубили, иных — в реке утопили. И иереев, монахов — до последнего изрубили. И весь город сожгли, и все сокровища прославленного златокузнечного мастерства, и богатства рязанских государей и сродников их черниговских и киевских захватили. И храмы Божий разорили и в святых алтарях много крови пролили.

И не осталось во граде ни одного живого, все заодно погибли и одну на всех чашу смертную испили. Не осталось там ни стонущего, ни плачущего: ни отца и матери по детям, ни ребенка по отцу и по матери, ни брата по брату, ни по родным, но все вместе мертвыми лежали. И все это случилось за грехи наши!

Безбожный царь Батый, увидав великое кровопролитие христианское, еще больше разъярился и ожесточился. И пошел на города Суздаль и Владимир, желая Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви Божий до основания разорить.

И один из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове вместе с князем Ингварем Ингоревичем. И услышал он о нашествии верного злу царя Батыя, и уехал из Чернигова с малою дружиною, и мчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустошенной: грады раззорены, церкви сожжены, люди убиты.

И примчался в город Рязань и увидел, что город разорен, государи убиты и множество народа полегло: одни убиты мечом, а другие сожжены, иные в реке утоплены. Евпатий закричал в горести души своей и разгораясь сердцем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которые Богом сохранены были вне города.

И помчались вслед за безбожным царем, и едва смогли догнать его в Суздальской земле. И внезапно напали на отдыхавшее войско Батыево, и начали сечь без милости, и внесли смятение во все полки татарские. Татары стали как пьяные или обезумевшие. Евпатий так бился беспощадно, что и мечи притупились, и выхватывал <он мечи> татарские, и рубился ими. Татары думали, что это мертвые воскресли! Евпатий на полном скаку сражался с сильными полками и бил их беспощадно. И сражался с войсками татарскими так храбро и мужественно, что и сам царь испугался.

И едва удалось татарам захватить пятерых тяжело раненных воинов. И привели их к царю Батыю. Царь Батый и начал выспрашивать: «Какой вы веры и какой земли? И за что мне много зла сотворили?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, слуги великого князя Юрия Ингоревича Рязанского, а воины Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингоревича Рязанского тебя, могучего царя, почтить, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же удивился ответу их мудрому.

И послал сына шурина своего — Хостоврула, против Евпатия, а с ним и много войск татарских. Хостоврул же похвастался царю, что живым Евпатия к царю приведет. И окружили всех большие силы татарские, желая захватить Евпатия живым. Хостоврул же вступил в единоборство с Евпатием. Евпатий, богатырь силою, рассек Хостоврула надвое до самого седла. И начал сечь войско татарское и многих известных богатырей Батыевых побил, одних надвое рассекая, а иных до седла раскроил.

Татары перепугались, видя, что Евпатий богатырь-исполин. И навели на него бесчисленное множество стенобитных орудий, и начали по нему бить из них, и с трудом убили его. И принесли тело его пред царя Батыя. Царь Батый послал за мурзами, и за князьями, и за санчакбеями, и все стали дивиться храбрости, и силе, и мужеству рязанского воинства. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвецов

не видали, ни отцы наши не поведали нам о таких. Ибо это люди крылатые и не имеющие <страха> смерти. Так храбро и мужественно они сражались: один бился с тысячей, а два — со тьмою. Никто не смог уйти от них живым со сражения!»

Царь Батый, глядя на тело Евпатия, сказал: «О Евпатий Коловрат! Здорово ты меня попотчевал с малою своею дружиною! Многих богатырей сильной орды убил, и много войск пало. Если бы у меня такой служил, любил бы его всем сердцем». И отдал тело Евпатиево оставшимся в живых из его дружины, которые были захвачены в бою. И велел их царь Батый отпустить, не причинять никакого вреда.

Князь Ингварь Ингоревич в то время был в Чернигове у брата своего, князя Михаила Всеволодовича Черниговского, Богом сохранен от злого того отвергающего Бога врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, во владения отцов своих, и увидел ее опустевшей, и узнал, что все его братья убиты нечестивым, преступившим Божеские законы царем Батыем.

И пришел он в город Рязань, и увидел град разорен, а мать свою, и снох своих, и родных, и великое множество людей мертвыми лежащих, и стены разорены, церкви сожжены, и все сокровища из казны черниговских и рязанских князей расхищены. И увидел князь Ингварь Ингоревич, что пришла великая конечная погибель из-за грехов наших, и с жалостью <сердечной> вскричал, словно труба, подающая знак к началу битвы, словно сладкозвучный орган причитая. И от великого крика и вопля страшного лежал на земле, словно мертвый. И едва отлили его водою и носили на ветру. И едва вернулось к нему дыхание.

Ибо кто не расплачется при такой погибели, или кто не возрыдает о столь многом числе людей православных, или кто не пожалеет о стольких убитых государях, или кто не будет стонать о таком завоевании!

Князь Ингварь Ингоревич, разбирая тела мертвых, нашел тело матери своей, великой княгини Агриппины Ростиславовны, и узнал снох своих. И призвал священников из деревень, которых Бог сберег, и похоронил мать свою, и снох своих с плачем великим вместо псалмов и пения церковного: кричал сильно и рыдал. И похоронили все тела мертвых, и убрали город, и освятили. И собралось мало людей, и дал им князь мало утешения. И плакал он беспрестанно, вспоминая мать свою, и братьев

своих, и родных, и все узорочье рязанское — разом погибли. Ибо все это пришло за грехи наши.

О, сей град Рязань и земля Рязанская! Исчезла красота ее, и отошла слава ее, и нет в ней ничего доброго для взора — только дым и пепел. И церкви все сгорели, а великая церковь внутри выгорела и почернела. И не один только этот город пленен был, но и иные многие. Не было в городе ни пения <церковного>, ни звона <колокольного>: вместо радости все постоянно плакали.

Князь Ингварь Ингоревич пошел туда, где убиты были братья его нечестивым царем Батыем: великий князь Юрий Ингоревич Рязанский, брат его князь Давыд Ингоревич, брат его Всеволод Ингоревич и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и все воинство — удальцы и резвецы, узорочье рязанское. Лежали они на земле пустынной, на траве ковыле, снегом и льдом померзшие, никем не оберегаемы. Тела их зверьми поедены и множеством птиц растерзаны. Все <здесь> лежали, вместе погибли, одну на всех чашу смертную испили.

И увидел князь Ингварь Ингоревич множество тел мертвых лежащих, и вскричал горестно сильным голосом, словно звук трубы разрастающимся, и бия в грудь свою руками, упал на землю. Слезы же его из очей потоком текли. И с жалостью приговаривал: «О милые мои братья и воинство! Как погибли, жизни мои дорогие? Меня единственного оставили в такой погибели! Почему я прежде вас не умер? И куда вы скрылись, от очей моих? И куда отошли, сокровища жизни моей? Почему не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои несозревшие! Уже не усладите души моей! Зачем, господа мои, не посмотрите на меня, брата вашего, не поговорите со мною? Неужели забыли меня, брата своего, от одного отца рожденного, единоутробного <с вами> из честного потомства матери нашей, великой княгини Агриппины Ростиславовны, одной грудью вскормленного, <одного из> многоплодного сада? И на кого оставили меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано зашедшее! Месяцы прекрасные, быстро загубленные! Звезды восточные, зачем рано зашли? Лежите на земле пустынной, никем не оберегаемы, чести-славы ни от кого не принимаете! Изменилась слава ваша! Что власть ваша? Многим землям государями были, а ныне лежите на земле пустынной, и облик ваш изменило тление! О милые мои братья и дружина ласковая! Уже не повеселюсь с вами! Светы мои дорогие, зачем мраком покрылись? Недолго радовался я с вами! Если услышит Бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы и я вместе с вами умер! Ибо за весельем — плач и слезы пришли ко мне, а за радостью — сетование и скорбь явились мне. Зачем я не умер прежде вас, тогда не видел бы смерти вашей, а своей погибели? Не слышите ли вы меня, горькие мои слова печально вещающего? О земля-земля! О

дубравы! Поплачьте со мною! Как назову день тот, или как опишу его — тогда погибло столько государей и много узорочья рязанского войска — храбрых удальцов. Ни один из них не вернулся назад, но все равно погибли и одну на всех чашу смертную испили. И сейчас в горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор туманится, мужество теряется!»

И было тогда много печали о мертвых и скорби, и слез и воздыхания, и страха и трепета от всего зла, что пришло на нас!

Великий князь Ингварь Ингоревич воздел руки к небу, и со слезами воззвал, приговаривая: «Господи Боже мой! На тебя уповаю, спаси меня, и от всех преследующих избавь меня! Пречистая владычица Богородица, мать Христа, Бога нашего! Не оставь меня во время печали моей! Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глеб! Будьте мне, грешному, помощниками в битвах! О братья мои и господа мои! Помогайте мне во святых своих молитвах <в сражениях> с супостатами нашими — с агарянами, внуками Измайловыми!»

Князь Ингварь Ингоревич начал разбирать тела мертвых, и взял тела братьев своих: великого князя Георгия Ингоревича, князя Давыда Ингоревича Муромского, и князя Глеба Ингоревича Коломенского, и других князей местных — своей родни, и многих бояр, и воевод, и ближних-знаемых, и принес их в город Рязань, и похоронили их с почестями. А иных — там, на пустынном месте, собрал и, отслужив панихиду, похоронил.

Князь Ингварь Ингоревич пошел к городу Пронску, и собрал рассеченное на части тело брата своего — благоверного и христолюбивого князя Олега Ингоревича, и принес в город Рязань, а славную голову его сам князь великий Ингварь Ингоревич до самого города нес, и целовал ее с любовью. И положил его с великим князем Юрием Ингоревичем в один гроб, а братьев своих — князя Давыда Ингоревича да князя Глеба Ингоревича, положил близ их гроба в одной же гробнице.

Пошел князь Ингварь Ингоревич на реку на Воронеж, туда, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский. И взял славное тело его, и плакал над ним долго, и принес его во владения его — к великому чудотворцу Николе Корсунскому. И его благоверную княгиню Евпраксию, и сына их князя Ивана Федоровича Постника <похоронил> в одном месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине, что сама

разбилась <заразилась> княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном, и прозывается великий чудотворец Николай Заразский.

Эти государи <князья рязанские> — из рода Владимира Святославича, сродники Бориса и Глеба, внуки великого князя Святослава Олеговича Черниговского. Были они из поколения в поколение христолюбивые, братолюбивые, лицом красивы, очами светлы, взором грозны, выше меры храбры, сердцем легки, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церквам прилежны, на пиры быстры, до господских потех охотны, ратному делу очень искусны, к братьям своим и к их послам величавы.

Имея мужественный ум, в правде-истине пребывая, чистоту душевную и телесную без порока сохраняли. Святого корня побеги и Богом насажденного сада цветы прекрасные, воспитаны были в благочестии со всяческим духовным наставлением. От самых пелен Бога возлюбили, о церквах Божиих много пеклись. Пустых бесед не творя, опозоривших себя людей избегая, с добрыми всегда беседовали, и Божественное писание всегда с умилением слушали.

Воинам в битвах ужасными казались, многих врагов, поднявшихся против них, побеждали и во всех странах славное имя имели. Греческих царей очень любили, и дары многие от них получали.

После брака жили воздержанно, ища спасения души. С чистой совестью, силой и разумом правили земным царством, приближаясь к небесному. Не потакая плоти, соблюдали тело свое после брака греху не причастным. Имея сан государей, в посте и молитве были прилежны и несли крест свой на плечах своих. Честь и славу от всего мира принимали. А святые дни святого поста честно соблюдали, и во все посты причащались святых пречистых и бессмертных тайн.

И по правой вере многие деяния и победы показали. А с погаными половцами часто бились за святые церкви и православную веру. И отчину свою от врагов хранили неустанно. И милостыню давали неоскудевающую, и своей лаской многих из неверных повелителей, детей их и братьев привлекали к себе, и обращали в истинную веру!

Благоверный <князь Ингварь Ингоревич>, во святом крещении Косьма, сел на престол отца своего, великого князя Ингоря Святославича. И

заново отстроил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри создал, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам: ибо их избавил Бог рукою своею крепкою от безбожного царя Батыя.

А господина Михаила Всеволодовича Пронского поставил князем на его отчине.

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ В ОРДЕ КНЯЗЯ МИХАИЛА ЧЕРНИГОВСКОГО И ЕГО БОЯРИНА ФЕОДОРА

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева

ВСТУПЛЕНИЕ

Русские князья после покорения Руси монголо-татарами должны были для получения ярлыков на княжение, по вызову хана, для разбора конфликтных ситуаций являться в Орду. Такие посещения ханской ставки подчас имели трагический исход. Именно так закончилось посещение Орды в 1246 г. черниговским князем Михаилом Всеволодовичем — он, вместе со своим боярином Феодором, был убит по приказу хана. Точных сведений о том, зачем ходил в Орду Михаил, у нас нет. Вероятнее всего — для получения ярлыка на Черниговское княжество.

Дочь Михаила Черниговского, княгиня Марья, вдова убитого монголо-татарами в 1238 г. ростовского князя Василька, вместе с сыновьями (один из них, Борис, упоминается в «Сказании об убиении Михаила Черниговского») установила церковное почитание Михаила и Феодора и построила в их честь церковь в Ростове. Тогда же (до 1271 г.— года смерти Марьи) было составлено краткое сказание о Михаиле и его боярине Феодоре. На основе этого краткого сказания позже было создано несколько редакций более пространного повествования о Михаиле Черниговском. Первая из этих редакций — «Слово новосвятою мученику, Михаила князя русскаго и Феодора воеводы перваго въ княжении его», автором которой назван «отец» (т. е. священник) Андрей, была написана не позже конца XIII в. В «Слове новосвятою мученику...», как и в первоначальном кратком сказании и во всех остальных редакциях этого произведения, гибель Михаила и его боярина Феодора трактуется как гибель за христианскую веру. Такое осмысление убийства черниговского князя в Орде в условиях монголо-татарского господства носило характер политического протеста. Благодаря этому рассказ о гибели русского князя, не покорившегося

воле «поганых» и пожертвовавшего своей жизнью за чистоту христианства, приобретал общерусскую патриотическую окраску.

Текст «Слова новосвятою мученику...» публикуется по списку пергаменного сборника XIV—XV вв.: *РНБ*, Софийское собрание, № 1365, лл. 192—195 об. Исследование сказаний о Михаиле Черниговском и публикацию текстов см. в кн.: Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

ОРИГИНАЛ

СЛОВО НОВОСВЯТОЮ МУЧЕНИКУ, МИХАИЛА КНЯЗЯ РУССКАГО[1] И ФЕОДОРА ВОЕВОДЫ ПЕРВАГО ВЪ КНЯЖЕНИИ ЕГО. СЛОЖЕНО ВЪКРАТЦѢ НА ПОХВАЛУ СВЯТЫМА ОТЦЕМЬ АНДРЕЕМ[2]

В лѣто 6746 бысть нахожение поганых татаръ на землю христьянскую гнѣвомь Божиимъ за умножение грѣхъ ради. Овии убо затворяхуся въградѣхъ, Михаилу же бѣжавшю во Угры, инии же бѣжаша в земли дальнии, инии же крыяхуся в пещерахъ и в пропастех земныхъ. А иже въ градѣхъ затворишася, ти исповѣданиемь и со слезами Богу молящеся, тако от поганыхъ немилостивно избьени быша, а инии же крыяхуся в горахъ и в пещерах и в пропастехъ и в лѣсѣхъ, мало от тѣхъ остася. Тѣх же нѣ по колицѣхъ времянѣхъ осадиша въ градѣх, изочтоша я в число и начаша на них дань имати татарове.

Слышавше же се иже бяху ся разбѣгли на чюжи земли, и взвратишася князи и вси людие на свои земли, что ихъ избыло ся. Начаша ихъ звати татарове нужею, глаголаще: «Не подобаеть жити на земли канови и Батыевѣ, не поклонившеся има». Мнози бо ѣхаша и поклонишася канови и Батыеви.[3]

Обычай же имяше канъ и Батый: аще убо приѣдеть кто поклонится ему, не повелѣваше первое привести предъ ся, но приказано бяше волхвомъ вести сквозѣ огнь и поклонитися кусту и идолом. А иже с собою что приношаху дары цесареви, от всего того взимающе волсви, вмѣтахуть первое во огнь, тоже пред цесаря пущахуть самѣхъ и дары. Мнози же князи с бояры своими идяху сквозѣ огнь и покланяхуся солнцю и кусту и идолом славы ради свѣта сего и прашаху кождо ихъ власти. Они же безъ взбранения даяхуть имъ, кто которыя власти хотяше, да прелстятся славою свѣта сего.

Блаженому же князю Михаилу пребывающю в Черниговѣ, видя многи прелщающася славою свѣта сего, посла Богъ благодать и даръ Святаго

Духа на нь и вложи ему въ сердце ѣхати предъ цесаря и обличити прелесть его, ею же лстить крестьяны. Блаженый же князь Михаилъ разгорѣвся благодатию Божиею, хотя ѣхати къ Батыеви. И, приѣха къ отцю своему духовному, повѣда ему глаголя: «Хощю ѣхати къ Батыеви». И отвѣща ему отець: «Мнози ѣхавше и створиша волю поганаго, прелстишася славою свѣта сего, идоша сквозѣ огнь и поклонишася кусту и идоломъ, и погубиша душа своя. Но ты, Михаиле, оже хочеши ѣхати, не створи тако: ни иди сквозѣ огнь, ни поклонися кусту, ни идолом ихъ, ни брашна, ни пития ихъ не приими во уста своя. Но исповѣжь вѣру христьянскую, яко не достоить христьяном ничему же кланятися твари, но токмо Господу Богу Исусу Христу». Михаилъ же глагола ему: «Молитвою твоею, отче, яко же Богъ дасть, тако и будет. Азъ быхъ того хотѣлъ кровь свою пролияти за Христа и за вѣру крестьяньскую». Тако же и Феодоръ глаголаше. И глагола отець: «Вы будета в нынешнѣмь вѣцѣ новосвятая мученика на утвержение инѣмъ, аще тако створита».

Михаилъ же и Феодоръ обѣщастася ему се створити, и благословистася у отца своего. Тогда отець дасть има причастие на путь и, благослави я, опусти рекъ: «Богъ да утвердить ваю и послеть вама помощь, за него же тщитася пострадати». Тогда Михаилъ ѣха в домъ свой и възя от имѣния своего еже на потребу на путь.

Многи же земли преѣхавшю ему и доѣха Батыя. Повѣдаша Батыеви: «Князь великий русский Михаилъ приехалъ поклонится тобѣ». Цесарь же повелѣ призвати волхвы своя. Волхвом же пришедшимъ пред онь, глагола имъ цесарь: «Еже есть по обычаю вашему створите Михаилу князю, потомь приведѣте его предъ мя». Онѣм же шедшимъ к Михаилови и глаголаша ему: «Батый зоветь тя». Он же, поемъ Феодора, и идяше с нимь. И доидоша мѣста, идеже бѣ накладенъ огнь со обѣ странѣ. Мнози же погании идяху сквозѣ огнь, и покланяхуся солнцю и идоломъ. Волсви же хотѣша Михаила вести и Феодора сквозѣ огнь. Михаилъ же и Феодоръ глаголаста имъ: «Недостоить христьяном *ходити* сквозѣ огнь, ни покланятися, емуже ся сии кланяють. Тако есть вѣра христьянская, не покланятися твари, но покланятися Отцю и Сыну и Святому Духу». Михаилъ же глагола Феодорови: «Луче намъ есть не покланятися, емуже ся си кланяют».

Они же, оставлеше ю на мѣстѣ, идеже бѣста приведена, идоша и повѣдаша цесареви: «Михаилъ повелѣния твоего, цесарю, не слушаеть: сквозѣ огнь не идеть, а богомь твоимъ не кланяеться, глаголеть — недостоить христьяном ходити сквозѣ огнь, ни покланятися твари, солнцю и идолом, но токмо кланятися створшему вся си, Отцю и Сыну и Святому Духу». Цесарь же възъярився велми и посла единого от велможъ своихъ, именем Елдегу, и глагола ему: «Рци Михаилови: “Почто повелѣние мое преобидѣлъ еси — богомь моимъ не поклонился

еси? Но отселе едино от двою избери собѣ: или богомь моимъ поклонишися и живъ будеши и княжение приимеши, аще ли не поклонишися богомь, то злою смертью умреши”».

Елдега же приѣхавъ, рече ему: «Тако глаголеть цесарь: “Почто повеление мое преобидѣл еси — богомь моимъ не поклонился еси? И отселе едино от двою избери собѣ: или богомь моимь поклонишися и живъ будеши и княжение свое все приимеши, аще ли не поклонишися богомь, то злою смертью умреши”». Тогда отвѣща Михаилъ: «Тобѣ, цесарю, кланяюся понеже Богъ поручил ти есть царство свѣта сего. А емуже велиши поклонитися,— не поклонюся». Рече ему Елдега: «Михаиле, вѣдая буди — мертвъ еси!» Михаилъ же отвѣща ему: «Азъ того хощю, еже ми за Христа моего пострадати и за православную вѣру пролияти кровь свою».

Тогда глагола ему внукъ его Борисъ, князь ростовский, с плачемъ многимъ: «Господине отче, поклонися!» Тако же и бояре глаголаху: «Вси за тя приимемъ опитемью[4] со всею властию своею». Тогда глагола имъ Михаилъ: «Не хощю токмо именемь христьянъ зватися, а дѣла поганых творити». Егда же глаголаше к нимъ Михаилъ, Феодоръ глаголаше в собѣ: «Еда како ослабѣеть Михаилъ молениемь сихъ, помянувъ женьскую любовь и дѣтей ласкание, и послушаеть сихъ». Тогда, помянувъ Феодоръ слово отца своего, и рече: «Михаиле, помниши ли слово отца наю, иже учаше насъ от святаго Еуангелиа? Рече Господь: “Иже хощеть душю свою спасти, погубить ю, а иже погубить душу свою мене ради, то спасеть ю”. И паки рече: “Кая полза человеку, аще и всего мира царство прииметь, а душю свою погубить? И что дасть человекъ измѣну на души своей? Иже постыдиться мене и словесъ моихъ в родѣ семь исповѣсть мя пред человеки, исповѣмь и и азъ пред Отцемь моимь, иже есть на небесехъ. Аще ли кто отвержеться мене пред человеки, отвергуся и азъ его пред Отцемь моимь небеснымъ”».

Се же глаголющю Феодору къ Михаилови, они же начаша прилѣжно молити и, глаголюще да послушаеть ихъ. Михаилъ же глаголаше к ним: «Не слушаю васъ, ни души своея погублю». Тогда Михаилъ соима коць свой и верже к нимъ, глаголя: «Приимѣте славу свѣта сего, ея же вы хощете!» Слышав же се Елдега, яко сии не увѣщаша его, тогда ѣха о цесареви и повѣда ему, еже рече Михаилъ.

Бяше же на мѣстѣ томь множство христьянъ и поганыхъ, и слышала, еже отвѣща Михаилъ ко цесареви. Тогда Михаилъ и Феодоръ почаста пѣти собѣ, и по отпѣтии взяста причастие, еже има далъ бѣ отець ею. И се глаголаху предстоящеи: «Михаиле, се убийци ѣдутъ от цесаря

убиватъ ваю, поклонитася и жива будета!» Михаилъ же и Феодоръ, яко единеми усты, отвѣщаста: «Не кланяевѣся, а васъ не слушаевѣ славы ради свѣта сего». И почаста пѣти: «Мученици твои, Господи, не отвергошася тобе, и паки страдавше тобе ради, Христе» и прочая.

Тогда убийици приѣхаша, скочиша с конь и, яша Михаила и растягоша за руцѣ, почаша бити руками по сердцю. По семь повергоша его ниць на землю и бияхуть и´ пятами. Сему же надолзѣ бывшю. Нѣкто, бывъ преже христьянъ и послѣди же отвержеся вѣры христьянския и бысть поганъ законопреступник, именемъ Доманъ, сий, отрѣза главу святому мученику Михаилу и отверже ю проч. Потомъ глаголаша Феодорови: «Ты поклонися богомь нашимъ и приимеши все княжение князя своего». И глагола имъ Феодоръ: «Княжения не хочю, а богомь вашимъ не кланяюся, но хощю пострадати за Христа, яко же и князь мой!» Тогда начаша Феодора мучити, яко же и преже Михаила, послѣ же честную его главу урѣзаша.

И тако, благодаряще Бога, пострадаша и предаша святѣи свои души в руцѣ Божии, новосвятая мученика. Святѣи же телеси ею поверженѣ бystѣ псомъ на снѣдь. На многи же дни лежащимъ, Божиею благодатию сблюденѣ быстѣ невреженѣ.

Человеколюбець же Господь милосердый Богъ нашь, прославляя святыя своя угодники, пострадавшая за нь и за православную вѣру, столпъ огненъ от земля до небесе явися над телесема ею, сияющь пресвѣтлыми лучами на утвержение христьяномъ, а на обличение тѣмъ, иже оставиша Бога и покланяются твари, и на устрашение поганым. Святѣи же и честнѣи телеси ею нѣкими христьяны богобоязнивыми схраненѣ быстѣ.

Бысть же убиение ею в лѣто 6753, месяца септября, въ 20 день. Ею же молитвами достойнии будемъ вси обрѣсти милость и отпущение грѣховъ от Господа Исуса Христа в нынешний вѣкъ и в будущий, славяще вкупѣ Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и в веки вѣкомъ. Аминь.

---

[1] *Слово... Михаила, князя русскаго...*— Михаил Всеволодович (80—90-е гг. XII в.— 1246) — сын князя Всеволода Святославича Чермного, был великим князем черниговским с 1224 по 1234 г. Несколько раз стоял во

главе Новгорода. Боролся за киевский княжеский стол. Во время нашествия Батыя бежал в Венгрию. По возвращении на Русь отправился в Орду и был там убит.

[2] *...Сложено... отцемь Андреем.*— Кто был этот Андрей — неизвестно. Одни исследователи предполагают, что он находился вместе с Михаилом в Орде и был свидетелем гибели князя. Другие считают, что Андрей составил свой рассказ со слов очевидцев гибели князя в Орде.

[3] *Мнози бо ѣхаша и поклонишася канови и Батыеви.*— По возвращении из похода в Восточную Европу в 1243 г. Батый обосновался на Нижней Волге, где возникло монголо-татарское государство Золотая Орда. С именем Батыя связано основание столицы Золотой Орды — города Сарай Бату (Старый Сарай) на восточном берегу Волги, близ Астрахани. Здесь и происходят описанные события.

[4] *...приимемъ опитемью...*— Епитимья — церковное наказание в виде поста, земных поклонов, паломничества в «святые места» и т. п., налагаемое церковью, реже самим верующим на себя, чтобы замолить, искупить грех покаянием.

ПЕРЕВОД

СЛОВО О НОВОСВЯТЫХ МУЧЕНИКАХ, МИХАИЛЕ, КНЯЗЕ РУССКОМ, И ФЕОДОРЕ, ПЕРВОМ ВОЕВОДЕ В КНЯЖЕСТВЕ ЕГО. СЛОЖЕНО ВКРАТЦЕ НА ПОХВАЛУ ЭТИМ СВЯТЫМ ОТЦОМ АНДРЕЕМ

В год 6746 (1238), по гневу Божиему за умножение грехов наших, было нашествие поганых татар на землю христианскую. Тогда одни затворились в городах своих, другие убежали в дальние земли, а иные спрятались в пещерах и расселинах земных. Михаил же бежал в Венгрию. Те, кто затворился в городах, каялись в своих грехах и со слезами молились Богу, и были они погаными безжалостно перебиты, из тех же, кто скрывался в горах, и в пещерах, и в расселинах, и в лесах, мало кто уцелел. И этих через некоторое время татары расселили по городам, переписали их всех и начали с них дань брать.

Услышав об этом, те, кто разбежался по чужим землям, возвратились снова в земли свои, кто остался в живых, князья и иные люди. И начали татары насильно призывать их, говоря: «Не годится жить на земле хана и Батыя, не поклонившись им». И многие приезжали на поклон к хану и Батыю.

И вот какой обычай был у хана и Батыя: когда приедет кто-нибудь на поклон к ним, то не велели сразу приводить такого к себе, но приказано

было волхвам, чтобы шел он сначала через огонь и поклонился кусту и идолам. А из всех даров, которые привозили с собой для царя, часть брали волхвы и бросали сначала в огонь, а уже потом к царю допускали и самих пришедших и дары. Многие же князья с боярами своими проходили через огонь и поклонялись солнцу, и кусту, и идолам ради славы мира этого, и просил каждый себе владений. И им невозбранно давались те владения, какие они хотели получить — пусть прельстятся славой мира сего.

И вот в то время, когда блаженный князь Михаил находился в Чернигове, Бог, видя, как многие обольщаются славою мира сего, послал на него благодать и дар Святого Духа, и вложил ему в сердце мысль ехать к царю и обличить лживость его, совращающую христиан. Воспылав благодатью Божиею, блаженный князь Михаил решил ехать к Батыю. И, прибыв к отцу своему духовному, поведал он ему, так говоря: «Хочу ехать к Батыю». И отвечал ему духовный отец: «Многие поехавшие исполнили волю поганого, соблазнились славою мира сего,— прошли через огонь, и поклонились кусту и идолам, и погубили души свои. Но ты, Михаил, если хочешь ехать, не поступай так: не иди через огонь, не поклоняйся ни кусту, ни идолам их, ни пищи, ни пития их не бери в уста свои. Твердо стой за веру христианскую, так как не подобает поклоняться христианам ничему сотворенному, а только Господу Богу Иисусу Христу». Михаил же ответил ему: «По молитве твоей, отче, как Бог соизволит, так и будет. Я бы хотел кровь свою пролить за Христа и за веру христианскую». Так же и Феодор сказал. И промолвил отец духовный: «Вы будете в нынешнем веке новосвятыми мучениками на укрепление духа иным, если поступите так».

Михаил же и Феодор пообещали ему так поступить и благословились у духовного отца своего. Тогда он дал им с собою причастие и, благословив их, отпустил, сказав: «Бог да укрепит вас и да пошлет вам свою помощь,— ведь за него вы хотите пострадать». После этого Михаил отправился в дом свой и взял из имения своего все необходимое в дорогу.

Проехав многие земли, прибыл Михаил к Батыю. Поведали Батыю: «Великий князь русский Михаил приехал поклониться тебе». Царь Батый велел позвать волхвов своих. И когда волхвы пришли к нему, то сказал им царь: «Все, что нужно по вашему обычаю, сотворите и с князем Михаилом, а потом приведите его ко мне». Тогда они, придя к Михаилу, сказали ему: «Батый зовет тебя». Он же, взяв Феодора, пошел вместе с ним. И вот дошли они до того места, где были сложены горящие костры по обеим сторонам пути. И все поганые проходили через огонь и кланялись солнцу и идолам. Волхвы также хотели провести Михаила и Феодора через огонь. Михаил же и Феодор сказали им: «Не подобает христианам проходить через огонь и поклоняться ему,

как вы поклоняетесь. Такова вера христианская: не велит поклоняться ничему сотворенному, а велит поклоняться только Отцу и Сыну и Святому Духу». Михаил же сказал Феодору: «Нельзя нам поклоняться тому, чему они поклоняются».

Тогда волхвы, оставив Михаила и Феодора на том месте, куда привели их, пошли и сказали царю: «Михаил повеления твоего, царь, не слушает: через огонь не идет и богам твоим не кланяется, говорит, что не подобает христианам проходить через огонь и поклоняться ничему сотворенному, солнцу и идолам, а следует поклоняться только создавшему все это — Отцу и Сыну и Святому Духу». Царь сильно разъярился, и послал одного из вельмож своих, по имени Елдега, и сказал ему: «Так передай Михаилу: “Как посмел повелением моим пренебречь — почему богам моим не поклонился? Теперь одно из двух выбирай: или богам моим поклонишься и тогда останешься жив и получишь княжение, или же, если не поклонишься богам моим, то злой смертью умрешь”».

Елдега, приехав к Михаилу, сказал ему: «Так говорит царь: “Как посмел повелением моим пренебречь — почему богам моим не поклонился? Теперь одно из двух выбирай: или богам моим поклонишься и тогда останешься жив и получишь княжение, или же, если не поклонишься богам моим, то злой смертью умрешь”». Тогда ответил Михаил: «Тебе, царь, кланяюсь, потому что Бог поручил тебе царствовать на этом свете. А тому, чему велишь поклониться,— не поклонюсь». И сказал ему Елдега: «Михаил, знай — ты мертв!» Михаил же ответил ему: «Я того и хочу, чтобы мне за Христа моего пострадать и за православную веру пролить кровь свою».

Тогда стал говорить ему, горько плача, внук его Борис, князь ростовский: «Господин и отец, поклонись!» Так же и бояре стали говорить: «Все за тебя и со всеми людьми своими примем епитимью». И ответил им Михаил: «Не хочу только по имени христианином называться, а поступать как поганый». И когда говорил с ними Михаил, то Феодор думал про себя: «Ведь может поддаться Михаил мольбам их, вспомнив любовь жены своей и ласки детей своих, и послушается их». Тогда Феодор, вспомнив о наставлении отца своего духовного, сказал: «Михайло, помнишь ли поучение духовного отца нашего, который учил нас от святого Евангелия? Сказал Господь: “Тот, кто хочет душу свою спасти, тот погубит ее, а кто погубит душу свою ради меня, тот спасет ее”. И еще сказал Господь: “Какая польза человеку, если он приобретет царство мира всего, а душу свою погубит? И какой выкуп даст человек за душу свою? Кто будет чтить меня и слова мои в роде сем и признает меня пред людьми, того признаю и я пред Отцом моим небесным. От того же, кто отречется от меня пред людьми, отрекусь и я пред Отцом моим небесным”».

И когда говорил так Феодор Михаилу, то Борис и бояре начали еще настойчивее уговаривать и просить его, чтобы послушался их. Михаил же ответил им: «Не внемлю я вам и душу свою не погублю». После этого Михаил сорвал с себя княжеский плащ свой и швырнул его в ноги к ним, говоря: «Возьмите славу света этого, к которой вы стремитесь!» Когда услыхал Елдега, что не уговорили Михаила, то поехал к царю и поведал ему речи Михаила.

На месте на том было много христиан и поганых, и все слыхали, что ответил Михаил царю. После этого Михаил и Феодор стали отпевать себя и, свершив отпевание, приняли причастие, которое дал им с собою духовный отец их. И вот говорят окружающие: «Михаил, вот уже убийцы едут от царя, чтобы убить вас, поклонитесь и живы останетесь!» Михаил же и Феодор, как одними устами, ответили: «Не поклонимся и вас, думающих только о славе света этого, не послушаем». И начали они петь: «Мученики твои, Господи, не отреклись от тебя, и тебя ради, Христос, страдают», и остальную часть псалма пропели.

И тут приехали убийцы, соскочили с коней и, схватив Михаила и растянув ему руки, начали бить его кулаками по сердцу. После этого повергли ниц на землю и стали избивать его ногами. Так продолжалось долго. И вот некто, бывший прежде христианином, а потом отвергшийся христианской веры и ставший поганым законопреступником, по имени Доман, отрезал голову святому мученику Михаилу и отшвырнул ее прочь. После этого сказали Феодору: «Если ты поклонишься богам нашим, то получишь все княжество князя своего». И ответил Феодор: «Княжения не хочу и богам вашим не поклонюсь, а хочу пострадать за Христа, как и князь мой!» Тогда начали мучить Феодора, как прежде Михаила, после чего отрезали честную его голову.

И так, восхваляя Бога, пострадали и предали святые свои души в руки Божий оба новосвятых мученика. Святые же тела их повержены были псам на съедение. И много дней лежали, однако Божиею благодатью оставались невредимыми.

Человеколюбивый же Господь, милосердый Бог наш, прославляя своих святых угодников, пострадавших за него и за православную веру, явил столп огненный от земли до небес над телами их, сияющий пресветлыми лучами на утверждение христиан, и на устрашение поганых, и на обличение тех, кто оставил Бога и поклоняется

сотворенному человеком. Святые же и честные тела их некими богобоязливыми христианами сохранены были.

Случилось же убиение их в год 6753 (1245), месяца сентября в двадцатый день. Их же молитвами достойны все будем обрести милость и отпущение грехов от Господа Иисуса Христа в этой жизни и в будущей, прославляя вкупе Отца и Сына и Святого Духа, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО О МЕРКУРИИ СМОЛЕНСКОМ

Подготовка текста и перевод В. В. Колесова, комментарии Л. А. Дмитриева

ВСТУПЛЕНИЕ

«Слово о Меркурии Смоленском» как письменное произведение было создано не ранее второй половины XV — начала XVI в. Но в основе этого литературного памятника лежит местная смоленская легенда, возникшая в годы монголо-татарского нашествия и владычества. Поэтому мы помещаем «Слово о Меркурии Смоленском» среди произведений XIII в. До нас дошло два варианта этой повести, которые непосредственно между собой не связаны, а независимо друг от друга восходят к одной и той же древней легенде об избавлении Смоленска от полчищ Батыя. Первый — публикуемое «Слово о Меркурии Смоленском» — представлен единственным списком XVII в. Этот вариант наиболее близок к смоленской легенде. Второй, дошедший в нескольких редакциях и в большом числе списков, являет собой более книжную обработку легенды.

В сказании о переяславском богатыре Демьяне Куденевиче, которое зафиксировано под 1148 г. в Никоновской летописи, рассказывается, что переяславский богатырь Демьян выступает один против осадивших Переяславль врагов, избивает их и обращает в бегство, но сам, вернувшись в город, умирает от ран. Сходен с этим сказанием и сюжет былины о Сухмане Домантьевиче. Этот же эпический мотив лежит и в основе легенды о Меркурии Смоленском. Но здесь он трактуется в житийно-религиозном плане.

«Слово о Меркурии Смоленском» дает яркое представление о том потрясении, которое испытали все русские земли во время Батыева нашествия. Силы Батыя на самом деле к Смоленску не подходили и Смоленск осажден не был, что было осмыслено как проявление божественного заступничества и как результат эпического подвига богатыря.

«Слово о Меркурии Смоленском» публикуется по рукописи *ГИМ*, Синодальная библиотека, № 908, по публикации этой рукописи в кн.: Белецкий Л. Т. Литературная история «Повести о Меркурии Смоленском». Исследование и тексты. Пгр., 1922, с. 55—57.

ОРИГИНАЛ

Бѣ убо нѣкто человѣкъ млад верстою именем Меркурий во граде Смоленске, благочестивъ сый в заповедехъ Господних, поучаяся день и нощь, цвѣтый преподобным житием, постом и молитвою сияя, бо яко звѣзда богоявленна посредѣ всего мира. Бяше бо умилен душею и слезенъ, часто прихождаше ко кресту Господню молитися за миръ, зовомый Петровскаго ста.[1]

Бѣ бо тогда злочестивый царь Батый пленилъ Рускую землю, безвинную кровъ пролия, аки воду силну, и християнъ умучи. И пришедъ той царь с великою ратию на богоспасаемый град Смоленскъ, и ста от града за 30 поприщь,[2] и многи святыя церкви пожже и християн поби, и твердо вооружашеся на град той. Людие же бяху в велицей скорбѣ, неисходно пребывающе в соборной церкви пречистыя Богородицы,[3] умилно вопиюще с плачем великим и со многими слезами ко всемогущему Богу и пречитей его Богоматере и ко всемъ святым, еже сохранитися граду тому от всякого зла. Се же бысть нѣкое смотрение Божие ко гражаном, внѣ града бысть близъ за Непръ рекою в Печерстем монастыри: преславно явися пречистая Богородица понамарю тоя церкви и рече: «О человѣче Божий! скоро изыди ко оному кресту, идѣже молится угодник мой Меркурей, и рцы ему: “Зовет тя Божия Мати!”» Он же шед тамо и обрѣте его у креста, молящася Богови, и возва его именемъ: «Меркурие!» Онъ же рече: «Что ти есть, господине мой?» И глагола ему: «Иди скоро, брате, зовет тя Божия Мати в Печерскую церквъ». Паки же вшедъ богомудрый во святую церковъ и видѣ пречистую Богородицу, на злате престоле сѣдяща, Христа в нѣдрехъ имуща, обстоима аггельскими вои. Он же паде пред ногама ея, поклонися с великим умилением, ужасенъ бысть. Востави его от земля пречистая Мати Божия и рече ему: «Чадо Меркурие, избранниче мой! Посылаю тя: иди скоро, сотвори отмшение крови християнския; шедъ побѣди злочестиваго царя Батыя все войско его! Потом приидет ти человѣкъ, красенъ лицемъ, вдай же ему в руцѣ все оружие свое. И усечет ти главу, ты же ю возми в руку свою и прииди во свой град, и тамо приимеши кончину, и положено будетъ твое тѣло в моей церкви». Он же зѣло о том востужи и восплака, и глагола: «О пречистая госпоже, Мати Христа Бога нашего, како азъ окаянный и худый, непотребный раб твой на толикое дѣло твое силен быти? И недостало ли ти небесныя силы, Владычице, победити злочестиваго царя?» И взем благословение от нея, и весь вооружен бысть и отиде, поклонився до земля, и изыде из церкви. И обрѣте ту прехрабра коня стояща, и воссѣдъ на нь, и исшед из града.

И дошед полки злочестиваго царя, Божиею помощию и пречистыя Богородицы побивая враги, собирая християнъ пленных и отпущая во град свой, прехрабро скакаше по полком, яко орелъ по воздуху лѣтая. Злочестивый же царь, вѣдѣвъ таково побѣждение людей своих, велиим страхом и ужасом одержим бысть и скоро отбѣжа града того без успѣха в мале дружине. И пришед во Угры, и тамо злочестивый Стефаном царем убиен бысть.[4]

Та же предста Меркурию прекрасен воинъ. Он же поклонися ему и вда все оружие свое и, преклонь главу свою, и усечен бысть. И тако блаженный, взем главу свою в руку свою, а в другую руку коня своего, и пришед во град свой безглавен. Людие же видѣвше такое, удивляющеся Божию строению. И дошед врат Мологинских,[5] ту же вышла по воду нѣкая дѣвица и, зря святаго без главы идуща, и начат святаго нелѣпо бранити. Онъ же в тѣхъ вратех возлеже и предастъ честне душю свою Господеви, конь же той невидим бысть от него.

Того же града архиепископъ пришед со кресты, со множеством народа, хотя взяти честное тѣло святаго. И не вдася имъ святый. Тогда бысть велий плачь в людех и рыдание, что не восхотѣ поднятися святый. Та же бысть архиепископъ в велице недоумѣнии моляся Богови о том, и се глас бысть к нему, глаголя: «О слуго Господень, о сем не скорби: кто посла на побѣду, той и погребет его».

Святому же ту лежащу 3 дни не погребенну, архиепископъ же той всю нощъ без сна пребываше, моляся Богови, да явитъ ему Богъ тайну сию. И зря во оконце свое опасно прямо соборныя церкве, се же видитъ ясно в велицей свѣтлости, аки в солнечной зари исшедши ис церкви, пречистая Богородице со архистратиги Господни Михаилом и Гавриилом. И дошедше мѣста того, идѣже лежаше тѣло святаго, взем же пречистая Богородица в полу свою честно тѣло святаго, и принесше во свою соборную церковъ и положи на мѣсте своем во гробе, идѣже есть и до нынѣ, всѣми видим бысть, содѣвая чюдеса в славу Христу, Богу нашему, благоухая, яко кипарис. Архиепископъ же, ко утренней вшед в церковъ, виде чюдо преславно: святаго лежаща, на своемъ мѣсте почивающа. Та же стекшеся людие и видивше чюдо то и прославиша Бога.

---

[1] *...за миръ, зовомый Петровскаго ста.*— Подобно древнему Новгороду Смоленск по корпорациям жителей делился на «концы» и «сотни».

«Петровское сто» находилось на правом берегу Днепра в заречной низменной части.

[2] *...за 30 поприщъ...*— Поприще – древнерусская мера длины, равная приблизительно версте (1066 м).

[3] *...в соборной церкви пречистыя Богородицы...*— Успенский собор заложен в 1101 г. Владимиром Мономахом; в нем находилась икона Богородицы Одигитрии (путеводительницы), перенесенная Владимиром Мономахом из Киева в Смоленск. В 1398 г. эта икона была перенесена в Москву, а в 1456 г. возвращена в Смоленск. В 1611 г. во время захвата Смоленска поляками, осаждавшими город почти два года, Успенский собор, в погребах которого хранился порох, был взорван смольнянами.

[4] *И пришед во Угры, и тамо злочестивый Стефаном царем убиен бысть.*— В 1241 г. Батый вторгся в Венгрию. В битве на реке Сайо 60-тысячная армия венгерского короля Белы IV потерпела жестокое поражение, Венгрия была захвачена монголо-татарами. Сообщение об убийстве Батыя в Венгрии королем Стефаном — легендарный вымысел.

[5] *...врат Мологинских...*— Ворота с таким названием в Смоленске неизвестны. Возможно, имеются в виду Молоховские ворота, через которые из Смоленска шла дорога на Молоховскую волость и далее на Мстислав.

ПЕРЕВОД

Был в городе Смоленске один человек, молодой годами, по имени Меркурий, благочестивый в наставленьях Господних, обучавшийся им день и ночь, славный примерной жизнью, постом и молитвой сияющий, будто звезда богоданная в мире этом. И был он смирен душой и печален, часто ходил к Господню кресту помолиться за жителей Петровского конца.

Ибо тогда злочестивый царь Батый пленил Русскую землю, невинную кровь проливая, как воду, обильно, и христиан истязая. И, придя с великою ратью под богоспасаемый город Смоленск, стал тот царь от города в тридцати поприщах, и многие святые церкви пожег, и христиан убил, и решил непременно захватить город этот. Жители впали в великую скорбь, неисходно пребывали в соборном храме святой Богородицы, смиренно взывая с плачем великим в обильных слезах к всемогущему Богу, и пречистой его Богоматери, и ко всем святым, чтобы они сохранили город тот от всякого зла. И вот случилось предначертание Божие к жителям: за городом, возле Днепра-реки, в Печерском монастыре, достославно явилась пречистая Богородица пономарю этой церкви, сказав: «О Божий человек! Иди скорее к тому кресту, у которого молится угодник мой Меркурий, и скажи ему: “Зовет тебя Божия Матерь!”» Тот же, пойдя туда, нашел его у креста молящимся Богу и окликнул по имени: «Меркурий!» Тот же спросил:

«Что тебе, господин мой?» И сказал ему: «Скорее иди, брат, зовет тебя Божия Матерь в Печерскую церковь». Потом же, войдя в святую церковь, богомудрый увидел пречистую Богородицу, на золотом престоле сидящую, Христа у груди держащую, окруженную ангельскими силами. Он же упал пред ногами ее и поклонился с великим благоговением, пораженный. Подняла его с земли пречистая Матерь Божия и сказала ему: «Чадо Меркурий, избранник мой! Посылаю тебя: иди скорее, сотвори мщение за кровь христианскую; пойди и победи злочестивого царя Батыя, все войско его! Потом подойдет к тебе человек, красивый лицом, передай ему в руки все оружие твое. И отсечет тебе голову, ты же возьми ее в руки свои и ступай в свой город, там примешь кончину, и положено будет тело твое в моей церкви». Он же весьма о том затужил, и заплакал, и сказал: «О пречистая госпожа, Матерь Христа, Бога нашего, как я, окаянный и слабый недостойный раб твой на такое великое дело могу быть способен? Неужели, Владычица, нет у тебя небесных сил победить злочестивого царя?» И, взяв у нее благословение и весь изготовясь, отступил, поклонясь до земли, и вышел из церкви. И нашел удалого коня, ожидавшего тут, и, вскочив на него, отправился из города.

И, достигнув войск злочестивого царя, с помощью Бога и пречистой Богородицы истребляя врагов, собирая плененных христиан и отпуская их в свой город, отважно скакал по полкам, как орел в поднебесье летая. Злочестивый же царь, проведав о таком истребление людей своих, великим страхом и ужасом был охвачен и, отчаявшись в успехе, быстро бежал от города с малой дружиной. И, когда он добрался до Угорской земли, то там злочестивый убит был Стефаном царем.

Потом же предстал пред Меркурием прекрасный воин. И Меркурий поклонился ему, отдал все оружье свое и, голову тихо склонив, был убит. И после блаженный, взяв голову в руку свою, а в другую — поводья коня, пришел, обезглавлен, в свой город. Жители же видели это, поражаясь Божьему замыслу. И когда дошел он до Мологинских ворот, вышла какая-то девица по воду и, видя святого, идущего без головы, стала святого грубо бранить. Он же лег в воротах и достойно отдал душу свою Господу, конь же невидим стал.

Архиепископ этого горада, придя с крестами, со множеством народа, хотел унести честное тело святого. Но не дался святой им. И был тогда громкий плач средь людей и рыданье оттого, что не возжелал святой, чтоб его подняли. Архиепископ, также в великом недоумении пребывая, молился Богу об этом, и раздался вдруг голос, говорящий ему: «Господень слуга, о том не скорби: кто послал на победу, тот его погребет».

Пока святой лежал так три дня без погребения, архиепископ ночами без сна пребывал, Богу молясь, чтоб явил ему Бог эту тайну. И, глядя осторожно в окошко свое напротив соборной церкви, вдруг видит ясно, — в ярком сиянии, будто в солнечном свете, выходит из церкви пречистая Богородица с архангелами Господними Михаилом и Гавриилом. И, дойдя до места, где лежало тело святого, взяла пречистая Богородица в полу свою честное тело святого и, принеся в свою соборную церковь, положила на месте в гробнице, что стоит и доныне, всем видимая, чудеса сотворяя во славу Христа, нашего Бога, благоухая как кипарис. Архиепископ же, войдя к утрене в церковь, увидел преславное чудо: святой лежит, словно спит, на месте своем. И люди, собравшись и видя то чудо, восславили Бога.

ЛЕГЕНДА О ГРАДЕ КИТЕЖЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Понырко

ВСТУПЛЕНИЕ

Легенда о Китеже дошла до нас в литературной обработке старообрядцев: «Книга глаголемая летописец» в своем окончательном виде сложилась во второй половине XVIII в. в среде одного из толков старообрядцев-беспоповцев — бегунов. Но обе составные части памятника, достаточно обособленные и самостоятельные, уводят в XVII в. При этом в первой части, повествующей о князе Георгии Всеволодовиче, убиении его Батыем и разорении Китежа, отразились предания, восходящие ко временам Батыева нашествия.

Как ни легендарно сказание и как далеко не верны приводимые исторические даты, в основу его легли действительные события. «Святой благоверный и великий князь Георгий Всеволодович»— это великий князь владимирский и суздальский Георгий II Всеволодович, сражавшийся с войском Батыя и сложивший голову в неравной битве на р. Сити. Связь Малого Китежа (Городца) с именем Георгия Всеволодовича имеет вполне историческую подоплеку: с 1216 по 1219 г. (до занятия Владимирского стола) князь отъезжал туда на удел; в 1237 г., когда полчища Батыя подступили ко Владимиру, Георгий Всеволодович ушел в Ярославскую землю, в пределах которой и находились оба города — Большой и Малый Китежи и где состоялась проигранная русскими битва.

Конечно, легендарный образ князя не вполне идентичен историческому. Георгию Всеволодовичу придана вымышленная родословная: он ведет свой род от святого князя Владимира и приходится сыном святому Всеволоду Мстиславичу Новгородскому. Эта придуманная генеалогия, не соответствующая действительной родословной князя Георгия, усиливает мотив святости — ведущий мотив легенды.

Вторая часть «Книги глаголемой летописец» — «Повестъ и взыскание о граде сокровенном Китеже» — лишена всякого исторического фона, она принадлежит к типу легендарно-апокрифических памятников, трактующих о земном рае. Образ «сокровенного» града Китежа стоит где-то посредине между «земным раем» древнейших русских апокрифов и Беловодьем, легендарным счастливым краем, ставшим столь популярным среди русских крестьян в XVIII в.

Текст публикуется по списку *РНБ*, Q.I.1385, изданному в кн.: *Комарович В. Л.* Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.—Л., 1936.

ОРИГИНАЛ

КНИГА ГЛАГОЛЕМАЯ ЛѢТОПИСЕЦ,ПИСАНА В ЛѢТО 6646 СЕНТЯБРЯ В 5 ДЕНЬ

Бѣ сей святый благовѣрный и великий князь Георгий Всеволодович[1] сын святому благовѣрному и великому князю Всеволоду, а во святом крещении наречен бысть Гавриил, псковский чудотворец.[2] Сей святый благовѣрный и великий князь Всеволод сын бѣ великому князю Мстиславу,[3] внук же святому и равно апостолом великому князю Владимиру Киевскому,[4] самодержьцу Российския земли. Святый же благовѣрный и великий князь Георгий Всеволодович — правнук же святому благовѣрному и великому князю Владимиру.

Святый же благовѣрный княз Всеволод первие княжи в Великом Новѣградѣ. Егда же бысть время, возропташа новгородцы на нь и рѣша сами собою промежь себе, яко князь наш, не крещен сый, владѣет нами крещеными. Совѣт же сотвориша, и приидоша к нему, и изгнаша вон. Он же прииде в Киев к дяде своему Ярополку[5] и сказа ему все, за что изгнан бысть новогородцы. Он же, слышав от него, и въда ему Вышград. И ту молим бысть от псковичь княжити у них, и прииде к ним во град Псков. И по времени восприя благодать святаго крещения, и наречен бысть во святом крещении Гавриил. И пребысть в велком пощении и воздержании, и пребысть лѣто едино в вѣчный покой отиде, в лѣта 6671-го, месяца февраля в 11 день. И погребен бысть сыном его благовѣрным и великим князем Георгием. И быша чудеса многа от

святых мощей его в славу и хвалу Христу Богу нашему и всѣм святым. Аминь.

Сей святый благовѣрный князь Георгий Всеволодович по преставлении отца своего благовѣрного князя Всеволода, нареченного во святом крещении Гавриила, пребысть на мѣстѣ его по умолении псковичь. Бысть же сие в лѣта 6671. Изволи святый благовѣрный и великий князь Георгий Всеволодовичь ехать к благовѣрному князю Михаилу Черниговскому.[6] Егда же прииде к благовѣрному князю Михаилу и благовѣрный и великий князь Георгий, и поклонися благовѣрному князю Михаилу, и рече ему: «Здрав буди, благовѣрный и великий княже Михаиле, на многая лѣта, сияя благочестием и вѣрою Христовою, во всем уподобися прадѣдом нашим и прабабѣ нашей, благовѣрной великой княгинѣ, христолюбивой Олгѣ,[7] иже обрѣте себе избранного и честного: бисера Христа, и вѣру его святых пророк же и апостол, и святых отец, и благовѣрному христолюбивому царю и равноапостольному прадѣду нашему, царю Константину».[8] И рече ему благовѣрный князь Михаил: «Здрав же буди и ты, благовѣрный и великий княже Георгий Всеволодовичь, прииде ко мнѣ з благим совѣтом и независтным оком. Что бо приобрѣте от зависти дѣд наших Святополк, иже восхотѣ владѣти и уби братей своих благовѣрных и великих князей. Бориса повелѣ копием пробости, Глѣба же ножем заклати[9] в лѣта княжения их. Обольсти бо их лестию и советом сатаниным, яко мати при смерти есть наша.[10] Они же, яко незлобивые агньцы, уподобишася благому пастырю своему Христу, не сопротив сташа врагу своему брату. Господь же прослави святыя угодники своя, благовѣрных князей и великих чудотворец Бориса и Глѣба».

И даша цѣлование промеж себѣ сами, и праздноваша духовно и веселивъшеся, и рече благовѣрный и великий князь Георгий благовѣрному князю Михаилу: «Даждь ми грамоту в Русии нашей по градом церкви Божия строити и грады». И рече ему благовѣрный и великий князь Михаил: «Якоже хощеши, тако и сотвори церкви Божия в славу и хвалу пресвятому имени Божию. За сие доброе твое изволение мзду приимеши в день пришествия Христова».

И пироваше много дний. И егда изволи благовѣрный князь Георгий ехати во свое мѣсто, тогда благовѣрный князь Михаил повеле грамоту написати и свою руку приложи к грамотѣ. И егда благовѣрный князь Георгий поеха во свое отечество и град, тода благовѣрный князь Михаил с великою честию отпущяше его и провожаше. И егда бысть оба князи на пути, и поклонистася друг другу на пути, и вда ему благовѣрный князь Михаил грамоту. Благовѣрный же князь Георгий взя грамоту у благовѣрнаго князя Михаила, и поклонися ему, тогда и той противу ему.

И поеха по градом, и егда приеха в Нов-град, повелѣ строити церьковь во имя Успения пресвятыя владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии в лѣто 6672. Из Нова-града поехав во Псков, град свой, идѣже преставися отец его, благовѣрный князь Всеволод, а во святом крещении Гавриил, новогородский и псковский чудотворец. И поеха изо Пскова града к Москве, и повелѣ строити церковь во имя Успения пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии в лѣто 6672. И поеха с Москвы в Переславль Залѣской, а с Переславля града в Ростов град. В то же время бысть в Ростовѣ градѣ великий князь Андрей Боголюбский.[11] И повелѣ благовѣрный князь Георгий во градѣ том Ростовѣ церковь строити во имя Успения пресвятыя владычицы нашея Богородицы и присно девы Марии в лѣто 6672, месяца маия, в 23 день. Во дни великого князя Георгия начаша рвы копати на основание церкви, обретоша же мощи лежаще святителя Христова Леонтия епископа ростовского, чюдотворца,[12] иже обрати в Ростовѣ градѣ люди в вѣру христову и крести их от мала и до велика. И возрадовашеся радостию великою благовѣрный князь Георгий и прослави Бога, давшаго ему таковое многоцѣнное сокровище, и отпѣ молебен. И повелѣ ехати Андрею, князю Боголюбскому, во град Муром и строити во градѣ Муромѣ церковь во имя Успения пресвятыя владычицы нашея Богородицы и присно девы Марии.

Сам же благовѣрный и великий князь поеха из града Ростова, и приеха во град Ярославль, что на брегу Волги рѣки стоит. И сѣде в струг, и поеха на низ по Волгѣ, и приста к брегу в Малый Китежь, что на брегу Волги стоит, и построи его. И начаша его молити вси людие града того благовѣрнаго князя Георгия, чтобы образ чудотворный иконы пресвятыя Богородицы Феодоровския внес во град к ним. Он же по прошению исполни. Начат пѣти молебен пресвятѣй Богородицѣ. Егда скончa, восхотѣ образ той нести во град, образ же не пойде с мѣста того, нимало не поступи. Видѣв же благовѣрный князь Георгий изволение пресвятыя Богородицы, гдѣ сама изволила мѣсто себѣ, повелѣ построити на том мѣстѣ монастырь во имя пресвятыя Богородицы Феодоровския.

Сам же благовѣрный князь Георгий поеха с мѣста того сухим путем, а не по водѣ. И перееха рѣку Узолу, и вторую рѣку перееха именем Санду, и третию рѣку перееха именем Саногту, и четвертую перееха именем Керженец, и приеха к езеру именем Свѣтлояру. И видѣ мѣсто то велми прекрасно и многолюдно. И по умолению их повелѣ благовѣрный князь Георгий Всеволодович строити на брегу езера того Свѣтлояра град именем Болший Китеж, бѣ бо мѣсто то велми прекрасно, и на другом же брезѣ езера того роща дубовая.

Совѣтом же и велѣнием благовѣрного и великаго князя Георгия Всеволодовича начаша рвы копати на утверждение мѣста. И начаша класти церковь во имя Воздвижения честнаго креста Господня, вторую же церковь — во имя Успения пресвятыя владычицы нашея Богородицы и присно девы Марии и третию церковь — во имя Благовещения пресвятыя владычицы нашея Богородицы и присно девы Марии. В тѣх же церквах повелѣ предѣлы дѣлати иных праздником Господьскым и Богородичным. Тако же и образы всѣм святым написати повелѣ.

И град той Больший Китежь на сто сажен в длину и в ширину, и бысть первая мера мало мѣсто. Повелѣ же благовѣрный князь Георгий еще на другое сто сажен прибавити в длину, и бысть мѣра граду тому в длину — два ста сажен, а в ширину — на сто сажен. И начаша же град той каменный строити в лѣто 6673, месяца маия в 1 день, на память святаго пророка Иеремия и иже с ним. И строитца град той три лѣта, и построиша его в лѣто 6676, месяца сентября в 30 день, на память святаго священномученика Григория Великия Армении.

И иже поехаша в Малый Китежь, что на брегу Волги стоит, благовѣрный князь Георгий Всеволодович. И по строении градов тѣх, Малаго и Большаго, повелѣ перемеряти поприща,[13] коль много межь собою расстояния имѣют. И повелѣнием благовѣрнаго князя Георгия намѣряша сто поприщь. Благовѣрный же князь Георгий Всеволодовичь, слышав сия, воздаде славу Богу и пресвятѣй Богородице, повелѣ же и лѣтописец книгу написати. Сам же благовѣрный и великий князь Георгий Всеволодовичь повелѣ всю службу отслужити. И молебен пропѣв пресвятѣй Богородицѣ Феодоровской, и по совершении службы тоя поеха, всѣд в струг свой, и отплы в путь свой в прежде реченный свой Псков град. Людие проводиша его с великою честию, и цѣловаша его, отпустиша.

Благовѣрный же князь Георгий Всеволодовичь егда приеха во град свой, прежереченный Псков, и многи дни пребысть в молитвѣ, в постѣ же и бо бдѣнии, и много милостыни раздая нищим, и вдовицам, и сиротам. По построении же градов тех поживе лѣт 75.

Быст в лѣто 6747. Попущением Божиим грѣх ради наших прииде на Русь воевати нечестивый и безбожный царь Батый. И разоряше грады и огнем пожигаше, церкви Божия такоже разоряше и огнем пожигаше же. Людей же мечю предаваше, а младых дѣтей ножем закалаше, младых дѣв блудом оскверняше. И бысть плач велий.

Благовѣрный же князь Георгий Всеволодовичь, сия слышав, плакаше горко. И помолився ко Господу и пресвятѣй Божией Матери, собра вои своя, поиде противу нечестиваго царя Батыя с вои своими. И егда сразишася вои обои вкупе, бысть сѣча велия и кровопролитие.

Тогда у благовѣрнаго князя Георгия и бысть мало вой, побѣже благовѣрный князь Георгий от нечестиваго царя Батыя вниз по Волге в Малый Китеж. И много брася благовѣрный князь Георгий с нечестивым царем Батыем, не пущая его во град свой.

Егда же бысть нощь, тогда благовѣрный князь Георгий изыде тайно из града того въ Больший град Китеж. На утрие же воста той нечестивый царь на град той с вои своими, приступом приступи и взя его. И всѣх поби и прируби людей во градѣ том. И не обрѣте благовѣрнаго князя во градѣ том, нача мучити человека, и немогий мук терпѣти повѣда ему путь. Той же нечестивый гнаше вслѣд его. И егда прииде ко граду тому, нападе на град той со множеством своих, и взя той град Больший Китеж, что на брегу езера Свѣтлояра, и уби благовѣрнаго князя Герогия месяца февраля в 4 день. И поеха из града того нечестивый той царь Батый. И послѣ его взяша мощи благовѣрнаго князя Георгия Всеволодовича.

И послѣ разорения того запустѣша грады тѣ, Малый Китежь, что на брегу Волги стоит, Больший же, что на брегу езера Свѣтлояра.

И не видим будет Болший Китежь даже и до пришествия Христова, яко же и в прежняя времена бысть сия, яко же свидѣтельствуют жития святых отец, патерик Монасийский, и патерик Скитский, и патерик Азбучный, и патерик Иеросалимский, и патерик Святыя Горы,[14] яко сия святые книги согласны, в них писаны жития святых отец, и сокровенныя обители не едина, но много монастырей, и въ тѣх монастырех много множество бысть святых отец, яко звѣзд небесных просияв житием своим. Яко пѣска морскаго невозможно исчести, тако и сих невозможно писанию предати и вся списати. О них же, провидя Духом Святым, блаженный и пророк Давыд царь, удивляясь, вопиет Духом Святым, в богодухновенной книгѣ своей Псалтыри глаголет: «Праведник яко финик процвѣтет и яко кедр иже в Ливанѣ умножится, насаждени в дому *Господни* во дворѣх Бога нашего процвѣтут».[15] И еще той же пророк царь Давыд: «Мнѣ же зѣло честнии быша друзи твои, Боже, зѣло утвердишася владычествия их, изочту их, и паче песка умножатся».[16] О сих, провидя Духом Святым, блаженный апостол Павел в послании книги своея глаголет, провидя, сие слово к нам глаголет: «Проидохом во овчинах и козиях кожах, лишени, скорбящеи, озлоблени, имже не бѣ достоин мир».[17] То же слово и святый Иоанн

Златоуст рече, в поучении своем глаголет в неделю 3-ю поста. То же слово, провидя, к нам святый Анастасий горы Синайския[18] глаголет. Сие же слово апостольское, провидя, нам глаголет и преподобный отец наш Иларион Великий,[19] о святых пишет: «И такоже убо в послѣднее время будет сие: грады и монастыри сокровеныя будут, якоже антихрист царствовати начнет в мирѣ. Тогда побѣгут в горы и в вертепы, и в пропасти земныя». Человеколюбивый же Бог не оставит тогда хотящаго спастися. От усердия, и умиления, и слез все человеку Бог строит. Самого Спасителя Божественная уста глаголаше в пресвятом Евангелии, рече, яко вся ищущему и хотящему спастися дастъся.[20]

И по убиению святаго и благовѣрнаго и великаго князя Георгия Всеволодовича и по погребению честных мощей его, в лѣто 6-е прииде той царь Батый воевати в русское царство. Пойде же противу Батыя царя благовѣрный князь Михаил Черниговский з боярином своим Феодором. И егда сразишася вои обои вкупѣ, и бысть кровопролитие велие. И уби той нечестивый царь Батый благовѣрнаго и великаго князя Михаила Черниговскаго з боляриномъ Феодором в лѣто 6750, месяца сентября в 20 день. И послѣ убиения благовѣрнаго князя Михаила Черниговскаго во 2-е лѣто[21] уби благовѣрнаго князя Меркурия Смоленскаго[22] той нечестивый царь Батый в лѣта 6755, месяца ноября в 24 день. И бысть запустѣние московскаго царства и прочих монастырей и того града Большаго Китежа в лѣто 6756.

Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже. Аще ли же который человек обѣщается истинно итти в него, а не ложно и от усердия своего поститися начнет, и многи слезы пролиет, и пойдет в него, и обѣщается тако, аще и гладом умрети, а из него не изыти, аще ины многи скорби претерпѣти, еще и смертию умрети, вѣждь, яко спасет Бог таковаго, яко стопы его вся изочтены и записаны будут аггелом. Яко на путь спасения поиде, яко же свидѣтельствуют о сем книги, патерик Скитский. Бысть нѣкоторый отец, обрати нѣкую блудницу от блуда. Блудница же поиде с ним в монастырь. И прииде пред враты монастыря того и умре. И бысть спасена. И вторая такоже изыде в пустыню со отцем и умре. И прияша ангели душу ея и возведоша по лѣстнице на небо.

Тако и той человек. Аще случитъся и умрети, по Божественному писанию рассудится. Бѣжа бо той подобен сему духовно бежа от блудницы вавилонския темныя и скверныя мира сего, яко же святый Иоанн Богослов во Откровении, книги своея, написа. О послѣднем времени глаголет, яко жена сѣдя на звѣри седмиглавном нага и безстудна, в руках же своих держит чашу, плъну всякия скверны, и смрада испольнена, и подает в мирѣ сущим, любящим сея, первие

патриархом, царем, и князем, и воеводам, и всяким властем богатым, и всяким людем в мире сем суетнѣм, любящим сласти сея.

А иже хотящаго и желающаго спастися подобает бѣжати мира и сласти его. Еже рече той Иоанн, провидѣ Духом Святым, яко жена побѣжит въ пустыню, и змий гоняше в слѣд ея, иже и совращает с праваго пути хотящаго жити смиренъным и духовным путем. Той же проклятый змий учит широким и пространным путем ходити и стезею злобы, и запинает, и возбраняет с праваго пути, и совращает, и велит жити растлѣнным житием, и возъбраняет по правому пути ходящим.

А иже хощет, и ищет, и желает спасения, того человека и наипаче вразумляет и помогает ему благодать Божия, и учит, и ведет его на совершенное духовное смиренное житие. Никто же бо никогда нигдѣ оставлен бысть от Господа. Призвах когда, услышан бысть от него. Или когда просит, и не приемлет ли? И ищет, и не обрящет ли от него? Вся убо Господь приемлет к нему приходящие с радостию и призывает. Но яко же убо силы на небесѣх не видят лице Божие. А егда грѣшник на земли покается, тогда ясно зрят лице Христово силы вся небесныя, и открывается слава Божества его, и видят лице его. Единыя убо души грѣшныя кающияся радость бывает на небесѣх всѣм силам небесным, и всѣм святым его.[23] А силы убо — ангелы и архаггелы, херувимы и серафимы, начала, и власти, и господьствия. И святыя убо сия суть: пророки, и апостолы, и святители, и преподобныя, и праведныя, мученики, и мученицы, и вси святии. Единого грѣшнаго ради покаяния бывает радость всѣм силам небесным и всѣм святым его.

А не хотящаго, ни тщащаго, ни желающаго получения спасения себѣ не нудит Господь нуждею и неволею. Но по усердию и по произволению сердца все строит Господь человеку. Егда кто нераздвойным умом и вѣрою несуменною обѣщается, и помышляти ничто же суетно в себѣ, или возвратится въспять, не повѣда ни отцу, ни матери, и сестрам, и братиям и таковому Господь открывает и управит его в таковое благоутишное пристанище молитвами преподобныхъ отец наших онѣх, иже трудятся день и нощь непрестанно. От уст их молитва, яко кадило благоуханно. Молят же ся и о хотящих спастися истинным сердцем, а не ложнымъ обѣщанием. И хотящим спастися и молитися, который человек обратитися к ним и аще кто откуду обратился, таковаго приемлет с радостию, яко от Бога наставляема.

И хотящему итъти в таковое мѣсто святое никакова помысла не имѣти лукава, и развращенна, и мятущего ум, и отводящаго в мѣста оного мысли человека того хотящаго итти. Но убо велми блюдися опасно мыслей злых, хотящих разлучити от мѣста того. И не помышляти сѣмо

и овамо. Таковаго управит человека Гсподь на путь спасения. Или извѣщение приидет ему из града того иже или из монастыря того, иже сокровени бяху оба, град же и монастырь. Есть бо и лѣтописец книга о монастырѣ том. На первое слово возвращуся.

Аще ли же пойдет и мыслити начнет, славити вездѣ, и таковому закрыет Господь. И покажется ему лѣсом и пустым мѣстом. И ничто же таковый получит себѣ, но токмо труд его всуе бысть. И соблазн, и укор и понос ему будет за сие от Бога. Казнь приимет здѣ и будущий вѣк, осуждение и тьму кромѣшную, иже таковому святому мѣсту поругася иже на конец вѣка сего чудо явися: невидим град бысть, якоже и в прежняя времена бысть много монастырей, не видимы быша, иже писаны в житиях святых отец, пространнѣе узриши.

И сей град Болший Китежь невидим бысть и покровен рукою Божиею, иже на конец века сего многомятежна и слез достойного покры Господь той град дланию своею. И невидим бысть по их молению и прошению, иже достойнѣ и праведнѣ тому припадающих, иже не узрит скорби и печали от звѣря антихриста. Токмо о нас печалуют день и нощь, о отступлении нашем, всего государьства московского, яко антихрист царьствует в нем и вся заповѣди его скверная и нечистыя.

Запустѣние града того повѣдают отцы, слышавши от прежде бывших их отец по разорении градском и по стѣ лѣтех послѣ нечестиваго и безбожнаго царя Батыя. Разори бо всю ту землю заузольскую и села и деревни огнем пожже. И лѣсом поростѣ вся та страна заузольская. И с того времени не видим бысть град той и монастырь.

Сию убо мы книгу лѣтописец написали в лѣта 6759 и уложили собором и предали святѣй Божией церкви на утвержение всѣм православным христианом, хотящим прочитати или слушати, а не поругатися сему божественному писанию. Аще ли же который человек поругается или посмѣется нами преданному сему писанию, да вѣсть таковый: той не нам поругается, но Богу и пречистѣй его матери, владычицѣ нашей Богородицѣ и присно девѣ Марии. В нем же славится и величается и именуется великое имя ея, матери Божии, тѣх же и она соблюдает, и хранит, и покрывает дланию своею, и молитву за них к сыну своему глаголющи: «Не презри моего, сыне любезный, прошения. Иже кровь свою излия на весь мир, тѣмже и сих помилуй, и сохрани, и соблюди призывающих имя мое с вѣрою несумнѣнною и чистым сердцем». Тѣмже Господь покры их своею рукою, иже мы написали, и уложили, и предали.

И к сему нашему уложению ни прибавити, ни убавити, ниже всяко пременити ни едину точку или запятую. Аще ли кто прибавит, или всяко пременит, да будет по святых отец преданию проклят, иже предавших сия и утвердивших. Аще ли кому невѣрно мнится, то прочти прежде бывших святых жития, и увѣсть, яко бысть много в прежняя времена сего. Слава иже в Троицы славимому Богу и пречистѣй его Богоматере, соблюдающей и хранящей мѣсто оно, и всѣм святым. Аминь.

---

[1] *...великий князь Георгий Всеволодович...*— великий князь владимирский (ок. 1187—1238), сын великого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого.

[2] *...великому князю Всеволоду, а во святом крещении наречен бысть Гавриил, псковский чудотворец.*— Всеволод-Гавриил Мстиславич, князь новгородский с 1117 г., в 1136 г. был изгнан новгородцами. В 1137 г. был приглашен во Псков на княжение, умер в 1137 или 1138 г.

[3] *...великому князю Мстиславу...*— великий князь киевский (1076—1132), старший сын Владимира Мономаха.

[4] *...равно апостолом великому князю Владимиру Киевскому...*— Владимир I Святославич, великий князь киевский, при котором произошло крещение Руси, поэтому он и назван «равным апостолам».

[5] *...прииде в Киев к дяде своему Ярополку...*— Ярополк II Владимирович (1082—1139), сын Владимира Мономаха, великий князь киевский (1132—1139 гг.), был дядей Всеволоду-Гавриилу Новгородскому.

[6] *...князю Михаилу Черниговскому.*— Князь Михаил Всеволодович Черниговский был шурином князя Георгия Всеволодовича.

[7] *...княгинѣ, христолюбивой Олгѣ...*— жена князя Игоря Рюриковича (ум. в 969 г.), бабка Владимира I Святославича; после смерти Игоря (945) управляла Киевской землей. Еще до крещения Руси князем Владимиром приняла крещение.

[8] *...прадѣду нашему, царю Константину.*— Имеется в виду римско-византийский император Константин Великий (ок. 285—337 гг.), сделавший христианство официальной государственной религией.

[9] *...Святополк, иже восхотѣ владѣти и уби братей своих благовѣрных и великих князей. Бориса повелѣ копием пробости, Глѣба же ножем заклати...*— Князья Борис и Глеб, сыновья киевского князя Владимира

Святославича, были убиты по приказу своего брата Святополка Окаянного, см. «Сказание о Борисе и Глебе».

[10] *...яко мати при смерти есть наша.*— Круг памятников, посвященных Борису и Глебу, говорит о том, что Святополк сообщил братьям о приближающейся смерти их отца, а не матери.

[11] *...великий князь Андрей Боголюбский.*— Андрей Юрьевич Боголюбский, великий князь суздальский и владимирский (ок. 1111—1174 гг.), сын Юрия Долгорукого.

[12] *...обретоша же мощи лежаще святителя Христова Леонтия епископа ростовского, чюдотворца...*— Леонтий, ростовский епископ, обратил в христианство население Ростовской земли, скончался около 1077 г. Обретение мощей св. Леонтия произошло в 1164 г. при великом князе суздальском и владимирском Андрее Боголюбском.

[13] *...повелѣ перемеряти поприща...*— Поприще — древнерусская мера длины, равная приблизительно версте (1066 м).

[14] *...патерик Монасийский, и патерик Скитский, и патерик Азбучный, и патерик Иерусалимский, и патерик Святыя горы...*— Патерики — сборники, состоящие или из кратких повестей о подвижниках какого-либо монастыря, или из кратких нравоучительных слов этих подвижников, или из тех и других вместе. Все перечисленные здесь патерики известны, за исключением «Монасийского», возможно это испорченное «Синайский».

[15] *«Праведник яко финик процвѣтет... во дворѣх Бога нашего процвѣтут».*— Пс. 91, 13—14.

[16] *«Мнѣ же зѣло честнии быша друзи твои, Боже... изочту их, и паче песка умножатся».*— Пс. 138, 17—18.

[17] *«Проидохом во овчинах и козиях кожах... имже не бѣ достоин мир».*— Евр. 11, 37—38.

[18] *...святый Анастасий горы Синайския...*— Анастасий Синаит — патриарх Антиохийский, христианский писатель VI в.

[19] *...отец наш Иларион Великий...*— Илларион Новый, или Пелекитский — христианский автор VIII в.

[20] *Самого Спасителя Божественная уста глаголаше... яко вся ищущему и хотящему спастися дастъся.*— См. Мф. 7, 7—8; Лк. 11, 9—10.

[21] *...во 2-е лѣто...*— Так в рукописи.

[22] *И уби той нечестивый царь Батый благовѣрнаго и великаго князя Михаила Черниговскаго з боляриною Федором... благовѣрнаго князя Меркурия Смоленскаго...*— Имеются в виду события, о которых

рассказывают «Сказание о Михаиле Черниговском» и «Повесть о Меркурии Смоленском».

[23] *Единыя убо души грѣшныя кающияся радость бывает на небесѣх всѣм силам небесным и всѣм святым его.*— Ср. Лк. 15, 7.

ПЕРЕВОД

КНИГА, НАЗЫВАЕМАЯ ЛЕТОПИСЕЦ, НАПИСАНА В ГОД 6646 (1237) СЕНТЯБРЯ В ПЯТЫЙ ДЕНЬ

Был сей святой благоверный и великий князь Георгий Всеволодович сыном святого благоверного и великого князя Всеволода, псковского чудотворца, что во святом крещении наречен был Гавриилом. Сей святой благоверный и великий князь Всеволод приходился сыном великому князю Мстиславу, внуком же святому и равноапостольному великому князю Владимиру Киевскому, самодержцу Русской земли. Святой же благоверный и великий князь Георгий Всеволодович — правнук святого благоверного и великого князя Владимира.

А святой благоверный князь Всеволод сначала княжил в Великом Новгороде. Но в свое время возроптали новгородцы на него и решили сами промеж себя: князь наш, некрещеный, владеет нами, крещеными. И сотворили совет, и пришли к нему, и изгнали вон. Он же пришел в Киев к дяде своему Ярополку и сказал ему все, за что изгнан был новгородцами. А тот, узнав об этом, дал ему <во владение> Вышгород. И здесь уже умоляли его псковичи княжить у них, и он пришел к ним в город Псков. И по некотором времени воспринял благодать святого крещения, и наречен был во святом крещении Гавриилом. И пребывал в великом пощении и воздержании, а спустя один год в вечный покой отошел, 6671 (1163) года, месяца февраля в одиннадцатый день. И погребен был сыном своим, благоверным и великим князем Георгием. И были чудеса многие от святых мощей его во славу и хвалу Христу, Богу нашему, и всем святым. Аминь.

Сей святой благоверный князь Георгий Всеволодович по преставлении отца своего благоверного князя Всеволода, нареченного во святом крещении Гавриилом, остался на месте его по мольбе псковичей. Было же это в 6671 (1163) году. Изволил святой благоверный и великий князь Георгий Всеволодович поехать к благоверному князю Михаилу Черниговскому. И когда пришел к благоверному князю Михаилу благоверный и великий князь Георгий, то поклонился благоверному князю Михаилу и сказал ему: «Здрав будь, благоверный и великий князь Михаил, на многие лета, сияя благочестием и верою Христовою, во всем ты уподобился прадедам нашим и прабабке нашей, благоверной великой княгине, христолюбивой Ольге, которая обрела самое дорогое

и великое сокровище — Христа и веру его святых пророков и апостолов и святых отцов, и благоверному христолюбивому царю и равноапостольному прадеду нашему царю Константину». И сказал ему благоверный князь Михаил: «Здрав будь и ты, благоверный и великий князь Георгий Всеволодович, пришел ты ко мне с благим советом и независтливым оком. Ведь что приобрел из-за зависти к дедам нашим Святополк, который возжелал власти и убил братьев своих, благоверных и великих князей! Бориса повелел копьем пронзить, Глеба же ножом заколоть, в годы княженья их. Ведь обманул он их льстиво по наущению сатаны, будто мать их при смерти. Они же, как незлобивые агнцы, уподобились благому пастырю своему Христу, не стали супротив брата, врага своего. Господь же прославил святых угодников своих, благоверных князей и великих чудотворцев Бориса и Глеба».

И князь Георгий с князем Михаилом дали друг другу целование, и праздновали духовно, и веселилися; и сказал благоверный и великий князь Георгий благоверному князю Михаилу: «Дай мне грамоту, на Руси нашей по укрепленным местам церкви Божий строить и города». И сказал ему благоверный и великий князь Михаил: «Как хочешь, так и созидай церкви Божий во славу и хвалу пресвятому имени Божию. За такое доброе твое соизволение награду примешь в день пришествия Христова».

И пировали они много дней. И когда пожелал благоверный князь Георгий вернуться в свой удел, тогда благоверный князь Михаил повелел грамоту написать и свою руку приложил к грамоте. И когда благоверный князь Георгий поехал во свое отечество и град, тогда благоверный князь Михаил с великою честью отпускал его и провожал. И когда были уже оба князя в пути и поклонились друг другу на прощание, то благоверный князь Михаил дал грамоту. Благоверный же князь Георгий взял грамоту у благоверного князя Михаила и поклонился ему, а тогда и тот в ответ ему.

И поехал <князь Георгий> по городам, и когда приехал в Новгород, повелел строить церковь во имя Успения пресвятой владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии в год 6672 (1164). Из Новгорода поехал во Псков, город свой, где преставился отец его, благоверный князь Всеволод, а во святом крещении Гавриил, новгородский и псковский чудотворец. И поехал из Пскова-града к Москве, и повелел строить церковь во имя Успения пресвятой владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии в год 6672 (1164). И поехал из Москвы в Переславль-Залесский, а из Переславля-града в Ростов-град. В то самое время был в граде Ростове великий князь Андрей Боголюбский. И повелел благоверный князь Георгий в граде том Ростове церковь строить во имя Успения пресвятой владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии в год 6672 (1164), месяца мая в двадцать третий

день. Во дни великого князя Георгия начали рвы копать под основание церкви и обрели погребенные мощи святителя Христова Леонтия, епископа ростовского, чудотворца, который обратил в Ростове-граде людей в веру Христову и крестил их от мала и до велика. И возрадовался радостью великою благоверный князь Георгий, и прославил Бога, давшего ему такое многоценное сокровище, и отпел молебен. И повелел ехать Андрею, князю Боголюбскому, в город Муром и строить в городе Муроме церковь во имя Успения пресвятой владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии.

Сам же благоверный и великий князь поехал из города Ростова и приехал в город Ярославль, что на берегу Волги-реки стоит. И сел в струг, и поехал вниз по Волге, и пристал к берегу у Малого Китежа, что на берегу Волги стоит, и отстроил его. И начали молить все люди того города благоверного князя Георгия, чтобы образ чудотворный иконы пресвятой Богородицы Феодоровской перенес к ним в город. И он сделал, как его просили. Начали петь молебен пресвятой Богородице. И когда кончили и хотели образ тот нести в город, то образ не сошел с места того, нисколько не сдвинулся. Благоверный же князь Георгий, увидав произволение пресвятой Богородицы, избравшей здесь место себе, повелел построить на том месте монастырь во имя пресвятой Богородицы Феодоровской.

Сам же благоверный князь Георгий поехал с места того сухим путем, а не по воде. И переехал реку Узолу, и вторую реку, именем Санду, и третью реку переехал, именем Саногту, и четвертую переехал, именем Керженец, и приехал к озеру, именем Светлояру. И увидел место то, необычайно прекрасное и многолюдное. И по умолению его жителей повелел благоверный князь Георгий Всеволодович строить на берегу озера того Светлояра город, именем Большой Китеж, ибо место то было необычайно прекрасно, а на другом берегу озера того была дубовая роща.

И советом и повелением благоверного и великого князя Георгия Всеволодовича начали рвы копать для укрепления места этого. И начали строить церковь во имя Воздвижения честного креста Господня, а вторую церковь — во имя Успения пресвятой владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии, и третью церковь — во имя Благовещения пресвятой владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии. В тех же церквах повелел <князь Георгий> приделы сделать и в честь других праздников Господских и Богородичных. Так же и образы всех святых написать повелел.

И город тот, Большой Китеж, на сто сажен в длину и ширину был, и по первой мере было мало места. И повелел благоверный князь Георгий еще сто сажен прибавить в длину, и стала мера граду тому в длину — двести сажен, а в ширину — сто сажен. А начали город тот каменный строить в год 6673 (1165), месяца мая в первый день, на память святого пророка Иеремии и иже с ним. И строился город тот три года, и построили его в год 6676 (1167), месяца сентября в тридцатый день, на память святого священномученика Григория, епископа Великой Армении.

И поехал в Малый Китеж, что на берегу Волги стоит, благоверный князь Георгий Всеволодович. И по построении городов тех, Малого и Большого, повелел он измерить в поприщах, сколь много они расстояния меж собою имеют. И по повелению благоверного князя Георгия намерили сто поприщ. И благоверный князь Георгий Всеволодович, узнав сие, воздал славу Богу и пресвятой Богородице и повелел также и книгу летописец написать. А сам благоверный и великий князь Георгий Всеволодович повелел всю службу отслужить. И молебен пропев пресвятой Богородице Феодоровской, по совершении службы той отплыл в струге своем в путь свой в прежде упомянутый город свой Псков. Народ провожал его с великой честью, и, попрощавшись с ним, отпустили.

Благоверный же князь Георгий Всеволодович, приехав в город свой, прежде названный Псков, много дней пребывал в молитве, и в посте, и в бдении, и раздал много милостыни нищим, и вдовицам, и сиротам. А по построении городов тех прожил семьдесят пять лет.

Было же в год 6747 (1239). Попущением Божиим, грехов ради наших, пришел на Русь войной нечестивый и безбожный царь Батый. И разорял он города и огнем сжигал их, и церкви Божий тоже разорял и огнем сжигал. Людей же мечу предавал, а малых детей ножом закалывал, младых дев блудом осквернял. И был плач великий.

Благоверный же князь Георгий Всеволодович, слышав обо всем этом, плакал горько. И, помолившись ко Господу и пресвятой Божией Матери, собрал свое воинство, и пошел против нечестивого царя Батыя с воинами своими. И когда вступили в сражение оба воинства, была сеча великая и кровопролитие.

В ту пору у благоверного князя Георгия было мало воинов, и побежал благоверный князь Георгий от нечестивого царя Батыя вниз по Волге в

Малый Китеж. И долго сражался благоверный князь Георгий с нечестивым царем Батыем, не пуская его в город свой.

Когда же наступила ночь, тогда благоверный князь Георгий вышел тайно из этого города в Большой град Китеж. Наутро же напал тот нечестивый царь на тот город с воинами своими, приступил приступом и захватил его. И всех людей в городе этом побил и порубил. И, не найдя благоверного князя в городе том, начал мучить одного из жителей, а тот, не вытерпев мук, открыл ему путь. Тот же нечестивый погнался вслед князю. И когда пришел к городу, напал на него со множеством своих воинов и взял тот город Большой Китеж, что на берегу озера Светлояра, и убил благоверного князя Георгия, месяца февраля в четвертый день. И ушел из города того нечестивый тот царь Батый. И после его <ухода> взяли мощи благоверного князя Георгия Всеволодовича.

И после того разорения запустели города те, Малый Китеж, что на берегу Волги стоит, и Большой, что на берегу озера Светлояра.

И невидим будет Большой Китеж вплоть до пришествия Христова, что и в прежние времена бывало, как свидетельствуют жития святых отцов, патерик Монасийский, и патерик Скитский, патерик Азбучный, и патерик Иерусалимский, и патерик Святой Горы; а эти святые книги, в которых писаны жития святых отцов, согласны в том, что сокровенная обитель не едина, но есть много монастырей, и в тех монастырях многое множество святых отцов, точно звезд небесных, просиявших житием своим. Как песка морского невозможно счесть, так и невозможно все письменно изложить и все описать. Именно о них, провидя Духом Святым, блаженный пророк царь Давыд, удивляясь, вопиет Духом Святым, в богодухновенной книге своей Псалтыри говорит: «Праведник, как пальма, цветет и, как кедр ливанский, возвышается; насажденные в доме Господнем, они цветут во дворах Бога нашего». И еще тот же пророк царь Давыд: «Возвышенны для меня друзья твои, Боже, как велико число их; стану ли исчислять их, но они многочисленнее песка». О них, провидя Духом Святым, блаженный апостол Павел в своем послании говорит, провидя, такое слово к нам обращает: «Скитались в овечьих и козьих шкурах, терпя лишения, скорби, оскорбления, те, которых не был достоин весь мир». То же слово изрек и святой Иоанн Златоуст, в поучении своем говорит он в третью неделю поста. То же слово обращает к нам, провидя, святой Анастасий с горы Синайской. Это же слово апостольское обращает к нам, провидя, и преподобный отец наш Иларион Великий, о святых он пишет: «И так же в последние времена будет: грады и монастыри сокровенные будут, потому что антихрист царствовать начнет в мире. Тогда побегут в горы, и в вертепы, и в пропасти земные». И человеколюбивый Бог не оставит тогда хотящего спастись. Усердием, и умилением, и слезами все

получает человек у Бога. Самого Спасителя Божественные уста возвестили в пресвятом Евангелии, что все имущему и хотящему спастись дастся.

И по убиении святого и благоверного и великого князя Георгия Всеволодовича, и по погребении честных мощей его, в год шестой пришел тот царь Батый воевать в русское царство. Пошел же против царя Батыя благоверный князь Михаил Черниговский с бояриным своим Феодором. И когда сразились оба воинства, было кровопролитие великое. И убил тот нечестивый царь Батый благоверного и великого князя Михаила Черниговского с бояриным Феодором в год 6750 (1241), месяца сентября в двадцатый день. И после убиения благоверного князя Михаила Черниговского через два года убил благоверного князя Меркурия Смоленского тот нечестивый царь Батый в год 7655 (1246), месяца ноября в двадцать четвертый день. И было запустение московского царства, и прочих монастырей, и того града Большого Китежа в год 6756 (1248).

Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже. Если какой человек обещается истинно идти в него, а не ложно, и от усердия своего поститься начнет, и многие слезы прольет, и пойдет в него, и обещается лучше голодной смертью умереть, а его не покинуть, и иные многие скорби претерпеть и даже смертию умереть, знай, что спасет Бог такового, что каждый шаг его будет известен и записан будет ангелом. Ибо на путь спасения он пошел, как свидетельствуют о том книги, такие, как патерик Скитский. Был некто отец, и обратил он одну блудницу от блуда. Блудница же пошла с ним в монастырь. И пришла ко вратам монастыря того, и умерла. И была спасена. И другая также отошла в пустыню с отцом и умерла. И приняли ангелы душу ее и возвели по лестнице на небо.

Так же и с тем человеком. Если случится и умереть ему,— по Божественному писанию рассудится. Ибо бегун тот духовно подобен спасающемуся от блудницы вавилонской, темной и полной скверны мира сего, о чем святой Иоанн Богослов написал в Откровении, книге своей. О последнем времени говорит он как о жене, сидящей на звере семиглавом, нагой и бесстыдной, в руках же своих она держит чашу, полную всякой скверны и смрада наполненную, и подает ее в мире живущим и любящим это,— в первую очередь патриархам, царям, и князьям, и воеводам, и всяким властителям богатым, и всем людям в мире сем суетном, любящим сладость его.

Тому же, кто хочет и желает спастись, подобает бежать от мира и сладости его, как сказал тот же Иоанн, провидя Духом Святым: жена

побежит в пустыню, и змей будет гнаться по следу ее, тот, что совращает с правого пути хотящего жить смиренно и духовно. И тот проклятый змей учит широким и пространным путем ходить, стезею злобы, и сбивает с правого пути, и совращает, и велит жить растленной жизнью, и устрашает по правому пути ходящих.

Но того, кто хочет, и ищет, и желает спасения, того человека очень сильно вразумляет благодать Божия, и помогает ему, и учит, и ведет его на совершенное духовное смиренное житие. Ибо никто никогда и нигде не оставлен был Господом. Когда бы ни призвал его, услышан был им. И когда просит, не получает ли? И того, что ищет, не находит ли у него? Ибо всех приемлет Господь, к нему приходящих, с радостью и всех призывает. Ведь обычно даже силы на небесах не видят лица Божьего. А когда грешник на земле покается, тогда ясно зрят лицо Христово силы все небесные, и открывается слава Божества его, и видят лицо его. Ибо единой ради души грешной кающейся радость бывает на небесах всем силам небесным и всем святым его. А силы — это ангелы и архангелы, херувимы и серафимы, начала, и власти, и господствия. А святые — это вот кто: пророки, и апостолы, и святители, и преподобные, и праведники, мученики, и мученицы, и все святые. Ради покаяния единого грешника бывает радость всем силам небесным и всем святым его.

А не хотящего, не стремящегося, не желающего получить спасение себе не принуждает Господь насильно и неволею. Но по усердию и по произволению сердца все творит Господь человеку. Когда кто нелицемерным умом и верою непоколебимою даст обет и не будет помышлять в себе ни о чем суетном, тогда, если даже и возвратится вспять, не поведав ни отцу, ни матери, ни сестрам, ни братьям, то и такому открывает Господь путь и направляет его в таковое благое и тихое пристанище молитвами преподобных отцов наших, что трудятся день и ночь непрестанно. Молитва их уст, как кадило благоуханное. Молятся они и о хотящих спастись искренним сердцем, а не ложным обетом. И если кто хочет спастись и молится, если кто откуда-нибудь обратится к ним, такового приемлют с радостию как наставляемого Богом.

И хотящему идти в таковое место святое никакого помысла не иметь лукавого и развращенного, смущающего ум и уводящего на сторону мысли того человека, хотящего идти. Крепко остерегайся мыслей злых, стремящихся отлучить от места того. И не помышляй о том да о сем. Такого человека направит Господь на путь спасения. Или извещение придет ему из града того или из монастыря того, что сокрыты оба, град и монастырь. Есть ведь и летописец-книга о монастыре том. К первому слову возвращусь.

Если же пойдет, и сомневаться начнет, и славить везде, то таковому закроет Господь град. И покажется он ему лесом или пустым местом. И ничего таковой не получит, но только труд его всуе будет. И соблазн, и укор, и поношение ему будет за это от Бога. Казнь примет здесь и в будущем веке, осуждение и тьму кромешную за то, что над таковым святым местом надругался, над чудом, явившимся под конец века нашего: стал невидим град подобно тому, как и в прежние времена было много монастырей, сделавшихся невидимыми, об этом было писано в житиях святых отцов, там подробнее прочтешь.

И сей град Большой Китеж невидим стал и оберегаем рукою Божиею,— так под конец века нашего многомятежного и слез достойного покрыл Господь тот град дланию своею. И стал он невидим по молению и прошению тех, кто достойно и праведно к нему припадает, кто не узрит скорби и печали от зверя-антихриста. Только о нас печалуют день и ночь, об отступлении нашем, всего нашего государства московского, ведь антихрист царствует в нем и все его заповеди скверные и нечистые.

О запустении града того рассказывают отцы, а они слышали от прежних отцов, живших после разорения града и сто лет спустя после нечестивого и безбожного царя Батыя. Ибо тот разорил всю ту землю заузольскую и села и деревни огнем пожег. И лесом поросла вся та страна заузольская. И с того времени невидим стал град тот и монастырь.

Сию книгу-летописец мы написали в год 6759 (1251), и утвердили собором, и предали святой Божией церкви на укрепление всем православным христианам, хотящим прочитать или послушать, а не похулить сего божественного писания. Если же какой человек надругается или насмеется над сим, нами завещанным, писанием, да знает таковой, что он не нас похулил, но Бога и пречистую его матерь, владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию. В ком же славится, и величается, и поминается великое имя ее, матери Божией, тех и она соблюдает, и хранит, и покрывает дланию своею, молитву за них сыну своему принося: «Не оставь в презрении моего, о сын любезный, прошения. Ты, кто кровью своею омыл весь мир, помилуй и сих и сохрани и соблюди призывающих имя мое с верою несомненною и чистым сердцем». И потому Господь покрыл их своею рукою, о чем мы и написали, и утвердили, и известили.

И к сему нашему постановлению ни прибавить, ни убавить и никак не изменить, ни единую точку или запятую. Если же кто прибавит или как-нибудь изменит, да будет проклят, по святых отцов преданию, по преданию известивших о сем и утвердивших. Если же кому это кажется неверным, то прочти прежних святых жития и уведай, что было много сего в прежние времена. Слава в Троице славимому Богу и пречистой его Богоматери, соблюдающей и хранящей это место, и всем святым. Аминь.

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой

ВСТУПЛЕНИЕ

Галицко-Волынская летопись была создана в XIII в. и дошла до нас в составе Ипатьевской летописи XV в.; это ценный исторический источник, содержащий сведения по истории Южной Руси, Литвы и частично Венгрии и Польши, охватывающий целый век — век наивысшего расцвета Галицко-Волынского княжества. В центре повествования стоит фигура великого князя Даниила Романовича Галицкого — одновременно эпический и романтический образ древнерусского князя, мужественного, мудрого, воинственного и справедливого. Даниил Романович осенен ореолом народного героя, защитника отечества, победителя многочисленных врагов; и в то же время это мудрый дипломат, человек, не лишенный эстетических интересов, всегда стремящийся не только укрепить, но и украсить свою родную страну. Вся летопись состоит из описаний битв, «остросюжетных» политических интриг, и это перемежается с сообщениями о частных семейных делах, о симпатиях и антипатиях людей, о любви к родным местам и о беспокойной жажде деятельности во славу отечества. Постоянной трагической нотой звучит, начиная с середины произведения, тема татарского нашествия, разорения и гибели.

Галицко-Волынская летопись — произведение очень сложное, что определяется и историей создания памятника. Летопись состоит из многих компонентов, порой не очень удачно соединенных в одно целое. Кроме того, она четыре раза переделывалась и дополнялась. Четыре сводчика (составители сводов) имели разные взгляды на события, у них были разные «главные герои», и им не удалось (вернее, они и не хотели этого) избежать пристрастности в характеристиках тех или иных персонажей, вершивших историю в описываемое время. Однако тема героического подъема и эмоциональная насыщенность всех частей являются объединяющим началом в памятнике.

Как было принято в то время, галицко-волынские князья имели свою придворную летопись и своего летописца. Однако эта летопись составлялась не по годам, а единовременно — составитель собирал воедино все материалы, из которых мог составить свое описание: летописные известия из других источников, воинские повести (рассказы о битвах и походах, написанные или рассказанные очевидцами событий), документы из княжеского архива, отчеты военных и дипломатических деятелей. Все это дополнено собственными рассказами составителя, а также цитатами из книг (из Библии, переводных хроник и др.), показывающими широкую образованность составителя, а также круг литературы, который был в распоряжении галицко-волынского книжника.

Первая часть Галицко-Волынской летописи — летописный свод 1246 г., составленный митрополитом Кириллом. В 1246 г. митрополит Кирилл навсегда расстался с Даниилом Романовичем, и его сменил в качестве составителя летописи холмский епископ Иоанн, который довел повествование до 1264 г., года смерти Даниила Романовича. В состав свода 1246 г. включены известия из Киевской летописи, в частности повесть о нашествии Батыя, которая находится на стыке сводов Кирилла и Иоанна.

Летопись Иоанна охватывает 1247—1264 гг., она написана в Холме. Однако в ней чувствуются следы основательной переработки ее, осуществленной, по-видимому, во Владимире составителем следующей части Галицко-Волынской летописи, свода Василька Даниловича. И это легко проследить, наблюдая, как в данной редакции летописного текста рассказывается о Льве Даниловиче, старшем сыне Даниила Романовича. Епископ Иоанн относится к Даниилу Романовичу и его сыну Льву с большим пиететом. Он упоминал Льва уже в повествовании о походах Даниила Романовича в своде 1246 г. Однако в описаниях событий 1263—1269 гг. (времени правления Шварна) совсем нет благожелательных сообщений о Льве. По-видимому, они были выброшены владимирским редактором, как и многие другие события, не имеющие отношения к Васильку и Владимиру. Повести о чешском и ятвяжском походах вновь отводят Льву надлежащее место — возможно, они были написаны по его рассказам. Сам епископ Иоанн был участником визита князя Василька к Бурундаю в 1261 г. Все это написано в достаточно официальном тоне, но слова «владыка стояще во ужасти величе» показывают нам автора этого сообщения, которому трудно забыть пережитый страх при виде гнева завоевателя.

Граница между сводом Иоанна и следующим сводом — Василька Даниловича — размыта. В. Т. Пашуто считает началом свода Василька Тернавский съезд 1262 г. Возможно, что начало немного раньше — в 1261 г.— с сообщения о свадьбе Ольги Васильковны. Перед этим текстом в Ипатьевской летописи находится киноварная строка «по сем же минувшему лѣту», служащая заставкой-разделителем.

Летописец Василька охватывает период с 1263 (условно) до 1271 г.— года смерти Василька. Тенденциозность этой части летописи еще более заметна — преувеличение роли князя Василька в происходящих

событиях делается за счет умалчивания о событиях, в которых он не участвовал. Эта летопись очень коротка, в ней есть части погодной записи событий, и существенным дополнением к ней являются рассказы о литовских событиях, заимствованные из литовской летописи.

Летописец Владимира Васильковича (от 1272 до 1289 г.) начинается словами: «Нача княжити во него мѣсто сынъ его Володимерь». Автор его — епископ Евсигний. Характер повествования здесь иной, и это определяется личностью князя Владимира и общим положением его княжества. Волынская земля была отделена и от татар, и от венгров Галицким княжеством. Владимир Василькович мог себе позволить, ссылаясь на болезнь, не общаться с татарами (и осуждать Льва за его контакты) и не интересоваться военными делами. Основные военные сообщения его свода — это выдержки из Литовской летописи, рассказ о походе Телебуги и походе русских князей «неволею татарскою» против Польши. С 1289 г. в центре внимания летописца — болезнь и смерть князя Владимира Васильковича. С дневниковой точностью автор, очевидец каждого дня его жизни, описывает все, что происходило,— кто к нему приходил, о чем говорили, о чем думал князь, чем он был озабочен, как он страдал.

Окончив рассказ о последних днях князя Владимира, летописец, следуя литературному этикету, написал книжную, искусственную похвалу князю Владимиру. В ней уже очень мало от живого человека — заимствованные из традиционной письменности похвалы (за милосердие, нищелюбие, кротость и т. д.), подробное описание всего, что он сделал для церквей своего княжества (похожее на инвентарную опись) и пространная цитата из «Слова о Законе и Благодати», приноровленная к своему герою. В. Т. Пашуто считает, что у епископа Евсигния явилась мысль о канонизации князя Владимира — с этого момента он переменил стиль своей работы, начал писать языком традиционной письменности, привычным для восприятия в сфере церкви, и закончил все сообщением о нетленности тела Владимира Васильковича (этикетный житийный мотив).

С 1289 по 1291 г.— небольшой кусок летописи, который может быть назван Летописцем князя Мстислава Даниловича. Здесь характер летописи опять меняется. В центре внимания автора — военные события, крамола бояр, интриги Льва и Юрия. В конце несколько погодных записей. По-видимому, конец этого свода не сохранился.

Читателю следует помнить о следующем: хотя в Галицко-Волынской летописи повествование ведется как бы по годам, эти годы проставлены не точно (с ошибкой до пяти лет). Летописец не случайно ввел в свое повествование рассуждение о хронологии — он действительно так работал, описывая события целиком, а не погодно, то есть забегая вперед и возвращаясь назад. Хронологическая сетка расставлена потом. Начинается Галицко-Волынская летопись сразу после Киевской, кончившейся 1200 г., поэтому летописец ставит своей первой датой 1201 г., считая его годом смерти Романа Мстиславича (на самом деле Роман умер в 1205 г.). Мы пользуемся датами летописи для

обозначения места того или иного рассказа в тексте летописи, а не для определения времени происходящего события — все эти даты историки должны проверять по другим источникам.

Галицко-Волынская летопись печатается по ее старейшему списку — по Ипатьевской рукописи XV в. (*БАН*, 16.4.4). В тех случаях, когда имеется порча текста или очевидная ошибка писца, исправления вносятся по другим спискам Галицко-Волынской летописи — Погодинскому (П) и Хлебниковскому (X). На протяжении всего списка встречаются более поздние исправления, которые не учитываются, кроме тех случаев, когда такое исправление важно и подтверждается другими списками.

При подготовке текста и комментария были использованы следующие источники: 1) *ПСРЛ*, т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.— Переиздание. М., 1962.— Указатель к первым восьми томам. Отд. 1. Указатель лиц. СПб., 1898; Отд. 2. Указатель географический. СПб., 1907. 2) Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.— далее: *Пашуто*. 3) Лонгинов А. В. Родственные отношения русских князей с венгерским королевским домом.— Труды Виленского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильно, 1893.— далее: *Лонгинов*.
4) Раппопорт А. А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. М.—Л., 1961.
5) Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.
6) Летопис руськии за Ипатським списком. Преклав Л. Махновець. Киев, 1989 —далее: *Махновец*.

ОРИГИНАЛ

В лѣто 6709. Начало княжения великаго князя Романа, како *державего бывша* всей Руской земли князя галичкого.[1]

По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси.

Одолѣвша всимъ поганьскымъ языком ума мудостью, ходяща по заповѣдемь Божимъ: устремил бо ся бяше на поганыя, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ; и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху,[2] погубившему поганыя измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока во обезы, за Желѣзная врата, Сърчнови же[3] оставшю у Дону, рыбою оживъшю. Тогда Володимерь и Мономахъ пилъ золотом шоломомъ Донъ,[4] и приемшю землю ихъ всю и загнавшю оканьныя агаряны. По смерти же Володимерѣ оставъшю у Сырьчана единому гудьцю же Ореви, посла и во обезы, река:[5] «Володимеръ умерлъ есть. А воротися, брате, поиди в землю свою. Молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половѣцкия. Оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемь евшанъ».[6] Оному же не

восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье. Оному же обухавшю, и восплакавшю, рче: «Да луче есть на своей землѣ костью лечи, и не ли на чюже славну быти». И приде во свою землю. От него родившюся Кончаку, иже снесе Сулу пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву.

Роману же князю ревновавшю за то, и тщашеся погубити иноплеменьникы.[7]

…велику мятежю воставшю в землѣ Руской, оставившима же ся двѣима сынома его: единъ 4 лѣт, а другии дву лѣтъ.[8]

Въ лѣто 6710. Собравшю же Рурику[9] половци и руси много, и приде на Галичь,[10] оставивъ мниский чинъ, бѣ бо приялъ боязни ради Романовы.[11] И пришедшю ему на Галичь, и срѣтоша и бояре галичкыи, и володимерьстии, у Микулина на рѣцѣ Серетѣ,[12] и бившимася има всь днь о рѣку Сереть, и мнози язвени быша, и не стерпѣвше, и възвратишася в Галичь. И пришедшю же Рюрику в Галичь, и не успѣвши ничтоже.

За то бѣ по смерти Романовѣ снимался король со ятровью своею во Саноцѣ.[13] Приялъ бо бѣ Данила, како милога сына своего, оставилъ бо бѣ у него засаду:[14] Мокъя великаго Слъпоокого, и Корочюна, Вълпта, и сына его Витомира, и Благиню,[15] иныи угры многи. И за то не смѣша галичанѣ ничтоже створити, бѣ бо инѣхъ много угоръ.

Тогда же два князя половѣцкая Сутоевича Котянь и Сомогуръ[16] поткоста на пѣшьцѣ, и убьена быста коня под ними, и за мало ихъ не яша.

Рюрикъ же воротися Кыеву.

Малу же времени минувшю, и приведоша Кормиличича,[17] иже бѣ загналъ великый князь Романъ невѣры ради: славяху бо Игоревича.[18] Послушав же ихъ галичкыи бояре, и послаша по нихъ, и посадиша и: в Галичѣ Володимера, а Романа во Звенигородѣ.[19]

Княгини же Романовая, веемше дѣтятѣ свои, и бѣжа в Володимерь.[20] И еще же хотящю Володимер искоренити племя Романово, поспѣвающимъ же безбожнымъ галичаномъ. Посла же Володимеръ со свѣтомъ галичкых бояръ, на рѣчь е попомъ, к володимерцемь, рекы имъ: «Не имать остатися градъ вашь, аще ми не выдасте Романовичю, аще не приимете брата моего Святослава княжити в Володимерѣ». Володимерцемъ же хотящимъ убити попа, Мьстьбогъ и Мончюкъ и Микифоръ[21] и рѣша: «Не подобаеть намъ убити посла». Имѣяху бо лесть во сердцѣ своемь, яко предати господу свою и градъ.[22] Спасенъ же ими бысть попъ.

Наутрѣя же увѣдавши княгини, и свѣтъ створи с Мирославомъ и с дядькомъ,[23] и на ночь бѣжаша в Ляхы. Данила ж возмя дядька передъ ся изиидe изъ града. Василка же Юрьи попъ с кормилицею возмя, изыиде дырею градною,[24] не вѣдяху бо, камо бѣжаще, бѣ бо Романъ убьенъ на ляхохъ, а Лестько мира не створилъ.[25] Богу же бывшю поспѣшнику: Лестко не помяну вражды, но с великою честью прия ятровь свою[26] и дѣтятѣ, сожаливъ си и рече, яко: «Дьяволъ есть воверглъ вражду сию межи нами». Бѣ бо Володиславъ лестя межи има и зазоръ имѣя любви его.[27]

Въ лѣто 6711. Данило посла Лестъко во Угры и с нимъ послалъ посолъ свои Вячеслава Лысого, рекы королеви: «Язъ не помянухъ свады Романовы. Тобѣ бо другъ бѣ. Клялася бо бѣста, яко оставшю в животѣ племени его, любовь имѣти. Нынѣ же изгнание бысть на них. Нынѣ же идемь, и веемша предаевѣ имъ отчьство ихъ». Король же си словеса приимъ, сжалиси о бывшемь, остави же Данила у себе, а Лестько княгиню и Василка у себе.

Володимеръ же многи дары посла королеви и Лестькови.

По сем же долгу времени минувшю, мятежь бысть межи братома и Володимеромъ и Романомъ. Роман же ѣха во Угры и бися с братомъ и побѣди въза Галичь, а Володимеръ бѣжа во Путивль.

Въ лѣто 6712. Возведе Олександръ Лестька и Конъдрата.[28] Придоша ляховѣ на Володимеръ, и отвориша имъ врата володимерци, рекуще: «Се сыновець Романови». Ляховѣ поплѣниша городъ весь. Олександру молящюся Льстькови о останцѣ града и о церкви святѣй Богородици.[29] Твердымъ же бывшимъ дверемь, не могоша исѣчи, донележе Лестько приѣха и Конъдратъ, и возбиста ляхы своя ти. Тако спасена бысть церкви, и останокъ людии. И жаляхуся володимерци, емше имъ

вѣры и присязѣ ихъ: «Аще не был бы сродникъ ихъ с ними Олександръ, то не перешли быша ни *Буга*».

Святослава же яша и ведоша и в Ляхы. Олександръ же сѣде в Володимерѣ. Тогда же яша Володимера Пиньскаго.[30] Бѣ бо Инъгварь с ляхы и Мьстиславъ.[31] Потом же сѣде Инъгварь в Володимерѣ. Поя у него Лестько дщерь и пусти,[32] иде же ко Орельску.[33]

И приѣха берестьяне[34] ко Лестькови и просиша Романовыи княгини и дѣтии,[35] бѣаста бо млада сущи. И вдасть имъ, да владѣеть ими. Они же с вѣликою радостью срѣтоша и, яко великаго Романа *жива* видящи.[36]

Потом же Олександръ живяше въ Бѣлзѣ,[37] а Инъгварь в Володимерѣ, бояром же не любящимъ Инъгвара. Олександръ же свѣтомъ Лестьковым пря Володимерь. Княгини же Романовая посла Мирослава ко Лестькови глаголющи, яко: «Сий всю землю нашю и отчину держить, а сынъ мой во одиномъ Берестьи». Олександръ прия Угровескъ, Верещинъ, Столпъ, Комовь[38] и да Василкови Белзъ.

Въ лѣто 6713. Олександру сѣдящю в Володимерѣ, а брату его Всеволоду в Червьнѣ,[39] литва[40] же и ятвѣзѣ[41] воеваху, и повоеваша же Турискъ[42] и около Комова, оли и до Червена и бишася у воротъ Червенеских, и застава бѣ Уханяхъ.[43] Тогда же убиша Матѣя, Любова зятя, и Доброгостя, выехавша у сторожа. Бѣда бо бѣ в землѣ Володимерьстѣй от воеванья литовьского и ятвяжьскаго. Мы же на преднее возвратимся, случившихся в Галичѣ.

Андрѣй же и король увѣдивъ безаконье галичкое и мятежь, и посла Бенедикта[44] со воими, и я Романа в бани мыющася и посла и во Угры.

Бѣ бо Тимофѣй в Галичѣ премудръ книжникъ,[45] отчество имѣя во градѣ Киевѣ. Притчею рече слово о семь томители Бѣнедиктѣ, яко: «В послѣдняя времена тремя имены наречется антихристъ». Бѣгаше бо Тимофей от лиця его, бѣ бо томитель бояромъ и гражаномъ, и блудъ творя и оскверняху жены же и черници и попадьи. В правду бѣ антихристъ за скверная дѣла его.

Въ лѣто 6714. Приведоша же галичане Мьстислава на Бенедикта. И прииде к Галичю, и не успѣвшю ему ничтоже. Щепановичь Илия[46] возведъ и на галицину могилу, осклабився, рече ему: «Княже, уже еси на галицини могылѣ посѣдѣлъ, тако и в Галичѣ княжилъ еси». Смѣяху бо ся ему, воротися в Пересопницю.[47] И по семь скажемь[48] о галицинѣ могилѣ, и о начатьи Галича, откуду ся почалъ.

Роман же утече изъ Угоръ. И послаша галичанѣ ко брату его Володимеру глаголюще: «Сгрѣшихомъ к вамъ. Избави ны томителя сего Бенедикта». Они же поидоша ратью, а Бенедиктъ бѣжа во Угры. Седе же Володимеръ в Галичѣ, а Романъ во Звенигородѣ, а Святославъ в Перемышли,[49] а сыну своему да Теребовль Изяславу,[50] в Всеволода сына своего посла во Угры ко королеви с дары.

Данилови сущю во Угрѣхъ, король же Андрѣи и боярѣ угорьстѣи и вся земля хотяше дати дщерь свою за князя Даниила,[51] обѣима дѣтьскома бывшима, зане сына у него не бѣ.

В лѣто 6715. Убьенъ бысть царь великыи Филипъ Римьскыи совѣтомъ брата королевое.[52] Моляшеся сестрѣ, да бы ему нашла помощника. Она же никако могущи помощи брату своему си, и да дщерь свою за лонокрабовича за Лудовика.[53] Бѣ бо мужь силенъ и помощникъ брату ее. Юже нынѣ святу нарѣчают именемь Алъжьбитъ,[54] преднее бо имя ей Кинека, много бо послужи Богови по мужи своемь, и святу нарѣчають. Но мы на преднее возвратимся, якоже преже почали быхомъ.

Въ лѣто 6716. Съвѣтъ же створиша Игоревичи на бояре галичкыи, да избьють. И по прилучаю избьени быша, и убьенъ же бысть Юрьги Витановичь, Илия Щепановичь, инии велиции бояре. Убьено же бысть ихъ числомъ 500, а инии разбѣгошася.

Володислав же Кормиличичь бѣжа во Угры, и Судиславъ, и Филипъ.[55] Наидоша Данила во Угроьской землѣ дѣтъска суща и просиша у короля угорьского: «Дай намъ отчича Галичю Данила, атъ с нимъ приимемь и от Игоричевъ». Король же с великою любовью посла *воевъ*[56] в силѣ тяжцѣ, и великого дворьского Пота,[57] поручивъ ему воеводьство надо всими воими. Имена же бывши воеводамъ с ним: первый Петръ Туровичь, вторый Банко, трети Мика Брадатый, четвертый Лотохаротъ, пятый Мокъянъ,[58] шестый Тибрець, седмы Мароцелъ, и инии мнозии, ихже не мощно сказати и ни писати.

И совокупившеся вси. Первое придоша на град Перемышль. И пришедши же Володиславу ко граду и рече имъ: «Братье, почто смышляетеся? Не сии ли избиша отци ваши и братью вашю? А инѣи имѣние ваше разграбиша, и дщери ваша даша за рабы ваша! А отчьствии вашими владѣша инии пришелци! То за тѣхъ ли хочете душю свою положити?». Они же сжалившиси о бывшихъ, предаша градъ и князя ихъ Святослава яша.

Оттуду же проидоша ко Звенигороду. Звенигородцемь же лютѣ борьщимся имъ с ними и не пущающимъ ко граду, ни ко острожнымъ вратомъ,[59] онем же стоящимъ окрестъ града.

Василку же княжащю во Белзѣ, и приидоша же от него великий Вячеславъ Толъстый и Мирославъ и Дьмьянъ и Воротиславъ,[60] инии бояре мнозѣ и вои от Белза, а от Лестка из Ляховъ Судиславъ Бернатовичь[61] со многими поляны, и от Пересопници приде Мьстиславъ Немый со многими вои, Олександръ с братомъ от Володимеря со многими воими. Инъгваръ же посла сына своего из Лучька, из Дорогобужа со многими вои и Шюмьска.[62]

И приѣхаша же и половци Романови на помощь, Изяславъ с ними Володимеричь. Угром же не побѣдившимъ воемь, и гнаша со становъ своихъ. Мика же убоденъ и Тъбаша и главу ему стялъ. Половци же узрѣвшимъ е крѣпци налегоша на ня. Онем же ѣдущимъ напреди ими к Лютой рѣцѣ,[63] оже быша не приѣхалѣ ляховѣ и русь. И сошедше *одва* препровадиша рѣку Лютую, половцемъ стрѣляющимъ и руси противу имъ. Ту же Марцелъ хоругве своее отбѣже, и русь взятъ ю, и поругъ великъ бысть Марцелови. И возвратишася во колымагы свои, и рекше во станы.

Оттудѣ же Романъ изиидe из града, помощи ища в рускыихъ князехъ. И бывшю ему Шумьскы на мосцѣ, ятъ бысть Зерньkомь и Чюхомою и приведенъ бысть во станъ ко князю Данилови и ко всимъ княземь и к воеводамъ угорьскимъ. И послаша ко гражаномъ рекуще: «Предайтеся, князь вашь ятъ бысть». Онѣмо же не имущимъ вѣры, донележе извѣсто бысть имъ, и предашася звенигородьци.

Оттуду же поидоша к Галичю. И Володимеръ бѣжа из Галича и сынъ его Изяславъ, и гнаша и до Нѣзды.[64] Изяслав же бися *на мѣстѣ* Незды рѣки, и отъяша от него коня сумныя, потом же возвратишася в Галичь.

Тогда же приѣха княгини великая Романовая видитъ сына своего присного Данила. Тогда же бояре володимьрьстии и галичкыи и Вячеславъ Володимерьскый и вси бояре володимерьстии и галичкыи и воеводы угорьскыя и посадиша князя Данила на столѣ отца своего великаго князя Романа во церькви святѣя Богородица приснодѣвица Марья.

Король же Андрѣи не забы любви своея первыя, иже имѣяше ко брату си великому князю Романови,[65] но посла воя своя и посади сына своего в Галичи.[66] Ятым же бывшим княземь Роману, Святославу, Ростиславу, угромъ же хотящемь е вести королеви. Галичаномъ же молящимся имъ, да быша и повѣсили мьсти ради. Убѣжени же бывше угре великими даръми, предани быша на повѣшение месяца сентября.

Данилу же княжащю в Галичи, тако младу сущу, яко и материи своеии не позна. Минувшю же времени галичанѣ же выгнаша Данилову матерь изъ Галича. Данилъ же не хотѣ оставити матери своей и плакашеся по ней, младъ сый. И приѣхавъ Олександръ, тивунъ[67] Шюмавиньскый, и я и за поводъ. Онъ же измокъ мечь, тя его, и потя конь его подь нимь. Мати же вземьши мечь из руку, умоливше его, остави в Галичи, а сама иде в Белзъ, оставивши у невѣрных галичанъ, Володиславлимъ свѣтомъ — хотяща бо княжити сама. Увѣдавъ король о изгнаньи ея, съжалиси.

Въ лѣто 6717. Приде король в Галичь и приведе ятровь свою великую княгиню Романовую и бояре Володимерьскыи, и Инъгваръ приде из Лучска, инии князи. Свѣтъ створи со ятровью своею и с бояры володимерьскыми, рече: «Володиславъ княжится, а ятровь мою выгналъ». Яту же бывшю Володиславу и Судиславу и Филипу и мучену бывшю. И много имѣния давъ, Судиславъ же во злато пременися, рекше, много злата давъ избавися. Володислава оковавше, ведоша и во Угры. Володиславу же ведену бывшю во Угры, Яволоду и Ярополку, брату его, бежавшю в Пересопьницю ко Мьстиславу, возведшемъ Мьстислава. И приде Мьстиславъ с ними ко Бозъку.[68] Глѣбъ же Потковичь[69] избѣже зъ Бозку. И Станиславичь Иванко и братъ его Збыславъ[70] прибѣгоша в Галичь, повѣдающе рать и оступление галичанъ. Княгини же Романовая сыномъ своим Даниломъ и с Вячеславомъ Толъстымъ бѣжавша во Угры, а Василко с Мирославомъ ехаша во Белзъ. Времени же минувшю, король спѣашеть рать велику.

Въ лѣто 6718. Приде Лестъко к Белзу, убѣженъ Александромъ, Олександръ же не прияше, хотя зла Романовичемъ. И прия Белзъ, и да

Олександрови, а бояре не изневѣришася, но идоша вси со княземь Василкомъ в Каменѣць.[71]

Король же пусти Володислава, и собра много вои и иде на Галичь. Ставше же во манастырѣ Лелесовѣ,[72] невѣрнии же боярѣ хотѣша его убити.

И убиша же жену его, а шюринъ его одва утече, патрѣархъ Авлѣскый, [73] и мнозии нѣмци избити быша. И потомъ королеви обратившюся, мнозѣ избити быша, а другия разбѣгошася. Мятежю же бывшю, королеви не могшю вън҃ы учинити за безаконие ихъ.

Володиславу же ѣхавшю на передъ со всѣми галичаны. Мьстиславъ убо увѣдавъ королеву рать великую, избѣжа из Галича. Володислав же воѣха в Галичь и вокняжися и сѣде на столѣ.

Данилъ же отъиде с матерью своею в Ляхи, отпросився от короля. Лестько же прия Данила с великою честью. И оттуда же иде в Каменець с матерью си, братъ же его Василко и бояре вси срѣтоша и с великою радостью.

В лѣто 6719. Княжаше Всеволодъ в Кыевѣ Святославичь,[74] имѣя велику любовь к детемь Романовое.

Потом же Мьстиславъ Пересопницкый, посадивъ Лестька, поиде в Галичь. Лестько же поя Данила ис Каменца, а Олександра из Володимера, а Всеволода из Белза, когождо ихъ со своими вои. Бѣ бо вои Даниловъ болши и крѣплѣйши, бяху бояре велиции отца его вси у него. Видивъ бо Лестько се, и поча имѣти любовь велику ко князю Данилу и брату его Василку.

Затворившю же ся Ярополку и Яволоду в Галичи, а Володиславъ выеде съ угры и чехы своими, и собравъся с галичаны, и приде на рѣку Бобръку.[75] Увѣдавъ Лестко и посла на него ляхы, а от Данила же — Мирослава и Дьмьяна, а от Мьстислава — Глѣбъ Зеремѣевичь[76] и Прокопьичя Юрья.[77]

Бывши же сѣчи велицѣ, и одолѣша ляховѣ и русь. Данилу же тогда дѣтьску сущю, якоже можяше на конѣ ѣздити. А Володиславъ бѣжа, мнозии избити от вои его. И потом же Лестько не можаше прияти Галича, но шедъ воева около Теребовля и около Моклекова и Збыража. И Быковенъ взятъ бысть[78] ляхи и русью. И взя плѣнъ великъ и воротися в Ляхы.

Потом же Данило и Василко Лестьковою помощью прияста Тихомль и Перемиль[79] от Олександра и княжаста с матерью в немь. А на Володимерь зряща: «Се ли, ово ли, Володимерь будеть наю, Божиею помощью», на Володимерь призирающа.

Потом же король поиде на Лестька, Данилови же у Лестка сущю. Лестько же посла посла своего Лѣсътича и Пакослава воеводу,[80] рекый: «Не есть лѣпо боярину княжити в Галичи, но поими дщерь мою за сына своего Коломана[81] и посади и в Галичи». Улюби же король *Андрѣй* свѣто сь Пакославль и сняся съ Лестькомъ во Зъпиши,[82] и поя дщерь его за сына си. И пославъ и я Володислава в Галичи, заточи и; и в томь заточеньи умре: нашедъ зло племени своему и дѣтемь своимъ княжения дѣля. Вси бо князи не призряху дѣтии его того ради.

Король посади сына своего в Галичи, а Лестькови да Перемышль, а Пакославу Любачевъ.[83] Пакославъ бо бѣ приятель и *Романовой* и дѣтемь ея. Свѣтом же Пакославлимъ Лестько посла ко Александрови, рекый: «Дай Володимерь Романовичема, Данилови и Василькови. Не даси ли, иду на тя и с Романовичема». Оному же не давшю, Лестько же посади Романовича в Володимери.

Въ лѣто 6720. Король отъя Перемышль от Лестька Любачевъ. Лестько же сжалиси о срамотѣ своей и посла к Новугороду по Мьстислава[84] и реки: «Брать ми еси. Поиди и сяди в Галичѣ». Мьстислав же поиде на Галичь со свѣтомь Лестьковымъ. Галичани же вси и Судиславъ послашася по Данила. Данил же не утяже ѣхати, а Бенедиктъ Лысы бѣжа во угры со Судиславомъ, а Мстиславъ седе в Галичи.

Въ лѣто 6721. Поя у него Данилъ дщерь именемь Анну и родишася от нея сынови и дщери. Первѣнѣць бо бѣ у него Ираклѣй,[85] по нем же Левъ и по немь Романъ, Мистиславъ, Шеварно[86] и инии, бо млади отъидоша свѣта сего.

Времени же минувшю еха Данилъ ко Мьстиславу в Галич, рекы на Лестька, яко: «Отчину мою держить». Оному же вѣщавшю: «Сыну, за первую любовь не могу на нь востати; а налѣзи собѣ други».

Данилу же возвратившуся к домови, и ѣха с братомъ, и прия Берестий, и Угровескъ, и Верещинъ, и Столпъ, Комовъ, и всю украину.

Лестъко же великъ гнѣвъ имѣя на Данила. Вѣснѣ же бывши, и ѣхаша ляховѣ воевать, и воеваша по Бугу. И посла по нихъ Данилъ Гаврила Душиловича и Семена Олуевича, Василка Гавриловича, и биша и до Сухое Дорогве,[87] и колодники изымаша, возвратишася в Володимерь с великою славою.

Тогда же Климъ убьенъ бысть Хрьстиничь, единъ от всихъ его воинъ, егоже крестъ и донынѣ стоить на Сухой Дорогви.

Ляхы же многи избиша и гнаша по нихъ до рѣкы Вепря.[88]

Льстькови же творящи, Мьстиславлимъ свѣтомъ Данилъ приялъ есть Берестии, Лестько же посла ко королеви: «Не хочю части в Галичи, но дай его зяти моему».[89] Король же посла вои многи и Лестко, и придоша к Перемышлю. *Яронови*[90] же тогда тысящю держащю в Перемышли, избѣже передь ними.

Мьстиславъ бо бѣ со всими князями рускыми и Черниговьскыми. И посла Дмитра, Мирослава, Михалка Глѣбовича противу имъ к Городку.[91] Городокъ бо бѣ отложилъся; бяхуть в немь людье Судиславли. И Дмитрови бьющися подъ городомъ, придоша на нь угре и ляхове, и побѣже Дмитръ. Тогда же и Василь дьякъ, рекомый Молза, застрѣленъ бысть подъ городомъ. Михалка же Скулу убиша, согонивше на Щирѣцѣ,[92] а главу его сосѣкоша, трои чепи сняше золоты и принесоша главу его ко Коломанови.

Мьстиславу же стоящу на Зубрьи.[93] Дмитръ прибѣже к нему. Мьстиславу же не могшу биться съ угры и просяше зятя своего Данила и Олександра, да быста затвориласта в Галичѣ. Обѣщася ему Данилъ и Лександръ ити в Галичь. Данилъ же затворися в Галичѣ, а Олександру не смѣвъшю.

Тогда же великая княгини Романовая восприимши мниский чинъ.

Потом же приде рать подъ городъ, Каломанъ и ляховѣ. И многу бою бывшю на Кровавомъ броду,[94] и паде на ня снѣгъ, не могоша стояти, идоша за Рогожину,[95] идоша на Мьстислава, и прогнаша и-земли.

Мьстиславу же повѣдавшю Даниливи: «Изииди из града». Данилъ же изииде с Дмитромъ тысячькым и с Глѣбомъ埋Зеремѣевичемь и со Мирославомъ. Изиидоша из града и быша противу Толмачю,[96] угони и невѣрный Витовичь Володиславъ.[97] Наворотившеся на нь, и прогнаша и, и коня от него отъяша.

Данилъ бо младъ бѣ, и видѣвъ Глѣба Зеремиевича и Семьюна Кодьнинъского[98] мужескы ѣздяща, и приѣха к нима, укрѣпляя и. И инии же устрьмилися *бяхуть* на бѣгъ.

Того же дни бишася всь днь олнѣ до нощи. Тое же нощи увернушася Данилъ и Глѣбъ Зеремѣевичь, яста Яньца, младъ сы показа мужьство свое. И всю нощь бистася. Наутрѣя же угони и Глѣбъ Василевичь. Уверьнувше же ся Данилъ на нь, и гна и дале поприща. Оному же утекши пред нимъ, борзости ради коньское. Данилови же возвратившюся, и единому едущю межи ими, онем же не смѣющимъ наѣхати на нь, донележе взъеха к нему Глѣбъ Судиловичь, и Гаврило Иворович, и Перенѣжько.[99]

Оттуду проидоша в Онутъ[100] и идоша в поле. Бывъшю же гладу велику. Поидоша вози и къ Плаву на канун святаго Дмитрѣя.[101] Вземше возы накормишася изобилно и похвалиша Бога и святаго Дмитрѣя, яко накорми я. Оттуду же придоша ниже Кучелемина,[102] мысляще, кудѣ преити рѣку Днѣстръ. Божиею же милостию придоша лодья из Олешья,[103] и приѣхаша в нихъ на Днѣстръ, и насытишася рыбъ и вина.

Оттуду же приѣха Данилъ ко Мьстиславу. Мьстиславъ же великую похвалу створи Данилови и *дары* ему дасть великыи и конь свой борзый сивый, и рече ему: «Поиди, княже, в Володимерь, а язъ поиду в половци, мьстивѣ сорома своего». Данилови же приехавшю в Володимерь.

Въ лѣто 6722. Бысть тишина.

Въ лѣто 6723. Божиимъ повелениемь прислаша князи Литовьскии к великой княгини Романовѣ и Данилови и Василкови, миръ дающе. Быху же имена литовьскихъ князей се: старѣшей Живинъбудъ, Давъятъ, Довъспрункъ, братъ его Мидогъ, братъ Довъяловъ Виликаилъ. А жемотьскыи князи: Ерьдивилъ, Выкынтъ, а Рушьковичевъ — Кинтибуть, Вонибут, Бутовить, Вижѣикъ, и сынъ его Вишлий, Китений. Пликосова, а се Булевичи — Вишимут, егоже уби Миндого тъ, и жену его поялъ, и братью его побилъ, Едивила, Спрудѣйка, А се князи из Дяволтвы: Юдьки, Пукѣикъ, Бикши, Ликиикъ. Си же вси миръ даша князю Данилови и Василку, и бѣ земля покойна.[104] Ляхом же не престающимъ пакостящимъ, и приведе на ня литву, и воеваша ляхы, и много убиства створиша в нихъ.

Въ лѣто 6724. Не бысть ничтоже.

Въ лѣто 6725. Выиде Филя древле прегордый,[105] надѣяся обьяти землю, потребити море, со многими угры. Рекшю ему: «Единъ камень много горньцевъ избиваеть», а другое слово ему рекшю прегордо: «Острый мечю, борзый коню — многая руси». Богу же того не терпящю, во ино время убьенъ бысть Даниломъ Романовичемь древле прегордый Филя.

Олександру же отступившю от Данила и от Василка ко Лестькови, не бѣ бо има помощи ниоткогоже, развѣе от Бога, дондеже приде Мьстиславъ с половци. Изыиде же Филя со многими угры и ляхы из Галича, поима бояре галичкыя и Судислава цьтя и Лозоря,[106] и ины, а ини разбѣгошася, загордѣ бо ся бѣ.

Въ лѣто 6726. Тишина бысть.

Въ лѣто 6727. Приде Лестько на Данила къ Щекареву,[107] бороня *ити* ему на помощь Мьстиславу, тестеви своему, Кондратови же приѣхавшу мирить Лестька и Данила, познавшю же ему лесть Лестькову, и не велѣ князю Данилу ехати к Лестьку. Филя же строяшеся на брань, мняше же бо, яко никто может стати противу ему на брань. Остави же Каломана в Галичи и созда градъ на церкви пречистое владычица нашея

Богородица, яже не стѣрпѣвшю осквернения храма своего и вдасть ю Мьстиславу.

Бѣ бо ту с Коломанъм Иванъ Лекинъ и Дмитръ, и Ботъ,[108] Половцемь же приехавшимъ видити рати, угромъ же и ляхомъ гонящимъ я. Увернувся половчинъ, застрѣли Уза во око, и спадшю ему с фаря, взяша тѣло его, и плакашася по немь. Наутрѣя же на канунъ Святой Богородици приде Мьстиславъ рано на гордаго Филю, и на угры с ляхы, и бысть брань тяжка межи ими, и одолѣ Мьстиславъ. Бѣгающим же угромъ и ляхомъ, избьено бысть ихъ множьство и ятъ бысть величавый Филя паробкомъ Добрыниномъ,[109] егоже лживый Жирославъ[110] укралъ бѣ, и обличену ему бывшю, про него же погуби отчину свою.

И побѣдившу же Мьстиславу, поиде к Галичю, бившимъ же ся имъ о врата градная. И возбѣгоша же на комары церковныя, и ини же ужи возвлачишася, а фарѣ имъ поимаша. Бѣ бо градъ створенъ на церкви. Онѣмъ же стрѣляющимъ и камение мещющимъ на гражаны, изнемогаху жажею водною, не бѣ бо воды в них. И приѣхавшю же Мьстиславу и вдашася ему, и сведени быша со церкви.[111] Данилови же приѣхавшю в малѣ дружинѣ с Демьяномь тысячкымъ,[112] не бѣ бо приѣхалъ во время то. Потом же приѣха Данилъ ко Мьстиславу, и бысть радость велика: спасъ Богъ от *иноплеменьникъ*, вси бо угре и ляхове убьени быша, а инии яти быша, а инии бѣгающе по землѣ, истопоша, друзии же смерды избьени быша, и никомуже от *них* утекши, тако бо милость от Бога Руской землѣ.

Потом же приведоша Судислава ко Мьстиславу, оному же не помыслившю о немь зла, но милость ему показавшю. Он же, обуимая нозѣ его, обѣщася работѣ быти ему. Мьстиславу же вѣровавшю словесемь его, и честью великою почтивъ его, и Звенигородъ дасть ему.

Въ лѣто 6728. Не бысть ничтоже.

Въ лѣто 6729. Отступилъ бѣ Александръ и створи миръ с Лестькомъ и со Каломаномъ и с Филею гордымъ, Романовичема не престаяше хотя зла. По побѣдѣ же Мьстиславли и по литовьскомъ воеваньи на ляхы створи миръ Лестько с Даниломъ и Василкомъ, Держиславомъ Абрамовичем и Творьяном Вотиховичемь,[113] а Романовича створиста миръ Демьяномъ тысяцькымъ. Отступи Лестько от Олександра.

В субботу же на ночь *попленено* бысть около Белза и около Червена Даниломъ и Василкомъ, и вся земля попленена бысть, бояринъ боярина плѣнившю, смердъ смерда, градъ града, якоже не остатися ни единой вси *не плѣненѣй*. Еже притъчею глаголють Книги: «Не оставлешюся камень на камени».[114] Сию же наричють белжанѣ злу нощь, сия бо нощь злу игру имъ сыгра, повоеваньи бо бѣаху преже свѣта.

Мьстиславу же рекшу: «Пожалуй брата Олександра», и Данилъ воротися в Володимеръ, отъиде от Белза.

Въ лѣто 6730. Не бысть ничтоже.

Въ лѣто 6731. Данило и Василка Романовичю бѣаху володимьрьскыи пискупѣ: бѣ бо Асафъ блаженый преподобный, святитель Святое Горы, и потомъ бѣ Василѣй от Святое Горы, и потомъ бѣ Микифоръ, прирокомъ Станило, бѣ бо слуга Василковъ преже, и потомъ Кузма, кроткый преподобный смиреный пискупъ володимерьскый.[115]

Богу же изволившю, Данилъ созда градъ именемь Холмъ. Создание же его иногда скажемь.

Божиею же волею избранъ бысть и поставленъ бысть Иванъ пискупъ князьемь Даниломъ от клироса великое церкви Святой Богородици Володимерьской, бѣ бо преже того пискупъ Асафъ Вугровьскый, иже скочи на столъ митрофоличь и за то свѣрженъ бысть стола своего, и переведена бысть пискупья во Холмъ.[116]

Въ лѣто 6732.[117] Приде неслыханая рать, безбожнии моавитяне,[118] рекомыи татаръве, придоша на землю Половецькую. Половцемь же ставшимъ, Юрьгий Кончакович[119] бѣ болийше всихъ половець, не може стати противу лицю их, бѣгающи же ему, и мнози избьени быша до рѣкы Днепра. Татаром же возвратившися, идоша в вежа своя. Прибѣгшимъ же половцемь в Рускую землю, глаголющимъ же имъ рускимъ князьемь: «Аще не поможета намъ, мы нынѣ исѣчени быхомъ, а вы наутрѣе исѣчени будете».

Бывшю же свѣту всих князѣй во градѣ Кыевѣ, створиша свѣтъ сице: «Луче ны бы есть прияти я на чюжей землѣ, нежели на своей». Тогда бо

бѣахуть Мьстиславъ Романовичь в Кыевѣ, а Мьстиславъ в Козельскѣ и Черниговѣ, а Мьстиславъ Мьстиславичь в Галичѣ,[120] то бо бѣаху старѣйшины в Руской земли. Юрья же князя великого Суждальского[121] не бы в томъ свѣтѣ. Се же паки млади князи Данилъ Романовичь, Михаилъ Всеволодичь,[122] Всеволодъ Мьстиславичь Кыевьскый,[123] инии мнозии князи. Тогда же великый князь половецкый крестися Басты.[124] Василка же не бѣ, бѣ бо в Володимерѣ млад.

Оттуду же придоша месяца априля, и придоша к рѣцѣ Днѣпру, ко острову Варяжьскому.[125] И приѣха ту к нимъ вся земля половецкая, и черьниговцемь приѣхавшимъ, и кияномъ и смоляномъ, инѣмь странамъ всянамъ. По суху же Днѣпръ перешедшимъ, якоже покрыти водѣ быти от множества людии. А галичане и *волынци*, киждо со своими князьми. А куряне и трубчяне и путивлици, и киждо со своими князьми придоша коньми. А выгонци галичькыя придоша по *Днѣстру* и воидоша в море, бѣ бо лодей тысяща, и воидоша во Днѣпръ, и возведоша порогы, и сташа у рѣкы Хорьтицѣ[126] на броду у протолчи. Бѣ бо с ними Домамѣричь Юрьгий и Держикрай Володиславичь.[127]

Пришедши же вѣсти во станы, яко пришли суть видѣтъ олядии рускыхъ, слышавъ же Данилъ Романовичь и гна всѣдъ на конь видѣти невиданьноя рати, и сущии с ними коньници и инии мнозии князи с нимь гнаша видити невидѣное рати. Онем же отшедшимъ, Юрьги же имъ сказываше, яко: «Стрѣлци суть». Инии же молвяхуть, яко: «Простии людье суть, пущеи половець». Юрьги же Домамиричь молвяшеть: «Ратници суть, и добрая вои».

Приѣхавъше же сказаша Мьстиславу Юрьиги же все сказа. И рекшимъ молодымъ княземь: «Мьстиславе и другий Мьситславе, не стоита! Поидемь противу имъ». Переидоша же вси князи Мьстиславъ и другий Мьстиславъ Черниговьскый рѣку Днъпръ, инии князи предоша и поидоша в поле половецкое. Переидоша же Днѣпръ во день во вторникъ, и усрѣтоша татареве полкы рускыя. Стрѣлци же рускыи побѣдиша и, и гнаша в поле далеце секуще, и взяша скоты ихъ, а со стады утекоша, яко всимъ воемъ наполнитися скота.

Оттуду же идоша 8 дни до рѣкы Калкы.[128] Стрѣтоша и сторожьеве татарьскыи. Сторожемъ же бившимъся с ними, и убьенъ бысть Иванъ Дмитрѣевичь,[129] иная два с нимъ.

Татаром же отъѣхавшимъ, на прочьне рѣцѣ Калъкѣ устрѣтоша и тотарове половецкыя полкы рускыя. Мьстиславъ же Мьстиславличь повелѣ впередъ переити рѣку Калку Данилови с полкы, инѣмь полкомъ с нимъ, а самъ по немь переиде, еха же самъ во сторожѣ. Видившу же ему *полкы* татарьскыя, приѣхавъ рече: «Воружитеся!» Мьстиславу же и другому Мьстиславу, сѣдящема во стану не вѣдущема, Мьстиславъ же не повѣда има зависти ради, бѣ бо котора велика межю има.

Съразившимся полкомъ на мѣсто. Данилъ же выѣха напередъ, и Семьюнъ Олюевичь и Василко Гавриловичь поткоша в полкы тотарьскыя, Василкови же сбодену бывшю. А самому Данилу бодену бывшю в перси, младъства ради и буести не чюяше ранъ бывшихъ на телеси его. Бѣ бо возрастомъ 18 лѣтъ, бѣ бо силенъ.

Данилови же крѣпко борющися, избивающи тотары. Видивъ то Мьстиславъ Нѣмый,[130] мнѣвъ, яко Данилъ сбоденъ бысть, потче и сам в нѣ, бѣ бо мужь и тъ крѣпокъ, понеже ужика сый Роману от племени Володимеря, прирокомъ Маномаха. Бѣ бо велику любовь имѣя ко отцю его, емуже поручивше по смерти свою волость, да я князю Данилови.

Татаром же бѣгающимъ, Данилови же избивающи ихъ своимъ полкомъ, и Олгови Курьскому крѣпко бившимся, инѣмъ полкомъ сразившимся с ними. Грѣхъ ради нашихъ, рускимъ полкомъ побѣженымъ бывшимъ.

Данилъ видивъ, яко крѣпцѣйши брань належить в ратных, стрѣльцѣмъ ихъ стрѣляющимъ крѣпцѣ, обрати конь свой на бѣгъ, устрѣмления ради противныхъ. Бѣжащю же ему и вжада воды, пивъ почюти рану на телеси своемь, во брани не позна ея, крѣпости ради мужьства возраста своего. Бѣ бо дерзъ и храборъ, от главы и до ногу его не бѣ на немь порока.

Бысть побѣда на вси князи рускыя. Такоже не бывало никогдаже. Татаром же побѣдившимъ русьскыя князя за прегрешение крестьяньское, пришедшимъ и дошедшимъ до Новагорода Святополчьского.[131] Не вѣдающим же руси льсти ихъ, исходяху противу имъ со кресты, они же избиша ихъ всих.

Ожидая Богъ покаяния крестьянскаго, и обрати и воспять на землю восточную, и воеваша землю Таногустьску[132] и на ины страны. Тогда же и Чаногизъ[133] кано ихъ таногуты убьенъ бысть. Ихже прельстивше

и послѣди же льстию погубиша. Иные же страны ратми, наипаче лестью погубиша.

Въ лѣто 6733. Олександръ все вражду имѣяше ко своима братома Романовичема Данилови и Василкови. Слышавъ, яко Мьстиславъ не имѣеть любви к зятю своему князю Данилови, радости исполнивъся, понужаше Мьстиславаа на рать. Мьстиславу же пришедшю на рать, приде на Лысую Гору.[134] Данилови жи поѣхавшю в Ляхы и возведшю князя Льстка и поиде противу ему. Мьстиславу же помочь пославшю Олександрови. Срѣтившимъ же имъ, рать вогнаша и в град Белзъ и за мало города не взяша. Наутрея поидоша противу имъ. Мьстиславу же не стерпѣвшю, и возвратися в Галичь.

Данилу же князю воевавшю с ляхы землю Галичькую и около Любачева, и плѣни всю землю Бельзеськую и *Червеньскую*, даже и до оставшихъ. Василку же князю многы плены приемшю, стада коньска и кобылья, и бысть зависть ляхомъ. И бывшим посломъ от обоихъ, и пущенъ бысть Дѣмьянъ и Андрѣй.[135]

И бысть по сихъ, привед Мьстиславъ Котяня и половци многы, и Володимера Киевьского,[136] творяся на ляхы ида, свѣтомъ Александровымъ. Свѣтъ же Александровъ всегда не престаяше о братѣ своемь, рекый, яко: «Зять твой убити тя хочеть». Исправлению же бывъшю около вежи его, самому же Александру не смѣявшю ѣхати, посла Яна своего. Мьстиславу бо рекшю: «Твоя бѣ рѣчь, Яню, яко Данилъ второе всаживаеть ляхы на мя». Познавшимъ же всѣмъ князем Александрову клевету, а Яневу лжю, и рекшим же всимъ княземь: «Приими всю власть его за соромъ свой». Онъ же за братолюбие не прия власти его, и вси похвалиша ему.

Мьстислав же прия зятя своего любовью и почестивъ его великими дарми, и да ему конь свой борзый актазъ,[137] акого же в та лѣта не бысть, и дочерь свою Анну даривъ великими дарми. И с братьею видѣвся ве Перемили, и утвердиша миръ.

В лѣто 6734. Льстивому Жирославу рекшю къ бояромъ галичьскимъ, яко: «Идеть Мьстиславъ в поле и хощеть вы предати тестеви своему Котяню[138] на избитье». Мьстиславу же праву сущюу о немь, и не свѣдущю ничтоже о нихъ. Они же емше вѣры, отъидоша в землю Перемышлескую, в горы Кавокаськия, рекше, во Угорьскыя,[139] на рѣку *Днестръ*.[140] Послаша послы своя рекуще, яко: «Жирославъ повѣдал ны есть». Мьстиславу же пославшу отца своего Тимофѣя,[141]

яко: «Всуе оклеветал мя есть к вамъ Жирославъ». Тимофею же кленшюся имъ о сем, яко не свѣдущу Мьстиславу ничтоже о семь, и приведе бояре вси к нему.

Князю же обличившю Жирослава изгна и от себе, якоже изгна Богъ Каина от лица своего, рекы: «Проклятъ ты! Буди стоня и трясыся на земли, якоже раздвиже земля уста своя прияти кровь брата твоего». [142] Якоже и Жирославъ разъдвиже уста своя на господина своего, да не будеть ему пристанъка во всихъ земляхъ в рускихъ и во угорьскыхъ, и ни в ких же странахъ, да ходить шатаяся во странахъ, желание брашна да будеть ему, вина же и олу, по скуду да будеть ему, к да будеть дворъ его пустъ и в селѣ его не будеть живущаго.

Оттуду выгнанъ иде ко Изяславу.[143] Бѣ бо лукавый льстѣць нареченъ, и всихъ стропотливее, и ложь пламянъ, всеименитый отцемь добрымъ. Убожьство возбраняше злобу его, лъжею питашеся языкъ его, но мудростию возложаше вѣру на лжюу, красяшеся лестью паче вѣнца, лжеименѣць, зане прелщаше не токмо чюжихъ, но и своихъ возлюбленых, имения ради ложь.[144] Того бо дѣля жадаше быти у Изяслава. Мы же на преднее возвратихомся.

Мьстислав же, по совѣтѣ льстивыхъ бояръ галичькихъ, вда дщерь свою меншую за королевича Андрѣя[145] и дасть ему Перемышль. Андрѣй же, послушавъ лестиваго Семьюнка Чермьнаго,[146] и бѣжа во Угры и нача воздвизати рать. Бывши же зимѣ, прииде ко Перемышьлю. Юрьеви тогда тысящюу державщю, переда Перемышль и бѣжа самъ ко Мьстиславу. Королеви же ставшю во Звенигородѣ, и посла вои свои к Галичю, самъ бо не смѣ ѣхати к Галичю: повѣдахуть бо ему волъхвы угорьскыя, яко узрѣвшу Галичь, не быти ему живу. Он же тоя ради вины не смѣя ити в Галичь, яко вѣряшеть волъхвомъ. *Днѣстру* же наводнившюся, не могоша переити.

Мьстиславъ же выѣха противу с полкы. Онѣм же позоровавшимъ на ся, и ехаша угре во станы своя. Бѣ бо с королемь Пакославъ с ляхы. Оттуду же поиде король ко Теребовлю и взя Теребовль, и поиде к Тихомлю и взя Тихомль, оттуду же приде ко Кремянцю,[147] и бися подъ Кремянцем, и много угоръ избиша и раниша.

Тогда же Мьстиславъ Судислава посла к зятю своему князю Данилу, рекый: «Не отступай от мене». Оному же рекшю: «Имамъ правду во сердци своемь».

Оттуду же приде король ко Звенигороду. Выѣха же Мьстиславъ из Галича. Угре же выѣхаша противу ему со становъ королевыхъ. Мьстиславъ же бися с ними, и побѣди я, и гнаша по нихъ до становъ королевыхъ, секуще и. Тогда же Мартиниша убиша, воеводу королева. Король же смятеся умомъ и поиде и-земли борзо.

Данилови же пришедшу ко Мьстиславу с братомъ Василкомъ ко Городъку и Глѣбъ с нима. И молвящимъ имъ: «Поиди, княже, на короля: по Лохти[148] ходить». Судиславъ же браняшеть ему. Бѣ бо имѣяшеть лесть во сердци своемь, не хотяше бо пагубы королеви, имѣяше бо в немь надежу велику.

Бѣаше бо король изнемоглъся. Льстькови же в то время идущу в помощь. Данилови же бранящю ему не помогати королеви, оному наипаче хотящю. Данил же и Василко посласта люди своя *къ Бугу*,[149] не даста ему прити. Оттуду же возвратився, иде во свою землю, изнемоглъ бо ся бѣ, ходивъ на войну.

А король угорьскый иде во Угры. Тогда же угони Изяславъ со лестивымъ Жирославомъ, идоста с нимъ Угры.

Потом же Судиславу льстящю подо Мьстиславомъ, рече ему: «Княже, дай дщерь свою обрученую за королевича, и дай ему Галичь. Не можешь бо держати самъ, а бояре не хотять тебе». Оному же не хотящю дати королевичю, наипаче хотящю дати Данилови. Глѣбови же Заремѣевичю и Судиславу претяща ему не дати Данилови, рѣста бо ему: «Аже даси королевичю, когда восхощеши, можеши ли взяти под нимь. Даси ли Данилови, в вѣкы не твой будеть Галичь». Галичаномъ бо хотящимъ Данила, оттуду же послаша въ рѣчих. Мьстиславъ дасть Галичь королевичю Андрѣеви, а самъ взя Понизье.[150] Оттуду иде к Торьцкому.[151]

Мьстиславу же Немому, давшу отчину свою князю Данилови, и сына своего поручивъ Ивана,[152] Ивану же умершю, и прия Луческъ Ярославъ, а Черторыескъ[153] пиняне.[154]

Въ лѣто 6735. Начнемь же сказати бе-щисленыя рати, и великыя труды и частыя войны, и многия крамолы, и частая востания, и многия мятежи. Измлада бо не бы има покоя.

Сѣдящу же Ярославу в Лучьскѣ, еха Данилъ въ Жидичинъ[155] кланятися и молитися святому Николѣ. И зва и Ярославъ къ Лучьску. И рѣша ему бояре его: «Приими Луческъ, зде ими князя ихъ». Оному же отвѣщавшу, яко: «Приходить зде молитву створити святому Николѣ, и не могу того створити». Иде въ Володимерь, оттуду же собравша рать, посласта на нь Андрѣя, Вячеслава, Гаврила, Ивана.[156] Оному же въехавшу, ятъ бысть с женою своею, ятъ же бысть Олексию Орѣшькомъ:[157] бѣ бо борзъ конь подъ нимъ, угонивый и я его до города. И затворишася лучане. Наутрѣя же приде Данилъ и Василко, и предашася лучане. Братъ же да Василкови Луческъ и Пересопницю, Берестий же ему бѣ преже далъ.

Повоевша ятвязи около Берестия, и угониста и из Володимеря. Наехавшима же двѣима, Монъдуничю Шутрови и Стегутови Зѣбровичю, на полкъ. И убьенъ бысть Даниломъ и Вячеславомъ Шютръ, а Стегутъ убьенъ бысть Шелвомъ.[158] Бежашим же ятвеземь, угони я Данилъ, Небра язви четырми ранами, древо же вышибе копье из руку его. Василкови, угонившу его, кликъ бысть великъ: «Братъ ти биетъся назади». Оному же оставшу, обратися брату на помощь, оному же симь утекшу, а и ини разбѣгошася.

Мы же, се оставлеше, на преднее возвратимъся.

Данилъ же посла Дьмьяна ко тести своему, река ему: «Не подобаеть пиняномъ держати Черторыйска, яко не могу имъ терпѣти». Дьмьянови же повѣстящу с нимъ. «Сыну, сгрѣшихъ не давъ тобѣ Галича, но давъ иноплеменьнику, Судислава льстьця свѣтомъ, обольсти бо мя. Ажь Богъ восхочеть, поидивѣ на ня. Язъ всажу половци а ты своими. Аще Богъ дасть его нама, ты возми Галичь, а язъ Понизье, а Богъ ти поможеть. А про Черторыескъ — правъ еси». Дѣмьяну же приѣхавшу в Великую суботу. Наутрѣя же на Великъ День приехаста Данилъ и Василько ко Черторыйску, в понедѣлникъ на ночь обьсѣдоста град. Тогда же и конь Даниловъ застрѣленъ бысть с города. Наутрѣя же обьѣхаста град Мирославъ и Дѣмьянъ, рекоста, яко: «Предалъ Богъ врагы наша в руку ваю». Данилъ же повелѣ приступити ко граду, и взяша градъ ихъ, и князя ихъ изимаша.

Потом же Мьстиславъ, великый удатный князь, умре. Жадящю бо ему видити сына своего Данила. Глѣбъ же Зеремѣевичь, убѣженъ бысть завистью, не пустяще его. Оному же хотящю поручити домъ свой и дѣти в руцѣ его, бѣ бо имѣя до него любовь велику во сердцѣ своемь.

И потом же пустиста Ярослава, и даста ему Перемиль, и потомь Межибожие.[159]

Въ лѣто 6736. Бѣ Курилъ митрополитъ[160] преблаженый и святый приѣхалъ мира сотворити и не може.

Потомь же Ростиславъ Пиньскый[161] не престаяше клевеща, бѣша бо дѣти его изыманы.[162]

Володимеръ же Кыевьскый собра вои. Михаилъ Черниговьскый — «яко бо бѣ отець его постриглъ отца моего»,[163] бѣ бо ему боязнь велика во сердци его. Володимеръ же всади Котяня и вси половци. И придоша къ Каменцю. Володимеръ же со всими князи, и куряны, и пиняны, и новогородци, и туровьци обьсѣдоша Каменѣць.

Данило бо творящуся миръ сотворити с ними, переводя ими, и ѣха в ляхы по помощь, а Павла своего[164] посла ко Котяневи, река: «Отче, измяти войну сю, приими мя в любовь собѣ». Он же ѣхавъ взя землю Галичьскую, иде в землю Половецкую, и не обратися к нимъ.

Бѣ бо королевичь вь Галичѣ и Судиславъ с нимъ, миръ бо имѣяше со Володимеромь и Михаиломъ. Сим же нѣ воспѣвошимъ ничтоже, взратишася.

Данилъ же и Василко собравша ляхы многы, идоста Кыеву со Пакославомъ воеводою и Олександро с нима. Срѣтоша же посли от Володимера и Михала: и Воротиславъ Петровичь, Юрьии Толигнѣвичь,[165] хотяще мира. Умиришася, и ляховѣ возворотишася въспять.

Въ лѣто 6737. Льстько убьенъ бысть великый князь Лядьскый, на сонмѣ убьенъ бысть Святополкомъ, Одовичемь Володиславомъ,[166] свѣтомъ

бояръ невѣрных. По смерти брата своего Кондратъ прия Данила и Василка в великую любовь и проси ею, а быста шла ему на помощь. И поидоста ему на помощь на Володислава на Стараго.[167] Сама же идоста на войну, остависта же в Берестии Володимера Пиньского, и угровьчаны и берестьяны стеречи землѣ от ятьвязь. В то же время воеваша литва ляхы, мняще мирни суще, и приидоша ко Берестью. Володимѣръ же рече: «Оже есте мирни, но мнѣ есте не мирни». И изииде на нѣ и берьстьяне вси избиша ѣ всѣ.

Данилъ же и Василко придоста ко Кондратови, и сгадавшимъ имъ, идоша къ Калешю.[168] И придоша *Вепру*[169] вечеръ. Наутрѣе же свѣтающю прѣидоша рѣку Пресну[170] и *поидоста* къ городу. И тое нощи бысть дождь великъ. Видивши же, яко нѣсть кто противяся, пустиша воеватъ и плѣнитъ. Русь же догнаша Милича и Старогорода[171] и нѣколко селъ Воротиславьскых заяша, и прияша плѣнъ велик, и вратишася, и приидоша во станы, гадающимъ, како поити к городу на бой, ляхомъ же не хотящимъ битися.

Наутрее же Данилъ и Василько поемь вое свое и поидоста ко граду, Кондрату же любящю рускый бой и понужающу ляхы свое, онѣмь же одинако не хотящимъ. Приступившима же има обѣима ко воротомь Калѣшьскымъ, а Мирослава посласта в задъ града, и инии полкы.

Бѣ бо городъ обишла вода, и сильная лозина, и вербье, и не свѣдущимся самѣмь, идеже кто биаше. Егда же си отступяху от боя, они же належахуть на оны, а коли они отступяху, а они належаху на си. За невидѣние не приятъ бысть градъ томь дни. Идущу же камению со забралъ, яко дожду силну; стоящимъ имъ в водѣ, дондеже сташа на сусѣ на метаномъ камении. И возводный мостъ и жеравецъ[172] вожьгоша. Ляхове же врата одва угасиша градьская.

Данилови же и Василкови ходящима подлѣ града, стрѣляющимъ наградъ инѣмь стрѣлцемь, и бысть ранено мужь, стоящихъ на забралѣхъ, 100 и 60. Бывшу же вечеру, и возвратишася во станы своя.

Станиславъ же Микуличь[173] рече: «Кде то мы стояли, ту нѣсть воды, ни гребле высокы». Данилъ же, всѣдъ на конь, еха самъ на зглядание града, и видѣ, яко тако и есть. Данилъ же приѣха ко Конъдратови и рече ему: «Аще быхомъ исперва вѣдалѣ мѣсто се, то градъ приятъ бы былъ». Кондратови же молящуся има, да наутрѣе пакы приступита ко граду.

Наутрия же Данилъ и Василко посласта люди свои. Онем же стоящимъ и теребящимъ лѣсы около града, гражаномъ же ни камения смѣющимь врещи на нѣ, просяхуся, да бы к нимъ прислалъ Кондратъ Пакослава и Мьстиуя.[174] Пакославъ же рече Данилови: «Измѣнивъ ризы свое, поеди с нами». Данилови же не хотѣвшю, рече ему братъ: «Иди да слыши вѣче ихъ». Не вѣряшеть бо Мьстиуеви Кондратъ.

Данилъ же возма на ся шеломъ Пакославь и ста за нима. Стоящимъ же мужемь на заборолѣхъ и рекущимъ имъ: «Тако молъвъта великому князю Конъдрату: “Сий градъ не твой ли есть? Мы же, мужи, изнемогошеи во градѣ семь, ци иного странници есмы, но людье твои есмы, а ваша братья есмы. Чему о насъ не сожалитеси? Аще насъ русь плѣнять, то кую славу Кондратъ прииметь? Аще руская хоруговь станеть на забролѣхъ, то кому честь учиниши? Не Романовичема ли? А свою честь уничижиши! Нынѣ брату твоему служимъ, а заутра твои будемь. Не дай славы руси, не погуби града сего!”» И и многа словеса глаголаху.

Пакаславу же рекшу: «*Кондра*т радъ милость бы учинилъ вамъ, Данилъ лютъ зѣло есть насъ, не хощеть отоити прочь, не приемь града». Росмьявся, рче: «А се стоить самъ. Молъвьте с нимъ». Князь же тъче его оскѣпищемь и соня собе шеломъ. Они же кликнуша с града: «Имѣй службу нашу, молимся, створи миръ». Оному же много смѣявъшуся и много вѣстовавшу с ними, и поя от нихъ 2 мужа, и приѣха Кондратови.

И створи Кондратъ с ними миръ и поя у нихъ талъ. Руси бо бѣаху полонилѣ многу челядь и боярынѣ. Створиша же межи собою клятву русь и ляхове, аще по семь коли будеть межи ими усобица, не воевати ляхомъ руское челяди, ни руси лядьской.

Потом же возвратистася от Кондрата в домъ свой с честью, Богу поспѣвающю има, створиста ему помощь велику, и внидоста со славою в землю свою. Иный бо князь не входил бѣ в землю Лядьску толь глубоко, проче Володимера Великаго, иже бѣ землю крестилъ.[175]

Потом же времени минувшу ѣха Василко Суждалю на свадбу шурина своего, ко великому князю Юрью,[176] поемь Мирослава со собою и ины.

Князю же Данилови будущу во Угровьсцѣ, прислаша галичанѣ, рекуще, яко: «Судиславъ шелъ есть во Понизье, а королевичь в Галичи осталъ, а поиди борже». Данилови же собравшю вои, воборзѣ посла Дьмьяна на Судислава, а самъ иде в малѣ дружинѣ к Галичю изо Угровьска, во третий день бывшу ему на ночь во Галичь. А Судиславъ не стерпѣ передь Дѣмьяномъ но побѣже в Галичь. Данилови же приѣхавшу ко Галичю, Галичь бо бѣ ся затворилъ. Данилъ же взя дворъ Судиславль. [177] Якоже вино и овоща и корма и копий и стрѣлъ, пристраньно видити! Потом же Данилъ, видивъ люди своя, яко испилися, не хотѣ стати вь города, но иде на ину страну Днѣстра.

Судиславу же тое ночи вобѣгъшю во городъ, яти бывше от вои его людие, и рекоша, яко Судиславъ уже в Галичи. Данилъ стоаше Угльницѣхъ,[178] на березѣ Днестра. Выѣхавшимъ же галичаномъ и угромъ и стрѣляшася на леду. Вечеру же бывшу, и ледомъ воставшимъ, и рѣцѣ наводнившися, зажгоша мостъ на Днестрѣ — безаконьный лихый Семьюнько, подобный лисици черьмности ради.

И приде Дьмьянъ со всими бояры галичкыми, со Милославомъ и со Володиславомъ и со многими бояры галичкыми. Данилови же о семь веселу будущю, а о мостѣ печаль имѣющу, како Днѣстръ переити. Гнавъ же Данилъ ко мосту и узрѣвъ, яко конѣчь мосту угаслъ есть, и бысть радость велика.

Наутрея же приде Володимеръ Инъгваровичь, и переидоша мостъ, и сташа по берегу Днѣстра.

Наутрѣя же уставоше, и обьеха Данилъ городъ, и собравъ землю галичскую, ста на четырѣ части окрестъ его. И собра от Боброкы доже и до рѣкы Ушицѣ[179] и Прута, и обьсѣде в силѣ тяжьсцѣ.[180] Онем же изнемогошимъ передаша градъ. Данилови же приемшу градъ, помянувшю любовь короля Андрѣя, и пусти сына его и проводи и до рѣкы Днѣстра. Изииде же с нимъ единъ Судиславъ, на ньм же метаху камение, рекуще: «Изииде из града, мятежниче земли!»

Андрѣеви же пришедшу ко отцю си и брату, и Судиславу глаголюще непрестаньно: «Изъидете на Галичь, и приимете землю Рускую. Аще не поидеши, укрѣпяться на ны».

Изииде же Бѣла риксъ, рекъмый король Угорьскый,[181] в силѣ тяжьцѣ. Рекшю ему, яко: «Не имать остатися градъ Галичь. Нѣсть кто избавляя и от руку моею». Вшедъшу же ему во горы Угорьскыѣ, посла на ны Богъ архангела Михаила отворити хляби небесныя. Конем же потопающимъ и самѣмь возбѣгающимъ на высокая мѣста, оному же одинако устремисшися прияти град и землю. Данилови же молящуся Богу, избави и Богъ от рукы силных.

И обиступи град, и посла посолъ, и воспи посолъ гласомъ великом и рече: «Слышите словеса великого короля угорьского. Да не уставляеть васъ Дьмьянъ глаголя: “И-земля изимьть ны Богъ”. Ни да уповаеть вашь Данилъ на Господа, глаголя: “Не имать предати град сесь королеви угорьскому”. Толико ходилъ на ины страны, то кто можеть одержати от руку моею и от силъ полковъ моихъ». Дьмьянъ же одинако крѣпяшеся, грозы его не убояся. Богъ поспѣшникъ бысть ему. Данилъ же приведе к собѣ ляхы и половцѣ Котяневы. А у короля бѣаху половци Бѣговаръсови.[182]

Богъ попусти на нѣ рану фараонову.[183] Град же крѣпляшеся, а Бѣла изнемогаше. И поиде от града, оставившю же ему люди за собою, оружники многи и фаревникы. Нападшимъ же на нѣ гражаномъ мнозимъ, впадаху в рѣку, инии же избьени быша, инии язвени быша, инии же изоимани быша. Яко инде глаголеть: «Скыртъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ»,[184] тако и Днѣстръ злу игру сыгра угромъ.

Оттуду же поиде король ко Василеву[185] и переиде Днѣстръ, и поиде ко Пруту. Богъ бо попустилъ бѣашеть рану, ангелъ бьяшеть ихъ, сице умирающимъ: инии же изъ подъшевь выступахуть, акы ис чрева,[186] инии же во конѣ влѣзъше, изомроша, инии же, около огня солѣзъшеся и мясъ ко устомъ придевоше, умираху, многими же ранами разными умираху, хляби бо небесныи одинако топяхуть.

И ушедшю же ему за невѣрьство бояръ галичкихъ, Данилъ же Божьею волею одерьжа градъ свои Галичь.

По семь скажем многий мятежь, великия льсти, бе-щисленыя рати.

Въ лѣто 6738. Крамолѣ же бывши во безбожныхъ боярехъ галичкыхъ: свѣтъ створше со братучадьемь его Олександромъ[187] на убьенье и преднее землѣ его. Сѣдящим же имъ в думѣ и хотящимъ огнемь

зажещи, милостивому Богу вложившю во сердце Васильку изиити вонъ, и обнажившу мѣчь свой играя на слугу королева,[188] иному похвативши щитъ играющи. Невернымъ Молибоговидьчьмь[189] узрѣвши се, страхъ имъ бысть от Бога, рекъшимъ, яко: «Свѣтъ нашь раздрушися». И побѣгшимъ имъ, яко оканьны Святополкъ.[190] Онѣмь бѣгающимъ, и еще не увѣдавшу князю Данилу и Василку.

Василко же поѣхавшю Володимѣру, а Филипъ безбожный зва князя Данила во Вишьню.[191] Другий свѣтъ створиша на убьенье его со Александромъ, братучадомъ его. Воехавшу ему во Браневичаве рьли, [192] и приде ему посолъ от тысячкого его Дьмьяна, рекшу ему, яко: «Пиръ золъ есть, яко свѣщано есть безбожнымъ твоимъ бояриномъ Филипомъ и братучадомъ твоимъ Олександромъ, яко убьену ти быти, И то слышавъ, поиди назадъ и содержи столъ отца своего».

Коснятину повѣдавшу, оному же обратившюся на рѣцѣ Днѣстрѣ, а бояре безбожнии везяхуся инуда, не хотяще видити лича его.

Приехавшу же в Галичь, посла сла ко брату князю си Василкови: «Поиди ты на Олександра». Олександру же выбѣгъшу в Перемышль ко свѣтникомъ своимъ, а Василко прия Белзъ. Ивана же посла сѣдѣлничего своего[193] по невѣрных Молибоговичихъ, и по Вольдрисѣ;[194] и изимано бысть ихъ 28 Иваномъ Михалковичемь. И ти смерти не прияша, но милость получиша; и некогда ему в пиру веселящуся, одинъ от тѣхъ безбожныхъ бояръ лице зали ему чашею, и то ему стерпѣвшу. Иногда же, да Богъ имъ возомъздить.

Въ лѣто 6739. Самому же Данилу созвавшу вѣче, оставьшуся вь 18 отрокъ вѣрнихъ[195] и съ Дѣмьяномъ тысяцкымъ своимъ, и рече имъ: «Хочете ли быти вѣрни мнѣ, да изииду на враги мое?» Онѣм же кликнувшимъ; «Вѣрни есмы Богу и тобѣ, господину нашему, изиити с Божиею помощью!» Соцкый[196] же Микула рече: «Господине, не погнетши пчелъ, меду не ѣдать». Помолившу же ся ему *Богу* и святѣй пречистѣй Богородици, Михаилу архангелу Божию, устремися изиити со малом ратникъ. И Мирославу пришедшу к нему на помощь с маломъ отрокъ. Невѣрнии же вси на помощь ему идяху, мнящеся, яко вѣрни суть. И с ними же свѣтъ створиша, лютѣ бо бяху на нѣ. Приѣхавшу Данилу Перемышлю, не стерпѣвъ Олександръ, побѣже. В том же гонѣ Шельвъ събоденъ бысть, бѣ бо храбръ и во велицѣ чьсти умертъ. Невѣрныии же Володиславъ Юрьевич[197] с нимь свѣтъ створь, гоняше и оли и до Санока, Воротъ Угоръскыхъ.[198] И гоньзновъшуся Олександру, оставивъшу все имение свое, и тако прииде Угры, и приде к Судиславу, Судиславу же тогда будущю Угрѣхъ.

Судиславъ же поимася, прииде королеви Андрѣеви, и возведе король угорьского Андрѣя. И приде же король Андрѣй и со сыномъ Бѣлою, и со другимъ сыномъ Андрѣемь ко Ярославу.[199] *Боярину* же *Давыдови* Вышатичю,[200] затворивъшюся от князя Данила во Ярославли, и Васильеви Гавриловичю, и бивьшимся угромь, оли и солнцю зашедшу, отбивъшимь ся городу имь.

Свѣтъ створиша вечеру. Давидови уполошивъшуся: теща бо его бѣше вѣрна Судиславу, кормильчья Нездиловаа, матерью бо си нарѣчашеть ю, вѣща ему, яко: «Не можешь удержати града сего». Василкови же молъвящу ему: «Не погубимь чести князя своего, яко рать си не можеть града сего прияти». Бѣ бо мужь крѣпокъ и храборъ. Давыду же не слушавшу его одинако хотяше предати град. Чакови[201] же приехавшу изо Угорьскы полковь, рекъшу ему: «Не могуть васъ уже прияти, ибо суть велми бьени». Василькови же крѣпко борющу не предати града. Оному же ужасти во сердце имущю, само му же чѣлу, вышедшу со всими вои. И приимь король Ярославль и поиде к Галичю. Климята же с Голыхъ горъ[202] убѣжа от князя Данила ко королеви, и по немь вси бояре галичькѣи предашася.

Оттуда король поиде ко Володимѣрю. Пришедшу же ему Володимерю, дивившуся ему, рекъшу, яко: «Така града не изобрѣтохъ ни в нѣмѣчкыхъ странахъ!» Тако сущу, оружьникомъ стоящимь на немь, блистахуся щити и оружници подобни солнцю. Мирославъ же бѣ во градѣ; иногда же храбру ему сущю, Богъ вѣдать, тогда бо смутися умомъ, створи миръ с королемь, бе-свѣта князя Данила и брата его Василка. Рядомь же дасть Белъзъ и Червенъ Олександру, королеви же посадившу сына своего Андрѣя в Галичи, свѣтомъ невѣрьныхъ галичанъ. Мирославу же запревъшуся, яко: «Рядомь Чьрвьна не предалъ есми». Порокъ же ему имуще великъ от обою брату: «Пошто миръ створи, сущю ти с великими вои!»

Королю стоящу во Володимѣри, князь же Данилъ прия великъ плѣнъ, около Бозку воюя. Король же воротися Угры.

Володимеръ же посла Данилови река: «Идеть на мя Михаилъ, а помози ми, брате!» Данилови же пришедшу створити миръ межи има. Данилъ жь из Руской земля взя собѣ часть Торцький, и паки да и дѣтемь Мьстиславлимъ, шюрятомъ своимъ. Рекъ имъ: «За отца вашего добродѣанье приимете ни держите Торцький городъ».[203]

По тѣх же лѣтѣхъ движе рать Андрѣй королевичь на Данила и иде к Белобережью.[204] Володиславу же ѣхавшу во сторожѣ от Данила ис Кыева, и стрѣте рать во Бѣлобережьи. И бившимся имъ о рѣку Солучь[205] и гониша до рѣкы Деревное[206] из лѣса Чертова.[207]

Приде вѣсть Кыеву Володимеру и Данилови от Володислава. Рекшу же Данилу князю Володимеру: «Брате, вѣдаюче обѣю наю идуть наю. Пусти мя, да поиду имъ взадъ». Они же, увѣдавше, возвратишася к Галичю.

Данилови же снемшуся с братомъ и постиже и у Шумьска, и повѣстоваста с ними о рѣку Вѣлью.[208] Бѣ бо с королевичемь Олександръ и Глѣбъ Зеремиевич, инии князи Болоховьсции и угоръ множество. Видѣвшу же ся Данилу о рѣку Велью с королевичемь, и нѣкое слово похвално рекшу, егоже Богъ не любить. Наутрѣя же переидеть рѣку Велью на Шумьскъ и поклонився Богу и святому Семеону, исполчивъ полкы свое, поиде ко Торчеву.[209] Увѣдав же Андрѣй королевичь, исполчивъ полыкы свое, иде противу ему, сирѣчь на сѣчю. Идущу ему по ровни, Данилови же и Василкови съехати бѣ со высокихъ горъ; и инии же браняху, да быхомъ стали на горах, браняху сохода. Данилови же рекшу: «Якоже Писание глаголеть: "Мьдляй на брань страшливу душю имать"».[210] Понудивъ ихъ, ускори снити на нѣ.

Василкови же идущу противу угромъ, а Дьмьяну тысяцькому идущю и инѣмь полкомъ многимъ ошуюю, Данилъ же идяше полкомъ своимъ посрѣди. Велику же полку бывшю его, устроенъ бо бѣ храбрыми людми и свѣтлымъ оружьемь. Онѣмъ же видящимъ, не хотяхуть сразитися с нимъ, но клоняхуться на Дьмьяна и на иные полкы. Приехавшимъ же соколомь стрѣлцемь[211] и не стѣрпѣвъшимъ же людемь, избиша ѣ и роздрашася. Дьмьянови же сразившуся со Судиславомъ князю же Данилови заѣхавъшу в тылъ имъ, и бодущим ѣ, Дьмьянови же мнящу, яко все ратнии и суть и возбегоша пред нимъ. Данилъ же вободе копье свое[212] в ратьного, изломившуся же ся копью, и обнажи мечь свой. Позрѣвъ же семь и сѣмь и види стягъ Василковъ стояще и добрѣ борющь и угры гонящу, обнаживъ мѣчь свой, идущу ему брату на помощь, многы же язви, и инии же от меча его умроша. Снемшеся с Мирославомъ и видѣвъ, яко угре сбираються, и ехаста на нѣ два. Онем же не стѣрпѣвшим оскочиша, другим же приехавшимъ и сразившимся, и ти не стѣрпѣша. Гонящимъ же има разлучистася. Потом же видивъ брата добрѣ борющася, и сулици его кровавѣ сущи, и оскѣпищю исѣчену от *ударенья* мечеваго.

Въ лѣто 6740.[213] Глѣбъ Зѣремѣевичь собравъ угры приѣха на стягъ Василковъ. Данилови жи приѣхавши к нимъ и понужаюшу ихъ, и никого

не вѣдѣ въ нихъ воиника, но отрокы державща конѣ. Онѣм же познавшимъ и и хотящимъ мечи посѣчи конь его. Милостивому же Богу безъ язвы изнесъшу и из ратныхъ, якоже от конца остроты мечевыи шерьсти претятѣ бывши на стегнѣ коня его. Приѣхавъ же к нимъ, понужаше свое ехати на нѣ.

Василковъ полкъ гнаше угры до становъ и стягъ королевича подътяли бѣаху, друзии же многи угре бѣжаща, оли во Галичь становишася.

Стоящим же симь на горѣ, и симъ на удолъ. Данилови же и Василкови понужающима людий своихъ соѣхати на нѣ. Богу же тако изволшу за грѣхы: наворотися дружина Данилова на бѣгъ, онем же не смѣвшимъ гонити, и не бысть пакости во полкохъ Даниловых, развѣ тѣхъ убьеных пяти.

Данилови же наутреея собравшуся, не вѣдаше о братѣ, с кимъ кдѣ есть. Королевичь же обратися в Галичь, зане бѣ уразъ великъ в полкохъ его: инѣи же угрѣ бежаша, оли в Галичи становишася.

И бысть брань велика во день тъ. Тѣхъ бо падшихъ много угоръ, а Даниловыхъ мало бояръ, ихже имена се быша: Ратиславъ Юрьевичь, Моиси, Степанъ, брать его, Юрьи Яневичь.

Потом же Данилъ увѣдавъ брата своего во здарвьи, не престаяшеть строя на нѣ рать.

Бѣ бой Торцьвьскый в Суботу великую.

Потомь присла Олександрдъ ко брату Данилу и Василку: «Не лѣпо ми есть быти кромѣ ваю!». Она же прияста и с любовью.

Травѣ же бывши, Данилъ же поиде со братомъ и со Олександромъ Плѣсньску,[214] и пришедъ взя и подъ Аръбузовичи,[215] и великъ плѣн прия, обратися во Володимѣръ.

Въ лѣто 6741. Королевич же и Судиславъ выведе Дьяниша[216] на Данила. Данилъ же ѣха Кыеву и приведе половцѣ и Изяслава противу имъ, и со Изяславом водися у божницю и со Володимеромъ. Придоста противу Данишу. Изяславъ же льсть створи и вѣлѣ воевати землю Данилову, и взяша Тихомль, и возвратишася, оставьшуся Володимеру с Даниломъ и Котяневи одиному. О, лесть зла есть,— якоже Омиръ пишеть,— *до обличеня сладка*, обличѣна же *зла* есть. Кто в нѣй ходить, конѣць золъ прииметь.[217] О, злѣе зла зло есть!

Оттуда же идоша ко Перемилю. Андрѣй королевичь, Дьянишь и угре бишася о мостъ со Володимѣромъ и Даниломъ, и отбивъшися имъ. Угре же воротишася к Галичю и пороки[218] пометаша. Володимѣръ же и Данилъ поидоста по нихъ. Василко же и Олександръ приде ко брату. И сняшася в Бужьска. Володимеръ же и Котянь, Изяславъ воротишася.

Въ лѣто 6742. *Отступи* Глѣбъ Зеремѣевичь от королевича к Данилови.

Данилъ же и Василко и однако идоста к Галичю, стрѣтоша и болшаа половина Галича: Доброславъ[219] и Глѣбъ, инии бояре мнози, и пришедъ ста на березѣ Днѣстра. И прия землю Галичьскую и розда городы бояромъ и воеводамъ. И бѣаше корма у нихъ много. Королевичь же и Дьянишь и Судиславъ изнемогаху гладомь в градѣ. Стояше же 9 недѣль воюя, жда леду, дондеже перешлѣ на нѣ. Судиславъ же лестью посла ко Александрови, река: «Дамъ тобѣ Галичь, поиди от брата». Он же поиде прочь. Галичани же думаху яти галичани же выѣхаша по Данилѣ.[220]

Малу же времени минувшю, королевичь умре. Послаша галичанѣ по Данила Чермьного Семьюнъка, а Судиславъ иде Угры.

Вѣснѣ же бывши, Олександръ убоявося злаго своего створения, поиде ко тьсту своему Киевъ.[221] Данилъ же увѣдавъ изииде на нѣ из Галича, угони и во Полономь, и яша и в лузѣ Хоморьскомь.[222] Данилови же не спавъшу три дни и 3 нощи, такоже и воемь его.

Будущю же Володимеру Кыевѣ, присла сына своего Ростислава в Галичь, и прия с нимъ братьство и любовь велику, Михаилови же Изяславу одинако не престающа на нь враждою. Оставилъ у него Глѣба Зеремѣича и Мирослава, иныи бояре многы. Посла же Володимеръ

рекий; «Помози ми, брате!» Данилъ же вѣлъею любовью скоро собравъ полкы поиде.

Михаилъ же не стерпѣвъ отъиде от Кыева. Данилъ же поиде ко Володимеру, и поидоста Чернигову. И приде к нима Мьстиславъ Глѣбовичь.[223] Оттуда же поидоша плѣнячи землю, поимаша грады многы по Деснѣ, ту же взяша и Хороборъ, и Сосницю, и Сновескъ,[224] иныи грады многии, и придоша же опять Чернигову. Створиша же миръ со Володимеромъ и Даниломъ Мьстиславъ и черниговьчи. Люто бо бѣ бой у Чернигова, оже и таранъ на нь поставиша,[225] меташа бо каменемь полтора перестрѣла, а камень, якоже можаху 4 мужи силнии подъяти. Оттуда с миромъ преидоша Кыеву.

Изяславъ же одинако не престааше, возвелъ бѣ полвцѣ на Киевъ.

Данилъ бо и вои его бѣ иструдилася. Поплѣнилъ бо бѣ всѣ Черниговьскые страны, воевалъ бо бѣ от Крещениа до Вознесения,[226] створи миръ, воротися Кыеву.

Половцем же пришедшимъ Кыеву и плѣнящимъ землю Рускую. Данилъ бо бѣ изнемоглъся. Данилъ же хотяще изиити домови лѣсною страною, Володимеру же просящу, Мирославу же помогающу ему: «Изиидемь на поганыѣ половцѣ!». Срѣтоша же ѣ половцѣ у Звѣнигорода. Володимеру же хотящу возвратитися, и Мирославу глаголюще на возвращение, Данилови же рекшу: «Не подобаеть воину, устремившуся на брань,— или побѣду прияти, или пастися от ратных. Азъ бо возбраняхъ вамъ. Нынѣ же вижю, яко страшливу душю имате. Азъ вамъ не рѣхъ ли, яко не подобить изиити труднымъ воемь противу цѣлымъ? Нынѣ же почто смущаетеся? Изиидите противу иимь».

Срѣтѣвшимъ же ся воемь многимь половецькимь у Торчьского, бысть сѣча люта. Данилови же гоняіду по половцех, донележе конь его застрѣленъ бысть гнѣдый. Преже бо инии половци наворотилѣ на бѣгъ. Данилъ же, видѣвъ бѣжащий конь свой стрѣлянъ, наворотися на бѣгъ. Володимеру же *ятому* бывшу в Торцькомъ, и Мирославу, свѣтомъ безбожьнаго Григоря Василевича и Молибоговичевь, инѣмь бояръмъ многимъ ятымъ бывшимъ.

Данилу же прибѣгшу к Галичю, Василкови же бывшу в Галичи с полкомъ, и срете брата си. Борисъ же Межибожьскый свѣтомъ

Доброславьлимъ и Збыславлимъ[227] посла к Данилови, рекый: «Изяславъ и половци идуть к Володимѣру». Лесть бо бѣ се. Данилъ же посла ко брату си: «Стерези Володимѣра». Узрѣвше же бояре галичьстии Василка отшедша с полономъ, воздвигоша крамолу. Судиславу же Ильючю[228] рекшу: «Княже, льстивъ глаголъ имѣют галичанѣ, не погуби се, поиди прочь!» Данилови увѣдавшу крамолу ихъ, изиидe Угры.

Зимѣ же приспѣвши, иде Василко Галичю, поима ляхы. Данилъ же в то время приде ко брату си изо Угоръ. И воиваша, не дошедше Галича, воротиста домовь.

Въ лѣто 6743. Придоша Галичане на Каменець и вси Болоховьсции князи с ними, и повоеваша по Хомору, и поидоша ко Каменцю, веемши полонъ великъ, поидоша. В то же время послалъ бяше Володимиръ Данилови помощь *торкы* и Данила Нажировича.[229] Данилови же бояре выехавши ис Каменца, снемьшеся со *торки*[230] и постигоша ѣ. И побѣжени быша невѣрнии галичане. И вси князи Болоховьсции изоимани быша, и приведоша е Володимѣръ ко князю Данилови.

Лѣту же наставшу, нача посылати Михаилъ и Изяславъ, грозяча: «Дай нашу братью, или придемь на тя войною». Данилови же молящюся Богу, святому архиерѣю Николѣ, иже каза чюдо свое. Возвелъ бо бяшеть на Данила Михаилъ и Изяславъ ляхъ и русь и половець множество. Кондратови же ставшу, кде нынѣ град Холмь стоить, пославшю ему ко Червьну воеватъ. Василковичем же срѣтившимъ е и бившимъся с ними, поимаша Лядьские бояре, приведоша е *перед* Данила во Городокъ.

Михаилови же стоящу на Подъгораи, хотящю снятися с Кондратомъ и ожидающю половець со Изяславомъ. Половци же придоша в землю Галичькую, не восхотѣша ити на Данила, веемшю всю землю Галичькую, возвратишася. То слышавъ, Михаилъ возвратися в Галичь, а Кондратъ побѣже до ляховъ чересъ нощь, и потопилися бяшеть от вои его во Вепрю множество.

Лѣту же наставшу, собравъшася, идоста на Галичь на Михаила и Ростислава. Затворила бо ся бѣяста во градѣ. И угоръ множество бяашеть у него. И возвративъшися воеваста около Звенигорода, города же хотяша и нѣ возяста, бѣ бо святаа Богородица в немь, чюдная икона.

Тое же осени умиристася.

Веснѣ же бывши, поидоста на ятвезѣ, и приидоста Берестью, рѣкамъ наводнившимся и не возмогоста ити на ятвязѣ.

Данилови рекъшу: «Не лѣпо есть держати нашее отчины крижевникомь Тепличемь, рекомымь Соломоничемь».[231] И поидоста на нѣ в силѣ тяжьцѣ. Приаста град месяца марта, старѣйшину ихъ Бруна[232] яша, и вои изоимаша и возъвратися Володимѣръ.

Данилови же в томь же лѣтѣ пошедъшу на Михаила на Галичь. Онем же мира просящим, даша ему Перемышль. По том же лѣтѣ Данилъ же возведе на Кондрата литву Минъдога, Изяслава Новгородьского.[233]

Данилъ же в то время шелъ бяше со братомъ своимъ Угры ко королеви, бѣ бо звалъ его на честь.

В то время пошелъ бяше Фридрихъ царь на гѣрцика войною,[234] и восхотѣста ити Данилъ со братомъ Василкомъ гѣрцикови во помощь, Королеви же возбранившу има, возвратистася во землю свою.

И потомь приде Ярославъ Суждальскый[235] и взя Киевъ подъ Володимеромъ, не мога его держати, иде пакы Суждалю. И взя под нимь Михаилъ, а Ростислава, сына своего, остави в Галичи. И отъяша от Данила Перемышль. Бывшю же межю ими овогда миру, овогда рати.

И шедшю же Ростиславу во поле, Богу же поспѣвшу, приде вѣсть Данилу, во Холъмѣ будущю ему, яко Ростиславъ сошелъ есть на литву со всими бояры и снузникы. Сему же прилучившуся, изииде Данилъ со воии со Холъма и бывшю ему третий день у Галичи. Любяхуть же и гражане. Подъехавшу же ему подъ городъ и рече имь: «О мужи градьстии, доколѣ хощете терпѣти иноплеменьныхъ князий державу?» Они же воскликнувше рѣша, яко: «Се есть держатель нашь Богомь даный!». И пустишася, яко дѣти ко отчю, яко пчелы к матцѣ, яко жажющи воды ко источнику. Пискупу же Артѣмью и дворьскому Григорью[236] возбраняющу ему, узѣвшима же има, яко не можета удерьжати града, *яко* малодушна блюдящася о преданьи града, изиидоста слезнами очима и ослабленомь лицемь, и лижюща уста своя,

яко не имѣюща власти княженья своего, рѣста же с нужею: «Прииди, княже Данило, приими градъ!» Данило же вниде во градъ свой и прииде ко пречистѣ святѣй Богородици, и прия столъ отца своего, и обличи побѣду, и постави на Нѣмѣчьскыхъ вратѣхъ хоруговь свою.

Наутрѣя же приде к нему вѣсть, яко Ростиславъ пошелъ бѣ к Галичю, слышавъ же приятье градьское, бѣжа во Угры путемь, имже идяше на Боръсуков Дѣлъ, и прииде к Бани, рекомѣй Родна,[237] и оттуда иде Угры.

Бояре же пришедше падше на ногу его просяще милости, яко: «Согрѣшихом ти, иного князя держахомъ». Онъ же отвѣщавъ рче имъ: «Милость получисте, пакы же сего не створисте, да не во горьшая впадете».

Данилови же увѣдавшу входъ ихъ, посла на нѣ вое свое, и гнаша по нихъ до Горы и возвратишася.

Побоище Батыево.[238] Въ лѣто 6745. Придоша безбожнии измалтянѣ, преже бивъшеся со князя рускими на Калкохъ.

Бысть первое приходъ ихъ на землю Рязаньскую, и взяша град Рязань копьемь, изведше на льсти князя Юрья,[239] и ведоша Прыньску, бѣ бо в то время княгини его П*р*ыньскы. Изведоша княгиню его на льсти, убиша Юрья князя и княгини его, и всю землю избиша и не пощадѣша отрочатъ до сущихъ млека. Кюръ Михайловичь[240] же утече со своими людми до Суждаля и поведа великому князю Юрьеви[241] безбожных *агарянъ* приходъ, нашествие.

То слышавъ великий князь Юрьи посла сына своего Всеволода[242] со всими людми и с нимъ кюръ Михайловичь. Батыеви же устремлешюся на землю Суждальскую, и срѣте и Всеволодъ на Колоднѣ,[243] и бившимся имъ и падъшимъ многимъ от нихъ от обоихъ. Побѣжену бывшу Всеволоду, исповѣда отцю бывшую брань устремленыхъ на землю и грады его. Юрьи же князь, оставивъ сынъ свой во Володимерѣ[244] и княгиню, изииде изъ града, и совокупляющу ему около себе вои, и не имѣющу сторожий, изъѣханъ бысть безаконьнымъ Буронадаема,[245] всь городъ изогна и самого князя Юрья убиша. Батыеви же стоящу у града, борющуся крѣпко о градъ, молвящимъ имъ

льстью гражаномъ: «Гдѣ суть князи Рязаньстии, вашь град, и князь вашь великий Юрьи? Не рука ли наша емши и смерти преда и?»

Услышавъ о семь преподобный Митрофанъ епископъ,[246] начатъ глаголати со слезами ко всимъ: «Чада, не убоимся о прельщеньи от нечестивых и ни приимемь си во умъ тленьнаго сего и скороминующаго житья, но ономь не скоро минующѣмь житьи попечемься, еже со ангелыи житье. Аще и градъ нашь пленьше копиемь возмуть и смерти ны предасть, азъ о томь, чада, поручьникъ есмь, яко вѣнца нетлѣньнаа от Христа Бога приимете». О сем же словеси слышавше, вси начаша крѣпко боротися. Тотаромъ же порокы градъ бьющемь, стрелами бещисла стрѣляющимъ. Се увидѣвъ князь Всеволодъ, яко крѣпчѣе брань належить, убояся, бѣ бо и самъ младъ, самъ изъ града изииде с маломъ дружины и несы со собою дары многии, надѣяше бо ся от него животъ прияти. Онъ же, яко свѣрпый звѣрь, не пощади уности его, велѣ предъ собою зарѣзати, и градъ всь избье. Епископу же преподобному во церковь убѣгшу со княгинею и с дѣтми, и повѣлѣ нечестивый огньмь зажещи, ти тако душа своя предаша в руцѣ Богу.

Град ему избившу Володимѣрь, поплѣни грады суждальские и приде ко граду Козельску. Будущу в немь князю младу именемь Василью. Увѣдавъши же нечестивии, яко умъ крѣпкодушьный имѣють людье во градѣ, словесы лестьными невозможно бѣ града прияти. Козлянѣ жѣ свѣтъ створше не вдатися Батыю, рекше, яко: «Аще князь нашь млад есть, но положимъ животъ свой за нь, и сде славу сего свѣта приимше, и тамъ небесныя вѣнца от Христа Бога приимемь». Тотаром же бьющимся о град, прияти хотящимъ град, разбившимъ граду стѣну, и возиидоша на валъ татаре. Козляне же ножи рѣзахуся с ними. Свѣтъ же створиша изиити на полкы тотарьскые, и исшедше изъ града, исѣкоша праща ихъ, нападше на полькы ихъ, и убиша от татаръ 4 тысящи, и самѣ же избьени быша. Батый же взя городъ, изби вси, и не пощадѣ от отрочать до сосущих млеко. О князи Васильи невѣдомо есть, и инии глаголаху, яко во крови утонулъ есть, понеже убо младъ бяше есть. Оттуду же ву татарѣхъ не смѣють его нарещи град Козлескъ, но град злый, понеже бишася по семь недѣль. Убиша бо от татаръ сыны темничи три.[247] Татари же искавше и не могоша ихъ изнаити во множествѣ трупъ мертвыхъ.

Батыеви же вземшю Козлескъ, и поиде в землю *Половецькую*. Оттуда же поча посылати на грады русьскые и взять град Переяславль[248] копьемь, изби всь, и церковь архангела Михаила скруши, и сосуды церьковьныя бещисленыя, златыа и драгаго каменья взятъ, и епископа преподобнаго Семеона[249] убиша.

В то же время посла на Черниговъ, обьступиша град в силѣ тяжцѣ. Слышавъ же Мьстиславъ Глѣбовичь нападение на град иноплеменьных, приде на ны со всими вои. Бившимъся имъ, побѣженъ бысть Мьстиславъ, и множество от вои его избьенымъ бысть, и градъ взяша и запалиша огньмь. Епископа оставиша жива и ведоша и во Глуховъ.

Меньгуканови[250] же пришедшу сглядатъ града Кыева. Ставшу же ему на оной странѣ *Днѣпра* во Градъка Пѣсочного,[251] видивъ град, удивися красотѣ его и величеству его, присла послы свои к Михаилу и ко гражаномъ, хотя е прельстити, и не послушаша его.

В лѣто 6746. Михаилъ бѣжа по сыну своемь передъ татары Угры, а Ростиславъ Мьстиславичь Смоленьского[252] сѣдѣ Кыевѣ. Данилъ же ѣха на нь, и я его, и остави в немь Дмитра,[253] и вдасть Кыевъ в руцѣ Дмитрови обьдержати противу иноплеменьныхъ языкъ, безбожьныхъ татаровъ.

...яко бѣжалъ есть Михаилъ ис Кыева в Угры, ѣхавъ я княгиню его[254] и бояръ его поима, и город Каменѣць взя. Слышавъ же се Данилъ, посла слы река: «Пусти сестру ко мнѣ, зане яко Михаилъ обѣима нама зло мыслить». И Ярославъ услыша словеса Данилова, и бысть тако, и приде к нима сестра, к Данилу и Василку, и держаста ю во велицѣ чести.

Король же не вдасть дѣвкы своей Ростиславу[255] и погна и прочь. Идоста Михаилъ и Ростиславъ ко уеви своему в Ляхы и ко Кондратови.[256] Присла бо Михаилъ слы Данилу и Василку, река: «Многократы согрѣшихо вам и многократы пакости творях ти. Что ти обѣщахъ и того не створих. Аще коли хотяхъ любовь имѣти с тобою, невѣрнии галичанѣ не вдадяхут ми. Нынѣ же клятвою клену ти ся, яко николи же вражды с тобою не имамъ имѣти».

Данилъ же и Василко не помянуста зла, вьдаста ему сестру и приведоста его из Ляховъ. Данилъ же свѣтъ створи со братом си, обѣша ему Киевъ, Михаилови, а сынови его Ростиславу вдасть Луческъ. Михаилъ иже за страхъ татарьскый не смѣ ити Кыеву. Данилъ же и Василко вьдаста ему ходити по землѣ своей, и даста ему пшеницѣ много, и меду, и говядъ, и овѣць доволѣ. Михаилъ же увѣдѣвъ приятье Киевьское и бѣжа со сыномъ своимъ во Ляхы Кондратови. Приближившимъ же ся татаромъ, то не стерпѣ туто, иде в землю Воротьславьску[257] и приде ко мѣсту немѣцкому именемь Середа.[258] Узрѣвши же нѣмци, яко товара много есть, избиша ему люди, и товара много отъяша, и унуку его убиша. Михаилу иже не дошедшю и

собравшюся, и бысть в печали величѣ: уже бо бяхут татари пришли на бой ко Иньдриховичю.[259] Михаилъ же воротися назадъ опять Кондратови.

Мы же на преднее возвратимся.

В лѣто 6747.

Въ лѣто 6748. Приде Батый Кыеву в силѣ тяжьцѣ, многомь множьствомь силы своей, и окружи град, и остолпи сила татарьская, и бысть град в обьдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города и отроци его обьсѣдяху град. И не бѣ слышати от гласа скрипания телѣгъ его, множества ревения вельблудъ его, и рьжания от гласа стадъ конь его, и бѣ исполнена земля Руская ратных.

Яша же в них татарина именемь Товрулъ, и тъ исповѣда имъ всю силу ихъ. Се бяху братья его силныи воеводы: Урдю и Байдаръ, Бирюй, Кайданъ, Бечакъ и Меньгу и Кююкь,— иже вратися увѣдавъ смерть канову, и бысть каномь, не от роду же его, но бѣ воевода его перьвый — Себѣдяй богатуръ и Бурунъдаии багатырь,— иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую,— инѣхъ бе-щисла воеводъ, ихже не исписахомъ зде.

Постави же Баты пороки городу подълѣ вратъ Лядьскьх. Ту бо бѣаху пришли дебри. Порокомъ же бес престани бьющимъ день и нощь, выбиша стѣны. И возиидоша горожаны на избыть стѣны, и ту бѣаше видити ломъ копѣйный и щетъ скѣпание, стрѣлы омрачиша свѣтъ. Побѣженым и Дмитрови ранену бывшу, взиидоша татарѣ на стѣны и сѣдоша. Того дне и нощи гражанѣ же создаша пакы другий град около святое Богородицѣ.[260] Наутрѣя же придоша на нѣ, и бысть брань межи ими велика. Людем же узбѣгшимъ и на церковь и на комаръ церковныя и с товары своими; от тягости повалишася с ними стѣны церковныя. И приятъ бысть град сице воими. Дмитрѣя же изведоша язвена, и не убиша его мужьства ради его.

В то же время ѣхалъ бяше Данилъ Угры королеви и еще бо бяшеть не слышалъ приходъ поганыхъ татаръ на Кыевъ.

Батыю же вземшю град Кыевъ и слышавъшу ему о Данилѣ, яко Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимеру, и приде к городу Колодяжьну.[261] И постави порока 12, и не може разбити стѣны, и начатъ перемолъвливати люди. Они же, послушавше злого свѣта его, передашася, и сами избити быша. И приде Каменцю, Изяславлю,[262] взятъ я. Видивъ же Кремянѣць и градъ Даниловъ,[263] яко не возможно прияти ему, и отъиде от нихъ. И приде к *Володимеру*, и взя и копьемь, и изби и не щадя. Тако же и град Галичь, иныи грады многы, имже нѣсть числа.

Дмитрови же, Кыевьскому тысяцкому Данилову, рекшу Батыеви: «*Не* мози стряпати в землѣ сей долго, время ти есть на угры уже поити. Аще ли встряпаеши, земля ти есть силна. Сберуться на тя и не пустять тебе в землю свою». Про то же рече ему, види бо землю гибнущу Рускую от нечестиваго.

Батый же послуша свѣта Дмитрова, иде Угры. Король жь Бѣла и Каломанъ *срѣтоша* ѣ на рѣцѣ Солоной.[264] Бившимся имъ полкомъ, бѣжаща угре, и гнаша ѣ татарѣ до рѣкѣ Дуная. Стояша по побѣдѣ три лѣта.

Преже того ѣхаль бѣ Данило князь ко королеви Угры, хотя имѣти с ним любовь сватьства,[265] и не бы любови межи има. И воротися от короля и приѣха въ Синеволодьско во манастырь святыя Богородица.[266] Наутрея же воставъ видѣ множество бѣжащих от безбожных татаръ и воротися назадъ Угры. Не може бо проити Руское земли, зане мало бѣ с нимь дружины. И оставивъ сына своего Угрѣхъ и вьдасть и ву руцѣ галичаномъ, вѣдаа невѣрьствие ихъ, про то его не поя с собою.

Иде изо Угоръ во Ляхы на Бардуевъ и приде во Судомирь.[267] Слыша о братѣ си и о дѣтех и о *княгини* своей, яко вышли суть из Руское землѣ в Ляхы предъ безбожными татары, и потосьнуся взискати ихъ, и обрѣте ихъ на рѣцѣ рекомѣй Полцѣ,[268] и возрадовашся о совокупьленьи своемь, и жалишаси о побѣдѣ землѣ Руское и о *взятьи* град от иноплеменьникъ множьства.

Данилови же рекшу, яко: «Не добро намъ стояти сде близъ воюющих нас иноплеменьникомъ!» Иде в землю во Омазовьскую ко Болеславу Кондратову сынови. И вдасть ему князь Болеславъ град Вышегородъ.[269] И бысть ту, дондеже вѣсть прия, яко сошли суть и-землѣ Руское безбожнии.

И возвратися в землю свою, и приде ко граду Дорогычину,[270] и восхотѣ внити во град, и вѣстьно бысть ему, яко: «Не внидеши во град!» Оному рекшу, яко: «Се былъ град нашь, и отець наших, вы же не изволисте внити вонь». И отъиде мысля си.

Иже Богъ послѣже отмьстье створи держателю града того, и вьдасть и в руцѣ Данилу. И обьновивы и созда церковь прекрасну святое Богородици, и рече: «Се градъ мой, преже бо прияхъ и копьемь».

Данилови же со братомъ пришедшу ко Берестью и не возмогоста ити в поле смрада ради множьства избьеных. Не бѣ бо на Володимѣрѣ не осталъ живый, церкви святой Богородици исполнена трупья, иныа церкви наполнены быша трубья и телесъ мертвых.

Потом же Михаилъ иде от уя своего на Володимѣръ сыномь своим и оттуда иде Пиньску. Ростислав же Володимѣричь приде к Данилу во Холмъ, одержалъ бо бѣаше Богъ от безбожных татаръ. Ростислав же показа правду свою, яко не есть во свѣтѣ с Михаиломъ. Михаилъ же не показа правды воз добродѣанье Данилу же и Василку, но проиде землю его, и и пославъ посла иде въ Киевъ, и живяше подъ Киевомъ во островѣ, а сынъ его иде в Черниговъ Ростиславъ.

Вышедшу же Лвови изъ Угоръ с бояры галичкыми и приѣха во Водаву[271] ко отцю си, и радъ бысть ему отець.

Бояре же галичьстии Данила княземь собѣ называху, а самѣ всю землю держаху. Доброслав же вокняжилъся бѣ и Судьичь, поповъ внукъ, и грабяше всю землю, и въшед во Бакоту,[272] все Понизье прия, безъ княжа повеления. Григорьи же Васильевичь собѣ горную страну Перемышльскую мышляше одержати. И бысть мятежь великъ в землѣ и грабежь от них. Данилъ же, увѣдавъ, посла Якова,[273] столника своего, с великою жалостью ко Доброславу, глаголя к нимь: «Князь вашь азъ есмь. Повеления моего не творите, землю грабите. Черниговьских бояръ не велѣх ти, Доброславе, приимати, нъ дати волости галичкимъ. А Коломыйскюю солъ отлучите на мя».[274] Оному же рекшу: «Да будеть тако!». Во тъ же часъ, Якову сѣдящу у него, приидоста Лазорь Домажирець и Иворъ Молибожичь,[275] два безаконьника от племени смердья, и поклонистася ему до землѣ. Якову же удивившуся и прашавшу вины, про что поклонистася. Доброславу же рекшу: «Вдахъ има Коломыю». Якову же рекшу ему: «Како можеши бес повеления

княжа отдати ю сима! Яко величии князи держать сию Коломыю на роздавание оружьникомъ, си бо еста недостоина ни Вотьнина[276] держати». Он же усмѣявься рече: «То что могу же глаголати». Яковъ же, приехавъ, вся си сказа князю Данилови. Данилъ же скорбяше и моляшесе Богу о отчинѣ своей, яко нечестивымъ симъ держати ю и обладати ею.

И малу же времени минувшу присла Доброславъ на Григоря, река, яко: «Невѣренъ ти есть». Противляшеся ему, а самъ хотяше всю землю одержати. Свадивьшеся сами и приѣхаша с великою гордынею. Едучю Доброславу во одиной сорочьцѣ, гордящу, ни на землю смотрящю, галичаном же текущимъ у стремени его.

Данилови же видящу и Василкови гордость его, болшую вражду на нь воздвигнуста. Доброславу же и Григорю обоимъ ловящимъ на ся. Слышав же Данилъ рѣчи ихъ, яко полны суть льсти, и не хотять по воли его ходити, и власть его иному предати, сомыслив же се братомъ, понужи же, видя безаконие ихъ, и повелѣ его изоимати.

Въ лѣто 6749. Ростиславъ собра князѣ болоховьскые и останокъ галичанъ, приде ко Бакотѣ. Курилови же сущю печатнику[277] тогда вь Бакотѣ, послану Даниломъ княземь и Василкомъ исписати грабительства нечестивыхъ бояръ, *утѣшити* землю. Бившимъ же ся имъ у вратъ, отступився, хотяше премолвити его словесы многыми. Курилъ же отвѣща ему: «Се ли твори возмездье уема своима воз добродѣанье! Не помниши ли ся, яко король угорьский изгналъ тя бѣ и-землѣ сь отцьмь ти? Како тя восприаста о господина моя, уя твоя, отча ти во величи чести держаста, и Киевъ обѣчаста тобѣ, Луческъ вдаста, и матерь твою и сестру свою изъ Ярославлю руку изъяста и отчю ти вдаста». Инеми словесы мудрыми глаголаста ему много. Видѣв же, не послуша его, изииде на нь со пѣшьци. Онъ же увѣдѣвъ то, поиде прочь. Онъ же мудростью и крѣпостью удержа Бакоту. Ростислав же изииде за Днѣпръ.

Слышавъ же Данилъ приходъ Ростиславль со князи Болоховьскими на Бакоту, абье устремися на нѣ, грады ихъ огневи предасть, и гребля ихъ раскопа. Василько же князь осталъ бѣ стеречи землѣ от литвы, послалъ бѣаше вое свое со братомъ. Данилъ же возьма плѣнъ многъ вратися и поима грады ихъ: Деревичь, Губинъ и Кобудъ, Кудинъ, Городѣць, Божьскый, Дядьковъ.[278] Приде же Курилъ, печатникъ князя Данила, со треими тысящами пѣшець и трьими сты коньникъ и водасть имъ взяти Дядьковъ град.

Оттуда же плѣнивъ землю Болоховьскую и пожегъ. Оставили бо ихъ татарове, да имъ орють пшеницю и проса. Данилъ же на нѣ болшую вражьду, яко от тотаръ болшую надежу имѣаху, князѣ же ихъ изя от руку Болеславлью, князя Мазовьского. Рекшу Болеславу: «Почто суть вошли во землю мою, яко не вдах имъ»,— рекый: «Не суть вои твои, но суть особнии князи». И хотяше разъграбити е. Они же обѣщашася работѣ быти. Онемь же молящимся, Данилъ же и Василко за нѣ хоти с ними брань створити. Василко же ехавъ убѣди и, рекше умоли и, и дасть ему дары многи на избавление ихъ. Онѣм же одинако не помнящи добродѣанья, Богъ возмездье имъ дасть, яко не оста ничтоже во градѣ ихъ, еже бысть не пленено. И приде ко брату си милостью Божиею, обличая побѣду.

Ростислав же одинако не престааше о злобѣ своей, но вои собравъ и Володислава невѣрного, поиде на Галичь. И пришедъ ко Печерѣ Домамири,[279] и прельсти е Володиславъ, и вдашася Ростиславу, и оттуда поима, поиде ко Галичю, рекый, яко: «*Твой* есть Галичь». А самъ прия тысячю от него. Слышав же Данилъ и Василко, собравша воя скоро поидоста на нихъ. Онъ же не стерпѣ выбѣже из Галича до Щекотова,[280] и с нимь бѣжа Артѣмѣй, епископъ галичькый, и инии галичани. Данилови же и Василку, женущу по немь, вѣсть приде ему, яко тотарове вышли суть и-землѣ Угорьское, идуть в землю Галичькую, и тою вестью спасеся, и нѣколико от бояръ его ято бысть.

Данилъ же, хотя уставити землю, и еха до Бакоты и Калиуса,[281] а Василко еха во Володимѣръ. Данилъ же дворечкого посла на Перемышль, на Костянтина Рязаньского,[282] посланаго от Ростислава, и владыцѣ Перемышльскому, коромолующе с нимь. И слышавъ Костянтинъ Адрѣа, грядуща на нь, избѣже нощью. Андрѣй же не удоси его, но удоси владыку, и слуги его разъграби гордые, и тулы ихъ бобровье раздра, и прилбичѣе ихъ волъчье и боръсуковые раздраны быша. Словутьного пѣвца Митусу,[283] древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного, *акы* связаного приведоша. Сирѣчь, якоже рече приточникъ: «Буесть дому твоего скрушиться, бобръ и волкъ и язвѣць снѣдяться».[284] Си же притчею речена быша.

Въ лѣто 6750. Не бысть ничтоже.

Въ лѣто 6751. Ростислава розгнаша татарове во Борку, и бѣжа Угры, и вдасть зань пакы король угорьскый дочѣрь свою.

Данилу же будущу во Холмѣ, прибѣже к нему половчинъ его именемь Актай, рекый, яко: «Батый воротилъся есть изо Угоръ, и отрядил есть на тя два богатыря возискати тебе: Манъмана и Балаа». Данилъ же затворивъ Холмъ, еха ко брату си Василкови, поима с собою Курила митрополита. А татарове воеваша до Володавы[285] и по озерамъ много зла створше.

Въ лѣто 6752. Не бысть ничтоже.

Въ лѣто 6753. Слышавъ же короля Михаилъ вдавъ дочѣрь за сына его и бѣже Угры. Король же угорьскый и сынъ его Ростиславъ чести ему не створиста. Он же розгнѣвався на сына, возвратися Чернигову.

Оттуда еха Батыеви, прося волости своее от него. Батыеви же рекшу: «Поклонися отець нашихъ закону». Михаилъ же отвѣща: «Аще Богъ ны есть предалъ и власть нашу грѣхъ ради наших во руцѣ ваши, тобѣ кланяемся и чести приносим ти. А закону отець твоихъ и твоему богонечестивому повелению не кланяемься». Батый же, яко свѣрпый звѣрь возьярися, повелѣ заклати, и закланъ бысть безаконьнымъ Доманомъ Путивльцемь[286] нечестивымъ, и с нимъ закланъ бысть бояринъ его Федоръ, иже *мученически* пострадаша и восприяста вѣнѣчь от Христа Бога.

Данилови же со братомъ Василкомъ заратившимся с Болеславомъ, княземь лядьскимь,[287] внидоста во землю Лядьскую четырми дорогами: самъ Данило ваева около Люблина, а Василко — по Изволи и по Ладѣ, около Бѣлое,[288] дворьскый же Ондрѣй по Сяну, а Вышата воева Подъгорье. Вземше полонъ, возвратишася. И пакыи изиидоста и повоеваста землю Любльньскую, доже и до рѣкы Вислы и Сяну. И прѣхавша подъ Завихвость,[289] стрѣли Василко князь чересъ рѣку Вислу, не могоша бо переѣхати ей рѣкы, понеже наводнилася бяше. И возвратистася, вземша полону много.

Малу же времини минувшу, приѣхавъши же ляхове и воеваша около Андрѣева.[290] Услышавъ же Данило князь со братомъ Василкомъ, совокупиша силу свою и повелѣста престроити праща и иныие сосудыи на взятье града, и придоста на градъ Люблинъ. Одиного дне быста подъ градомъ ис Холма, со всими вои и пращами. Мечющимъ же пращамъ и стрѣламъ, яко дожду идущу на град ихъ, и уведевъше ляхове, яко крѣпчѣе брань руская належить, начаша просити милость получити. Данилъ же и Василко створиста завѣтъ, положивъ имь, *рекоша*: «Не

помогайте князю своему». Они же обѣщася то створити. Данилъ же со братомъ возвратистася, воеваша страну ту.

Ростиславъ же, умоливъ угоръ, много просися у тьстя, да выидеть на Перемышль. Вшедшу ему, собравше смерды многы пьшьцѣ, и собра я в Перемышль. Данилъ же и Василко, слышавше, посласта Лва млада суща, и яко ни во бой ему внити, младу сущу, посла сыновца своего Всеволода, Андрѣя и Якова,[291] иныи бояре. Бившимся имъ на рѣцѣ Сѣчници,[292] одолѣ Ростиславъ, многи бо имѣ пѣшьцѣ. Бьющу же Аньдрѣю и Якову, сѣкущимъся лютѣ, Всеволъдъ не поможе имъ, и навороти конь свой на бѣгъ. Бившим же ся имъ много, и отъѣхаша цѣли. Данилови же бывши вѣсти, и поиде, собравъ вои многи и пѣшьцѣ и прогняше и-землѣ, и иде Угры.

Въ лѣто 6754. Придоша литва и воеваша около Пересопницѣ Аишьвно Рушьковичь.[293] Данило же и Василко ехаша во Пинескъ и предъвариста его, дондеже приходъ его. Онемь же идущимь по полю Пиньскуму, изиидоста на нѣ из града. Поганым же одинако *гордость* имѣющимъ во сердци своемь, погнаша е. Онем же не стѣрпѣвшимъ побѣгоша, бѣжащим же имъ падаху с коний. Василко же приведе первый саигатъ[294] ко брату си. Всии же воии его избьени быша, самому же Рюшковичьу у малѣ утекшю. И бысть радость велика во градѣ Пиньскѣ о побѣдѣ Данила и Василка, всь бо плѣнъ отъяста, Богу *помогающу* имъ.

В лѣто 6755. Воеваша литва около Мѣлницѣ[295] Лековнии,[296] великъ плѣнъ прияша. Данило же и Василко, гнаста и по нихъ до Пиньска. Во Пиньски бо Михаилъ далъ бѣ имъ вѣсть. Онѣм же ставшимъ осѣкшимся в лѣсѣ,[297] далъ бо бѣ имъ и Михаилъ вѣсть,[298] буда в Пиньскѣ. Данилъ же и Василко погнаша на нѣ, и дворьскый *Яковъ* вое свое. Литвѣ же и не емшем вѣры Михайлови, изиидоша и-становъ своих. Милостью Божиею побѣгшимъ литвѣ, и избити быша, и плѣнъ всь отъяша, а самъ Лонъкогвени боденъ утече. Иде вѣсть Данилу и Василку, и бысть радость велика во Пиньскѣ градѣ.

Преже же воиныи Данилови Черниговьское сѣдящу ему в Галичѣ, а Василку в Володимерѣ.

Въ лѣто 6756. Воеваша ятвязѣ около Охоже и Бусовна,[299] и всю страну и ту поплѣниша, и еще бо Холму не поставлену бывъшю Даниломъ. Гна же по нихъ Василко изъ Володимѣря, угони е, и бывшу ему третий день изъ Володимеря в Дорогычинѣ. Оньмь же бьющимся у

воротъ Дорогычинъскыхъ, и приде на нѣ Василко. Онѣм же възьехавшимъ имъ противу и не стерпѣвшимъ от лица Василкова, Богу помогшу, побѣгоша злии погании. И бысть на нѣ сѣча люта, и гнаша е за много поприщь,[300] и убито бысть князии *сорокъ*, инии мнозии избьени быша и не востаяша. Посла и во Галичь ко брату си. И бысть радость велика во градѣ томъ Галичѣ день той.

Василко бо бѣ возрастомъ середний, умомъ великъ и дерзостью, иже иногда многажды побѣжаше поганые, или иногда многажды посылающима има на поганыя. Еже Скомондъ и Боруть[301] зла воиника, иже убьена быста посланиемь. Скомондъ бо бѣ волъхвъ и кобникъ нарочитъ, борзъ же бѣ, яко и звѣрь, пѣшь бо ходя повоева землю Пиньскую, иныи страны, и убьенъ бысть нечестивый, и глава его взотъчена бысть на колъ. И во иная времена Божиею милостью избьени быша погании, ихже не хотѣхомъ писати от множества ради.

Въ лѣто 6757. Ростиславъ молися тьстеви своему королеви, да пошлеть ему вои на Данила. Поимъ вои идеть в Лядьскую землю. И молися Льстьковой[302] и убѣди ю, да послеть с нимъ ляхы, и посла с нимъ вое. Нарочиты бояры и инии ляховѣ избѣгли бяху изъ земли, хотяще ити к Данилови. Увѣдѣв же Ростиславль выходъ, хотяще имъ получити милость у Лестьковича[303] и у матери его. Идоша к нему на помощь, еже по малѣ времени ятъ бысть старѣйши ихъ Творьянъ[304] Даниломъ.

Ростислав же устремися приди на град Ярославль, людем же бывшимъ во градѣ Даниловымъ и Василковымъ и бояромъ многомъ. Видив же крѣпокъ град, поиде к *Перемышлю* и, собравъ тъзѣмьльцѣ многы, сосуды ратные и градные, и порокы, исполчивъ воя своя, и пакы поиде ко Ярославлю, и за собою остави град Перемышль. Мыслящу ему: «Аще сего не прииму, да сего держу». Стоящу же ему у града, и строящю порокы ими приимет град, и бысть бой великъ пред градомъ. Оному же велѣвшу своимъ охабитися, да не язвени будуть вои его от гражанъ, дондеже устроить сосуды *порочные*. Хвалящю же ся ему предъ вои своими и рекущу: «Аще бых извѣдалъ, кдѣ Данила и Василко, ѣхалъ бых на ня. Аще бы ми с десятью воинъ, ехалъ быхъ на ня». Гордящу же ся ему, и *створи* игру предъ градомъ, и сразивъшуся ему со Воршемь,[305] и падеся под нимь конь, и вырази собѣ плече, и не на добро случися ему знамение.

Слышавъ же Данило и Василко ратное пришествие его, помолистася Богу, начаста сбирати вое, и посласта Кондратови рекуще, яко: «Тебе дѣля изиидоша на наю ляхове, яко помощника ти есвѣ». Пославшу же ему помощь, Данило же и Василко посласта в Литву помощи просяща, и послана бысть от Миндога помощь. Не дотягшимъ же обоимъ, явлешу

же Богу помощь свою над ними, яко не от помощи человѣкомъ побѣда, нъ от Бога.

Скоро собравше вои, поидоста. Посласта же Андрѣя, да я видить и укрѣпить град, яко уже близъ есть спасение ихъ. Не дошедшимъ же воемь рѣкы Сяну, сосѣдшим же на поли воружиться.[306] И бывшу знамению сице надъ полкомъ[307] сице: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболоку велику играющимъ же птичамъ, орлом же клекьщущимъ и плавающимъ криломы своими, и воспромѣтающимъся на воздусѣ, якоже иногда и николи же не бѣ. И се знамение *на добро* бысть.

Данилъ же воружився, поемь вое свое, поиде рѣцѣ Сяну. Броду же глубоку сущу, и приѣхаша половци напередъ, и приѣхавше видиша стада ихъ. Не бѣ же стражь ихъ у рѣкы. Половцем же не смѣющимъ разъграбити ихъ бес повеления княжа. Онѣм же узрѣвшимъ и убѣгшимь со стады своими во станы свое. Данилови же и Василко не умедлиста, но скоро придоста рѣку. Исполчивша же коньники с пѣшьци, поидоста с тихостью на брань. Сердце же ею крѣпко бѣ на брань, и устремлено на брань. Лвови же дѣтьску сущу, поручи и Василкови, храбру сущу боярину и крѣпку, и да и стрежеть его во брани.

И видив же Ростиславъ приходъ ратных, исполчивъ же вои свое, русь и угры и ляхы, и доиде противу имъ, пѣщцѣ же остави противу вратом града стрещи вратъ, да не изиидуть на помощь Данилу и не исѣкуть праковъ. Ростислав же исполчився преиде дебрь глубокую. Оному же идущу противу полку Данилову, Андрѣеви же дворьскому тоснущюся, да не сразится с полкомъ Даниловым, ускоривъ сразися с полкомъ Ростиславлимъ. Крѣпко копьем же изломившимся, яко от грома трѣсновение бысть, и от обоихъ же мнози, падше с коний, умроша, инии уязвени быша от крѣпости ударения копѣйного.

Данилъ же посла 20 муж избраных на помощь ему. Василѣй же Глѣбовичь и Всеволодъ Олександрович, Мьстиславъ, не мога Андрѣеви, бѣжаста назадъ ко Сянови. Андрѣеви же оставшу с малой дружиною, возьѣздя крѣпци боряшеся с ними.

Видѣв же Данилъ ляхы крѣпко идущимъ на Василка, керьлѣшь поющимъ,[308] сильньнъ гласъ ревуще в полку ихъ.

Данилъ же видивъ близъ брань Ростиславлю, и Филю в заднемь полку стояща со хорюговью, рекущю, яко: «Русь тщиви суть на брань, да стерпимъ устремления ихъ, не стерпими бо суть на долго время на сѣчю». Богу же не услышавшу славы его, приде на *нь* Данило со Яковомъ Марковичемь и со Шьльвомъ. Шелвови же сбодену бывшу, Данила же емшу, исторжеся из руку его, и выехал ис полку, и видѣвь угрина, грядущаго на помощь Фили, копьемь сътче и, и вогружену бывшу в немь уломлену, спадеся, изъдше. О того же гордаго Филю Львъ, младъ сы, изломи копье свое. Пакы же Данило скоро приде на нь и раздруши полкъ его, и хоругвь его раздра на полы. Видив же се Ростиславъ, побѣже, и наворотишася угре на бѣгъ.

Василкови же сразившуся с ляхы, наворотившимся и не зрящимъ обоимъ на ся. Ляхомъ же лающимъ, рекущим: «Поженемь на великыи бороды». Василкови же рекшу, яко: «Ложь глаголъ есть вашь. Богъ помощникъ нашь есть». И тъкну конь свой и движеся. Ляховѣ же не стѣрпѣвше побѣгоша от лица его. Данилови женущу chересъ дебрь глубокую на угры и русь, бьющю ѣ, и скорбяще о братѣ, не вѣдый. Узрѣв же хоругвь его, по ляхомъ женущу, и бысть в радости велицѣ.

Ставшу же ему на могилѣ противу городу, и приѣха Василко к нему. Данилови же хотящу гнати по нихъ, Василко же возбраняше ему. Ростиславу же познавшу, направи конь свой на бѣгъ. Угре же и ляхове мнози избьени быша, и ятии быша, и от вьсих мнози яти быша. Тогда же и Филя гордый ятъ бысть Андрѣемь дворьскимь, и приведенъ бысть к Данилу, и убьенъ бысть Даниломъ. Жирославъ же приведе Володислава, злого мятежника землѣ. Въ тъ ж день и тотъ убьенъ бысть, и инии угре мнози избьени быша за гнѣвъ. Данило же и Василко не идоста в городъ, и Львъ ста на мѣстѣ воиномь посрѣдѣ трупья, являюща побѣду свою. Гонящим же и приѣздящимъ воиномъ и полунощи, и вѣдущимъ користь многу, яко же всее нощи клику не переста, ищущимъ другъ друга.

Яви же Богъ милость свою и дасть побѣду Данилу на канунъ великую мученику Фрора и Лавра.[309] Данилъ же город зажже, еже Ростиславъ создалъ, иде же в Холмъ с колодники многими, иже бѣ создалъ самъ. Литвѣ же приѣхавшимъ и ляхомъ Кондратовымъ, к нему приспѣвшимъ ко брани и воротишася во свояси. А Ростиславъ бѣжа в Ляхы, и поемь жену свою, иде Угры. Про то бо из Угоръ пришелъ бяшеть съ женою в Лядьскую землю, мысляше во умѣ своемь взяти Галичь и обладати имъ. Богъ же за высокомыслие его и не створи того, еже онъ мысляше.

Въ лѣто 6758. Приславшу же Могучѣеви[310] посолъ свои к Данилови и Василкови, будущю има во Дороговьскыи:[311] «Дай Галич», бысть в пѣчали велицѣ, зане не утвердилъ бѣ землѣ еѣ городы. И думавъ с

братомъ своимъ и поѣха ко Батыеви река: «Не дамъ полу отчины своей, но ѣду к Батыеви самъ».

Изииде же на празник святаго Дмитрѣя,[312] помолився Богу и приде Кыеву, обдержащу Кыевъ Ярославу бояриномъ своимъ Ейковичемь Дмитромъ.[313] И пришед в домъ архистратига Михаила, рекомый Выдобичь,[314] и созва калугеры и мниский чинъ и рекъ игумену и всей братьи, да створять молитву о немь. И створиша, да от Бога милость получить. И бысть тако, и падъ пред архистратигомъ Михаиломъ, изииде из манастыря въ лодьи, видя бѣду страшьну и грозну.

И прииде Переяславлю, и стрѣтоша татаровѣ. Оттуда же ѣха къ Куремѣсѣ[315] и видѣ, яко нѣсть в них добра.

Оттуду же нача болми скорбѣти душею, видя бо обладаемы дьяволомъ: сквѣрная ихъ кудѣшьская бляденья, и Чигизаконова мечтанья, сквѣрная его кровопитья, многыя его волъжбы. Приходящая цари, и князи, и велможѣ солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемь ихъ и дѣдомъ и матеремь водяше около *куста* покланятися имъ. О, сквѣрная прелесть ихъ!

Се же слыша, велми нача скорбѣти.

Оттуда же приде к Батыеви на Волгу. Хотящу ся ему поклонити, пришедшу же Ярославлю человѣку Сънъгурови,[316] рекшу ему: «Брат твои Ярославъ кланялъся кусту и тобѣ кланятися». И рече ему: «Дьяволъ глаголеть из устъ ваших. Богъ загради уста твоя и не слышано будеть слово твое». Во тъ час позванъ Батыемь, избавленъ бысть Богомъ и злого их бѣшения и кудѣшьства. И поклонися по обьчаю ихъ, и вниде во вежю его. Рекшу ему: «Данило, чему еси давно не пришелъ? А нынѣ оже еси пришелъ — а то добро же. Пьеши ли черное молоко, наше питье, кобылий кумузъ?» Оному же рекшу: «Доселѣ есмь не пилъ. Нынѣ же ты велишь — пью». Он же рче: «Ты уже нашь же тотаринъ. Пий наше питье». Он же испивъ поклонися по обычаю ихъ, изъмолвя слова своя, рече: «Иду поклониться великой княгини Баракъчинови».[317] Рече: «Иди». Шедъ поклонися по обычаю. И присла вина чюмъ и рече: «Не обыкли пити молока, пий вино».

О, злѣе зла честь татарьская! Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею: Кыевомъ и Володимеромъ и

Галичемь со братомъ си, инѣми странами, ньнѣ сѣдить на колѣну и холопомъ называеться! И дани хотять, живота не чаеть. И грозы приходять. О, злая честь татарьская! Его же отець бѣ царь в Руской земли, иже покори Половецькую землю и воева на иные страны всѣ. Сынъ того не прия чести. То иный кто можеть прияти? Злобѣ бо ихъ и льсти нѣсть конца. Ярослава, великого князя Суждальского, и зелиемь умориша, Михаила, князя Черниговьского, не поклонившуся кусту, со своимъ бояриномъ Федоромъ, ножемь заклана быста, еже предѣ сказахомъ кланяние ихъ, еже вѣнѣць прияста мученицкы. Инии мнозии князи избьени быша и бояре.

Бывшу же князю у них дний 20 и 5, отпущенъ бысть, и поручена бысть земля его ему, иже бѣаху с нимь. И приде в землю свою, и срете его братъ и сынови его, и бысть плачь обидѣ его,[318] и болшая же бѣ радость о здравьи его.

Тое же зимы Кондратъ[319] присла посолъ по Василка, река: «Поидемь на ятвязѣ». Падшу снегу и серену, не могоша ити и воротишася на Нурѣ.[320]

Бысть же вѣдомо странамъ приход его всимъ ис татаръ, яко Богъ спаслъ есть его.

Въ то ж лѣто присла король угорьскый вицькаго река: «Поими дщерь ми за сына своего Лва». Бояше бо ся его, яко былъ бѣ в татарѣхъ, побѣдою побѣди Ростислава и угры его. Помыслив же си с братомъ, глаголу его не уя вѣры, древле бо того измѣнилъ бѣ, обѣщавъ дати дщерь свою.

Курилъ бо митрополитъ идяше посланъ Даниломъ и Василкомъ на поставление митрополье Руской. Бывшу же ему у короля, убѣди и король словесы, многими дары увѣщова, яко: «Проведу тя у грькы с великою честью, аще створить со мною миръ». Онъ же рече: «Клятвою клени ми ся, аще не премѣниши слова своего, азъ шедъ приведу и». Пришедъ же митрополитъ и рече ему: «Хотение твое у тебе есть. Поими дщерь его сыну си женѣ». Василкови рекшу: «Иди к нему, яко крестьянъ есть». Оттуда же Данилъ поиде, поемь сына своего Лва и митрополита, иде к королеви, и во Изволинъ,[321] и поя дщерь его сыну си женѣ, и отдасть ему ятыя бояры, еже Богъ вдасть в руцѣ его, одолѣвшу ему с братом Ярославля. И створи с нимъ миръ и воротися в землю свою.

Въ лѣто 6759. Умре князь великий лядьскый Кондратъ, иже бѣ славенъ и предобръ. Сожалиси по немь Данило и Василько. Потом же сынъ его умре Болеславъ, Мазовешьскый князь, и вдасть Мазовешь брату своему Сомовитови,[322] послушавъ князя Данила: бѣ бо братучада его за нимъ, дочи Александрова, именемь Настасья, яже посяже потом за боярина угорьского, именемь Дмитра.[323]

В та же лѣта седе Самовитъ во Мазовши. Посла к нему Данило и Василко, рекша ему, яко: «Добро видилъ еси от наю и изиди с нами на ятвезѣ». И у Болеслава помочь пояста Суда воеводу и Сигнѣва,[324] и сняшася во Дорогычинѣ, и поидоша, и преидоша болота, и наидоша на страну ихъ.

Не стерпѣвшимъ же ляхом, зажгоша ихъ первую всь: тѣмь бо зло створиша и знаменье имъ подаша, гнѣвъ бо имеше на нѣ Данилъ и Василко. И воеваша ѣ до вечера, и плѣнъ великъ приимше. Вечеру же бывшу, приѣхаша злиньци,[325] и собрався вся земля Ятвеская, и прислаша Данилу Небяста, рекуще: «Оставь намъ ляхы, а самъ поиди миренъ изъ землѣ нашее». И хотѣния не *получиша*. Ляхом же осторожившимся, нападоша нощь на ляхы. А руси не острожившимъся. Ляхом же крѣпко борюще и суличами мечюще и головнями яко молнья идяху, и каменье, яко дождь с небеси, идяше. Ляхом же злѣ стражющимъ, посла Сомовит моляся: «Пришлита ми стрѣльцѣ». Она же держаста гнѣвъ про зажьженье первое, одва посласта, занеже острогъ проломити хотяху, из ручь бодяхуся. Пришедшимъ же стрѣлчемь, многы язвиша, и многи умориша стрѣлами, и возразиша ѣ от острога. Тое же нощи не бысть покоя от нихъ.

Наутрѣя же собрашася вси ятвязѣ, пѣшци и снузничи мнози зѣло, яко и лѣсомъ ихъ напольлнитися. Воставше же, зажьгоша колимогы своя, рекше станы, во день воскресения, рекше, недѣля.[326] Данилови же князю пошедшу напередъ и отшедшю далече с Болеславли ляхы, Василкови же оставшу со Сомовитомъ, Лазореви же назадѣ бывшу с половци, нападоша на нь крѣпко и хоруговь его *отъяша*. Прибѣгши же ему к Василкови и Сомовитови, бысть брань люта межи има. Падающимъ же от обоихъ много. Василкови же и Сомовитови крѣпко держати брань. Андрѣеви же дворьскому, сердце крѣпко имущю, нездравие же тѣло его обьдерьжаше и руцѣ, потокшу же ему во ротныѣ, копие упусти и за мало не убьенъ бысть.

Посла же Василко ко брату си, глаголя, яко: «Брань си велика есть. Потъснися к намъ». Данилови же навратившуся, и гнаша ѣ до лѣса. Онѣмь же одинако належащимъ на нѣ, падшимъ же многим межи ими. Федоръ Дмитровичь[327] крѣпко боря раненъ бысть, еже с тоя раны и

смерть приятъ на рѣцѣ Наръви.[328] Ящелъту же рекшу: «Лѣпо есть сѣдѣти намъ! Аще ли жалуете насъ, то преже себе жалуйте, и бещестья своего: нашими бо головами сдержати честь свою». И и бысть тако, каза Данило сосѣдати воемь своимъ. *Ссѣдше* же поидоша же и поидоша и умякчиша сердца ятвязьмь, узрѣвше крѣпость рускую и лядьскую.

Идущимъ же имъ и плѣнящимъ и жгущимъ землю ихъ, прешедшимъ же имъ рѣку Олегъ, хотѣвшимъ имъ стати в тѣсных мѣстѣхъ, узрѣвъ же князь Данилъ, воспивъ и рече имъ: «О мужи воистии! Не вѣсте ли, яко крестьяномъ пространьство есть крѣпость, поганым же есть тѣснота, деряждье обычай есть на брань». И проиде жаку плѣняя и прииде на чиста мѣста, сташа станомъ. Ятвязем же одинако нападающимъ на нѣ, и гнаша русь и ляхове по них, и мнози князи ятвязьсции изъбьени быша; и гнаша ѣ до рѣкы Олга, и преста брань.

Наутрея же вожемь не вѣдущимъ, блудящимъ я, два варва убьена быста, третьего жива яша рукама, и приведенъ бысть ко князю Данилови. Рече же ему: «Изведи мя на путь правый, животъ примеши». И вдасть ему руку, изведе его, и предоша рѣку Лъкъ. [329]

Наутрѣя же пригнавъшимъ к нимъ прусомъ и бортомъ.[330] И воемь же всимъ съсѣдшимъ, и воружьшимъся пѣшьцемь исо стана, щитѣ же ихъ, яко заря бѣ, шоломъ же ихъ, яко солнцю восходящу, копиемь же ихъ дрьжаимъ в руках, яко трьсти мнози, стрѣлчемь же обаполъ идущимъ и держащимъ в рукахъ рожанци своѣ и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу ратным, Данилови же, на конѣ сѣдящу и воѣ рядящу. И рѣша прузи ятвяземь: «Можете ли древо поддрьжати древо суличами и на сию рать дерьзнути?» Они же видѣвше и возвратишася восвояси.

Оттуда же князь Данилъ приде ко Визьнѣ[331] и преиде рѣку Наровь. И многи крестьяны от пленения избависта, и пѣснь славну пояху има, Богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великаго Романа, иже бѣ изоострился на поганыя, яко левъ, имже половци дѣти страшаху.

Въ лѣто 6760. Присла король угорьскы к Данилу, прося его на помошь, бѣ бо имѣ рать на бой с нѣмци.[332] Иде ему на помощь и приде къ Пожгу.[333] Пришли бо бяху посли нѣмѣцкыи к нему. Бѣ бо царь обьдержае в едень землю[334] Ракушьску и Штирьску,[335] герцюкъ бо уже убьенъ бысть. Бѣ бо имена посламъ: воевода царевъ и пискупъ Жалошьпурьский, рекомый Сольскый, и Гарихъ Поруньский, и Отагаре теньникъ, Пѣтовьский.[336] Възьѣха же король с ними противу же

Данилу князю. Данила же приде к нему, исполчи вся люди своѣ. Нѣмьци же дивящеся оружью татарьскому, бѣша бо кони в личинахъ и в коярѣхъ кожаныхъ, и людье во ярыцѣхъ,[337] и бѣ полковъ его свѣтлость велика от оружья блистающася. Самъ же ѣха, подлѣ короля, по обычаю руску: бѣ бо конь под нимь дивлению подобенъ, и сѣдло от злата жьжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена иными хитростьми, якоже дивитися, кожюхъ же оловира грѣцького и круживы златыми плоскоми ошитъ, и сапози зеленого хъза шити золотомъ. Немцем же зрящимъ, много дивящимся.

Рече ему король: «Не взялъ быхъ тысяще серебра за то, оже еси пришелъ обычаемь рускимь отцевъ своихъ». И просися у него въ станъ, зане зной бѣ великъ дне того. Онъ же я и за руку и веде его в полату свою, и самъ соволочашеть его, и облачашеть и во порты своѣ, и таку честь творяшеть ему.

И прииде в домъ свой.

Въ то же лѣто изгна Миндогъ сыновца своего Тевтевила и Едивида, *пославшю ему* на войну *со вуемь своим* на войну со Выконтомъ,[338] на Русь воевать ко Смоленьку. И рѣче: «Што хто приемлеть, собѣ дерьжить». Вражбою бо за ворожьство с ними литву *зая*, поимана бѣ вся земля Литовьская и бещисленое имѣние их, притрано бѣ богатьство ихъ. И посла на нѣ вои своѣ, хотя убити и я. Онѣма же увѣдавшима, и бѣжаста ко князю Данилу и Василкови, и приѣхаша во Володимеръ. Миндогови же приславшю слы своя, река: «Не чини има милости». Не послушавъшима има Данилови и Василкови, зане сестра бѣ ею за Даниломъ.[339]

Потом же Данило сгада с братомъ си и посла в Ляхы ко княземь лядьскьмь, река, яко: «Время есть христьяномь на поганѣѣ, яко сами имѣють рать межи собою». Ляхове же обѣщашася, нъ нѣ исполниша. Данилу же и Василку пославшима Выкыньта во ятвязѣ и во жемойтѣ[340] ко нѣмцемь в Ригу, и Викынтъ же убѣди я серебромъ и дарми многими ятвязѣ и полъ жемойти. Немцем же отвѣщавшимъ Данилу, яко: «Тебе дѣля миръ створимъ со Выкынтомь, зане братью нашу многу погуби». Обѣщаша же ся немци братья[341] ити на помощь Тевтивулу. Данило же и Василко поидоста к Новугороду.[342]

Данилъ же и Василько, братъ его, розгадавъ со сыномъ, брата си посла на Волковыескь, а сына на Услонимъ, а самъ иде ко Здитову.[343] И поимаша грады многы и звратишася в домы.

Потом же присла Выкынтъ, рекый, яко нѣмцѣ хотять востати на помощь Тевтивилу. И посла Данило Тевтевила и помочь собѣ и с нимь русь и половцѣ, и многое воевание бысть межи ими.

Оттуда же Тевтивилъ иде с полономъ Даниловымъ в Ригу, и прияша рижани с великою честью, и крещенъ бысть.

Увѣдав же се Миндого, яко хотять ему помогати божии дворянѣ[344] и пискупъ и вся вои рижьзкая, и убоявся, посла тайнѣ ко Андрѣеви, мастеру рижьску,[345] и убѣди и дарми многими, сирѣчь умоли его, послалъ бо бѣ злата много и сребра, и *сосуды* серебреныи и златыи и красныи, и конѣ многы, рекый: «Ащь убьеши и женеши Тевтивила, и еще болша сих приимеши». Оному же рекъшу: «Не можеши избавленъ быти, аще не послеши к папѣ и приимеши крещения, не одолѣеши врагу. Дружбу имѣю к тебе». О, злѣе зла! Златомь ослѣпихъ очи свои, имже нынѣ пакы от нихъ бѣду приемлеть. Миндогъ же посла к папѣ и прия крещение, крещение же его льстиво бысть, жряше богомъ своимъ в тайнѣ: первому Нънадѣеви, и Телявели, и Диверикъзу заеячему богу, и Мѣидѣину,— егда выѣхаше на поле, и выбѣгняше заяць на поле, в лѣсъ рощѣния не вохожаше вону и не смѣяше ни розгы уломити. И богомь своим жряше, и мертвых телеса сожигаше, и поганьство свое явѣ творяше.

Тевтивилу же исповѣдѣ пискупъ и пребощь Вирьжань, сожалишаси по немь, вѣдяху бо, аще Тевътивилъ не бы изгнанъ, Литовьская земля в руку бѣ ихъ, и крещение неволею прияли быша. Си жи вся некрестьяных литву створи Андрѣй, и изгнанъ бысть сану своего от братья. Тевтевилъ же прибѣже во Жемойть ко вуеви своему Выкынтови, поима ятвязѣ и жемойть и помощь Данилову, иже бѣ далъ ему Данилъ древле, иде на Мидогва.

Миндъвгъ же собрался бѣ и умысливъ же собѣ не битися с ними полкомъ, нъ вниде во град именемь Ворута.[346] И высла шурина своего[347] нощь, и розгнаша и русь и ятвязѣ. Наутрѣя же выѣхаша нѣмцѣ со самострѣлы, и ѣхаша на нѣ русь с половци и стрѣлами и ятвязи со сулицами, и гонишася на поли подобной игрѣ. Оттуда же вратишася во Жемойть.

И приде Миндовгъ, собравъ силу велику, на город Выкинтовъ именемь Твиреметь.[348] Выѣха же Тевтевилъ изъ города, русь и половци

Данилови с ними и жемойть с ними и мнозии пѣшсцѣ. Гонящимъ же имь застрѣли кочь половчинъ Миндогова въ стегно, и возвратися Минодовгъ в землю свою. Многымъ же ратьнымъ бывшимъ межи ими, Висимотъ[349] подъ тѣм же градомъ убьенъ бысть.

Въ лѣто 6761. Тевтивилъ присла Ревбу[350] река: «Поиди к Нову-городу». Данило же поиде с братомъ Василкомъ и со сыномъ Лвом и с половци со сватомъ своимъ Тѣгакомъ,[351] и приде к Пиньску. Князи же Пиньсцѣи имѣяху лесть и поя ѣ со собою неволею на войну. И послаша сторожѣ литва на озерѣ Зьятѣ, и гнаша чересъ болота до рѣкы Щарьѣ.[352] Совокупивошим же ся воиемь всим, свѣтъ створиша, рекуще, яко: «Вѣсть уже есть на насъ». Прящим же ся имъ, не хотящимъ ити воеватъ, Данилъ же мудростью рѣчь створи, яко: «Срамоту *имѣем* от Литвы и от всихъ земль, аще не доидемь и вратимься. Наутрѣя же — рече — свѣтъ створим». Тоѣ нощи пославъ по всимъ воемь, рекый: «Поидете, да разумно будеть всимъ не хотящимъ ити на войну». И зрѣвше же воѣ пошедшиѣ, и сами нужею поидоша, инии же вси.

Наутрѣя же плѣниша всю землю Новгородьскую. Оттуда же возвратишася в домъ свой. Ятвязем же поѣхавшим на помощь Данилу, не могоша доѣхати, зане снѣзи велицѣ быша. Оттуда же возвратишася с помощью Божиею, приемше плѣнъ великъ.

Потом же посла с братомъ и со сыномъ Романомъ люди своя, и взяста Городенъ,[353] а сама воротистася от Бѣльска. Потом же посласта многы своя пѣшьцѣ и коньникы на град ихъ и плѣниша всю воотчину ихъ и страны их.

Миндог же посла сына си и воева около Турьска.

Того же лѣта присла Миндовгъ к Данилу, прося миру и хотя любви, о сватьствѣ.[354] Тогда же Тевтилъ прибѣже к Данилу и жемойть и ятвязь, река, яко: «Миндовгь убѣди я серебромъ многимъ». Данилу же гнѣвъ имѣющю на нѣ.

Въ лѣто 6762. В та же лѣта времени минувшу.

Хронографу же нужа есть писати все, и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя. Чьтый мудрый разумѣеть. Число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, в задняя впишемь по антивохыйскымь соромъ, алумъпиядамъ грьцкыми же численицами, римьскы же висикостомъ[355] якоже Евьсѣвий и Памьфилъво инии хронографи списаша от Адама до Хрѣстоса.[356] Вся же лѣта спишемь, рощетъше во задьнья.

По убьеньи же герьцюковѣ, рекомаго Фридриха,[357] — бився одолѣ королеви угорьскому и убьень бысть от своих бояръ во брани, — мятежю же бывшу межу силними людьми о честь и о волость герьцюкову убьеного, о землю Ракушьску и о землю Штирьску. Королеви же угорьску риксу и королеви чѣшьску бьющимася о ню.

Король же угорьскый возведе искаше помощи, хотяше прияти землю Нѣмѣцкую. И посла к Данилови, рекый: «Пошли ми сына Романа, да вдамъ за нь сестру герцикову, и вдамъ ему землю Нѣмѣцкую. И ѣха во нѣмцѣ с Романом, и да сестру герцюкову за Романа, и створитъ обѣтъ, егоже за множество весь не списахомъ.

Потом же посла к Данилови, рекый: «Ужика ми и сватъ еси, помози ми на чехы». И убѣди и. И поиде на Опаву[358] путемь своимь, самъ бо плѣняше землю Моравьскую, и многы городы расыпа, и вси пожьже, и велико убийство створи землѣ той.

Данилъ же снемся с Болеславомъ, мысляше, како проити землю Опавьскую. Болеславу же яко не хотящу, жена же его помогаше Данилови словесы, бѣ бо дщи короля угорьского именемь Кинька. Данилови же князю хотящю ово короля ради, ово славы хотя,— не бѣ бо в землѣ Русцѣй первее, иже бѣ воевалъ землю Чьшьску; ни Святославъ Хоробры, ни Володимеръ Святый. Богъ хотѣние его исполни. Спѣшаше бо и тосняшеся на войну. Поем же сына своего Лва и помочь от брата Василка тысячкого Юрья, снемьшеся с Болеславомъ и поиде съ Кракова.

Придоша на рѣку Одру къ городу Козлии,[359] и приѣха к нему Володиславъ, сынъ Казимирь Лѣсконогого Межькы,[360] и поимь коньники и пѣшцѣ. И придоша к рѣцѣ Псинѣ,[361] и створи же свѣтъ Данило и Левъ с Володиславом, куда бы воевати. Он же не исповѣдѣ правды и дасть вожь на льсти. Посла же князь Данил Лва, Тевтивила, Едивида, и дворьского, всѣ воѣ, самъ же оста в малѣ со старыми бояры,

со Юрьемь тысячкым. Левъ же иде и воева, и видѣ, яко лжють вожевѣ, и не слуша ихъ, иде в горы лесныя и взя полонъ великъ.

Идущю же Данилу с Болеславомъ ко Опавѣ, пославъ сторожи ляхы своя. Выѣха же Андрѣй[362] изо Опавы с чехы. И срѣтшимся имъ и сразившимся, одолѣ Андрѣй: мало бѣ ляховъ. Иныѣ изби, а иныѣ изоима. И вниде вели страх в ляхы.

Приѣхав же Данило и рече имъ: «Почто ужасываетеся? Не вѣсте ли, яко война безъ падшихъ мертвых не бываетъ? Не вѣсте ли, яко на мужи на ратныѣ нашли есте, а не на жены? Аще мужь убьенъ есть на рати, то кое чюдо есть? Инии же и дома умирають без славы, си же со славою умроша! Укрѣпите сердца ваша и подвигнете оружье свое на ратнѣѣ!» Сими же словы укрѣпивъ ѣ, иное много глаголавъ имъ. И поиде ко Опавѣ.

Видѣвъ же окрестьняя села, бѣжащая во град, много же множьство, и нѣ бѣ ему кого послати. Рече же Володиславу: «Мнѣ еси учинилъ неправду, а себе еси погубилъ. Аще бы Левъ и людье мои сде былѣ вси, то уразъ велий быша земли сей учинилѣ и град съ аче сь приятъ бы былъ». И сожалиси, отславъ сына си Лва и воѣ. Ляхы же нудяше ѣхати ко граду, одинако же им не хотящимъ. Видивъ се, печаленъ бысть, не вѣдый о сыну своемь и о воихъ, кдѣ суть. Ляховѣ же не хотѣша ѣхати ко граду, но хотѣша далече стати города.

Снемь бо бѣ рѣченъ всимъ воемь воевалнымъ приѣхати им ко граду.

Данилови же рекшю: «Аще вы хощете ити прочь, но азъ хощу ся остатися самъ в малѣ дружинѣ и сожьдати воевъ моихъ». Послушавъ же Болеславъ и ляхове и сташа ниже града на рѣцѣ Опавѣ, не смѣяху бо ся отлучитися его.

Того же вечера приде Левъ с вои, имы плѣнъ велик со собою. Того же вѣчера створиша свѣтъ, да наутрѣя преидуть рѣку и обидут градъ и пожгуть вся внѣшняя: храмы и ограды и гумна.

Утру же бывъшу, створиша тако. Болеславъ же не изииде за рѣку, но ста на горахъ, исполчився. Володислав же иде; и пришедъ к первымъ

вратомъ, пожгоша, и приидоша на другая врата. И выѣхаша чехове, и неколико ихъ убиша, а другыя выгнаша. Бенешь[363] же стояше пред враты со хоруговью. И около другыхъ вратъ пожгоша окрестьняя града. Пришедъшимъ же ко трѣтьимъ вратомъ, каза Данило сосѣдати и жечи окрестьная града. Людем же внезапу пустившимся ко граду, нѣмцѣ же видѣвше устремленье руское крѣпко, и побѣгоша, и нѣколико ихъ убиша во вратѣхъ, и вратъ не затвориша бѣжаще.

Данило бо бѣ очима напрасно боля, и не видѣ бывшаго во вратѣх. Видѣ бо люди своя текуща и обнажи мечь свой, возгна ѣ, и тѣмь на прия град. Потом же видѣвше стужиси о неприятьи града. Болѣстью же унуженъ и утрудився, рече сынови своему: «Пожьжи вся окрестьная града. Азъ же поиду во колымагъ свой», рекше во станъ. Бѣ бо всю войну болень очима. И мнозии нудяхуть вратитися, онъ же не створи того.

Наутрѣя же снемшеся, поиде во верхъ Опавы, плѣняя и жгя, и ста близъ града рекомого Насилья.[364] Слышавь, яко русь и ляхове яти суть во градѣ томь, наутрѣя же исполчився, поиде к нему. Видѣвше же многое *множство* полкомъ устремление, не стерпѣша, но предашася. Station Վземъ град, испусти колодьникы, и постави хоруговь свою на градѣ, и обличи побѣду, а самѣх помилова. Отшед же ста на вси нѣмѣцкой.

Слышавъ же Данилъ, яко Бенешь ѣхалъ есть во Глубичичѣ.[365] Наутрѣя же сполчився с Болеславомъ поиде, плѣняя и жга, ко Глубичичемъ. Послав же Володиславъ пославъ вожьже вся окрестьная вси, рекомая околняя, и зло створи, тѣмь бо не взяша града.

Пришедшу же Данилу и Болеславу ко граду, вси вои хотяху взяти града приметомь.[366] Вѣтру же напрасно вѣющу на град, а градъ же елинью створенъ бысть, и греблю малу видящу. Искахуть бо вои, ѣздяще сѣмо и сѣмо, дрѣва и соломы; што бы приврещи граду, не обрѣтоша. Вся бо бѣ пожеглъ Володиславъ окрестьняя и ближняя вси, и тѣмь не зажьженъ бѣ град.

Того же вечеря думахуть: «Камъ поидемъ: или ко Особолозѣ, или на Гѣрьборта,[367] или возвратимся в домы своѣ?» Гѣрьборть же присла Данилови мечь и покорение свое. Сгадавше Данило и Болеславъ, яко: «Всю землю поплѣнилѣ есмы». Наутрея же возвратився восвояси, и преиде реку Одру, и проиде землю Володиславлю.

Тогда же во Краковѣ бѣша посли папини,[368] носяще благословение от папѣ и вѣнѣць и санъ королевьства, хотяще видѣти князя Данила. Он же рече имъ: «Не подобаеть ми видитися с вами чюжей земли, нъ пакы».

Оттуда же проиде землю Судомирьскую и приде во град Холмь сь честью и со славою, в домъ Пречистоѣ,[369] падъ поклонися и прослави Бога о бывшем, не бѣ бо никоторый князь руский воевалъ землѣ Чѣшьское. И видѣвся со братомъ своимъ, и бысть в радости велицѣ, и прибываше в дому святаго Ивана[370] во городѣ Холмѣ, с веселиемь славя Бога и пречистую его Матерь и святаго Ивана Златаустаго.

В лѣто 6763. Присла папа послы честны, носяще вѣнѣць и скыпетрь и коруну, еже наречеться королевьскый санъ, рекый: «Сыну, приими от насъ вѣнѣчь королевьства». Древле бо того прислалъ к нему пискупа Береньского и Каменецького,[371] река ему: «И приими вѣнѣць королевьства». Он же в то время не приялъ бѣ, рѣка: «Рать татарьская не престаеть злѣ живущи с нами, то како могу прияти вѣнѣць бес помощи твоей». Опиза[372] же приде вѣнѣць нося, обѣщеваяся, яко: «Помощь имѣти ти от папы». Оному же одинако не хотящу, и убѣди его мати его, и Болеславъ, и Семовитъ, и бояре Лядьскыѣ, рекуще, дабы приялъ бы вѣнѣць. «А мы есмь на помощь противу поганымъ».

Онъ же вѣнѣць от Бога прия, от церкве святыхъ Апостолъ, и от стола святаго Петра,[373] и от отца своего папы Некѣнтия, и от всих епископовъ своихъ. Некентий бо кльняше тѣхъ хулящимъ вѣру грѣцкую правовѣрную, и хотящу ему сборъ творити о правой вѣрѣ, о воединеньи церькви. Данило же прия от Бога вѣнѣць в городѣ Дорогычинѣ.[374]

Идущу ему на войну со сыномь Лвомь и со Сомовитомъ, княземь лядьскымь, братъ бо ему воротися, бѣ бо язва ему на нозѣ, и посла воѣ своѣ со братомъ всѣ. Королеви же Данилу пришедшу на землю Ятвязьскую и воевавшу. Левъ же увѣдавъ, яко Стѣикинтъ[375] в лѣсѣ осѣклъся есть и с ним ятвязѣ, и гна на нь, поима люди, и приде к осѣку. Ятвяземь вытекъшимъ на нь изо осѣка, сущии же с нимь снузници возбѣгоша. Лвови же сосѣдшу с коня одиному, и бьющюся с ними крѣпко. Видившимъ же имъ, яко Левь одинъ бьеться с ними, навратишася малии на помощь ему. Лвови же убодшему сулицю свою въ щитъ его, и не могущу ему тулитися, Левь Стекынътя мечемь убии и брата его прободе мечемь. Они же погибоша. Он же, гоняше я пѣшь, и они же на конихъ гоняще, побивахуть я и бодяхуть я.

Данилу же королеви, ставшу в дому Стѣкинтовѣ, принесе к нему Левъ оружье Стѣкинтовъ и брата его и обличи побѣду свою. Отцю же его королеви в радости бывши величѣ о мужьствѣ и дерзости сына своего. Коматови же приѣхавшу от ятвязь, обѣщевающимся имъ в работѣ быти. Ляхом же исполнившимся зависти и льсти, наченшимъ прияти поганымъ. Се же увѣдавь Данило король, повелѣ воевати землю Ятвяжьскую, и домъ Стѣкинтовъ всь погубленъ бысть, еже о донынѣ пусто стоить. Данилу же королеви, идущу ему по езеру, и видѣ при березѣ гору красну и градъ бывши на ней, преже именемь Рай.[376] Оттуда же приде в домъ свой.

В та же лѣто... приѣхаша татарѣ ко Бакотѣ, и приложися Милѣй[377] к нимъ. Данилови же пошедшу на войну на литву и на Новъгородокъ, бывшю раскалью, посла сына си Лва на Бакоту. Посла Левъ дворьского перед собою. Изъѣхавше яша Милѣя баскака, и приведе Левъ Мѣлѣя отцю си, и бысть паки Бакота королева отца его. Потом же сдумавъ со сыномъ, и отпусти и, а поручникъ бысть Левъ, яко вѣрну ему быти. И паки приѣхавшим татаромъ, и створи льсть и предасть ю пакы татаромъ Бакоту.

Потом же Куремьса приде ко Кремянцю и воева около Кремянца. Андрѣеви[378] же на двое будущу, овогда взывающуся: «Королевъ есмь», овогда же татарьскымь, держащу неправду во сердци. Богъ предасть в ручи их; оному же рекшу: «Батыева грамота у мене есть», онѣм же болма возьярившимся на нь, и убьенъ бысть, и сердце его вырѣзаша. И не успѣвше ничто у Кремянца, и възвратишася во страны своя.

Изяслав[379] же проси у нихъ помощи ити на Галичь. Они же рекоиіа ему: «Како идеши в Галичь, а Данило князь лютъ есть. Оже отъиметь ти животъ, то кто тя избавить?» Онъ же не послуша ихъ, но собравъ около себе, иде в Галичь. Данило же, слышавъ то, скорбенъ бысть, яко в невидѣньи се бысть, посла сына своего Романа и бояры свои всѣ на нь. Лва бо преже отрядилъ бѣ королеви, а самъ ѣха проводить вои своих. Ѣдущу же ему до Грубешева,[380] и уби вепревъ шесть, а самъ же уби их рогатиною 3, а три отрочи его, и вдасть мяса воемь на путь. А самъ помолився святому Николѣ и рече воемь своемь: «Аще сами будуть татарове, да не внидеть ужасъ во сердце ваше». Онем же рекшимъ: «Богъ буди помощникъ ти, створимъ повелѣная тоя».

Поем же Романъ *воя*, иде день и нощь и внезапу нападшимъ на нѣ. Оному же не возмогшу, куда утечи, и возбѣже на комары церковая, идеже безаконьи угрѣ возбѣгли бѣаху. Стоящу же около его князю

Роману, жажею водною измирающи имъ, четвертый день сниде, князь же приведе и отцю си.

Слышав же Левь, яко Федоръ посланъ от него ко Солемь,[381] и поима со собою слуги своя, гна по немъ, самъ же утече, а людие поима.

Потом же Войшелкъ[382] створи миръ с Даниломъ и выда дщерь Миндогдову за Шварна, сестру свою. И приде Холмъ к Данилу, оставивъ княжение свое и восприемь мниский чинъ. И вдасть Романови, сынови королеву, Новогородъкъ[383] от Миндога и от себе и Вослонимь и Волковыескь и всѣ городы, а самъ просися ити во Святую Гору. И наиде ему король путь у короля угорьского. И не може доити Святое Горы и воротися в Болгарѣхъ.

Въ лѣто 6764. Поиде Данило на ятвязѣ с братомъ и сыномъ Лвомъ и с Шеварномъ, младу сущу ему, и посла по Романа в Новъгородокъ. И приде к нему Романъ со всими новгородци и со отцемь своимъ Глѣбомъ[384] и со Изяславомъ со Вислочьскымь,[385] и со сее стороны приде Сомовитъ со мазовшаны и помочь от Болеслава со судомирци и краковляны. И бысть рать велика, якоже наполнити болота ятвяжьская полкомъ.

Створив же свѣть вси князи рустии и *лядьстии*, и рѣша мужи бранньнии: «Ты еси король, голова всимъ полкомъ. Аще насъ пошли наперед кого, не послушно есть. Вѣси бо ты воиничкий чинъ. На ратехъ обычай ти есть, и всякый ся тебе усрамить и убоиться. Изииде самъ наперед».

Данилъ же, изрядивъ полкы и кому полкомъ ходити, самъ изииде напередь... И стрѣлчѣ же пусти наперед, а другия обаполы дорогы. Дворьскому же повелѣ за собою ходити, самъ же ѣха в малѣ отрокъ оружныхъ. ѣдущу же ему, и приѣха к нему сынъ Левъ одинъ и рече ему, яко: «Никого с тобою нѣсть. Азъ не ѣду с тобою». Рече король ему: «Буди тако». И идяше путемь своимъ. Анкадъ же вожь ему бѣ, и обѣща ему, да село его не пожьжено будеть.

И приѣха к нему Романъ сынъ одинъ, и приѣхавъ же ко вси рекомѣй Болдикища, посла Лва с братом. Левъ же тихо обьехавъ село, исѣче все, одиного же приведе. Король же упроси его. Одному же рекьшу, яко во вси рекомѣй Привища собралися суть ятвязи, слышавъ король, посла отрока Андрѣя, рекый дворьскому: «Аще узриши насъ погнавшихъ,

скорее по насъ пожени. И роспусти полкъ, якоже кто можеть гнати». Василкови же князю инѣмь полкомъ рекшу, да поидуть тихо на грунахъ, и своему полку тако же. Оному же молоду сущу и пакы слово рекшу, запрѣти дворьскому не распустити люди и удержати полкъ.

Одиному же ятвяжину гоньзновшу изъ вѣсцѣ Олыдикищь, онѣм же воружившимся. Стрѣтоша стрѣлци конѣць вси, рекомѣй Привища, и возгнаша и. Данило же и Левъ тоснущася к нимъ, и кликоста великомъ гласомъ: «Бѣгъ, бѣгъ, ятвяземь».[386] Ятвяземь же видившимъ скорое пришествие, и не стѣрпѣша и увратишася на бѣгъ. Бывшимъ же имъ средѣ вси, пакы возвернушася. Данилови же и Лвови одинако належащима на нѣ, и вѣргъшим сулицами, и пакы навратишася на бѣгъ. Стрѣлцем же стрѣляющимъ, оружником же не бывшимъ с ними. Прибѣгъшимъ же имъ к воротомъ и смятшимся, и прибѣгшимъ же у ворота, друзии же навернушася. Многим же летѣвшимъ другъ на друга, бѣ бо ледъ ползокъ. Данило же и Левъ вборозѣ скочиста на не воротъ. Они же побѣгоша и пакы не вратишася, и бысть милость велика надъ королемь во день тьй и над воими его, яко в селицѣ дружинѣ побѣдивъ горды ятвязѣ, и злиньци, и крисменцѣ, и покѣнцѣ. Якоже пишеть во Книгахъ: нѣсть в силѣ брань, но в Бозѣ стоить побѣда.

Хотяшю же королеви далече гонити по нихъ ити, и возбрани ему Левъ, рекы: «Пошли мене по нихъ». Отець же не пусти его. Он же воинъ управи десьницю свою, иземь рогтичю ис пояса своего, далече вергъ, срази князя ятвяжьского с коня своего. И летящу ему до землѣ, изииде душа его со кровью во адъ. Данилови же и Лвови онѣхъ вяжюще, иныя же ис хвороста ведущу, сѣчахуть я.

И приде дворьскый с полком. Данилу же королеви рекшу ему: «Злѣ створилъ еси». Дворьскому же отвѣщавшу: «Не язъ, не хотѣние мое, но злое ны створилъ посолъ, не изнесъ слова права намъ». Потом же король и Левь изоима колодникы и возвратися к Василкови и Семовитови. И срѣтъшимся имъ, и бысть радость велика о погибели поганьской, И жьжаху домы ихъ, и пленяху села их. Ставши же на Правищихъ на ночь, и поимавши же имѣния ихъ, пожгоша домы их. Наутрея же поидоша, плѣняюще землю и жгуще. Зажгоша Таисевиче, и Буряля, и Раимоче, и Komата, и Дора,[387] и града плѣняхуть, и паче домъ Стекинтовъ зажгоша. И ста на селѣ Корковичихъ. И пристраньно бѣ, яко селицемь воемь множьствомъ насытитися конемь и самѣмъ на дву двору. Яко не возмогоша поясти сами и конѣ ихъ прокъ же пожгоша.

Наутрѣя же приѣха от ятьвязь Юндилъ. Рекшу ему: «Сице, Данило, добру дружину держиши, и велици полци твои». Наутрѣя же поидоша

плѣняюще и жгуще землю ихъ. И не бысть пакости воихъ их, якоже иногда храбрии бѣаху, воложи Богъ страхъ во сердце ихъ. Тоя же нощи ста на болотѣхъ во островихъ. Наутрѣя же приѣхаша ятвязѣ, дающе таль и миръ, молящеся, дабы не избилъ колодниковъ. Потомъ же Божьею милостью приде в землю свою со честью и славою, одолѣвъ ворогомъ своимъ.

Хотяшу же ему пакы изиити на нѣ на брань и сбиращу воя, увѣдав же ятвязи се, послаша послы своя и дѣти своя, и дань даша, и обѣщевахуся работѣ быти ему и городы рубити в землѣ своей.

Въ лѣто 6765. Данило посла Коснятина, рекомаго Положишила, да побереть на нихъ дань. Ехав же Коснятинъ поима на нихъ дань — черныя куны и бѣль, сребро. И вдасть ему из дани ятвяжьской даръ Сигнѣву воеводѣ послушьства ради, да увѣсть вся земля Лядьская, яко дань платили суть ятвязи же королеви Данилу, сынови великого князя Романа. По великомъ бо князѣ Романѣ никтоже не бѣ воевалъ на нѣ в рускихъ князих, развѣе сына его Данила. Богомъ же дана ему дань, послушьство створи Лядьскую землю, сирѣчь во память дѣтемь своимъ, яко от Бога мужьство ему показавшу. Якоже премудрый хронографъ списа, якоже: добродѣянья в вѣкы святяться. Якоже сказахомъ о ратехъ многихъ. Си же написахомъ о Романѣ, древле бо писати си, нынѣ же здѣ вписано бысть в послѣдняя...[388]

Потом же, якоже преже рекохом, створи король обѣтъ великъ и не исправи его к Романови. Остави же у городѣ Инепѣрьцѣ[389] и отъидеть прочь, обѣщався ему и не помогашеть ему. Лесть бо имяшеть, хотя городовъ его. Бѣ бо клятвою клялся о Бозѣ великою к Романови и ко княгинѣ его, яко добывшу ему землѣ Немѣцкоя, дати ему всю Романови. *Княгини* же, вѣдущу норовъ его, твердяшеть и крестомъ, и николи же не бысть на помощь ему.

Часто же приходящу ему на нь герьцюви.[390] Во едино же время приѣхавшу ему с великою силою, и бившимся имъ, и ставъ перед городомъ поприща. И не можеть взяти, ласканиемь глаголаше ему: «Остави короля угорьского, яко ужика ми еси и своякъ.[391] Земля Нѣмцькая раздѣлена будеть с тобою. Риксъ ти угорьскый, рекше король, много обѣщаеть, но нѣ исправить. Азъ же глаголю правду, и поставлю ти послуха отца си папу и 12 пискупа на *послушьство*, и вдамъ ти полъ земли Нѣмѣцкой».

Оному же рекшу: «Правдою обѣщахся отцю си королеви угорьскому, не могу послушати тебе, яко срамъ имамъ и грѣхъ не исполнити обѣта». Посла бо ко королеви угорьскому вся словеса, имиже обѣщевашеться ему герцюкъ, и прося у него помощи. Он же не посла ему помощи, но городовъ хотящу ему особѣ, обѣщевашеть же ему дати иныи городы в землѣ Угорьской. Княгинѣ же уразумѣвше лесть его и рече, яко: «Сына ми поими ко дщери, держите и у тали.[392] А нынѣ городовъ наших хощетѣ. А мы за нь терпимъ и гладомъ измираем». Бѣ бо баба ходящи и купящи корьмлю потаи въ градѣ Вяднѣ[393] приносящи: толикъ бо бѣ гладъ, яко и *конѣ имь* хотящимъ ясти уже.

Княгини же рекши: «Княже, поиди ко отцю». Оному же оступленому, не мощно бѣ ему выѣхати. Видѣ же доброту его, вдасть Вереньгѣрь, прирокомь Просвѣлъ,[394] бѣ бо с нимъ былъ на войнѣ. Сожаливъси о Романѣ и приѣхавъ со силою, изведе Романа изъ града. Си жи преже сказахомъ, яко Вышелкъ бѣ далъ Новогородокъ Романови.

По рати же Кремянецькой Куремьсинѣ, Данилъ воздвиже рать противу татаром. Сгадавъ с братомъ и со сыномъ, посла Деонисия Павловича,[395] взя Межибожие. Потомъ же воевахуть людье Данилови же и Василкови Болоховъ, а Лвови — Побожье и люди татарьскыя. Веснѣ же бывши, посла сына своего Шварна на Городокъ и на Сѣмоць и на вси городы, и взя Городокъ и Сѣмоць и всѣ городы, сѣдящия за татары, Городескь и по Тетереви до Жедьчевьева. Възъвягляне[396] же солъгаша Шварномъ, поемше тивуна, не вдаша ему тивунити. Шварно же приде, поимавъ городы вся. И по немь придоша Бѣлобережцѣ, и Чарнятинци, и вси Болоховци к Данилу. Прислаша Миндовгъ к Данилу: «Пришлю к тобѣ Романа и новогородцѣ, а бы пошелъ ко Возвяглю, оттуда и къ Кыеву». И рече срокъ во Възъвягля.

Въ лѣто 6766. Данило же с братомъ идоша ко Возвяглю в силѣ тяжцѣ, ждя вѣсти от Романа и литвы и стоя на *Корейки*:[397] днину жда вѣсти от нихъ, и поиде ко Возвяглю. Преже посла сына си Шварна, да обьедеть град, да никтоже не утечеть от нихъ. Бѣ же вои с нимъ 5 сотъ. Гражанѣ же видивши ратных мало со княземь, смѣяхуся, стояще на градѣ. Наутрѣя же приде Данилъ со многомъ множьствомъ полкомъ, со братомъ си и со сыномъ Лвомъ. Видивъше же гражанѣ, и ужасъ бысть в нихъ, и не стѣрпѣша, и вдашася. И городъ зажьже, люди же изведе и вдасть я на подѣлъ, ово брату си, ово же Лвови, другия Шварнови. И поиде в домъ си, приемъ градъ.

Романови же пришедшу ко граду и литвѣ, потокши на градъ литвѣ, ни вѣдѣша ништоже, токмо и головнѣ ти, пси течюще по городищу.

Тужаху же и плеваху, по свойскы рекуще: «Янда!», взывающе богы своя Андая и Дивирикса, и вся богы своя поминающе, рекомыя бѣси.

Потом Романъ ѣха по отци, поемь со собою мало людии, а прочии пусти домовь. Данило же и Василко *бѣша* веселяся, а Левь ѣхав домъвъ си.

Литва же роздумавше и воеваша, гнѣвъ держаще, и ехавше же воеваша около Лучьска, Данилови же не вѣдуще ни Василку. Служащии же князи Данилови и людье Васильковi: Юрьи, Олекса дворьскый инѣи, ѣхаша на нѣ. Ѣхавшим же на нѣ, онѣмь же притекшимъ супротивъ ко струзѣ, снузникомъ же сразившимся, не стѣрпѣша, но на бѣгъ обратишася. Они же сѣкуще я и бодуще, вогнаша я во озеро. *Имется* 10 *мужь* одиного коня, мняще, яко: «Конь вынесеть ны», и тако погрязаху, ангеломъ потопляеми, от Бога посланымъ. И нагряже озеро труповъ и щитовъ и шеломовъ, тозѣмьцѣ же велику користь имаху, волочаще я. И бысть на литву сѣча велика. Одолѣвшимъ, славяху Бога и святую Госпожю-Богородицю, послаша же сайгатъ Данилови и Василкови, и обрадовастася Данилъ и Василко о помощи Божией, иже на поганыя. Се бо бѣша людие Миндогови и воевода ихъ Хвалъ, иже велико убиство творяше землѣ Черниговьской, и Сиръвидъ Рюшковичь. Сирвидъ же утече, а Хвалъ убить бысть, инии мнозѣи.

Въ лѣто 6767. Куремьса поиде на Данила и на Василка без вѣсти. Приѣха Василко же сбирашеться во Володимерѣ, а Данило в Холмѣ. Посласта ко Львови, абы поѣхалъ к нимъ.

Куремьсѣ же не перешедшу Стыра,[398] посла люди к Володимѣру. Выѣхавшимъ же ратнымъ вои к *городу*, изиидоша на нѣ гражанѣ пѣшьци, и бившимся с ними крѣпко. И выбѣгоша из града, идоша к Курьмсѣ, исповѣдаша, яко: «Гражанѣ крѣпцѣ борються с нами».

Данило же и Василко одинако сбирастася хотяща битися с татары.

Прилучи же ся сице за грѣхы загорѣтися Холмови от оканьныя бабы.[399] Си же потомъ спишемь о создании града и украшение церкви, и оного погибели мнозѣ, яко всимъ сжалитися. Сицю же пламени бывшу, якоже со всее земли зарѣ видити, якоже и со Львова зряще, видити по полем Белзьскымь от горения силнаго пламени. Людемь же видящимъ, яко от татаръ зажьженъ бѣ град, и вбѣжаша в мѣста лѣсна и тѣмь не могоша сбиратися. Данило же сняся с братомъ и тѣши и, якоже от Бога

вывшѣй бѣдѣ не имѣти желѣ поганьскы, но на Бога надѣятися и на нь возложити печаль. Якоже и бысть.

Потом же ѣхаста в Володимерь, и собравша мало дружины, и молящася Богу о нашествии татарь, да Богъ избавить я. Не могуща же дружины собрати, сласта сѣмо и онамо. Прилучи же ся Василковымъ людемь выѣхати и обрѣтше татаръ биша я, и колодники имаша.

Потом же, Куремьсѣ стоящю у Лучка, створи Богъ чюдо *велико*. Луческъ бѣ не утверженъ и не уряженъ. И сбѣгшимся во нь многимъ людемь, и бѣ бо зимѣ, бывъши и водѣ велицѣ. Оному же пришедшу к Лучьску и не могшу ему преити, хотяше мостъ прияти. Гражаномъ же отсѣкшимъ мостъ. Он же порокы постави, отгнати хотя. Богъ же чюдо створи, и святы Иванъ, и святый Никола: вѣтру же таку бывшу, яко порокомъ вѣргшу, вѣтру же обращаше камень на нѣ. Пакы же мечющемъ на нѣ крѣпко, изломися Божиею силою пракъ ихъ. И не успѣвше ничтоже, вратишася во станы своя, рекше в поле.

Якоже древле писахомъ во Куремьсину рать о зажьженьи города Холмъ. Холмъ бо городъ сиче бысть созданъ Божиимъ веленьемь. Данилови бо княжащу во Володимѣрѣ, созда градъ Угорескь и постави во немь пискупа. Яздящу же ему по полю и ловы дѣющу, и видѣ мѣсто красно и лѣсно на горѣ, обьходящу округъ его полю. И вопраша тоземѣць: «Како именуеться мѣсто се?» Они же рекоша: «Холмъ ему имя есть». И возлюбивъ мѣсто то, и помысли, да сожижеть на немь градець малъ. Обѣщася Богу и святому Ивану Златоусту, да створить во имя его церковь. И створи градѣць малъ. И видѣвъ же, яко Богъ помощникъ ему, и Иоанъ спѣшникъ ему есть, и созда град иный, егоже татарове не возмогоша прияти, егда Батый всю землю Рускую поима. Тогда и церковь святой Троицѣ зажьжена бысть, и пакы создана бысть.

Видивъ же се князь Данило, яко Богу поспѣвающу мѣсту тому, нача призывати приходаѣ нѣмцѣ и русь, иноязычникы и ляхы. Идяху день и во день и уноты и мастерѣ всяции, бѣжаху ис татаръ сѣдѣлници, и лучници, и тулници, и кузницѣ желѣзу, и мѣди, и сребру. И бѣ жизнь, и наполниша дворы окрестъ града поле села.

Созда же церковь святаго Ивана, красну и лѣпу. Зданье же еѣ сиче бысть: комары 4, с каждо угла преводъ и стоянье ихъ на четырехъ головахъ человѣцскихъ, изваяно отъ нѣкоего хытрѣца. Окъна 3 украшена стеклы римьскими; входящи во олтарь стояста два столпа от цѣла камени и на нею комара и выспрь же, вѣрхъ украшенъ звѣздами

златыми на лазурѣ, внутрьнии же ей помость бѣ слитъ от мѣди и от олова чиста, яко блещатися, яко зерчалу; двѣри же ей двоя украшены каменьемь галичкым бѣлымъ и зеленымъ холмъскымъ тесанымъ; узоры тѣ некимь хытрѣчемь Авдьемь прилѣпы от всѣхъ шаровъ и злата, напереди ихъ же бѣ издѣланъ Спасъ, а на полунощных — святы Иванъ, якоже всимъ зрящимъ дивитися бѣ. Украси же иконы, еже принесе ис Кыева, каменьемь драгымъ и бисеромъ златымъ, и Спаса, и пресвятое Богородицѣ, иже ему сестра Федора и вда из монастыря Федора, иконы же принесе изо Уручего, Устрѣтенье от отца его. Диву подобны, яже погорѣша во церкви святаго Ивана, одинъ Михаилъ остася, чюдных тѣхъ иконъ! И колоколы *принесе* ис Кыева, другия ту солье, то все огнь попали.[400]

Вежа же средѣ города[401] высока, якоже бити с нея окрест града, подсздана каменеемь вь высоту 15 лакотъ. Создана же сама *древомъ* тесанымъ и убѣлена, яко сыръ, святящися на всеи стороны. Стюденѣць, рекомый кладязь, близъ ея бѣ, сажений имущи 35. Храмѣ прекраснии, и медъ от огня, яко смола ползущь.

Посади же садъ красенъ, и созда церковь святыма Безмѣздникома во честь, имать 4 столпы от цѣла камени, истесанаго, держаща вѣрхъ. С тѣхъ же другый и волтарь пресвятаго Дмитрея, стоить же ти предъ бочными двѣрми красенъ, принесенъ издалеча.

Стоить же столпъ поприща от города каменъ, а на немь орелъ каменъ изваянъ, высота же камени десяти лакотъ с головами же и с подножьками 12 лакотъ.

Увидивъ же сицю пагубу граду, вшедъ во церковь и видѣ пагубу, и сжалиси велми. Помолився Богу, паки обнови, и церковь освяти пискупомъ Ивановъ. И паки помолився Богу и созда и твьржьша и выша. Вежѣ же такое не возможе создати, бѣ бо грады иныя жижаи противу безбожнымъ татаромъ, за то не созда ея.

Въ лѣто 6768. Созда же церковь привелику во градѣ Холмѣ во имя пресвятыя приснодѣвыя Мария, величествомъ, красотою не мене сущихъ древних, и украси ю пречюднами иконами. Принесе же чашю от земля угорьскыя мрамора багряна, изваяну мудростью чюдну, и змьевы главы бѣша округъ ея, и постави ю пре двѣрми церковьнымы, нарѣцаемыми царскыми, створи же в ней крестилницю крестити воду на святое Богоявление. Створи же в ней блаженый пискупъ Иванъ, от древа красна точенъ и позлащенъ. Днѣ и внѣ дивлению подобенъ.

Времени же минувшу, и приде Буранда безбожный злый со множествомъ полковъ татарьскыхъ в силѣ тяжьцѣ и ста на мѣстѣх Куремьсѣнѣх. Данило же держаше рать с Куремьсою и николи же не бояся Куремьсѣ, не бѣ бо моглъ зла ему створити никогдаже Куремьса, дондеже приде Буранда со силою великою. Посла же послы к Данилови, река: «Иду на Литву. Оже еси миренъ, пойди со мною».[402]

Данилови же сѣдшу с братомъ и со сыномъ, печалнымъ бывше, гадахуть: вѣдахуть бо, аще Данилъ поедеть, и не будеть с добромъ. Сгадавъше вси, и еха Василко за брата. И проводи братъ до Берестья, и посла с нимъ люди своя. И помолився Богу, святому Спасу избавнику, яже есть икона яже есть в городѣ Мѣлницѣ[403] во церкви святоѣ Богородицѣ и нынѣ стоить в велицѣ чести; обѣща ему Данило король украшениемь украсити и.

Василкови же ѣдушу по Бурундаи одиному по Литовьской землѣ, обрѣтъ негдѣ литву, избивъ ю и приведе саигатъ Бурондаеви. И похвали Бурандай Василка, «аще братъ твой не ѣхалъ». И воеваше ѣздя с нимь. Ищющю ему сыновца своего Романа,[404] воеваша землю Литовьскую и Нальщаньску.[405] Княгиню бѣ бо оставилъ у брата и сына своего Володимера.[406]

Потом же Данило король, ѣхавъ, взя Волковыескъ *и Глѣба* князя пославъ я, и державшеть и во чести, яко болма бо еха ко Волковыску, ловя яти ворога своего Вышелка и *Тевтивила*. И не удуси его в городѣ, искаше ею по стаемь, посылая люди, и не обрѣтѣ ею. Бѣста бо велику лесть учинила: я Вышелгъ сына его Романа. И пакы посла Михаила, и воева по Зелеви,[407] ища ею, и не обрѣте ею. Потом же мысля ити на Городенъ, творя ею тамъ.

Посла же по Лва, сына си, и по люди своя. И приѣхаша в городъ Мѣлникъ. Хотящу ему ити к Городну, и всимъ тоснующимся, и бысть вѣсть из ляховъ у короля Данила, яко татаровѣ на Ятвязѣхъ суть.

Лвови же рекшу, яко: «Вои твоя голодна есть и кони ихъ». Он же отвѣщавъ и рече ему: «Пошлемь сторожѣ ко Визнѣ». Вдасть же Данило король брашна воемь до досытка и конемь ихъ.

Послано бо быста преже два посла во Ятвязѣ увѣдать о братѣ. Татаромъ же приехавшимъ во Ятвязѣ, ята быста посла и прашаше: «Гдѣ есть Данило?» Она же отвѣщаста: «В Милници есть». Онѣм же рекшимъ, яко: «То есть мирникъ нашь, братъ его, воевалъ с нами. Туда идемь».

Сторожем же изминувшимся с ними, они же проидоша ко Дорогычину. Бысть же вѣсть Данилу, послаша Лва и Шварна вонъ и Володимера, река имъ: «Аще вы будете у мене, вамъ издѣти в станы к нимъ, аже ли азъ буду»...[408]

По сем же минувшему лѣту.

Въ лѣто 6769. Бысть тишина по все землѣ. В ты же дни свадба бысть у Василка князя у Володимерѣ городѣ: нача отдавати дщерь свою Олгу за Андрѣа князя Всеволодича Чернигову. Бяшеть же тогда братъ Василковъ Данило князь со обѣима сынома своима, со Лвомъ и со Шварномъ, и инѣхъ князѣй много, и бояръ много. И бывшу же веселью не малу в Володимерѣ городѣ.

И приде вѣсть тогда Данилови князю и к Василкови, оже Буронда идеть оканный проклятый, и печална бысть брата о томъ велми. Прислалъ бо бяше, тако река: «Оже есте мои мирници, срѣтьтя мя. А кто не срѣтить мене, тый ратный мнѣ». Василко же князь поеха противу Бурандаеви со Лвомъ, сыновцемь своимъ, а Данило князь не ѣха с братомъ, послалъ бо бяше себе мѣсто владыку своего Холмовьского Ивана.

И поеха Василко князь со Лвомъ и со владыкою противу Бурандаеви, поимавъ дары многы и питье, и срѣте и у Шумьски. И приде Василко со Лвомъ и со владыкою передо нь с дары; оному же велику опалу створшу на Василка князя и на Лва; владыка стояше в ужасти величѣ.

И потомъ рече Буронда Василкови: «Оже есте мои мирници, розмечете же городы своѣ всѣ». Левъ розмета Даниловъ и Стожекъ, оттолѣ же пославъ Львовъ розмѣта, а Василко пославъ Кремянѣчь розмета и Луческь.

Василко же князь ишь Шюмьска посла владыку Ивана напередь ко брату своему *Данилови*. Владычи же приехавшю к Данилови князю, и

нача ему повѣдати о бывшем, и опалу Бурандаеву сказа ему. Данилови же убоявшуся, побѣже в Ляхы, а из Ляховъ побѣже во Угры.

И тако поиде Бурандай ко Володимерю, а Василко князь с ними. И не дошедшу ему города, и ста на Житани на ночь. Бурандай же нача молвити про Володимерь: «Василко, розмечи городъ». Князь же Василко нача думать в собѣ про городъ, зане не мощно бысть розметати вборзѣ его величествомъ. Повелѣ зажечи и, и тако черес ночь изгорѣ всь. Завътра же приѣха Бурандай в Володимерь, и видѣ своима очима городъ изгорѣвши всь, и нача обѣдати у Василка на дворѣ и пити. Обѣдав же и пивъ и леже на ночь у Пятидна. Завътра же присла татарина именемь Баимура. Баимуръ же приѣхавь ко князю и рче: «Василко, прислал мя Буранда и велѣл ми городъ роскопати». Рче же ему *Василко*: «Твори повелѣное тобою». И нача роскопывати городъ, назнаменуя образъ побѣды.

И по семь поиде Бурандай к Холмови, а Василко князь с нимь, и с бояры своими и слугами своими. Пришедшимъ же имъ к Холмови, городъ же затворенъ бысть, и сташа пришедше к нему одаль его. И не успѣша вои его ничтоже. Бяхуть бо в немь боярѣ и людье добрии и утвержение города крѣпко порокы и самострѣлы.

Буранда же *расмотривъ* твердость *города*, оже не мощно взяти его, тѣм же и нача молвити Василкови князю: «Василко, се городъ брата твоего. Ѣдь молви горожаномъ, а быша передалѣ». И посла с Василкомъ три татаринѣ именемь Куичия, Ашика, Болюя, и к тому толмача, розумѣюща руский *языкъ*, што иметь молвити Василко, приѣхавъ подъ городъ. Василко же, ида подъ городъ, и взя собѣ в руку камения. Пришедше подъ городъ, и нача молвити горожаномъ, а татарове слышать, послании с нимь: «Костянтине холопе, и ты, другий холопе Лука Иванковичю,[409] се городъ брата моего и мой, передайтеся!» Молвивъ, да камень вержеть доловь, дая имъ *розумъ* хитростью, а быша ся билѣ, а не передавалися. Си же слова молвивъ и по троичи, меча каменьемь доловь. Сь же великий князь Василко, акы от Бога посланъ бы на помоць горожаномъ, пода имъ хытростью разум. Костянтинъ же, стоя на заборолѣхъ города, усмотри умомъ разумъ, поданы ему от Василка, и рече князю Василкови: «Поѣдь прочь, аже будеть ти каменемь в чело! Ты уже не братъ еси брату своему, но ратьный есь ему». Татарове же, послании со княземь подъ город, слышавше, поѣхаша к Бурандаеви и повѣдаша рѣчь Василкову, како молвилъ горожаномъ, што ли молвили пакъ горожане Василкови.

И по семь поиде Буранда вборзѣ к Люблину. От Люблина же поиде ко Завихвосту, и придоша к рѣцѣ к Вислѣ. И ту изнаидоша собѣ бродъ у

Вислѣ, и поидоша на ону страну рѣкы и начаша воевати землю Лядьскую.

Потом же придоша к Судомирю, и обьступиша и со всѣ сторонѣ, и огородиша и около своимъ городомь, и порокъ поставиша. И пороком же бьющимь неослабно день и нощь, а стрѣламъ не дадущимъ выникнути изъ заборолъ, и бишася по четырѣ дни, в четвертый же день сбиша заборола с города. Татаровѣ же начаша лествицѣ приставливати к городу и тако полѣзоша на город. Напередь же возлѣзоста два татарина на городъ с хоруговью и поидоста по городу сѣкучи и бодучи. Одинъ же ею поиде по одиной сторонѣ города, а другый по другой сторонѣ. Нѣкто же от ляховъ, не бояринъ, ни доброго роду, но простъ сый человѣкъ, ни в доспѣсѣ, за одинимь мятлемь со суличею, защитився отчаяньемь, акы твердымъ щитомъ, створи дѣло, памяти достойно: потече противу татарину, како стекася с нимъ, тако уби татарина, олъны другий татаринъ со заду притече и потя ляха ту, и убьенъ бысть ляхъ.

Людье же, видивше татары на городѣ, устрѣмишася побѣгнути до дитиньца и не можаху умѣститися во ворота, зане мостъ бяше узокъ воротомъ; и подавишася сами, а друзии падаху с мостка в ровъ, акы сноповье. Рови же бяху видѣниемь глубоцѣ велми, и исполнишася мертвыми, и бысть лзѣ ходити по трупью, акы по мосту. Бяхуть же станове в городѣ соломою циненѣ, и загорѣшася самѣ от огневь, и потом же и городъ поча горѣти. Церкви же бяше в городѣ томъ камена велика и придивна, сияюще красотою; бяшеть бо создана бѣлымъ каменьем тесанымъ, и та бысть полна людий. Вѣрхъ же в ней, древомъ покрытъ, зажьжеся, и та погорѣ, и в ней бещисленое множьство людий.

Одва ратнии выбѣгоша изъ города.

Завътра же игумени с попы и сь дьяконы, и изрядивше крилосъ, и отпѣвши обѣднюю, и начаша ся причащатися первое сами, и потомъ бояре и с женами с дѣтми, таже вси от мала и до велика. И начаша ся исповѣдатися, ово ко игуменемь, друзии же к попомъ и дьякономъ, зане бяше людии множьство в городѣ. Потом же поидоша со хресты из города, и со свѣчами, и с кадѣлы, и поидоша же и бояре и боярынѣ, изрядившеся во брачныя порты и ризы, слугы же боярьскиѣ несяху перед ними и дѣти ихъ. И бысть плачь великь и рыдание: мужи плакахуся свѣрьстьниць своихъ, матери же плакахуся чадъ своихъ, братъ брата, и не бысть кто помилуя ихъ. Гнѣву бо Божию сконцавшюся на нихъ. Выгнаным же имъ из города, и посадиша ѣ татаровѣ на болоньи возлѣ Вислы, и сѣдоша два дни на болоньи,[410] тоже почаша

избивати я, всѣ мужескь полъ и женьскъ, и не оста отъ нихъ ни одинъ же.[411]

Потом же поидоша ко Лысцю[412] городу. И пришедшемъ же имъ к нему, и обьступиша: городъ же бяше в лѣсѣ, на горѣ, церкви же бяше в немь камена Святоѣ Троицѣ. Городъ же не твердъ бяше, взяше же и того, исѣкоша же всѣ от мала и до велика. Потом же возворотися Бурандай на западъ во своя веже.

И тако бысть конѣць Судомирьскому взятью.

Въ лѣто 6770. Идоша литва на ляхы воеватъ от Миндовга и Остафьи *Костянтиновичь*[413] с ними, оканьный и безаконый, бѣ бо забѣглъ из Рязаня. Литва же изъгнаша Ездовъ[414] на канунъ и Иваня дни на самая Купалья. Ту же и Сомовита князя убиша, а сына его Кондрата[415] яша, и полона много яша, и тако возвратишася восвояси.

Въспомяну Миндовгъ, оже Василко князь с богатыремь воевалъ землю Литовьскую, и посла рать на Василка, и воеваша около Каменца. Князь же Василко не ѣха по нихъ, зане надѣяшеться другой рати. Посла по нихъ Желислава же Степана Медушника,[416] и гониша по нихъ, ольно до Ясолны,[417] и не угониша ихъ, бяшеть бо рать мала, полона же взяли бяхуть, тѣм же и уйдоша борзо. Другая же рать воеваша тое же недѣлѣ около Мѣлницѣ, Бяше же с ними воевода Тюдияминовичь Ковдижадъ.[418] Взяша же полона много.

Князь же Василко поѣха по нихъ сыномь своимь Володимѣромь и с бояры и со слугами, возложивъ упование на Бога и на пречистую его Матерь и на силу честнаго хреста, и угониша я у Небля[419] города. Литва же бяше стала при озерѣ, и видивше полкы, изрядишася, и сѣдоша во три ряды за щиты по своему норову. Василко же, изрядивъ своѣ полкы, поиде противу имъ, и сразишася обои. Литва же, не стерпѣвше, устремишася на бѣгъ. И не бысть лзѣ утечи, обишло бо бяшеть озеро около. И тако начаша сѣчи ѣ, а друзии во озерѣ истопоша. И тако избиша я всѣ, и не оста от нихъ ни одинъ.

Се же услышавъше князи Пиньсции Федоръ, и Демидъ, и Юрьи, и приѣхаша к Василкови с питьемь, и начаша веселитися, видяще бо ворогы своя избиты, а своя дружина вся цѣла. Токмо одинъ убитъ от полка Василкова Прѣиборъ, сынъ Степановъ Родивича. Посем же князи

Пиньсции поѣхаша восвояси, а Василко поѣха к Володимѣрю с побѣдою и честью великою, славя и хваля Бога, створшаго предивная, покоршаго ворогы под нозѣ Василкови князю.

Посла же саигатъ брату своему королеви с Борисом и со Изѣболкомъ.[420] Король же бяшеть поѣхалъ в Угры. И угони его Борисъ у Телича.[421]

Король же бяше печалуя о братѣ по велику и о сыновцѣ своемь Володимерѣ, зане молодъ бяше. Нѣкто от слугъ его вшедъ нача повѣдати сиче: «О господине, людье кацѣ се едуть за щиты со суличами, а конѣ с ними поводьнии». Король же, от радостии воскочивъ и возвѣвъ руцѣ, хвалу воздавъ Богу, рече: «Слава тебѣ, Господи! Тоть Василко побѣдилъ литву». Борисъ же приѣха и приведе саигатъ королеви и конѣй во сѣдлѣхъ, щиты, суличѣ, шеломы. Король же нача впрашати о здоровьи брата своего и сыновця, Борисъ же повѣда здоровье обою, и вся збывшаяся сказа ему. Бысть радость велика королеви о здоровьи брата своего и сыновца, а ворози избити. Бориса же одаривъ отпусти ко брату своему.

Посем же бысть снемь рускимъ княземь с лядьскимь княземь с Болеславомъ, и снимашася в Тернавѣ:[422] Данило князь со обѣима сынома своима, со Львомъ и со Шьварномъ, а Василко князь со своимъ сыномъ Володимеромь. И положиша рядъ межи собою о землю Рускую и Лядьску утвердивъшеся крестомъ честнымъ, и тако розъѣхашася восвояси.

Посем же сонмѣ минувшу лѣту одиному, и во осень убить бысть великий князь литовьский Миньдовгъ,[423] самодержечь бысть во всей земли Литовьской. Убиство же его сиче скажемь.

Бысть князящю ему в земьли Литовьской, и нача избивати братью свою и сыновцѣ свои, а другия выгна и-землѣ, и нача княжити одинъ во всей землѣ Литовьской. И нача гордѣти велми, и вознесеся славою и гордостью великою, и не творяше противу себе никогоже. Бяше же у него сынъ Войшелкъ же, дъчи. Дщерь же отда за Шварна за Даниловича до Холма.

И Войшелкъ же нача княжити в Новѣгородчѣ, в поганьствѣ буда, и нача проливати крови много. Убивашеть бо на всякъ день по три, по четыри.

Которого же дни не убьяшеть кого, печаловашеть тогда. Колиже убьяшеть кого, тогда веселъ бяшеть. Посем же вниде страхъ Божий во сердце его, помысли в собѣ, хотя прияти святое крещение. И крестися ту в Новѣгородьцѣ, и нача быти во крѣстьяньствѣ. И по семь иде Войшелкъ до Галича к Данилови князу и Василкови, хотя прияти мниский чинъ. Тогда же и Вошелкъ хрести Юрья Лвовича.[424] Тоже потомъ иде в Полонину ко Григорьеви в манастырь,[425] и пострижеся во черньцѣ, и бысть в манастыри у Григорья 3 лѣта, оттолѣ же поиде во Святую Гору, приемь благословление от Григорья. Григорѣй же бяшеть человѣкъ святъ, акого же не будеть перед нимь, и ни по немь не будеть.

Войшелкъ же не може доити до Святѣй Горѣ, зане мятежь бысть великъ тогда в тыхъ землях, и приде опять в Новъгородокъ, и учини собѣ манастырь[426] на рѣцѣ на Немнѣ межи Литвою и Новымъгородъкомъ, и ту живяше.

Отець же его Миндовгъ укаривашеться ему по его житью. Онъ же на отца своего нелюбовашеть велми. В то же веремя умре княгини Миндовговая, и поча карити по ней. Бяшеть бо сестра ей за Домонтомъ за Нальщаньскимъ княземь.[427] И посла Миндовгъ до Нальщанъ по свою свесть, тако река: «Се сестра твоя мертва. А поѣди карить по своей сестрѣ». Оной же приѣхавши карить, Миндовгъ же восхотѣ пояти свесть свою за ся. И нача ей молвити: «Сестра твоя умираючи велѣла мь тя пояти за ся. Тако рекла — ать иная дѣтий не цвѣлить». И поя ю за ся. Довъмонтъ же, се услышавъ, печаленъ бысть велми о семь, мысляшеть бо, акы како убити Мндовга, но не можаше, зане бысть сила его мала, а сего велика. Довъмонтъ же искашеть собѣ, абы с кимъ мочи убити ему Миндовга. Изнаиде собѣ Треняту, сестричича Миндовгова,[428] и с тѣмъ думашеть убити Миндовга. Тренята же бяшеть тогда в Жомоти.

Въ лѣто 6771. Послалъ бяшеть Миндовгъ всю свою силу за Днѣпръ на Романа на бряньского князя.[429] Довъмонтъ же бяшеть с ними пошелъ на войну, и усмотри время подобьно собѣ, и воротися назадъ, тако река: «Кобь ми не дасть с вами поити». Воротивъ же ся назадъ, и погна вборзѣ, изогна Миндовга, ту же и уби его, и оба сына его с нимь уби, Рукля же Репекья. И тако бысть конѣчь Миндовгову убитью.

По Миндовговѣ же убитьи Войшелкъ убоявъся того же и бѣжа до Пиньска, и ту живяшеть, а Тренята нача княжити во всей землѣ Литовьской и в Жемоти. И посла по брата своего, по Товтивила, до Полотьска, река тако: «Брате, приѣди семо, роздѣливѣ землю и добытокъ Миндовъговъ». Оному же приѣхавъшу к нему, и поча думати Товтивилъ, хотя убити Треняту, а Тренята собѣ думашеть на Товтивила

пакъ. И пронесе думу Товтивилову бояринъ его Прокопий полочанинъ. Тренята же попередивъ и убивъ Товтивила, и нача княжити одинъ. Посем же *почаша* думати конюси Миндовгови, 4 паробци, како бы лзѣ имъ убити Тренята. Оному же идущу до мовничи мыться, они же усмотрѣвше собѣ веремя такова, убиша Треняту. И тако бысть конѣць убитья Тренятина.

Се же услышавъ Войшелкъ, поиде с пиняны к Новугороду, и оттолѣ поя со собою новгородцѣ, и поиде в Литву княжить. Литва же вся прияша и с радостью, своего господичича.

Въ лѣто 6772. Войшелкъ же нача княжити во всей земли Литовьской, и поча вороги своѣ избивати, изби ихъ бещисленое множество, а друзии розбѣгошяся, камо кто видя, и оного Остафья уби, оканьнаго, проклятаго, безаконьного, о немже передѣ псахомъ.

Въ прежерченом же лѣтѣ Миндовгова убитья бысть свадба у Романа князя у Бряньского. И нача отдавати милую свою дочерь, именемь Олгу,[430] за Володимера князя, сына Василкова, внука великаго князя Романа Галичкаго. И в то веремя рать приде литовьская на Романа. Он же бися с ними и побѣди я, самъ же раненъ бысть, и не мало бо показа мужьство свое. И приѣха во Брянескь с побѣдою и честью великою. И не мня раненъ на тѣлеси своемь за радость, и отда дочерь свою. Бѣахуть бо у него иныѣ три, а се четвертая — сия же бѣшеть ему всихъ милѣе. И посла с нею сына своего старѣйшего Михаила[431] и бояръ много. Мы же на преднее возвратимся.

Княжащу же Войшелькови в Литвѣ, и поча ему помагати Шварно князь, и Василко. Нареклъ бо бяшеть Василка отца собѣ и господина.

А король бяшеть тогда впалъ в болесть велику, в нейже и скончa животъ свой. И положиша во церкви святѣ Богородици в Холмѣ, юже бѣ самъ создалъ.

Се же король Данило князь добрый, хоробрый и мудрый, иже созда городы многи, и церкви постави, украси ѣ разноличными красотами. Бяшеть бо братолюбьемь святяся с братомъ своимъ Василкомъ. Сей же Данило бяшет вторый по Соломонѣ.[432]

Посем же Шварно поиде в помочь Войшелкови, а Василко князь от себе посла ему помочь всю свою рать. Войшелкъ же нареклъ и бяшеть Василка аки отца собѣ и господина.

И приде же Шварно с помочью в Литву к *Войшелкови*, и видѣвъ *Войшелкъ* помочь Шварнову и Василкову, отца своего, и радъ бысть велми и нача пристраватися, и поиде в силѣ тяжьцѣ, и нача городы имати во Дявелътвѣ[433] и в Нальщанехъ. Городы же поимавъ, а ворогы своя избивъ, и тако поидоша восвояси.

Въ лѣто 6773. Явися звѣзда на востоцѣ хвостатая,[434] образомъ страшиымъ, испущающе от себе лучѣ великы, си же звѣзда нарѣчаеться власатая. От видѣния же сея звѣзды страхъ обья вся человѣкы и ужасть. Хитрѣчи же смотрѣвше, тако рекоша, оже мятежь великъ будеть в земли, но Богъ спасеть своею волею. И не бысть ничтоже.

Того же лѣта преставися великая княгинѣ Василковая, именемь Олена.[435] И положиша тѣло ея во церкви святѣй Богородицѣ во пискупьи Володимерьской.

Въ лѣто 6774. Бысть мятежь великъ в самѣхъ татарѣх, избишася сами промежи собою бе-щисленое множество, акь пѣсокъ морьскы.

Въ лѣто 6775 . И бысть тишь.

Въ лѣто 6776. Княжащу Войшелкови во Литвѣ и Шварнови, иде литва на ляхы воевать, на Болеслава[436] князя. Идоша мимо Дорогичинъ. Слуги же Шварновы идоша с ними же и воеваша около Скаришева и около Визълъжѣ и Торжьку,[437] и взяша полона много.

Тогда же Болеславу князю болну сущу велми. Потом же Болеславъ усторобився, посла посолъ свой ко Шварнови, тогда же Шварнови сущю в Новѣгородчѣ, тако река: «По што мя еси воевал без моей вины, землю еси мою взял?» Шварно же ся запрѣ ему, тако река: «Не воевалъ язъ тебе, но литва тя воевала». Посолъ же рече Шварнови: «Тако ти молвить князь Болеславъ — я на литву не жалую, оже мя воевала — немирникъ мой, а воевал мя тако и гораздо. Но на тя жалую. А Бог буди по правомъ, тъ то расудить межи нами». И отселѣ заратишася. И

почаша ляховѣ воевати около Холма. Воеводы же быша с ними Сигнѣвъ, Воржь, Сулко, Невъступъ.[438] И не взяша ничтоже. Избѣгли бо ся бяхуть в городъ, и зане вѣсть бяхуть подали имъ ляхове украинянѣ.

Посем же Шварно приѣха из Новагородъка вборзѣ и поча совокупливати силу свою. И Василко князь и сынъ его Володимиръ совокупившеся поидоша в ляховѣ воевать. Шварно же поча воевати около Люблина, а Володимѣръ около Бѣлоѣ. И взяша полона много и тако поидоша восвояси: Шварно поиде к Холмови, а Володимеръ поиде к Червьну — ту бяшеть отець ему Василко. И-Щервена же поиде к Володимерю. Пришедшимъ же имъ домовь, и посемь ляховѣ почаша воевати около Червьна, тое же недѣли, и не вземше ничегоже, и тако поидоша назадъ.

И потомъ Болеславъ князь присла посолъ свой к Василкови, Григоря, пробоща Люблиньского,[439] тако река: «Свояче, соимевѣся!» Василко рече: «А яз радъ». И порекоша себе снемь в Тернавѣ.

И по семь Василко поиде к соньмови до Тернави. И бывшу ему у Грабовци,[440] и приде к нему вѣсть, оже ляховѣ лесть учинилѣ, к сонмови не шли, но обишедше около, на Ворота,[441] и тако поидоша к Белзу и почаша воевати, и села жечи. Василько же поиде вборзѣ от Грабовца Шварномъ и сыномъ своимъ Володимеромъ, и придоша ко Червьну, и видиша, оже села горять, а ляховѣ воюють. Василко же пусти на ня воропъ,[442] идеже бяхуть ляхове розогналися, воюючи по селомъ, и убиша от них многи, а другия изоимаша. Ляхове же убоявъшеся поидоша восвояси.

Василко же посла по нихъ Шварна, сыновца своего, и Володимѣря, сына своего, указалъ бо бяшеть има, тако река: «Не бѣйте же ся с ними близь, но пустите ѣ во свою землю. Олъны поидуть роздѣлившеся, то же бийтеся с ними».

И тако по нихъ Шварно с Володимѣромъ поиде во силѣ тяжьчѣ. Бяхуть бо полчи видениемь, акы боровѣ велицѣи. Шварно же бяшеть впередѣ, идя своимь полкомъ, а Володимеръ идяше назадѣ своимъ полком. Ляховѣ же бяху и еще не вошли во свою землю, но токмо и бяшеть Ворота прошли. Се же бѣашеть мѣсто твердо, зане немощно бысть обоити его никудаже, тѣм же нарѣчахуться Ворота тѣснотою своею. Ту же и угониша ѣ Шварно, впередѣ идя своимъ полкомъ. И не помня рѣчи строя своего, не препадавъ полка брата своего Володимѣра, и устрѣмися на бой. Сразившима же ся челома, и тако поломиша полкъ Шварновъ, а

инѣмъ полкомъ немочно бысть помощи ниоткудаже тѣснотою. И тако побѣдиша ляховѣ русь и убиша от нихъ многих, от бояръ и от простыхъ людий. Ту же убиша оба сына тысячкого, Лаврентѣя и Андрѣя; немало бо показаста мужьсто свое и не побѣгоста братъ от брата, ту же прияста побѣды конѣць.

Посем же умиришася ляхове с русью, Болеславъ с Василкомъ и со Шварномъ, и начаша быти в любви велицѣ.

Посем же Войшелкъ да княжение свое зятю своему Шварнови, а самъ опять восхотѣ прияти мниский чинъ. Шварно же моляшеться ему по велику, абы еще княжилъ с ними в Литвѣ, но Войшелкъ не хотяшеть, тако река: «Согрѣшилъ есмь много перед Богомъ и человѣкы. Ты княжи, а земля ть опасена». Шварно же не може умолити его и тако нача княжити в Литвѣ, а Войшелкъ иде до Угровьска в манастырь ко святому Данилью,[443] и взя на ся чернѣчькии порты, и поча жити и в манастырѣ, тако река: «Се ми здѣ близъ мене сынъ мой Шварно, а другий господинъ мой отець князь Василко, и тѣма ся иму утѣшивати». Григорѣй же Полониньскый и еще бяше живъ, наставникъ его. Войшелкъ же, вопрошавъ о животѣ его, радъ бысть, посла по нь, река: «Господине отче, приѣди семо». Он же приѣха к нему и настави его на путь чернечький.

И в то веремя присла Левъ к Василкови, тако река: «Хотѣлъ быхъ снятися с тобою, абы туто и Вошелкъ былъ». Василко же посла по Войшелка Страстноѣ нѣделѣ, тако река: «Прислалъ ко мнѣ Левъ, а быхом ся сняли. А не не бойся ничегоже». Войшелкъ же бояшеться Лва и не хотяшет ехати, но поѣха по Василкови рукѣ. И приѣха на Святой недѣлѣ в Володимѣрь и ста в монастырѣ святого Михаила Великого.[444] Марколтъ же Нѣмѣчинь зва к собѣ всѣ князѣ на обѣдъ: Василка, Лва, Войшелка. И начаша обѣдати, и пити, и веселитися. Василко же, напився, поѣха домовь спать. А Войшелкъ поѣха до манастыря, идеже стояшеть. И посемь Левъ приѣха к нему в манастырь и поча молвити Войшелкови: «Куме! Напиемся!» И начаша пити. Дьяволъ же исконѣй не хотя добра человѣческому роду, и вложи во сердце Лвови, и уби Войшелка завистью, оже бяшеть далъ землю Литовьскую брату его Шварнови. И такъ бысть конѣць убиться его. Спряташе тело его и положиша во церкви святаго Михаила Великаго.

Княжащю же по Войшелкѣ Шварнови в Литовьской земли, княживъ же лѣтъ немного и тако преставися, и положиша тѣло его во церкви святой Богородицѣ близъ гроба отня.

Въ лѣто 6777. Не бысть ничтоже.

Въ лѣто 6778. Нача княжити в Литвѣ оканьный, и *безаконьный*, прокляты, немилостивый Тройдей, егоже безаконья не могохомъ писати срама ради. Такъ бо бяшеть безаконькик, яко и Антиохъ Сурьскый, Иродъ Ерусалимъскый и Неронъ Римъскый. И ина многа злѣйша того безаконья чиняше.

Живъ же лѣтъ 12 и тако преставися безаконьникъ. Бяхуть же в него братья Борза, Сурьпутий, Лѣсий, Свелкений.[445] Бяхуть же живуще во святемь крещении. Сии же живяхуть в любви, во кротости и во смиреньи, держаще правую вѣру крестьяньскую, преизлиха любяще вѣру и нищая. Си же преставишася при животѣ Тройденевѣ.

Въ лѣто 6779. Преставися благовѣрный князь и христолюбивый великый володимерьскый, именемь Василко, сынъ великого князя Романа. И положиша тѣло его во церкви святѣй Богородици во пискупьи Володимерьской.

Въ лѣто 6780. Нача княжити во него мѣсто сынъ его Володимерь, правдолюбьемь святяся ко всей своей братьи, и к бояромъ, и ко простымъ людемь.

А Левъ нача княжити в Галичѣ и в Холмѣ по братѣ по своемь по Шварнѣ.

Въ лѣто 6781. Умиришася с ляхы с Болеславомь князем. Болеславъ же ся тогда заратилъ с воротьславьскимь княземь.[446] Идоша ему в помочь Левъ, Мьстиславъ, а Володимеръ самъ не иде, но посла свою рать со Жилиславомъ. Про то не иде самъ, заратил бо ся бяше со ятвязи.

Посем же сдумавше князи поити на ятвязи. Приспѣвши же зимѣ, сами князи не идоша, но послаша воеводы своя ратью. Левъ же посла со своею ратью Андрѣя Путивлича,[447] а Володимиръ посла со своею ратью Желислава, а Мьстиславъ посла со своею ратью Володъслава *Ломоносаго*. Ходивъше же и взяша Злину. Ятвязем же собравшимся, не смѣша битися с ними. И тако придоша с побѣдою и с честью великою ко

своимъ княземь. И посемь приѣхаша князи ятвяжьсции Минтеля, Шюрпа, Мудѣйко, Пестило ко Львови и Володимерови и Мьстиславу, мира просяче собѣ. Они же одва даша имъ и миръ. И ради быша ятвязѣ о мирѣ и тако поѣхаша во свою землю.

Въ лѣто 6782. Тройденеви же еще княжащу в Литовьской землѣ, живяше со Львомъ во величѣ любви, шлючи многы дары межи собою. А с Володимеромь не живяше в любви величѣ про то, оже бяшь отець Володимеровъ, князь Василко, убилъ на войнахъ 3 браты Тройденеви, же про то не живяше с нимъ в любви, но воевашеться с нимь, но не великыми ратми: Тройдени же, пославъ пѣщцѣ татемь, воевашеть Володимера, а Володимеръ пославъ тако же воевашеть. И тако воевастася лѣто цѣло.

Посемь же Тройдений, забывъ любви Лвовы, послав городняны, велѣ взяти Дорогичинъ. И Тридъ[448] с ними же бяшеть, се же вѣдашеть о городѣ, како мочно взяти. Излѣзъ же и ночью, и тако взяша и на самы Великъ День, избиша и всѣ от мала и до велика.

Се же слышавъ, Левъ печаленъ бысть о семь велми, и нача промышляти, и посла в татары ко великому цареви Меньгутимереви,[449] прося собѣ помочи у него на литву. Менгутимерь же да ему рать и Ягурчина[450] с ними воеводу, и заднѣпрескыи князи[451] всѣ да ему в помочь, Романа Дьбряньского и сыномь Олгомъ, и Глѣба князя Смоленьского,[452] иныихъ князий много. Тогда бо бяху вси князи в воли в тотарьской.[453]

Зимѣ же приспѣвше, и начаша ся пристраивати князи русцѣи, и Левъ, Мьстиславъ, Володимерь. Идоша же с ними князи Пиньсции и Туровьсцѣи. И бысть идущимъ имъ мимо Турово къ Случку, ту ся сня с татары у Случка. И тако поидоша вси воборзѣ к Новугородъку. И не дошедше рѣкы Сырьвячѣ, ту же сташа на нощь. А заутра рано воставше поидоша и перешедше рѣку до свѣта, ту же и дождаша свѣта. Восходящю же солнцю, и начаша изряживати полкы. Изрядивша же полкы, и тако идоша к городу. Татаром же идяху по праву своим полкомъ, а от нихъ Левъ идяше своимъ полкомъ, а от Лва Володимеръ идяше по лѣву своим полкомъ.

Татари же прислаша ко Лвови и к Володимерови, тако рекуче: «Дѣти нашѣ видѣлѣ, оже рать стоить за горою. Пара идеть ис конѣй. А пошлете люди добрыи с нашими татары, ать усмотрять, что будеть». Они же послаша с ними добрыи люди, и тако ехавше, осмотрѣша, оже

нѣтуть рати, но паря идяшеть со истоковъ, текущихъ из горъ, зане морозѣ бяхуть велицѣ.

И тако придоша к городу, и сташа около его. Мьстиславъ же бяшеть не притяглъ, но шелъ бяшеть от Копыля,[454] воюя по Полѣсью, ни Романъ, ни Глѣбь, тии князи Заднѣпрѣсции, но токмо и одинъ Олегъ, сынъ Романовъ, притяглъ. Пришелъ бо бяше напередь с татары. Татарови же велми жадахуть *Романа*, абы притяглъ.

Левъ же лесть учини межи братьею своею, утаився Мьстислава и Володимера, взя околний *градъ* с татары, а дѣтинѣць остася. Завътра же по взятьи города приде Романъ *и Глѣбъ* с великою силою. И гнѣвахуся вси князи на Лва: Мьстиславъ, Володимѣръ, и тѣсть ему Романъ Дьбряньскый, и Глѣбъ Смоленьскый, и инии князи мнози, вси гнѣвахоться на нь про то, оже не потвори ихъ людми противу себе, самъ взя городъ с татары. Сдумали же бяхуть тако, оже бы имъ всимъ вземше Новъгородокъ, тоже потомь поити в землю Литовьскую. Но не идоша гнѣвомъ про Лва, и тако возвратишася восвояси.

Тако же от Новагородъка приѣха Олегъ въ Володимерь ко своей сестрѣ. Володимиръ бо зовяше тогда тестя своего по велику, тако река: «Господине отче, поедь, побудешь во своемь дому, и дщери своей здоровье видишь». Романъ же отопрѣся ему, тако река: «Сыну мой Володимеру, не могу от рати своей ѣхати. Се хожю в земли ратной. А кто ми доправить рать мою домовь? А се в мое мѣсто сынъ мой Олегъ, ать ѣдѣть с тобою». И цѣловавшася, и тако поѣхаша восвояси.

Въ лѣто 6783.

Въ лѣто 6784. Придоша пруси ко Тройденеви и-своей земли неволею передъ нѣмци. Он же прия ѣ к собѣ и посади часть и в Гроднѣ, а часть ихъ посади во Въслонимѣ. Володимеръ же сдумавъ со Лвомъ и с братомъ своимъ, пославша рать свою ко Вослониму, взяста ѣ, а быша землѣ не подъсѣдалѣ.

Посем же Тройдений пославъ брата своего Сирпутья, и воева около Камене.[455] Володимиръ же противу тому пославъ, взя у него Турийскъ[456] на рѣцѣ на Немнѣ и села около него поима. Посем же умиристася и начаста быти во величѣ любви.

И посемь вложи Богъ во сердце мысль благу князю Володимерови, нача собѣ думати, абы кде за Берестьемь поставити городъ. И взя книги пророческыя, да тако собѣ во сердци мысля рче: «Господи Боже сильный и всемогий, своимъ словомъ все созидая и растрая, што ми, Господи, проявишь, грѣшному рабу своему, и на томъ стану». Розъгнувъ же книги, и выняся ему пророчьство Исаино: «Духъ Господень на мнѣ, егоже ради помаза мя благовѣстить нищимъ, посла мя ицѣлити скрушенымъ сердцемь, проповѣдати полонеником отпущение и слѣпымъ прозрѣние, призывати лѣто Господне приятьно и день воздания Богу нашему, утѣшити вся плачющаяся, дати плачющимся Сивоону славу, за попелъ помазание… веселье, украшение за духъ уныния, и нарекуться роди правды, насажение Господне со славу, и созижють пустыня вѣчная запустѣвшая преже, воздвигнути городы пусты, запустѣвшая от рода».[457] Князь же Володимѣръ от сего пророчества уразумѣ милость Божию до себе, и нача искати мѣста подобна, абы кдѣ поставить городъ. Си же земля опустѣла, по 80 лѣт по Романѣ. Нынѣ же Богъ воздвигну ю милостью своею.

И посла Володимиръ мужа хитра, именемь Алексу, иже бяше при отцѣ его многы городы рубя, и посла й Володимѣръ с тозѣмьци в челнох воз верхъ рѣкы Лосны,[458] абы кдѣ изнаити таково мѣсто городъ поставити. Се же изнашедъ мѣсто таково, и приѣха ко князю, и нача повѣдати. Князь же самъ ѣха с бояры и слугами, и улюби мѣсто то надъ берегомъ рѣкы Лысны. И отреби е, и потомъ сруби на немь городъ, и нарче имя ему Каменѣць, зане бысть земля камена.

Въ лѣто 6785. Присла оканьный безаконьный Ногай[459] послы своя с грамотами Тегичага, Кутлубугу и Ешимута ко Львови, и Мьстиславу, и Володимѣрю, тако река: «Всегда мь жалуете на литву. Осе же вы далъ есмь рать, и воеводу с ними Мамъшѣя, поидете же с ним на вороги своѣ».

Зимѣ же приспѣвше, и тако поидоша князи русции на литву: Мьстиславъ, Володимѣръ, а Левъ не иде, но посла сына своего Юрья. И тако поидоша вси к Новугородъку.

Бысть же пришедшимъ имъ ко Берестью, и вѣсть приде имъ, оже уже татаровѣ поверидили к Новугородъку. Князи же начаша думати собѣ Мьстиславъ, Володимеръ, Юрьи, тако рекуце: «Оже поидемь к Новугородъку, а тамо уже татарове извоевали все. Поидемь кдѣ к чѣлому мѣсту». И тако здумавше, поидоша к Городну. И бысть минувшимъ имъ Волковыескь, далече сташа на ночь. Ту Мьстиславъ и

Юрьи утаивошеся Володимера, посласта лутьшѣи своѣ боярѣ и слуги воевать со Тюимою.[460] Они же воевавше тамо и легоша на ночь, а ко рати своей не шедше, и бе-сторожѣ, и доспѣхы своѣ соимавше. Тогда же утече от нихъ бѣглѣчь единъ до города. И нача повѣдати горожаномъ тако: «Онамо людье лежать на селѣ безъ ряду». Пруси же и бортеве выѣхавше из города, удариша на нѣ ночь, и избиша ѣ всѣ, а другиѣ изоимаша, и в городъ ведоша, а Тюима на санехъ везоша, бѣ бо раненъ велми.

Завътра же полкомъ пришедшимъ к городу, и прибѣже Ратиславко[461] Мьстиславль нагъ и босъ, и начатъ повѣдати о бывшемь, оже избитѣ боярѣ вси Мьстиславлѣ и Львовѣ, слугы вси избиты, а друзии поимании. И печална быста о семь велми Мьстиславь и Юрьи за свое безумье, а Володимереви не любо бысть на нею, оже утаивъшеся его тако учинила.

И начаша собѣ промышляти о взятьи города. Столпъ бо бѣ каменъ высокъ, стоя перед вороты города; и бяху в немь заперлися прузи, и не бысть имь мимо нь поити к городу, побивахуть бо со столпа того. И тако приступиша к нему и взяша и. Страхъ же великъ и ужасть паде на городѣ, и быша, аки мертвѣ, стояще на забролѣхъ города, о взятьи столпа, зане то бысть упование ихъ.

И начаша думати о своихъ боярехъ, како бы ихъ мочно добыти, но не могоша никакоже. Мьстиславъ же и Володимеръ и Юрьи и докончаша с горожаны, како города имъ не имати, а своѣ бояры выимати. Бояры своѣ поимаша, а городу не въспѣша ничегоже. Тако возвратишася восвояси.

Въ лѣто 6786. Тройдени же еще княжа в Литовьской землѣ. И посла рать велику на ляхы, и брата своего Сирпутья посла, бяху бо и ятвязи тогда, и воеваша около Люблина по 3 дни, и взяша бе-щисленое множьство полона, и тако придоша со честью великою домовь.

Въ лѣто 6787. Голодъ бысть по всей землѣ: и в Руси, и в Ляхох, и в Литвѣ, и въ Ятвязехъ. Посем же ятвязѣ прислаша послы своя к Володимирови, тако рекуче: «Господине княже Володимере, приѣхали есмя к тобѣ ото всихъ ятвязь, надѣючесь на Богъ и на твое здоровие. Господине, не помори насъ, но перекорми ны собѣ! Пошли, господине, к намъ жито свое продаятъ, а мы ради купимъ. Чего восхочешь: воску ли, бѣли ль, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ль, мы ради дамы».

Володимерь же из Берестья посла к нимъ жито в лодьяхъ по Бугу с людми с добрыми, кому вѣря. Идущим же имъ по Бугу, и тако возиидоша на Наровь, и поидоша по Нарови. Идущимъ же имъ, и придоша подъ городъ подъ Полтовескъ,[462] ту же сташа на нощь опочиватъ собѣ. И тако избити быша вси подъ городомь в ночь, жито поимаша, а лодья потопиша. Володимѣръ же искашеть сего, велми хотя увѣдати, кто се учинилъ. А ко Кондратови,[463] брату своему, слашеть, тако река ему: «Подъ твоимъ городомъ избити мое людье, любо твоимъ повелѣниемь или иного. Ты вѣдаеши во твоей землѣ, повѣжь». Кондратъ же запрѣся: «Я не избивалъ, а иного не вѣдаю, кто избилъ». Олны же повѣдѣ Володимеру уй его князь Болеславъ[464] на сыновча своего на Кондрата, тако река: «Без лѣпа *ти* ся прить, а самъ ти избилъ твои люди». Тогда Болеславъ в нелюбьи живяше со сыновцемь своимъ Кондратомъ. Болеслав же рече Володимѣрови: «Увѣдайся с нимь, великъ бо соромъ возложилъ на тя, а сложи с себе соромъ свой». Володимеръ же посла на Кондрата рать свою, и воеваша по сей сторонѣ Вислы, и взяша полона много. Посем же Кондратъ присла ко брату своему Володимеру, мира *хотя* с нимь. Володимиръ же умирися, и начаста быти во велицѣ любви. Володимеръ же и челядь ему вороти, што была рать повоевала.

Того же лѣта преставися великий князь краковьский Болеславъ, добрый, тихий, кроткий, смиреный, незлобивый. Поживъ же лѣта много и тако во старости добрѣ отъиде ко Господу. Тѣло же его спрятавше положиша е во церкви святаго Франьцишка в городѣ Краковѣ.

Въ лѣто 6788. По смерти же великаго князя Болеслава не бысть кто княжа в Лядьской земли, зане не бысть у него сына. И восхотѣ собѣ Левъ землѣ, но боярѣ бяхуть силнии, не даша ему землѣ. Бяшеть бо у Болеслава сыновѣць 5 — Сомовитовича 2: Кондратъ же Болеславъ, а Казимиричи трие: Лестько, Земомыслъ, Володиславъ. Боярѣ же Лядьсцѣи избраша собѣ одиного от нихъ — Лестъка, и посадиша и во Краковѣ на столѣ Болеславли. И поча *княжити* Льстко.[465]

Посем же Левъ восхотѣ собѣ части в землѣ Лядьской, города на въкраини. Еха к Ногаеви оканьному проклятому помочи собѣ прося у него на ляхы. Онъ же да ему помочь оканьнаго Кончака, и Козѣя, и Кубатана. Зимѣ же приспѣвши, и тако поидоша: Левъ радъ поиде с татары и со сыномъ своимъ Юрьемь, а Мьстиславъ и Володимеръ, сынъ Мьстиславль Данило[466] и поидоша неволею татарьскою. И тако поидоша вси ко Судомирю. И пришедше к Судомирю, и поидоша на ону сторону рѣкы Вислы, ту же и переидоша рѣку по ледови подъ самимъ городомъ. Первое переиде Левъ своимъ полкомъ и сыномъ своимъ Юрьемь, и по немь Мьстиславъ и сынъ ему Данило. Таже по них татарове. И тако перешедша сташа около города. Стоявше же малъ час, не бишася.

Посем же поиде Лево своими полкы со силою великою ко Кропивници,[467] с гордостью великою, хотя ити ко Кракову.

Володимеръ же бѣ назадѣ стоя у города своим полкомъ. И начаша ему повѣдати: «Осѣкъ во лѣсѣ полнъ люди и товара, не взиманъ бо бѣ никотороюже ратью, зане твердъ бяше велми». Володимѣръ же отряди к нему люди добрыи, и Кафилата с ними же Селезенца.[468] Бысть же пришедшимъ имъ ко осѣкови, и бишася с ними ляховѣ крѣпко, одва могоша и взяти с великимь потом, и поимаша в немь множьство людии и товара.

Якоже передѣ писахом о Лвѣ, и бысть же идущу ему полкы своими. И начаша росходитися воеватъ, Богъ учини над нимъ волю свою — убиша бо ляховѣ от полку его многы бояры и слуги добрѣѣ, и татаръ часть убиша. И тако возвратися Левъ назадъ с великымь бещестьемь.

Въ лѣто 6789. Иде Льстько на Лва, и взя у него городъ Переворескъ,[469] исѣче и люди в нем вси от мала и до велика, и город зажьже, и поиде назадъ восвояси.

Потом же вложи дьяволъ ненависть во два Сомовитовича, во Кондрата и во Болеслава, и начаста вражьствовати межи собою, и воеватися. Кондратови же, живящу со братомъ своимъ с Володимеромъ за одино, а Болеславъ живяше с Лесткомъ и с братомь его Володиславомъ за одино.

Болеслав же совокупивъ рать свою и поя помочь собѣ у Володислава, и поиде на брата на своего на Кондрата к городу ко ѣздову. Кондратови же не бывшу тогда в городѣ, и тако преступлеше взяша городъ. Законъ же бяше в ляхох таков: челяди нѣ имати, ни бити, но лупяхуть. Городу же взяту, и поимаша в немь товара много, и людии полупиша; и ятровь *свою* облупи, княгиню Кондратовую, и сыновицю свою облупи, и учини соромоту велику брату своему Коньдратови.

Посем же Кондратъ посла посолъ свой ко брату своему Володимерови, жалуяся ему о своей соромотѣ. Володимиръ же сжаливси и росплакався, рече послу брата своего: «Брате, Бог,— рчи,— буди отмѣстникъ твоей соромотѣ, а се я готовъ тобѣ на помочь». И нача наряживати рать на Болеслава. И ко сыновцю своему Юрьеви посла,

помочи прося. Сыновечь же ему тако рече: «Строю мой, рад быхъ и самъ с тобою шелъ, но *нѣколи ми*: ѣду, господине, до Суждали жениться. А со собою поимаю не много людий. А се вси мои людье и боярѣ Богу на руцѣ и тобѣ. А коли ти будеть любо, тогда с ними поиди».

Володимеръ же нарядивъ рать поиде к Берестью. Ту ся и собра. И холъмлянѣ придоша к нему, бяшеть бо воевода с ними Тюима, И поиде Володимиръ ко Мѣлнику со множьством вои. Из Мѣлника же отряди воеводу Василка, князя Вослонимьского, Володимѣрови, и Желислава и Дуная,[470] а сь Юрьевою ратью бяшеть воевода Тюима. И тако поидоша в Ляхы.

Володимѣръ же отрядивъ рать и поѣха до Берестья. Послалъ же бяшеть посолъ напередъ передъ ратью ко брату своему Кондрату. Бяхуть бо у него боярѣ невѣрни. А быша не дале вѣсти Болеславу, посолъ же Володимѣровъ, приѣхавъ Кондратови, поча ему молвити при всѣхъ его боярѣх: «Тако ти молвить братъ твой Володимѣръ: радъ ти быхъ помоглъ за твою соромоту, но нѣ лзѣ мь: замялѣ нами татаровѣ», Посем же посолъ емь князя за руку и сжа ему руку. Князь же, уразумѣвъ, выиде с ними вонъ. И поча ему повѣдати: «Брать ти тако *молвить*: наряжайся самъ, и *лодье* наряди возитися на Вислѣ, рать будеть у тебе завътро». Кондратъ же радъ бысть по велику и повелѣ вборзѣ изрядити лодьѣ, самъ ся наряди.

Пришедши же рати, извозишася, и почаша изряживати полкы. Изрядивше же ся, и тако поидоша: Василко же поиде своим полкомъ, а Желиславъ своим полкомъ, а Дунай своимъ полкомъ, Кондратъ же князь с ляхы своимъ полкомъ, а Тюима своимъ полком. И тако идяху с великою крѣпостью усердьно.

Не дошедшим же имъ города Сохачева, и думахуть о взятьи его, абы в землю глубоку не входилѣ, но возборони имъ Конъдратъ князь, ведя и ко Гостиному,[471] то бо бяшеть милое мѣсто Болеславле.

Пришедшимъ же полкомъ к городу, и сташа около города, аки боровѣ величѣи, и начаша ся пристраивати на взятье города. Князь же Конъдратъ нача ѣздя молвити: «Братья моя милая руси, потягнете за одино сердче!» И тако полѣзоша подъ заборола, а друзии полчи стояху недвижими, стерегучи внезапнаго наѣзда от ляховъ. Прилѣзъшимъ же имъ подъ заборолѣ, ляховѣ пущахуть на ня каменье, акы градъ силный, но стрѣлы ратьныхъ не дадяхуть ни выникнути изъ заборолъ. И начаша побадыватися копьи, и мнози язвени быша на городѣ, ово от копий, ово

от стрѣлъ. И начаша мертви падати изъ заборолъ, эки сноповье. И тако взяша городъ, и поимаша в немь товара много, и полона бе-щисленое множество, а прокъ исѣкоша, и городъ ижжгоша, и тако возвратишася восвояси с побѣдою и честью великою.

Кондрать же князь поѣха во свой городъ, въземь на ся вѣнѣчь побѣдный, и сложивъ с себе соромоту помочью брата своего Володимера.

А Василько князь поиде к Берестью со множествомъ полона, и посла предъ собою вѣсть к осподину своему князю Володимирови. Володимеръ же бяше печалуя по велику, зане не бяшеть вѣсти от полку его. Посем же приде ему вѣсть от полку его, оже вси добрѣ сдоровѣ идуть с честью великою. Володимѣръ же радъ бысть повелику, оже дружина его вся цѣла, а соромови брата своего Кондрата одолѣвъ.

Токмо и два бяста убита от полку его, не подъ городомъ, но во изгонѣ: он же бяше прусинъ родомъ, а другий бяшеть дворный его слуга любимы, сынъ боярьский Михайловичь именемь Рахъ.[472] Убийство же ею сиче скажемь. Бысть идущим полкомъ мимо Сохачевъ город, в се же время выѣхалъ бяшеть князь Болеславъ вънъ и-Сохачева, ловя того, абы кдѣ ударити на розгонѣ. Володимеръ же князь указалъ бяшеть своим воеводамъ тако: Василкови и Желиславу и Дунаеви не роспущати воеватъ, но поити всимъ к городу. Си же утаивьшеся от рати и ѣхаша на село, человѣкъ со тритьчать, и Блусъ с ними же Юрьевъ, и поемше дорогу от села, оже челядь бѣжала к лѣсу. И поѣхаша по нихъ. И в то время удари на нихъ Болеславъ с ляхы. Дружина же ею не стѣрпѣвше, устремишася на бѣгъ вси со Блусомъ. Си же два не побѣгоста, Рахъ су прусиномъ, но створиста дѣло достойно памяти, и начаста ся бити мужескы. Прусинъ съѣхася с Болеславомъ, ту убитъ бысть от многых, а Рахъ уби боярина добра Болеславля, ту же и самъ прия конѣчь подобный. Сии же умроста мужественымь сердцемъ оставлеша по собѣ славу послѣднему вѣку.

Посем же Володимѣръ поѣха из Берестья до Володимѣря.

Въ лѣто 6790. Пришедшу оканьному и безаконьному Ногаеви и Телебузѣ[473] с нимь на угры в силѣ тяжьцѣ во бе-щисленомъ множьствѣ. Вѣлѣша же с собою поити рускимъ княземь Львови, Мьстиславу, Володимѣру, Юрьи Львовичь. Володимеръ же бяше тогда хромъ ногою и тѣмь не идяше, зане бысть рана зла на немь, но посла рать свою съ Юрьемь, сыновцем своимъ. Тогда бо бяхуть князи русции в

воли татарьской, и тако поидоша вси, токмо и одинъ Володимѣръ остася, зане бысть хромъ.

Болеслав же бяшеть еще гордяся своимъ безумьем, усмотрѣвъ веремя таково, пришедъ во дву сту, воева около Щекарева, и взя десять селъ. И тако идяшеть назадъ с великою гордостью, творяшеть бо ся, аки всю землю вземь.

Посем же Левъ отпущенъ бысть, вшед во Угорьскую землю, и приѣха домовь, и сжалиси о бывшемь, оже Болеславъ воевалъ его землю, и посла ко брату своему Володимерови, река ему тако: «Брате, сложимъ с себе соромъ сѣй, пошли возведи литву на Болеслава». Володимеръ же посла Дуная возводить литвы. Литва же обѣщася ему тако створити, и ркуче: «Володимере, добрый княже правдивый, можемъ за тя головы своѣ сложити! Коли ти любо, осе есмы готовы». Левъ же и Володимиръ нарядиста свою рать. И пришедшимъ имъ к Берестью, ожидающимъ литвы, литва же не приспѣ на рокъ. Левъ же и Володимѣръ сама не идоста, но посласта воеводы: Левъ посла со своею ратью Тюима и Василка Белжянина и Рябця, а Володимѣръ посла со своею ратью Василка князя, и Желислава, и Оловянъца, и Вишту.[474] И тако поидоша на Болеслава, и начаша воевати около Вышегорода, и поимаша чѣляди бе-щисленое множьство, и скота и коний.

Посем же придоша литва ко Берестью и начаша молвити князю Володимерови: «Ты насъ возвелъ, да поведи ны куда, а се мы готовы, на то есмы пришли». Князь же нача *думати*, абы куда ѣ повести, своя бо рать ушла бяшеть уже далече на Болеслава, а уже рѣкы ростѣкаються. И воспомяну Володимѣръ, оже преже того Лестко, пославъ люблинѣць, взялъ бяшеть у него село на Въкраиници,[475] именемь Воинь,[476] и напоминася ему Володимиръ о томь много, абы ему воротилъ челядь. Онъ же не вороти ему челяди его. За се же посла на нь литву, и воеваша около Люблина и поимаша челяди множьство и ополонившеся и тако поидоша назадъ с честью.

Посем же приде рать Лвова и Володимѣрова с честью великою, вземше полона многое множьство.

И тако розиидошася когождо восвояси.

Въ прежереченая лѣта, коли Лестько взя Перевореськъ, городъ Лвовъ, тоже ляховѣ воеваша у Берестья по Кроснѣ,[477] и взяша селъ десять, и поидоша назадъ. Берестьяни же собрашася и гнаша по нихъ. Бяшеть бо ляховъ двѣстѣ, а берестьянъ 70, бяшеть бо у нихъ воевода Титъ, вездѣ словый мужьствомъ: на ратѣхъ и на ловѣхъ. И тако угонивъше ѣ и бишася с ними. Божиею же милостью побѣдиша берестьянѣ ляхы, и *убишя* ихъ 80,[478] а другия поимаша. А полонъ свой отполониша, И тако придоша во Берестий со честью, славяще Бога и пречистую его Матерь во вся вѣки.

Мы же на прежняя возвратимся.

Бысть идущу оканьному и безаконьному Ногаеви и Телебузѣ с нимь, воевавшима землю Угорьскую: Ногай поиде на Брашевъ, а Телебуга поиде поперекъ гору, што бяшеть переити треими деньми, и ходи по 30 дний, блудя в горахъ, водимъ гнѣвомъ Божиимъ. И бысть в них голодъ великъ, и начаша людие ѣсти, потом же начаша и сами измирати, и умре ихъ бе-щисленое множьство. Самовидчи же тако рекоша: умерших бысть сто тысячь. Оканьный же и безаконьный Телебуга выиде пѣшь со своею женою, об одной кобылѣ, посрамленъ от Бога.

Бысть же по сихъ Болеславу князю, ѣще исполнившуся своего безумья, и не престаяшеть злое творя Володимѣру князю и Юрьеви. Володимеръ же и Юрьи начаста рать свою наряжати на Болеслава. Володимиръ же пославъ и литву възведе. И тако поидоша вси. И Юрьи князь с ними же идяше на Болеслава. Яко быша в Мѣлницѣ, и присла к нему отець его Левъ, река ему тако: «Сыну мой Юрьи, не ходи самъ с литвою, убилъ я князя ихъ Войшелка, любо восхотять мьсть створити». Юрьи же не поиде по отнѣ словѣ, но посла рать свою. И тако шедше взяша Сохачевъ городъ, и поимаша в немь товара много, и челяди, а прокъ иссѣкоша и тако ополонишася и поидоша восвояси.

Въ лѣто 6791. Хотящу поити оканьному и безаконьному Телебузѣ на ляхы и собравшу ему силу многу, забывшу ему казни Божиѣ, еже сбыся над нимъ во Угрѣхъ, о немже передѣ сказахомъ, и приде к Ногаеви. Бяше же межи има нелюбовье велико. Телебуга же посла ко Заднѣпрѣискымь княземь, и ко Волыньскимь: ко Лвови, и ко Мьстиславу, и к Володимѣру. веля имъ поити с собою на войну. Тогда же бяху вси князи в неволѣ татарьской. И тако поиде Телебуга на ляхы, собравъ силу многу.

Пришедшу же ему к Горинѣ,[479] и срете и Мьстиславъ с питьемь и з дары. И поиде оттолѣ мимо Кремянѣць ко Перемилю. Ту и срѣте Володимеръ князь с питьемь и с дары на Липѣ.[480] И посемь угони Левъ князь ко Бужьковичемь[481] и с питьемь и с дары. И пришедшимъ же имъ на Бужьковьское поле, и ту перезрѣша своѣ полкы. Князи же надѣяхуться избитья собѣ и городомъ взятья.

И оттолѣ поидоша к Володимѣру и сташа на Житани.[482] Телебуга же еха обьзирать города Володимѣря, а друзии молъвять, оже бы и в городѣ былъ, но то не вѣдомо. В недѣлю же минуша городъ по Микулинѣ дни,[483] на завтри день. Богъ и избави своею волею, и не взяша города. Но насилье велико творяху в городѣ, и пограбиша товара бе-щисленое множьство, и коний. И тако безаконьный Телебуга поиде в Ляхы.

Осташа же татаровѣ друзии у Володимѣра кормити либывѣи конѣ. Си же учиниша пусту землю Володимерьскую, не дадяхуть бо из города *вылѣсти* в зажитье:[484] аще ли кто выѣхашеть, овы избиша, а другия поимаша, а ныя лупяхуть и конѣ отъимахуть. И во городѣх изомре въ остою Божиимь гнѣвомъ бещисленое множество.

Идущу же Телебузѣ в Ляхы, и с нимь идоша вси князи неволею татарьскою: Левъ князь со сыномь своим Юрьемь, а Мьстиславъ со своею ратью, а Володимѣръ со своею ратью. И тако поидоша ко Завихвосту и придоша ко рѣцѣ ко Вислѣ. Река же не стала бяшеть, и не могоша еѣ переити. И поидоша во вѣрхъ ей к Судомиру, и переидоша Санъ рѣку по леду. Ту же на Сану Володимеръ воротися от нихъ назадъ. А Вислу переидоша по ледови выше Судомиря и приступиша к городу со всѣ сторонѣ, но не успѣша ничтоже. И почаша воевати землю Лядьскую, и стояша на ней 10 дний.

Тебелуга же хотяше ити ко Кракову, и не дошедъ его, воротися во Торжьку. Въсть бо приде к нему, оже Ногай попередилъ его ко Кракову прити. И про се бысть межю има болше нелюбье. И тако не снѣмавшася с Ногаемь, и поиде назадъ на Лвову землю, на городъ на Лвовъ. И стояша на Лвовѣ землѣ 2 недѣли, кормячесь, не воююче, и не дадяхуть ни из города вылѣсти в зажитье: кто же выѣхашеть из города, овы избиваша, а друзии поимаша, а иныя излупивше, пущаху нагы, а тѣи от мороза изомроша, зане бысть зима люта велми. И учиниша землю пусту всю.

Се же наведе на ны Богъ, грѣхъ ради нашихъ казня ны, а быхом ся покаялѣ злыхъ своих безаконьныхъ дѣлъ. И еще же и на конѣчь исполни на насъ гнѣвъ, и *измре* в *городѣхъ* во остою бе-щисленое множьство, друзии же изомроша в селѣхъ, вышедше из городовъ по отшествии безаконьныхъ агарянъ. Но мы на на предлежащее повзратимъся.

Ногай же оканьный не иде с Телебугою в Ляхы одиною дорогою, зане бысть межи има нелюбье велико, но иде своею дорогою на Перемышль. Пришедшу же ему к городу Кракову, и не успѣвъ у него ничтоже, якоже и Телебуга у Судомиря, но воеваше землю Лядьскую. А с Телебугою не снимася зане боястася оба: сий сего, а сей сего. И тако поидоша назадъ свое вѣжѣ: Телебуга поиде своею дорогою опять, а Ногай своею дорогою.

Тое же зимы и в ляхохъ бысть моръ великъ. Изомре ихъ бе-щисленое множество.

По отшествии же Телебужинѣ и Ногаевѣ Левъ князь сочте, колко погибло во его землѣ людий, што поимано, избито, и што ихъ Божиею волею изъмерло — полъ трѣтьи на десять тысячѣ.[485]

Въ лѣто 6792. У Юрья князя у Лвовича умре сынъ именемь Михайло.[486] Младу сущу ему, и плакашася по немь вси людье, и спрятавше тѣло его, и положиша ѣ во церкви святыя Богородица в Холмѣ, юже бѣ создалъ прадѣдъ его великий князь Данило, сынъ Романовъ.

Тое же зимы не токмо и во одиной Руси бысть гнѣвъ Божий моромъ, но и в Ляхохъ. Тое же зимы и в татарехъ изомре все кони и скоти, и овцѣ, все изомре, не остася ничегоже.

Въ лѣто 6793. Начаша повѣдати, оже в нѣмцихъ вышед море и потопило землю гнѣвомъ Божиимъ, боле шьстидесять тысячь душь потонуло, а церквии каменых одиннадесять и сто проче деревяныхъ.

Того же лѣта. Лестько Казимиричь, пославъ полкъ свой, воева князя Кондрата Сомовитовича. Князь же Кондрать, собравъ дружину свою, гна по нихъ и бися с ними, и побѣди я Божиимъ пособьемь, и многи

изби от полку Лестькова бояръ и простую чадь, и воеводу его уби Серажьского Матѣя, а свой полонъ отполони, и тако возвратися восвояси с честью великою, хваля и славя въ Троици Отца и Сына и Святого Духа и нынѣ, и *въ вся вѣки*.[487]

Въ лѣто 6794. Ходиша литва вся и жемоть вся на нѣмцѣ к Ризи. Онѣм же вѣсть бысть, и збѣгошася в городы. Они же пришедъше к городу, не воспѣвъ ничегоже, и оттолѣ же идоша на Лотыголу.[488] И доходивше города Мѣдвѣжьей Головы,[489] и не вспѣвъше у него ничтоже, и тако возвратишася восвояси, добывше мало полона.

Се же услышавше торуньсцѣи нѣмцѣ, оже жемоть вся пошла на Ригу, идоша на жемоть, помагаюче своимь нѣмцемь. И поимаша ихъ бещисленое множьство, а другия избиша, и тако придоша восвояси со множествомъ полона.

Того же лѣта преставися великий княсь Лестько Казимиричь *Краковьскый*. Епископъ же, и игумени, и поповѣ, и дьякони, спрятавше тѣло его, пѣвше обычныя пѣсни, и тако положиша тѣло его во Краковѣ городѣ во церкви Святѣй Троицѣ, и плакашася по немь вси людье, боярѣ и простии, плачемь великомъ.

Въ лѣто 6795. Посла Богъ на насъ мѣчь свой, иже послужить гнѣву своему за умножение грѣховъ нашихъ. Идущу же Телебузѣ и Алгуеви[490] с нимь в силѣ тяжьцѣ, и с ними русцѣи князи Левъ и Мьстиславъ, и Володимѣръ, и Юрьи Лвовичь, инии князи мнозии. Тогда бяхуть вси князи русции в воли татарьской, покорени гнѣвомь Божиимъ. И тако поидоша вси вкупѣ.

Володимеру же князю болну сущу, зане бысть рана послана на нь от Бога неисцѣлимая.

Идущимъ же имъ в Ляхы, и доидоша рѣкы, нарѣцаемаго Сана, Володимѣръ же князь, сотьснувъси немощью тѣла своего, и нача слати ко брату своему Мьстиславу, тако река: «Брате, видишь мою немощь, оже не могу, а ни у мене дѣтий. А даю тобѣ, брату своему землю свою всю и городы по своемь животѣ. А се ти даю при царихъ и при его рядьцахъ».[491] Мьстислав же удари челомь передъ братомъ своимъ Володимѣромъ.

И посла Володимѣръ ко брату ко Львови, ко сыновцю ко Юрьеви с тѣми словы: «Се вама повѣдаю, далъ есмь брату своему Мьстиславу землю свою и городы». Левъ же рече Володимѣру: «Тако и гораздо, оже еси далъ мнѣ. Под нимь мь ци искати по твоемь животѣ? А вси ходимъ подъ Богомъ. Абы мь далъ Богъ и своимь мочи изволодѣти в се время».

И посемь посла Мьстиславъ ко брату ко Лвови, и ко сыновцю своему, тако река: «Се же, брате мой, Володимиръ далъ ми землю свою всю и городы. А чего восхочешь? Чего искати по животѣ брата моего и своего, осе же ти цареве, а се царь, а се азъ. Молви со мною, што восхочешь». Левъ же *не рече* противу слову ничегоже.

Посем же поиде Тельбуга в Ляхы и Алгуй с нимь, вси князи, а Володимѣра воротиша назадъ, зане бысть жалостно зрѣти на нь, видячи его болна суща. И приѣха Володимѣрь, и ради быша вси людье, видяче своего господина, приѣхавша во здоровьи. И перебывъ мало дний у Володимери, и нача молвити княгини своей и бояромъ: «Хотѣлъ быхъ доѣхати до Любомля,[492] зане дѣла мь с *погаными нет*,[493] а человѣкъ есмь боленъ, ни я с ними могу повѣстити. А пояли мь уже и на печенехъ. А се мене мѣсто епископъ же Маркъ». И поѣха до Любомля, со княгинею и со слугами своими дворьними. Из Любомля поѣха до Берестья, и перебывъ во Берестьи 2 дни, поѣха до Каменца. Ту же и лежаша во болести своей, во Каменьци, и рче княгини своей и слугамь: «Олны же минеть погань си изь землѣ, то же поедемь до Любомля».

Минувшим же днемь нѣколичемь, приѣхаша слуги его к нему въ Каменѣчь, иже то были в Ляхохъ на воинѣ с татары. Володимѣръ же нача вопрашати ихъ о Телебузѣ, уже ли пошелъ и-землѣ Лядьской. Онѣм же повѣдающимъ: «Пошелъ». «А братъ ми Левъ, и Мьстиславъ, и сыновець ми — во здоровьи ли?» Онем же повѣдающимъ: «Господине, добри вси и здоровѣ, и боярѣ и слуги». Володимѣръ же о томъ похвали Бога. А Мьстислава повѣдаша, оже пошелъ с Телебугою на Лвовъ. Тогда же повѣдаше: «*Брат ти* даеть городь Всеволожь бояромь, и села роздаваеть». Володимѣру же *нелюбье* бысть велико на брата своего, и нача молвити: «Се лежю въ болести, а братъ мой придалъ ми и еще болшее болести. Мнѣ и еще живу сущу, а онъ роздаваеть городы мое и села моа. Ольны моглъ по моемь животѣ роздавати!»

И посла Володимѣръ посолъ свой со жалобою ко брату своему Мьстиславу, река: «Брате, ты мене ни на *полку*[494] ялъ, ни копьемь мя еси добылъ, ни из городовъ моихъ выбил мя есь ратью, пришедъ на мя.

Оже сяко чиниши надо мною? Ты ми братъ есь, а другий ми братъ Левъ, а сыновечь ми Юрьи, язъ же у васъ трехъ избралъ есмь тебе одиного, и далъ ти есмь землю свою всю и городы по своемь животѣ, а при моем ти животѣ не воступатися нивочтоже. Се же есмь учинилъ за гордость брата своего и сыновца своего, далъ есмь тобѣ землю свою».

Мьстиславъ же рече брату своему: «Господине,— рци,— *брате*, земля Божия и твоя, и городи твои, а я над ними не воленъ. Но язъ есмь по твоей воли, а дай ми тя Богъ имѣти, аки отца собѣ, и служити тобѣ со всею правдою, до моего живота, а бы ты, господине, здоровъ был, а болшая мь *надежа* по тобѣ, рци». И приѣха к Володимеру посолъ его в Каменець, повѣдая рѣчь Мьстиславлю. Володимѣру же люба бысть рѣчь та.

Посем же поѣха ис Каменца до Раю. Будущу же ему ту, и начатъ молвити княгини своей: «Хочю послати по брата своего по Мьстислава, а быхъ с нимъ рядъ учинилъ о землю и о городы и о тобѣ, княгини моа мила Олго, и о семь дѣтяти о Изяславѣ, иже миловахъ ю, аки свою дщерь родимую. Богъ бо не дал ми своихъ родити за мои грѣхы, но си ми бысть, аки от своее княгинѣ рожена, взялъ бо есмь ю от своее матери в пеленахъ и воскормилъ».

И посла ко брату епископа своего володимерьского Евьсѣгнья,[495] а с нимъ Борка же Оловянца,[496] и с тѣми словы река ему: «Брате, приѣдь ко мнѣ. Хощю с *тобою* рядъ учинити про все». Мьстислав же приѣха к нему в Рай со своими бояры и со слугами и с ними епископъ Володимерьский, и Борко, и Оловянець. Мьстиславъ же ста на подворьи, и повѣдаша слуги его Володимѣру: «Брат ти приѣхалъ». Оному же лежащю в болести своей, услышавъ братенъ приѣздъ, воставъ и сѣдѣ, и посла по брата. Он же приде к нему и поклонися ему. Володимеръ же нача вопрашати его о Телебузѣ, како ся дѣяло в Ляхохъ, и куда и выходъ его из Ляховъ. Он же сказа ему все по ряду бывшее, и иныи рѣчи многи повѣсти с нимь.

Мьстислав же поиде на подворье. Володимеръ же посла к нему епископа своего с Боркомь и со Оловянцемь, тако река: «Брате мой, на то и тя — рци — есмь призвалъ, хочю с тобою рядъ учинити о землю и о городы и о княгинѣ своей и о семь дѣтяти. Хочю грамоты писати». Мьстиславъ же рече епископу брата своего: «Господине — рци — брате мой, я сего ци хотѣлъ, оже бы мнѣ искати твоей землѣ по твоемь животѣ? Сего ни на сердцѣ моемь не было. Но реклъ ми есь былъ в Ляхохъ, коли есмь былѣ с Телебугою и Алгуемь, а братъ мой Левъ туто же и сыновець ми Юрьи. Ты же, господине мой братъ мой, прислалъ ко

мнѣ тако река — Мьстиславе, даю ти землю свою всю и городы по своемь животѣ».

Мьстислав же рече епископу брата своего: «Господине, рци брату, како Богу любо и тобѣ. Оже хощешь грамоты писати, како Божья воля и твоя». Епископу же пришедшю ото Мьстислава, повѣдаючи рѣчь братьню, Володимеръ же повелѣ писцю своему Федорцю писать грамоты.

Князя Володимеря рукописание. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, молитвами святыа Богородица и приснодѣвица Марья, и святыхъ ангелъ. Се язъ, князь Володимерь, сынъ Василковъ, внукъ Романовъ, даю землю свою всю и городы по своемь животѣ брату своему Мьстиславу, и столный свой городъ Володимиръ. Другую же грамоту[497] напсахъ брату своему такую же, хочю и еще и княгинѣ своей псати грамоту такую же. Въ имя Отца и Сына и Святого Духа, молитвами святыа Богородица и приснодѣвица Марья, святыхъ ангелъ. Се язъ, князь Володимѣръ, сынъ Василковъ, внукъ Романовъ, пишу грамоту. Далъ есмь княгинѣ своей по своемь животѣ городъ свой Кобрынь,[498] и с людми и з данью. Како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ать дають княгинѣ моей. Иже дал есмь ей село свое Городелъ и с мытом, а людье, како то на мя страдалѣ, тако и на княгиню мою по моемь животѣ. Аже будеть князю городъ рубити, и они к городу, а побором и тотарьщиною ко князю. А Садовое ей Сомино же далъ есмь, княгинѣ свое, и манастырь свой Апостолы же создах и своею силою, а село есмь купилъ Березовичѣ у *Юрьевича* у Давыдовича Фодорка, далъ есмь на немь 50 гривенъ кунъ, а 5 локотъ скорлата,[499] да бронѣ дощатые,[500] а тое далъ есмь ко Апостоламъ же. А княгини моа по моемь животѣ, оже восхочеть в черничѣ поити, поидеть, аже не восхочеть ити, а како ей любо. Мнѣ не воставши смотрить.что кто иметь чинити по моемь животѣ».

Посем же посла Володимѣрь ко брату, тако река: «Брате мой Мьстиславе, цѣлуй ко мнѣ хрестъ на томъ, како ти не отъяти ничегоже ото княгини моей по моемь животѣ, что есмь ей далъ, и от сего дѣтища, от Изяславы же, не отдать еѣ неволею низакогоже, но кдѣ будеть княгинѣ моей любо, тутоть ю дати». Мьстиславъ же рече: «Господине — рчи — брате, не дай ми Богъ того, оже бы мнѣ отъяти что по твоемь животѣ у твоей княгинѣ и у сего дѣтища, но дай ми Богъ имѣти свою ятровь, аки достойную матерь собѣ и чтити. А про се дѣтя, оже сяко молвишь, абы ю Богъ того довелъ, дай ми ю Богъ отдати, аки свою дщерь родимую». И на томъ крестъ челова.

Се же дѣяшеть Федоровы недели.[501] Взем же рядъ с братомь, поѣха до Володимѣря. И приѣха Володимѣрь, ѣха во пископью ко святѣ Богородици, и созва бояры володимѣрьскыя брата своего, а мѣстичѣ русци и нѣмцѣ, и повелѣ передо всими чести грамоту братну о даньи землѣ и всѣх городовъ, и столного города Володимѣря, и слышаша вси от мала и до велика. Епископъ же володимерський Евьсѣгнѣй и благослови Мьстислава крестомъ воздвизалнымъ на княжение володимѣрьское. Хотяшеть бо уже княжити в Володимѣрѣ, но братъ ему не да, тако река: «Моглъ ольны по моемь животѣ княжити». Мьстислав же пребывъ несколько дний у Володимѣри, ѣха во свои городы: в Луческъ и в Дубенъ,[502] и во иныи городы, ихже не псахъ.

Володимѣръ же приѣха из Раю в Любомль, ту же и лежаше всю зиму в болести своей, росылая слуги своѣ на ловы. Бяшеть бо и самъ ловечь добр, хороборъ, николиже ко вепреви и ни к медвѣдеве не ждаше слугъ своих, а быша ему помогли, скоро самъ убиваше всяки звѣрь. Тѣм же и прослулъ бяшеть по всей землѣ, понеже далъ бяшеть ему Богъ вазнь не токмо и на одиныхъ ловехъ, но и во всемь, за его добро и правду. Но мы на предлежащее возвратимся.

Наставшу же лѣту, и услыша Конъдрать князь Сомовитовичь, братъ Володимѣровъ, оже далъ землю свою всю и городы, присла к Володимѣрю посолъ свой, река тако: «Господине братъ мой, ты же ми былъ во отца мѣсто. Како мя еси держалъ подъ своею *рукою*, своею милостью, тобою есмь, господине, княжилъ и городы своѣ держалъ, и братьи своей отъялъся есмь и грозенъ былъ. И нынѣ, господине, *слышалъ* есмь, оже еси далъ землю свою всю и городы брату своему Мьстиславу, а надѣюся на Богъ и на тя, абы ты, господинъ мой, послалъ свой посолъ с моимъ посломъ ко брату своему Мьстиславу, абы мя, господине, со твоею милостью приялъ братъ твой подъ свою руку и стоялъ бы за мя во мою обиду, *како* ты, господинъ мой, стоялъ за мною во мою обиду».

Володимеръ же посла ко брату своему Мьстиславу, тако река: «Братъ мой, самъ вѣдаешь, како есмь имѣлъ брата своего Кондрата и честилъ и дарилъ, а в обиду его стоялъ есмь за нимъ, како и за собою. Абы ты тако же мене дѣля приялъ и с любовью подъ свою руку и стоялъ за нимъ во его зло». Мьстиславъ же обѣчася *тако створити* Володимиру, тако река: «Брате мой, радъ тебе дѣля приимаю с любовью под свою руку, а в обиду его дай ми Богъ голову свою сложити за нь». И по семь присла Мьстиславъ к Володимеру, река ему: «Хотѣл ся быхъ сняти со Кондратомъ, а докладываю Бога и тебе, како ми велишь». Володимеръ же рече: «Соимися с нимъ». Мьстислав же посла посолъ свой ко Кондратови, река: «Хочю ся сняти с тобою, приедь ко мнѣ». И приѣха посолъ Мьстиславль, повѣдая речь Мьстиславлю Володимеру. И возрадовася о семь.

Посемь поѣха Кондратъ ко Мьстиславу. И приѣха во Берестий, и посемь приѣха в Любомль. Повѣдаша Володимѣру слуги его, рекуче: «Брат ти, господине, приѣхалъ Кондратъ». Онъ вѣлѣ ему прити к собѣ. Кондратъ же приде к Володимеру, идеже лежаше в болести своей, крѣпко стража. И вшедъ поклонися ему и плакася по велику, видя болесть его и унынье тѣла его краснаго. Повѣстивъ же со братомъ рѣчи многии, о нѣхже передѣ писахомъ, иде на подворье. Володимѣръ же присла конь свой ему добрый. Обѣдавъ же и поеха до Володимѣра, из Володимѣря же поѣха ко Луцку.

Бывшу же ему в Луцки, Мьстиславу же не сущу ту, но близъ города нѣкоемь мѣстѣ, именемь в Гаи. Мѣсто же то красно вѣдѣниемь и устроено различными хоромы. Церкви же бяше в немь предивна, красотою сияющи. Тѣм же угодно бысть князю пребывати в немь. И поѣха Кондратъ из Луцка в Гай. Мьстислав же срѣте с бояры своими и со слугами и прия с честью и с любовью подъ свою руку, по братню слову по Володимѣрову, тако река: «Како тя имѣлъ братъ мой, и честилъ, и дарилъ, а мнѣ дай Богъ тако же имѣти тя, и честити, и дарити, и стояти за тобою во твою обиду». И посемь начаша веселитися. Мьстиславъ же одаривъ Кондрата конми красными и в сѣдлѣхъ в дивных, и порты дорогими, ины дары многи вдавъ ему, и тако отпусти со честью.

По отъѣзде же Кондратовѣ из Любомля, пригна Ярътакъ ляхъ из Люблина. И повѣдаша Володимерови: «Ярътакъ приехалъ». И не вѣле ему перед ся, но рече княгини своей, иже: «Роспроси его, с чимь приѣхалъ». Княгини же посла посла по нь. Он же приде вборзѣ. И нача вопрошати его: «Князь ти молвить: с чимь есь приѣхалъ, повѣжь». Онъ же нача повѣдити: «Князь Льстко мертвъ». Володимиръ же сжаливося и росплакася по немь. «А прислали мя *люблинцы*, хотять князя Кондрата княжить во Краковъ. А наборзи хочю найти Кондрата. Кдѣ будеть?» Княгини же, вшедши, повѣдѣ рѣчь Ярътакову. Володимѣръ же велѣ *дати* подо нь конь, его бо конѣ пристали бѣхуть. И погна вборьзѣ.

И наиде и в Володимѣрѣ, и нача молвити Кондратови: «Князь Лестько мертвъ, а прислали мя люблиньци. Поедь княжить к намъ до Кракова». Кондратъ же возвеселися сердцемь и возрадовася душею о княженьи Краковоском. И поѣха вборзѣ, и приѣха во Любомль, хотяшеть бо *посѣдѣти*[503] со братомъ о томъ, абы ему како погадалъ. Володимѣръ же не вѣлѣ ему к собѣ прити, но рече княгинѣ своей: «Иди же повѣсти с нимь, та отряди и, ать поѣдеть прочь, а у мене ему нѣ что дѣяти». Княгини же вшедши повѣда рѣчь Кондратову: «Брат ти, господине, молвить: пошли со мною своего Дунаа, ать ми честьно».

И поѣха вборзѣ к Люблину.

Приехавшу же ему к Люблину, и запроша ляховѣ городъ, а Кондрата не пустиша к собѣ. И ста Кондратъ на горѣ у мниховъ. И посла к горожаномъ, тако река: «На что мя есте привели, да нынѣ городъ есть передо мною затворилѣ?» Горожани же рекоша: «Мы тебе не привели и ни слалѣ по тя, но голова намъ Краковъ, тамо же и воеводы наши и бояри велиции. Оже имешь княжити во Краковѣ, то ть мы готовѣ твои».

Посем же повѣдаша Кондратови: «Рать идеть к городу». Творяхуть бо рать литовьскую и пополошишася. И выбѣже Кондратъ во столпъ ко мнихомъ с бояры своими и слугами, и Дунай Володимировъ с нимь. Рати же пришедши к городу, познаша, оже руская рать. Кондратъ же воспроси ратьныхъ: «Кто есть воевода в сей рати?» Они же повѣдаша: «Князь Юрьи Лвовичь. Хотяшеть бо собѣ Люблина и землѣ Люблиньской».

И приѣха Юрьи к городу. Горожани же не подаша ему города, но пристравахуться крѣпко на бой. Юрьи же позна лесть ихъ. Онѣм же молвящимъ: «Княже, лихо ѣздишь, рать с тобою мала. Приедуть ляховѣ мнозии, соромъ ти будеть великъ». Юрьи же слышавъ си *слова* от нихъ, роспусти дружину свою воевать, и взяша полона много, а жита пожгоша и села, и не остася ни в лѣсѣхъ, но все пожьжено бысть ратными. И тако возвратися восвояси со множествомъ полона, челяди, и скота, и коний.

А Кондратъ поѣха восвояси, вземь собѣ соромъ великъ, лѣпши бы не живъ былъ.

Посем же мятежь бысть великъ в землѣ Лядьской.

Въ лѣто 6796. Присла Юрьи Лвовичь посолъ свой ко строеви своему ккязю Володимеру, река ему: «Господине строю мой, Богъ вѣдаеть и ты, како ти есмь служилъ со всею правдою своею, имѣл тя есмь аки отца собѣ. Абы тобѣ сжалилося моее службы. А нынѣ, господине, отець мой прислалъ ко мнѣ, отнимаеть у мене городы, что ми былъ далъ: Белзъ, и Червенъ, и Холмъ. А велить ми быти в Дорогычинѣ и в Мѣлницѣ. А бью челом Богу и тобѣ, строеви своему,— дай ми, господине, Берестий, то

бы мь с полу было». Володимеръ же рче послу: «Сыновче,— рци — не дамь. Вѣдаешь самъ, оже я не двою рѣчью, ни я пакъ ложь былъ, а Богъ вѣдаеть, и вся подънебесная, не могу порушити ряду, что есмь докончалъ с братомъ своимъ Мьстиславомъ. Далъ есмь ему землю свою всю и городы, и грамоты есмь пописалъ». С тѣми словы отряди посла сыновца своего.

Посем же посла Володимѣръ слугу своего доброго вѣрного, именемь Ратчьшю,[504] ко брату своему Мьстиславу, тако река: «Молви брату моему: прислалъ — рци — ко мнѣ сыновѣчь мой Юрьи просить у мене Берестья, азъ же ему не далъ ни *города*, ни села, а ты — рчи — не давай ничегоже». И земь соломы в руку от постеля своее, рече: «Хотя быхъ ти — рци — братъ мой тотъ вѣхоть соломы далъ, того не давай по моемь животѣ никомуже». Рачьша же изнаиде Мьстислава во Стожьцѣ и сказа ему рѣчь братню. Мьстислав же удари челомь противу словомъ брата своего, река: «Ты же ми брать, ты же ми отець мой, Данило король, оже мя еси приялъ подъ свои руцѣ. А что ми велишь, а я радъ, господине, тебе слушаю». Рачьшга же одаривъ отпусти. И приѣхавъ, сказа все по ряду Володимѣру.

Присла же потомь ко Володимеру Левъ епископа своего перемышлескаго, именемь Мемнона. Слуги же его повѣдаша ему: «Владыка, господине, приѣхалъ». Онъ же рече: «Который владыка?» Они же повѣдаша: «Перемышлеский. Ѣздить от брата ть ото Лва». Володимѣръ же бѣ разумѣа древняя и задняя, на што *приѣхалъ* посла по него. Он же воиде к нему и поклонився ему до землѣ, река: «Братъ ти ся кланяеть». И велѣ ему сѣсти, и нача посолъство правити. «Брат ти, господине, молвить: стрый твой Данило король, а мой отець, лежить в Холмѣ у святѣй Богородици, и сыновѣ его, братьа моа и твоя, Романъ и Шварно, и всихъ кости туто лежать. А нынѣ, брате, слышимъ твою немочь великую. Абы ты, брат мой, не изгасилъ свѣчѣ надъ гробомъ стрыя своего и братьи своей, абы далъ городъ свой Берестий — то бы твоя свѣща была». Володимѣръ же бѣ разумѣя *притъчѣ* и темно слово, и повѣстивъ со епископомъ много от книгъ, зане бысть книжникъ великъ и *философъ*, акого же не бысть во всей земли, и ни по немь не будеть. И рче епископу: «Брате,— рци,— Лве княже, ци без ума мя творишь, оже быхъ не разумѣлъ сей хитростии? Ци мала ть — рци — своя земля, оже Берестья хочешь? А самъ держа княжения три: Галичкое, Перемышльское, Бельзьское. Да нѣту ти сыти! А *се* пакъ мой — рци — отець, а твой стрый лежить во епископьи и у святой Богородици в Володимерѣ, а много ль есь над нимь свѣчь поставилъ? Что есь далъ который городъ, абы то свѣча была? Оже — рци — просилъ еси живымъ, а уже пакъ мертвымъ просиши. Не дам не — реку — города, но ни села не возмешь у мене. Розумѣю я твою хытрость. Не дамь». Володимерь же, одаривъ владыку, отпусти и, зане бысть не бывалъ у него николиже.

Князю же Володимеру Васильковичу великому, лежащу в болести 4 лѣта, болезнь же его сице скажемь.

Нача ему гнити исподняя уустна, первого лѣта мало, на другое и на третьее болма нача гнити, и еще же ему не вельми болну, но ходяшь и ездяшеть на конѣ.

И розда убогым имѣние свое: все золото и серебро и камение дорогое, и поясы золотыи отца своего и серебряные, и свое, иже бяше по отци своемь стяжалъ, все розда. И блюда великаа сребрянаа, и кубькы золотые и серебряные самъ передъ своима очима поби и полья в гривны. И мониста великая золотая бабы своей и матери своей все полья и розъсла милостыню по всей земли, и стада роздая убогымь людемь, у кого то коний нѣтуть, и тѣмь, иже кто погибли в Телебузину рать.

Къ сему же кто исповѣсть многые твоя и нещаныа милостыня и дивныя щедроты, яже ко убогымь творяше и к сиротамъ, и к болящимъ, и ко вдовичамъ, и къ жадным? И ко всимъ творяще милость требующимъ милости. Слышалъ бо бѣ глас Господень ко Навьходъносору царю: «Свѣтъ мой да будет ти вгоденъ и неправды твоя щедротами нищихъ»; еже слыша ты, о честниче, дѣломъ скончa слышаное: просящимъ подаа, нагыя одѣвая, жадныя и алъчныа насыщая, болящимъ всяко утѣшение посылая, долъжныя искупая. Твоя бо щедроты и милостыня нынѣ во человецѣхъ поминаемы суть, паче же пред Богомъ и ангелы его. Еяже ради добропрелюбныа Богомъ милостыня и много дерьзновенье имѣеши к нему, яко присный рабъ Христовъ. Помогаеть ми словесы рекы: «Милость хвалиться на судѣ, милостини мужю, акы печать с нимь». Вѣрние же самого Господа глаголъ: «Блажении милостивии, яко тѣи помиловани *будуть*». Ино же яснѣе и вѣрние послушьство приведемь о тебе от святыхъ псаний, реченое Яковомъ апостоломъ, яко: «Обративы грѣшника от заблужения путии его спасеть и душю, и покрыеть множьство грѣховъ».[505] Ты же и церкви многи Христовы поставль, и служителя его введъ, подобниче великого Костянтина, равноумне и равнохристосолюбче, равночестителю служителемь его: онъ со святими отци Никейского сбора законъ человѣкомъ полагаше, ты же со епископы и игумены снимаася часто со многимъ смирениемь,[506] много бѣсѣдоваше от книгъ о житьи свѣта сего тлѣньнаго. Но мы на предлежащее возвратимся.

Исходящу же четвертому лѣту, и наставши зимѣ, и нача болми немочи. И опада ему все мясо с бороды, и зуби исподнии выгниша вси, и челюсть бороднаа перегни. Се же бысть вторы Иевъ. И вниде во церковь святаго и великаго мученика Христова Георьгия,[507] хотя взяти

причастье у отца своего духовнаго. И вниде во олтарь малый, идеже ерѣи совлачаху ризы своа. Ту бо бяшеть ему обычай всегда *ставати*. И сѣде на столцѣ, зане не *можаше* стояти от немочи. И воздѣвъ руцѣ на небо, моляшеся со слезами, глаголя: «Владыко Господи Боже мой, призри на немощь мою и вижь смирение мое, одержащаа мя нынѣ, на тя бо уповая, терьплю о всихъ сихъ. Благодарю тя, Господи Боже: благая прияхъ от тебе в животѣ моемь, то злыхъ ли не могу терпѣти? Яко державѣ твоей годѣ, тако и бысть. Яко смирилъ еси душю мою, во царствии твоемь причастника мя створи молитвами Пречистыя твоея Матери, пророкъ и апостолъ, мученикъ, всихъ приподобных святы отець, якоже и тии пострадавша и, угожьше тобѣ, искушени быша от дьявола, яко злато в горнилѣ, ихже молитвами, Господи, избраньномь твоемь стадѣ, с десными мя овцами[508] причти». Пришедшю же ему от церкви и леже потомь, вонъ не вылазя. Но болми нача изнемогати. И опада ему мясо все с бороды, и кость бородная перегнила бяшет, и бысть видети гортань. И не вокуша по семь недѣль ничегоже, развѣе одиное воды, и то же по скуду. И бысть в четвергъ на ночь, поча изнемогати, и яко бысть в куры, и позна в собѣ духъ изнемогающ ко исходу души, и возрѣвъ на небо и воздавъ хвалу Богу, глаголя: «Бесмертный Боже, хвалю тебе о всемь! Царь бо еси всим. Ты единъ во истину подая всей твари всебогатьствомь наслажение. Ты бо створивъ мира сего, ты соблюдаешь, ожидаа душа, яже посла, да добру жизнь жившимь почтеши, яко Богъ, а еже не покорившуся твоимъ заповѣдемь, предаси суду. Всь бо суд праведный от тебе, и бес конца жизнь от тебе, благодатью своею вся милуешь притѣкающая к тебе». И кончавь молитву, воздѣвъ руцѣ на небо, и предасть душю свою в руцѣ Божии, и приложися ко отцемь своим и дѣдомъ, отдавъ общий долгъ, егоже нѣсть убѣжати всякому роженому. Свѣтающю же пятку, и тако преставися благовѣрный христолюбивый великий князь Володимѣръ, сынъ Василковъ, внукъ Романовъ, княживъ по отци 20 лѣт. Преставление же его бысть во Любомли городѣ в лѣто 6797, месяца декабря во *10* день,[509] на святаго отца Мины. Княгини же его[510] со слугами дворьными, омывше его, и увиша и оксамитомъ[511] со круживомъ, якоже достоить царемь, и возложиша и на сани, и повезоша до Володимѣря. Горожаномъ же от мала и до велика, мужи, и жены, и дѣти с плачемь великимъ проводиша своего господина.

Привезъшимъ же и во Володимѣрь у епископью ко святоѣ Богородици, и тако поставиша и на санѣхъ во церкви, зане бысть поздно. Того же вечера по всему городу увѣдана бысть смерть княжа.

Наутрѣя же по отпѣтьи заутрении приде княгини его, и сестра ему Олга,[512] и княгини Олена,[513] черничи, с плачемь великимъ приидоша, и весь город сойдеся, и бояри вси стари и молодии, плакахуся над нимь. Епископъ же володимерьский Евьсѣгнѣй и вси игумени, и Огапитъ, печерьский игуменъ, и поповѣ всего города, пѣвше над нимь обычныа пѣсни, и проводиша и со благопохвалными пѣснми и кадилы доброволньными, и положиша тѣло его во отни гробѣ, и

плакашася по немь володимерчи, поминающи его добросердье до себе. Паче и слугы его плакахуся по немь слезами обливающи личе свое, и послѣднюю службу створьше ему, опрятавше тѣло его, вложиша и во гробъ, месяца декабря во 11 день, на память святаго Данила Столпъника, в суботу.

Княгини же его бесрпестани плакашеся, предстоящи у гроба, слезы от себе изливающи, аки воду, сиче вопиюще, глаголюще: «Царю мой благый, кроткий, смиреный, правдивый! Воистину наречено бысть тобѣ имя во крещеньи Иван,[514] всею добродѣтелью подобенъ есь ему. Многыа досады приимъ от своихъ сродникъ. Не видѣхъ тя, господине мой, николиже противу ихъ, злу никоторогоже зла воздающа, но на Бозѣ вся покладывая».

Провожаше наипаче же плакахуся по немь лѣпшии мужи володимерьстии, рекуче: «Добрый ны господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ бяшеть от всихъ обидъ, ты же бяше, господине, сему поревновлъ и наслѣдилъ путь дѣда своего. Нынѣ же, господине, уже к тому не можемь тебе зрѣти, уже бо солнче наше зайде ны, и во обидѣ всѣх остахомъ».

И тако плакавшеся надъ нимь все множество володимерчевъ: мужи, и жены, и дѣти, нѣмци, и сурожьцѣ, и новгородци, и жидове *плакахуся*, аки и во взятье Иерусалиму, егда ведяхуть я во полонъ Вавилоньский, и нищии и *убозии*, и черноризчи. Бѣ бо милостивъ на вся нищая.

Сий же благовѣрный князь Володимѣрь возрастомь бѣ высокь, плечима великь, лицемь красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый, рукы же имѣя красны и ногы, рѣчь же бяшеть в немь тольста, и устна исподняя добела. Глаголаше ясно от книгъ, зане бысть философъ великъ. И ловечь хитръ хороборъ. Кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мьздоимѣць, не лживъ, татьбы ненавидяше, питья же не пи от воздраста своего. Любь же имѣяше ко всимъ, паче же и ко братьи своей, во хрестьном же целованьи стояше со всею правдою истиньною, неличемѣрною, страха же Божия наполненъ, паче же милостыни предлежаше, манастыря набдя, черньцѣ утѣшаа и вси игуменѣ любью приимая. И манастыря многи созда, на всь церковный чинъ и на церьковникы отверзлъ ему бяшеть Богъ сердце и очи, иже не помрачи своего ума пьяньствомъ, кормитель бо бяшеть черньцемь и черничамъ, и убогимъ, и всякому чину, яко возлюбленый отцемь бяшеть. Паче милостынею бяше милостивъ, слыша Господа, глаголюща: «Аще створите братьи моей меншей, то и мнѣ створисте», пакы Давидъ *глаголеть*: «Блажень мужь милуя и дая всь день о Господѣ не

потькнеться». Мужьство и умь в немь живяше, правда же и истина с нимь ходяста, иного добродѣанья в немь много бѣаше, гордости же в немь не бяше, зане уничижена есть гордость предъ Богомъ и человѣкы, но всегда смиряше образъ свой скрушенымъ сердцемь, и воздыхание от сердца износя, и слезы от очью испущаше, покаяние Давыдово[515] приимъ, плачася о грѣсех своих, возлюбивъ нетлѣнная паче тлѣньных, и небесная паче временьных, и царство со святыми у Вседержителя Бога паче притекущаго сего царства земнаго. И чести тя обѣщника Господь на небесехъ сподоби благовѣрья твоего ради, еже имѣ в животѣ своемь, добръ послухъ благовѣрью твоему, обителниче святая, церькви святая Богородица Марья, юже созда прадѣдъ твой на правовѣрнѣй основѣ, идеже и мужественое твое тѣло лежить, жда трубы архангеловы. Добрѣ зѣло послухъ брат твой Мьстилавь, егоже сотвори Господь намѣстника по тобѣ твоему владычеству, не рушаща твоих уставъ, но утверждающа, ни умаляюща твоему благовѣрью положения, но паче прилагающа, не казняща, но вчиняюща, иже нескончанаа твоя учиняюща, аки Соломонъ Давида, иже в домь Божий великый и святый его мудростью созда на святость и очищение граду твоему, иже всякою красотою украси, златомь и сребромъ и каменьемь драгимъ, и сосуды честными, яже церкви дивна и славна всѣмъ окружнымъ сторонам, акаже ина не обрящеться во всей полунощий земля от востока и до запада. И славный городъ твой Володимерь, величествомь, акы вѣнчемь, обложенъ! Преда люди твоя и городъ святѣй *славнѣй* и скорѣй на помощь христьяномъ святѣй Богородици. Да еже челование архангелово дасть Богородици,— будеть и городу сему. Ко оной бо: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!», к городу же «Радуйся, благовѣрный городе, Господь с тобою!»

Востани от гроба твоего, о честная главо, востани, отряси сонъ, нѣси бо умерлъ, но спишь до обыдаго востания! Востани, *нѣси* бо вьмерлъ! Нѣсть бо ти умерети, лѣпо вѣровавшу во Христа, всему миру живодавча. Отряси сонъ! Возведи очи, да видиши, какоя тя чести Господь тамо сподобив постави. И на землѣ не бес памяти тя поставилъ[516] братомь твоимь Мьстиславомъ. Востани, видь брата твоего, *красящаго* столъ земля твоея и зрениа сладкаго лице его насыщаася. Моли о земли брата своего преданиа ему тобою, и о людех, в нихже благовѣрно владычьствова, да съхраниши я въ мирѣ и въ благовѣрии, и да славитися в нем правовѣрию и да блюдеть Господь Богъ от всякоя рати и преданиа, и от голода, нашествиа иноплеменникь, и от усобныа рати. Паче же помолися о братѣ своем Мьстиславѣ, добрыми дѣлы без соблазна Богом данныа ему люди управившю, стати с тобою непостыдно пред престолом Вседръжителя Бога, и за труд паствы людий его приати от него вѣнець славы нетлениа съ всѣми праведными. Аминь.[517]

К сему же вижь и благовѣрную свою княгиню, како благовѣрье держить по преданью твоему, како покланяеться имени твоему. Вѣде же, яко аще не тѣломь, но духомъ показаеть ти Господь вся си, яко твое вѣрное

вьсѣанье нѣ исушено бысть зноем невѣръя, но дождемь Божия поспѣшения расположено бысть многоплоднѣ.[518]

Радуйся, учителю нашь и наставниче благовѣрья! Ты правдою бѣ оболченъ, крѣпостью препоясанъ, и милостынею, яко гривною, утварью златою, украсуяся, истиною *обвитъ*, смысломъ вѣнчанъ! Ты бѣ, о честная главо, нагимъ одѣние, ты бѣ алчющимъ коръмля и жажющим в*ъ оутробѣ охлажение*, вдовицамъ помощникъ, и страньнымъ покоище, беспокровнымъ покровъ, обидимымъ заступникъ, убогымъ обогатѣние, страненъприимникъ, имже благымъ дѣломъ инѣмь возмѣздье приемля на небесѣх благая, яже уготова Богъ любящимъ Отца и Сына и Святаго Духа.[519]

Князь же Володимеръ въ княжении своемъ многы городы зруби по отци своем. Зруби Берестий, и за Берестиемъ зруби город на пустом мѣстѣ, нарицаемѣм Льстнѣ,[520] и нарече имя ему Каменець,[521] зане бысть камена земля. Създа же въ нем столпъ каменъ высотою 17 саженей, подобенъ удивлению всѣм зрящим на нь. И церковь постави Благовѣщениа святыа Богородица, и украси ю иконами златыми, и съсуды скова служебныа сребрены, и Еуаглие опракос[522] оковано сребром, Апостолъ опракось, и Парамья,[523] и Съборникь отца своего туто же положи, и кресть въздвизалный[524] положи. Такоже и у Бѣлску поустрои церковь иконами и книгами. У Володимери же списа святаго Дмитреа всего и съсуды служебные сребряные скова, и икону пресвятыа Богородица окова сребром с камениемь дорогым, и завѣсы золотом шиты, а другые оксамитные съ дробницею,[525] и всѣми узорочии украси ю. У епископъи же у святоа Богородица образ Спаса велика окова сребром, Еуаглие списавь и окова сребром и да святой Богородици, и апостолъ списа опракос, святой Богородици да, и съсуды служебныя жьженого золота съ камениемь драгым Богородици же да. Образ Спасовь, окованъ золотом съ драгым камением, постави у святоа Богородица въ память събѣ. Въ манастырь въ свой Апостолы да Еуаглие опракос и Апостолъ, сам списавь, и Съборникь великый отца своего туто же положи, и кресть въздвизалный и молитвеникь да. Въ епископью перемышльскую да Еуаглие опракос, окованно сребром съ женчюгом, сам же съписал бяше. А до Чернѣгова пославь въ епископью Еуаглие опракос золотом писано, а окованно сребром съ женчюгом, и среди его Спаса с финиптом.[526] Въ Луцкую епископью да кресть велик сребрян позлотисть съ честнымъ древом.

Създа же и церкви многы. В Любомли же постави церковь каменну святаго и великого мученика Христова Георгиа, украси ю иконами коваными, и съсуды служебные сребряны скова, и платци оксамитны шиты золотом съ женчюгом, херувими и серафими, и иньдитья[527] золотом шита вся, а другаа паволокы бѣлчатое,[528] а в малую олтару обѣ иньдитьи, бѣлчатое же паволокы, Еуглие списа опракос, окова е все

золотом и камениемь дорогым съ женчюгом, и деисус[529] на нем скован от злата, цяты великы съ финиптом, чюдно видением, а другое Еуаглие опракос же волочено оловиром,[530] и цяту възложи на не с финиптом, а на ней святаа мученика Глѣбь и Борисъ. Апостолъ опракос, Прологы[531] списа 12 месяца, изложено житиа святых отецъ, и дѣаниа святых мученикь, како вѣнчашася своею кръвию за Христа, и мѣнеи 12 списа, и триоди, и охтаи, и ермолои. Списа же и служебникъ святому Георгию, и молитвы вечернии и утрьнии списа особь молитвеника. Молитвеник же купил в протопопиное и да на нем 8 гривен кун, и да святому Георгию, кадилници двѣ, одина сребрена, а другаа мѣденаа, и кресть въздвизалный да святому Георгию, икону же списа на золотѣ намѣстную[532] святого Георгиа и гривну[533] златую възложи на нь съ женчюгом, и святую Богородицю списа на золотѣ же намѣстную, и възложи на ню монисто золото с камением дорогъм, и двери солиа мѣдяные, почалъ же бяше писати ю и списа всѣ три олтарѣ, и шия вся съписана бысть, но не скончана, заиде бо и болесть.

Полиа же и колоколы дивны слышаниемь, такых же не бысть въ всей земли. В Берестии же създа стлъпь каменъ, высотою, яко и Каменецькый. Постави же и церковь святого Петра, и Евангелие да опракос оковано сребром, и служебные съсуды скованы сребрены, и кадилница сребрена, и крестъ въздвизалный туто положи. И инаа многаа добродѣяниа съдѣа въ животѣ своем, яже словут по всѣм землям. Туто же положим конець Вълодимерову княжению.

Сему же благовѣрному князю Володимерю, нареченому въ святом крещении Иоанну, сыну Василкову, вложену въ гробъ, и лежа въ гробѣ тѣло его незамазано от 11 дне месяца декабря до 6 дне месяца априля. Княгини его не можаше ся втолити, но пришедши съ епископомъ Евсегениемь и съ всѣм *крилосомъ*, открывши гробъ и видиша тѣло его цѣло и бѣло, и благоухание от гроба бысть и воня подобна арамат многоцѣнных, и тако чюдо видѣ, видѣвше же прославиша Бога. И замазаша гробъ его месяца априля въ 6 день, в среду Страстное недѣли.[534]

Начало княжения великаго князя Мьстислава в Володимерѣ. Въ лѣто 6797. Князь же Мьстиславъ не притяже на погребенье тѣла брата своего Володимѣря, но приѣха послѣ с бояры своими и со слугами, и ѣха въ епископью ко святѣй Богородици, идеже положенъ бысть братъ его Володимѣръ, и плакася надъ гробомъ его плачемь великымъ зѣло, аки по отцѣ своемь по королѣ.

И утолив же ся от плача, и нача росылати засаду[535] по всимъ городомъ. Хотящю же ему послати до Берестья и до Каменьца и до

Бѣльска, и приде ему вѣсть, оже уже засада Юрьева в Берестьи, и во Каменци и во Бѣльски. Берестьяни бо учинили бяхуть коромолу и, еще Володимеру князю болну сушю, они же ѣхавъше къ Юрьеви князю, цѣловаша крестъ на томъ, рекуче: «Како не достанеть стрыя твоего, ино мы твои и городъ твой, а ты нашь князь».

Володимеру же преставлешюся, и Юрьи услыша вѣсть о стрыи своимъ, и вьеха въ Берестий, и нача княжити в немь, по свѣту безумных своихъ бояръ молодых и коромолниковъ берестьанъ. Мьстиславу же рекоша боярѣ его и братни бояре: «Господине, сыновѣць твой велику соромоту возложи на тя. Тобѣ далъ Богъ и братъ твой и молитва дѣда твоего и отца твоего. Можемь, господине, головы своѣ положити за тя, и дѣти наши. Поиди первое, заими городъ его Белзъ и Червенъ, но тоже поидешь к Берестью». Князь же Мьстиславъ бяшеть легосердъ и рече бояромъ своимъ: «Не дай ми Богъ того учинити, оже бы мнѣ пролити кровь неповиньную, но я исправлю Богомъ и благословениемъ брата своего Володимера».

И посла послы ко сыновцю своему, тако река: «Сыновче, оже бы ми ты не былъ на томъ пути и не слышалъ ты, но ты самъ слышалъ гораздо и отець твой, и вся рать слышала, оже братъ мой Володимиръ дал ми землю свою всю и городы по своемь животѣ, при царѣхъ и при его рядцяхъ, а вамъ повѣдалъ, а я повѣдал же. Аже чего еси хотѣлъ, чему есь тогда со мною не молвилъ при царѣхъ? А повѣж ми, то самъ ли есь в Бѣрестьи сѣлъ своею волею, ци ли велениемь отца своего, а бы мь вѣдомо было. Не на мя же та кровь будеть, но на виноватомъ, а по правомъ Богъ помощник и хрестъ честный. Я же хочю правити татары, а ты сѣди. Аже не поедешь добромъ, а зломъ пакъ поѣдешь же».

Посемь посла ко брату своему ко Лвови егшскопа своего володимерьского, река ему: «Жалую, — рци, — Богу и тобѣ, зане ми — рци — есь по Бозѣ братъ ми есь старѣйший. Повѣжь *ми*, брате мой, право, своею ли волею сынъ твой сѣлъ в Берестьи, ци ли твоимъ повелениемь? Оже будеть твоимъ повелениемь се учинилъ, се же ти повѣдаю, брате мой, не тая: послалъ есмь возводитъ татаръ, а самъ пристраваюся, а како мя Богъ расудить с вами, а не на мнѣ та кровь будеть, но на виноватомъ, но на томъ, кто будеть криво учинилъ».

Левъ же убояся того велми, и еще бо ему не сошла оскомина Телебужины рати, и рече епископу брата своего: «Сынъ мой — рци — не моимъ вѣданиемь се учинилъ, то одинъ Богъ вѣдаеть, но своемь молодымъ умомъ учинилъ, о семь, — рци — брате мой, не печалуй, шлю я к нему, ать поѣдеть вонъ из города сынъ мой». Епископъ же приѣха ко

Мьстиславу и нача повѣдати рѣчь братну. Мьстиславу же любо бысть то.

Посем же Мьстиславъ вборзѣ посла гонцѣ по Юрьи князи Пороскомъ, веля воротити и назадъ, послалъ бо бяшеть возводить татаръ на сыновця своего. Тогда бо Юрьи Пороский служаше Мьстиславу, а первое служилъ Володимиру.

Се же услышавъ, Левъ князь посла Семена своего дядьковича[536] ко сынови своему с прочними рѣчьми, река ему: «Поѣдь вонъ из города, не погуби землѣ, братъ мой послалъ возводить татаръ. Не поѣдешь ли вонъ, я же ти буду помочникъ брату своему на тя. Аже ми будеть смерть, по своемь животѣ даю землю свою всю брату своему Мьстиславу, а тобѣ не дамъ, оже мене не слушаешь, отца своего».

Семенови же ѣдущю ко Юрьеви, Мьстислав же посла с нимъ Павла Деонисьевича,[537] тъй бо ѣздѣлъ бяшеть ко Лвови и вѣдаеть вси рѣчи, посла же с нимъ и отца своего духовнаго, река Павлови: «Оже ти поидеть вонъ сыновѣць ми, наряди же до мене кормъ и питье, тако же и в Каменци наряди».

Семенови же приѣхавшу ко Юрьеви и повѣдающи рѣчь отню, и бысть назавьтрѣе поѣха Юрьи вонъ из города с великимъ соромомъ, пограбивъ всѣ домы стрыя своего, и не остася камень на камени в Берестьи и в Каменци и в Бѣльскии. Павелъ же Мьстиславу повѣда: «Сыновѣць уже поѣхалъ, а ты, господине, поѣдѣ во свой городъ».

Мьстислав же поѣха до Берестьа. Ѣдущю же ему к городу, и срѣтоша его горожанѣ со кресты от мала и до велика, и прияша и с радостью великою, своего господина. Берестьяни же началницѣ коромолѣ бѣжаша по Юрьи до Дорогичина, цѣловалъ бо к нимъ крестъ на томъ: «Не выдамъ васъ стрыеви своему». Мьстиславъ же пребывъ мало дний в Берестьи, и ѣха до Каменца и до Бѣльска, и ради быша ему вси людье. Утвердивъ люди, и засаду посади в Бѣльски и в Каменци.

И приѣха въ Берестии и рече бояромъ своимъ: «Есть ли ловчии здѣ?» Они же рекоша: «Нетуть, господине, из вѣка». Мьстиславъ же рече: «Азъ пакъ уставливаю на нѣ ловчее[538] за ихъ коромолу, абы мь не позрѣти на нихъ кровь». И повелѣ писцю своему писати грамоту:

«Се азъ князь Мьстилсавъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на берестьаны и в вѣкы за ихъ коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятидцать десяткъвъ лну, а по сту хълѣба, а по пяти цебровъ[539] овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куръ, а по толку со всякаго ста. А на горожанахъ 4 гривны кунъ, а хто мое слово порушить, а станеть со мною передъ Богомъ. А вопсалъ есмь в Лѣтописѣць коромолу их».

Князь же Мьстиславъ сѣдѣ на столѣ брата своего Володимѣра на самый Великъ День месяца априля въ 10 день, и нача княжити по братѣ своемь, правдолюбьемь свѣтяся ко всей братьи своей и къ бояром, къ простымъ людемь. И бысть радость велика тогда людемъ: се Воскресение Господне, а се княже сѣдение. Миръ держа с околнымы сторонами, с ляхы и с нѣмци, с литвою, одержа землю свою величествомъ, олны по тотары, а сѣмо по ляхы, по литву.

Тогда же литовьский князь Будикидъ и братъ его Будивидъ даша князю Мьстиславу городъ свой Волъковыескь, абы с ними миръ держалъ.

И утвердив же засаду в Берестьи, и поеха до Володимера. И приѣхавшу ему в Володимеръ, и сьѣхашася к нему боярѣ его старѣи и молодии бещисленое множество. Тогда же приѣхалъ бяшеть Кондратъ князь Сомовитовичь ко Мьстиславу, прося собѣ помочи на ляхы, поити хотя на княжение Судомирьское. Мьстиславъ же обѣща ему, а Кондрата одари и бояры его всѣ, и отпусти рекъ ему: «Ты поѣдь, а я по тобѣ пошлю рать свою». Кондратови же же поѣхавшу, Мьстиславъ же совокупи рать свою, посла ю, нарекъ Чюдина воеводу. И тако сѣде Кондартъ князь в Судомирѣ княземь Мьстиславомъ, сыномъ королевымъ, и его помочью.

Въ лѣто 6798. По Лѣстьцѣ же сѣде во Краковѣ Болеславъ Сомовитовичь, брат Кондратовъ. И пришедъ Индрихъ[540] князь Воротьславьский, выгна и, хотя самъ княжити. Болеслав же, совокупивъ рать свою и братью свою Кондрата и Локотка,[541] поидоша на Андриха Кракову. Индрих же не стерпѣ прихода ихъ и выѣха вънъ до Воротьславля, а засаду свою посади во Краковѣ: нѣмцѣ, лутшии свои мужѣ, обѣщався имъ дарми великими и волостьми, а самѣхъ води ко кресту, какъ *бы* не передати города Болеславу. Они же цѣловаше, рекуще: «Можемь головы свои за тя сложити, а не передадимъ города». Индрихъ же и кормъ имъ остави до изобилья. Болеславу же пришедшу с братьею своею, и вьѣха вь мѣсто, а в городъ нелзѣ бысть въѣхати ратными, зане боряху крѣпко из него порокы и самострѣлы. Тѣм же немощно бысть

приступити к нему. И сташа около города, изъѣдаюче села, и бысть ѣха в зажитье единою въздале от города, мьстичѣ же не бьяхуся по Болеславѣ с горожаны, но рекоша: «Кто сядеть княжити во Краковѣ, то нашь князь». И стояша у города лѣто цѣло, бьючеся у города, и не успѣша у него ничтоже.

Въ лѣто 6799. Левъ князь, брат Мьстиславль, сынъ королевъ, внукъ *Романовъ*, самъ иде в помоць Болеславу. Пришедшу бо ему ко Кракову, и рад бысть ему Болеславъ, и Кондратъ и Локотко, акы отцю своему, зане бысть Левъ князь думенъ и хороборъ и крѣпокъ на рати, не мало бо показа мужьство свое во многыхъ ратѣхъ.

И нача Левъ ѣздити около города, абы ему куда мочно взяти, горожаномъ грозу подавая, и не бысть мочно никудаже, весь бо бяше учиненъ от камени, и утвержение его немало — порокы и самострѣлы коловортныи, великими и малыми. Посем же ѣха во станы своя.

И наутрѣя же воставъ, и въсходящю солнцю, и поиде к Тынцю,[542] и бишася у него крѣпко. одва города не взяша. Мнозии горожани от нихъ избити быша, а друзии ранени, а свои вси цѣлѣ быша. И приде Левъ опять ко Кракову. и повелѣ воемь свокмъ пристраватися, хотя поити битися к городу, и ляхомъ тако же повелѣ. И поидоша вси, и полѣзоша ко заборомомъ, и бьяхуся крѣпко обои. И в то веремя приде весть Лвови князю, оже рать идеть на нь велика. И повелѣ перестати от боя. И нача наряжати полкы своя, а Болеславъ с Кондратомъ своѣ полкы, а сторожѣ пославъ на сглядание ратныхъ, и не бысть ничегоже. Но воеводы лядьскыи сами полошахут и, абы не взяти города. Левъ же усмотрѣвъ лесть ихъ и дума много с бояры своими, посла рать свою к Воротьславу воевати Индрихьвы земли. И взяша бе-щисленое множество челяди и скота и конии и товара, зане не входила бяшеть никакаже рать толь глубоко в землю его, и придоша ко Лвови с честью великою и со множествомъ полона. Лвови же радость бысть велика, оже свои вси добри здорови, а полона много.

Тогда же Левъ ѣха в Чехы на снемь къ королеви, зане любовь держаше с нимъ велику, и доконцавъ с нимъ миръ до своего живота. Король же одаривъ Лва дарми всякыми дорогыми, и тако отпусти с великою честью, и приѣха ко своимъ полкомъ. И радѣ быша ему боярѣ его и слугы его, видяще своего *господина*. У города же у Кракова не успѣша ничтоже. И поиде Левъ восвояси с честью великою, вземь бесчисленое множество полона, челядии и скота, и конии, и товара, славяще Бога и Пречистую его Матерь, помогшу ему.

Того же лѣта. Мьстиславу князю вложи ему Богъ во сердце мьсль благу созда гробницю камену надъ гробомъ бабы своей Романовой в монастырѣ вь святого.[543] И свяща ю во имя правѣднику Акима и Аньны, и службу в ней створи.

Того же лѣта в Черторыйскы в городѣ заложи столпъ камен.

Въ лѣто 6800. Преставися Пиньский князь Юрьи, сынъ Володимировъ, кроткый, смиреный, правдивый. И плакася по немь княгини его и сынове его и братъ его Демидъ князь, и вси людье плакахуся по немь плачемь великимь.

Тое же зимы преставися Степаньский князь Иванъ, сынъ Глѣбовъ. Плакахуся по немь вси людье от мала и до велика. И нача княжити в него мѣсто сынъ его Володимиръ.

---

[1] *В лѣто 6709. Начало княжения великаго князя Романа, како державего бывша всей Руской земли князя галичкого.*— Эти строки написаны в рукописи киноварью как заголовок, однако заголовком их считать нельзя: все события, описываемые в Галицко-Волынской летописи, происходят после смерти великого князя Романа. Это как бы эпиграф, который подчеркивает большую политическую и историческую роль Романа и перекликается с похвалой ему в начале повествования. Следует отметить, что киноварные заголовки в рукописи очень редки и ставятся только перед началом нового раздела; такая киноварная строка имеет функцию скорее заставки, чем заголовка. Роман Мстиславич (1170—1205) — великий князь галицкий, сын Мстислава Изяславича, правнук Мстислава Великого, праправнук Владимира Мономаха. В 1198 г. объединил Галицкие и Владимирские земли. В обороте «како державего бывша» порча текста, грамматически это место необъяснимо. Смысл же его в том, что Роман был самодержцем (как об этом говорится в следующей строке) и, может быть, следовало бы читать это место: «Самодержавего бывше» или «самодержца бывша». Слово «самодержец» было новым, незнакомым писцу, с чем и связана ошибка.

[2] *...дѣду своему Мономаху...*— Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), великий князь киевский с 1113 г., сын Всеволода Ярославича (прозван Мономахом по имени деда со стороны матери — Константина Мономаха).

[3] *...изгнавшю Отрока во обезы, за Желѣзная врата, Сърчанови же...*— Владимир Мономах очистил от половцев территорию вплоть до Северного Кавказа. Отрок и Сырчан — половецкие князья. Обезы (абазинцы) — северо-кавказский народ, родственный черкесам. Железные Ворота — г. Дербент.

[4] *...пилъ золотом шоломомъ Донъ...*— Образ, символизирующий победу: воины пьют воду из реки, протекающей в завоеванной земле, пользуясь шлемами как ковшами. Эпический масштаб подчеркивается беспредложной формой «Дон» — пил Дон, а не воду из Дона. Возможно, что с этим как-то связан и другой образ: упоминание далее о Кончаке, который вычерпал реку Сулу — так изображена его богатырская сила и могущество.

[5] *...оставъшю у Сырьчана единому гудьцю же Ореви, пасла и во обезы, река...*— Гудец — музыкант, гусляр. В древности был обычай посылать посла не с грамотой, а с речью. Поручение, выученное наизусть, гонец передавал адресату слово в слово, то есть говорил от имени пославшего его князя. Этот обычай сложился еще в дописьменный период, но был широко распространен на Руси и в последующие века. См.: Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI—XIII вв.— В кн.: Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986, с. 140—153.

[6] *Евшан* — полынь.

[7] *Одолѣвша всимъ... иноплеменьникы.*— Вставка с похвалой Владимиру Мономаху, прерывающая текст летописи; связана с половецким эпосом и с целым рядом литературных памятников (Хроника Иоанна Малалы, Хроника Георгия Амартола, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия), а также со сказанием о Владимире Мономахе.

[8] *...велику мятежю воставшю... оставившима же ся двѣима сынома его: единъ 4 лѣт, а другии дву лѣтъ.*— После смерти великого князя Романа Мстиславича остались два малолетних сына — Даниил и Василько Романовичи (главные герои Галицко-Волынской летописи). Их малолетство было причиной мятежа, то есть борьбы за галицко-волынское княжение между другими претендентами. Даниил Романович (1201—1264) возведен на галицкий престол боярами в 1211 г., затем свергнут с него. В 1221 г. стал княжить на Волыни. В 1238 г. занял Галич, а Волынь передал брату Васильку. Даниил Романович вел упорную борьбу за объединенне галицких и волынских земель, преодолевая сопротивление бояр, внешнюю агрессию и опасности, связанные с татарским нашествием. Завершил объединение своего княжества и вывел его в число могущественных государств Европы. При нем были построены города Холм, Львов, Каменец, Данилов, Угровск, процветали ремесла и искусства. Даниил Романович был женат на дочери Мстислава Мстиславича Удалого Анне; сыновья его — Ираклий, Лев, Мстислав, Роман, Шварн. Родственные связи с иностранными королевскими и княжескими домами: а) он приходился двоюродным племянником венгерскому королю Андрею (его прадед

Изяслав Мстиславич был братом бабушки короля Андрея), б) был троюродным племянником князя краковского Лешка (Лестька) (его бабушка была сестрой короля Казимира, отца Лестька), в) его жена Анна Мстиславовна — внучка половецкого хана Котяна, а через него в родстве с литовскими князьями Тевтивилом и Едивидом. Василько Романович (1199—1271) — князь владимиро-волынский. В политических делах выступал со своим братом Даниилом Романовичем, не предпринимая самостоятельных действий. Был женат на Елене, дочери Юрия Всеволодовича, великого князя владимирского и суздальского. Сын его — Владимир Василькович, с 1272 г. волынский князь. Умер в 1288 г. Женат на дочери брянского князя Романа Михайловича.

[9] *Собравшю же Рурику...*— Рюрик Ростиславич (ум. в 1215 г.), великий князь кневский, сын Ростислава Мстиславича Смоленского, правнук Владимира Мономаха.

[10] *Галичь* — Галич, город на р. Лукве, притоке Днестра, впервые упомянут в Ипатьевской летописи под 6648 (1140) г., с 1144 г.— столица Галицкого княжества. По археологическим данным возник в X веке. Ныне на территории Ивано-Франковской обл. Украины.

[11] *...оставивъ мниский чинъ, бѣ бо приялъ боязни ради Романовы.*— Разгромив Киев в 1203 г., Роман Мстиславич заставил Рюрика Киевского постричься в монахи. После смерти Романа Рюрик снял с себя монашество и начал борьбу за Галицкое княжение.

[12] *...у Микулина на рѣцѣ Серетѣ...*— город Микулин в Галицкой земле (ныне г. Микулинцы Тернопольской обл. на Украине).

[13] *...снимался король со ятровью своею во Саноцѣ.*— Андрей II, король венгерский, из династии Арпадов (1205—1235), состоял в родстве с галицкими князьями. Его дед, король Геза, был женат на княжне Евфросинии, дочери киевского князя Мстислава Владимировича Великого (прадеда князя Романа); дед Романа и бабка Андрея — брат и сестра. Таким образом, король Андрей и князь Роман Галицкий — троюродные братья. Ятровь (невестка) — жена брата, хотя бы не родного. Так в данном случае названа княгиня Анна, вдова Романа Мстиславича Галицкого. В Галицко-Волынской летописи она, как правило, называется княгиня Романовая. ...снимался... (сниматися, снятися) — встретиться для переговоров. Вопросы взаимоотношений (территориальные, военные и др.) в феодальную эпоху решались на съездах князей для переговоров. Такое собрание называлось снем, или сонм (срав. польск. сейм), или собор. Санок — город в Галицкой земле на реке Сан (ныне находится на территории Польши).

[14] *...оставил бо бѣ у него засаду...*— Засада — гарнизон, отряд, сосредоточенный в крепости, на случай нападения врага.

[15] *...Мокъя великаго... Благиню.*— Имена венгерских воевод. Мокей (Мокъян) упоминается также под 6716 (1208) г.

[16] *...два князя половѣцкая Сутоевича Котянь и Сомогуръ...*—Котян Сутоевич, половецкий хан, тесть князя Мстислава Удалого. Принимал активное участие в событиях в Галицкой Руси, в 1228 г. помогал Владимиру Рюриковичу против Даниила Романовича. После татарского нашествия ушел в Венгрию. О Сомогуре Сутоевиче ничего не известно.

[17] *...приведоша Кормиличича...*— Кормиличичи (потомки кормильца, т. е. воспитателя) — боярская семья, игравшая большую политическую роль в Галиче (боярская оппозиция княжеской власти), из них наиболее активный Владислав.

[18] *...славяху бо Игоревича...*— Игоревичи — сыновья Игоря Святославича Северского (героя «Слова о полку Игореве»): Владимир (1173—1212), Роман (ум. в 1208 г.), Святослав (1177—1208) и Ростислав (ум. в 1208 г.). В 1202—1208 гг. Игоревичи претендовали на Галицкое княжение (их мать — Евфросиния Ярославна, дочь Ярослава Осмомысла) и активно боролись за него, хотя и ссорились между собой. В 1206 г. галицкие бояре пригласили Владимира Игоревича княжить в Галиче — они хотели таким образом избавиться от Бенедикта. Сев в Галиче и отдав братьям города Звенигород (Роману) и Перемышль (Святославу), Владимир, видимо, решил ликвидировать возможность боярского мятежа, казнив пятьсот бояр, чем и вызвал немедленные действия боярства против рода Игоревичей. Бояре пригласили на Галицкое княжение малолетнего Даниила, которого поддержали Мстислав Немой, Александр Белзский, Ингварь Луцкий и венгры. В результате Игоревичи потерпели поражение — Владимиру с сыном Изяславом удалось бежать в Венгрию, а Роман, Святослав и Ростислав попали в плен к венграм и по требованию галицких бояр были повешены в сентябре 1208 г.

[19] *...во Звенигородѣ.*— Звенигород— город в Галицкой земле, близ Львова.

[20] *...в Володимерь.*— Владимир-Волынский впервые упоминается в летописи под 988 г., с 1136 г.— столица волынского княжества, в 1370 г. отошел к Литве.

[21] *Мьстьбогъ и Мончюкъ и Микифоръ* — галицкие бояре.

[22] *...яко предати господу свою и градъ.*— Господа — совокупность лиц, управляющих городом.

[23] *...свѣтъ створи с Мирославомъ и с дядькомъ...*— Мирослав, владимирский боярин, преданный Романовичам, дядька (т. е. воспитатель) Даниила и Василька, воевода и дипломат. Мирослав служил княгине Анне после смерти Романа и участвовал во всех важнейших событиях княжения Даниила (см. записи под 6735 (1227), 6737 (1229), 6742 (1234) гг.). Мирослав, возможно, является автором повестей о тех событиях, в которых участвовал, в частности об осаде Калиша — 6737(1229) г.

[24] *...изыиде дырею градною...*— Бегство Даниила и Василька из Галича «дырею градною», несомненно, описано со слов дядьки Мирослава. Словосочетание «градная дыра» может быть понято буквально, как дыра — брешь, пролом в городской стене, а может быть понято как подземный ход. (*Махновец* считает, что это – подземный ход.)

[25] *...бѣ бо Романъ убьенъ на ляхохъ, а Лестько мира не створилъ.*— Роман Мстиславич был убит в 1205 г. в битве при Завихосте на Висле. Лестько — Лестько (Лешек) Белый, князь краковский (1184—1227) — сын князя краковского и сандомирского Казимира Справедливого и Елены Всеволодовны, дочери Всеволода Мстиславича, князя белзского. Роман Мстиславич Галицкий (сын сестры Казимира Агнесы) приходился Лестьку двоюродным братом. Лестько Белый был женат на Гремиславе Ингваревне, его сын — Болеслав V Стыдливый, род. в 1226 г.

[26] *...прия ятровь свою...*— Здесь: княгиня Анна, вдова Романа Мстиславича.

[27] *Бѣ бо Володиславъ лестя межи има и зазоръ имѣя любви его.*— Владислав Кормиличич (из семьи бояр Кормиличичей) — один из самых активных вождей боярской оппозиции. Его соратниками были бояре Судислав и Филипп, разделившие с ним превратности судьбы. О нем рассказывается под 6711 (1203), 6718 (1210), 6720 (1212) гг. Умер в темнице в 1212 г. Слово «любовь» в древнерусских летописях, помимо своего основного значения, обозначало также дружественное расположение, мирные отношения. В дипломатических текстах оно употреблялось как термин международного права и обозначало состояние мира, а также мирный договор (Сергеев Ф. П. Русская терминология международного права XI–XVII вв. Кишинев, 1972, с. 62–74).

[28] *Возведе Олександръ Лестька и Конъдрата.*— Александр Всеволодович князь Белзский, сын Всеволода Мстиславича, племяннник Романа Мстиславича Галицкого, двоюродный брат Даниила Романовича; — Кондрат (Конрад) (1191 —1247), князь Мазовецкий, сын Казимира II Справедливого, брат Лестьки Краковского. Был женат на Агафье, дочери Святослава Игоревича, князя Северского (повешенного галичанами). У него три сына: Болеслав, Семовит и Казимир. Кондрат Мазовецкий приходился дядей Михаилу Черниговскому, мать которого — сестра Кондрата.

[29] *...о церкви святѣй Богородици.*— Успенский собор во Владимире, построен в 1160 г., усыпальница волынских князей.

[30] *...Володимера Пиньскаго.*— Владимир Ростиславич Пинский — брат Михаила Ростиславича.

[31] *Инъгваръ и Мьстиславъ.*— Ингварь Ярославич, князь Луцкий, сын Ярослава Изяславича, брат Мстислава Немого, князя Пересопницкого. У него дочь Гремислава и сын Ярослав — Мстислав Ярославич Немой,

князь Пересопницкий, сын Ярослава Изяславича князя Луцкого. Ум. в 1226 г. Двоюродный брат Романа Галицкого.

[32] *Поя у него Лестько дщерь и пусти...*— Князь Лестько Краковский был женат на дочери Ингваря Ярославича Луцкого Гремиславе. Гремислава Ингваревна, после смерти Лестька в 1227 г., осталась опекуншей своего сына Болеслава Стыдливого и принимала активное участие в политической борьбе, отстаивая права своего сына на Краковское княжение. Она сохранила союз с Даниилом Романовичем и после того, как он, ссылаясь на завещание Мстислава Немого, захватил Луцк и взял в плен ее брата Ярослава (1227). Когда Даниил Романович воевал с черниговским и киевским князьями, она послала ему помощь с воеводой Пакославом, и поэтому Даниил Романович освободил ее брата Ярослава Ингваревича и дал ему Перемиль (*Пашуто*, с. 209). В летописи имя Гремиславы не названо (ее имя Grimislava устанавливается по польским источникам), позднее — под 6757 (1249) г.— она упоминается как Лестьковая, а ее сын как Лестькович. Издатели *ПСРЛ* назвали ее Гремиславой Ярославной, считая, что она не сестра, а дочь Ярослава Ингваревича. Как понимать слова летописца «и пусти», не совсем ясно — о разводе ее с Лестьком ничего не известно.

[33] *...ко Орельску.*— Орельск — город в Малопольше, на реке Струдень (приток Вислы), ныне с. Ожелец Вельки в Тарнобжегском воеводстве в Польше.

[34] *...берестьяне* — жители г. Берестье (соврем. Брест).

[35] *...Романовыи княгини и дѣтии...*— В рукописи здесь исправления; первоначально было *Романовой, дѣтятѣ*; слово *княгини* написано на полях со знаком вноса. В *П* и *Х*: *Романовое* и *дѣтятѣ*.

[36] *...великаго Романа жива видящи.*— Слово *жива* добавлено над строкой, в *П* и *Х* нет.

[37] *...въ Бѣлзѣ...*— Белз — город в Волынской земле, на реке Солокии (приток З. Буга), ныне г. Белз Сокальского района Львовской области.

[38] *Олександръ прия Угровескъ, Верещинъ, Столпъ, Комовь...*— Угровск — город в Волынской земле, при впадении р. Угера в Западный Буг (ныне с. Угруськ в Хельмском воеводстве в Польше); построен при Данииле Романовиче, и там была учреждена епископская кафедра, позже перенесенная в Холм. Верещин — город в Волынской земле на реке Влодавке, ныне село в Хельмском воеводстве в Польше; Столп (Стольпье) — город в Волынской земле, на реке Гарке (приток З. Буга), ныне село в Хельмском воеводстве в Польше; Комов — город в Волынской земле, на р. Удали (пр. З. Буга), ныне с. Кумув в Хельмском воеводстве в Польше.

[39] *...брату его Всеволоду в Червьнѣ...*—Всеволод Всеволодович, князь Черниговский, брат Александра Белзского. Червен (Червень) — город в Волынской земле, на р. Гучве (приток З. Буга), ныне с. Чермно, в Замойском воеводстве в Польше.

[40] *...литва...*— Древнерусские летописи так называют одно из основных литовских племен — аукштайтов, в отличие от других (жмудь, ятвяги).

[41] *...ятвязѣ...*— Ятвяги (судавы) — древнепрусское племя, этнически близкое к литовцам, обитало между реками Неманом и Норовью (Наревом).

[42] *...Турискъ* — Турийск (Туриск, Турск) — город в Волынской земле, ныне Волынской обл. на Украине.

[43] *...застава бѣ Уханяхъ.*— Застава — сторожевой отряд, выполняющий задачи пограничной охраны и боевой силы в крепостях. Ухани — город в Волынской земле (ныне Ухане в Польше).

[44] *...посла Бенедикта...*— Бенедикт Бор — венгерский палатин; он же — Бенедикт Лысый, упомянутый под 6720 (1212) г.

[45] *Бѣ бо Тимофѣй в Галичѣ премудръ книжникъ...*— Тимофей — галицкий книжник, духовник Мстислава Удалого; в 6734 (1226) г. был послан Мстиславом в Перемышль для переговоров с боярами. Один из составителей Галицкой летописи.

[46] *...Щепановичь Илия...*— Илья Щепанович (Степанович?) — галицкий боярин провенгерской ориентации, убит в 6715 (1207) г. в числе бояр, перебитых Игоревичами.

[47] ...в Пересопницю.— Пересопница — город в Волынской земле, ныне городище около села Пересопница Ровенской области на Украине.

[48] *...и по семь скажемь...*— Этого обещания летописец не выполнил.

[49] *Перемышль* — город в Галицкой земле, на реке Сан (ныне Пшемысль в Польше).

[50] *...а сыну своему да Теребовль Изяславу...*— Теребовль — город в Галицкой земле (ныне Теребовля в Тернопольской обл. Украины). Изяслав Владимирович — сын Владимира Игоревича князь теребовльский. Издатели *ПСРЛ* считают, что это он участвовал в событиях 6734 (1226) и 6755 (1247) гг., а В. Т. Пашуто – что в событиях 6734 (1226) и 6755 (1247) гг. участвовал Изяслав Мстиславич Смоленский.

[51] *...хотяше дати дщерь свою за князя Данила...*— Вероятно, речь идет о Елизавете Венгерской; этот брак не состоялся.

[52] *Убьенъ бысть царь великыи Филипъ Римьскыи совѣтомъ брата королевое.*— Император Филипп Швабский (1177—1208), сын императора Фридриха I Барбароссы, был убит Оттоном Виттельсбахским. Гертруда, королева венгерская, супруга короля Андрея II, ландграфиня тюрингенская, дочь Бартольда I, убита в 1213 г. венгерскими боярами, возмущенными засильем немцев при дворе.

[53] *...за лонокрабовича за Лудовика.*— Людовик, сын ландграфа Германа I, супруг Елизаветы Венгерской, погиб во время крестового похода в 1227 г.

[54] *Юже нынѣ святу нарѣчают именемь Алъжьбитъ...*— Елизавета Венгерская была известна своим благочестием; канонизирована католической церковью.

[55] *...и Судиславъ, и Филипъ.*— Судислав — галицкий боярин, один из руководителей боярской оппозиции Романовичам в Галиче, соратник и преемник Владислава Кормиличича; о нем рассказано в записях 6718 (1210), 6734 (1226), 6737 (1299) 6739 (1231), 6741 (1233), 6742 (1236) гг. В. Т. Пашуто называет его Судислав Бернатович, отождествляя с воеводой, присланным князем Лестько на помощь Даниилу, но мы думаем, что Судислав Бернатович – другое лицо. Филипп — галицкий боярин, активный деятель боярской оппозиции, один из организаторов заговора против Даниила Романовича (см. рассказ под 6738 (1230) г.).

[56] *...посла воевъ...*— В рукописи первоначально было воевъ(д) (д над строкой), то есть воевод, потом исправлено; в *П* и *Х* — *воя*.

[57] *...и великого дворьского Пота...*— Дворский (дворецкий) — главный управитель княжеского двора, должностное лицо при дворе князя, не военная, а хозяйственная или административная должность; но дворским часто, как и в данном случае, поручали воеводство, то есть посылали с войском. Пот — венгерский палатин.

[58] *Мокъянъ* — упомянутый под 6710 (1202) г. Мокей Великий Слепоокий.

[59] *...и не пущающимъ ко граду, ни ко острожнымъ вратомъ...*— Древнерусский город был окружен валом и рвом, а за валом стояли стены (они обычно и назывались словом город). На стенах устраивались забрала, или заборола, то есть брустверы, приспособления, в которых располагались защитники города, чтобы под прикрытием отстреливаться или бросать в наступающих камни, бревна и лить кипяток. Поэтому для осаждающих главной задачей было сбить со стен заборола. Центр города составлял детинец, наиболее укрепленная часть города; вокруг него находился: окольный град, или внешний город, он был окружен острогом (тыном).

[60] *...великий Вячеславъ Толъстый и Мирославъ и Дьмьянъ и Воротиславъ...*— Вячеслав Толстый, галицкий боярин, дипломат и военный деятель, служил еще Роману Мстиславичу (ему Роман Мстиславич поручил постриг Рюрика Ростиславича Киевского в 1203 г., по данным Новгородской первой летописи); он был с княгиней Романовой и ее сыновьями в Венгрии, потом мы встретим упоминание о нем в рассказах под 6716 (1208) и 6735 (1227) гг. Вячеслав участвовал, как об этом пишет В. Т. Пашуто, в составлении галицкой летописи – его сообщения о событиях, которым он был свидетелем и в которых участвовал, документы, которые он видел, военные донесения – все это вошло в галицкий свод. В. Т. Пашуто считает, что ему принадлежат

сведения по истории Венгрии и, в частности, об Елизавете Венгерской. Демьян — галицкий боярин, тысяцкий, дипломат. Имя Демьяна неоднократно встречается в Галицко-Волынской летописи – см. записи под 6716 (1208), 6719 (1211), 6727 (1219), 6729 (1221), 6733 (1225), 6735 (1227), 6737 (1229), 6738 (1230), 6739 (1231) гг. В. Т. Пашуто считает, что ряд известий, включенных в княжеский свод, составлен из военно-дипломатических донесений тысяцкого Демьяна. Воротислав — галицкий боярин, сторонник Даниила.

[61] *Судиславъ Бернатовичъ* — Судислав Бернатович, польский воевода, присланный Лестьком Краковским на помощь Даниилу и венграм против Игоревичей. В. Т. Пашуто называет Судиславом Бернатовичем знаменитого Судислава, «мятежника земли». Однако именно этот эпизод – борьба с Игоревичами, – в котором Судислав Галицкий участвовал в составе венгерского войска, а Судислав Бернатович в составе польского, показывает, что это были два разных человека.

[62] *Инъгваръ же посла сына своего... Шюмьска.*— О князе Ярославе Ингваревиче Луцком см. также под 6734 (1226) и 6735 (1227) гг. Луцк (Луческ, Лучькъ) — город в Волынской земле на р. Стырь, ныне в Волынской области на Украине; Дорогобуж — город в Киевской земле, ныне в Ровенской области; Шумск (Шюмск) — город в Киевской земле, ныне в Тернопольской области на Украине.

[63] *...к Лютой рѣцѣ...*— Лютая река под Звенигородом-Галицким.

[64] *...до Нѣзды.*— Река Незда — приток Серета.

[65] *Король же Андрѣи не забы любви своея первыя, иже имѣяше ко брату си великому князю Романови...*— о родственных связях Андрея и Романа см. выше.

[66] *...посади сына своего в Галичи.*— Имеется в виду Даниил Романович, которого, как сказано выше, король Андрей «принял как милого сына».

[67] *Тиун* — административная должность при князе, управитель, лицо, обладающее судебной властью.

[68] *...ко Бозъку.*— Город Бужск, на Южном Буге (ныне Буск Львовской обл. на Украине). В летописи называется по-разному: Бужьск, Бужьский, Божьский, Божеск, Бозк, Бозск, Бозъск, Бузко.

[69] *Глѣбъ же Потковичь...*— Глеб Поткович — галицкий боярин.

[70] *Станиславичь Иванко и братъ его Збыславъ...*— Иван и Збыслав Станиславичи — галицкие бояре.

[71] *...Каменѣць* — город Каменец-Подольский, на р. Смотрич, притоке Днестра, ныне в Хмельницкой области на Украине.

[72] *...во манастырѣ Лелесовѣ...*— Лелесов монастырь в Карпатах, южнее города Телича (ныне с. Лелес в Словакии); здесь пролегал один из важнейших торговых путей в Венгрию.

[73] *И убиша же жену его, а шюринъ его одва утече, патрѣархъ Авлѣскый...*— Гертруда, венгерская королева — см. выше. Шурин короля, брат королевы Гертруды — Бертольд, епископ Аквилейский. Аквилея — город на берегу Адриатического моря; епископы аквилейские были автокефальными и имели титул патриарха.

[74] *Княжаше Всеволодъ в Кыевѣ Святославичь...*— Всеволод Святославич Чермный (ум. в 1212 г.), князь черниговский, сын великого князя киевского Святослава Всеволодовича, несколько раз претендовал на киевское княжение. Он был близким родственником Романовичам — его мать, дочь Казимира II Справедливого, была племянницей матери Романа Галицкого.

[75] *...приде на рѣку Бобръку.*— Река Боброка — приток Днестра.

[76] *...Глѣбъ Churchѣевичь...*— Глеб Зеремеевич — союзник Мстислава Удалого, один из активных галицких бояр. Упоминается в рассказах под 6721 (1213), 6734 (1226), 6739 (1231), 6740 (1232) и 6742 (1234) гг.

[77] *...Прокопьичя Юрья...*— Юрий Прокопьевич — галицкий боярин.

[78] *...около Моклекова и Збыража. И Быковенъ взятъ бысть...*— Моклеков (Клеков) и Збыраж (Збаражь) — города в Галицкой земле. Быковен (Ковен) — город в Волынской земле.

[79] *...прияста Тихомль и Перемиль...*— Тихомль — город в Волынской земле, ныне с. Тихомль в Хмельницкой областн. Перемиль — город в Волынской земле на р. Стыри, ныне г. Перемиль в Волынской области на Украине.

[80] *...посла посла своего Лѣсътича и Пакослава воеводу...*— Польский воевода Пакослав встречается в Галицко-Волынской летописи несколько раз: под 6719 (1211), 6720 (1212), 6734 (1226), 6736 (1228), 6773 (1265) гг. Пакослав был лицом, близким к краковским князьям,— сперва он находился при князе Лестьке, потом при его вдове Гремиславе, а затем при сыне Болеславе. Из польских документов (на которые ссылается А. В. Лонгинов) мы знаем, что Пакослав назывался или Пакослав Лассот, или Пакослав сын Лассота (Pacoslaus Filius Lassote), иначе говоря Пакослав Ласотич. Здесь, в Галицко-Волынской летописи, это имя (отчество) написано искаженно — Лѣсътича (Лестича или Лесотича). При таком написании этот текст может быть прочтен: «...послал посла Лестича и воеводу Пакослава», то есть были присланы два лица: посол и воевода, Лестич и Пакослав. (Так прочли издатели *ПСРЛ*.) При таком чтении возникает еще один вопрос: Лестич — не сын ли это Лестька? В сообщении под 6757 (1249) г. летописец поименовал сына Лестька «Лестьковичем». Маловероятно, чтобы в качестве посла был послан малолетний ребенок.

[81] *...поими дщерь мою за сына своего Коломана.*— Дочь Лестька Саломия просватана и выдана замуж за Коломана, сына венгерского короля Андрея. Коломану было тогда пять лет, а Саломии — три года.

[82] *...сняся съ Лестькомъ во Зъпиши...*— Зпиш (Зъпишь), или Спиш — город в Угорском королевстве (ныне с. Спишска Нова Вес в Словакии). В Зпиши был заключен договор между поляками и венграми о разделе Галицкой земли.

[83] *Любачевъ* — город в Галицкой земле, ныне Любачув в Польше.

[84] *...посла к Новугороду по Мьстислава...*— Мстислав Мстиславич Удалой (Удатный) (умер в 1228 г.), сын Мстислава Ростиславича Храброго, князя Смоленского, внук великого князя киевского Ростислава Мстиславича; князь торопецкий (с 1206 г.), новгородский (с 1210 г.), галицкий (с 1219 г.); женат на дочери половецкого хана Котяна Сутовича; его дочь Анна замужем за князем Галицким Даниилом Романовичем, его дочь Мария — за королевичем венгерским Андреем. Активно участвовал в политической жизни юго-западной Руси в начале XIII в. К началу повествования Галицко-Волынской летописи Мстислав Удалой княжил в Новгороде, он принимал участие почти во всех событиях, описываемых в летописи. В 1219 г. захватил Галич. С зятем Даниилом Романовичем отношения у него были сложные; летописец отмечает, что он не любил Даниила, и эта нелюбовь поддерживалась происками Александра Белзского и галицких бояр. В конце концов они помирились, и Мстислав, как отмечает летописец, одарил Даниила и свою дочь Анну богатыми подарками. Мстислав Удалой участвовал и в битве при Калке в 1223 г., и летописец считает его поведение недостойным. Умер он в 1228 г. по пути в Киев, сообщение о его смерти дано очень кратко, в традиционных формулах. Очевидно, что Мстислав Мстиславич Удалой не пользовался симпатией составителя Галицкой летописи. Королю Андрею Мстислав Мстиславич приходился троюродным братом, его дед Ростислав Мстиславич — родной брат Евфросинии Мстиславовны, супруги короля Гезы, деда Андрея.

[85] *Первѣнѣць бо бѣ у него Ираклѣй...*— Ираклий Данилович больше в летописи не упоминается, по-видимому он рано умер.

[86] *...по нем же Левъ и по немь Романъ, Мистиславъ, Шеварно...*— Лев Данилович; после смерти Даниила Романовича в 1264 г.— князь перемышльский, после смерти брата Шварна — галичский и холмский. Лев был старшим сыном Даниила, и, видимо, ему предназначалось великое княжение, однако после смерти Даниила великим князем стал Шварн. Из всех сыновей Даниила Романовича Лев наиболее похож на него, он участвует с самого раннего возраста во всех важнейших походах Даниила Романовича – в 6753 (1245), 6757 (1249) и затем ежегодно с 6760 (1252) по 6769 (1261) г. В летописных сводах Василька Романовича и Владимира Васильковича — с 6770 (1262) г.— общий тон летописи в рассказах о Льве меняется, летописец в основном рассказывает о проявляемой им зависти, жадности, жестокости, захватнических стремлениях (не щадит он и сына Льва Юрия), явно не одобряет его вражды с Войшелком и Шварном и дружбы с «окаянным

Тройденом», а о военных успехах Льва (битва при Дорогичине) он просто умалчивает. После смерти Владимира Васильковича, когда начинается рассказ Мстиславова свода,— снова появляется воинственный и деятельный князь Лев, достойный сын своего отца, пытающийся продолжить его дело, стремящийся укрепить и расширить свое княжество, активно вмешивающийся в международные события (до самой смерти он воевал с Польшей, в 1299 г. заключил очень выгодный для себя союз с чешским королем). Заканчивается рассказ о Льве краткой похвалой князю Льву как выдающемуся воину. Роман Данилович в основном известен как участник войны за австрийское наследство. Мстислав Данилович — после смерти Даниила Романовича князь луцкий, после смерти Владимира Васильковича получает от него по духовному завещанию всю его землю, из-за чего ему приходится сталкиваться с Львом Даниловичем и Юрием Львовичем. В Галицко-Волынской летописи рассказывается только о начале его княжения, продолжение в других летописях. О его деятельности до того, как он стал великим князем, в Галицко-Волынской летописи говорится немного – в записях под 6776 (1268), 6781 (1273), 6785 (1277), 6790 (1282) и 6791 (1283) гг. Шварн Данилович, князь холмский и литовский. В 1263 г. женился на дочери Миндовга, был в большой дружбе с братом своей жены Войшелком, который отдал ему свои города в Литве. О нем рассказывается в записях под 6764 (1256), 6765 (1257), 6768 (1260), 6770 (1262), 6773 (1265), 6774 (1266) гг.

[87] *И посла по нихъ Данилъ... до Сухое Дорогве...*— Гавриил Душилович — воевода галицкий (см. также рассказ под 6735 (1227) г.), Семен Олюевич — воевода галицкий (см. рассказ под 6731 (1223) г.), Василий Гаврилович — воевода галицкий, участник битвы при Калище в 1223 г. и защитник города Ярослава в 1231 г. Сухая Дорогва — урочище в Волынской земле.

[88] *...до рѣкы Вепря.*— Река Вепрь — приток Вислы.

[89] *...дай его зяти моему...*— то есть королевичу Коломану.

[90] *Яронови...*— Ярун — тысяцкий перемышльский, известный по другим летописям (Лаврентьевской, Новгородской) как воевода Мстислава Удалого. В рукописи Ярон переделано позднее на Ярун, в списке *Х* — Аронови, в списке *П* — Романови.

[91] *И посла Дмитра... к Городку.*— Дмитр — галицкий тысяцкий, один из приближенных к Даниилу Романовичу военачальников. В 1238 г. оставлен Даниилом Романовичем наместником в Киеве. По-видимому, с его слов была написана «Повесть о разорении Киева Батыем» в 1240 г. Михалко Глебович — воевода. Городок — город в Галицкой земле, ныне в Львовской области на Украине.

[92] *Михалка же Скулу убиша, согонивше на Ширѣцѣ...*— Михалко Скула, воевода галицкий. Ширеца — река в Галицкой земле, приток р. Зубрьи (ныне Щерка).

[93] *...на Зубрьи.*— Зубрья — река в Галицкой земле, приток Днестра.

[94] *...на Кровавомъ броду...*— Кровавый брод через Днестр под Галичем.

[95] *...идоша за Рогожину...*— Рогожина — город в Галицкой земле, ныне с. Рогозно Львовской области.

[96] *...быша противу Толмачю...*— Толмач — город в Галицкой земле (ныне город Тлумач в Ивано-Франковской области на Украине).

[97] *...невѣрный Витовичь Володиславъ.*— Владислав Витович — боярин галицкий.

[98] *...Семьюна Кодьниньского...*— Семьюн (Семион) Коднинский — галицкий боярин.

[99] *Глѣбъ Судиловичь, и Гаврило Иворович, и Перенѣжько* — галицкие бояре.

[100] *...в Онутъ...*— Онут — город в Галицкой земле на реке Днестр, ныне село в Черновицкой обл.

[101] *Поидоша вози и къ Плаву на канун святаго Дмитрѣя.*— Плав — город в Галицкой земле. Канун святого Димитрия — по-видимому, 25 октября: память великомученика Димитрия Солунского празднуется 26 октября.

[102] *...ниже Кучелемина...*— Кучелемин (Кучелмин) — город в Галицкой земле на р. Днестр.

[103] *...из Олешья...*— Олешье (Ольшье, Олшия, Ошелье) — киевский морской порт, в устье Днепра. По-видимому, лодки шли по Черному морю из Днепра в Днестр.

[104] *Божиимъ повелениемъ... бѣ земля покойна.*— Здесь говорится о русско-литовском договоре, подписанном союзом литовских князей. Князья, подписавшие документ, разделены на группы, связанные с отдельными землями в Литве; первыми названы: «старейшие» князья — князья собственно Литвы (Аукштайтии), от которых остальные находились в вассальной или договорной зависимости. В дальнейшем повествовании Галицко-Волынской летописи мы встретим из перечисленных здесь князей Миндовга и Выкинта; встретим и представителей названного здесь рода Рушьковичей — Айшвно (под 6754 (1246) г.), Сирвида (под 6766 (1258) г.) и Вишимота Булевича (6760 (1252) г.).

[105] *Выиде Филя древле прегордый...*— Филней (Фильний) — венгерский полководец. Летописец настойчиво подчеркивает его заносчивость, прибавляя к его имени эпитет «прегордый». См. также рассказы под 6727 (1219) и 6751 (1243) гг. Он был убит в 1243 г.; эпитет «древле прегордый» восходит к переводу «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.

[106] *...и Лозоря...*— Лазарь Домажирич — галицкий боярин, представитель семьи Домажировичей, оппозиционной Даниилу Романовичу. Он упоминается еще в 6748 (1240) и 6759 (1251) гг.

[107] *...к Щекареву...*— Щекарев — город в Волынской земле; ныне Красностав в Хельмском воеводстве в Польше.

[108] *Бѣ бо ту с Коломанъм Иванъ Лекинъ, и Дмитръ, и Ботъ...*— Иван Лекин и Дмитр — венгерские бояре. А. В. Лонгинов предполагает, что это тот самый Дмитр, за которого вышла замуж Анастасия Александровна, вдова мазовецкого князя Семовита Кондратовича (см. упоминание об этом под 6759 (1251) г.). А. В. Лонгинов отождествляет его со знаменитым венгерским полководцем Димитром (Demethr Lepolt) из рода Ава, служившим королю Андрею, победителем сарацин, прославившимся в битве с татарами на р. Сайо в 1264 г. и в Далмации. Ботъ — вероятно, венгерский боярин. В рукописи написано неясно *ибо*; в списках *П* и *Х ибо, т* приписано сверху.

[109] *...паробкомъ Добрыниномъ...*— Паробок — слуга или дружинник. Добрыня — галичанин.

[110] *...лживый Жирославъ...*— Жирослав — наиболее коварный из галицких бояр (см. также рассказ под 6734 (1226) г.). Тот ли это Жирослав, который воевал с Данилом Романовичем под Ярославом в 6757 (1249) г.?

[111] *И возбѣгоша же на комары... сведена быша со церкви.*— Подобный же эпизод рассказан под 6763 (1255) г. Описание это заимствовано из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.

[112] *...с Демьяномь тысячкымъ...*— Тысяцкий — командир тысячи (так назывался городовой полк, то есть полк, состоящий из горожан стольного города). Тысяцкий иногда назывался воеводой города.

[113] *...Держиславомъ Абрамовичем и Творьяном Вотиховичемь...*— Держислав Абрамович и Флориан Войцехович — польские воеводы. О Флориане Войцеховиче см. рассказ под 6757 (1249) г.

[114] *Еже притъчею глаголють Книга: «Не оставлешюся камень на камени»* — цитата из Евангелия (Мф. 24, 2; Лк. 19, 44; 21, 6).

[115] *...бѣаху володимьрьскыи пискупѣ... пискупъ володимерьскый.*— Асаф — Иоасаф, епископ владимиро-волынский, Святогорец (т. е. прибывший со Святой Горы, с Афона). Как рассказывается ниже, Иоасаф был епископом в Угровске, но потом (во время нашествия татар) он самовольно захватил митрополичью кафедру и за это был смещен Даниилом Романовичем со своей кафедры. Епископия в Угровске была упразднена и переведена во вновь созданный город Холм. О жизни Иоасафа известно мало: в Лаврентьевской летописи (и некоторых других) сообщается, что в 6737 (1229) г. он был в числе трех кандидатов на Новгородский святительский стол. Василий — епископ владимиро-волынский; о нем сведений нет. Микифор — Никифор,

епископ владимиро-волынский; по прозвищу Станило, из придворных князя Василька. Кузма — Косма, епископ владимиро-волынский, хиротонисан в 1156 г., умер в 1167 . Эта статья была составлена епископом Кириллом, составителем Галицкого свода. Он предполагал рассказом о владимирских епископах завершить свой труд.

[116] *Богу же изволившю... во Холмъ.*— Этот отрывок принадлежит перу епископа Иоанна, продолжившего работу митрополита Кирилла над Галицкой летописью. Он использовал материал своего предшественника и дополнил его своим; таким образом вся повесть о епископах, находящаяся на стыке сводов Кирилла и Иоанна, содержит два слоя обработки материала, и «швы» очень заметны. Сразу же бросается в глаза противоречие в тоне рассказа с предыдущим отрывком о епископах – Кирилл отзывается о Иоасафе: «Асаф блаженный, преподобный». Иоанн пишет: «Асаф Вугровский, иже скочи». В рассказе об епископах об Иоасафе говорится дважды, и как будто речь идет о двух разных людях. Холмъ – урочище, а затем город в Волынской земле, столица Галицко-Волынского княжества при Даниилe Романовиче (ныне г. Хелм в Польше). Иванъ пискупъ — Иоанн, епископ холмский с 1260 г., назначен на место епископа Иоасафа. Составитель Холмского свода.

[117] *Въ лѣто 6732.*— В рукописи на нижнем поле приписано: Калецькое побоище.

[118] *...моавитяне...*— племя, происходящее, по Библии, от Моава, сына Лота, и жившее на восток от Иордана и Мертвого моря. Этим библейским именем древнерусские книжники обычно называют татар.

[119] *...Юръгий Кончакович...*— Юрий Кончакович — половецкий князь, сын знаменитого Кончака, убит в 6732 (1224) г. (на его дочери был женат великий князь Всеволод Юрьевич).

[120] *...Мьстиславъ Романовичь в Киевѣ, а Мьстиславъ в Козельскѣ и Черниговѣ, а Мьстиславъ Мьстиславичь в Галичѣ...*— Мстислав Романович — великий князь смоленский (с 1198 г.), киевский (с 1212 г.), сын Романа Ростиславича, участвовал в битве при Калке; захваченный в плен, был убит татарами вместе с другими пленными князьями. Мстислав Святославич — князь черниговский, сын Святослава Всеволодовича, убит в битве при Калке. Мстислав Мстиславич Удалой — см. выше.

[121] *Юрья же князя великого Суждальского...*— Юрий Всеволодович — великий князь владимирский и суздальский, сын великого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, один из сильнейших и влиятельнейших русских князей, активный политик и удачливый полководец. Погиб в битве с татарами на р. Сити 3 марта 1238 г.

[122] *...Михаилъ Всеволодичь...*— Михаил Всеволодович — князь черниговский (умер 20 сентября 1246 г.), сын князя Всеволода Святославича Чермного, мать — Мария, дочь Казимира Справедливого; женат на сестре Даниила Романовича Галицкого; сестра Михаила

Черниговского Агафья замужем за Юрием Всеволодовичем Владимирским, дочь — за Васильком, племянником великого князя Юрия Всеволодовича, сын Ростислав женат на Анне, дочери венгерского короля Белы IV, ее сестра Кинга замужем за польским королем Болеславом Стыдливым. Михаил Черниговский активно участвовал в политической жизни южной Руси, вел борьбу с Даниилом Галицким; в 1238 г. при приближении татар бежал в Венгрию, просил у венгерского короля, своего родственника, поддержки, но ему было отказано. Поехал к Батыю, надеясь получить от него Черниговское княжение, но за отказ поклониться богам был убит вместе с боярином Феодором. Вероятно, причиной убийства его Батыем была его прозападная ориентация и родственные связи с западом. Михаил Всеволодович Черниговский и его боярин Феодор причислены к лику святых как мученики, погибшие в Орде. См. Повесть о Михаиле Черниговском.

[123] *...Всеволодъ Мьстиславичь Кыевьскый...*— Всеволод Мстиславич — князь новгородский и псковский, затем смоленский, сын Мстислава Романовича. Здесь назван князем киевским.

[124] *Басты* — Бастый (Бастий) — половецкий хан.

[125] *...ко острову Варяжьскому.*— Варяжский остров — на Днепре около Киева (ныне затоплен Каневским водохранилищем).

[126] *...у рѣкы Хорьтицѣ...*— Река Хортица — приток Днепра.

[127] *...Домамѣричь Юрьгий и Держикрай Володиславичь...*— Юрий Домамирич и Держикрай Владиславич — галицкие воеводы.

[128] *...до рѣки Калкы...*— Калка — река, впадающая в Азовское море. На ней в 1224 г. произошла первая битва русских с татарами.

[129] *...Иванъ Дмитрѣевичь...*— Иван Дмитриевич — киевский воевода.

[130] *...Мьстиславъ Нѣмый...*— Мстислав Немой, князь Пересопницкий.

[131] *...до Новагорода Святополчьского.*— Новгород Святополческий — город в Переяславской земле.

[132] *...воеваша землю Таногустьску...*— Тангуты — племя в Тибете, в XIII в. сильное государство.

[133] *...Чаногизъ...*— Чингисхан (Тэмуджин, Тэмучин; 1155—1227) — полководец, основатель первого в истории единого государства монголов. Умер во время тангутского похода.

[134] *...на Лысую Гору.*— Лысая Гора — местность в Малопольше, близ Сандомира.

[135] *...Андрѣй.*— Андрей — галицкий боярин и дворский, выдающийся полководец, служивший Даниилу Романовичу и Льву Даниловичу. См. о

нем под 6735 (1227), 6749 (1241), 6753 (1245), 6757 (1249), 6759 (1251), 6763 (1255) и 6764 (1256) гг. Его военные донесения вошли в Галицко-Волынскую летопись.

[136] *...Володимера Киевьского...*— Владимир Рюрикович (1184—1239), великий князь киевский, сын Рюрика Ростиславича, о нем см. также под 6736 (1228), 6738 (1230), 6741 (1233), 6742 (1234) и 6743 (1235) гг.

[137] *...конь свой борзый актазъ...*— Конь актаз — половецкий конь; венгерские кони — фари.

[138] *...тестеви своему Котяню...*— Мстислав Удалой был женат на дочери Котяна.

[139] *...в горы Кавокаськия, рекше, во Угорськыя...*— Карпаты.

[140] *...на рѣку Днестръ...*— Исправлено; в рукописи ошибочно Днепр.

[141] *...отца своего Тимофѣя...*— Тимофей — духовник Мстислава Удалого.

[142] *...якоже изгна Богъ Каина... брата твоего...*— Близкий к тексту пересказ стихов библейской Книги Бытие, где рассказывается о проклятии Богом Каина, убившего брата Авеля.

[143] *...иде ко Изяславу...*— Изяслав Мстиславич Смоленский — союзник Михаила Черниговского в борьбе против Даниила за Галич. В 6739 (1231) г. он воевал против Даниила вместе с венгерским королевичем Андреем, в 6741 (1233) г. в союзе с половцами помогал Даниилу завоевывать Киев, но сам и захватил город. В 6743 (1235) г. был изгнан из Киева Ярославом.

[144] *Бѣ бо лукавый льстѣць... имения ради ложь.*— Цитата из 2-й книги «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, гл. 21.1 (см.: Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.–Л., 1958, с. 287), где такая характеристика дана противнику Иосифа Флавия — Иоанну, сыну Левия.

[145] *...вда дщерь свою меншую за королевича Андрѣя...*— Андрей — королевич Андрей, сын венгерского короля Андрея II, с 1226 по 1234 г. князь галицкий. Он вступил в борьбу за Галич сразу же после женитьбы на Марии Мстиславне (сестре жены Даниила Романовича, дочери Мстислава Удалого), участвовал в событиях 6737 (1229), 6739 (1231), 6741 (1233) и 6742 (1234) гг. В 6742 (1234) г., оказавшись в осаде в Галиче, «изнемогал от голода» и умер (есть мнение, что он был отравлен).

[146] *...лестиваго Семьюнка Чермьнаго...*— Семьюнко Чермный (может быть, Симеон Рыжий?) — галицкий боярин, связанный с провенгерской партией галицких бояр. О нем см. также 6737 (1229) и 6742 (1234) гг.

[147] *...ко Кремянцю...*— Кремянец (Кременец) — город в Волынской земле, ныне в Тернопольской обл.

[148] *...по Лохтио...*— Лохть — река в Галицкой земле.

[149] *...посласта люди своя к Бугу...*— Исправлено; в рукописи было *к брату*; в *П — к Богу*, в *Х — к боу* и исправлено на *Бугу*.

[150] *Понизье* — Подольская земля.

[151] *...Торьцкому...*— Торцький город (т. е. город торков) или Торческ — город в Поросье.

[152] *...Ивана...*— Иван Мстиславич, сын Мстислава Немого, князь Луцкий.

[153] *...Черторыескъ...*— Черторыйск (Черторыеск, Чарторыеск, Чорториск) — город в Волынской земле на реке Стыри, ныне Волынская обл. на Украине.

[154] *...пиняне.*— Имеются в виду князья пинские Ростислав и его сыновья.

[155] *...въ Жидичинъ...*— Жидичин (Жидичев, Зудечев) — город в Волынской земле на реке Стыри. Там был монастырь св. Николая.

[156] *...Ивана.*— Иван Михалкович, воевода галицкий. См. также под 6738 (1230) г.

[157] *...Олексию Орѣшькомъ...*— Алексей (Олекса) Орешек— галичанин.

[158] *...убьенъ бысть Шелвомъ.*— Шелв — галицкий воевода. О нем см. также в рассказах под 6739 (1231) и 6757 (1249) гг.

[159] *...Межибожие.*— Межибожье — город в Волынской земле на реке Южный Буг (ныне г. Меджибож Хмельницкой области на Украине).

[160] *Курилъ митрополитъ...*— Кирилл I, митрополит киевский (1225—1233); родом грек.

[161] *Ростиславъ Пиньскый...*— Ростислав — князь пинский, захватил Луцк после смерти Мстислава Немого.

[162] *...бѣша бо дѣти его изыманы.*— При осаде Луцка Даниил Романович взял в плен луцкого князя (сына Ростислава, имя его не названо).

[163] *...«яко бо бѣ отецъ его постриглъ отца моего»...*— Рюрик Ростиславич Киевский в 1203 г. насильно постриг Всеволода Святославича Чермного.

[164] *...Павла своего...*— Павел — галицкин боярин. См. также запись под 6740 (1232) г.

[165] *...Воротиславъ Петровичь, Юрьии Толигнѣвичь...*— Вратислав Петрович и Юрий Толигневич — послы Даниила Романовича и Михаила Всеволодовича.

[166] *...Святополкомъ, Одовичемь Володиславомъ...*— Святополк — князь поморский. Владислав Оттонович — князь великопольский, сын князя познанского Оттона, племянник Владислава Тонконогого.

[167] *...на Володислава на Стараго.*— Владислав Старый (Тонконогий) (1209—1231), великий князь краковский.

[168] *...къ Калешю.*— Калиш — город в Польше.

[169] *...придоша Вепру...*— Вепр — село под Калишем.

[170] *...прѣидоша рѣку Пресну...*— Пресна — река во Вратиславской (Вроцлавской) земле.

[171] *...догнаша Милича и Старогорода...*— Милич и Старогород — города в Польше.

[172] *...Жеравецъ* — приспособление для поднятия подъемного моста.

[173] *Станиславъ же Микуличь...*— Станислав Микулич — галицкий боярин.

[174] *...Мьстиуя.*— Мьстиуй (Мстивой) — воевода польский; В. Т. Пашуто назвал его «кастеллян вислицкий».

[175] *...проче Володимера Великаго, иже бѣ землю крестилъ.*— Владимир Святославич (ум. в 1015 г.) — великий князь киевский, при котором в 988 г. произошло крещение Руси.

[176] *...ѣха Василко Суждалю на свадбу шурина своего, ко великому князю Юрью...*— Шурин Василька, брат его жены Елены Юрьевны, Всеволод Юрьевич, сын великого князя владимирского и суздальского Юрия Всеволодовича, женился на Марине Владимировне, дочери Владимира Рюриковича Киевского.

[177] *...дворъ Судиславль.*— Двор княжеский (домен) или боярский (замок), резиденция князя или боярина, обычно вне города, средоточие его богатства, арсенал оружия, склад ремесленных изделий, продовольствия.

[178] *...стоаше Углъницѣхъ...*— Угольницы (Угольники) на реке Днестр близ Галича.

[179] *...до рѣкы Ушицѣ...*— Ушица — река в Галицкой земле и город при впадении р. Ушицы в Днестр (ныно г. Старая Ушица Хмельницкой области на Украине).

[180] *...и обьсѣде в силѣ тяжьсцѣ.*— Было три способа взятия города: облежание (обседание, обстояние, обступление), то есть осада, измор; изгон (изъезд) — внезапный налет на город; взятие копьем — штурм.

[181] *Изииде же Бѣла риксъ, рекъмый король Угоръскый...*— Бела IV (1209—1270), король венгерский с 1235 г., сын короля Андрея II. Его сын Стефан V – король; его дочери: Кинга (Кунигунда), жена Болислава Стыдливого, великого князя краковского; Анна, жена Ростислава Михайловича Черниговского; Констанция, жена Льва Даниловича Галицкого; Иоланта, монахиня. Воевал с Даниилом Романовичем за Галич, но с 1246 по 1264 г. был с ним в союзе. Во время нашествия татаро-монголов бежал в Австрию, после их ухода стал укреплять свою землю. Воевал с Венецией за Далмацию и с чешским королем за Австрию в 1253—1254 и 1260 гг. Летопись называет Белу король-рикс. Некоторые исследователи считают, что, прибавляя «рикс» (rex — король), летописец просто проявляет свою образованность, но возможно, что этот термин соответствует русскому «великий князь» (т. е. король более высокой категории, чем другие); в Галицко-Волынской летописи слово «рикс» употреблено только в отношении Белы.

[182] *...половци Бѣговаръсови.*— Беговарс — половецкий хан.

[183] *Богъ попусти на нѣ рану фараонову.*— В библейской Книге Исход рассказывается о «казнях египетских», то есть разных бедствиях, которыми Бог поразил фараона и египтян.

[184] *...«Скыртъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ»...*— Цитата из Хроники Иоанна Малалы.

[185] *...ко Василеву...*— Василев — город в Галицкой земле, ныне село в Черновицкой обл.

[186] *...акы ис чрева* (в *П* и *Х*: ис червия) — испорченный текст, имеется в виду слово «черевие», то есть башмаки.

[187] *...со братучадьемь его Олександромъ...*— Александр Белзский — см. выше; слово «братучадо» обычно означает «племянник».

[188] *...на слугу королева...*— Это выражение показывает, что весь этот рассказ был «поновлен» в более позднее время, ведь Даниил Романович получил титул короля только в 1254 г. Рассказ о покушении на жизнь Даниила Романовича записан, возможно, со слов тысяцкого Демьяна, очевидца событий.

[189] *...Невернымъ Молибоговидьчьмь...*— Молибоговичи (Молибожичи) — боярская семья в Галиче, оппозиционная Даниилу Романовичу.

[190] *...побѣгшимъ имъ, яко оканьны Святополкъ.*— Святополк — сын великого князя Владимира Святославича; по его приказанню в 1015 г. были убиты его братья Борис и Глеб. За это братоубийство Святополк прозван Окаянным и в древнерусских памятниках выступает как символ предательства и братоубийства.

[191] *...во Вишьню.*— Вишня — замок боярина Филиппа, между Звенигородом и Перемышлем.

[192] *...во Браневичаве рьли...*— Браничева отмель — местность в Галицкой земле (ныне в Дрогобычском районе Львовской обл.).

[193] *Ивана же посла сѣдѣлничего своего...*— Седельничий — придворная должность при князе, лицо, ведавшее княжескими конями.

[194] *...и по Вольдрисѣ...*— Володриса — галицкий боярин, о нем ничего не известно. В. Т. Пашуто считает, что Волдриса – местность в Болоховской земле.

[195] *...18 отрокъ вѣрнихъ...*— Отроки — члены младшей дружины, молодые дружинники, а также дворовые слуги.

[196] *Соцкый...*— Сотский — военная и административная должность, подчиненная тысяцкому, командир сотни.

[197] *...Володиславъ Юрьевич...*— галицкий боярин.

[198] *...Воротъ Угорьскыхъ...*— Угорские ворота — перевал в Карпатах около г. Санока (ныне перевал Дукля на границе между Польшей и Чехией).

[199] *...ко Ярославу.*— Ярослав (иногда его называют Ярославль) — город в Галицкой земле на р. Сане.

[200] *...Давыдови Вышатичю...*— Давыд Вышатич — галицкий боярин.

[201] *Чакови...*— Чак — венгерский боярин.

[202] *Климята же с Голыхъ горъ...*— Климята — галицкий боярин. Голые горы — у Рожья поля, близ Звенигорода-Галичского, по-видимому замок Климяты.

[203] *...Торцький городъ.*— Город Торческ.

[204] *...к Белобережью.*— Белобережье — в Киевской земле.

[205] *...о рѣку Солучь...*— Случь (Сулочь) — правый приток Припяти.

[206] *...до рѣкы Деревное...*— река в Болоховской земле.

[207] *...из лѣса Чертова.*— Чертов лес в Киевской земле.

[208] *...о рѣку Вѣлью.*— Велья — приток Горыни.

[209] *...поиде ко Торчеву.*— Торчев — город в Волынской земле (ныне Торчин Луцкого района Волынской области на Украине).

[210] *«Мьдляй на брань страшливу душь имать».*— Цитата из библейской Книги Иисуса Сирахова.

[211] *Приехавшимъ же соколомь стрѣлцемь...*— Сокол —таран, стенобитное орудие. Стрельцами обычно называли лучников, а также тех, кто стреляет камнями из стенобитных орудий.

[212] *...вободе копье свое...*— Древнерусские воины употребляли три вида копий: копьем, которым пользовался всадник, можно было пробить доспехи противника. Копье-рогатица, самое большое, состояло из древка (оскепища) и металлического острого наконечника. Маленькое, легкое короткое копье (сулица, дротик) метали во врага, но можно было действовать им и не выпуская его из рук, в рукопашной схватке и при преследовании.

[213] *Въ лѣто 6740.*— Здесь дата поставлена в рукописи по ошибке, ибо в тексте продолжается описание боя.

[214] *...Плѣснъску...*— Плеснеск (Пленск) — город в Галицкой земле (недалеко от г. Броды Львовской обл. на Украине).

[215] *...подъ Аръбузовичи...*— Арбузовичи — галицкие бояре, они держали укрепленный город Плеснеск.

[216] *...выведе Дьяниша...*— Дьяниш (Дионисий) — венгерский воевода.

[217] *О лесть зла есть... прииметь.*— Изречение, приписываемое Гомеру.

[218] *...порокы...*— Пороки (праки, пращи) — камнеметные орудия пращевидного действия; они были двух видов: ручного натяжения и с противовесом. Пороки привозили с собой или строили под стенами осаждаемого города. См. ниже коммент. к словам: «таранъ на нь поставиша».

[219] *...Доброславъ...*— Доброслав Судьич — галицкий боярин; впоследствии он вокняжился в Галиче, но был схвачен Даниилом Романовичем.

[220] *Он же поиде прочь... по Данилѣ.*— Здесь порча текста, которую не удается исправить. Как следует читать текст? «*Он же поиде прочь Галича, они же думахуть ять (?) галичане* (м. б., *яти Галич?*)...» Можно только восстановить общий смысл отрывка: в начале абзаца сказано, что часть галичан выехала к Даниилу; после того, как Александру Белзскому предложили Галич, если он отделится от Даниила, он, видимо, отошел и ждал. А галичане (вышедшие к Даниилу) «думахуть». т. е, совещались, как им поступить, и остались с Даниилом. Мы

предлагаем еще одно понимание этого места: «Галичани же думахуть яти галичани...», т. е. галичане, бывшие в осаде, видя, что Александр Белзский ушел и ослабил таким образом осаждающих, решили захватить обратно тех галичан, которые вышли к Даниилу. Ход событий решила смерть королевича.

[221] *...ко тьсту своему Киевъ.*— Александр Белзский был женат на дочери киевского князя.

[222] *...угони и во Полономь, и яша и в лузѣ Хоморськомь.*— Полоный — город на р. Хоморе в Болоховской земле (ныне г. Полонное Хмельницкой области на Украине); р. Хомора — приток Случи.

[223] *...Мьстиславъ Глѣбовичь.*— Мстислав Глебович — черниговский князь, сын князя Глеба Святославича. См. также рассказы 6745 (1237) и 6747 (1239) гг.

[224] *...взяша и Хороборъ, и Сосницю, и Сновескъ...*— Хороборь (к северу от Чернигова), Сосница (на р. Убеди) и Сновеск (на правом берегу р. Снови) — города Черниговской земли. О местоположении этих древних городов см. в статье П. Голубовского «Где находились существовавшие в домонгольский период города: Воргол, Глебль, Зартый, Горгощь, Сновск, Уненеж, Хороборь». – «Журнал Министерства народного просвещения», 1903, т. 5, с. 111–135.

[225] *...таранъ на нь поставиша...*— Здесь таран — то же самое, что порок — камнеметное орудие. Кроме камнеметных, были еще тараны ударного действия, собственно стенобитные орудия. Они назывались бараны или овны, но на Руси большого распространения не имели.

[226] *...воевалъ бо бѣ от Крещениа до Вознесения...*— То есть от января до мая (Крещение – 6 января, Вознесение – через сорок дней после Пасхи).

[227] *...Борисъ же Межибожьскый свѣтомъ Доброславълимъ и Збыславлимъ...*— Борис Межибожский — болоховский князь; В. Т. Пашуто предполагает, что он – сын Мстислава Ингваревича, который в 6735 (1227) г. захватил Перемиль и Межибожье. Доброслав, Збыслав — см. выше.

[228] *...Судиславу же Ильючю...*— Судислав Ильич — галицкий боярин.

[229] *...Данила Нажировича.*— Даниил Нажирович — галицкий воевода.

[230] *...торкы... со торки...*— тюркское племя, жившее в Болоховской земле (на южной границе Киевской земли, на р. Росе); в ркп. *торцькы.*

[231] *...крижевникомь Тепличемь, рекомымь Соломоничемь.*— Имеется в виду Тевтонский орден (существовал с XIII в. по 1525 г.), католический рыцарский орден, в задачу которого входило распространение католичества в Прибалтике. Русские и польские князья, а также литва, ятвяги, пруссы, жмудь постоянно воевали с

немецкими рыцарями, защищая независимость своей земли. Кроме собственно Тевтонского ордена, был еще орден Меченосцев (основанный в 1202 г.), который присоединился к Тевтонскому в 1237 г., после разгрома его новгородским князем Ярославом Всеволодовичем. На территории Польши существовал еще орден «Добжинские братья», который слился с Тевтонским в 1235 г. в один Ливонский орден. Рыцари-монахи (летопись называет их «божии дворяне» или «немци-братья») назывались крижевниками (крестоносцами) из-за нашитого на их одежде креста, или тепличами (темплиерами), потому что в основу их устава был положен устав палестинского ордена темплиеров (храмовников); с этим же связано название соломоничи.

[232] *...старѣйшину ихъ Бруна...*— Бруно — магистр добжинских рыцарей.

[233] *...Изяслава Новгородьского.*— Изяслав Ярославич, князь новгородский.

[234] *...пошелъ бяше Фридрихъ царь на гѣрцика войною...*— Фридрих II — император германский, и Фридрих Воинственный — герцог австрийский (см. выше).

[235] *...приде Ярославъ Суждальскый...*— Ярослав Всеволодович Суздальский (1190—1246) — сын Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, отец Александра Невского. В 6743 (1235) г. он захватил Киев, в 6752 (1244) г. был у Батыя «с честью», в 6754 (1246) г. умер по пути из Орды (считается, что татары его отравили).

[236] *Пискупу же Артѣмью и дворьскому Григорью...*— Артемий — епископ галицкий (1235—1240), сторонник князя Ростислава Михайловича. См. также рассказ 6749 (1241) г. Григорий Васильевич — боярин галицкий, дворский; см. о нем также под 6748 (1240) г.

[237] *...на Боръсуков Дѣлъ, и прииде к Бани, рекомѣй Родна...*— Барсуков Дел — возвышенность, часть Карпат; через него проходил путь на Василев через Буковину. Баня Родна (Рудня) — город в Галицкой земле; проход из долины реки Быстрицы в долину Самоша, ныне в Румынии.

[238] *Побоище Батыево* — киноварный заголовок; таким образом писец Ипатьевской рукописи отмечает начало нового раздела. Повесть о нашествии Батыя, заимствованная из Киевской летописи, находится на стыке сводов митрополита Кирилла и епископа Иоанна. Батый — монгольский хан, основатель Золотой Орды, сын Джучи, внук Чингисхана, умер в 1251 г. Возглавлял поход на Восточную Европу 1236—1242 гг.

[239] *...изведше на льсти князя Юрья...*— Юрий Игоревич — князь рязанский, сын Игоря Глебовича.

[240] *Кюръ Михайловичь...*— Сын пронского князя Михаила кир Всеволодовича. Слово «кир» означает «господин» (греч. Κύριος), почетный титул, прибавляемый к имени князя или духовного лица.

[241] *...великому князю Юрьеви...*— Юрий Всеволодович. См. выше.

[242] *...посла сына своего Всеволода...* – Всеволод Юрьевич – сын Юрия Всеволодовича, великого князя суздальского (на его свадьбу ездил князь Василько Данилович).

[243] *...на Колодне...*— Колодна — г. Коломна, близ впадения реки Москвы в Оку.

[244] *...во Володимерѣ...*— Владимир на Клязьме, столица Владимиро-Суздальского княжества.

[245] *...безаконьнымъ Буронадаема...*— Бурундай (Борундай, Буранда) — монголо-татарский воевода. В 30—40-х гг. участвовал в походе Батыя на Русь, в 1248 г. приходил с Батыем к Киеву. В 1258 г. он возглавил поход на Литву, в 1259 г.— на Польшу. Подчинил юго-западную Русь, по его приказанию были разрушены городские укрепления всех галицко-волынских городов, кроме Холма. В *ПСРЛ* Бурундай 30–40-х гг. и Бурундай 50-х гг. рассматриваются как два разных лица.

[246] *...преподобный Митрофанъ епископъ...*— Митрофан — епископ владимирский и суздальский, рукоположен 14 марта 1227 г.; погиб в 1237 г. во время захвата Владимира монголо-татарами.

[247] *...сыны темничи три.*— Темники — начальники больших войсковых подразделений у татар (от слова «тьма» — десять тысяч).

[248] *...град Переяславль...*— Переяславль-Залесский.

[249] *...епископа преподобнаго Семеона...*— Симеон — епископ переяславский (девятый и последний — после его гибели епископия в Переяславле была упразднена).

[250] *Меньгуканови...*— Меньгу-хан (Мангу) — татарский воевода.

[251] *...во Градъка Пѣсочного...*— Городок Песочный — на территории современного Киева за Днепром.

[252] *...Ростиславъ Мьстиславичь Смоленьского...*— Ростислав Мстиславич — сын князя смоленского Мстислава Давыдовича, великий князь киевский с 6746 (1238) г.

[253] *...остави в немь Дмитра...*— Дмитр — киевский наместник.

[254] *...яко бѣжалъ есть Михаилъ ис Кыева в Угры, ѣхавъ я княгиню его...*— Порча текста, пропущено имя князя — Ярослав Всеволодович Суздальский. Жена Михаила Черниговского была сестрой Даниила Романовича.

[255] *Король же не вдасть дѣвкы своей Ростиславу...*— Ростислав Михайлович сватался к дочери короля Белы Анне, брак состоялся позднее, в 1243 г.

[256] *Идоста Михаилъ и Ростиславъ ко уеви своему в Ляхы и ко Кондратави.*— Кондрат Мазовецкий приходился Михаилу Черниговскому дядей: мать Михаила — сестра Кондрата, дочь Казимира Справедливого.

[257] *...в землю Воротьславьску...*— Вратиславская земля — Вроцлавская.

[258] *...ко мѣсту немѣцкому именемь Середа.*— Город Середа, в Австрии (ныне — Меркуря-Чук в Румынии).

[259] *...ко Иньдриховичю.*— Индрихович (Генрихович) — Генрих II, князь вроцлавский, сын Генриха I.

[260] *...около святое Богородицѣ.*— Десятинная церковь Успения в Киеве, построена в 996 г. Владимиром Святославичем, отдавшим на ее содержание десятую часть своих доходов, отчего она и названа Десятинной.

[261] *...к городу Колодяжьну.*— Колодяжен (Лодяжен) — город в Волынской земле на реке Случи.

[262] *...Изяславлю...*— Изяславль — город в Волынской земле, на реке Горыни, ныне Изяслав Хмельницкой области на Украине.

[263] *...градъ Даниловъ...*— Данилов — город в Волынской земле, построенный Даниилом Романовичем, ныне городище около с. Даниловки в Шумском районе Тернопольской области.

[264] *...на рѣцѣ Солоной.*— Река Сайо в Австрии, ныне река Шайо в Венгрии.

[265] *...хотя имѣти с ним любовь сватьства...*— Речь идет о сватовстве Даниила Романовича к дочери венгерского короля Белы IV Констанции для сына своего Льва Даниловича. Брак состоялся позднее, в 6758 (1250) г.

[266] *...въ Синеволодьско во манастырь святыя Богородица.*— Синеволодский монастырь в Карпатах, при впадении реки Опора в реку Стрый.

[267] *Иде изо Угоръ во Ляхы на Бардуевъ и приде во Судомирь.*— Бардуев — город в Польше, на р. Попраде — ныне Бардеев в Словакии. Судомирь (Сандомир; Sędomierz) — город в Польше, на р. Висле. После смерти короля Болеслава Кривоустого в 6647 (1139) г. стал столицей удельного княжества.

[268] *...на рѣцѣ рекомѣй Полцѣ...*— Полка — река в Польше.

[269] *Иде в землю во Омазовьскую... Вышегородъ.*— Мазовская земля — историческая область в Польше в среднем течении Вислы и нижнем течении Буга и Нарева, с X в. самостоятельное княжество, с середины XIII в. делилась на мелкие феодальные уделы, в 1526 г. вошла в состав королевства Польского. Болеслав Кондратович — князь Мазовецкий (Серадзский), сын Кондрата Казимировича. Будучи близким родственником Даниила (бабка Даниила была сестрой деда Болеслава), Болеслав Мазовецкий предоставил Даниилу с семьей убежище у себя в трудное время и дал в княжение Вышегород.

[270] *...ко граду Дорогычину...*— Дорогичин — город в Подляшье на Западном Буге (ныне в Белостокском воеводстве Польши, назывался Бельским, Надбужским или Подляшским). Крупный торговый центр на пути из Львова в Прибалтику, около него происходили битвы с ятвягами и с литвой, в 1237 г. Даниил Романович там победил немецких рыцарей. В 6796 (1288) г. он был отдан Льву Даниловичу.

[271] *...во Водаву...*— Водава — город в Галицкой земле.

[272] *...во Бакоту...*— Бакота — город в Понизье на Днепре.

[273] *...посла Якова...*— Яков — стольник Даниила Романовича, которому было поручено разобрать боярскую крамолу в Понизье; его отчеты вошли в летопись.

[274] *А Коломыйскюю соль отлучите на мя.*— Коломыйская соль — соляные прииски в городе Коломые (на реке Пруте), принадлежали великому князю. Ниже говорится, что доход от них использовался «на роздавание оружником», то есть для выплаты жалованья воинам.

[275] *...Иворъ Молибожичь...*— Ивор Молибожич — галицкий боярин из семьи Молибоговичей.

[276] *...ни Вотьнина...*— Вотьнин — село недалеко от Коломыи.

[277] *Курилови же сущю печатнику...*— Кирилл — боярин-печатник (т. е. канцлер), приближенный галицких князей, впоследствии стал митрополитом — Кирилл II (1242—1280). Кирилл — составитель княжеского свода Галицкой летописи. Тождество Кирилла-митрополита и Кирилла-печатника (упоминающегося под 6751 (1243) и 6758 (1250) гг.) доказывается в статье Д. С. Лихачева «Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского». – *ТОДРЛ*, т. 5. Л., 1947, с. 36–56.

[278] *...поима грады ихъ... Дядьковъ.*— Перечислены города в Болоховской земле: Деревич, Губин (Губкин), Кобуд, Кудин, Городец (Городок), Бужск, Дядьков. Дядьков принадлежал кормильцу дядьке Мирославу.

[279] *И пришедъ ко Печерѣ Домамири...*— Домамиря Печера — город в Галицкой земле, принадлежал боярам Домажиричам.

[280] *...до Щекотова...*— Щекотов — город в Галицкой земле.

[281] *...Калиуса...*— Калюс — город в Понизье (ныне городище в Хмельницкой обл.).

[282] *...на Костянтина Рязаньского...*— Константин — боярин рязанский, служивший Ростиславу Михайловичу; его сын Остафий служил Миндовгу.

[283] *...пѣвца Митусу...*— Митуса — придворный певец.

[284] *«Буесть дому твоего скрушиться, бобръ и волкъ и язвѣць снѣдяться».*— Цитата из библейской Книги Иисуса Сирахова.

[285] *...до Володавы...*— Володава — город в Галицкой земле.

[286] *...Доманомъ Путивльцемь...*— Доман Путивлец — убийца Михаила Черниговского и боярина Феодора.

[287] *...заратившимся с Болеславомъ, князем лядьскимь...*— Имеется в виду Болеслав V Стыдливый.

[288] *...по Изволи и по Ладѣ, около Бѣлое...*— Лада, Изволь и Белая — реки в Польше.

[289] *Завихвостъ* — город в Ляшской земле (Малая Польша), ныне Завихвост в Тарнобжегском воеводстве в Польше.

[290] *...около Андрѣева.*— Андреев — город в Волынской земле на реке Влодавке (приток З. Буга), ныне с. Анджеюв в Хельмском воеводстве в Польше.

[291] *...сыновца своего Всеволод... и Якова...*— Всеволод — сын Александра Белзского; Яков Маркович — галицкий боярин, дворский, упомянут также в рассказах под 6755 (1247) и 6757 (1249) гг.

[292] *...на рѣцѣ Сѣчници...*— Сечница — река в Галицкой земле у Перемышля (ныне Сечня).

[293] *Аишьвно Рушькович.*— Айшвно Рушкович — князь литовский из князей Рушковичей, вассальных по отношению к великому князю Миндовгу.

[294] *...саигатъ...*— военная добыча, трофеи.

[295] *...около Мѣлницѣ...*— Мельница — город в Волынской земле, на реке Мельнице, ныне городище в урочище Деркачи Ковельского района Волынской области.

[296] *...Лековнии...*— Лековний (Лонкогвений), или Лингевин — литовский князь, один из крупнейших литовских феодалов, вассальных по отношению к великому князю.

[297] *...осѣкшимся в лѣсѣ...*— В лесу устраивалась изгородь из срубленных и наваленных друг на друга деревьев; в таком «осеке», как в крепости, можно было обороняться от врага. Осеки (или засеки) устраивались также на границах с целью обороны.

[298] *...Михаилъ далъ бѣ ...вѣсть...*— Михаил Пинянин, упоминается также под 6768 (1260) г.

[299] *...около Охоже и Бусовна...*— Охожа — город в Волынской земле, ныне село в Хельмском воеводстве. Бусовен — город недалеко от Холма (ныне село Бусовно в Хельмском воеводстве в Польше).

[300] *...поприщь...*— Поприще (верста) — древнерусская мера длины (1066 м).

[301] *...Скомондъ и Боруть...*— ятвяжские князья.

[302] *...Лестьковой...*— Лестьковая — вдова князя Лестька Гремислава.

[303] *...у Лестьковича...*— Лестькович — сын князя Лестька, будущий князь краковский Болеслав V Стыдливый (1226—1279).

[304] *...Творьянъ...*— Флориан Войцехович.

[305] *...со Воршемь...*— Ворш (Ворж) — польский воевода. Упомянут также под 6776 (1268) г.

[306] *...сосѣдшим же на поли воружиться.*— Вооружение везли в обозе, тяжелые доспехи надевали только перед битвой.

[307] *И бывшу знамению сице надъ полкомъ...*— Традиционно для летописного описания битв здесь рассказывается о птицах, предвещающих кровопролитную битву.

[308] *...керьлѣшъ поющим...*— Польские солдаты пели песнопение с припевом: «Кирие елейсон» (т. е. Господи, помилуй).

[309] *...на канунъ великую мученику Фрора и Лавра.*— 18 августа — память Флора и Лавра.

[310] *Приславшу же Могучѣеви...*— Могучей (Мауци) — татарский воевода.

[311] *...во Дороговьскыи...*— Дороговск (Дороговийск) — город в Волынской земле, ныне с. Дорогуса в Хельмском воеводстве в Польше.

[312] *...на праздник святаго Дмитрѣя...*— Память Дмитрия Солунского — 26 октября.

[313] *...обдержащу Кыевъ Ярославу бояриномъ своимъ Ейковичемь Дмитромъ.*— Ярослав Всеволодович Суздальский тогда был великим князем киевским, Дмитрий Ейкович (Ейконович) — его наместник.

[314] *...в домъ архистратига Михаила, рекомый Выдобичь...*— Выдубицкий Михайловский монастырь в Киеве, основан в 1069 г., разрушен при Батые, восстановлен только в XVI в. В 1231 г. игуменом был Михаил.

[315] *...къ Куремѣсѣ...*— Куремса — татарский воевода; он возглавил поход на Галицко-Волынское княжество; о нем см. в рассказах под 6763 (1255), 6765 (1257) и 6767 (1259) гг.

[316] *...пришедшу же Ярославлю человѣку Сънъгурови...*— Соногур — человек (слуга) князя Ярослава Всеволодовича, погибшего в Орде.

[317] *...великой княгини Баракъчинови.*— Баракчина (Баракчин, Буракчин, Борахджин) — старшая жена хана Угедея. После его смерти, когда великой ханшей стала другая жена Удегея Туракин (Торегене), а затем великим ханом стал Куюк — Баракчин бежала к Батыю (*Махновец*, с. 406).

[318] *...и бысть плачь обидѣ его...*— Так в рукописи; в *П* и *Х* — *о бѣдѣ*.

[319] *...Кондратъ...*— Кондрат Казимирович Мазовецкий.

[320] *...на Нурѣ...*— Нур (Нурец), приток З. Буга.

[321] *...во Изволинъ...*— Изволин — город в Угорском королевстве (ныне в Словакии).

[322] *...брату своему Сомовитови...*— Сомовит — Семовит (Земовит) Кондратович, сын Кондрата князя Мазовецкого, брат Болеслава; был женат на племяннице Даниила Романовича Анастасии, дочери Александра Белзского; убит Шварном Даниловичем в 6770 (1262) г.

[323] *...бѣ бо братучада... Дмитра.*— Настасья — Анастасия Александровна, дочь Александра Всеволодовича Белзского, двоюродная племянница Даниила Романовича, жена Мазовецкого князя Семовита Кондратьевича; после его смерти вышла замуж за венгерского боярина Дмитра.

[324] *...Суда воеводу и Сигнѣва...*— воеводы польские Суди Сигнев; Сигнев еще упоминается под 6765 (1257) и 6776 (1268) гг.

[325] *...злиньцы...*— жители ятвяжского города Злина.

[326] *...во день воскресения, рекше недѣля.*— Слово «неделя» имело в древнерусском языке два значения — седмица и воскресение.

[327] *...Федоръ Дмитровичь...*— Федор Дмитриевич, галицкий боярин.

[328] *...на рѣцѣ Наръви.*— Наровь (Наревь) — приток Вислы.

[329] *...рѣку Лъкъ.*— Лык — правый приток реки Бобра, которая является притоком реки Нарев (ныне река Елк).

[330] *...прусомъ и бортомъ.*— Пруссы — группа балтийских племен, населявших побережье Балтийского моря между Вислой и Неманом. В 30-х гг. XIII в. воевали с Тевтонским орденом, которым в 1283 г. были завоеваны; само племя частью было истреблено, частью ассимилировано, а территория заселена немецкими колонистами; борты — балтийское племя.

[331] *...ко Визьнѣ...*— Визна (Визьня) — город на реке Нарове, ныне село Визна в Ломжанском воеводстве в Польше.

[332] *...бѣ бо имъ рать на бой с нѣмци.*— Здесь рассказывается о знаменитой войне за австрийское наследство между чешским королем Пшемыслом-Оттокаром, венгерским королем Белой IV и Романом Даниловичем Галицким. Победил в этой борьбе Пшемысл-Оттокар, который захватил Австрию и Штирию и титул герцога австрийского (1254—1273 гг.). Рассказ об этой войне в летописи прерывается несколько раз повествованиями об отношениях с литвой, жмудью, ятвягами, поляками.

[333] *...къ Пожгу.*— Ныне — город Братислава.

[334] *Бѣ бо царь обьдержае в едень землю...*— Неясное место: может быть, в едень, то есть один; может быть, Ведень землю — Венскую землю?

[335] *...Ракушьску и Штирьску...*— Ракушская земля — Рагоза (Дубровник); Штирская земля — Штирия.

[336] *Бѣ бо имена посламъ... Пѣтовьскый...*— Имена послов, которые разными исследователями читаются по-разному.

[337] *Нѣмьци же дивящеся... ярыцехъ...*— В книге А. Н. Кирпичникова «Военное дело на Руси в XIII—XV вв.». Л., 1976, с. 9–10 подробно описывается такого рода вооружение, в частности так называемые азиатские (или татарские) доспехи: для людей — ярыки, для коней — личины и кояры; те и другие изготовлялись из кусков твердой кожи и металлических пластинок. Пластинки от таких доспехов находят в археологических раскопках XI—XII вв. Такое вооружение описано и у Плано Карпини в «Истории монголов».

[338] *...изгна Миндогъ сыновца своего Тевтевила и Едивида... Выконтомъ...*— Миндовг — великий князь литовский, объединитель литовских земель; ниже, под 6770 (1252) г., подробно рассказано об убийстве Миндовга. Тевтивил (Товтовил) и Едивид— племянники Миндовга, сыновья его брата великого князя литовского Довспрунка. О Тевтивиле см. в рассказах под 6761 (1253), 6764 (1254), 6768 (1260) и 6771 (1263) гг. В 1263 г. он был убит. Выкинт — князь жмудский, родственник Миндовга, Тевтивила и Едивида,— Миндовг был женат на его сестре.

[339] *...зане сестра бѣ ею за Даниломъ.*— Имеется в виду Анна Мстиславна. Ее матерью была дочь половецкого хана Котяна, другая

дочь Котяна (тетка Анны Мстиславны) была женой Довспрунка. Таким образом, Тевтевил и Едивид — двоюродные братья жены Даниила Романовича.

[340] *...во жемойтѣ...*— Жемайты (русск. и польск. – жмудь) — древнее литовское племя в западной части Литвы; в XIII—XIV вв. боролось против Тевтонского ордена, после Грюнвальдской битвы 1410 г. вошло в состав великого княжества Литовского.

[341] *...немци братья...*— рыцари Тевтонского ордена.

[342] *...поидоста к Новугороду.*— Новогородок Литовский (Новогрудок).

[343] *...брата си посла на Волковыескь... ко Здитову.*— Волковыеск — Волковыск, город в Литве на р. Волковысе, притоке Немана (ныне в Гродненской области в Белоруссии). Услоним (Вослоним) — Слоним, город в Литве на реке Щаре (ныне в Гродненской области в Белоруссии), основан в конце IX в. В 1241 г. разрушен Миндовгом, но был восстановлен Едивидом. Здитов — город в Литве (ныне в Брестской области в Белорусии).

[344] *...божии дворянѣ...*— Ливонские рыцари.

[345] *...ко Андрѣеви, мастеру рижьску...*— Андрей Стирланд (фон Штирланд) — магистр Ливонского ордена.

[346] *...во град именемь Ворута.*— Крепость Ворута в Литве.

[347] *...высла шурина своего...*— Вероятно, имеется в виду Довмонт — он был мужем сестры жены Миндовга.

[348] *...на город... именемь Твиреметь.*— Тверимет — город в Литве, ныне с. Тваряй Плунгенского района.

[349] *Висимотъ...*— Вишимот Булевич — жмудский князь.

[350] *...Ревба...*— Имя посла.

[351] *...со сватомъ своимъ Тѣгакомъ...*— Тегак — половецкий хан.

[352] *...до рѣкы Щарьѣ.*— Щарья (Шара) — левый приток Немана.

[353] *...взяста Городенъ...*— Городен — Гродно.

[354] *Того же лѣта присла Миндовгъ... о сватьствѣ.*— Позднее, уже после смерти Миндовга, его дочь вышла замуж за Шварна Даниловича.

[355] *Хронографу же нужа есть... рощетъше во задьнья.*— Рассуждение о принципах хронологии, которым должен следовать летописец, заимствовано составителем Галицко-Волынской летописи из Хроники Иоанна Малалы.

[356] *...по антивохыйскымь соромъ... до Хрѣстоса.*— В Антиохии (Сирия) была особая система летосчисления, от 48 г. до н. э. Олимпиада — греческая единица летосчисления: четыре года между олимпийскими играми. Начало олимпиад— 776 г. до н. э. Евсевий Памфил (263—340) — епископ Кесарийский, греческий церковный писатель, автор «Хроники», от «сотворения мира» до 323 г. н. э.

[357] *По убьеньи же герьцюковѣ, рекомаго Фридриха...*— С этих слов продолжается рассказ о войне за австрийское наследство. Фридрих II Бабенберг, прозванный Воинственным,— австрийский герцог, последний в династии Бабенбергов. После его смерти оставались два лица из семьи Бабенберг — сестра герцога Маргарита и племянница Гертруда. Маргарита вышла замуж за Оттокара Богемского и таким образом передала ему свои права на Австрию. Венгерский король Бела IV имел также притязания на часть Австрии — на Штирийскую и Рагузскую земли. Желая укрепить свои позиции, король привлек на свою сторону Даниила Романовича, предложив его сыну Роману брак с Гертрудой Бабенберг. В дальнейшем король Бела вел себя вероломно, не поддержал, несмотря на свое обещание, Романа Даниловича в его борьбе против чешского короля, что привело к поражению Романа и вынудило его бежать к отцу. Автор летописи подчеркивает благородство Романа, противопоставляя его коварству венгерского короля. Однако рассказ о событиях в Австрии здесь прерывается после сообщения о свадьбе Романа и сестры герцога и будет продолжен только через несколько листов летописи. А пока летописец рассказывает о том, как Бела использовал союз с галицкими князьями против чешского короля: Даниил Романович отправился на войну с чехами в союзе с ляшским князем Болеславом, жена которого, Кинга, дочь венгерского короля, уговорила его пойти на войну. В рассказе о походе Даниила Романовича на Силезию летописец подчеркивает пассивность и осторожность поляков и мужество и военный талант Льва Даниловича, который помог Даниилу Романовичу, заболевшему во время похода, одержать блестящую победу.

[358] *...на Опаву...*— Опава — город в Моравии, ныне в Опольском воеводстве в Польше.

[359] *...къ городу Козлии...*— Козлия — город в Моравии на р. Одре, ныне г. Козле в Опольском воеводстве в Польше.

[360] *...Володиславъ, сынъ Казимирь Лѣсконогого Межъкы...*— Владислав Казимирович — князь опавский, сын Казимира, сына Межьки Лясконогого (Мечислава Тонконогого).

[361] *...к рѣцѣ Псинѣ...*— Цинна — левый приток Одры.

[362] *...Андрѣй...*— Андрей из Краваржи — чешский воевода.

[363] *Бенешь...*— Бенеш из Краваржи — чешский воевода.

[364] *...близъ града рекомаго Насилья.*— Насилье — город в Моравской земле, ныне с. Наседле в Опольском воеводстве в Польше.

[365] *...во Глубичичѣ...*— Глубичичи — город в Моравии, на реке Псине, ныне г. Глубчице, в Опольском воеводстве в Польше.

[366] *...хотяху взяти града приметомь.*— При осаде городов применялся примет — хворост, доски и бревна, которые можно было поджечь и забросить в город; «приметом» также забрасывали рвы и использовали его как лестницу для подъема на стену. Штурм города приметом наиболее опасен.

[367] *...ко Особолозѣ, или на Гѣрърборта...*— Особолога (Особлага) — город в Моравии, Герборт из Фулштейна — сын Брунона, епископа Ольмюцкого.

[368] *Тогда же во Краковѣ бѣша посли папини...*— Папский посол предлагает Даниилу Романовичу королевский сан, но Даниил отказывается говорить об этом до возвращения в свою землю. Ниже, после рассказа о возвращении Даниила домой, летописец расскажет более подробно о принятии Даниилом королевского сана, указывая другую мотивировку первоначального отказа Даниила принять венец.

[369] *...в домъ Пречистоѣ...*— церковь Богородицы в Холме.

[370] *...в дому святаго Ивана...*— церковь св. Иоанна Златоуста в Холме.

[371] *...пискупа Беренського и Каменецького...*— Легатами папы Иннокентия были епископы брюнский (Ольмюцкая епархия) и каменецкий (Лейбусская епархия).

[372] *Опиза...*— Описо Мессанский — папский легат.

[373] *...от стола святаго Петра...*— Основателем католической церкви считается апостол Петр.

[374] *Присла папа послы... Дорогынчинѣ.*— Здесь сообщается об очень важном в истории Галицкой Руси событии — принятии Даниилом Романовичем от римского папы королевского венца. Папа Иннокентий IV (1243—1254 гг.), сторонник унии католичества и православия, стремился путем присвоения Даниилу королевского сана укрепить позиции католичества на востоке. Он неоднократно присылал своих легатов к Даниилу с предложением этого, но только после обещания помощи от папы, подкрепленного обещаниями со стороны польских князей, заинтересованных в унии, Даниил согласился. Таким образом, он получил сильных союзников для отпора татарам. Летописец сообщает, что Даниил принял венец от папы и от своих епископов, то есть подчеркивает единство обеих церквей, а также то, что королевское венчание Даниила происходило в городе Дорогичине (совершив в нем столь важный политический акт, Даниил подтвердил свои права на этот город). Даниил получил титул короля, и летописец далее называет его на протяжении всей летописи «король Даниил». Однако, как мы видим из дальнейшего повествования, папской помощи против татар не последовало и ни о каких новых альянсах с католичеством Даниила Романовича речи не было.

[375] *...Стѣикинтъ...*— Стекинт — ятвяжский князь.

[376] *...Рай...*— Рай — город в Волынской земле, на озере Рай, или Лык.

[377] *...Милѣй...*— Милей — ордынский наместник — баскак — в г. Бакоте.

[378] *...Андрѣеви...*— Андрей — наместник в Кремянце.

[379] *...Изяслав...*— Изяслав Мстиславич Смоленский.

[380] *...до Грубешева...*— Грубешев — город в Волынской земле, ныне Хрубешов в Польше.

[381] *...яко Федоръ посланъ от него ко Солемь...*— Федор — посол Изяслава Смоленского. Соли — Зальцбург; издатели *ПСРЛ* считали, что Соли находился в Галицкой земле.

[382] *...Войшелкь...*— сын Миндовга, князь литовский, принявший христианство; приняв монашество, он отказался от княжения и передал свои города Шварну Даниловичу. В 6776 (1268) г. убит Львом Даниловичем.

[383] *И вдасть Романови, сынови королеву, Новогородъкъ...*— После возвращения из Австрии Роман Данилович благодаря отказу Войшелка от княжения вокняжился в Новогрудке и других городах Черной Руси.

[384] *И приде к нему Романъ со всими новгородци и со отцемь своимъ Глѣбомъ...*— Упомянуто, что Глеб Волковыйский является тестем Романа Даниловича. Повидимому, этот эпизод, как и предыдущий, об участии Романа в походе против Изяслава Мстиславича, должен читаться после окончания рассказа о войне за австрийское наследство (в Галицко-Волынской летописи этот рассказ продолжен под 6765 (1257) г.), когда Роман покинул Австрию, оставив свою жену Гертруду Бабенберг, и мог жениться второй раз на дочери волковыйского князя. В. Т. Пашуто говорит определенно, что Роман был женат вторым браком на Елене Глебовне, дочери волковыйского князя (с. 281).

[385] *...со Изяславомъ со Вислочьскымъ...*— Изяслав — князь свислочский.

[386] *Бѣгъ, бѣгъ, ятвяземь...*— Исправлено по *Х*. В рукописи первоначально было: бѣжь, бѣжь, потом добавлено: «ятвяземь», и потом исправлено: бѣжать, бѣжать ятвязе.

[387] *Зажгоша Таисевиче, и Буряля, и Раимоче, и Комата, и Дора...*— Таисевичи — ятвяжский род; Бураль,Раймоч, Комат и Дор — ятвяги.

[388] *Си же написахомъ о Романѣ, древле бо писати си, нынѣ же здѣ вписано бысть в послѣдняя...*— Здесь летописец, возвращаясь к рассказу о войне за австрийское наследство, предупреждает читателя, что он возвращается к тому, о чем писал раньше. Упоминанием о

Романе, о котором он рассказывал в ходе повествования о военных событиях, он как бы исправляет допущенную анахронистичность. Повествование об австрийских событиях он начинает с того места, на котором прервал его: с упоминания об обещаниях, которые король венгерский дал Роману и не выполнил.

[389] *...у городѣ Инепѣрьцѣ...*— Неперц (Нейбург), или Гимберт — замок около Вены.

[390] *Часто же приходящу ему на нь герьцюви.*— Имеется в виду Оттокар Богемский, который захватил титул австрийского герцога, женившись на Маргарите Бабенберг.

[391] *...ужика ми еси и свояк.*— Пржемысл II Оттокар был женат на сестре австрийского императора Фридриха II Маргарите Бабенберг, а ее сестра Гертруда была женой Романа Даниловича.

[392] *«Сына ми поими ко дщери, держите и у тали».*— По немецким и венгерским источникам у Гертруды Бабенберг был сын от брака с маркграфом Германом V. Его король Бела взял в заложники (*Махновец*, с. 433).

[393] *...в градѣ Вяднѣ...*— то есть в Вене.

[394] *...Веренъгѣрь, прирокомь Просвѣлъ...*— Бернгард Преуссель.

[395] *...посла Деонисия Павловича...*— Дионисий Павлович — галицкий воевода.

[396] *...на Городокъ и на Сѣмоць... Възъвягляне...*— Семоц (Семоч), Городеск, Жедьчевьев, Чернятин, Возвягль — города в Киевской земле; Тетерев — правый приток Днепра.

[397] *...стоя на Корейки...*— Корецк (Корейка, Корчев, Корец, Кореческ) — город в Волынской земле (ныне Корец Ровенской области на Украине).

[398] *...не перешедшу Стыра...*— Стырь — правый приток Припяти.

[399] *Прилучи же ся сице за грѣхы загорѣтися Холмови от оканьныя бабы.*— К сожалению, летописец ограничивается этим объяснением пожара в г. Холме; однако ему важно подчеркнуть, что не татары подожгли его, как думали жители, поддавшиеся панике, имевшей весьма неблагоприятные последствия для подготовки Даниила Романовича к встрече с Куремсой. Зрелище горящего города описано летописцем в нескольких взволнованных фразах, причем упомянутый им город Львов до сих пор не упоминался в летописи и никаких объяснений насчет его возникновения не было. О начале же самого Холма он тоже расскажет позднее, а здесь, подчеркивая трагичность происшедшего, только обещает рассказать о создании города и о прекрасной церкви, погибшей в пожаре.

[400] *Созда же церковь...огнь попали.*— Описание церкви Иоанна Златоуста в Холме является драгоценным свидетельством об архитектуре XIII в. в Галицкой Руси. Географическое положение Галицкой Руси, а также то обстоятельство, что, в сравнении с другими областями, Галицко-Волынское княжество значительно меньше пострадало от монголо-татарского ига, обусловило своеобразные черты архитектуры и искусства этой области. Галицко-Волынские архитектурные памятники сочетают в себе черты, типичные для древнеруской архитектуры, с западным влиянием. Собор, описанный в данном случае, во многом очень сходен со знаменитыми храмами в Киеве, Боголюбове, Владимире: четырехстолпная постройка с апсидами, украшенная резьбой по камню, внутри церковь украшена многоцветной деревянной резьбой. Все это, равно как и медный пол и водосвятная чаша перед западными дверями, сближает эту церковь с владимиро-суздальскими памятниками. Западное влияние сказывается в витражах, явлении необычном для русской архитектуры. Упоминается имя мастера — Авдей. Об этом мастере ученые спорят — одни считают, что он был владимирский или суздальский мастер, переехавший в Галич и внесший в свою работу влияние владимиро-суздальской архитектуры. По другой версии он — галичанин, который потом уехал в Суздаль и принес туда западные традиции, а потом попал в плен к ордынцам (с ним отождествляют упомянутого Плано Карпини русского мастера, встреченного им у монголо-татар).

[401] *Вежа же средѣ города...*— Постройка башни для защиты и для наблюдения — характерная черта древнерусской оборонительной архитектуры. Чаще башни строились не в городе, а за его пределами. В Галицко-Волынской Руси в середине XIII в. строились особенно высокие (до 30 м) многоярусные башни — каменные и деревянные.

[402] *«...Оже еси миренъ, пойди со мною».*— Русские князья, находясь в зависимости от монголо-татар, были обязаны по их требованию оказывать им военную поддержку. Война с Литвой была нежелательна для галицко-волынских князей, но им пришлось подчиниться.

[403] *Мѣлницѣ...*— Мельник, город в Волынской земле, на З. Буге, ныне с. Мельница Белостоцкого воеводства в Польше.

[404] *Ищющю ему сыновца своего Романа...*— О судьбе злополучного Романа Даниловича, кроме сообщения, что Василько разыскивал его в Литве и Нальщанах, содержится еще два упоминания: что Романа захватил Войшелк, а Даниил и Василько его разыскивают, и — в конце летописи — что Роман погребен в городе Холме. По-видимому, захват в плен Романа литовскими князьями был вызван нарушением Даниилом мирных отношений с Литвой, к которому его принудил Бурундай.

[405] *...землю Литовьскую и Нальщаньску.*— Нальщанская земля — область в Литве.

[406] *...сына своего Володимера.*— Владимир Василькович.

[407] *И пакы посла Михаила, и воева по Зелеви...*— Пинянин Михаил. Зельва (Зелевь) — левый приток Немана.

[408] *«...аже ли азъ буду».*— Далее перерыв в тексте. Летописец говорит: «...по сем же минувшему лѣту» (в списках *П* и *Х* — двѣма лѣты) и продолжает летопись рассказом о свадьбе Андрея Всеволодовича Черниговского и Ольги Васильковны. По-видимому, с этого места начинается свод Владимира Васильковича.

[409] *«Костянтине холопе, и ты, другий холопе Лука Иванковичю...»* — Константин и Лука Иванкович — холмские воеводы.

[410] *...на болонье...*— Слово «болонья» имеет два значения: 1) болото или низменное место в долине реки, 2) расстояние между двумя валами, окружающими город.

[411] *Потом же придоша к Судомирю... ни одинъ же.*— Трагическая повесть о взятии Сандомира написана под воздействием «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.

[412] *...ко Лысцю...*— Лысец — город в Польше, недалеко от Сандомира.

[413] *...Остафьи Костянтиновичь...*— Остафий (Евстафий) Константинович — рязанский боярин; сын боярина Константина Рязанского.

[414] *Ездовъ* — Ездов (Яздов) — город в Мазовии, ныне Яздов, недалеко от Варшавы.

[415] *...а сына его Кондрата...*— Кондрат II Семовитович, князь Мазовецкий, сын Семовита Кондратовича. См. о Кондрате также под 6787 (1279), 6788 (1280), 6795 (1287), 6797 (1289) и 6799 (1291) гг.

[416] *...Степана Медушника...*— Степан Медушник — воевода.

[417] *...до Ясолны...*— Ясолнца (Ясельда) — левый приток Припяти.

[418] *...Тюдияминовичь Ковдижадъ.*— Ковдижад Тюдиаминович — литовский воевода.

[419] *...у Небля...*— Небль — город в Волынской земле, ныне с. Нобель Ровенской обл.

[420] *...с Борисом и со Изѣболкомъ.*— Возможно, что Изеболк — второе имя Бориса, т. е. Борис-Изеболк; дальше действует только один гонец — Борис.

[421] *...у Телича.*— Телич — город в Ляшской земле, в Карпатах.

[422] *...бысть снемъ... в Тернавѣ...*— Съезд князей в Тернаве имел своей задачей урегулировать русско-польские отношения ввиду ордынской опасности.

[423] *...и во осень убитъ бысть великий князь Литовьский Миньдовгъ...*— Сообщение о случившемся через год после съезда князей в Тернаве убийстве Миндовга дало повод летописцу, вернувшись назад, подробно рассказать о Миндовге и его сыновьях и раскрыть всю историю отношений литовских князей с галицко-волынскими. Кое-что из этих сведений уже было сообщено раньше (например, о пострижении Войшелка).

[424] *...Юрья Лвовича.*— Юрий Львович (ум. в 1323 г.) — сын Льва Даниловича, князь галицкий. О нем рассказывается под 6785 (1277), 6788 (1280), 6789 (1281), 6790 (1282) и 6792 (1284) гг.

[425] *...иде в Полонину ко Григорьеви в манастырь...*— Полонинский монастырь в Карпатах.— Григорий — полонинский игумен; упоминается также под 6776 (1268) г.

[426] *...учини собѣ манастырь...*— Основанный Войшелком монастырь на Немане — Лаврышевский монастырь около Новогрудка. Следы его есть и поныне около с. Гнесичи Новогрудского района Гродненской области. Монастырь был разрушен в войнах 1812 г. и 1914 г.

[427] *...за Домонтомъ за Нальщаньскимъ князем.*— Довмонт (Даумантас) — князь нальщанский (ум. 20 мая 1299 г.), впоследствии бежал из Литвы в Псков, стал там князем (в 1266 г.), принял христианство с именем Тимофей, вступил в брак с дочерью князя Димитрия, сына Александра Невского, организовал оборону Пскова в 1267, 1268, 1269, 1272, 1298 и 1299 гг. Причислен к лику святых, считался покровителем Пскова. (См. Повесть о Довмонте.)

[428] *...Треняту, сестричича Миндовгова...*— Тройнат — князь жмудский, сын сестры Миндовга.

[429] *...на Романа на бряньского князя.*— Роман Михайлович — брянский князь, сын Михаила Всеволодовича Черниговского, на его дочери женился князь Владимир Василькович Волынский. Упоминается также под 6782 (1274) и 6793 (1285) гг.

[430] *...дочерь, именемъ Олгу...*— Ольга Романовна, дочь Романа Михайловича Брянского, супруга князя Владимира Васильковича; упоминается под 6782 (1274), 6795 (1287) и 6796 (1288) гг.

[431] *...сына своего старѣйшего Михаила...*— Михаил Романович, сын Романа Михайловича Брянского, внук Михаила Черниговского.

[432] *А король... по Соломонѣ.*— Краткое и написанное традиционно этикетным языком сообщение о смерти Даниила Романовича показывает, что писал это человек, не знавший лично Даниила Романовича, не знакомый с его яркой личностью,— и само сообщение, и похвалы написаны равнодушно и стереотипно. Вспомним, в каком приподнятом духе рассказывал о Данииле Романовиче летописец в первой половине Галицко-Волынской летописи, подчеркивая его выдающиеся качества князя, воина, полководца, дипломата. Похвала,

высказанная в адрес Даниила Романовича здесь, показывает, что автор ее — человек из круга Владимира Васильковича, где ценились совсем другие качества.

[433] *...во Дявельтвѣ...*— Дявелтва (Дяволта) — земля в Литве.

[434] *Явися звѣзда на востоцѣ хвостатая...*— Комета.

[435] *...великая княгинѣ Василковая, именемь Олена.*— Елена Юрьевна, дочь великого князя Юрия Всеволодовича, с 6734 (1226 г.) жена Василька Романовича.

[436] *...на Болеслава...*— Болеслав V Стыдливый (1226—1279), великий князь краковский, сын Лестька Белого.

[437] *...воеваша около Скаришева и около Визълъжѣ и Торжьку...*— Скаришев, Визложа и Торжск — города в Польше.

[438] *...Сулко, Невъступъ.*— польские воеводы.

[439] *...Григоря, пробоща Люблиньского...*— Пробст — старший католический священник.

[440] *...от Грабовца.*— Грабовец— город в Волынской земле, ныне с. Грабовец в Замойском воеводстве в Польше.

[441] *Ворота* — горная теснина между Галицкой землей и Польшей, ныне в Замойском воеводстве в Польше.

[442] *...пусти на ня воропъ...*— Вороп — прием в тактике наступательного боя, атака.

[443] *...в манастырь ко святому Данилью...*— Данилов монастырь в Угровске; вероятно, основан Даниилом Романовичем.

[444] *...в монастырѣ святого Михаила Великого...*— Михайловский монастырь во Владимире.

[445] *Борза, Сурьпутий, Лѣсий, Свелкений* — братья Тройдена Борза, Лесий, Свелкений и Сирпутий; трое из них были убиты Васильком Романовичем, как об этом сообщено в записи под 6782 (1274) г.; Сирпутий — см. под 6784 (1276) и 6786 (1278) гг.

[446] *...с воротьславьскимь княземь...*— с князем вроцлавским Генрихом.

[447] *...Андрѣя Путивлича...*— Андрей Путивлич — галицкий воевода.

[448] *Тридъ* — литовец из Дорогичина.

[449] *...Меньгутимереви...*— Меньгу-Тимор — татарский хан.

[450] *Ягурчин* — татарский воевода.

[451] *...заднѣпрескый князи...*— Заднепровские князья — брянские, смоленские, пинские и туровские.

[452] *...Романа Дьбряньского... Глѣба... Смоленьского...*— Роман Михайлович Брянский. Глеб Ростиславич — князь смоленский, сын Ростислава Мстиславича.

[453] *Тогда бо бяху вси князи в воли в тотарьской.*— Русские князья находились в вассальной зависимости от Орды: надо было платить татарщину (дань), акты государственного значения совершать «при царе и рядцах», и идти по требованию хана с ним на войну со своим войском.

[454] *...от Копыля...*— Копыль — город в Волынской земле, ныне г. Копыль в Минской обл.

[455] *...около Камене.*— В рукописи исправлено: Каменца; в *П* и *Х* — Камена — Каменец, город в Волынской земле, на р. Лосне, ныне г. Каменец Брестской области.

[456] *...Турийскъ...*— Турийск — город в Литовской земле на реке Немане, ныне Турец Гродненской области.

[457] *«Духъ Господень... от рода».*— Ис. 61, 1—4.

[458] *...рѣкы Лосны...*— Лосна (Лыска) — приток Западного Буга.

[459] *Ногай* — татарский хан, из темников Золотой Орды (ум. в 1300 г.), сын Буфала, правнук Чингисхана. Его именем стал позднее называться народ ногайцы.

[460] *...со Тюимою.*— Тюима (Туйма) — галицкий воевода, упоминается также под 6789 (1281) и 6790 (1282) гг.

[461] *...Ратиславко...*— Ратислав — воин Мстислава.

[462] *...подъ Полтовескъ...*— город на р. Нареве (ныне Пултуск в Польше).

[463] *...ко Кондратови...*— Кондрат Семовитович приходился Владимиру Васильковичу троюродным братом: его мать, Настасья Александровна, — двоюродная племянница Василька Романовича.

[464] *...уй его князь Болеславъ...*— Болеслав V Стыдливый.

[465] *Бяшеть бо у Болеслава сыновѣць 5... Льстко.*— Перечислены племянники Болеслава V Стыдливого, сыновья Семовита Мазовецкого и Казимира Куявского. Болеслав Семовитович, князь Мазовецкий (Плоцкий), был женат на дочери литовского князя Тройдена; о нем см. также под 6789 (1281), 6790 (1282), 6798 (1290) гг.— Лестько

Казимирович Черный — с 1261 г. князь серадзский, с 1278 г.— князь краковский и сандомирский; о нем см. также под 6789 (1281), 6790 (1282), 6793 (1285), 6795 (1267), 6798 (1290) гг. Владислав Казимирович Локетек — см. также о нем под 6789 (1281), 6799 (1292) гг.

[466] *...сынъ Мьстиславлъ Данило...*— Даниил Мстиславич, князь галицкий, сын Мстислава Даниловича, внук Даниила Романовича.

[467] *...ко Кропивници...*— г. Кропивница в Польше, около Сандомира (ныне с. Копшивница в Тарнобжеском воеводстве в Польше).

[468] *...Кафилата с ними же Селезенца.*— Кафилат Селезенец — галицкий воевода.

[469] *...городъ Перевоpескъ...*— Перевореск — город в Галицкой земле, ныне Пшеворeск в Польше.

[470] *...Дуная...*— Дунай — галицкий воевода, о нем см. также под 6795 (1287) г.

[471] *...ко Гостиному...*— Гостиный — город в Польше, ныне Гостинин в Плоцком воеводстве в Польше.

[472] *...сынъ боярьский Михайловичь именемъ Рахъ.*— Рах Михайлович (в *П* и *Х* — *Стархъ*) — сын боярский; «боярский сын» — сословие, стоящее ниже боярства; люди боярского происхождения, но не дослужившиеся до боярства; равный по достоинству — дворянин (разница в происхождении).

[473] *...Телебузѣ...*— Телебуга — ордынский хан; о нем см. также под 6790 (1282), 6791 (1283), 6795 (1287) и 6796 (1288) гг.

[474] *...Левъ посла... Вишту.*— Упомянуты имена галицких воевод: Василько Белжанин, Рябец, Вишта, Оловянец, последний еще встретится нам в 6795 (1287) г.

[475] *...на Въкраиници...*— Украиница — область в Волынской земле, пограничная с Польшей, в среднем течении Западного Буга, ныне Бяло-Подлясское, Хельмское и Замойское воеводства в Польше.

[476] *Воинь* — село в Волынской земле, около польской границы, ныне с. Вогинь в Бяло-Подлясском воеводстве в Польше.

[477] *...по Кроснѣ...*— Кросна — левый приток Западкого Буга.

[478] *...и убиша ихъ 80...*— исправлено по *П* и *Х*, в рукописи *убия*; цифра в рукописи написана неясно — может быть, *Л* (30), *Н* (50), *П* (80).

[479] *...к Горинѣ...*— Горина (Горынь) — река, приток Припяти, и область при ней.

[480] *...на Липѣ.*— Липа — река у Перемиля.

[481] *...ко Бужьковичемь...*— Бужковичи — город в Волынской земле на реке Луге.

[482] *...на Житани.*— Житань — предместье Владимира.

[483] *...по Микулинѣ дни...*— Николин день — день памяти святителя Николая Мирликийского (Николая Чудотворца), 8 мая или 6 декабря.

[484] *...в зажитье...*— Зажитье — военная операция с целью сбора продовольствия и фуража; довольствие войска за счет населения вражеской стороны.

[485] *По отшествии же Телебужинѣ... тысячѣ.*— Здесь говорится о переписи, произведенной Львом Даниловичем, результаты которой внесены в летопись. Обычно в летописях сообщается о подсчете численности войска перед боем. Подсчет погибшего населения — вещь очень редкая для того времени, и он свидетельствует о хорошо организованном государственном аппарате.

[486] *...Михайло.*— Михаил Юрьевич; сын Юрия Львовича, правнук Даниила Романовича.

[487] *...и въ вся вѣки.*— добавлеко по *П* и *Х*.

[488] *...на Лотыголу.*— Лотыгола — латышское племя и страна (Латгалия).

[489] *...города Мѣдвѣжьей Головы...*— Медвежья Голова — город в Чудской земле, ныне г. Отеп, недалеко от Тарту, в Эстонии.

[490] *...Алгуеви...*— Алгуй — татарский хан.

[491] *«...А се ти даю при царихъ и при его рядьцахъ».*— Ордынские ханы были высшей административной инстанцией, их участие в составлении акта придавало ему особую силу и авторитетность.

[492] *...до Любомля...*— Любомль — город в Галицкой земле.

[493] *...с погаными нет...*— В рукописи первоначально было: «*дѣламь поганьси*», над строкой позднее приписано *са* и *ди*, и получилось «*досадила ми погань си*». Так прочли издатели *ПСРЛ*. В *Х*— «*зане дѣля ми сь погаными нет*». Выбрав вариант *Х* для исправления испорченного места, все же надо иметь в виду, что ниже в тексте опять встретится словосочетание «*погань си*» в том же смысле, а значит чтение *Х* нельзя считать лучшим.

[494] *...полку...*— В рукописи первоначально было на льну, потом исправлено полону. Испр. по *Х*.

[495] *...Евьсѣгнья...*— Евсигний — волынский епископ (1287—1290), автор части Галицко-Волынской летописи за 1272—1289 гг., называемой «Летописец Владимира Васильковича».

[496] *...Борка же Оловянца...*— Трудно сказать, имеется ли в виду один человек — Борко Оловянец, или два — Борко и Оловянец.

[497] *...грамоту...*— Грамота — здесь: завещание. В летопись включены тексты двух духовных грамот Владимира Васильковича.

[498] *...Кобрынь...*— город в Волынской земле, ныне г. Кобрин Брестской обл.

[499] *...скорлата...*— Скорлат (франц. écarlate) — дорогая ткань, алый бархат, «французское сукно».

[500] *...бронѣ дощатые...*— Распространившаяся в середине XIII в. пластинчатая броня (металлические пластинки, скрепленные ремнями). Была еще чешуйчатая броня, более гибкая.

[501] *...Федоровы недели.*— Федорова неделя — неделя св. Феодора Тирона, начало Великого поста.

[502] *...в Дубенъ...*— Дубен (Дубел) — город в Волынской земле (ныне г. Дубно Ровенской области на Украине.)

[503] *...хотяшеть бо посѣдѣти...*— В рукописи исправлено, было *постити*; в *П* и *Х повѣстити*.

[504] *...именемь Ратчьшю...*— Ратьша — Ратислав, слуга князя Владимира.

[505] *Къ сему же кто исповѣсть многые твоя и нещаныа милостыня... множьство грѣховъ.*— Цитата из «Слова о Законе и Благодати», сочинения писателя XI в. митрополита Илариона.— *...нещаныа милостыня и дивныя щедроты...*— искажение цитаты, затемняющее смысл. В «Слове о Законе и Благодати»: «нощныя милостыня и дневныя щедроты».

[506] *Ты же и церкви многи... со многимъ смирениемь...*— Еще одна цитата из «Слова о Законе и Благодати». *...великого Костянтина...*— Константин Гай Флавий Валерий — римский император (285—337), при котором христианство было принято в качестве государственной религии. *...со святими отцы Никейского сбора...*— Никейский собор — первый (325 г.) вселенский собор христианской церкви, посвященный обличению ереси Ария; на нем был принят Символ веры.

[507] *...церковь святаго и великаго мученика Христова Георьгия...*— Георгиевский собор в городе Холме.

[508] *...с десными мя овцами...*— Мф. 25, 31—35.

[509] *...во 10 день...*— В рукописи первоначально было написано Д 1 (14), потом Д (4) стерто, в *П* и *Х* даты нет.

[510] *Княгини же его...*— Ольга Романовна.

[511] *...оксамитомъ...*— Оксамит — шелковая ткань.

[512] *...сестра ему Олга...*— Ольга Васильковна; сестра князя Владимира; вдова князя Андрея Всеволодовича Черниговского.

[513] *...княгини Олена...*— Вероятно, это Елена (Иоланта), дочь Белы IV, монахиня монастыря св. Клары в Сутече (*Лонгинов*, с. 326).

[514] *...наречено бысть тобѣ имя во крещеньи Иван...*— Владимир Василькович был крещен именем Иоанн, в честь Иоанна Златоуста.

[515] *...покаяние Давыдово...*— Во Второй книге Царств (гл. XI—XII) рассказывается эпизод из жизни царя Давида, предполагаемого автора Псалтыри: он совершил злое дело (чтобы взять себе жену Урии Хеттеянина Вирсавию, Давид послал Урию на войну, где он погиб); наказанный Богом, Давид прошел покаяние и создал покаянный псалом (Пс. 50).

[516] *И чести тя обѣщника... не бес памяти тя поставилъ...*— Цитата из «Слова о Законе и Благодати».

[517] *...и зрениа сладкаго... Аминь.*— Этого отрывка нет в Ипатьевской рукописи; добавлено по *ПСРЛ*.

[518] *Вѣдѣ же, яко аще не тѣломь... многоподнѣ.*— Цитата из «Слова о Законе и Благодати».

[519] *Радуйся, учителю нашь... Святаго Духа.*— Цитата из «Слова о Законе и Благодати».

[520] *...Льстнѣ...*— Льстна (Лестна, Лосна, Лыска) — река Лосна, приток Буга.

[521] *...Каменецъ...*— Каменец — город на р. Лосне, построенный Владимиром Васильковичем.

[522] *...Еуаглие опракос...*— Апракос — тип книги Евангелия или Апостола, в котором тексты расположены в порядке чтения их в течение года, начиная с Пасхи.

[523] *...Парамья...*— Книга Паремийник, содержащая тексты из Библии, которые читаются во время богослужения.

[524] *...кресть въздвизалный...*— Крест, который «воздвигается» во время церковной службы на Воздвижение и на Крестопоклонной неделе.

[525] *...завѣсы золотом шиты, а другые оксамитные съ дробницею...*— Завеса (катапетасма) — занавес за царскими вратами в алтаре, обычно из дорогой, красивой ткани; дробница — мелкий жемчуг.

[526] *...с финиптом.*— Финифть — эмаль.

[527] *...платци оксамитны шиты золотом съ женчюгом, херувими и серафими, и иньдитья...*— Платци — покрывала, пелены, платы для разного рода церковного употребления; индитья — покров на алтарь, драгоценная светлая ткань.

[528] *...паволокы бѣлчатое...*— Дорогая белая ткань, а также сделанные из нее покровы или пелены, употребляемые в церкви.

[529] *...деисус...*— Деисис (моление) — икона (или три иконы вместе), с изображением Иисуса Христа, Богоматери и Иоанна Предтечи.

[530] *...оловир...*— шелковая ткань, шитая золотом.

[531] *...Прологы...*— Пролог — церковная книга, содержащая краткие жития святых и поучения; тексты расположены в календарном порядке.

[532] *...икону... намѣстную...*— Самая главная в данном храме икона, с изображением святого или праздника, которому посвящена церковь.

[533] *Гривна* — шейное украшение из драгоценного металла с камнями.

[534] *Князь же Володимеръ... Страстное недѣли.*— Всего этого отрывка нет в Ипатьевском списке; добавлено по *ПСРЛ*.

[535] *...росылати засаду...*— Засада — гарнизон.

[536] *...Семена своего дядьковича...*— Вероятно, это сын дядьки (воспитателя), может быть и известного нам Мирослава, служившего отцу князя Льва Даниилу Романовичу.

[537] *...Павла Деонисьевича...*— Павел Дионисиевич — галицкий боярин.

[538] *Ловчее* — налог на охоту, или побор на содержание княжеской охоты.

[539] *...по двѣ лукнѣ... по пяти цебровъ...*— Лукно — мера жидкостей и сыпучих тел, цебр — мера сыпучих тел.

[540] *...Индрихъ...*— Генрих Вроцлавский.

[541] *...Локотка...*— Владислав Локетек.

[542] *...к Тынцю...*— Тынец — город в Польше, на правом берегу Вислы, ныне городище в предместье Кракова.

[543] *...в монастыре вь святого...*— Пропущено имя святого, которому посвящена церковь. *Махновец* (с. 452) называет (с вопросом) Василия Великого и приводит изображение Каплицы-ротонды Василия (Иоахима и Анны) во Владимире Волынском.

ПЕРЕВОД

В год 6709 (1201). Начало княжения великого князя Романа, князя галицкого, бывшего самодержцем всей Русской земли.

После смерти великого князя Романа, приснопамятного самодержца всей Руси.

Он победил все языческие народы мудростью своего ума, следуя заповедям Божиим: устремлялся на поганых, как лев, свиреп был, как рысь, истребляя их, как крокодил, проходил их землю, как орел, храбр был, как тур, следовал деду своему Мономаху, который погубил поганых измаильтян, называемых половцами, отогнал Отрока до обезов и за Железные ворота, а Сырчан остался у Дона, питаясь рыбою. Тогда Владимир Мономах пил золотым шеломом Дон, захватил всю их землю и прогнал окаянных агарян. После смерти Владимира у Сырчана остался единственный гудец Орь, и послал его Сырчан к обезам, так сказав: «Владимир умер. Воротись, брат, пойди в свою землю! Передай Отроку эти мои слова, пой ему песни половецкие; если же не захочет, дай ему понюхать траву, называемую евшан». Отрок не захотел ни возвращаться, ни слушать песни — и тогда Орь дал ему эту траву. И когда он ее понюхал, то заплакал и сказал: «Лучше в своей земле костьми лечь, чем на чужой быть прославленным». И пришел он в свою землю. От него родился Кончак, который вычерпал Сулу, ходя пешком, нося котел на плечах.

Князь Роман следовал в делах своих Владимиру Мономаху и старался погубить иноплеменников.

...началась великая смута в Русской земле — остались после него два сына: один четырех лет, а другой — двух.

В год 6710 (1202). Рюрик собрал половцев и русских много и пришел на Галич, сняв с себя монашество, которое принял, боясь Романа. Когда он пришел в Галич, его встретили галицкие и владимирские бояре у Микулина, на реке Серет, они бились весь день у реки, и многие были ранены, не выдержали и возвратились в Галич. Рюрик же, придя к Галичу, не добился ничего.

Все это случилось потому, что после смерти Романа король заключил союз со своей невесткой в Саноке, ведь принял он Даниила как милого сына своего. Дал он ему защитный отряд: Мокея великого Слепоокого,

Корочуна, Волпта и его сына Витомира, Благиню и много других угров, отчего галичане и не смели ничего сделать. Было много и других угров.

В то же время два князя половецких — Котян и Самогур Сутоевичи — натолкнулись на пеших воинов — под князьями были убиты кони, и их самих едва не захватили.

А Рюрик вернулся в Киев.

Прошло немного времени и привели Кормиличича, которого изгнал великий князь Роман, не доверяя ему. Кормиличичи были известны как сторонники Игоревичей. Послушав их, галицкие бояре послали за Игоревичами и посадили в Галиче Владимира, а Романа — в Звенигороде.

Княгиня же, вдова Романа, взяв своих детей, бежала во Владимир. А еще хотел Владимир истребить род Романа, и в этом ему помогали безбожные галичане. Владимир, по совету галицких бояр, послал с речью к владимирцам попа, говоря им: «Ничего не останется от города вашего, если не выдадите мне Романовичей, и если не примете моего брата Святослава княжить во Владимире». Владимирцы же хотели убить попа, но Мстибог, Мончук и Микифор сказали им: «Не подобает убивать посла». У них был обман на сердце, они хотели предать своих правителей и свой город. И поп был спасен благодаря им.

Назавтра княгиня узнала об этом и, посоветовавшись с Мирославом — дядькой, ночью бежала к ляхам. Дядька посадил Даниила на седло перед собою и выехал из города. А Василька вынесли кормилица и поп Юрий, выйдя через дыру в городской стене, но они не знали, куда бежать: ведь Роман был убит на войне с ляхами, а Лестько не заключил мира. Не Бог помог — Лестько не попомнил вражды, но с великой честью принял свою невестку и ее детей, сжалился над ними и сказал: «Дьявол посеял эту вражду между нами». Это Владислав сеял обман между ними, завидуя его любви.

В год 6711 (1203). Лестько послал Даниила в Угорскую землю, и с ним послал своего посла Вячеслава Лысого, чтобы сказать королю: «Я забыл ссоры с Романом,— он был другом и тебе. Вы клялись, если останутся живы дети, иметь к ним любовь. Ныне же они в изгнании. Давай теперь пойдем, отвоюем и вернем им их отечество». Король

принял эти слова, пожалев о случившемся; он оставил Даниила у себя, а Лестько оставил у себя княгиню и Василька.

Князь же Владимир послал много даров королю и Лестьку.

Спустя много времени после этого началась усобица между братьями Владимиром и Романом. Роман поехал к уграм, и бился с братом, и, победив, захватил Галич, а Владимир бежал в Путивль.

В год 6712 (1204). Александр привел Лестька и Кондрата, и пришли ляхи на Владимир, и отворили им ворота владимирцы, говоря: «Это племянник Романа». Ляхи попленили весь город. Александр просил Лестька пощадить, что уцелело, и церковь святой Богородицы. Так как двери ее были крепки, ляхи не смогли их рассечь, а тем временем приехали Лестько и Кондрат и удержали своих ляхов. Так спасена была церковь и оставшиеся люди. И жаловались владимирцы, поверившие им и их присяге: «Если бы с ними не был их родственник Александр, то не перешли бы даже Буга».

Святослава же взяли в плен и увели в Ляшскую землю. А Александр сел во Владимире. Тогда же захватили и Владимира Пинского. С ляхами был Ингварь и Мстислав. Потом Ингварь сел во Владимире, а Лестько взял его дочь в жены, но, покинув ее, пошел к Орельску.

Приехали к Лестьку берестьяне и просили, чтобы княжила княгиня Романова вместе с детьми: они были еще малы. И Лестько согласился, чтобы они княжили. Берестьяне встретили их с великой радостью, как будто увидели великого Романа.

Потом Александр жил в Белзе, а Ингварь во Владимире, но бояре Ингваря не любили. Александр, по совету Лестька, захватил Владимир. Княгиня Романова послала Мирослава к Лестьку, говоря: «Этот всю землю нашу и отчину держит, а мой сын — в одном Берестье». Александр взял Угровск, Верещин, Столпье, Комов и дал Васильку Белз.

В год 6713 (1205). Александр княжил во Владимире, а брат его Всеволод — в Червене; литва и ятвяги разоряли землю, они разорили Турийск и окрестности Комова почти до Червена и бились у ворот

Червена, а застава была в Уханях. Тогда они убили Матея, Любова зятя, и Доброгостя, выехавших в сторожевом отряде. Бедствовала Владимирская земля от разграбления литовского и ятвяжского! Однако вернемся к прежнему, к тому, что случилось в Галиче.

Король Андрей, узнав о беззаконье и мятеже в Галицкой земле, послал Бенедикта с воинами и, захватив Романа, мывшегося в бане, отправил его в Угорскую землю.

В Галиче был Тимофей, премудрый книжник, родом из города Киева, он сказал об этом насильнике Бенедикте иносказательно: «В последние времена наречется антихрист тремя именами». Скрывался от него Тимофей, потому что Бенедикт притеснял бояр и горожан, и творили блуд, бесчестили женщин, даже монахинь и поповских жен. Вправду был он антихрист по гнусным делам его.

В год 6714 (1206). Галичане привели Мстислава против Бенедикта, и пришел он к Галичу, но ему ничего не удалось. Илья Щепанович возвел его на галицкий холм и с улыбкой сказал ему: «Князь, ты уже посидел на галицком холме, также ты и в Галиче покняжил». Над Мстиславом посмеялись, и он вернулся в Пересопницу (потом расскажем о галицком холме и о начале Галича, откуда он начался).

Роман убежал из Угорской земли. И послали галичане к его брату Владимиру, говоря: «Грешны перед вами. Избавь нас от этого насильника Бенедикта». Роман и Владимир пошли войной на Бенедикта, и тот бежал в Угорскую землю. Сел Владимир в Галиче, а Роман в Звенигороде, а Святослав в Перемышле, сыну же своему Изяславу Владимир дал Теребовль, а Всеволода, сына своего, послал в Угорскую землю к королю с дарами.

Когда Даниил был в Угорской земле, король Андрей, бояре угорские и вся земля хотели отдать королевскую дочь за князя Даниила — они оба были еще детьми,— потому что у короля не было сына.

В год 6715 (1207). Был убит великий царь Филипп Римский по наущению брата королевы; он просил свою сестру найти ему сообщника. Она ничем не могла помочь своему брату, кроме того, что выдала замуж свою дочь за сына ландграфа Людовика. Был он могуществен и помогал ее брату. Теперь же эту дочь признают святой,

с именем Альжбит, а прежнее имя ее было Кинека,— она много послужила Богу после смерти своего мужа, за это ее и называют святой. Но мы вернемся к прежнему, о чем уже начали рассказывать.

В год 6716 (1208). Игоревичи сговорились против галицких бояр, как бы их перебить. При удобном случае бояре были перебиты, и был убит Юрий Витанович и Илья Щепанович, и иные великие бояре,— всего было убито пятьсот человек, а другие разбежались.

Владислав Кормиличич, Судислав и Филипп бежали в Угорскую землю. Они застали малолетнего Даниила в Угорской земле и просили короля угорского: «Дай нам в князья Даниила, уроженца Галича, чтобы мы с ним отняли Галич у Игоревичей». Король с великой охотою послал хорошо вооруженных воинов, великого дворского Пота, поручив ему воеводство над всеми воинами. Имена же бывших с ним воевод следующие; первый — Петр Турович, второй — Банко, третий — Мика Бородатый, четвертый — Лотохарот, пятый — Мокьян, шестой — Тибрец, седьмой — Марцел, и многие другие, о которых ни сказать, ни написать невозможно.

Собрались все. Сперва пошли на город Перемышль. Владислав, подойдя к городу, сказал горожанам: «Братья, о чем вы думаете? Не эти ли перебили ваших отцов и братьев? А другие разграбили ваше имущество, отдали ваших дочерей за ваших рабов! Отечеством вашим владели чужие пришельцы. За них ли хотите положить вашу душу?» Они же пожалели о случившемся и сдали город, и князь их Святослав был захвачен.

Оттуда войска прошли к Звенигороду. Звенигородцы жестоко бились с ними и не пускали ни к городу, ни к воротам острога, и они стояли вокруг города.

Василько княжил в Белзе, от него пришел великий Вячеслав Толстый, Мирослав, Демьян и Воротислав и иные бояре многие и воины от Белза; а Лестько послал из Ляшской земли Судислава Бернатовича с многими полянами; а от Пересопницы пришел Мстислав Немой со многими воинами, а Александр с братом — от Владимира, со многими воинами. Ингварь послал сына своего от Луцка, Дорогобужа и Шумска, со многими воинами.

А к Роману на помощь пришли половцы и с ними Изяслав Владимирович. Уграм не удалось одолеть воинов, и те прогнали их из их станов. Мика был ранен, и Тобаша отсек ему голову. Половцы, увидев это, крепко налегли на них. Угры поехали вперед к Лютой реке, чтобы не пришли туда ляхи и русские; сойдя с коней, они перешли реку, в то время как половцы и русские стреляли в них. Тут Марцел отдалился от знамени, а русские его захватили, и был Марцелу большой позор; и вернулись угры в свои колымаги — иначе говоря, в станы.

После этого Роман вышел из города, чтобы просить помощи у русских князей. Когда он был на мосту в Шумске, его захватили Зернько и Чухома, и приведен он был в стан к князю Даниилу и ко всем князьям и воеводам угорским; тогда они послали к горожанам с речью: «Сдавайтесь, ваш князь захвачен». Они не верили, пока не получили вестей, и тогда сдались звенигородцы.

Оттуда они пошли к Галичу, а Владимир бежал из Галича, и сын его Изяслав, и преследовали их до реки Незды. Изяслав бился у реки Незды, у него отняли вьючных коней; затем он вернулся в Галич.

Тогда великая княгиня Романова приехала повидать своего родного сына Даниила. Тогда бояре владимирские и галицкие, Вячеслав Владимирский, и все бояре владимирские и галицкие, и воеводы угорские посадили Даниила на престол отца его великого князя Романа, в церкви святой Богородицы и приснодевы Марии.

Король Андрей не забыл своей прежней любви, которую имел к брату своему великому князю Роману, но послал своих воинов и посадил в Галиче сына своего Даниила. Князья Роман, Святослав и Ростислав были захвачены, и угры хотели отвести их к королю, а галичане из мести просили, чтобы их повесили. Они подкупили угров большими подарками, и были преданы на повешенье князья Игоревичи в месяце сентябре.

Даниил княжил в Галиче: он был так мал, что и матери своей не узнал. Через некоторое время галичане прогнали мать Даниила из Галича. Даниил не хотел расставаться со своей матерью и плакал о ней, еще молод он был. И приехал Александр, шумавинский тиун, и взял за повод его коня. Даниил извлек меч и, замахнувшись на него, ударил коня под ним. Мать же, взяв меч из его рук, уговорила его остаться в Галиче, а сама уехала в Белз, оставив его у коварных галичан, по совету

Владислава она хотела сама княжить. Король узнал о ее изгнании и огорчился.

В год 6717 (1209). Пришел король в Галич и привел свою невестку, великую княгиню Романову, и бояр владимирских, и Ингварь пришел из Луцка, и другие князья. Король совет держал со своей невесткой и с владимирскими боярами, говоря: «Владислав княжит, а мою невестку выгнал». Схвачены были Владислав, Судислав и Филипп и подверглись пыткам. Дав много добра, Судислав обменял себя на золото, иными словами, дав много золота, избавился. А Владислава оковали и повели в Угорскую землю. А когда Владислава вели к уграм, Явольд и Ярополк, его брат, бежали в Пересопницу к Мстиславу и привели Мстислава Ярославича, и Мстислав пришел с ними к Бужску. А Глеб Поткович убежал из Бужска. Иванко Станиславич и его брат Збислав прибежали в Галич, сообщив галичанам о войне и осаде. А княгиня Романова со своим сыном Даниилом и Вячеславом Толстым бежала в Угорскую землю, а Васильке с Мирославом поехали в Белз. По прошествии времени король начал большую войну.

В год 6718 (1210). Пришел Лестько по зову Александра, желающего зла Романовичам, к Белзу, который Александр взять не смог. Лестько занял Белз и отдал его Александру, а бояре, не нарушив верность Романовичам, ушли с князем Васильком в Каменец.

Король отпустил Владислава, собрал много воинов и пошел на Галич. Остановился он в монастыре Лелесове, и здесь изменники-бояре пытались его убить.

Жену его убили, а шурин его, патриарх Аквилейский, едва убежал; и многие немцы были перебиты. И потом король вернулся, и многие были перебиты, а другие разбежались. Пока длился мятеж, король не мог вести войну из-за их бесчинств.

Владислав ехал впереди со всеми галичанами; Мстислав же, узнав о великом королевском войске, убежал из Галича. Владислав же въехал в Галич и вокняжился, сел на Галицком столе.

Даниил ушел с матерью своею в Ляшскую землю, отпросившись у короля. Лестько принял Даниила с великой честью. Оттуда он пошел в

Каменец со своей матерью, и брат его Василько и все бояре встретили его с великой радостью.

В год 6719 (1211). Княжил в Киеве Всеволод Святославич, очень любивший детей княгини Романовой.

Потом Мстислав Пересопницкий, оставив Лестька управлять, пошел в Галич. Лестько же взял Даниила из Каменца, и Александра из Владимира, и Всеволода из Белза, каждого из них со своим войском. Войско Даниила было больше и сильнее, потому что с ним были все великие бояре его отца. Видя это, Лестько возымел большую любовь к князю Даниилу и его брату Васильку.

Ярополк же и Явольд затворились в Галиче, а Владислав вышел со своими уграми и чехами, соединившись с галичанами, и пришел на реку Боброку. Узнав об этом, Лестько послал против них ляхов, а от Даниила — Мирослава и Демьяна, а от Мстислава — Глеба Зеремеевича и Юрия Прокопьича.

Была большая битва, и одолели ляхи и русские. Даниил тогда был еще ребенком, но уже мог ездить на коне; Владислав бежал, а многие из его воинов были убиты. Лестько не мог взять Галич, а пошел воевать около Теребовля, Моклекова и Збаража. Быковен был взят ляхами и русскими. Они захватили много пленных и возвратились в Ляшскую землю.

Потом Даниил и Василько, благодаря помощи Лестька, взяли Тихомль и Перемиль у Александра и стали княжить там со своей матерью, на Владимир поглядывая; и говорили они: «Так или иначе, а Владимир будет наш, с Божией помощью».

Потом король пошел на Лестька, в то время как Даниил был у Лестька. Лестько послал посла своего, воеводу Пакослава Лесотича, с речью: «Не подобает боярину княжить в Галиче: возьми дочь мою за сына своего Коломана и посади его в Галиче». Понравился королю Андрею совет Пакослава, он встретился с Лестьком в Зпиши и взял дочь его за своего сына. Король послал захватить Владислава в Галиче и заточил его; и тот в заточенье умер: он причинил большое зло всему своему роду и детям своим ради княжения. Из-за этого все князья не поддерживали его детей.

Король посадил сына своего в Галиче, Лестьку дал Перемышль, а Пакославу — Любачев. Пакослав был сторонником княгини Романовой и ее детей. По совету Пакослава Лестько послал сказать Александру: «Отдай Владимир Романовичам, Даниилу и Васильку. А не дашь — пойду на тебя войной, вместе с Романовичами». Он не отдал,— Лестько же посадил Романовичей во Владимире.

В год 6720 (1212). Король отнял Перемышль и Любачев у Лестька. Лестько, опечаленный таким позором своим, послал в Новгород за Мстиславом и сказал: «Ты мне брат. Приди и сядь в Галиче». Мстислав пошел на Галич по совету Лестька. Все галичане и Судислав послали за Даниилом. Даниил не успел приехать, как Бенедикт Лысый с Судиславом убежали к уграм, а Мстислав сел в Галиче.

В год 6721 (1213). Взял Даниил в жены дочь Мстислава Анну, и родились от нее сыновья и дочери. Первенец его был Ираклий, за ним — Лев, затем Роман, Мстислав, Шварн и другие, которые в младенчестве покинули этот свет.

Через какое-то время приехал Даниил к Мстиславу в Галич, жалуясь на Лестька: «Он мою вотчину держит». Тот же сказал: «Сын, ради прежней любви не могу пойти против него; поищи себе других».

Даниил возвратился домой, поехал вместе с братом и захватил Берестье, Угровск, Верещин, Столп, Комов и все окраины.

Лестько сильно разгневался на Даниила. Когда наступила весна, ляхи пошли воевать и вели войну по Бугу. Даниил послал на них Гаврила Душиловича, Семена Олуевича, Василия Гавриловича; воевали они до Сухой Дорогвы, отбили своих пленников и возвратились во Владимир с великой славою.

Тогда был убит Клим Христинич, единственный из всех его воинов; его крест и доныне стоит на Сухой Дорогве.

Они перебили много ляхов и гнались за ними до реки Вепря.

Лестьку показалось, что Даниил захватил Берестье по совету Мстислава, и послал Лестько сказать королю: «Не хочу я части в Галиче, отдай его зятю моему». Король послал много воинов и Лестька, и они пришли к Перемышлю. Ярун же, бывший тогда тысяцким в Перемышле, убежал от них.

Мстислав тогда соединился со всеми князьями русскими и черниговскими. Он послал Дмитра, Мирослава, Михалка Глебовича навстречу им к Городку. Городок отделился: в нем были люди Судислава. Когда Дмитр бился под городом, пришли против него угры и ляхи, и лобежал Дмитр. Тогда же дьяк Васил, по прозвищу Молза, был застрелен под городской стеной. Михаила Скулу убили, нагнав на Ширеце, и отсекли ему голову, сняли три золотые цепи, и принесли его голову к Коломану.

Так как Мстислав стоял на Зубрье, Дмитр прибежал к нему. Мстислав же не мог биться с уграми и просил зятя своего Даниила и Александра, чтобы они затворились в Галиче. Даниил и Александр обещали ему уйти в Галич. Даниил затворился в Галиче, а Александр не посмел.

В то время великая княгиня Романова приняла монашеский постриг.

Потом пришла рать под город — Коломан и ляхи. Большой бой был на Кровавом броду,— выпал снег, и они не смогли устоять, и ушли за Рогожину, пошли на Мстислава и выгнали его из земли Галицкой.

Мстислав сказал Даниилу: «Уйди из города!» Даниил ушел вместе с тысяцким Дмитром, Глебом Зеремеевичем и Мирославом. Они ушли из города, а когда были против Толмача, их догнал изменник Володислав Витович. Они напали на него, и прогнали, и отняли у него коня.

Даниил был молод, и поэтому, видя, что идут в поход Глеб Зеремеевич и Семьюн Коднинский, присоединился к ним, умножив их силу. А другие устремились в бегство.

В этот день была битва до самой ночи. В ту ночь Даниил и Глеб Зеремеевич повернули назад и захватили Янца,— хотя и был молод, Даниил показал свою храбрость. И всю ночь бились. А наутро их догнал Глеб Васильевич. Обратился на него Даниил и гнал его больше поприща. Тот убежал от него благодаря резвости своих коней. Когда Даниил возвращался, он ехал один среди врагов, а те не смели на него напасть; потом приехали к нему Глеб Судилович, Таврило Иворович и Перенежко.

Оттуда они пошли в Онуть и вышли в степь. Был сильный голод. Шли возы к Плаву на канун святого Димитрия. Захватив возы, они наелись досыта, хваля Бога и святого Димитрия, что накормил их. Оттуда они пошли ниже Кучелемина, обдумывая, где перейти реку Днестр. По Божией милости пришли ладьи из Олешья, и на них доплыли они до Днестра и насытились рыбой и вином.

Оттуда Даниил приехал к Мстиславу. Мстислав же великую честь воздал Даниилу, и дары ему преподнес богатые, подарил своего резвого сивого коня, и сказал ему: «Иди, князь, во Владимир, а я пойду к половцам,— отомстим за свой позор». И Даниил уехал во Владимир.

В год 6722 (1214). Была тишина.

В год 6723 (1215). По воле Божьей прислали князья литовские к великой княгине Романовой и к Даниилу с Васильком, предлагая мир. Вот имена литовских князей: старейший Живинбуд, Давьят, Довспрунк и брат его Миндовг, брат Давьялов Виликиил. А жмудские князья — Ердивил, Выкинт, Рушковичи — Кинтибуд, Вонибуд, Бутовит, Вижеик и его сын Вишлий, Китений, Пликосова; а вот Булевичи — Вишимут, которого убил Миндовг, и взял жену его, и перебил братьев его, Едивила и Спрудейка. А вот князья из Дяволты — Юдьки, Пукеик, Бикши, Ликиик. Все они заключили мир с князьями Даниилом и Васильком, и воцарился мир в их земле. Но ляхи не переставали вредить — и Даниил навел на них литву; те повоевали ляхов и многих среди них перебили.

В год 6724 (1216). Не было ничего.

В год 6725 (1217). Вышел Филя, когда-то надменный, со многими уграми — надеялся он охватить землю, осушить море. Когда сказал он:

«Один камень много горшков разбивает», то и другое слово произнес он надменно: «Острый меч, борзый конь — много захватим русских!» Бог же этого не потерпел и в свое время убит был Даниилом Романовичем когда-то надменный Филя.

Александр же отступил от Даниила и Василька и присоединился к Лестьку, и не было им помощи ни от кого, кроме как от Бога, пока не пришел Мстислав с половцами. И тогда вышел из Галича Филя со многими уграми и ляхами, взял с собою галицких бояр, Судислава, тестя своего, и Лазаря и других, а прочие покинули его, потому что он возгордился.

В год 6726 (1218). Была тишина.

В год 6727 (1219). Пришел Лестько на Даниила к Щекареву, препятствуя ему пойти на помощь своему тестю Мстиславу. Кондрат приехал мирить Даниила и Лестька, но узнал про коварство Лестька и не велел князю Даниилу ехать к Лестьку. Филя же готовился к бою, полагая, что никто не может выступить против него на бой. Он оставил Коломана в Галиче и создал крепость из церкви пречистой владычицы нашей Богородицы, которая не потерпела осквернения своего храма и отдала город Мстиславу.

Был тут с Коломаном Иван Лекин, а также Дмитр и Бот. Когда приехали половцы смотреть бой, угры и ляхи погнались за ними. Один половчанин изловчился и поразил Уза стрелой в глаз; тот упал с коня, тело его взяли и оплакали его. Назавтра, в канун Святой Богородицы, пришел Мстислав рано утром на гордого Филю и на угров и ляхов, и была жестокая битва меж ними, и победил Мстислав. Когда угры и ляхи бежали, перебито было множество из них, и захвачен был величавый Филя дружинником Добрыни, тем, которого лживый Жирослав украл и, будучи обличен в этом, из-за него же лишился своей вотчины.

Победив, Мстислав пошел к Галичу, и была битва у городских ворот. Защитники города забрались на церковные своды, и некоторые из них поднялись на веревках, а кони их были захвачены. На церкви было устроено укрепление. Они, стреляя в горожан и бросая на них камни, изнемогали от жажды, ибо там не было воды. А когда приехал Мстислав, они сдались и были сведены с церкви. Даниил приехал с малой дружиной и с Демьяном тысяцким, но в то время он еще не прибыл. Даниил потом приехал к Мстиславу, и была им большая радость: Бог спас их от иноплеменников, все ляхи и угры были

перебиты, а некоторые взяты в плен, а другие, убегая, утонули или же были убиты смердами, но никто из них не спасся,— такова была милость Божия Русской земле.

Потом привели Судислава к Мстиславу, который не припомнил ему зла, а оказал милость. Тот же, обнимая его ноги, обещал быть рабом ему. Мстислав поверил его словам, почтил его великой честью и дал ему Звенигород.

В год 6728 (1220). Не было ничего.

В год 6729 (1221). Александр еще раньше отступил и заключил союз с Лестьком, Коломаном и Филею гордым, по-прежнему желая зла Романовичам. Но после победы Мстислава и после войны литовцев с ляхами Лестько заключил мир с Даниилом и Васильком через Держислава Абрамовича и Творьяна Вотиховича, а Романовичи заключили мир через Демьяна тысяцкого, и отступил Лестько от Александра.

И в ту ночь в субботу Даниил и Васильке разорили окрестности Белза и Червена, и вся страна была разорена, боярин боярина грабил, смерд смерда, горожанин горожанина, так что не осталось ни одной деревни не разграбленной. Так говорится в Писании: «Не оставлю камня на камне». Эту ночь белжане называют злой ночью, ибо эта ночь сыграла с ними злую игру — они были разорены до рассвета.

Мстислав же сказал: «Пожалей брата Александра», и Даниил воротился во Владимир, уйдя от Белза.

В год 6730 (1222). Ничего не было.

В год 6731 (1223). При Данииле и Васильке Романовичах епископия была во Владимире: был блаженный преподобный Иоасаф святитель со Святой Горы; потом был Василий со Святой Горы, потом был Никифор по прозвищу Станило, ибо прежде был слугой у Василька, потом Косьма, кроткий, преподобный, смиренный епископ владимирский.

По Божественному изволению Даниил создал город Холм. О создании его когда-нибудь расскажем.

По Божией воле избран был и поставлен епископом Иоанн — князь Даниил выбрал его из клира великой церкви Святой Богородицы во Владимире; а до того был епископом Иоасаф Угровский, который самовольно захватил митрополичий престол и за то был свергнут со своего престола, и епископия была переведена в Холм.

В год 6732 (1224). Пришло неслыханное войско, безбожные моавитяне, называемые татарами; пришли они на землю Половецкую. Половцы пытались сопротивляться, но даже самый сильный из них Юрий Кончакович не мог им противостоять и бежал, и многие были перебиты — до реки Днепра. Татары же повернули назад и пошли в свои вежи. И вот, когда половцы прибежали в Русскую землю, то сказали они русским князьям: «Если вы нам не поможете, то сегодня мы были побиты, а вы завтра побиты будете».

Был совет всех князей в городе Киеве, и решили на совете так: «Лучше нам встретить их на чужой земле, чем на своей». На этом совете были Мстислав Романович Киевский, Мстислав Козельский и Черниговский и Мстислав Мстиславич Галицкий — они были старейшими князьями Русской земли. Великого же князя Юрия Суздальского на том совете не было. А младшие князья были Даниил Романович, Михаил Всеволодич, Всеволод Мстиславич Киевский и иных князей много. Тогда же крестился великий князь половецкий Басты. Василька там не было, он по молодости остался во Владимире.

Оттуда пришли они в апреле месяце и подошли к реке Днепру, к острову Варяжскому. И съехалось тут с ними все кочевье половецкое, и черниговцы приехали, киевляне и смоляне и иных земель жители. И когда переходили Днепр вброд, от множества людей не видно было воды. Галичане и волынцы пришли каждый со своим князем. А куряне, трубчане и путивльцы, каждый со своим князем, пришли на конях. Изгнанники галицкие прошли по Днестру и вышли в море — у них была тысяча лодок,— вошли в Днепр, поднялись до порогов и стали у реки Хортицы на броде у быстрины. С ними был Юрий Домамирич и Держикрай Владиславич.

Дошла до стана весть, что пришли татары посмотреть на русские ладьи; услышав об этом, Даниил Романович поскакал, вскочив на коня, посмотреть на невиданную рать; и бывшие с ним конники и многие

другие князья поскакали смотреть на нее. Татары ушли. Юрий сказал: «Это стрелки». А другие говорили: «Это простые люди, хуже половцев». Юрий Домамирич сказал: «Это ратники и хорошие воины».

Вернувшись же, Юрий все рассказал Мстиславу. Молодые князья сказали: «Мстислав и другой Мстислав, не стойте! Пойдем против них!» Все князья, Мстислав, и другой Мстислав, Черниговский, перешли через реку Днепр, к ним перешли и другие князья, и все они пошли в половецкую степь. Они перешли Днепр во вторник, и встретили татары русские полки. Русские стрелки победили их, и гнали далеко в степь, избивая, и захватили их скот, и со стадами ушли, так что все воины обогатились скотом.

Оттуда они шли восемь дней до реки Калки. Встретили их татарские сторожевые отряды. Сразились сторожевые отряды, и был убит Иван Дмитриевич и еще двое с ним.

Татары отъехали; около самой реки Калки встретились татары с русскими и половецкими полками. Мстислав Мстиславич повелел сначала перейти реку Калку Даниилу с полком и другим полкам с ними, а сам после них переехал; сам он ехал в сторожевом отряде. Когда он увидел татарские полки, то приехал сказать: «Вооружайтесь!» Мстислав Романович и другой Мстислав сидели в стане и ничего не знали: Мстислав им не сказал о происходящем из-за зависти, потому что между ними была большая вражда.

Сошлись полки вместе. Даниил выехал вперед, и Семен Олюевич и Василько Гаврилович ударили в полки татарские, и Васильке был ранен. А сам Даниил, будучи ранен в грудь, по молодости и храбрости не почувствовал ран на теле своем. Ему было восемнадцать лет, и он был силен.

Даниил крепко боролся, избивая татар. Увидел это Мстислав Немой и, подумав, что Даниил ранен, сам бросился на них, ибо был он муж сильный; он был родственником Роману от рода Владимира Мономаха. Он очень любил отца Даниила, а тот поручил ему свою волость после своей смерти, чтобы отдать ее князю Даниилу.

Когда татары обратились в бегство, Даниил избивал их со своим полком, и Олег Курский крепко бился с ними, но новые полки сразились с ними. За грехи наши побеждены были русские полки.

Даниил, увидев, что разгорается сражение и татарские лучники усиленно стреляют, повернул своего коня под напором противника. Пока бежал он, сильно захотел пить, а напившись, почувствовал рану на теле своем, которую не заметил во время боя из-за мужества и силы возраста своего. Ибо был он отважен и храбр, от головы до ног не было у него изъянов.

Побеждены были все русские князья. Такого же никогда не бывало. Татары, победив русских людей из-за прегрешений христиан, пришли и дошли до Новгорода Святополкова. Русские же, не ведая о их лживости, вышли навстречу им с крестами, и были все перебиты.

Ожидая покаяния христиан, Бог повернул татар назад на восточную землю, и они завоевали землю Тангутскую и иные страны. Тогда же их Чингисхан был убит тангутами. Татары же обманули тангутов и впоследствии погубили обманом. И другие страны они погубили — ратью, а больше всего обманом.

В год 6733 (1225). Александр все время питал вражду к своим братьям Романовичам, Даниилу и Васильку. Услышав, что Мстислав не любит зятя своего, князя Даниила, обрадовался он и стал подстрекать Мстислава к войне. Мстислав отправился воевать и пришел на Лысую Гору. Даниил же приехал в Ляшскую землю, призвал на помощь князя Лестька и пошел навстречу Мстиславу. Когда Александр послал помощь Мстиславу, Даниил перехватил их, и войско его загнало их в Белз, и едва не взяли города. На другой день утром пошел Даниил против Мстислава. Мстислав не выдержал и вернулся в Галич.

Князь Даниил с ляхами разорил землю Галицкую около Любачева и пленили всех в землях Белзской и Червенской, даже тех, кто оставался дома. А Василько князь захватил много добычи, стада коней и кобыл, так что ляхи позавидовали ему. А когда пришли послы от Даниила и Василька, отпущены были Демьян и Андрей.

После этого Мстислав привел Котяна и многих половцев и Владимира Киевского, притворяясь, что идет против ляхов по совету Александра.

Александр же всегда замышлял на брата своего, говоря Мстиславу так: «Зять твой убить тебя хочет». Когда разбирательство состоялось возле его шатра, сам Александр не посмел приехать и послал Яня своего. Мстислав сказал: «Твоих рук это дело, Янь, что Даниил второй раз напускает на меня ляхов». И все князья поняли, что Александр клевещет, а Янь лжет, и сказали все князья Даниилу: «Возьми всю волость его за свой позор». А он, любя брата своего, не взял волости его, и все его за это похвалили.

Мстислав принял зятя своего с любовью, почтил его великими дарами, подарил ему своего борзого коня актаза, такого, каких не было в то время; и дочь свою Анну одарил богатыми дарами. Он свиделся с братьями в Перемиле, где они утвердили мир.

В год 6734 (1226). Обманщик Жирослав сказал галицким боярам: «Мстислав идет в степь и хочет предать вас тестю своему Котяну на убиение». В то время, как Мстислав был в этом неповинен и ничего не знал об этом, бояре поверили Жирославу и ушли в землю Перемышльскую, в горы Кавокасские, иначе сказать, Угорские, на реку Днестр. Послали своих послов сказать: «Жирослав нам так сказал». Мстислав послал своего духовного отца Тимофея сказать им: «Оклеветал меня Жирослав перед вами напрасно». Тимофей поклялся им, что Мстислав ничего об этом не знал, и привел всех бояр к нему.

Князь обличил Жирослава и прогнал его от себя, как Бог изгнал Каина от лица своего, сказав: «Проклят ты! Стони и трясись на земле, ибо земля разверзла уста свои, чтобы принять кровь брата твоего». Так и Жирослав оклеветал господина своего, и пусть не будет ему пристанища во всех землях русских и угорских и ни в каких странах, пусть ходит, блуждая по странам, пусть жаждет пищи, пусть будет ему скудость в вине и елее, пусть будет двор его пуст, пусть не будет в селе его ни единого жителя!

Оттуда изгнанный, он пошел к Изяславу. Он слыл лукавым обманщиком, самым лживым из всех, пламенем лжи, известен был всем из-за знатности отца своего. Бедность препятствовала козням его, ложью питался его язык, но он хитростью придавал достоверность обману и радовался лжи больше, чем венцу; лицемер, он обманывал не только чужих, но и своих друзей, лживый ради добычи. Из-за этого он так хотел быть у Изяслава. Мы же на прежнее возвратимся.

Мстислав, по совету лукавых бояр галицких, отдал свою младшую дочь за королевича Андрея и дал ему Перемышль. Андрей же, послушав лукавого Семьюнка Чермного, бежал в Угорскую землю и начал собирать войско. Когда наступила зима, пришел он к Перемышлю; тысяцким тогда был Юрий, он сдал Перемышль, а сам бежал к Мстиславу. Король остановился в Звенигороде и послал своих воинов к Галичу, а сам не посмел поехать к Галичу: предсказали ему волхвы угорские, что если он увидит Галич, не быть ему в живых. Из-за этого он не смел идти к Галичу, потому что верил волхвам. Днестр наводнился, и нельзя было его перейти.

Мстислав выехал против них с полками. Посмотрели они друг на друга, и угры уехали в свои станы. С королем был Пакослав с ляхами. Оттуда пошел король к Теребовлю, и взял Теребовль, и пошел к Тихомлю, и взял Тихомль, оттуда пошел к Кремянцу, и бился под Кремянцем, и много угров было убито и ранено.

Тогда же Мстислав послал Судислава к своему зятю, князю Даниилу, говоря: «Не отступай от меня!» Тот же сказал: «Имею правду в сердце своем!»

Оттуда пришел король к Звенигороду. Выехал и Мстислав из Галича. Угры же выехали против него из королевских станов. Мстислав бился с ними, и победил их, и преследовал их до королевских станов, избивая их. Мартиниша тогда же убили, воеводу королевского. Король пришел в смятение и ушел без промедления из этой земли.

Даниил пришел к Мстиславу с братом Васильком в Городок, и Глеб вместе с ними. И сказали они: «Пойди, князь, на короля: по Лохти ходит». Судислав же мешал ему. У него был обман на сердце, он не хотел гибели короля, возлагая на него великие надежды.

Король был обессилен. Лестько в это время шел ему на помощь. Хотя Даниил мешал ему помогать королю, Лестько еще сильнее стремился ему помочь. Даниил и Васильке послали своих людей к Бугу и не дали ему прийти. Он же, вернувшись оттуда, пошел в свою землю: обессилел он, ходив на войну.

И король угорский ушел в Угорскую землю. Тогда его догнали Изяслав и лживый Жирослав и пошли с ним в Угорскую землю.

Потом Судислав, обманывая Мстислава, сказал ему: «Князь, отдай свою обрученную дочь за королевича и дай ему Галич. Ты сам не можешь в нем княжить, бояре тебя не хотят». Мстислав не хотел отдавать Галич королевичу, он больше всего хотел отдать его Даниилу. Но Глеб Зеремеевич и Судислав не позволяли ему отдать Галич Даниилу, говоря ему: «Если отдашь королевичу, то, когда захочешь, сможешь взять у него. Если отдашь Даниилу, не будет вовек твоим Галич». Галичане хотели Даниила, и оттуда послали для переговоров. Мстислав отдал Галич королевичу Андрею, а себе взял Понизье. Оттуда он пошел к Торческу.

Мстислав Немой отдал отчину свою князю Даниилу и сына своего Ивана поручил ему, а Иван умер, и взял Луцк Ярослав Ингваревич, а Черторыйск — пиняне.

В год 6735 (1227). Начнем рассказывать о бесчисленных ратях, и о великих деяниях, и о частых войнах, и о многих крамолах, и о частых восстаниях, и о многих мятежах; смолоду не было покоя Даниилу и Васильку.

Когда Ярослав сидел в Луцке, поехал Даниил в Жидичин поклониться и помолиться святому Николаю. И звал его Ярослав в Луцк. И сказали ему бояре его: «Возьми Луцк, здесь захвати князя их». Но он ответил: «Я приехал сюда, чтобы сотворить молитву святому Николаю, и не могу этого сделать». Он пошел во Владимир и оттуда, собрав рать, прислал на Ярослава Андрея, Вячеслава, Гавриила и Ивана. Когда Ярослав выехал из города, он был захвачен в плен вместе с женой своей, был схвачен Алексеем Орешком: был быстрый конь под ним, он настиг князя и захватил его около города. И затворились лучане. На другой день пришли Даниил и Василько, и сдались лучане. Брат отдал Васильку Луцк и Пересопницу, а Берестье он ему прежде отдал.

Ятвяги пограбили около Берестья, и их прогнали из Владимира. Двое, Шутр Мондунич и Стегут Зебрович, наткнулись на полк. И был убит Даниилом и Вячеславом Шутр, а Стегут был убит Шелвом. Когда ятвяги убегали, погнался за ними Даниил, нанес Небру четыре раны и древком выбил копье из руки его. Василько, погнавшись за ним, услышал крик: «Брат твой бьется сзади». Василько повернулся и бросился брату на помощь, и благодаря этому ятвяг убежал, и другие разбежались.

Мы же оставим это и вернемся к прежнему.

Даниил послал Демьяна к тестю своему сказать: «Не подобает пинянам держать Черторыйск, я не могу этого терпеть». Когда Демьян сообщил это Мстиславу, то Мстислав ответил: «Сын, согрешил я, что не дал тебе Галич, а отдал иноплеменнику по совету лживого Судислава; обманул он меня. Но если Бог захочет, пойдем на него. Я приведу половцев, а ты — со своими. Если Бог даст его нам, ты возьми Галич, а я — Понизье, а Бог тебе поможет. А о Черторыйске — ты прав». Демьян вернулся в Великую субботу. А на другой день, на Пасху, приехали Даниил и Василько к Черторыйску, в ночь на понедельник обложили город. Тогда же конь Даниила был застрелен с городской стены. На другой день окружили Мирослав и Демьян город. И сказали они князьям: «Предал Бог врагов наших в ваши руки». Даниил велел начать приступ, и они взяли город и князя их захватили в плен.

Потом умер великий князь Мстислав Удалой. Он очень желал видеть сына своего Даниила. Но Глеб Зеремеевич, побуждаемый завистью, не пускал его. Мстислав хотел поручить свой дом и своих детей князю Даниилу, ибо имел он к нему великую любовь в своем сердце.

Потом выпустили Ярослава, дали ему Перемиль, а потом Межибожье.

В год 6736 (1228). Митрополит Кирилл, преблаженный святой, приехал помирить всех и не смог.

Потом Ростислав Пинский непрестанно клеветал, ибо дети его были в плену.

Владимир Киевский собрал войско. Михаил Черниговский имел великую боязнь в своем сердце: «Потому что его отец постриг в монахи моего отца». Владимир привел Котяна и половцев. И пришли к Каменцу. Владимир со всеми князьями, куряне, пиняне, новогородцы, туровцы обложили Каменец.

Даниил пытался помириться с половцами, стараясь перекупить их, и поехал к ляхам за помощью, а посла своего Павла отправил к Котяну, говоря: «Отец, прекрати эту войну, давай жить в любви». Тот, разорив

землю Галицкую, поехал в Половецкую землю, не присоединившись к ним.

Королевич был в Галиче, и Судислав с ним, они были союзниками с Владимиром и Михаилом. А эти ничего не добились и вернулись.

Даниил и Василько собрали ляхов много и пошли к Киеву, с воеводой Пакославом, и Александр с ними. Они встретили послов от Владимира и Михаила: Воротислава Петровича и Юрия Толигневича, хотящих заключить мир. Мир был заключен, и ляхи вернулись обратно.

В год 6737 (1229). Убит был Лестько, великий князь Ляшский, был он убит на сейме Святополком и Владиславом Оттоновичем, по совету коварных бояр. После смерти своего брата Кондрат принял Даниила и Василька в великую любовь и просил их прийти к нему на помощь. Они пришли к нему на помощь против Владислава Старого. Сами пошли воевать и оставили в Берестье Владимира Пинского, угровчан и берестьян — стеречь землю от ятвягов. В то время литовцы воевали против ляхов и, считая, что берестьяне с ними в мире, пришли к Берестью. Но Владимир сказал: «Хоть вы и в мире, да не со мной». И вышел на них с берестьянами, и перебил всех.

Даниил и Василько пришли к Кондрату, устроили совет и пошли к Калишу. И пришли к Вепру вечером. Наутро, на рассвете, перешли реку Пресну и пошли к городу. А в ту ночь был проливной дождь. Увидев, что некому оказывать сопротивление, они пустились грабить и брать в плен. Русские достигли Милича и Старогорода, и несколько сел Воротиславовых заняли, захватили большой полон и возвратились, и пришли в свои станы, обдумывая, как пойти к городу на бой,— а ляхи не хотели биться.

Назавтра Даниил и Васильке, взяв своих воинов, подошли к городу. Кондрат, любивший русский бой, подгонял своих воинов, а те не хотели. Оба подошли к воротам Калиша, а Мирослава и другие полки послали в тыл города.

Город был окружен водой, густыми зарослями лозины и вербы, и они сами не знали, кто где бился. Когда одни отступали, другие наступали, а когда те отступали, эти наступали. Они не взяли город в тот день потому, что не видели друг друга. С городских стен летели камни, как

сильный дождь, — они стояли в воде, но скоро стали стоять, как на суше, на брошенных камнях. Подожгли подъемный мост и жеравец. Ляхи едва затушили городские ворота.

Даниил и Василько ходили около города; некоторые лучники стреляли на городскую стену, и было ранено сто шестьдесят мужей, стоящих на заборолах. Когда наступил вечер, они возвратились в станы свои.

Станислав Микулич сказал: «Там, где мы стояли, нет ни рва с водой, ни высокой насыпи». Даниил, сев на коня, сам поехал осматривать городские укрепления и увидел, что так и есть. Даниил приехал к Кондрату и сказал: «Если бы мы с самого начала знали это место, то город был бы взят». Кондрат просил его утром снова приступить к городу.

Наутро Даниил и Василько послали своих людей. Они стояли и разбирали деревянные постройки около города, а горожане не смели швырять в них камнями со стен и просили, чтобы Кондрат прислал к ним Пакослава и Мстиуя. Пакослав сказал Даниилу: «Измени свою одежду и пойдем с нами». Даниил не хотел, но брат сказал ему: «Пойди, послушай их вече». Кондрат не доверял Мстиую.

Даниил надел на себя шлем Пакослава и стал сзади него. Стояли мужи на заборолах и говорили: «Так и скажите великому князю Кондрату — этот город разве не твой? Мы, воины, изнемогающие в этом городе, не чужеземцы, мы твои люди, ваши братья! Почему вы не пожалеете нас? Если русские нас захватят, — какая слава будет Кондрату? Если русское знамя водрузится на городских стенах, кому воздашь честь? Не Романовичам ли? А свою честь умалишь! Теперь мы брату твоему служим, а завтра твоими будем. Не дай славы русским, не погуби этот город!» И много слов они говорили.

Пакослав же сказал: «Кондрат рад был бы оказать вам милость, но Даниил весьма зол на вас: не хочет уходить, не взяв города». И, рассмеявшись, промолвил: «А вот он сам стоит. Говорите с ним». Князь же ткнул его древком копья и снял с себя шлем. Они закричали с городской стены: «Прими нашу покорность, молим тебя — заключи мир!» Он много смеялся, беседовал с ними, взял у них двух мужей и поехал к Кондрату.

Кондрат заключил с ними мир и взял у них заложников. Русские взяли в плен много челяди и боярынь. Поклялись друг другу русские и ляхи: если после этого между ними будет усобица, то не брать ляхам русской челяди, а русским — ляшской.

Потом они вернулись от Кондрата домой с честью: Бог им помогал, и они оказали великую помощь Кондрату, и вернулись со славою в землю свою. Никакой другой князь не входил так далеко в землю Ляшскую, кроме Владимира Великого, который крестил Русскую землю.

Спустя некоторое время Василько поехал на свадьбу своего шурина в Суздаль, к великому князю Юрию, взяв с собой Мирослава и других.

Когда Даниил был в Угровске, прислали галичане сказать: «Судислав ушел в Понизье, а королевич остался в Галиче, приходи скорее». Даниил собрал войско, быстро послал Демьяна против Судислава, а сам пошел с малой дружиной из Угровска к Галичу, и в третий день к ночи он был в Галиче. Судислав не устоял перед Демьяном и побежал в Галич. Когда Даниил приехал в Галич, галичане затворили город, Даниил захватил двор Судислава. Сколько там было вина, овощей, еды, копий, стрел — страшно смотреть! Потом Даниил, увидев, что его люди перепились, не захотел разбить стан около города, а пошел на другую сторону Днестра.

Судислав в эту ночь прибежал в город; схвачены были люди из его войска, которые сказали, что Судислав уже в Галиче. Даниил стоял в Угольницах на берегу Днестра. Галичане и угры выехали на лед и перестреливались; с наступлением вечера, когда взломало лед, и река наводнилась, подожгли мост на Днестре,— это сделал беззаконный лихой Семьюнко, рыжий, как лисица.

Пришел Демьян со всеми боярами галицкими — с Мирославом, с Володиславом и другими боярами галицкими. Даниил этому очень радовался, но был огорчен из-за моста, недоумевая, как Днестр перейти. Поскакал Даниил к мосту, и увидел, что конец моста погас, и очень обрадовался.

Утром, когда пришел Владимир Ингваревич, они перешли мост и стали на берегу Днестра.

Утром, когда все встали, Даниил объехал город и, собрав все галицкое войско, поставил по четырем сторонам вокруг города. Он собрал войско от Боброки вплоть до рек Ушицы и Прута, и окружили город большими силами. Галичане были обессилены и сдали город. Даниил же, захватив город, вспомнил о дружбе с королем Андреем, и отпустил его сына, и проводил его до реки Днестра. С ним ушел один Судислав, в него бросали камнями и кричали: «Уходи из города, мятежник земли!»

Андрей пришел к отцу своему и брату, а Судислав непрестанно говорил: «Идите на Галич и захватите землю Русскую. Если не пойдете, они станут сильнее нас».

Вышел Бела-рикс, то есть король угорский, с большим войском. Он сказал: «Не может устоять город Галич. Никто не может избавить его от руки моей». Когда же он взошел на Угорские горы, Бог послал нам на помощь архангела Михаила — отворить хляби небесные. Кони тонули, люди спасались на высоких местах. Бела же неуклонно стремился захватить город и землю. А Даниил молился Богу, и Бог избавил его от руки сильных.

Король окружил город и отправил посла, и закричал посол громким голосом, и сказал: «Слушайте слова великого короля угорского. Пусть не утешает вас Демьян, говоря: “Бог восставит нас из земли”. Пусть не надеется ваш Даниил на Господа, говоря: “Не может сдаться этот город королю угорскому”. Сколько раз ходил я в чужие страны — кто может спастись от руки моей и от сил полков моих». Демьян, однако, был тверд, не побоялся его угроз. Бог в помощь был ему. Даниил же привел к себе ляхов и половцев Котяна. А у короля были половцы Беговарса.

Бог послал на них казни фараоновы. Силы города росли, а у Белы истощались. И он ушел от города, покинув своих людей, вооруженных воинов и всадников. Много горожан напало на них, и одни падали в реку, а другие были перебиты, а иные ранены, иные же были взяты в плен. Как сказано в другом месте: «Река Скырт злую игру сыграла с горожанами», так и тут — Днестр злую игру сыграл с уграми.

Оттуда пошел король к Василеву, перешел Днестр и пошел к Пруту. Бог попустил на них казнь, ангел избил их, и так они гибли: одни — разуваясь, другие, влезая на коней, скончались, другие, садясь к огню и

только поднося мясо ко рту, умирали, от разных других болезней умирали — и хляби небесные одинаково всех их топили.

Итак, король покинул Галич из-за неверности галицких бояр, а Даниил с Божьей помощью вернул себе город свой.

После этого расскажем про многие мятежи, великие обманы, многочисленные войны.

В год 6738 (1230). Крамола возникла среди безбожных галицких бояр: они устроили заговор с родичем Даниила — Александром — его убить, а землю его передать. Пока они совещались, замышляя устроить поджог, милостивый Бог вложил в сердце Васильку выйти и обнажить меч в шутку против слуги короля, а другому, также играя, подхватить щит. Изменники Молибоговичи увидели это, и Бог внушил им страх, и они сказали: «Наш замысел разрушен». И побежали они, как окаянный Святополк. Они уже убегали, а князь Даниил и князь Василько еще об этом не знали.

Василько поехал во Владимир, а безбожный Филипп позвал князя Даниила в Вишню. Второй заговор об убийстве его учинили они с племянником его Александром. Когда Даниил доехал до Браневичевой отмели, приехал к нему посол от его тысяцкого Демьяна, который сообщил ему: «Это недобрый пир, потому что задумано безбожным твоим боярином Филиппом и племянником твоим Александром — быть тебе убитым. Услышав об этом, возвратись назад и держи стол отца своего».

После того как Константин поведал это, Даниил вернулся по реке Днестр, а безбожные бояре отправились иным путем, не желая с ним встретиться.

Когда он приехал в Галич, то послал посла своего к брату своему князю Васильку: «Иди ты на Александра». Александр же убежал в Перемышль к своим сообщникам, а Василько захватил Белз. Он послал своего седельничего Ивана захватить неверных Молибоговичей и Волдриса, и взято было их двадцать восемь Иваном Михалковичем. Но не смерть они приняли, а милость получили; а ведь некогда, когда князь веселился на пиру, один из тех безбожных бояр плеснул в лицо ему чашей вина, и то он стерпел. Да воздаст им Бог отмщение.

В год 6739 (1231). Сам Даниил собрал вече, у него осталось восемнадцать верных дружинников с тысяцким его Демьяном, и он сказал им: «Будете ли верны мне, чтобы я мог выйти против моих врагов?» Они же воскликнули: «Верны мы Богу и тебе, господин наш! Выходи с Божией помощью!» Сотский же Микула сказал: «Господин, не раздавивши пчел, меду не есть». Помолился он Богу, святой пречистой Богородице и Михаилу, архангелу Божию, и попытался выйти с небольшим числом воинов. Мирослав пришел к нему на помощь с небольшим количеством дружинников. Изменники тоже на помощь к нему шли, притворяясь верными. И заключили с ним союз, хотя и были злы на него. Когда Даниил приехал к Перемышлю, то Александр не стерпел и побежал. Во время погони Шелв был ранен; он был храбр и умер с честью великой. Изменник Володислав Юрьевич, заключивший союз с ним, преследовал Александра до самого Санока, до Угорских Ворот. Александр ускользнул от них, оставив все свое имение, и так пришел в Угорскую землю и пошел к Судиславу. Судислав был тогда в Угорской земле.

Судислав принялся за дело, пришел к королю Андрею и призвал короля угорского Андрея в поход. И пришел король Андрей с сыном своим Белой и с другим сыном Андреем к городу Ярославу. Боярин Давыд Вышатич и Василий Гаврилович, люди князя Даниила, затворились в Ярославе; угры бились до самого захода солнца,и были отбиты от города.

Вечером собрали совет. Давыд переполошился: его теща, супруга кормильца Нездила, была сторонницей Судислава, который ее своей матерью называл. И сказал Давыд Вышатич: «Ты не можешь удержать этот город». Василий же ответил ему: «Не погубим чести своего князя, — не сможет войско захватить этот город». Он был муж сильный и храбрый. Но Давыд не слушал его и все-таки хотел отдать город. Чак, приехавший из угорских полков, сказал ему: «Они не могут уже вас захватить, потому что сильно побиты». Василий крепко стоял за то, чтобы не сдавать город. Потом ужас охватил его сердце, хотя сам был невредим, и он вышел со всеми воинами. И король занял Ярослав и пошел к Галичу. Климята из Голых гор перебежал от Даниила к королю, а за ним перебежали все галицкие бояре.

Оттуда король пошел к городу Владимиру. Когда он пришел к Владимиру, он изумился и сказал: «Такого города я не встречал даже в немецких странах». Таким он и был! А на городских стенах стояли воины, блистали щиты и доспехи, подобные солнцу. Мирослав был тогда в городе; когда-то он был храбр, но теперь, Бог знает почему, вдруг пришел в смятение и заключил мир с королем без согласия князя

Даниила и брата его Василька. По договору Мирослав отдавал Белз и Нервен Александру, а король сына своего Андрея посадил в Галиче, с согласия коварных галицких бояр. Мирослав отрекался: «Не отдавал я Червена по договору». И было ему большое порицание от обоих братьев: «Зачем ты заключил мир, имея большое войско?»

Когда король стоял во Владимире, князь Даниил захватил много пленников, воюя около Бужска. А король вернулся к себе в Угорскую землю.

Владимир послал к Даниилу, говоря: «Идет против меня Михаил, помоги мне, брат!» Даниил пришел сотворить мир между ними. Из Русской земли он себе взял часть Торческа и отдал его обратно детям Мстислава Удалого, своим шурьям. Сказал им: «За добрые дела вашего отца примите город Торческ и владейте им».

В это время королевич Андрей двинул рать на Даниила и пришел к Белобережью. Володислав ехал со сторожевым отрядом от Даниила из Киева и встретил рать в Белобережье, бились они около реки Случи и гнали угров до реки Деревное из леса Чертова.

Пришла весть в Киев Владимиру и Даниилу от Володислава. И сказал Даниил князю Владимиру: «Брат, я знаю, что они идут на нас обоих. Пусти меня, я зайду к ним в тыл». Те же, узнав об этом, вернулись в Галич.

Даниил, соединившись с братом, догнал королевича у Шумска и переговаривался с ним около реки Вельи. С королевичем были Александр, Глеб Зеремеевич, другие князья Болоховские и угров множество. Даниил виделся с королевичем около реки Вельи и сказал ему некое хвастливое слово, которого Бог не любит. Назавтра Даниил перешел реку Велью у Шумска и, поклонившись Богу и святому Симеону, исполчил полки свои и пошел к Торчеву. Узнал об этом королевич Андрей, исполчил свои полки и вышел против него, то есть на битву. Так как королевич шел по равнине, то Даниилу и Васильку нужно было съехать с высоких гор; некоторые советовали остаться на горах и охранять спуски. Но Даниил сказал: «Как говорит Писание: “Кто медлит идти в битву, у того робкая душа”». И, принудив их, скорее спустился вниз.

Василько пошел против угров, Демьян тысяцкий и другие полки шли слева, а Даниил со своим полком шел посередине. Велик был его полк, ибо состоял из одних храбрецов со сверкающим оружием. Угры, увидев его, не захотели с ним сразиться, а повернулись против Демьяна и на другие полки. Приехали стрельцы с тараном, люди не устояли, были перебиты и разбежались. Когда Демьян сразился с Судиславом, князь Даниил заехал к ним в тыл, и они сражались копьями, Демьяну же показалось, что это все враги и они бегут перед ним. Даниил вонзил свое копье в воина, и копье сломалось, и он обнажил свой меч. Он посмотрел туда и сюда и увидел, что стяг Василька стоит, и тот доблестно борется и гонит угров; обнажив меч свой, пошел Даниил на помощь брату, многих он ранил, а иные от его меча погибли. Съехались они с Мирославом; увидев, что угры собираются, наехали на них вдвоем. Те же не выдержали и отступили; другие приехали и сразились, и те не выдержали. Преследуя врагов, они разъехались. Потом он увидел брата, доблестно борющегося, с окровавленным копьем и изрубленным мечами древком копья.

В год 6740 (1232). Глеб Зеремеевич собрал угров и поехал к стягу Василька. Даниил же приблизился к ним, чтобы вызвать на бой, и не увидел у них воинов, а только отроков, держащих коней. Те же, узнав его, пытались мечами убить его коня. Милостивый Бог вынес его из вражьих рядов без ран, только концом острия меча на бедре его коня срезана была шерсть. Он приехал к своим и принудил их выступить против них.

Васильков полк гнал угров до станов их, и стяг королевича подрубили, а другие многие угры бежали, пока не достигли Галича.

Пока они стояли — эти на горе, а те — на равнине, Даниил и Васильке понуждали своих людей съехать на них. Но Бог так пожелал за грехи: дружина Даниила обратилась в бегство, а угры не посмели его преследовать, и не было урона в полках Даниила, кроме пяти убитых.

Даниил утром собрался, но не знал о брате, где он и с кем. Королевич же вернулся в Галич, потому что был большой урон в его полках: много угров бежало, пока не достигли Галича.

Большой был бой в тот день. Угров было убито много, а Данииловых бояр мало, вот их имена: Ратислав Юрьевич, Моисей, Степан и брат его, а также Юрий Яневич.

Потом Даниил узнал, что брат его здоров и не перестает готовиться к бою.

Был бой Торцевский в Субботу великую.

Потом прислал Александр к братьям Даниилу и Васильку с речью: «Нехорошо мне быть без вас». Они же приняли его с любовью.

Когда выросла трава, Даниил вместе с братом и с Александром пошел к Плеснеску, и, придя, захватил Плеснеск у Арбузовичей, и взял много пленных, и вернулся во Владимир.

В год 6741 (1233). Королевич и Судислав привели на Даниила Дьяниша. Даниил съездил в Киев и привел половцев и Изяслава против них; Даниил с Изяславом и Владимиром в церкви присягнули друг другу. Пришли они против Дьяниша. Изяслав нарушил договор, велел грабить землю Даниила; он захватил Тихомль и вернулся к себе, а Владимир с Даниилом и Котян остались одни. «О, обман зол,— как пишет Гомер, — сладок он до обличения, а после обличения горек. Того, кто следует ему, злая кончина постигнет». О, зло это злее зла!

Оттуда пошли к Перемилю. Королевич Андрей, Дьяниш и угры бились с Владимиром и Даниилом за мост, но те от них отбились. Угры воротились в Галич, побросав пороки. Владимир и Даниил пошли за ними. Василько и Александр пришли к брату. И встретились они в Бужске. Владимир, Котян и Изяслав вернулись к себе.

В год 6742 (1234). Глеб Зеремеевич перешел от королевича к Даниилу.

Даниил и Василько однажды пошли к Галичу, и встретила их лучшая половина Галича: Доброслав, Глеб и другие многие бояре, и, придя, Даниил встал на берегу Днестра. И принял он землю Галицкую, и роздал города боярам и воеводам. Было у них много корма. А королевич, Дьяниш и Судислав изнемогали от голода в городе. Стояли девять недель, продолжая осаду, ожидая льда, чтобы перейти реку. Судислав же обманом послал к Александру сказать: «Отдам тебе Галич,

уйди от брата». Тот ушел прочь. Галичане решили захватить галичан, выехавших к Даниилу.

Прошло немного времени, и королевич умер. Галичане послали за Даниилом Семьюнка Рыжего, а Судислав ушел в Угорскую землю.

С наступлением весны Александр, убоявшись своего злого дела, пошел к своему тестю в Киев. Даниил же, узнав об этом, вышел на него из Галича, догнал его в Полоном и захватил в плен на Хоморском Лугу. Даниил не спал три дня и три ночи, так же и воины его.

Когда в Киеве княжил Владимир, прислал он сына своего Ростислава в Галич и заключил с Даниилом союз на братство и любовь великую. Михаил и Изяслав, однако, не переставали враждовать с Владимиром. Даниил оставил у него Глеба Зеремеевича, и Мирослава, и иных бояр много. Прислал Владимир к нему сказать: «Помоги мне, брат!» Даниил, по большой любви, скоро собрав полки, пошел.

Михаил не выдержал и ушел от Киева. Даниил пришел к князю Владимиру и пошли они к Чернигову. Пошел с ними и Мстислав Глебович. Оттуда они пошли, завоевывая землю, захватили многие города по Десне и взяли Хоробор, и Сосницу, и Сновск, и многие другие города, и опять пошли к Чернигову. Мстислав и черниговцы заключили мир с Владимиром и Даниилом. Бой был у Чернигова лют, даже таран против него поставили, метали камни на полтора перестрела, а камень был таков, что поднять его под силу было четырем мужам сильным. Оттуда с миром вернулись к Киеву.

Изяслав, однако, не переставал враждовать и навел половцев на Киев.

Даниил и его воины были сильно утомлены. Он попленил все Черниговские земли, воевал от Крещения до Вознесения и заключил мир, и вернулся в Киев.

Половцы же пришли к Киеву и захватили Русскую землю. Даниил обессилел. Даниил хотел вернуться домой лесной стороной, хотя и Владимир просил его, и Мирослав уговаривал: «Пойдем на поганых половцев!» Встретили их половцы у Звенигорода. Владимир захотел

вернуться, и Мирослав заговорил о возвращении, но Даниил сказал: «Не подобает ли воину, устремившемуся на битву,— или завоевать победу, или погибнуть в бою? Я удерживал вас. Теперь же вижу, что трусливую душу имеете. Не говорил ли я вам, что не следует усталым воинам идти против свежих? А теперь что смущаетесь? Выходите против них!»

Когда же встретились они с большим половецким войском у Торческа, была сеча лютая. Даниил преследовал половцев, пока не был ранен стрелой его гнедой конь. А до этого половцы других обратили в бегство. Увидев, что его конь бежит раненный, Даниил тоже обратился в бегство. Владимир был захвачен в Торческе, а также Мирослав, по совету безбожного Григория Васильевича и Молибоговичей, и многие другие бояре были захвачены.

Даниил прибежал в Галич, Василько был в Галиче с полком и встретил своего брата. Борис Межибожский, по совету Доброслава и Збыслава, послал к Даниилу сказать: «Изяслав и половцы идут к Владимиру». Это был обман. Даниил велел сказать брату. «Стереги Владимир». Когда галицкие бояре увидели, что Василько с полком ушел, подняли мятеж. Судислав Ильич сказал: «Князь, слова галичан лживы, не погуби себя, уходи отсюда!» Даниил, узнав про их мятеж, ушел в Угорскую землю.

Когда наступила зима, Василько пришел к Галичу, взяв ляхов. Даниил тогда пришел к своему брату из Угорской земли. Повоевали они, не доходя до Галича, и вернулись к себе.

В год 6743 (1235). Пришли галичане на Каменец и все болоховские князья с ними, они воевали по Хомору, пришли к Каменцу и, взяв много пленников, ушли. В то время Владимир послал Даниилу на помощь торков и Даниила Нажировича. А Данииловы бояре, выйдя из Каменца, соединились с торками и догнали галичан. И побежденьГбыли коварные галичане. И все князья болоховские были схвачены, и привезли их во Владимир к князю Даниилу.

Когда настало лето, Михаил и Изяслав стали присылать с угрозой: «Отдай наших братьев или пойдем на тебя войной!» Даниил же молился Богу и святителю Николаю, чтобы он показал свое чудо. Ибо Михаил и Изяслав навели на Даниила ляхов и русских, и множество половцев. Кондрат остановился там, где сейчас стоит город Холм, и послал к Червену грабить. Васильковичи встретили ляшских бояр, бились с ними, захватили их и привели к Даниилу в Городок.

Михаил же, стоявший на Подгорье, хотел соединиться с Кондратом и ожидал половцев и Изяслава. Половцы же, придя на Галицкую землю, не захотели идти на Даниила и возвратились, разорив всю Галицкую землю. Услышав об этом, Михаил возвратился в Галич, а Кондрат побежал в Ляшскую землю ночью, и много его воинов утонуло в реке Вепре.

Когда настало лето, собравшись, Даниил и Васильке пошли на Галич, на Михаила и Ростислава. Те же затворились в городе. Было много угров у Даниила. Они вернулись, пограбили около Звенигорода, но город, хотя и пытались, не взяли, потому что там была чудотворная икона святой Богородицы.

Этой же осенью заключили мир.

С наступлением весны решили пойти на ятвягов и пришли к Берестью, но реки наводнились, и они не смогли пойти на ятвягов.

Даниил сказал: «Нехорошо, что нашу отчизну держат крестоносцы тамплиеры, по прозванию Соломоничи». И пошли на них с большим войском. Захватили город в марте месяце, и магистра их Бруна взяли в плен, и воинов забрали, и возвратились во Владимир.

В том же году ходил Даниил против Михаила на Галич. Те просили мира и дали Даниилу Перемышль. В том же году Даниил привел на Кондрата литовцев Миндовга и Изяслава Новгородского.

В том же году Даниил ходил со своим братом в Угорскую землю к королю, потому что тот приглашал его на празднество.

В то время пошел Фридрих-царь войной на герцога, а Даниил и его брат Василько захотели пойти герцогу на помощь. Король же отговорил их, и они вернулись в свою землю.

Потом пришел Ярослав Суздальский и взял Киев у Владимира, но не смог его удержать и пошел снова в Суздаль. Михаил взял у него Киев, а Ростислава, сына своего, оставил в Галиче. И отняли у Даниила Перемышль. И были между ними то мир, то война.

Ростислав вышел в степь. С Божьей помощью, когда Даниил был в Холме, получил он весть, что Ростислав пошел на литву со всеми боярами и конницей. Когда это случилось, Даниил вышел из Холма с воинами и на третий день был у Галича. Любили его горожане. Подъехал он к городу и сказал им: «О городские мужи! До каких пор будете терпеть власть чужеземных князей?» Они же воскликнули, говоря так: «Это наш властелин, данный нам Богом!» И бросились к нему, как дети к отцу, как пчелы к матке, как жаждущий воды к источнику. Епископ Артемий и дворский Григорий препятствовали ему, но, увидев, что не могут удержать город, трусливо поспешили сдать его, вышли со слезами на глазах и с опечаленными лицами, облизывая пересохшие губы свои, поскольку они не имели княжеской власти, и сказали с прискорбием: «Приходи, князь Даниил, возьми город!» Даниил вошел в город свой, пришел в храм пресвятой Богородицы, и принял стол отца своего, и отпраздновал победу, и поставил на Немецких воротах знамя свое.

На другой день он получил весть, что Ростислав пошел было к Галичу, но, узнав, что город взят, побежал в Угорскую землю по дороге, идущей на Барсуков Дел; пришел к Бане, называемой Рудной, а оттуда пошел в Угорскую землю.

Бояре пришли и упали к ногам Даниила, прося милости: «Мы согрешили, потому что держали другого князя». Он отвечал им: «Получите милость и не делайте этого опять, чтобы не случилось худшее».

Даниил, узнав об их уходе, послал против них своих воинов, и они гнались за ними до Горы и возвратились.

Побоище Батыево. В год 6745 (1237). Пришли безбожные измаильтяне, которые раньше бились с русскими князьями на Калке.

Первое их нашествие было на Рязанскую землю, и взяли они приступом город Рязань, выманили обманом князя Юрия и привели к Пронску,

ведь княгиня его была в то время в Пронске. Обманом выманили и княгиню, и убили князя Юрия и его княгиню, и всех жителей его земли перебили, не пощадили и детей, даже грудных. Кир Михайлович убежал со своими людьми в Суздаль и рассказал великому князю Юрию о приходе и нашествии безбожных агарян.

Услышав об этом, великий князь Юрий послал сына своего Всеволода со всем войском, и с ним пошел кир Михайлович. Батый устремился на землю Суздальскую, и встретил его Всеволод на Колодне, и они бились, и пали многие из них с обеих сторон. Когда Всеволод был побежден, рассказал он отцу своему о происшедшей битве с напавшими на его землю и города. Князь Юрий, оставив сына своего и княгиню во Владимире, вышел из города и стал собирать вокруг себя войско; но у него не было сторожевых отрядов, и он был захвачен беззаконным Бурундаем, который напал на город внезапно, и самого князя Юрия убили. Батый стоял у города, город упорно сопротивлялся, и сказал он горожанам насмешливо: «Где князья рязанские, где ваш город, где ваш великий князь Юрий? Не наша ли рука, схватив, предала его смерти?»

Услышав об этом, преподобный епископ Митрофан стал говорить со слезами всем: «Дети, не побоимся соблазна от нечестивых, не будем думать об этой тленной и скоропреходящей жизни, но о той нескоропреходящей жизни позаботимся, чтобы жить с ангелами. Если наш город захватят приступом и нас предадут смерти, то я ручаюсь вам, дети, что вы примете нетленные венцы от Христа Бога». Услышав такие слова, все стали крепко сражаться. Татары били городские стены пороками и стреляли бесчисленными стрелами. Увидел князь Всеволод, что предстоит еще более жестокая битва, испугался, он был очень молод, и сам вышел из города с частью дружины, неся с собой богатые дары, надеясь получить от Батыя жизнь. Но тот, как свирепый зверь, не пощадил его юности, велел перед собою зарезать и весь город перебил. Епископ преподобный с княгиней и с детьми убежали в церковь, и велел нечестивый церковь зажечь огнем, и так они предали свои души в руки Божий.

Разрушив город Владимир, захватив суздальские города, пришел Батый к городу Козельску. Там княжил молодой князь по имени Василий. Нечестивые узнали, что люди в городе крепкодушны, что словами хитрыми нельзя захватить город. Козляне же, с общего согласия, порешили не сдаваться Батыю, говоря так: «Хоть наш князь молод, но отдадим жизнь свою за него, и здесь славу света сего примем, и там получим небесные венцы от Христа Бога». Татары упорно бились, хотели взять город, разбили городскую стену и вошли на вал. Козляне на ножах резались с ними. Они решили выйти на татарские полки, и, выйдя из города, разбили пороки их, и, напав на полки татарские, перебили четыре тысячи татар, но и сами были перебиты. Батый же,

взяв город, перебил всех, не пощадил и детей, даже грудных младенцев. О князе Василии ничего не известно; некоторые говорят, что он утонул в крови, так молод был. С тех пор татары не смеют называть этот город Козельском, но — «злым городом», потому что они бились за него семь недель. У татар были убиты три сына темников. Татары искали и не могли найти их среди множества трупов.

Взяв Козельск, Батый пошел в Половецкую землю. Оттуда стал посылать на русские города, и взял приступом город Переяславль, и разрушил весь, и церковь архангела Михаила разрушил, и взял бесценные золотые церковные сосуды, украшенные драгоценными камнями, и преподобного епископа Семиона убил.

В то же время послал он на Чернигов, обступили город большими силами. Мстислав Глебович услышал о нападении иноплеменников на город и пришел на них со всеми своими воинами. Они бились, и побежден был Мстислав, и множество его воинов было перебито, и город взяли и запалили огнем. Епископа оставили в живых и увели в Глухов.

Меньгу-хан пришел осмотреть город Киев. Он встал на другой стороне Днепра, около Городка Песочного; увидев город, удивился его красоте и величине, прислал своих послов к Михаилу и горожанам, хотел их обольстить, но они не послушали его.

В год 6746 (1238). Михаил бежал вслед за сыном своим от татар в Угорскую землю, а Ростислав Мстиславич, сын князя смоленского, сел в Киеве. Даниил же пошел походом против него, и взял его в плен, и оставил в Киеве Дмитра; он поручил Дмитру Киев — оборонять его от иноплеменных язычников, безбожных татар.

(Ярослав Всеволодович Суздальский узнал), что Михаил бежал из Киева в Угорскую землю, приехал и захватил в плен его княгиню, и бояр его захватил, и город Каменец взял. Услышав об этом, Даниил послал послов, говоря: «Отпусти сестру ко мне, потому что Михаил замышляет против нас обоих». Ярослав послушался слов Даниила, так и сделал, и пришла к ним сестра, к Даниилу и Васильку, и они держали ее в великой чести.

Король не дал свою дочь замуж за Ростислава и прогнал его прочь. Пошли тогда Михаил и Ростислав в Ляшскую землю, к дяде своему Кондрату. Прислал Михаил послов к Даниилу и Васильку, говоря: «Я много раз грешил перед вами, много раз делал тебе зло. Что тебе обещал, того не сделал. Если хотел жить в согласии с тобой, коварные галичане мне не давали. Сейчас же клятвой клянусь тебе, что никогда не буду с тобой вражды иметь».

Даниил и Василько не попомнили зла, отдали ему свою сестру и привели его из Ляшской земли. Даниил, посоветовавшись с братом, обещал Михаилу Киев, а сыну его Ростиславу отдал Луцк. Михаил, боясь татар, не смел идти в Киев. Даниил и Василько разрешили ему ходить за данью по своей земле, дали ему много пшеницы, меду, быков и овец вдоволь. Михаил, узнав о взятии Киева, бежал с сыном своим в Ляшскую землю к Кондрату. Когда татары приблизились, он и здесь не стерпел и ушел в землю Вратиславскую, и пришел он к немецкому городу по имени Середа. Когда немцы увидели, что у него большой обоз, они перебили его людей, отняли много добра и убили его внучку. Михаил не дошел и вернулся; он был в большом горе: уже татары пришли воевать к Индриховичу. Михаил же вернулся назад опять к Кондрату.

Мы же на прежнее возвратимся.

В год 6747 (1239).

В год 6748 (1240). Пришел Батый к Киеву с большой силой, с многим множеством воинов своих, и окружили они город, и обступила сила татарская, и был город в великой осаде. Был Батый у города, а воины его окружали город. И нельзя было голоса слышать от скрипения телег его, от рева множества верблюдов его, ржания стад коней его, и была вся земля Русская наполнена воинами.

Захватили у них татарина по имени Товрул, и он рассказал им про всю силу их. Это были его братья, сильные воеводы: Урдю, Байдар, Бирюй, Кайдан, Бечак, Меньгу и Куюк (который вернулся, узнав о смерти хана, и стал ханом; не из рода его, но первый был воевода хана), Себедяй-богатур и Бурундай-богатырь (который взял Болгарскую землю и Суздальскую), и иных бесчисленное множество воевод, их мы не перечислим здесь.

Поставил Батый пороки около города, у Ляшских ворот. Тут вплотную подступали заросшие лесом овраги. Пороки непрестанно били день и ночь и пробили стены. Вышли горожане на остатки стены, и было видно, как тут ломались копья, разлетались в щепки щиты, стрелы помрачили свет. Горожане были побеждены, и Дмитр ранен, а татары взошли на стены и там засели. Но в тот же день и ночь горожане построили другие стены около церкви святой Богородицы. На другой день татары начали приступ, был большой бой между ними и защитниками. Люди укрылись в церкви, влезли на церковные своды вместе со своим добром, и от тяжести рухнули вместе с ними стены церковные. Так город был захвачен воинами. Дмитра вывели раненым и не убили его мужества его ради.

В то время Даниил уехал в Угорскую землю к королю и еще не слышал о приходе поганых татар на Киев.

Батый же, взяв Киев, узнал, что Даниил в Угорской земле, пошел сам на Владимир и подошел к городу Колодяжну. Он поставил двенадцать пороков, но не мог он разбить стены и стал подговаривать людей. Они же, послушав его злого совета, сдалисци были перебиты. Затем Батый пошел к Изяславлю и Каменцу и взял их. Видел он, что не сможет взять города Кременец и Данилов, и отошел от них. И пришел к Владимиру, и взял его приступом, и перебил всех, не щадя. И так же Галич и многие другие города, которым и числа нет.

Дмитр, киевский тысяцкий Даниила, сказал Батыю: «Не медли так долго на этой земле, пора тебе идти на угров. Если замедлишь, земля та укрепится! Соберутся против тебя и не пустят тебя в свою землю». Он так сказал потому, что видел, как гибнет Русская земля от нечестивого.

Батый послушал совета Дмитра и пошел на угров. Король Бела и Коломан встретили его на реке Солоне. Бились их войска, и бежали угры, и татары гнали их до реки Дуная. После победы пробыли они там три года.

Еще до этого ездил Даниил-князь к королю в Угорскую землю, хотел породниться с ним, и не было между ними согласия. Он вернулся от короля и приехал в Синеволодский монастырь святой Богородицы. Наутро он встал и увидел множество бегущих от безбожных татар и воротился назад в Угорскую землю. Он не мог пройти в Русскую землю, потому что с ним было мало дружины. Он оставил сына своего в

Угорской земле, чтобы не отдавать его во власть галичан; зная их коварство, он не взял его с собой.

Он прошел из Угорской земли в Ляшскую землю через Бардуев и пришел в Сандомир. Он узнал о своем брате, о детях, и о княгине своей — что ушли они из Русской земли к ляхам от безбожных татар, и бросился искать их и нашел их на реке под названием Полка,— они порадовались о своем соединении и горевали о поражении земли Русской и о взятии множества городов иноплеменниками.

Даниил сказал так: «Нехорошо нам оставаться здесь, близко от воюющих против нас иноплеменников». Он пошел в землю Мазовецкую к Болеславу, сыну Кондрата. И дал ему князь Болеслав город Вышегород. И оставался он там до тех пор, пока не пришла весть, что ушли из Русской земли безбожные.

Вернулся Даниил в свою землю, и пришел к городу Дорогичину, и захотел войти в город, но ему заявили: «Не войдешь ты в город». Тогда он сказал: «Это был наш город и отцов наших, а вы не позволяете мне войти в него». И ушел он, думая так.

Впоследствии же Бог отмщение сотворил властителю города того и предал его в руки Даниила. Даниил же, обновив город, создал прекрасную церковь святой Богородицы и сказал: «Это мой город, давным-давно я взял его в бою».

Даниил с братом пришли к Берестью и не смогли выйти в поле из-за смрада от множества убитых. Ни единого живого человека не осталось во Владимире, церковь святой Богородицы была наполнена трупами, другие церкви были полны трупов и мертвых тел.

Потом Михаил пришел от дяди своего во Владимир с сыном своим и оттуда пошел к Пинску. Ростислав же Владимирович пришел к Даниилу в Холм: сохранил Бог Холм от безбожных татар. Ростислав доказал свою честность — что он не в союзе с Михаилом. А Михаил не показал правды Даниилу и Васильку за их благодеяния, но ушел из земли Даниила, и, отправив послов, пошел к Киеву, и жил под Киевом на острове, а сын его, Ростислав, пошел в Чернигов.

Лев ушел из Угорской земли с галицкими боярами и приехал в Водаву к своему отцу, и был рад ему отец.

Галицкие бояре называли Даниила своим князем, а сами всю землю держали. Доброслав Судьич, внук попа, вокняжился, и грабил землю, и пришел в Бакоту, и все Понизье захватил без княжеского повеления. Григорий Васильевич думал удержать за собой всю горную страну Перемышльскую. И был великий мятеж в земле и грабеж от них. Даниил, узнав об этом, послал своего стольника Якова к Доброславу с великим укором, говоря им: «Князь ваш — я. Вы не исполняете моего повеления, грабите землю. Я не велел тебе, Доброслав, принимать черниговских бояр, а велел дать волости галицким. А Коломыйскую соль отпишите на меня». Тот сказал: «Пусть будет так». В то время, когда Яков сидел у него, пришли Лазарь Домажирич и Ивор Молибожич, два беззаконника, родом смерды, и поклонились ему до земли. Яков удивился и спросил, почему они кланяются. Доброслав сказал: «Я отдал им Коломыю». Яков же сказал: «Как же ты можешь отдать ее им без княжеского повеления? Великие князья держат Коломыю для раздачи воинам, а эти недостойны держать даже Вотьнин». Он же рассмеялся и сказал: «Что я могу на это сказать?» Яков, приехав, все это рассказал князю Даниилу. Даниил опечалился и молился Богу об отчине своей, что эти нечестивые держат ее и владеют ею.

Немного времени спустя Доброслав нажаловался на Григория, говоря: «Он тебе не верен». Он действовал против него, потому что хотел сам держать всю землю. Они рассорились и поехали с великой гордостью. Доброслав ехал в одной сорочке, красуясь, на землю не смотря, а галичане шли у его стремени.

Даниил и Василько, видя его гордость, большой гнев на него обрушили. Доброслав же и Григорий подстерегали друг друга. Даниил понял, что речи их полны обмана, что они не хотят подчиняться его воле, хотят его власть другому передать, и, посоветовавшись с братом, был вынужден, видя их беззаконие, повелеть их схватить.

В год 6749 (1241). Ростислав, собрав князей болоховских и остаток галичан, пришел в Бакоту. Тогда в Бакоте был Кирилл-печатник, посланный князем Даниилом и Васильком, чтобы описать грабительства нечестивых бояр и успокоить народ. Когда они столкнулись у ворот города, Ростислав отступил, надеясь уговорить Кирилла речами многими. Кирилл же отвечал Ростиславу: «Так-то ты воздаешь своим дядьям за их благодеяния! Разве ты не помнишь, как король угорский изгнал тебя из этой земли вместе с отцом твоим? И как мои господа, твои дядья, принимали твоего отца, оказывая ему великие

почести, и Киев тебе обещали, Луцк дали, и твою мать, сестру свою, отняли из рук Ярослава и отцу твоему вернули?» И другими мудрыми словами говорил ему много. Убедившись, что Ростислав его не послушает, Кирилл вышел на него с пешими воинами. Узнав об этом, тот пошел прочь. Так Кирилл мудростью и силой удержал Бакоту, Ростислав же ушел за Днепр.

Услышав о приходе Ростислава с болоховскими князьями на Бакоту, Даниил внезапно устремился на них, города их предал огню, срыл их оборонительные валы. Василько же князь остался стеречь землю от литовцев, а свое войско послал с братом. Даниил же, взяв много пленников, возвратился и захватил болоховские города: Деревич, Губин, Кобуд, Кудин, Городец, Бужск, Дядьков. Пришел Кирилл, печатник князя Даниила, с тремя тысячами пехотинцев и тремястами конников и помог им взять город Дядьков.

После того Даниил, захватив всю землю Болоховскую, пожег ее, ибо те земли не тронули татары, чтобы там для них сеяли пшеницу и просо. Даниил же большую вражду к ним имел, потому что они на татар возлагали надежды, а ведь он избавил их князей из-под власти Болеслава, князя мазовецкого, когда Болеслав сказал: «Зачем вошли в мою землю, которой я им не давал?»— Даниил сказал: «Они не твои воины, но самостоятельные князья». Болеслав хотел их пограбить. Они же обещали быть в покорности. По их просьбе Даниил и Василько хотели за них войну учинить. Василько же поехал и убедил, вернее сказать, умолил Болеслава — и дал многие дары за их освобождение. А они, однако, не помнили благодеяний, и за это Бог послал им возмездие, так что не осталось ничего в их городах, что бы ни было пленено. И приехал Василько по милости Божьей к своему брату, отмечая победу.

Ростислав, однако, не оставил злобы своей, но собрал воинов и вместе с изменником Володиславом пошел на Галич. Когда они пришли к Домажировой Печере, обманул жителей Володислав, и они передались Ростиславу; а оттуда, заняв этот город, пришел он к Галичу, и сказал Володислав: «Твой есть Галич». И сам стал у него тысяцким. Услышав об этом, Даниил и Василько, быстро собрав воинов, пошли на них. Ростислав не выдержал, выбежал из Галича в Щекотов, и с ним бежал Артемий, епископ галицкий, и другие галичане. Даниил и Василько гнались за ним, и тут пришла им весть, что татары ушли из Угорской земли и идут в Галицкую землю, и, благодаря этой вести спасся Ростислав, но некоторое количество его бояр было захвачено.

Даниил, желая установить порядок в земле, поехал в Бакоту и Калюс, а Василько поехал во Владимир. Даниил послал дворского в Перемышль против Константина Рязанского, посланного от Ростислава, а епископ перемышльский был в заговоре с ним. Когда Константин услышал, что Андрей идет на него, он убежал ночью, Андрей его не застал, но застал епископа и разграбил его гордых слуг, разодрал их бобровые колчаны и прилобья их шлемов из волчьего и барсучьего меха. Знаменитого певца Митусу, когда-то из гордости не захотевшего служить князю Даниилу, ограбленного, привели, как узника. То есть, как сказал приточник: «Тщеславие твоего дома сокрушится; бобр, и волк, и барсук будут съедены». Так в притче было сказано.

В год 6750 (1242). Ничего не было.

В год 6751 (1243). Татары преследовали Ростислава до Борка, и он бежал в Угорскую землю. Король угорский отдал за него свою дочь.

Когда Даниил был в Холме, прибежал к нему половчанин по имени Актай, говоря: «Батый вернулся из Угорской земли и послал двух богатырей искать тебя — Манымана и Балая». Даниил запер Холм и поехал к брату своему Васильку, взяв с собой митрополита Кирилла. Татары разорили все до Валдавы и по озерам много зла учинили.

В год 6752 (1244). Не было ничего.

В год 6753 (1245). Михаил, услышав, что король угорский отдал свою дочь за его сына, бежал в Угорскую землю. Угорский король и сын Михаила Ростислав не оказали ему почестей. Рассердившись на сына, он вернулся в Чернигов.

Оттуда он поехал к Батыю просить от него своей волости. Батый сказал: «Поклонись богам наших отцов». Михаил ответил: «Раз Бог отдал нас и наши волости за грехи наши в твои руки, тебе кланяемся и честь приносим тебе. А богам твоих отцов и твоему богонечестивому приказанию не кланяемся». Батый, словно дикий зверь, рассвирепел и велел его убить, и убит был князь Михаил беззаконным Доманом Путивльцем нечестивым, а с ним был убит его боярин Феодор; они мученически пострадали и получили венец от Христа Бога.

Даниил и его брат Василько, начав войну с Болеславом, князем ляшским, вошли в Ляшскую землю четырьмя дорогами: сам Даниил воевал около Люблина, а Василько — по Изволи и по Ладе, около Белой; дворский Андрей — по Сану, а Вышата воевал в Подгорье. Взяв пленных, вернулись. И снова вышли, и разграбили землю Люблинскую до самой реки Вислы и Сана. Приехали они под Завихвост, пустил стрелу Василько-князь через реку Вислу — не могли переехать реку, потому что она наводнилась. И возвратились, взяв много пленных.

Прошло немного времени, приехали ляхи и воевали около Андреева. Услышав об этом, Даниил-князь и его брат Василько соединили свои силы, и велели построить пороки и другие стенобитные орудия для взятия города, и пошли на город Люблин. За один день дошли они до этого города из Холма, со всеми воинами и пороками. Они метали камни и стрелы, как дождь шел на город, и ляхи, поняв, что предстоит еще более крепкий русский бой, стали просить пощады. Даниил и Василько, посовещавшись, предложили им, сказав так: «Не помогайте князю своему». Они обещали это выполнить. Даниил с братом вернулись, пограбив ту страну.

Ростислав, умолив угров, упросил тестя своего пойти походом на Перемышль. Ростислав вышел, собрав много пехотинцев-смердов, и привел их в Перемышль. Даниил и Василько, услышав об этом, послали Льва, который был так молод, что ему, по молодости его, в бой было не выйти; послали племянника своего Всеволода, Андрея, Якова и других бояр. Они бились на реке Сечнице, и одолел Ростислав, потому что у него было много пехотинцев. Андрей и Яков сражались храбро, а Всеволод не помог им, а повернул коня своего на бегство. Они же бились много и уехали невредимыми. Когда Даниил получил весть, то пошел сам, собрав много воинов и пехотинцев, и прогнал Ростислава из Русской земли, и тот ушел в Угорскую землю.

В год 6754 (1246). Пришли литовцы с Айшвно Рушковичем и воевали около Пересопницы. Даниил и Василько поехали в Пинск, чтобы опередить его, пока он не пришел. Когда литовцы шли по полю около Пинска, они вышли против них из города. И хотя поганые кичились в сердце своем, наши прогнали их. И они, не выдержав, побежали; и в поспешном бегстве падали с коней. Василько первый привел саигат к брату своему. Все воины Рушьковича были перебиты, а он сам едва спасся. И была великая радость в городке Пинске о победе Даниила и Василька, ибо они отбили у литовцев всех пленных с Божьей помощью.

В год 6755 (1247). Литовцы с Лековнием воевали около Мельницы и взяли много пленных. Даниил и Василько гнались за ними до Пинска.

Михаил Пинский предупредил литовцев. Они сидели в лесу в осеке, а Михаил послал им весть из Пинска. А Даниил и Василько преследовали их, и дворский Яков со своими воинами. Литовцы же не поверили Михаилу и вышли из станов своих. По милости Божьей побежали литовцы и были перебиты, и пленные были отбиты, а сам Лонкогвений бежал, раненный. Пришла эта весть Даниилу и Васильку, и была великая радость в Пинске.

А до войны с Черниговом Даниил сидел в Галиче, а Василько — во Владимире.

В год 6756 (1248). Воевали ятвяги около Охоже и Бусовна и всю страну ту покорили, пока еще Холм не был поставлен Даниилом. Василько погнался за ними из Владимира, настиг их у Дорогичина на третий день пути из Владимира. В то время, когда они бились у Дорогичинских ворот, и настиг их Василько. Они повернули против Василька, но, не выдержав натиска его, с Божьей помощью, обратились в бегство злые язычники. И нещадно избивали их, и гнали их много поприщ, и было убито сорок князей, и многие другие были убиты, и не устояли ятвяги. И послал Василько весть об этом брату своему в Галич. И была большая радость в Галиче в тот день.

Василько был среднего роста, отличался умом и храбростью; он много раз сам побеждал язычников, и много раз Даниил и Василько посылали войска на них. Так Скомонд и Борут, свирепые воины, были убиты посланными. Скомонд был волхв и знаменитый гадатель по птицам; скорый, как зверь, пешком ходя, он завоевал Пинскую землю и другие области; и был убит нечестивый, и голова его была насажена на кол. И в другие времена, по Божьей милости, перебиты были поганые, о которых не хотим писать,— так много их было.

В год 6757 (1249). Ростислав просил тестя своего короля, чтобы он дал ему воинов против Даниила. Получив воинов, он пошел в Ляшскую землю. Умолял он княгиню Лестьковую и уговорил ее, чтобы она послала с ним ляхов, и она послала с ним воинов. Нарочитые бояре и иные ляхи убежали из своей земли, желая перейти к Даниилу. Услышав же о выступлении Ростислава, они хотели получить милость у Лестьковича и его матери. И пришли они к Ростиславу на помощь, но прошло совсем немного времени, и старший из них, Творьян, был захвачен Даниилом.

Ростислав стремился напасть на город Ярослав, но в городе были люди Даниила и Василька и много бояр. Увидев, что город укреплен, он пошел к Перемышлю, собрал много местных жителей, орудия боевые и осадные и пороки, исполчил своих воинов и опять пришел к городу Ярославу, оставив за собой город Перемышль. Он замышлял так: «Если этот город не захвачу, так тот удержу». Когда он стоял у города и строил стенобитные приспособления, чтобы взять его, разыгралась сильная битва перед городом. Он велел своим прятаться, чтобы воинов его не ранили горожане, пока они строят стенобитные приспособления. Он хвалился перед воинами своими, говоря: «Если бы я узнал, где Даниил и Василько, я бы поехал бы на них. Даже если бы я был с десятью воинами, все равно поехал бы на них». Красуясь, он устроил турнир перед городом, и сразился с Воршем, и упал под ним конь, и он вывихнул себе плечо, и не на добро ему получилось знамение.

Когда Даниил и Василько услышали о нашествии рати его, то помолились они Богу, и начали собирать войско, и послали к Кондрату, говоря: «Из-за тебя выступили против нас ляхи, потому что мы — твои помощники». Он послал им помощь, а Даниил и Василько послали просить помощи и в Литву, и послана была от Миндовга помощь. Но еще не подоспели они, как уже Бог явил свою помощь, ибо не от человеческой помощи бывает победа, а от Бога.

Скоро, собрав воинов, Даниил и Василько выступили. Послали вперед Андрея, чтобы он увидел врагов и подбодрил город, что близко спасение. Не доходя до реки Сана, воины сошли с коней в степи, чтобы вооружиться. И было знамение над полком такое: слетелись орлы и множество воронов, подобно огромному облаку, раскричались птицы, клекотали орлы, паря на крыльях своих, носились по воздуху, как никогда и нигде не бывало. Это знамение на добро было.

Даниил вооружился, взял своих воинов и пошел к реке Сану. Брод был глубоким, и первыми пошли половцы, и, переехав, увидели стада. У врагов не было сторожевых отрядов у реки. Половцы не посмели разграбить их без княжеского повеления. А те увидели их и скрылись в свои станы вместе со своими стадами. Даниил и Васильке тоже не медлили, но быстро перешли реку. Построив конников и пехотинцев, пошли не торопясь на битву. Сердца же их были тверды в битве и устремлены на битву. Так как Лев был ребенком, он был поручен Васильку, храброму и сильному боярину, чтобы тот стерег его в бою.

Ростислав же, увидев приход ратников, построил своих воинов — русских, угров и ляхов, и пошел против Даниила и Василька, а пехотинцев оставил у города стеречь ворота, чтобы из города не вышли

на помощь Даниилу и не изрубили пороки. Исполчившись, Ростислав прошел овраг глубокий. Пока он шел против Даниила, дворский Андрей поспешил сразиться с Ростиславовым полком, потому что хотел предотвратить сражение с полком Даниила. Громко копья ломались, как от грома треск был, и от обоих полков многие, пав с коней, погибли, а другие были ранены в этом жестоком копейном бою.

Даниил послал двадцать избранных мужей на помощь Андрею. Василий же Глебович, Всеволод Александрович, Мстислав, в то время как Андрей изнемогал, бежали назад к Сану. Андрей же, оставшись с малой дружиной, скача взад и вперед, крепко бился с врагами.

Видел Даниил, как ляхи напирают на Василька с пением «керелешь» и с громким ревом.

Наблюдал Даниил вблизи битву Ростислава, в то время как Филя в заднем полку стоял со знаменем и говорил: «Русские стремительны в нападении: выдержим их натиск — они не могут выдержать долгого боя». Но Бог не услышал его похвальбы: и пришел на него Даниил с Яковом Марковичем и с Шелвом. И вот Шелв был ранен, а Даниил захвачен, но вырвался он из рук Фили и оставил сражение. Однако, увидев угрина, скачущего на помощь Филе, пронзил его копьем, так что оно, вонзившись в него, сломалось, тот упал и умер. А о того гордого Филю сломал свое копье юный Лев. Даниил вскоре снова напал на Филю, разбил его полк и разорвал пополам его знамя. Увидев это, Ростислав побежал, и угры обратились в бегство.

Пока Василько сражался с ляхами, братья разошлись и не видели друг друга. Ляхи ругались, говоря: «Гони долгобородых!» Василько же воскликнул: «Ваши слова лживы! Бог нам помощник». Он пришпорил своего коня и поскакал. Ляхи не устояли и побежали от него, Тем временем Даниил погнался через глубокий овраг за утрами и русскими и избивал их, скорбя о брате, ибо не ведал о нем. Увидев же по его знамени, что он гонит ляхов, он сильно обрадовался.

Когда стал Даниил на кургане против города, Василько к нему приехал. Даниил хотел преследовать врагов, Василько же воспрепятствовал этому. А Ростислав, видя свое поражение, оборотил коня своего на бег. Угры и ляхи многие были перебиты и захвачены в плен, и от всех многие были взяты в плен. Тогда же и Филя гордый был взят в плен дворским Андреем, и был приведен к Даниилу, и был убит Даниилом. Жирослав же привел Владислава, злого мятежника земли. В тот же

день и он был убит, и многие другие были убиты в гневе. Даниил и Василько не пошли в город, и Лев стал на месте битвы, среди трупов, являя свою победу. Пока воины, устремившиеся в погоню, возвращались, вплоть до полуночи, привозя много добычи, всю ночь не прекращались крики разыскивающих друг друга.

Бог явил милость свою и дал победу Даниилу накануне праздника великих мучеников Фрола и Лавра. Даниил зажег осадные сооружения, созданные Ростиславом, и со многими пленниками ушел в город Холм, который создал он сам. В это время приехали литовцы и ляхи Кондрата, которые не поспели приехать к битве, и возвратились восвояси. А Ростислав бежал в Ляшскую землю и, взяв свою жену, ушел в Угорскую землю. Он потому из Угорской земли приходил в Ляшскую землю с женой, что замышлял в уме своем взять Галич и владеть им. Но Бог за его высокомыслие не осуществил того, что он замыслил.

В год 6758 (1250). Когда Могучей прислал своего посла к Даниилу и Васильку, бывшим в Дороговске, говоря: «Дай Галич!», Даниил сильно опечалился, потому что не укрепил городов своей земли. И, посоветовавшись с братом своим, сам поехал к Батыю, сказав: «Не отдам половину своей отчины, поеду к Батыю сам».

Помолившись Богу, он выехал в день праздника святого Димитрия и приехал в Киев, где княжил Ярослав через своего боярина Дмитра Ейковича. Даниил приехал в дом архангела Михаила в Выдубицкий монастырь, созвал калугеров и монахов и сказал игумену и всей братии, чтобы они молились о нем. И они молились, чтобы он получил милость от Бога. И так было, что он, поклонившись святому архистратигу Михаилу, выехал из монастыря на лодке, предвидя беду страшную и грозную.

Он пришел в Переяславль, и тут его встретили татары. Оттуда он поехал к Куремсе и увидел, что нет у них хорошего.

После этого он стал еще сильнее скорбеть душой, видя, что ими овладел дьявол: мерзкие их кудеснические пустословия, Чингисхановы наваждения, его скверное кровопийство, многое волшебство. Приходивших к ним царей, князей и вельмож водили вокруг куста для поклонения солнцу, луне, земле, дьяволу и умершим и находящимся в аду их отцам, дедам и матерям. О, гнусное их обольщение!

Услыхав про все это, он очень скорбел.

Оттуда он прибыл к Батыю на Волгу. Когда он хотел идти на поклон, пришел человек Ярослава Соногур и сказал: «Твой брат Ярослав кланялся кусту, и тебе придется поклониться». Даниил сказал: «Дьявол говорит твоими устами. Пусть Бог заградит уста твои, чтобы слово твое не было слышно». В это время его позвали к Батыю, и он был избавлен Богом от злого их беснования и кудесничания. Он поклонился по обычаю их и вошел в шатер Батыя. И сказал ему Батый: «Даниил, почему ты раньше не приходил? А сейчас пришел — это хорошо. Пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылий кумыс?» Даниил сказал: «До сих пор не пил. Сейчас, раз велишь, выпью». Тот сказал: «Ты уже наш, татарин. Пей наше питье!» Даниил выпил, поклонился по обычаю их, проговорил положенные слова и сказал: «Иду поклониться царице Баракчин». Батый сказал: «Иди!» Он пришел и поклонился по обычаю. И прислал ему Батый ковш вина, говоря: «Не привыкли вы пить кумыс, пей вино!»

О, злее зла честь татарская! Даниил Романович, великий князь, владел вместе со своим братом всею Русской землей: Киевом, Владимиром и Галичем и другими областями, а ныне стоит на коленях и называет себя холопом! Татары хотят дани, а он на жизнь не надеется. Надвигаются грозы. О, злая честь татарская! Его отец был царь в Русской земле, он покорил Половецкую землю и воевал в иных областях. Сын его не удостоился чести. Кто же иной может принять ее? Их злобе и коварству нет конца. Ярослава, великого князя Суздальского, уморили отравой, Михаил Черниговский и его боярин Федор, не поклонившиеся кусту, были зарезаны ножом, как мы прежде об убиении их рассказывали, и приняли мученический венец. И иные многие князья и бояре были убиты.

Пробыл князь у них двадцать пять дней, был отпущен, и поручена была ему земля, которая у него была. Он пришел в землю свою, и встретили его брат и сыновья его, и был плач об обиде его и большая радость о здравии его.

И в ту же зиму Кондрат прислал посла за Васильком, говоря: «Пойдем на ятвягов». Выпал снег и изморозь, и они не смогли идти и вернулись на Нуру.

Всем областям стало известно, что Даниил вернулся от татар и что Бог спас его.

В тот же год прислал король угорский вестника, говоря: «Возьми мою дочь за сына своего Льва». Он боялся Даниила, потому что тот был у татар, победил Ростислава и угров. Даниил с братом поразмыслили и словам его не поверили, потому что раньше он обманул их, обещав отдать дочь свою.

Кирилл-митрополит был послан Даниилом и Васильком для поставления на русскую митрополию. Когда он был у короля, король словами его убеждал и многими подарками увещевал, говоря: «Проведу тебя к грекам с великой честью, если Даниил заключит со мной мир». Он же сказал: «Поклянись клятвою, что не изменишь своего слова — тогда пойду и приведу его». Пришел митрополит и сказал Даниилу: «Исполнилось твое желание — возьми его дочь сыну своему в жены». Василько сказал: «Иди к нему, ведь он христианин». Тогда Даниил пошел, взяв с собой сына своего Льва и митрополита, пришел к королю в Изволин, и взял его дочь в жены сыну своему, и отдал ему взятых в плен вельмож, которых Бог отдал в его руки, когда он с братом победил короля у города Ярослава. Он заключил с ним мир и вернулся в землю свою.

В год 6759 (1251). Умер великий князь ляшский Кондрат, который был славен и предобр. Горевали о нем Даниил и Василько. Потом же и сын его умер, Болеслав, мазовецкий князь, и оставил Мазовию брату своему Семовиту, послушав князя Даниила: потому что за ним замужем была его племянница, дочь Александра, по имени Настасья, которая потом вышла замуж за угорского боярина Дмитра.

В тот же год Семовит сел в Мазовии. Послали к нему Даниил и Василько, говоря ему: «Ты видел от нас добро, так пойдем с нами на ятвягов». И у Болеслава они получили помощь — воевод Суда и Сигнева, и собрались они в Дорогочине, и пошли, и перешли болота, и пришли в страну их.

Ляхи не утерпели и подожгли первое село ятвягов: и этим сделали зло — подали ятвягам знак, за что Даниил и Василько на них разгневались. Воевали они до вечера и захватили много пленников. Когда наступил вечер, приехали злинцы, собралась вся земля Ятвяжская, и прислали к Даниилу Небяста сказать: «Оставь нам ляхов, а сам иди с миром из нашей земли». Но желаемого они не получили. В то время, когда ляхи построили острог, они ночью напали на ляхов. А русские острога не строили. Ляхи крепко боролись, метали сулицы, и головни,как молнии сверкали, и камни швыряли, как дождь с небес. Когда ляхам пришлось

трудно, то Семовит послал, умоляя: «Пришлите мне лучников». А Даниил и Василько держали гнев за сожженное село, так что неохотно послали лучников, и то потому, что острог собирались уже проломить, сражаясь врукопашную. Когда же пришли лучники, многих ранили и многих убили стрелами и отбили ятвягов от острога. В ту ночь не было покоя от них.

Утром собрались все ятвяги, пешие и конные, очень много, так, что и лес был ими наполнен. Собравшись, они сожгли свои колымаги, иначе говоря, станы, в воскресенье, то есть в первый день недели. Даниил же князь пошел вперед и ушел далеко с Болеславовыми ляхами, а Василько остался с Семовитом, а Лазарь был сзади с половцами — и напали на него крепко, и знамя его отняли. Прибежал он к Васильку и Семовиту, и была лютая битва с ятвягами. И пало много с обеих сторон. Василько и Семовит стойко держались в битве. А дворский Андрей, хотя и было у него мужественное сердце, упустил копье и едва не был убит, когда наткнулся на ратников, так как охватила болезнь его тело и руки.

Послал Василько к брату, говоря: «Битва здесь великая, поспеши к нам». Даниил вернулся и отогнал ятвягов к лесу. Другие, однако, тоже ударили на них, и многие из них были убиты.Федор Дмитриевич, мужественно сражаясь, был ранен, и из-за этой раны смерть принял на реке Нареве. Ящелт же сказал: «Сидеть-то хорошо на конях! Но если не жалеете нас, то пожалейте себя и подумайте о своем позоре — ведь вы нашими головами спасаете честь свою». После этого было вот что: Даниил велел своим воинам сойти с коней. Спешились и пошли пешим строем и тем смягчили сердце ятвягов, показав им русскую и ляшскую силу.

И так они шли, разоряя и сжигая землю Ятвяжскую, и когда перешли реку Олег, то хотели остановиться в лощине; увидев это, князь Даниил воскликнул, сказав: «О мужи-воины! Разве вы не знаете, что христианская сила в широком пространстве, а поганым — в узком, им привычна битва в лесу». И они прошли теснину, захватывая врагов в плен, и вышли в чистое поле, и встали станом. Ятвяги же, несмотря ни на что, нападали на них, а русские и ляхи гонялись за ними, и многие князья ятвяжские были убиты; и гнали их до реки Олега, и прекратилась битва.

Утром выяснилось, что проводники ничего не знают и блуждают; были убиты два варвара, а третьего взяли живым, и он был приведен к князю Даниилу. Даниил сказал ему: «Выведи нас на правильную дорогу — оставим тебе жизнь». Даниил поклялся, и тот вывел его, и они перешли реку Лык.

На другой день их догнали прусы и борты. Все воины сошли с коней, вооружились пехотинцы из стана, щиты их были как заря, шлемы как восходящее солнце, копья они держали в руках, как многочисленный тростник, а с двух сторон шли лучники, держа в руках самострелы и наложив на них стрелы против ратников, а Даниил сидел на коне и воинов строил в отряды. И сказали прусы ятвягам: «Можно ли дерево поддержать сулицами и решиться напасть на такую рать?» И ятвяги, увидев это, вернулись восвояси.

Оттуда князь Даниил пришел к Визне и перешел реку Наровь. И многих христиан Даниил и Василько избавили от плена, и те пели им песнь славы, ведь Бог им помог, и вернулись они со славой в свою землю, следуя пути своего отца, великого Романа, который некогда устремлялся на поганых, как лев, так что им половцы пугали детей.

В год 6760 (1252). Прислал король угорский к Даниилу, прося его помощи, так как в то время у него шла война с немцами. Даниил пошел к нему на помощь и пришел к Пожгу. Пришли к нему послы немецкие. Был царь, который владел один землями Рагузской и Штирийской, а герцог был уже убит. Имена послов таковы: царский воевода и епископ Жалошпурский, то есть Сольский, Гарих Поруньский и Отто Гарретенник Петовский. Поехал король с ними против князя Даниила. Даниил же пришел к нему, приготовив к битве всех людей своих. Немцы удивлялись татарскому вооружению: кони были в личинах и кожаных коярах, а люди — в кольчугах, и сияние великое исходило от полков от блеска оружия. Сам Даниил ехал, подле короля, по русскому обычаю: конь под ним был на удивленье, седло из жженого золота, стрелы и сабля украшены золотом и другими украшениями, достойными удивления: кожух из греческого оловира, обшитый широким золотым кружевом, сапоги из зеленой кожи, шитые золотом. Немцы смотрели и сильно дивились.

И сказал Даниилу король: «Я отказался бы от тысячи серебра, лишь бы ты пришел,— по русскому обычаю своих отцов». Даниил попросился у него в стан, потому что был сильный зной в тот день. Король взял его за руку, и ввел в свою палатку, и сам его раздел и одел в свои одежды, такую честь оказал он ему.

И возвратился Даниил к себе домой.

В тот же год Миндовг изгнал своих племянников Тевтивила и Едивида, он послал их на войну вместе с их дядей Выкинтом на Русь воевать, к Смоленску, и сказал: «Кто что захватит, пусть тем и владеет». Сам же он коварством из-за вражды завладел литвой, захватил всю землю Литовскую и бесчисленные их имения и прибрал к рукам их богатство. Миндовг послал вслед своих воинов, желая их убить. Они же, узнав об этом, бежали к князю Даниилу и Васильку и приехали во Владимир. Миндовг же прислал послов своих, говоря: «Не оказывай им милости». Но Даниил и Василько его не послушали, потому что их сестра была замужем за Даниилом.

Потом Даниил договорился с братом своим и послал в Ляшскую землю к князьям ляшским, говоря: «Сейчас время идти христианам на язычников, потому что у них война между собой». Ляхи обещали, но не сдержали слово. Даниил и Василько послали Выкинта к ятвягам и жмуди и к немцам в Ригу, и Выкинт подкупил серебром и многими дарами ятвягов и половину жмуди. А немцы ответили Даниилу: «Ради тебя мы заключим мир с Выкинтом, хотя он много наших братьев погубил». Немецкие рыцари обещали идти на помощь Тевтивилу. А Даниил и Василько пошли к Новогрудку.

Когда Даниил посовещался с Васильком, братом своим, и со своим сыном, то послал Даниил брата своего на Волковыйск, а сына на Услоним, а сам пошел к Здитову. Они захватили много городов и возвратились домой.

Потом прислал посла Выкинт, сообщая, что немцы хотят стать на помощь Тевтивилу. И послал Даниил в поход Тевтивила, и в помощь ему дал русских и половцев, и вели они долгую войну.

Оттуда Тевтивил пошел с Данииловыми пленниками в Ригу, и рижане приняли его с великой честью, и он был крещен.

Узнал Миндовг, что хотят помогать Тевтивилу божий дворяне, и епископ, и все рижские воины, испугался и тайно послал к Андрею, рижскому магистру, и уговорил его с помощью богатых даров, то есть умолил его, послав много золота и серебра, и прекрасных сосудов серебряных и золотых, и коней много, и сказал он: «Если ты убьешь или выгонишь Тевтивила, получишь еще больше». Но тот сказал: «Не избавиться тебе от этого; если не пошлешь к папе и не примешь крещения — не одолеть врага. А я к тебе дружбу имею». О, злее зла! Золотом ослепил глаза свои, а теперь снова от них беду примет.

Миндовг послал к папе и принял крещение, но крещение его было ложно, он приносил втайне жертвы своим богам: первому Нонадею, и Телявелю, и Диверкизу, заячьему богу, и Мидеину (когда выезжал в поле и выбегал заяц на поле, он не входил в лес и не смел и прута сломить). Он приносил жертвы своим богам, сжигал тела мертвых и открыто держался языческих обычаев.

Тевтивила же поддерживал епископ и пробст Виржан, которые жалели о нем, ибо знали, что, если бы Тевтивил не был изгнан, Литовская земля была бы в их руках и поневоле приняла бы крещение. А что литовцы не крестились, виноват Андрей, за что он был орденом отлучен от своего сана. Тевтивил же прибежал в Жмудскую землю к своему дяде Выкинту, прихватив ятвягов, жмудь и помощь Даниила, которую дал ему Даниил еще прежде, и пошел на Миндовга.

Миндовг же подготовился, но решил не биться с ними полком, а ушел в город под названием Ворута. Он ночью выслал своего шурина, однако того прогнали русские и ятвяги. Утром выехали немцы с самострелами, и поехали против них русские и половцы со стрелами и ятвяги с сулицами, и они гонялись по полю, как будто в игре. И затем вернулись в Жмудскую землю.

И пришел Миндовг, собрав великую силу, в город Выкинта, называемый Тверимет. Выехал Тевтивил из города, а с ним русские и половцы Данииловы, и жмудь с ними, и многие пехотинцы. В погоне за ним половчин попал стрелой в бедро М.индовгова коня, и Миндовг возвратился в свою землю. И много битв было между ними. Висимот под тем городом был убит.

В год 6761 (1253). Тевтивил прислал к Даниилу Ревбу сказать: «Пойди к Новогрудку». И Даниил пошел с братом Васильком, и с сыном Львом, и с половцами, и со сватом своим Тегаком, и пришел к Пинску. Князья Пинские таили обман, их взяли с собою на войну неволею. Литовцы послали сторожевые отряды на озеро Зьяте, и они прошли через болота до реки Щарьи. Когда все полки соединились, созвали совет и сказали: «О нас уже известно». И воины препирались — не хотели идти воевать, Даниил же сказал им мудрое слово: «Стыдно нам перед Литвой и остальными землями, если мы не дойдем и вернемся. Завтра,— сказал он,— устроим совет». Той же ночью он послал ко всем воинам, говоря: «Пойдите,— пусть увидят это все те, кто не хочет идти на войну!» И, видя воинов, которые пошли, и другие воины сами пошли поневоле.

И уже утром они захватили всю землю Новогрудскую. Оттуда же возвратились домой. Ятвяги поехали на помощь Даниилу, но не могли проехать, потому что выпал большой снег. Оттуда они вернулись, с Божьей помощью,захватив много пленных.

Потом послал Даниил с братом своим и с сыном своим Романом своих людей, и взяли они Городен, а сами воротились от Бельска. Потом Даниил послал много своих пеших воинов и всадников на их города, и они захватили все их вотчины и области.

А Миндовг послал своего сына, и тот воевал около Турийска.

В том же году Миндовг прислал к Даниилу со сватовством, прося мира и желая согласия. В то время Тевтивил прибежал к Даниилу от жмуди и ятвягов, говоря: «Миндовг их подкупил серебром многим». И Даниил разгневался на них.

В год 6762 (1 254). В те же годы, по прошествии времени.

Хронографу приходится описывать всех и все происходящее, иногда забегать вперед, иногда отступать назад. Мудрый, читая, поймет. Число годов мы здесь не писали, потом впишем — по антиохийскому счету сирийцев, по олимпиадам — греческим исчислениям, по римским високосам, как Евсевий Памфил и другие летописцы написали, от Адама до Христа. А года все напишем после, рассчитав.

После убийства герцога Фридриха — он бился с королем угорским и был убит своими боярами в бою — была распря между знатными людьми о достоинстве и владениях убитого герцога — о земле Рагузской и земле Штирийской. Король же угорский — рикс — и король чешский боролись за них.

Король угорский стал искать помощи, желая захватить Немецкую землю. Он послал сказать Даниилу: «Пошли мне сына своего Романа, и я отдам за него сестру герцога и передам ему Немецкую землю». И поехал к немцам с Романом, и выдал за Романа герцогову сестру, и выполнил обещание — подробно об этом не пишем, ибо долго рассказывать.

Потом он послал к Даниилу сказать: «Ты мне родственник и сват, помоги мне против чехов». И убедил его пойти. И пошел в Опаву своим путем, и сам разорил Моравскую землю, разрушил многие города, все пожег и страшную резню устроил в той земле.

А Даниил, соединившись с Болеславом, раздумывал, как пойти в Опавскую землю. Болеслав не хотел идти, но его жена, по имени Кинека, своими уговорами помогала Даниилу, ведь она была дочь угорского короля. А Даниил-князь хотел идти воевать и ради короля, и ради славы — ведь не было прежде в Русской земле никого, кто бы завоевывал Чешскую землю: ни Святослав Храбрый, ни Владимир Святой. Бог исполнил его желание. Он спешил и стремился воевать. Взяв сына своего Льва и в помощь от брата Василька тысяцкого Юрия, соединившись с Болеславом, пошел от Кракова.

Пришли на реку Одру в город Козлий, и приехали к нему Владислав, сын Казимира, внук Мешка Ласконогого, с конными и пешими войсками, и пришли они к реке Псине, и там устроили совет — Даниил и Лев с Владиславом — куда идти воевать. Владислав не сказал правды и дал им неверного проводника. Послал князь Даниил Льва, и Тевтивила, и Едивида, и дворского, и всех воинов, а сам остался с небольшим отрядом, и со старыми боярами, и с тысяцким Юрием. Лев пошел воевать, увидел, что проводники обманывают, не стал их слушать, пошел в лесистые горы и взял много пленных.

Когда Даниил и Болеслав вышли к Опаве, ляхи выслали сторожевые отряды. Андрей же выехал из Опавы с чехами. Они встретились и сразились, и победил Андрей, потому что было мало ляхов. Одних он убил, а других взял в плен. И великий страх напал на ляхов.

Приехал Даниил и сказал им: «Что вы ужасаетесь? Разве вы не знаете, что война не бывает без убитых? Разве вы не знаете, что натолкнулись вы на мужей и воинов, а не на баб? Если муж убит на войне, что за диво? Другие дома умирают без славы, а эти со славой умерли! Укрепите ваши сердца и поднимите свое оружие против врагов!» Он укрепил их этими словами и многое другое сказал им. И пошел к Опаве.

Увидел он, что жители окрестных сел бегут в город, многое множество, а ему на город некого послать. И сказал он Владиславу: «Ты мне учинил неправду и себя погубил. Если бы Лев и все мои люди сейчас были бы

здесь, то мы причинили бы великий урон этой земле и город так или иначе был бы взят». Он очень жалел, что отослал своего сына Льва и воинов, и принуждал ляхов ехать к городу, но они не хотели. Он видел это и опечалился, не ведая о сыне своем и войске. А ляхи не хотели ехать к городу, хотели стоять подальше от него.

Был уговор всем воинам, участвующим в войне, прийти к городу.

Даниил сказал: «Если вы хотите — уходите прочь, я же хочу остаться один с малой дружиной и буду ждать моих воинов». Услышав это, Болеслав и ляхи встали ниже города на реке Опаве, не посмев покинуть его.

В тот же вечер пришел Лев с воинами, ведя с собой много пленников. И в тот же вечер собрали совет и решили, что утром они перейдут реку, обойдут городи сожгут все, что вне стен его: постройки, ограды, гумна.

И когда наступило утро, они так и сделали. Болеслав же не пошел за реку, но встал на горах, готовый к бою. Владислав же пошел, и, придя к первым воротам, они сожгли их, и пришли ко вторым воротам. И выехали чехи, и нескольких их убили, а других прогнали. Бенеш стоял перед воротами со знаменем. И около других ворот пожгли окрестности города. Когда же пришли к третьим воротам, приказал Даниил слезть с коней и жечь окрестности города. Как только люди внезапно устремились к городу, немцы, увидев сильный натиск русских, побежали, и некоторые из них были убиты в воротах, и ворот бегущие не закрыли.

У Даниила внезапно заболели глаза, и он не видел того, что происходило в воротах. Он видел, что его люди бегут, и, обнажив свой меч, погнал их, и из-за этого не взяли города. Потом, увидев, в чем дело, горевал, что не взяли города. Измученный болезнью и усталый, он сказал своему сыну: «Сожги все окрестности города. Я же пойду в свои колымаги», иначе говоря в станы. Ведь он всю войну проболел глазами. Многие уговаривали его вернуться, но он этого не сделал.

Назавтра, когда все собрались, Даниил пошел вверх по Опаве, разоряя и сжигая, и остановился у города по названию Насилье. Он слышал, что в том городе есть захваченные русские и ляхи, и на другой день, приготовившись к бою, пошел к нему. Горожане, увидев приближение

многого множества полков, не выдержали и сдались. Даниил взял город, освободил пленных, поставил знамя свое на городской стене, отметив победу, а жителей помиловал. Отойдя, он остановился в немецком селе.

Даниил узнал, что Бенеш поехал к Глубичичу. На другой день, приготовившись к бою, пошел, вместе с Болеславом, разоряя и сжигая, к Глубичичу. Послал и Владислав сжигать окрестные села, окольные, и тем принес вред, так как из-за этого города не взяли.

Когда Даниил и Болеслав пришли к городу, все воины хотели взять город приметой. Ветер сильно дул на город, а город был построен из елового леса, вал же был низким. Воины ездили взад-вперед, искали дров и соломы, чтобы забросить в город, и ничего не нашли. Все пожег Владислав в окрестности и поблизости, и поэтому не смогли поджечь город.

В тот же вечер стали советоваться: «Куда пойдем? — к Особологе, или против Герборта, или возвратимся домой?» Герборт прислал Даниилу меч, изъявляя покорность. Даниил и Болеслав решили: «Мы уже разорили всю землю». И наутро, вернувшись назад, перешли реку Одру и прошли землю Владислава.

Тогда в Кракове были послы папы, которые принесли благословение от папы, корону и сан королевский, и хотели видеть князя Даниила. Он же сказал им: «Не подобает мне видеться с вами на чужой земле — но потом».

Оттуда он прошел землю Сандомирскую и пришел в город Холм с честью и славою, и в церковь Пречистой, поклонился земным поклоном и прославил Бога за все бывшее — ведь никакой русский князь не завоевывал Чешской земли. Он увиделся с братом своим, и был в великой радости, и побывал в церкви святого Иоанна в городе Холме, радостно славя Бога, Пречистую его Матерь и святого Иоанна Златоуста.

В год 6763 (1255). Прислал папа почетных послов, принесших венец, скипетр и корону, которыми выражается королевское достоинство, с речью: «Сын, прими от нас королевский венец». Он еще до этого присылал к нему епископа береньского и каменецкого, говоря: «Прими

венец королевский». Но в то время Даниил их не принял, сказав: «Татарское войско не перестает жить с нами во вражде, как же могу я принять от тебя венец, не имея от тебя помощи?» Опизо пришел и принес венец, обещая: «Будет тебе помощь от папы». Он, однако, не желал, и убедили его мать его, Болеслав, Семовит, ляшские бояре, чтобы он принял венец, говоря ему: «А мы будет тебе в помощь против поганых».

Он же венец от Бога принял в церкви святых Апостолов, от престола святого Петра, от отца своего папы Иннокентия и от всех епископов своих. Иннокентий предавал проклятью тех, кто хулил православную греческую веру, и хотел собрать собор об истинной вере, о воссоединении церквей. Даниил принял венец от Бога в городе Дорогичине.

Когда Даниил пошел на войну с сыном своим Львом и с Семовитом, князем ляшским, Василько вернулся, потому что у него была рана на ноге, и послал всех своих воинов с братом, а король Даниил пришел в землю Ятвяжскую и воевал. Лев, узнав, что Стекинт укрепился в лесу, в осеке, и с ним ятвяги, погнался за ними, взяв с собой людей, и пришел к осеку. Ятвяги вышли из осека против него, и бывшие с ним всадники разбежались. Лев же, сойдя с коня, один крепко бился с ними. Увидев, что Лев один бьется с ятвягами, некоторые из его людей вернулись к нему на помощь. Лев вонзил свое копье в щит Стекинта, так что он не смог им прикрываться, и убил Лев Стекинта мечом, и брата его поразил мечом. И они погибли. Лев пешим гонялся за ятвягами, а другие преследовали их на конях, били и рубили их.

Король Даниил остановился в доме Стекинта, и Лев принес ему оружие Стекинта и его брата, подтверждая тем свою победу. И его отец король очень радовался мужеству и доблести сына своего. Комат приехал от ятвягов, которые обещали быть покорными. А ляхи, исполнившись зависти и обмана, стали доброжелательствовать поганым. Узнав об этом, король Даниил велел разорить землю Ятвяжскую, и дом Стекинта был весь разрушен, и доныне это место пусто стоит. Когда король Даниил шел вдоль озера, он увидел около берега прекрасную гору и на ней город, который раньше назывался Рай. Оттуда он вернулся к себе домой.

В тот же год приехали татары к Бакоте, и к ним присоединился Милей. Даниил отправился воевать против литовцев и на Новогрудок, и была оттепель, и послал он сына своего Льва в Бакоту. Послал Лев дворского впереди себя. Захватили они Милея-баскака, и привел Лев Милея к своему отцу, и снова Бакота сделалась достоянием отца его короля.

Потом, посоветовавшись с сыном своим, Даниил отпустил Милея, и Лев был поручителем, что он будет верен Даниилу. И снова приехали татары, и Милей нарушил клятву, и снова отдал Бакоту татарам.

Потом Куремса пришел к Кременцу и воевал в окрестностях Кременца. Наместник Андрей оказался двурушником — иногда он говорил: «Я служу королю», а иногда — что служит татарам; держал он обман на сердце. Бог отдал его в руки татар; Милей сказал им: «У меня есть грамота Батыева», и они еще больше разъярились на него, и убили его, и вырезали его сердце. Но они ничего не достигли у Кременца и возвратились в свою страну.

Изяслав просил у татар помощи, чтобы идти на Галич. Они же сказали ему: «Как ты пойдешь на Галич? Князь Даниил лют. Если он захочет отнять у тебя жизнь, то кто тебя спасет?» Он же не послушал их, но, собрав себе войско, пошел на Галич. Даниил, услышав об этом, огорчился, потому что не знал об этом, и послал сына своего Романа и всех своих бояр против Изяслава. Льва еще раньше отправил он к королю, а сам поехал проводить своих воинов. Когда ехал в Грубешев, то убил он шесть вепрей — трех убил рогатиной сам, а трех — его дружинники, и он дал воинам мяса на весь путь. А сам он, помолившись святому Николаю, сказал своим воинам: «Если встретятся сами татары, пусть и тогда не войдет страх в ваши сердца». Они же ответили: «Пусть Бог тебе поможет, мы исполним твое повеление».

Роман, взяв воинов, шел день и ночь и внезапно напал на Изяслава. Тому было некуда бежать, и он влез на церковные своды, так же как когда-то мятежные угры залезли. Князь Роман стерег Изяслава, так что тот с воинами изнемогал от жажды. На четвертый день они спустились, и князь привел их к своему отцу.

А Лев, узнав, что Изяслав послал Федора в Зальцбург, взяв с собой слуг своих, погнался за ним: Федор убежал, а людей его Лев захватил.

Потом Войшелк заключил мир с Даниилом и выдал свою сестру, дочь Миндовга, за Шварна, и приехал он в Холм к Даниилу, оставил свое княжение и принял монашеский постриг. Он отдал Роману, сыну короля Даниила, Новогрудок от Миндовга, а от себя — Слоним, Волковыйск и все города, а сам просился идти в Святую Гору. И сыскал король Даниил ему путь через земли угорские. Но Войшелк не смог дойти до Святой Горы и вернулся через Болгарию.

В год 6764 (1256). Даниил пошел на ятвягов со своим братом и с сыном Львом и со Шварном, который был еще молод, и послал за Романом в Новогрудок. И приехал к нему Роман со всеми новогрудцами и с тестем своим Глебом, и с Изяславом Свислочским, а с этой стороны пришел Семовит с мазовшанами, и пришла помощь от Болеслава с сандомирцами и краковлянами. Было такое большое войско, что можно было болота ятвяжские наполнить этими полками.

Сотворили совет князья русские и ляшские, и сказали военные мужи: «Ты король, голова всем полкам. Если пошлешь впереди кого-то из нас, нас не послушаются. Ты знаешь воинский порядок. Ты привык к войне, и всякий тебя устыдится и убоится. Выйди сам вперед».

Даниил построил полки и, указав, кому с каким полком идти, сам вышел вперед. И лучников пустил вперед, а прочих — с двух сторон дороги. Дворскому же велел идти за собой, а сам ехал с небольшим отрядом вооруженных дружинников. Когда он ехал, приехал к нему сын его Лев один и сказал: «Никого с тобой нет. Я не еду с тобой». И сказал ему король: «Пусть так». И пошел своим путем. Проводником ему был Анкад — Даниил обещал ему, что его село не будет сожжено.

И приехал к нему сын его Роман один, и когда они приехали к селу под названием Болдыкищи, послал Даниил Льва с братом. Лев, тихо окружив село, всех перебил, а одного привел. Король допросил его. И когда тот сообщил, что в селе по названию Привища собрались все ятвяги, король послал дружинника Андрея сказать дворскому: «Если увидишь, что мы преследуем, скорее поспеши к нам: распусти полк, пусть, кто может, догоняет». А князь Василько другим полкам сказал, чтобы они шли тихо рысью, и своему полку также, так как посол был молод, и, передавая слова князя, он приказал дворскому не распускать людей и держать полк.

Один ятвязин убежал из села Болдыкищи, и ятвяги вооружились. На окраине деревни Привища воины Даниила встретили ятвяжских лучников и погнали их. За ними устремились Даниил и Лев, крича громким голосом: «Гони, гони ятвягов!» Когда ятвяги увидели их быстрое приближение, то не выдержали и обратились в бегство. Но когда они были на середине села, повернули обратно. Даниил и Лев все-таки наступали на них, метали в них копья, и те снова обратились в бегство. Ятвяжские лучники стреляли, а воинов с ними не было, и когда они добежали до ворот, то пришли в смятение, и одни пробежали ворота, а другие повернули назад. Многие летели друг на друга, потому

что лед был скользок. Даниил и Лев быстро напали на них в воротах. Ятвяги побежали и больше не возвращались: была в тот день великая удача у короля и его воинов, ибо с такой дружиной он победил гордых ятвягов, и злинцев, и крисменцев, и покенцев. Как пишется в Писании: «Не в силе битвы, но в Боге состоит победа».

Король Даниил хотел преследовать их дальше, но Лев воспротивился ему и сказал: «Пошли меня вслед за ними». Но отец его не пустил. Один воин протянул свою правую руку, взял дротик из-за пояса своего, метнул его далеко и сбил с коня ятвяжского князя. И пока тот летел на землю, вышла вон душа его с кровью в ад. Даниил и Лев вязали одних пленников, других же из кустов выводили и рубили.

Пришел и дворский с полком. И сказал ему король Даниил: «Ты плохо поступил». Дворский ответил: «Это не я, не мое желание, но зло нам причинил посол, не передал нам правильно твои слова». Потом король и Лев освободили бывших в плену у ятвягов и вернулись к Васильку и Семовиту. Когда они встретились, то была великая радость о победе над язычниками. И жгли дома их, и разоряли села их. Остановившись в Привище на ночь, захватили богатства их, пожгли дома их. Утром пошли, разоряя землю и все сжигая. Сожгли владения Таисевичей, и Бураля, и Раймоче, и Комата, и Дора, и разорили город, и дотла выжгли дом Стекинтов. Остановились в селе Корковичах. И было удивительно, что можно было насытиться такому множеству воинов, и их коням, и им самим, на двух дворах. А что не смогли съесть сами и кони их — все сожгли.

На следующий день приехал от ятвягов их князь Юндил. Он сказал: «Да, Даниил, ты дружину добрую держишь, и полки твои велики». Утром они пошли, разоряя и сжигая землю ятвягов. И не было воинам никакого вреда от ятвягов: хотя они когда-то были храбры, но Бог вложил страх в их сердца. В ту же ночь остановились в болотах на островах, а утром пришли к ним ятвяги, предлагая заложников и мир, и просили не убивать пленников. Потом Даниил, по Божьей милости, с честью и славой вернулся в свою землю, одолев врагов своих.

Когда он хотел снова выйти на ятвягов войной и стал собирать войско, узнали об этом ятвяги, послали своих послов и своих детей, и дали дань, и обещали быть покорными ему, и строить города на своей земле.

В год 6765 (1257). Даниил послал Константина, по прозванию Положишила, чтобы собрать дань с ятвягов. Поехал Константин и

собрал с них дань — шкурки черных куниц и белок, серебро. И он дал из дани ятвяжской дар Сигневу-воеводе, чтобы распространился слух: пусть узнает вся Ляшская земля, что ятвяги заплатили дань королю Даниилу, сыну великого князя Романа. После смерти великого князя Романа никто из русских князей не воевал с ятвягами, кроме сына его Даниила. Богом дана ему эта дань, и слух возник в Ляшской земле в назидание потомкам, что ему дано было Богом показать свое мужество. Как писал премудрый хронограф: «Добрые дела святятся в веках». Также и мы написали о многих войнах, также мы написали и о Романе: раньше писали о нем, а здесь написали ныне в последний раз.

Потом, как мы рассказывали уже прежде, король угорский дал обет великий Роману, но не исполнил его. Оставил он его в городе Инеперецe и ушел прочь; дал обещание, но не помог ему. Он обманывал Романа, желая приобрести его города. Ведь он великою клятвой клялся перед Богом Роману и его княгине, что, если он завоюет немецкую землю, всю ее отдаст Роману. Княгиня, зная его нрав, укрепляет его крестным целованием, но он никак не был в помощь Роману.

Часто же приходил на Романа герцог. А однажды он пришел с огромным войском, и они бились, и он встал перед городом на расстоянии поприща. Он не мог взять город и сказал Роману с лестью: «Оставь короля угорского: ты мне родственник и свояк. Немецкая земля будет разделена с тобой. Рикс-король угорский много обещает, но не выполняет. А я говорю правду, и поставлю свидетелем отца моего папу и двенадцать епископов, и отдам тебе половину Немецкой земли».

Но Роман ответил: «Я дал слово, как своему отцу, королю угорскому и не могу послушаться тебя: это будет мне позор и грех — не исполнить обета». Он передал королю угорскому все слова, которыми обольщал его герцог, прося у него помощи. А тот не послал ему помощи; он требовал городов в особое владение, обещая дать взамен другие города в земле Угорской. Княгиня поняла его обман и сказала: «Ты захватил моего сына якобы в зятья и держишь его как заложника. А теперь вы еще хотите наших городов! А мы за это страдаем и умираем от голода!» А было так, что баба тайно ходила покупать пищу в городе Вядне и приносила им; таков был голод, что уже хотели есть лошадей.

И сказала княгиня: «Князь, иди к своему отцу». Но Роман не мог выехать: ведь они были в осаде. Убедившись в доброте его нрава, его поддержал Веренгер, по прозванию Просвил, он когда-то раньше воевал вместе с ним. Он пожалел Романа и, приехав с войском, вывел Романа из города. А прежде мы уже рассказали, как Войшелк дал Роману Новогрудок.

После Кремянецкого похода Куремсы Даниил начал войну против татар. Договорившись с братом и с сыном, послал Дионисия Павловича и взял Межибожие. Потом люди Даниила и Василька ходили войной на Болохов, а люди Льва — на Побужье и на войско татарское. Когда наступила весна, Даниил взял сына своего Шварна на Городок, и на Семоц, и на все города, и взял Гордок, и Семоц, и все города за пределами татарских земель, Городеск и по Тетереву до Жедьчевьева. Возвягляне же обманули Шварна, взяв тиуна, не дали ему управлять. Шварн же пришел и захватил все города. Вслед за ним пришли белобережцы, и чернятинцы, и все болховцы к Даниилу. Миндовг прислал к Даниилу сказать: «Пришлю к тебе Романа с новогрудцами, чтобы ты пошел к Возвяглю, а оттуда и к Киеву». И назначили встречу в Возвягле.

В год 6766 (1258). Даниил с братом пошли к Возвяглю с большим войском, ожидая вести от Романа и литовцев; и стояли они у Корецка, целый день ожидая вести от них, и пошли к Возвяглю. Сначала он послал сына своего Шварна объехать город, чтоб никто из них не убежал. С ним было пятьсот воинов. Горожане, видя, что с князем мало воинов, смеялись над ним, стоя на городской стене. Наутро пришел Даниил с многим множеством полков, со своим братом и с сыном Львом. Увидели горожане, и охватил их ужас; они не выдержали и сдались. Даниил поджег город, а людей вывел и отдал их на дележ — кого своему брату, кого Льву, кого Шварну. И, захватив город, пошел домой.

Когда пришел Роман с литовцами и забрались литовцы на стены, то не увидели они ничего, кроме пожарища да бегающих по городищу собак. Они тужили и плевали, говоря по-своему: «Янда!», призывая своих богов Андая и Дивирикса и всех богов своих поминая, то есть бесов.

Потом Роман поехал вслед за своим отцом, взяв с собою немного людей, а остальных он отпустил по домам. Даниил и Василько праздновали победу, а Лев поехал к себе домой.

Литовцы же, посовещавшись, продолжали воевать, сохраняя гнев, и пока ехали, разграбили окрестности Луцка,— а Даниил и Василько об этом не знали. Но слуги князя Даниила и люди Василька: Юрий, дворский Алекса и иные стали преследовать литовцев. Преследуя их, они догнали их у реки, всадники сразились, и литовцы не выдержали и обратились в бегство. Коля и рубя литовцев, загнали их в озеро. Десять человек хватались за одного коня, надеялись: «Конь вынесет нас», и так

они тонули, потопляемые ангелом, посланным Богом. И набралось в озере трупов, и щитов, и шлемов столько, что местные жители имели доход, вытаскивая их. Страшную резню устроили литовцам! Победив, русские прославили Бога и святую госпожу Богородицу, послали сайгат Даниилу и Васильку, и радовались Даниил и Василько о помощи Божьей против поганых. Это были люди Миндовга, и воевода их Хвал, тот, который устроил большую резню в Черниговской земле, и Сирвид Рушкович. Сирвид убежал, а Хвал был убит, как и многие другие.

В год 6767 (1259). Куремса пришел на Даниила и Василька внезапно. Приехал Василько — он собирал войско во Владимире, а Даниил — в Холме. Послали за Львом, чтобы ехал с ними.

Куремса, не перейдя Стыри, послал людей к Владимиру. Когда его вооруженные воины приехали к городу, на них вышли горожане пешие и крепко с ними бились. <Татары>, прибежавшие от города, пришли к Куремсе и сообщили ему: «Горожане крепко бьются с нами!»

Даниил и Василько, однако, собирались, желая биться с татарами.

Случилось так, за грехи наши, что Холм загорелся от окаянной бабы. Потом расскажем о создании города, и об украшении церкви, и о его гибели страшной, для всех жалостной. Пламя было такое, что по всей земле было видно зарево; даже из Львова глядя, все видно было по степям Белзским от горения сильного пламени. Люди подумали, что город был зажжен татарами, разбежались по лесам и после этого не могли собраться. Даниил свиделся с братом, утешал его, говоря, что нельзя нам горевать, подобно язычникам, о беде, посланной от Бога,— надо надеяться на Бога и на него возложить свою печаль. Так и было.

Потом они поехали во Владимир, собрали немного дружины и молили Бога, чтобы он избавил их от нашествия татар. Они не могли собрать дружины и рассылали туда и сюда. Случилось же людям Василька выехать и встретить татар, и они побили их, и взяли пленников.

Потом, когда Куремса стоял у Луцка, Бог сотворил великое чудо. Луцк был не укреплен и не подготовлен к обороне. Сбежалось в него много людей, и была зима, и была высокая вода. Когда Куремса пришел к Луцку, то не мог перейти реку и хотел захватить мост. Горожане же разрушили мост. Тогда Куремса поставил пороки, желая их отогнать.

Бог сотворил чудо, и святой Иоанн, и святой Николай: ветер был таков, что пороки повалило, и ветер отбрасывал камни на самих татар. А когда они снова стали с силою метать камни, Божественной силой сломался порок их. И, не преуспев ни в чем, они вернулись в свои станы, то есть в степь.

Раньше мы писали о войне с Куремсой, о пожаре в городе Холме. Город Холм был создан, по Божию повелению, таким образом. Когда Даниил княжил во Владимире, он создал город Угровск и поставил в нем епископа. Однажды, когда он ездил по полю и охотился, он увидел место красивое и лесистое на горе; поле окружало его со всех сторон. Он спросил местных жителей: «Как называется это место?» Они ответили: «Холм имя ему». Полюбилось ему то место, и он задумал построить на нем маленький городок. Он обещал Богу и святому Иоанну Златоусту, что поставит во имя его церковь. И построил он маленький городок. И, увидев,что Бог помогает ему, а святой Иоанн пособляет, создал он другой город, тот самый, который татары не смогли взять, когда Батый захватил всю Русскую землю. Тогда была сожжена церковь святой Троицы и снова поставлена.

Когда Даниил увидел, что Бог покровительствует месту тому, стал призывать туда иноземцев и русских, иноязычников и ляхов. И изо дня в день приходили подмастерья и мастера всякие: бежали от татар седельники, лучники, колчанщики, кузнецы железа, меди и серебра. И все ожило, и наполнилось дворами и селами поле вокруг города.

Построил он церковь святого Иоанна, красивую и нарядную. Здание ее было устроено так: четыре свода; с каждого угла арка, стоящая на четырех человеческих головах, изваянных неким мастером. Три окна, украшенные римскими стеклами; при входе в алтарь стояли два столпа из целого камня, а над ними своды и купол, украшенный золотыми звездами на лазури; пол же внутри был отлит из меди и чистого олова, и блестел он, как зеркало; две двери были выложены тесаным камнем: белым галицким и зеленым холмским; а узоры, разноцветные и золотые, сделаны некиим художником Авдеем; на западных вратах был изображен Спас, а на северных — святой Иоанн, так что все смотрящие дивились. Он украсил иконы, которые принес из Киева, драгоценными камнями и золотым бисером,— иконы Спаса и пресвятой Богородицы, которые дала ему сестра Феодора из Феодоровского монастыря, иконы принес из Овруча, и икону Сретенья от отца своего. Достойны они были удивления; эти иконы сгорели в церкви святого Иоанна, лишь образ Михаила остался из чудесных тех икон! Колокола он принес из Киева, а другие были отлиты здесь — и их все огонь попалил.

Посреди города была поставлена высокая башня, чтобы с нее можно было видеть окрестности города, низ ее построен из камня, в высоту на пятнадцать локтей. А сама она построена из тесаного дерева, она была белая, как творог, так что светилась во все стороны. Студенец, то есть колодец, был около нее, глубиной в тридцать пять саженей. Постройки были прекрасные, а медь от огня, как смола, плавилась.

Вокруг он посадил красивый сад и создал церковь в честь святых безмездников Козмы и Дамиана, в ней четыре столпа из целого камня тесаного, держащие верх. Из такого же камня и другой алтарь — святого Димитрия, и образ его стоит перед боковыми дверьми, очень красивый, принесенный издалека.

В расстоянии поприща от города стоит каменный столп, а на нем изваян орел каменный; высота камня — десять локтей, с головами же и подножием — двенадцать локтей.

Когда Даниил увидел разорение города, а войдя в церковь, увидел и там разорение, то очень сильно опечалился он. И, помолившись Богу, снова обновил церковь, и освятил церковь епископ Иоанн. И, снова помолившись Богу, построил он ее еще крепче и выше. Но башни той он не смог построить,— он строил другие города против безбожных татар, поэтому и не построил башню.

В год 6768 (1260). Даниил построил большую церковь в городе Холме во имя пресвятой приснодевы Марии, по величине и красоте не меньше бывших древних, и украсил ее пречудными иконами. Он принес из Угорской земли чашу из багряного мрамора, изваянную с удивительным искусством: вокруг нее были змеиные головы,— и поставил ее перед церковными дверьми, называемыми царскими, и сделал из нее крестильницу для освящения воды в святое Богоявление. Было там изображение блаженного епископа, Иоанна Златоуста, выточенное из прекрасного дерева и позолоченное. Снаружи и изнутри храм был достоин удивления.

Спустя некоторое время пришел Бурундай безбожный, злой со множеством полков татарских, хорошо вооруженных, и остановился на тех местах, где стоял Куремса. Даниил воевал с Куремсой и никогда не боялся Куремсы, потому что Куремса никогда не мог причинить ему зла, пока не пришел Бурундай с большим войском. Послал он послов к Даниилу, говоря: «Я иду против Литвы. Если ты мой союзник, пойди со мной».

Даниил с братом и с сыном стали думать в большой печали: знали они, что, если Даниил поедет, не будет добра. Посоветовались они, и поехал Васильке вместо брата. Проводил его брат до Берестья и послал с ним своих людей. Помолился Даниил Богу, святому Спасу избавителю — есть такая икона в городе Мельнике в церкви святой Богородицы, которая и ныне там в чести великой,— обещал король Даниил украсить ее всякими украшениями.

Когда Василько ехал один за Бурундаем по Литовской земле, он в одном месте встретил литовцев, избил их и привел сайгат к Бурундаю. Похвалил Бурундай Василька, «хотя брат твой и не поехал». Василько ездил и воевал вместе с Бурундаем. Разыскивал он своего племянника Романа и разорял землю Литовскую и Налыцанскую. А княгиню свою и сына Владимира он оставил у брата.

Потом и король Даниил поехал, и захватил Волковыйск и князя Глеба, и отослал его, держа в великой чести, потому что он ехал в Волковыйск больше всего за тем, чтобы захватить своего врага Войшелка и Тевтивила. Он не нашел их в городе, и искал их по станам, посылая людей своих, и не нашел их. Они совершили великий обман: Войшелк захватил сына его Романа. И снова послал Даниил Михаила и воевал по Зелве, ища их, и не нашел их. Потом задумал идти на Городен, думая, что они там.

Он послал за сыном своим Львом и за своими людьми. Они приехали в город Мельник. Он хотел идти на Городен, и все они торопились, но пришла весть от ляхов королю Даниилу, что татары уже в земле Ятвяжской.

Лев сказал: «Твои воины голодны, и кони их тоже». Он же ответил ему, сказав: «Пошлем сторожевой отряд к Визне». Дал король Даниил пищи досыта воинам и их коням.

Еще раньше были посланы два посла в Ятвяжскую землю узнать о брате. Когда татары приехали в Ятвяжскую землю, были схвачены оба посла, и их спросили: «Где Даниил?» Они ответили: «В Мельнике». Татары сказали: «Он наш союзник, брат его воевал вместе с нами. Идем туда!»

Сторожевые отряды разминулись с татарами, и те прошли к Дорогичину. Была об этом весть Даниилу, и он отослал от себя Льва, Шварна и Владимира, сказав им: «Если будете у меня, придется вам ехать в их стан, а если я и буду»...

После этого миновал год.

В год 6769 (1261). Была тишина по всей земле. В те дни была свадьба у Василька-князя в городе Владимире: отдавал он дочь свою Ольгу за князя Андрея Всеволодича в Чернигов. Там был и брат Василька, князь Даниил с обоими сыновьями своими, Львом и Шварном, и иных князей много и бояр много. И было немалое веселье в городе Владимире.

И пришла весть тогда князю Даниилу и Васильку, что идет проклятый окаянный Бурундай, и были очень опечалены этим братья. Бурундай прислал к ним сказать так: «Если вы мои союзники, встретьте меня. А кто меня не встретит, тот мой враг». Князь Василько поехал навстречу Бурундаю со своим племянником Львом, а князь Даниил не поехал с братом, а послал вместо себя своего холмского епископа Иоанна.

И поехал князь Василько со Львом и с епископом навстречу Бурундаю, взяв дары многие и угощения, и встретил его у Шумска. И пришел Василько со Львом и с епископом к нему с дарами. Бурундай сильно гневался на князя Василька и Льва. Владыка был в великом страхе.

А потом сказал Бурундай Васильку: «Если вы мои союзники, разрушьте все укрепления городов своих». Лев разрушил Данилов и Стожек, а оттуда послал и Львов разрушить, а Василько послал разрушить Кремянец и Луцк.

Князь Василько из Шумска послал епископа Иоанна вперед к брату своему Даниилу. Когда епископ приехал к Даниилу, то поведал ему о случившемся и рассказал про гнев Бурундая. Даниил испугался, и бежал в Ляшскую землю, и из Ляшской земли побежал в Угорскую.

И так пошел Бурундай к Владимиру, и князь Василько с ним. Не дойдя до города, остановился он на ночь на Житани. Бурундай стал говорить о Владимире: «Василько, разрушь укрепления». Князь Василько стал

думать про себя о городских укреплениях, ведь нельзя было разрушить их быстро из-за их величины. И он велел поджечь их, и за ночь они сгорели. На другой день приехал Бурундай во Владимир и увидел своими глазами, что укрепления все сгорели, и стал обедать у Василька на дворе и пить. Пообедал, выпил и лег ночевать у Пятидна. Наутро прислал татарина по имени Баимура. Баимур приехал к князю и сказал: «Василько, прислал меня Бурундай и велел вал сравнять с землей». И сказал Василько: «Делай, что тебе велели». И стал тот равнять вал с землей в знак победы.

Затем пошел Бурундай к Холму, и князь Василько с ним, со своими боярами и слугами своими. Когда пришли они к Холму, город оказался затворенным, и они, придя, остановились поодаль от него. И ничего не смогли сделать воины Бурундая. Ведь были в городе бояре и хорошие воины, и город был вооружен крепко пороками и самострелами.

Бурундай, увидев твердость города и что нельзя его взять, стал говорить князю Васильку: «Василько, это город брата твоего. Поезжай, объяви горожанам, чтобы они сдавались мне». И послал с Васильком трех татар: Куичия, Ашика и Болюя, и, кроме того, толмача, знающего русский язык, чтобы знать, что будет говорить Василько, приехав под город. Василько же, идя к городу, взял себе в руки камни. Придя под городскую стену, он стал говорить горожанам, а татары, посланные с ним, все слышали: «Константин-холоп и ты, другой холоп, Лука Иванкович! Это город моего брата и мой, сдавайтесь!» Сказав, бросил вниз камень — он хитростью дал им понять, чтобы они боролись, а не сдавались. Он сказал эти слова трижды и трижды бросал камни вниз. Этот великий князь Василько словно от Бога был послан на помощь горожанам, он подал им знак хитростью. Константин, стоя на забороле города, понял в уме своем знак, поданный ему Васильком, и сказал князю Васильку: «Поезжай прочь, а не то будет тебе камень в лоб! Ты уже не брат брату своему, а враг ему». Татары, посланные с князем к городу, услышав это, поехали к Бурундаю и передали ему речь Василька: как он сказал горожанам и что горожане ответили Васильку.

После этого Бурундай быстро пошел к Люблину. От Люблина пошел к Завихвосту и пришел к реке Висле. Тут нашли себе брод на Висле, перешли на другую сторону и начали воевать землю Ляшскую.

Пришли татары к Сандомиру, обступили его со всех сторон, огородили своими ограждениями, поставили пороки. Били пороки, не ослабевая, день и ночь, а стрелки не давали высунуться из заборол, и бились четыре дня, а на четвертый день сбили заборола с городской стены. Татары стали приставлять лестницы к стенам и так влезли на стены.

Впереди других на стену влезли два татарина с знаменем и пошли по стене, коля и рубя. Один из них пошел по одной стороне стены, а другой — по другой стороне. Один из ляхов, не боярин, не из высокородных, а простой человек, без доспехов, в одном плаще, с копьем, защитившись отчаянием, как крепким щитом, совершил дело, достойное памяти: побежал против татарина, и когда они встретились, убил татарина, и только другой татарин подбежал сзади, ударил того ляха, и убит был лях.

Люди, увидев татар на городской стене, бросились бежать в детинец и не могли уместиться в воротах, потому что мост к воротам был узок; одни давили друг друга, а другие падали с мостка в ров, как снопы. Рвы были очень с виду глубоки, но наполнились мертвыми, и можно было ходить по трупам, как по мосту. Были в городе постройки, набитые соломой,— они сами собой загорелись от огней, и тогда город стал гореть. Церковь в городе том была каменная, большая и чудная, сияющая красотой; была выстроена из белого тесаного камня, и была полна людей. Верх церкви, покрытый деревом, загорелся, и сгорела церковь, и в ней бесчисленное множество людей.

Воины едва выбежали из города.

Наутро игумены с попами и дьяконами собрали клир, отпели обедню и начали причащаться — сначала сами, а потом бояре с женами и детьми, все от мала до велика. И начали исповедоваться — кто у игуменов, кто у попов и дьяконов, потому что было очень много людей в городе. Потом они пошли из города, с крестами, со свечами и кадилами, и пошли бояре и боярыни, одевшись в брачные одежды и наряды, а слуги боярские несли перед ними детей. И был плач великий и рыдание: мужья оплакивали спутниц жизни, матери оплакивали детей своих, брат — брата, и некому было пожалеть их. Свершился гнев Божий на них. Их выгнали из города, и разместили их татары на болонье около Вислы, и были они два дня на болонье, потом их стали убивать всех, мужчин и женщин, и не оставили из них ни одного человека.

Потом татары пошли к городу Лысцу. Пришли они к нему и обступили: город был в лесу, на горе, и была в нем каменная церковь Святой Троицы. Город не был укреплен, татары взяли его и всех зарубили, от мала и до велика. Потом Бурундай вернулся на запад, в свои становища.

Так окончилось Сандомирское взятие.

В год 6770 (1262). Пошли литовцы от Миндовга воевать против ляхов, и Остафий Константинович с ними, окаянный и беззаконный; он же когда-то сбежал из Рязани. Литовцы разорили Ездов накануне Иванова дня, на самые Купалы. Тут убили и князя Семовита, а сына его Кондрата взяли в плен, и забрали много пленников, и так вернулись к себе.

А Миндовг вспомнил, что князь Василько с Бурундаем-богатырем воевал против земли Литовской, и послал рать против Василька, и воевали они около Каменца. Князь Василько не поехал на них, ожидая другой рати. Он послал на них Желислава и Степана Медушника, и они гнались за ними до самой Ясолны, и не догнали их, так как их войско было невелико, и они взяли только пленников и потому ушли быстро. Другая рать воевала в ту же неделю около Мельника. Был с ними воевода Ковдижад Тюдияминович. Они взяли много пленников.

Князь Василько поехал за ними с сыном своим Владимиром и с боярами и слугами, возложив упование на Бога, и на пречистую его Матерь, и на силу честного креста, и нагнал их у городе Небля. Литовцы уже стояли при озере и, увидев полки, готовые к бою, сели в три ряда защитами, по своему обычаю. Василько, построив свои полки, пошел против них, и они сразились. Литовцы не выдержали и обратились в бегство. Но нельзя было убежать, потому что рядом было озеро. И стали их сечь, а другие из них утонули в озере. И так перебили их всех, и ни один из них не спасся.

Услышав об этом, пинские князья Федор, Демид и Юрий приехали к Васильку с питьем и стали веселиться, ибо видели своих врагов разбитых, а свою дружину целой. Только один был убит из полка Василька — Перибор, сын Степана Родивича. Потом князья пинские поехали к себе, а Василько поехал во Владимир с победой и честью великой, славя и хваля Бога, сотворившего чудеса, покорившего врагов к ногам князя Василька.

Он послал сайгат брату своему, королю, с Борисом и с Изеболком. Король же тогда поехал в Угорскую землю. Догнал его Борис у Телича.

Король в то время очень печалился о брате и о племяннике своем Владимире, потому что тот был еще молод. Один из слуг, войдя, стал так говорить: «О господин, люди какие-то сюда едут за щитами и с

сулицами и коней в поводе ведут». Король же от радости вскочил, и воздел руки, вознося хвалу Богу, и сказал: «Слава тебе, Господи! Это Василько победил литву!» Борис же приехал и привез сайгат королю, и коней в седлах, щиты, сулицы, шлемы. Король стал спрашивать о здоровье брата своего и племянника. Борис поведал, что оба здоровы, и рассказал обо всем происшедшем. Была большая радость королю — брат его и племянник здоровы, а враги перебиты. Бориса же он одарил и отослал к своему брату.

Потом был съезд князей русских с ляшским князем Болеславом, и встретились они в Тернаве: князь Даниил с обоими сыновьями, Львом и Шварном, и князь Василько с сыном Владимиром. И они заключили договор между собою относительно Русской и Ляшской земли, и утвердили его крестным целованием, и так разъехались к себе.

После этой встречи прошел один год, а осенью был убит князь литовский Миндовг, который был самодержцем всей Литовской земли. О его убийстве так расскажем.

Он княжил в Литовской земле, и начал убивать своих братьев и племянников, а других выгнал из страны, и стал княжить один во всей земле Литовской. И стал он весьма гордиться, и вознесся славой и гордостью великой, считая, что нет ему равного. Был у него сын Войшелк и дочь. Дочь он отдал замуж за Шварна Даниловича в Холм.

Войшелк начал княжить в Новогрудке, был он язычником и начал проливать много крови. Он убивал каждый день трех-четырех человек. А если в какой-то день никого не убьет, очень печалится. Если же убьет кого — тогда веселится. Потом вошел страх Божий в его сердце, и он задумался, желая принять святое крещение. И крестился тут же в Новогрудке, и стал христианином. А затем Войшелк пошел в Галич к князю Даниилу и Васильку, желая принять монашеский постриг. Тогда же Войшелк крестил Юрия Львовича. Потом он пошел в Полонину в монастырь к Григорию, и там постригся в монахи, и был у Григория в монастыре три года, а оттуда пошел в Святую Гору, приняв благословение у Григория. Григорий был святой человек, какого до него не было и после него не будет.

Войшелк не мог дойти до Святой Горы, потому что в тех землях был мятеж великий, и он вернулся снова в Новогрудок, устроил себе монастырь на реке Неман, между Литвой и Новогрудком, и там жил.

Отец же его Миндовг укорял его жизнью его. А он отца своего сильно не любил. В то время умерла княгиня Миндовгова, и начал он ее оплакивать. А сестра ее была замужем за князем Налыцанским Довмонтом. Послал Миндовг в Налыцаны за своей невесткой и так сказал: «Это твоя сестра умерла. Приезжай оплакивать сестру свою». Когда та приехала оплакивать, Миндовг захотел жениться на своей невестке. И стал говорить ей: «Сестра твоя, умирая, велела мне взять тебя замуж. Она сказала так — пусть чужая детей не обижает». И взял ее в жены. Довмонт, услышав об этом, очень опечалился и стал думать, как бы ему убить Миндовга, но не смог: его силы были малы, а Миндовговы — велики. Довмонт стал искать, с кем бы вместе смог он убить Миндовга. И нашел себе Треняту, племянника Миндовга, и замыслил с ним вместе убить Миндовга. А Тренята был тогда в Жмудской земле.

В год 6771 (1263). Миндовг все войско свое послал за Днепр против Романа, князя Брянского. Довмонт пошел вместе с ними на войну, но, улучив удобное время, вернулся назад, говоря: «Гадание не велит мне идти вместе с вами». Вернувшись назад, он быстро поскакал, догнал Миндовга, и убил его, и двух его сыновей вместе с ним убил, Рукля и Репекья. Так свершилось убийство Миндовга.

После убийства Миндовга Войшелк побоялся того же, и убежал в Пинск, и там жил, а Тренята начал княжить по всей земле Литовской и в Жмудской земле. И послал в Полоцк за братом своим Тевтивилом, сказав так: «Брат, приходи сюда, разделим землю и имущество Миндовга». Когда Тевтивил приехал к нему, то стал думать Тевтивил, как бы убить Треняту, а Тренята стал думать, как бы убить Тевтивила. Замысел Тевтивила раскрыл его боярин Прокопий Полочанин. Тренята опередил Тевтивила, и убил его, и стал княжить один. Тогда конюший Миндовга, четверо слуг, стали думать, как бы им убить Треняту. Когда Тренята пошел мыться в баню, они улучили удобное время и убили Треняту. Так совершилось убийство Треняты.

Услышав об этом, Войшелк пошел с пинянами к Новогрудку, а оттуда, взяв с собой новогрудцев, пошел в Литву княжить. Литовцы приняли его с радостью, сына своего господина.

В год 6772 (1264). Войшелк стал княжить во всей земле Литовской, и начал избивать своих врагов, и перебил их бесчисленное множество, а другие разбежались куда глаза глядят, и того Остафья, окаянного, проклятого, беззаконного, он убил, о котором мы прежде писали.

В год убийства Миндовга, о чем мы говорили раньше, была свадьба у князя брянского Романа. Он отдавал свою любимую дочь по имени Ольга за князя Владимира, сына Василька, внука великого князя Романа Галицкого. В это время пришла рать литовская на Романа. Он бился с ними и победил их, но сам был ранен и показал немалое мужество. Он приехал в Брянск с победой и честью великою. Он не чувствовал ран на своем теле от радости, выдавая свою дочь замуж. Были у него еще три дочери, а эта четвертая, но она была ему милее всех. И послал он с нею своего старшего сына Михаила и бояр много. Мы же вернемся к прежнему.

Когда Войшелк княжил в Литве, стали его поддерживать князь Шварн и Василько. Войшелк назвал Василька своим отцом и господином.

А короля Даниила тогда постигла тяжелая болезнь, от которой он и скончался. Его похоронили в церкви святой Богородицы в городе Холме, которую он сам и построил.

Этот король Даниил был князь добродетельный, храбрый и мудрый, создал много городов, построил церкви и украсил их различными украшениями. И еще он прославился братолюбием с братом своим Васильком. Этот Даниил был вторым после Соломона.

После этого Шварн пошел на помощь Войшелку, а князь Василько послал ему в помощь от себя всю свою рать. Войшелк в свое время назвал Василька отцом своим и господином.

И пришел Шварн с помощью в Литву к Войшелку, и увидел Войшелк помощь Шварна и Василька, отца своего, и очень обрадовался, и стал готовиться к войне, и пошел с большим войском, и стал захватывать города в Дявелте и в Нальщанах. Захватив города, перебил врагов и вернулся к себе.

В год 6773 (1265). Явилась на востоке звезда хвостатая, страшная на вид, испускающая большие лучи; из-за этого назвали эту звезду волосатой. При виде этой звезды охватил всех людей страх и ужас. Мудрецы, глядя на звезду, говорили, что будет великий мятеж в земле, но Бог спасет нас своею волею. И не было ничего.

В этом же году скончалась великая княгиня Василькова по имени Елена. И похоронили ее тело в церкви святой Богородицы в епископии Владимирской.

В год 6774 (1266). Был великий мятеж среди самих татар, они перебили друг друга бесчисленное множество, как песок морской.

В год 6775 (1267). Была тишина.

В год 6776 (1268). Когда Войшелк и Шварн княжили в Литве, литовцы пошли воевать против ляхов, против князя Болеслава. И пошли мимо Дорогичина. А слуги Шварна пошли с ними, и воевали около Скаришева и около Визложи и Торжска, и взяли много пленников.

Тогда князь Болеслав был очень болен. Потом он выздоровел и отправил своего посла к Шварну (а Шварн тогда был в Новогрудке) так сказать: «Зачем ты без всякой моей вины воевал со мною и захватил мою землю?» Шварн стал отпираться, говоря так: «Не воевал я с тобой, это литовцы с тобой воевали». Посол же сказал Шварну: «Так тебе говорит князь Болеслав: я на литву не жалуюсь, что они со мной воевали, они мои враги и воевали со мной как положено. Но на тебя жалуюсь. И Бог будет за правого, и пусть он нас рассудит». И с этого времени началась война. И стали ляхи воевать около Холма. Были с ними воеводы: Сигнев, Воржь, Сулкр, Невструп. И не захватили ничего, — ведь жители убежали в город, а весть им подали ляхи, живущие на границе.

Затем Шварн поспешно приехал из Новогрудка и стал собирать свое войско. И князь Василько и сын его Владимир, соединившись, пошли воевать против ляхов. Шварн стал воевать около Люблина, а Владимир — около Белой. И взяли много пленников, и так пошли к себе: Шварн пошел в Холм, а Владимир пошел к Червену, там был отец его Василько. Из Червена он пошел во Владимир. Когда они пришли домой, ляхи стали воевать около Червена в ту же неделю, и ничего не взяли, и так пошли назад.

Потом князь Болеслав отправил своего посла, Григория, пробста Люблинского, к Васильку, сказать так: «Свояк, давай встретимся!» Василько сказал: «Я рад». И они договорились о встрече в Тернаве.

Затем Василько отправился в Тернаву на съезд. Когда он был у Грабовца, пришла к нему весть, что ляхи обман учинили и не пошли на съезд, но, обойдя вокруг, на Ворота, пошли к Белзу и начали там грабить и жечь села. Василько быстро пошел от Грабовца вместе со Шварном и с сыном своим Владимиром, и пришли они к Червену, и увидели, что села горят, а ляхи грабят. Василько пошел на них в наступление, туда, где ляхи разошлись, грабя села, и многих из них убил, а других захватил в плен. Ляхи испугались и ушли к себе.

Василько послал за ними Шварна, своего племянника, и сына своего Владимира и дал им указание, сказав: «Не бейтесь с ними здесь, а пустите их в свою землю.Как только пойдут разделившись,тогда и бейтесь с ними».

И так пошли Шварн с Владимиром за ляхами с большим войском. И были похожи их полки на могучий бор. Шварн был впереди, идя со своим полком, а Владимир шел со своим полком сзади. Ляхи же еще не вошли в свою землю, но только Ворота прошли. Это было место неприступное, его нельзя было обойти никак, и назвали его Воротами из-за его узости. Тут догнал их Шварн, идя впереди со своим полком. И, не помня наказов дяди своего и не дождавшись полка брата своего Владимира, устремился на бой. Они сразились лицом к лицу, и был сломлен полк Шварна, а другие полки не могли ему помочь из-за тесноты места. И так победили ляхи русских, и убили из них многих, из бояр и из простых людей. Тут были убиты оба сына тысяцкого, Лаврентий и Андрей; оба они показали немалое мужество, и не побежали брат от брата, и приняли славную смерть.

После этого помирились ляхи с русскими, и Болеслав с Васильком и Шварном, и стали жить в великой любви.

Потом Войшелк отдал свое княжение зятю своему Шварну, а сам опять захотел принять монашеский постриг. Шварн очень его упрашивал, чтобы он княжил с ним в Литве, но Войшелк не хотел, так говоря: «Я много согрешил перед Богом и людьми. Ты же княжи, и земля будет в безопасности». Шварн не смог его уговорить и стал княжить в Литве, а Войшелк пошел в Угровск в монастырь святого Даниила, и облачился в монашеские ризы, и стал жить в монастыре, и так сказал: «Здесь

поблизости от меня сын мой Шварн, а другой — мой господин и отец, князь Васильке, и в том мое утешение». Григорий Полонинский, его наставник, был тогда еще жив. Войшелк расспросил, жив ли он, обрадовался и послал к нему сказать: «Господин, отец, приезжай сюда». И тот приехал к нему и наставил его на путь монашеский.

А в то время Лев прислал к Васильку сказать: «Я хотел бы с тобой встретиться, но чтобы тут и Войшелк был». Василько послал за Войшелком на Страстной неделе, так сказать: «Прислал ко мне Лев, чтобы мы встретились. Но не бойся ничего». А Войшелк боялся Льва и не хотел ехать, но поехал по поруке Василька. Он приехал во Владимир на Святой неделе и остановился в монастыре святого Михаила Великого. Маркольт-немец звал к себе всех князей на обед: Василька, Льва, Войшелка. И стали они обедать, пить, веселиться. Василько, напившись, поехал домой спать. А Войшелк поехал в монастырь, где он остановился. Затем Лев приехал к нему в монастырь и стал говорить Войшелку: «Кум, выпьем!» И начали они пить. Дьявол, который всегда не хочет добра человеческому роду, надоумил Льва, и убил он Войшелка из зависти, что тот отдал Литовскую землю брату его Шварну. И так совершилось убийство Войшелка. Обрядили тело его и похоронили в церкви святого Михаила Великого.

После Войшелка в Литовской земле княжил Шварн; княжил он недолго и умер, и похоронили его тело в церкви святой Богородицы около отцова гроба.

В год 6777 (1269). Не было ничего.

В год 6778 (1270). Начал княжить в Литве окаянный, беззаконный, проклятый, немилосердный Тройден; а злодеяний его описать не можем: уж очень позорны. Он был такой же беззаконник, как Антиох Сирийский, Ирод Иерусалимский и Нерон Римский. И иных, много худших, чем они, беззаконий учинил.

Прожив так двенадцать лет, умер беззаконник. Были у него братья: Борза, Сирпутий, Лесий, Свелкений. Они жили в святом крещении, жили в любви, кротости и смирении, держались православной христианской веры, превыше всего любили веру христианскую и милостыню творить. Они умерли еще при жизни Тройдена.

В год 6779 (1271). Умер благоверный христолюбивый великий князь владимирский по имени Василько, сын великого князя Романа. И похоронили его тело в церкви святой Богородицы во Владимирской епископии.

В год 6780 (1272). Начал после него княжить сын его Владимир, сияя правдолюбием и справедливостью к своим братьям, и к боярам, и к простым людям.

А Лев стал княжить в Галиче и Холме после брата своего Шварна.

В год 6781 (1273). Помирились с ляхами и с Болеславом-князем. Князь Болеслав тогда начал войну с князем воротиславским. Пошли ему на помощь Лев и Мстислав, а Владимир сам не пошел, а послал свою рать с Желиславом. Потому он сам не пошел, что начал войну с ятвягами.

Потом решили князья идти против ятвягов. Наступила зима, сами князья не пошли, а послали своих воевод с войском. Лев послал со своей ратью Андрея Путивлича, а Владимир послал со своею ратью Желислава, а Мстислав послал со своей ратью Володислава Ломоносого. Пошли они и захватили Злину. И хотя ятвяги собрались, но биться с ними не посмели. И так вернулись с победой и честью великой к своим князьям. А затем приехали князья ятвяжские Минтеля, Шюрпа, Мудейко, Пестило ко Льву, Владимиру и Мстиславу, прося мира себе. Те же едва дали им мир. И были рады ятвяги миру, и поехали в свою землю.

В год 6782 (1274). Тройден еще княжил в Литовской земле и жил со Львом в полном согласии; они посылали друг другу много подарков. А с Владимиром он не жил в полном согласии, потому что отец Владимира, князь Василько, убил в войнах трех братьев Тройдена — потому он и не жил с ним в согласии, но воевал с ним, хоть и не было больших войн: Тройден, посылая тайком пехотинцев, грабил землю Владимира, а Владимир, также посылая воинов, грабил Тройдена. Так и воевали они целый год.

Затем Тройден, забыв согласие со Львом, послал городнян, велел захватить Дорогичин. С ним был Трид, он знал о городе, как его можно взять. Он выступил в поход ночью, и так они захватили город в самый день Пасхи и перебили всех от мала до велика.

Узнав об этом, Лев очень опечалился и стал готовиться к войне; послал он к татарам, к великому царю Меньгу-Темиру, прося себе помощи у него против литвы. Меньгу-Темир дал ему войско и с ним воеводу Ягурчина, и дал ему в помощь заднепровских князей: Романа Брянского с сыном Олегом, и Глеба, князя Смоленского, и иных князей много. Были тогда все князья в подчинении у татар.

Когда настала зима, стали собираться русские князья — Лев, Мстислав и Владимир. Пошли с ними и князья пинские и Туровские. Когда они пошли мимо Турова к Слуцку, то у Слуцка соединились с татарами. И так все вместе быстро пошли к Новогрудку.Не дойдя реки Сырвечи.они остановились на ночь. На другой день, рано встав, пошли и перешли реку до света и там дождались рассвета. И когда стало всходить солнце,начали готовить полки к бою. Построив полки, пошли к городу. Татары шли справа своим полком, а рядом с ними шел Лев со своим полком, а слева, рядом со Львом, шел Владимир со своим полком.

Татары послали ко Льву и Владимиру сказать: «Наши молодые воины видели, что рать стоит под горой. Пар идет от коней. Пошлите верных людей с нашими татарами, пусть посмотрят, что это такое». И они послали с ним верных людей, те поехали и увидели, что рати нет, а пар идет от источников, текущих с гор, потому что были сильные морозы.

И так они пришли к городу и остановились около него. Мстислав не пришел, ибо он шел от Копыля, воюя по Полесью, а также не пришли ни Роман, ни Глеб, князья заднепровские, один только Олег, сын Романа, пришел.

А Лев обманул своих братьев — тайно от Мстислава и Владимира он вместе с татарами взял внешние укрепления, а крепость осталась. На другой день после взятия города пришли Роман и Глеб с большим войском. Прогневались все князья на Льва: Мстислав, Владимир, и тесть его Роман Брянский, и Глеб Смоленский, и иные многие князья — все они рассердились на него, что он не почел их за людей, равных себе, а сам взял город с татарами. Они задумали так, чтобы всем вместе взять Новогрудок, а потом идти в землю Литовскую. Но, рассердившись на Льва, они не пошли и вернулись к себе.

От Новогрудка Олег поехал во Владимир к своей сестре. Ведь князь Владимир тогда очень звал своего тестя, так говоря: «Господин и отец,

приезжай, побудешь в своем доме и увидишь, как жива-здорова твоя дочь». Роман же отказался, сказав так: «Сын мой, Владимир, я не могу уехать от войска. Я ведь нахожусь на враждебной земле. Кто доведет мое войско домой? А вот сын мой Олег вместо меня пусть поедет с тобой». И, поцеловавшись, разъехались они по домам.

В год 6783 (1275).

В год 6784 (1276). Пришли прусы к Тройдену, из своей земли гонимые немцами. Он принял их к себе и поселил часть их в Городне, а другую часть поселил в Слониме. Владимир же, посоветовавшись со Львом, своим братом, послал рать свою к Слониму, и они захватили их, чтобы они не поселялись в этой земле.

После этого Тройден послал брата своего Сирпутья и воевал около Каменя. А Владимир послал против него войско и взял у него Турийск на реке Немане, и села окольные захватил. После этого они помирились и стали жить в большом согласии.

А потом Бог вложил благую мысль в сердце Владимира, и он стал размышлять, где бы за Берестьем поставить ему город. И взял он книги пророческие и, размышляя в сердце своем, сказал: «Господи Боже, сильный и всемогущий, словом своим созидающий и разрушающий, что ты, Господи, мне, грешному рабу своему, укажешь, так я и сделаю». И раскрыл книгу, и вынулось ему пророчество Исайи: «Дух Господень на мне, из-за него Бог помазал меня благовествовать нищим, послал меня исцелять сокрушенных сердцем, возвестить пленным освобождение и слепым прозрение, возвестить год Господень благоприятный и день воздаяния Бога нашего, утешить всех плачущих, дать сетующим на Сионе славу; вместо пепла — умащение; веселие и украшение — вместо духа уныния; их назовут народом праведным, насаждением Господним во славу его, и застроят пустыни вечные, прежде запустевшие, возобновят разоренные города, запустевшие с древних родов». Князь Владимир из этого пророчества понял милость Божию к себе и стал искать удобное место, где бы поставить город. Эта земля пустовала восемьдесят лет после Романа. А теперь Господь поднял ее своею милостью.

И послал Владимир искусного мужа по имени Алекса, который еще при отце его многие города построил, с местными жителями в челноках в верховья реки Лосны, чтобы найти место такое, где бы поставить город. И тогда нашел он такое место, и приехал к князю, и стал рассказывать.

Князь же сам поехал туда с боярами и слугами, и понравилось ему это место над берегом реки Лосны. И очистил его, и срубил там город, и назвал его Каменец, потому что земля была каменистая.

В год 6785 (1277). Прислал окаянный и беззаконный Ногай послов своих Тегичага, Кутлубугу и Ешимута с грамотами ко Льву, Мстиславу и Владимиру, так говоря: «Вы всегда мне жалуетесь на литву. Так вот, я дал вам войско и воеводу с ним Мамшея, идите с ним на своих врагов».

Когда наступила зима, пошли русские князья на литву: Мстислав и Владимир, а Лев не пошел, а послал сына своего Юрия. И так пошли они к Новогрудку.

Когда они пришли к Берестью, получили они весть, что татары уже опередили их у Новогрудка. Князья Мстислав, Владимир и Юрий стали советоваться между собой, так говоря: «Если пойдем к Новогрудку — там уже татары все разорили. Пойдем к нетронутому месту». И, так решив, пошли к Городне. И когда миновали они Волковыйск, то в отдаленье стали на ночлег. И здесь Мстислав и Юрий, тайно от Владимира, послали своих лучших бояр и слуг с Тюимой грабить. Они же разграбили там и легли ночевать, а к войску не пошли, и не было у них сторожевого охранения, и доспехи они сняли. Тогда от них скрылся один беглец в город. И рассказал горожанам так: «Там люди лежат в селе без порядка». Прусы и борты выехали из города, напали на них ночью и перебили их всех, а других переловили и отвели в город, а Тюиму везли на санях, потому что был он тяжело ранен.

На другой день, когда полки подошли к городу, прибежал Мстиславов Ратиславко, наг и бос, стал рассказывать о случившемся: что избиты все бояре Мстислава и Льва, слуги все перебиты, и другие взяты в плен. Мстислав и Юрий очень горевали из-за своего безумия, а Владимиру не любо было, что они тайно от него так поступили.

И стали они думать о взятии города. Перед воротами города стояла высокая каменная башня, и в ней заперлись прусы, и нельзя было подойти к городу мимо нее, потому что побивали всех с этой башни. Приступили к башне и взяли ее. И великий страх и ужас напал на горожан, стояли они, как мертвые, на заборолах после захвата башни — ведь это была их надежда.

Начали думать князья, как бы им спасти своих бояр, и ничего не могли придумать. Мстислав, Владимир и Юрий договорились с горожанами, что они города не возьмут, но получат своих бояр. Они взяли своих бояр, а городу никакого вреда не причинили. И так вернулись к себе.

В год 6786 (1278). Тройден еще княжил в Литовской земле. Он послал большое войско против ляхов и брата своего Сирпутья послал, были и ятвяги с ними тогда, и воевали около Люблина три дня, и взяли бесчисленное множество пленников, и так вернулись домой с честью великой.

В год 6787 (1279). Был голод по всей земле: у русских, у ляхов, у литовцев и ятвягов. Прислали ятвяги своих послов к Владимиру, так говоря: «Господин наш, князь Владимир! Приехали мы к тебе от всех ятвягов, надеясь на Бога и на твое здоровье. Господин, не помори нас, помоги нам прокормиться. Пошли, господин, свой хлеб у нас продавать, а мы охотно купим. Дадим, что хочешь: воску, белок, бобров, черных куниц, серебра ли — мы с радостью дадим!»

Владимир послал им из Берестья хлеб в лодках по Бугу с надежными людьми, которым доверял. Они прошли по Бугу, вышли в Наровь и пошли по Нарови. Они шли, пока не достигли города Полтовеска, и тут остановились на ночь отдыхать. А ночью они все были перебиты под городом, хлеб был захвачен, а лодки потоплены. Владимир доискивался, сильно желая узнать, кто это сделал. Послал он к брату своему Кондрату так сказать ему: «Под твоим городом перебиты мои люди: либо по твоему распоряжению, либо кого-то другого. Ты ведаешь всею своею землею, скажи». Однако Кондрат отрекся: «Я не убивал и другого не знаю, кто их убил». Однако дядя его, князь Болеслав, сказал Владимиру про своего племянника Кондрата: «Он напрасно отрекается, это он перебил твоих людей». Болеслав тогда жил во вражде со своим племянником Кондратом. Болеслав сказал Владимиру: «Разделайся с ним, большим позором он покрыл тебя, смой с себя позор этот». Владимир послал на Кондрата свою рать, и они воевали на этой стороне Вислы, и взял Владимир много пленников. Потом Кондрат прислал послов к брату своему Владимиру, желая мира с ним. А Владимир с ним заключил мир, и стали они жить в великом согласии. Владимир же и челядь ему вернул, захваченную во время войны.

В тот же год скончался великий князь краковский Болеслав, добрый, тихий, кроткий, смиренный, незлобивый. Много лет он прожил и в старости спокойно отошел к Господу. Тело его обрядили и положили в церкви святого Франциска в городе Кракове.

В год 6788 (1280). После смерти великого князя Болеслава было некому княжить в Ляшской земле, потому что у него не было сына. Захотел Лев взять себе землю, но бояре были сильны и не отдали ему землю. У Болеслава было пять племянников: два Семовитовича — Кондрат и Болеслав, и три Казимирича — Лестько, Земомысл и Владислав. Бояре же ляшские выбрали себе одного из них — Лестька и посадили его в Кракове на престоле Болеслава. И стал княжить Лестько.

Потом Лев захотел себе части Ляшской земли — города в пограничной области. Он поехал к проклятому окаянному Ногаю, прося себе помощи против ляхов. Тот дал ему в помощь окаянного Кончака, Козея и Кубатана. Настала зима, и они пошли так: Лев охотно пошел с татарами вместе с сыном своим Юрием, а Мстислав, Владимир и сын Мстислава Даниил по принуждению татар. И так они все пришли к Сандомиру. Придя к Сандомиру, они переправились на другую сторону Вислы и перешли реку по льду под самым городом. Сперва перешел Лев со своим полком и с сыном своим Юрием, а за ним Мстислав и сын его Даниил. За ним перешли татары. Так они перешли и стали около города. Стояли некоторое время без боя.

Потом Лев пошел со своим хорошо вооруженным полком к Кропивнице, с великою гордостью, желая идти на Краков.

Владимир отстал и стоял у города со своим полком. Ему сказали: «В лесу находится осек, полный людей и всякого добра, его не захватило никакое войско, потому что он сильно укреплен». Владимир послал к нему добрых воинов, и с ними Кафилата Селезенца. И так было, что когда они пришли к осеку, бились с ними ляхи крепко, и едва смогли они взять осек, с великим потом, и захватили в нем множество людей и добра.

Как мы прежде писали, Лев шел со своим полком к Кропивнице. Стали они расходиться воевать. И Бог совершил над ним свою волю — ляхи перебили многих бояр из его полка и верных слуг и часть татар убили. И так вернулся Лев назад с великим бесчестьем.

В год 6789 (1281). Пошел Лестько на Льва и захватил у него город Перевореск, перерезал там всех людей от мала и до велика, город сжег и пошел назад к себе.

Потом дьявол вложил ненависть в двух Семовитовичей, в Кондрата и Болеслава, и стали они враждовать между собой и воевать друг с другом. Кондрат был заодно с братом своим Владимиром, а Болеслав был заодно с Лестьком и братом его Владиславом.

Болеслав, собрав рать свою, взял в помощь себе Владислава и пошел на брата своего Кондрата к городу Ездову. Кондрата тогда не было в городе, и так, приступив, они взяли город. Закон же у ляхов был такой: челяди не брать и не убивать, а только грабить. Когда город был взят, захватили в нем много добра и людей пограбили; ограбил Болеслав свою невестку, княгиню Кондратову, и племянницу свою ограбил, и учинил великий позор брату своему Кондрату.

После этого Кондрат отправил своего посла к брату своему Владимиру, жалуясь ему на позор свой. Владимир пожалел его, стал плакать и сказал послу брата своего: «Брат,— скажи,— Бог отомстит за твой позор, и вот я готов тебе помочь». И стал снаряжать войско против Болеслава. И послал к племяннику своему Юрию, прося помощи. Племянник же ему так ответил: «Мой дядя, я охотно и сам бы с тобой пошел, но мне некогда: еду, господин, в Суздаль жениться. С собой я возьму немного людей. А вот все мои люди и бояре в попечении Божьем и твоем. Если тебе будет угодно, то с ними пойди».

Владимир, снарядив рать, пошел к Берестью. Тут он собрал свои силы. И пришли к нему холмляне, и был воевода с ними Тюима. И пошел Владимир к Мельнику с большим войском. Из Мельника он направил к Владимиру воеводой Василька, князя Слонимского, Желислава и Дуная, а с ратью Юрия был воевода Тюима. И так пошли они в Ляшскую землю.

Владимир же, отправив войско, поехал в Берестье. Он перед войной послал к брату своему Кондрату. Бояре у Кондрата были изменники. Чтобы они не дали вести Болеславу, посол Владимира, придя к Кондрату, стал говорить при всех его боярах: «Так тебе говорит брат твой Владимир: рад был бы я помочь тебе за твой позор, да нельзя мне — нам досаждают татары». После этого посол, взяв князя за руку, сжал ему руку. Князь понял и вышел с ним вон, и посол стал говорить ему: «Брат тебе так говорит: снаряжайся сам и приготовь лодки для перевоза через Вислу, рать будет у тебя завтра». Кондрат очень обрадовался, приказал скорее готовить лодки и сам снарядился.

Пришло войско, переправилось через реку, полки построились. Построившись, полки пошли таким образом: Василько пошел со своим полком, Желислав со своим полком, Дунай со своим полком, а князь Кондрат с ляхами со своим полком, и Тюима со своим полком. И так шли уверенно с большой твердостью.

Не дойдя до Сохачева, стали думать его взять, чтобы не входить глубоко в эту землю, однако князь Кондрат им не позволил и повел их к Гостиному: это был любимый город Болеслава.

Пришли полки в город, стали около него, как могучий бор, и начали готовиться к штурму города. А князь Кондрат стал ездить и говорить: «Братья мои милые, русские, подвигнитесь единодушно!» И тогда одни полезли на заборола, а другие полки стояли неподвижно, охраняя от внезапного наезда ляхов. Когда они подошли под стены, ляхи стали бросать на них камни, как сильный град, но стрелы ратников не давали им высунуться из заборол. Начали колоть их копьями, и многие на городских стенах были ранены копьями или стрелами. И стали мертвые падать из заборол, как снопы. И так взяли город, и захватили в нем много всякого добра, и взяли бесчисленное множество пленников, а остальных убили, и город сожгли, и вернулись к себе с победой и с честью великой.

А князь Кондрат поехал в свой город, возложив на себя венец победный и сняв с себя позор с помощью брата своего Владимира.

А князь Василько пошел к Берестью с множеством пленников и послал впереди себя весть господину своему князю Владимиру. Владимир же был в большой печали, ибо не было у него вестей о его войске. И вот пришла к нему весть о его войске, что все в добром здоровье идут с великой честью. И Владимир очень обрадовался, что дружина его вся цела, а позор с брата его Кондрата снят.

Только двое из его полка были убиты, и не под городом, а во время перехода: один был родом прусин, а другой был придворный слуга Владимира любимый, сын боярский Михайлович, по имени Рах. Об убийстве его так расскажем. Когда полки иГли мимо Сохачева города, в то время выехал из Сохачева князь Болеслав, ища случая напасть на отделившихся. А князь Владимир еще раньше приказал своим воеводам Васильку, Желиславу и Дунаю не распускать воинов грабить, а всем идти к городу. А эти утаились от войска и поехали в село, с ними было человек тридцать, и был с ними человек Юрия Блус; они выбрали

дорогу от села, по которой челядь бежала к лесу. И поехали за ними. И в это время ударил по ним Болеслав с ляхами. Дружина их не выдержала, и обратились в бегство все, вместе с Блусом. А эти двое, Рах и прусин, не побежали, но совершили дело, достойное памяти, и стали мужественно биться. Прусин схватился с Болеславом и был убит множеством воинов, а Рах убил верного боярина Болеслава, и тут сам принял смерть достойную. Они умерли с мужественным сердцем и оставили по себе славу последующим временам.

После этого Владимир поехал из Берестья во Владимир.

В год 6790 (1282). Пришел против угров окаянный и беззаконный Ногай и с ним Телебуга с большим войском, с бесчисленным множеством. Велели они пойти с собою русским князьям Льву, Мстиславу, Владимиру, Юрию Львовичу. Владимир тогда хромал, у него была тяжелая рана, и из-за этого он не пошел, а послал свое войско с Юрием, племянником своим. Тогда были все князья русские в подчинении у татар, и так пошли все, и только один Владимир остался, потому что был хром.

А Болеслав, все еще гордясь своим безумием, выбрал удобное время, и пришел с двумястами воинов, и воевал около Щекарева, и захватил десять сел. И так пошел назад с большой гордостью, думая, будто он всю землю захватил.

После этого, когда они вошли в Угорскую землю, Лев был отпущен и приехал домой; он жалел о происшедшем — что Болеслав разграбил его землю, и послал к брату своему Владимиру сказать: «Брат, давай снимем с себя этот позор: пошли и подними литву на Болеслава». Владимир послал Дуная поднимать литовцев. Литовцы обещали ему прийти на помощь, говоря: «Владимир, добрый и правдивый князь, мы можем за тебя головы свои сложить. Если тебе хочется, мы готовы». Лев же и Владимир снарядили свою рать. И пришли воины к Берестью, ожидая литовцев, и литовцы пришли по договору. Лев и Владимир сами не пошли, а послали воевод: Лев послал со своим войском Тюиму, Василька Бельжанина и Рябца, а Владимир послал со своим войском князя Василька, Желислава, Оловянца и Вишту. И так они пошли против Болеслава, и стали грабить около Вышегорода, и захватили бесчисленное множество челяди, скота и коней.

После этого пришли литовцы к Берестью и стали говорить князю Владимиру: «Ты нас призвал, и веди нас куда-нибудь, мы готовы, на то

мы и пришли». Князь стал думать, куда бы их повести — своя рать уже ушла далеко на Болеслава, и уже разливаются реки. И вспомнил Владимир, что еще прежде того Лестько, послав люблинцев, захватил у него село на Украинице, называемое Воинь, и напоминал ему Владимир о том много раз, чтобы тот вернул ему челядь. Он же не вернул ему его челяди. И вот он послал на него литовцев, и воевали они около Люблина, и захватили много челяди, и с большим полоном пошли назад с великой честью.

Потом пришло войско Льва и Владимира с великой честью, взяв пленников многое множество.

И так разошлись все по домам.

В преждеупомянутые годы, когда Лестько взял Перевореск, город Льва, тоже ляхи воевали у Берестья по Кросне, и взяли десять сел, и пошли назад. Берестьяне же собрались и погнались за ними. Было же ляхов двести, а берестьян — семьдесят, и был у них воевода Тит, всюду славящийся своим мужеством: и на войне, и на охоте. И так они догнали их и бились с ними. По Божией милости берестьяне победили ляхов, убили пятьдесят из них, а других взяли в плен. А своих пленников отбили. И так пришли в Берестье со славой, славя Бога и пречистую его Матерь во все века.

Мы же вернемся к прежнему.

Вот что случилось, когда пришли окаянный и беззаконный Ногай и с ним Телебуга, разграбившие Угорскую землю: Ногай пошел на Брашев, а Телебуга пошел через горы, которые можно перейти за три дня, а он ходил тридцать дней, блуждая в горах, водимый гневом Божиим. И был у них большой голод, и начали есть людей, а потом стали сами умирать, и умерло их бесчисленное множество. Очевидцы так сказали: умерших было сто тысяч. Окаянный и беззаконный Телебуга со своей женой вышел пешком, с единственной кобылой, так посрамил его Бог.

А вот что было с князем Болеславом, который, все еще преисполненный безумия своего, не переставал делать зло князю Владимиру и Юрию. Владимир и Юрий стали готовить рать против Болеслава. А Владимир послал и литву поднял. И так они все пошли. И князь Юрий пошел с ними на Болеслава. Когда они были в Мельнике, прислал к нему отец

его Лев сказать ему так: «Сын мой Юрий, ты не ходи с литовцами, я убил их князя Войшелка, как бы не захотели они отомстить». Юрий не пошел, послушавшись отца, а послал свое войско. И так они пошли, и взяли город Сохачев, и захватили в нем много добра и челяди, а остальных убили и так с полоном возвратились домой.

В год 6791 (1283). Захотел окаянный и беззаконный Телебуга пойти против ляхов, и собрал он большое войско — забыл он казни Божий, которые сбылись над ним в Угорской земле, как мы прежде рассказывали, и пришел к Ногаю. Между ними было великое несогласие. Телебуга послал к заднепровским князьям и к волынским: ко Льву, к Мстиславу и к Владимиру, веля им идти вместе с ним на войну. Все князья были тогда в подчинении у татар. И так пошел Телебуга против ляхов, собрав большое войско.

Когда он пришел к Горине, встретил его Мстислав с питьем и дарами. Оттуда он пошел мимо Кремянца к Перемилю. И тут, на Липе, встретил его князь Владимир с питьем и дарами. Потом догнал их князь Лев у Бужковичей с питьем и дарами. Когда они вышли в Бужское поле, там они произвели смотр своим полкам. Князья ожидали, что их убьют, а города будут взяты.

Оттуда пошли они к Владимиру и остановились на Житани. Телебуга поехал осмотреть город Владимир, а другие говорят, будто он в городе был,— но это неизвестно. В воскресенье, на другой день после Николина дня, миновали город. Бог их своею волею избавил: город не взяли. Но творили в городе великое насилье и награбили бесчисленное множество добра и коней. И так беззаконный Телебуга пошел в Ляшскую землю.

Другие татары остались у города Владимира кормить отощавших коней. Они опустошили Владимирскую землю, не давали выехать из города в зажитье: если кто выезжал, одних убивали, а других хватали, а третьих грабили и отнимали коней. И умерло в городе во время осады, по Божьему гневу, бесчисленное множество.

Когда Телебуга пошел в Ляшскую землю, с ним пошли все князья по принуждению татар: князь Лев с сыном своим Юрием, Мстислав со своею ратью и Владимир со своей ратью. И так пошли к Завихвосту, и пришли к реке Висле. Река еще не встала, и нельзя было ее перейти. И пошли они вверх по реке к Сандомиру, и перешли реку Сан по льду. Тут, на Сане, Владимир вернулся от них назад. А Вислу они перешли по

льду выше Сандомира и приступили к городу со всех сторон, но ничего не смогли сделать. Они стали грабить Ляшскую землю и оставались в ней десять дней.

Телебуга хотел идти на Краков, но, не дойдя до него, вернулся в Торжск. Ибо он получил известие, что Ногай опередил его, придя на Краков. И из-за этого еще больше невзлюбили они друг друга. И так они не соединились с Ногаем, и Телебуга пошел назад в землю Льва, к городу Львову. И стояли они в земле Льва две недели, кормясь, а не воюя, и не давали выйти из города в зажитье: если кто-нибудь выезжал из города, одних убивали, других хватали, а некоторых, ограбив, отпускали нагими, и те умирали от мороза, потому что зима была очень суровая. Так они опустошили всю землю.

Все это Бог навел на нас, наказывая нас за грехи наши, чтобы мы покаялись в своих злых и беззаконных делах. И наконец исполнился гнев его на нас, когда умерло в осаде в городах бесчисленное множество, а другие погибли в селах, выйдя из города после ухода безбожных агарян. Но мы вернемся к прежнему.

Окаянный Ногай не пошел с Телебугой в Ляшскую землю по одной дороге, ибо между ними была вражда великая, но пошел своей дорогой на Пере-мышль. Когда он пришел к городу Кракову, он и около него не преуспел, как Телебуга у Сандомира, но пограбил Ляшскую землю. А с Телебугой они не соединились, потому что боялись оба: этот того, а тот этого. И так пошли назад в свои становища: Телебуга опять пошел одной дорогой, а Ногай — другой.

В ту зиму был и у ляхов великий мор. Умерло их бесчисленное множество.

После ухода Телебуги и Ногая князь Лев сосчитал, сколько людей погибло в его земле, сколько их захвачено в плен, сколько убито, сколько умерло по Божией воле — без полтысячи тринадцать тысяч.

В год 6792 (1284). У князя Юрия Львовича умер сын Михаил. Он был очень молод, и оплакивали его все люди, и, обрядив, тело его похоронили в церкви святой Богородицы в Холме, которую построил прадед его великий князь Даниил, сын Романа.

В ту зиму не в одной только Руси был гнев Божий — мор, но и в Ляшской земле. В ту зиму и у татар пали все кони, и скотина, и овцы все померли, не осталось ничего.

В год 6793 (1285). Рассказывают, что в немецких землях море вышло из берегов и потопило землю по Божьему гневу, более шестидесяти тысяч душ потонуло, а церквей каменных — одиннадцать и более ста деревянных.

В тот же год Лестько Казимирич, послав полк свой, воевал против князя Кондрата Семовитовича. Князь же Кондрат, собрав дружину свою, гнался за ним, и бился с ним, и победил его с Божией помощью, и многих перебил из полка Лестькова — бояр и простых людей, и убил его воеводу Серадзского Матея, и отвоевал своих пленников, и так возвратился к себе с честью великой, хваля и славя в Троице Отца и Сына и Святого Духа, ныне и вовеки.

В год 6794 (1286). Ходили литовцы все и вся жмудь против немцев к Риге. Те же заранее получили известие и укрылись в городе. Они же, придя к городу и не преуспев нисколько, оттуда пошли на Лотыголу. Дошли они до города Медвежья Голова, но ни в чем не преуспели и вернулись назад, добыв мало пленников.

Но, узнав о том, что вся жмудь пошла на Ригу, торунские немцы пошли на жмудь, помогая своим немцам. И захватили они бесчисленное множество жмудинов, а других перебили, и так пошли к себе со множеством пленников.

В тот год умер великий князь краковский Лестько Казимирич. Епископ же, игумены, попы и диаконы, обрядив его тело, пели по обычаю песнопения, и так положили его тело в церкви Святой Троицы в городе Кракове, и оплакивали его все люди — и бояре, и простые люди — великим плачем.

В год 6795 (1287). Бог послал против нас свой меч — служить гневу своему за умноженье наших грехов. Пошли Телебуга и Алгуй с ним с огромным войском, а с ними и русские князья Лев, Мстислав, Владимир и Юрий Львович и много других князей. Тогда все князья русские были

в подчинении у татар, покорены гневом Божиим. И так пошли все вместе.

А князь Владимир был болен, была послана ему Богом неизлечимая болезнь.

Когда они шли в Ляшскую землю и дошли до реки, называемой Сан, князь Владимир, отягощенный болезнью своего тела, начал посылать к брату своему Мстиславу сказать: «Брат, ты видишь мою болезнь, я уже без сил, и нет у меня детей. Тебе, моему брату, я даю землю свою всю и все города после моей смерти. И даю все это тебе при царе и его советниках». Мстислав поклонился до земли брату своему Владимиру.

И послал Владимир к брату своему Льву и к племяннику Юрию с такими словами: «Вот, сообщаю вам, что я дал брату моему Мстиславу свою землю и города». Лев же сказал Владимиру: «Ты и так мне дал достаточно. Чего мне добиваться у него после твоей смерти? Мы все под Богом ходим. Дай Бог мне со своим справиться в наше время!»

А затем послал Мстислав к брату Льву и к племяннику своему так сказать: «Вот брат мой Владимир дал мне всю землю свою и города. А ты чего захочешь? Чего ты станешь добиваться у меня после смерти брата твоего и моего — если тебе нужны цари, вот царь, а вот я. Говори со мной, чего ты захочешь?» Лев же ничего на эти слова не сказал.

Потом Телебуга пошел в Ляшскую землю и Алгуй с ним и все князья, а Владимира вернули назад, потому что всем было жалко смотреть на него и видеть, как он болен. Приехал Владимир, и обрадовались все люди, видя своего господина, приехавшего в целости и сохранности. Он пробыл немного дней во Владимире и стал говорить княгине своей и боярам: «Хотел бы я уехать в Любомль, потому что нет у меня дел с погаными, я человек больной, не могу я с ними разговаривать. Они меня проняли уже до печени. Вот вместо меня епископ Марк». И поехал он в Любомль с княгиней и со слугами своими придворными. А из Любомля поехал в Берестье и, пробыв в Берестье два дня, поехал в Каменец. И тут, в Каменце, он лежал в болезни своей, и сказал он княгине своей и слугам: «Как только уйдет эта погань из нашей земли, тогда поедем в Любомль».

Через несколько дней приехали к нему в Каменец его слуги, те, которые были с татарами на войне в Ляшской земле. Владимир стал расспрашивать их о Телебуге, ушел ли он из земли Ляшской. Они же сказали: «Ушел». «А брат мой Лев, и Мстислав, и племянник мой — здоровы ли они?» Они же сказали: «Господин, все в добром здравии — и бояре, и слуги». Владимир поблагодарил Бога за это. А о Мстиславе сказали, что он пошел с Телебугой на Львов. Тогда же ему сказали: «Брат твой дает город Всеволож боярам и села раздает». Сильно рассердился Владимир на брата своего и стал говорить: «Вот я лежу в болезни, а брат мой прибавил мне болезни еще больше. Я еще жив, а он раздает мои города и села мои. Мог бы раздавать и после моей смерти!»

И послал Владимир посла своего с жалобой к брату своему Мстиславу, сказать: «Брат, ты ведь меня на войне не захватил, и в плен меня не взял, и из городов моих не выбил, придя на меня с войском. Почему же ты так поступаешь со мною? Ты мне брат, а другой мой брат — Лев, а племянник мне — Юрий, я же из вас троих выбрал тебя одного и отдал тебе всю свою землю и все города после моей смерти, а при моей жизни не вмешивайся ни во что. Я так поступил из-за гордыни брата своего и племянника своего — отдал тебе землю свою».

А Мстислав ответил брату своему: «Господин,— скажи,— брат, земля Божья и твоя, города твои, и я над ними не волен. Но я в твоей воле, и дай мне Бог иметь тебя вместо отца себе и служить тебе со всей правдой, до самой моей смерти,— лишь бы ты был, господин, здоров, большая мне надежда на тебя — так скажи». И приехал к Владимиру посол Мстислава в Каменец, и сказал ему речь Мстислава. И была Владимиру люба эта речь.

Потом поехал Владимир из Каменца в Рай. Когда он был там, стал говорить он княгине своей: «Хочу послать за братом моим Мстиславом и составить с ним договор о земле моей и городах, и о тебе, княгиня моя милая Ольга, и об этой девочке Изяславе, которую я любил, как свою родную дочь. Бог не дал мне иметь своих детей за мои грехи, но она для меня — будто рожденная моей женою,— ведь я взял ее в пеленках у ее матери и воспитал».

И послал он к брату епископа своего владимирского Евсигния, а с ним Борка и Оловянца такими словами сказать ему: «Брат, приезжай ко мне. Хочу с тобой составить договор обо всем». Мстислав приехал к нему в Рай со своими боярами и слугами, и с ним епископ Владимирский, и Борко и Оловянец. Мстислав остановился на подворье, и сказали Владимиру его слуги: «Твой брат приехал». А он лежал в болезни своей, и когда услышал о приезде брата, поднялся с постели,

сел и послал за братом. Тот пришел к нему и поклонился ему. Владимир стал расспрашивать его о Телебуге, как все было в Ляшской земле и куда он оттуда пошел. Он рассказал ему все по порядку и о многом еще рассказал ему.

А потом Мстислав пошел на подворье. Владимир же послал к нему епископа своего с Борком и Оловянцем, чтобы сказать: «Брат мой, я затем призвал тебя, что хочу с тобой заключить договор о земле и городах, и о княгине моей, и об этом ребенке. Хочу написать грамоты». Мстислав же сказал епископу брата своего: «Господин,— скажи,— брат мой, разве я хотел того, чтобы добиваться твоей земли после твой смерти? Этого в сердце моем не было. Но сказал ты об этом в Ляшской земле, когда мы были с Телебугой и Алгуем, и брат мой Лев тут был, и племянник мой Юрий. Ты же, господин, брат мой, прислал ко мне, говоря так: “Мстислав, даю тебе землю свою всю и города после моей смерти”».

Сказал Мстислав епископу брата своего: «Господин,— скажи брату,— как будет угодно Богу и тебе. Если хочешь грамоты писать, то Божия воля и твоя». Когда епископ пришел от Мстислава и пересказал речь брата, Владимир велел писцу своему Федорцу писать грамоты.

Рукописание князя Владимира. «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, молитвами святой Богородицы и приснодевы Марии и святых ангелов. Вот я, князь Владимир, сын Васильков, внук Романов, даю землю свою всю и города после моей смерти брату своему Мстиславу и стольный город свой Владимир. Другую же грамоту написал я брату своему такую же, хочу еще и княгине своей написать такую грамоту. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, молитвами святой Богородицы и приснодевы Марии, святых ангелов. Вот я, князь Владимир, сын Васильков, внук Романов, пишу грамоту. Дал я своей княгине после своей смерти город свой Кобрин, с людьми и данью. Как при мне платили дань, пусть так же после меня платят моей княгине. А что я ей дал село свое Городел с податью — то пусть люди как на меня работали, так и на мою княгиню после моей смерти. А если будет князь город строить, то они пусть останутся к городу и платят поборы и татарскую дань князю. А еще дал ей, моей княгине, Садовое, и Сомино, и монастырь свой Апостолов, который я сам создал, село Березовичи купил у Юрьевича, у Федорка Давыдовича и дал за него пятьдесят гривен кун, и пять локтей скарлата, и латы пластинчатые — и дал то село монастырю Апостолов. А княгиня моя после моей смерти, если захочет пойти в монахини, то пойдет, а если не захочет — пусть как ей нравится. Мне не смотреть, встав из гроба, кто что будет делать после моей смерти».

После этого Владимир послал к брату так сказать: «Брат мой Мстислав, целуй мне крест, что ты не отнимешь у моей княгини ничего из того, что я ей дал, после моей смерти, и у этого ребенка Изяславы, и что не отдашь ее насильно замуж ни за кого, а только туда, куда будет княгине моей угодно, туда ее и отдавай». Мстислав же сказал: «Господин,—скажи,—брат, не дай мне Бог того, чтобы мне отнять что-то после твоей смерти у твоей княгини и у этого ребенка, но дай мне Бог, чтобы невестка моя была мне как достойная мать и чтобы я почитал ее. А про это дитя, раз ты так говоришь, то, если Бог ее к этому приведет, то дай мне Бог выдать ее замуж как свою родную дочь». И на том целовал крест.

Все это происходило на Федоровой неделе. Заключив договор с братом, Мстислав поехал во Владимир. Приехав во Владимир, пошел в епископию, в церковь святой Богородицы, созвал владимирских бояр своего брата и местных жителей, русских и иноземцев, и велел перед всеми читать братову грамоту о том, что он отдает землю и все города, и стольный город Владимир, и слышали все от мала до велика. Епископ владимирский Евсигний благословил крестом воздвизальным Мстислава на княжение владимирское. Он хотел уже княжить во Владимире, но брат ему не позволил, так говоря: «Ты бы мог до моей смерти подождать княжить». Мстислав же, пробыв несколько дней во Владимире, поехал в свои города: в Луцк и Дубен и в другие, о которых я не писал.

Владимир же переехал из Рая в Любомль и тут лежал всю зиму в своей болезни, рассылая слуг своих на охоту. Сам он был когда-то охотником добрым и храбрым: при охоте на вепря и на медведя он не ждал, чтобы слуги пришли ему на помощь, а сам быстро убивал всякого зверя. Тем и был он известен по всей земле, потому что за его добро и правду Бог дал ему удачу не в одной только охоте, но и во всем. Но мы к прежнему вернемся.

Когда настало лето, услышал князь Кондрат Семовитович, брат Владимира, что тот отдал всю землю свою и города, прислал к Владимиру своего посла сказато так: «Господин, брат мой! Ты же был мне вместо отца. Пока ты держал меня под покровительством по своей милости, я, благодаря тебе, господин, княжил и держал свои города, от братьев отделился и был грозен. А теперь, господин, слышал я, что ты отдал свою землю всю и города брату своему Мстиславу, а я надеюсь на Бога и на тебя, чтобы ты послал, господин мой, своего посла вместе с моим послом к брату своему Мстиславу, чтобы, господин, меня по твоей милости принял брат твой под свое покровительство и стоял бы за меня в мою обиду, так же как и ты, господин мой, стоял за меня в моих обидах».

Владимир послал посла к брату своему Мстиславу так сказать: «Брат мой, ты сам знаешь, что за брата был мне Кондрат, как я его чтил и одаривал и стоял за него в обиде как за себя. Вот бы ты также, ради меня, принял бы его с любовью под свое покровительство и стоял бы за него, когда он в беде». Мстислав обещал Владимиру так сделать, говоря: «Брат мой, ради тебя принимаю его с любовью под свое покровительство, и дай мне Бог, если его обидят, сложить свою голову за него». А затем прислал Мстислав к Владимиру сказать ему так: «Я бы хотел встретиться с Кондратом и жду указания от Бога и от тебя, как ты мне велишь». Владимир же сказал: «Встреться с ним». Мстислав послал своего посла к Кондрату сказать: «Хочу с тобой встретиться, приезжай ко мне». И приехал посол Мстислава, передал речь Мстислава Владимиру. И очень он обрадовался этому.

После этого Кондрат поехал к Мстиславу. И приехал он в Берестье, а затем — в Любомль. Поведали о том Владимиру его слуги, говоря: «Господин, брат твой приехал, Кондрат». Он велел ему прийти к себе. Кондрат же пришел к Владимиру, когда он лежал в своей болезни, сильно страдая. И, войдя, он поклонился и горько заплакал, видя его болезнь и страдание его прекрасного тела. Поговорив с братом о многих вещах, о чем мы раньше писали, он ушел на подворье. Владимир прислал ему своего доброго коня. Пообедав, Кондрат поехал во Владимир, из Владимира поехал в Луцк.

Когда он прибыл в Луцк, Мстислава там не было, он был близ города в некоем месте, называемом Гай. Это место было красиво и застроено различными постройками. Там была удивительная церковь, красотой сияющая. Поэтому князю нравилось там бывать. И поехал Кондрат из Луцка в Гай. Мстислав встретил его со своими боярами и слугами и принял с честью и с любовью под свое покровительство, по слову брата своего Владимира, так говоря: «Каким ты был моему брату, дай мне Бог, чтобы мне был таким же; как он тебе оказывал честь и одарял, так и я буду почитать тебя, одарять и заступаться за тебя в твоей обиде». После этого они стали пировать. Мстислав, одарив Кондрата красивыми конями в дивных седлах, дорогими одеждами и дав много других подарков, отпустил его с честью.

После отъезда Кондрата из Любомля прискакал лях Яртак из Люблина. И сказали Владимиру: «Яртак приехал». Он не велел приводить его к себе, но сказал княгине своей: «Расспроси его, с чем он приехал». Княгиня послала за ним. Он скоро пришел. И стала она спрашивать: «Князь говорит тебе — поведай, с чем приехал». Он стал говорить: «Князь Лестько умер». Князь Владимир, жалея о нем, расплакался. «А прислали меня люблинцы, они хотят, чтобы князь Кондрат княжил в

Кракове. Хочу поскорее найти Кондрата. Где он?» Княгиня, войдя к Владимиру, поведала ему речь Яртака. Владимир велел дать ему коня, потому что его кони устали. И он быстро поскакал.

Найдя Кондрата во Владимире, он начал говорить ему: «Князь Лестько умер, а меня прислали люблинцы. Приезжай княжить к нам в Краков». Кондрат возвеселился сердцем и возрадовался душой о княжении краковском. И быстро поехал, и приехал в Любомль, желая посоветоваться с братом Владимиром об этом, чтобы он ему что-нибудь подсказал. Владимир же не велел ему к себе приходить, а сказал княгине своей: «Пойди, поговори с ним и отправь его, пусть едет прочь, у меня нечего ему делать». Княгиня, вернувшись, поведала речь Кондрата: «Господин, брат твой говорит — пошли со мною своего Дуная, чтобы мне была честь».

И он быстро поехал в Люблин.

Когда он приехал в Люблин, ляхи заперли город и не пустили к себе Кондрата. И остановился Кондрат на горе у монахов. И послал к горожанам так сказать: «Зачем вы меня привели, а теперь город передо мною затворили?» Горожане же сказали: «Мы тебя не приводили и за тобой не посылали, а нам голова — Краков, там наши воеводы и великие бояре. Если будешь княжить в Кракове, тогда мы все готовы быть твоими».

Затем Кондрату сказали: «Рать идет к городу». Они подумали, что это литовская рать, и устрашились. И убежал Кондрат в башню к монахам вместе со своими боярами и слугами, и с ним Дунай, воевода князя Владимира. А когда рать пришла к городу, они узнали, что это русская рать. Кондрат спросил у воинов: «Кто воевода этой рати?» Они сказали: «Князь Юрий Львович. Хочет он добыть себе Люблин и земли люблинские».

И приехал Юрий к городу. Горожане не сдали ему город, но стали готовиться усиленно к бою. Юрий же понял их обман.Они сказали: «Князь, ты лихо ездишь, с тобою маленькое войско. Придет много ляхов — будет тебе великий позор». Юрий же, услышав такие слова от них, распустил свою дружину разорять землю, и они взяли много пленников, и пожгли хлеба и села, и ничего не осталось даже в лесах, все было пожжено воинами. И так он вернулся к себе с множеством пленников, с челядью, скотом и конями.

А Кондрат поехал к себе, покрытый великим позором — лучше бы ему не жить.

Потом была великая смута в Ляшской земле.

В год 6796 (1288). Прислал Юрий Львович своего посла к дяде своему князю Владимиру сказать ему: «Господин, дядя мой, ведает Бог и ты, как я служил тебе со всей правдой моею и считал тебя отцом себе. Ты бы пожалел меня за мою службу! А сейчас, господин, мой отец объявил мне, что отнимает у меня города, которые мне дал: Белз, Нервен и Холм. А мне велит княжить в Дорогичине и в Мельнике. Бью челом Богу и тебе, дяде моему,— дай мне, господин, Берестье, это бы восполнило мои владения». Владимир же сказал послу: «Племянник,— скажи,— не дам. Ведаешь сам, что я не двуличен и никогда не лгал, и знает Бог и вся вселенная, что я не могу нарушить договор, который заключил с братом своим Мстиславом. Я дал ему всю землю свою и города и написал грамоты». С такими словами он отправил посла племянника своего.

После этого послал Владимир слугу своего, доброго и верного, по имени Ратьша, к брату своему Мстиславу так сказать: «Скажи брату моему: прислал ко мне племянник мой Юрий просить у меня Берестье, и я не дал ему ни города, ни села, и ты не давай ничего». И, взяв соломы из постели своей в руку, сказал: «Если бы я тебе,— скажи,— брат мой, дал этот клок соломы, и того не давай после смерти моей никому». Ратьша нашел Мстислава в Стожке и сказал ему слова брата его. Мстислав отдал поклон на слова брата своего и сказал: «Ведь ты мне брат, ты мне отец, как король Даниил, потому что ты принял меня под свое покровительство. Что ты мне велишь, господин, я с радостью тебя послушаюсь». Ратьшу он, одарив, отпустил, и тот, приехав, рассказал все по порядку Владимиру.

Прислал потом Лев к Владимиру своего епископа перемышльского по имени Мемнон. Слуги его сказали Владимиру: «Господин, приехал владыка». Он же сказал: «Какой владыка?» Они же сказали: «Перемышльский. Он приехал от твоего брата Льва». Владимир же знал все прежде случившееся и понимал, зачем приехал епископ, и он послал за ним. Тот вошел к нему и поклонился до земли, говоря: «Брат тебе кланяется». Князь велел ему сесть, и тот стал исполнять посольство свое: «Брат твой, господин, говорит: твой дядя король Даниил, мой отец, лежит в Холме в храме святой Богородицы, и сыновья его, твои и мои братья, Роман и Шварн; всех их кости там лежат. А

сейчас, брат, мы узнали про твою тяжкую болезнь. А чтобы не погасла свеча, брат мой, над гробом твоего дяди и братьев твоих — дать бы тебе город твой Берестье,— то была бы и твоя свеча». Владимир понимал притчи и иносказания, и он говорил с епископом по-книжному, потому что он был многоразумный книжник и философ, какого не было на всей земле и после него не будет. И он сказал епископу: «Скажи князю Льву: “Брат! Ты что, думаешь, что я безумец и не пойму твоей хитрости? Неужели тебе мало,— скажи,— своей земли, что ты хочешь Берестье? А сам держишь три княжества: Галичское, Перемышльское и Белзское! И все ты не сыт! А еще,— скажи — мой отец и твой дядя лежит в епископии Владимирской в храме святой Богородицы, а много ли ты над ним свечей поставил? Дал ли ты какой-то город, чтобы была свеча? Добро бы,— скажи,— ты для живых просил, так ты уже для мертвых просишь! Не дам тебе,— говорю,— не только города, но и села не возьмешь у меня. Я понимаю твою хитрость. Не дам”». И Владимир, одарив владыку, отпустил его, будто бы никто у него и не был.

Великий князь Владимир Василькович лежал в болезни четыре года, и о его болезни так расскажем.

Стала у него гнить нижняя губа; в первый год немного, а на другой и на третий стала больше гнить, хотя он еще не был сильно болен, а ходил и ездил на коне.

И раздал он свое имущество нищим: все золото и серебро и драгоценные камни, и золотые и серебряные пояса своего отца, и все свое, что он приобрел после своего отца, все роздал. Большие серебряные блюда и кубки золотые и серебряные он сам перед своими глазами разбил и перелил на гривны. Большие золотые мониста своей бабки и своей матери он все перелил на монеты и разослал милостыню по всей земле, и стада раздал бедным людям, у кого нет коней, и тем, у кого погибли кони в войне с Телебугой.

К тому же кто расскажет о твоих многих и щедрых милостынях и удивительной щедрости, которую проявил ты к убогим, к сиротам, к больным, к вдовам, к голодающим? Он всем оказал милость, нуждающимся в милости. Ведь услышал он глас Господень к Навуходоносору-царю: «Совет мой да будет тебе угоден, и пусть неправда твоя исправится щедротами к нищим». Слышав этот глас, ты, достойный почитания, делом выполнил слышанное: просящим давал, нагих одевал, жаждущих и алчущих насыщал, болеющим всякое утешение посылал, должников выкупал. Твои щедроты и милостыня и ныне людьми вспоминаются и особенно перед Богом и ангелами его. Ради этой угодной Богу милостыни ты имеешь многое дерзновение

перед Богом, как истинный раб Христов. Помогает мне словами сказавший: «Милость хвалится на суде, милостыня мужа как печать с ним». Вернее же этого самого Господа слова: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». И еще другое верное и ясное свидетельство о тебе из Священного писания, сказанное Иаковом-апостолом: «Отвративший грешника от ложного пути, и душу спасает, и покрывает множество грехов». А ты многие церкви Христовы поставил, и служителей Христовых ввел, ты, подобный Великому Константину, равный ему умом и любовью к Христу, столь же почитаемый, за служение Христу: Константин вместе со святыми отцами Никейского собора закон для людей установил, а ты, встречаясь часто с епископами и игуменами со многим смирением, много беседовал с ними по книгам о бытии этого тленного мира. Но мы на прежнее возвратимся.

Когда проходил четвертый год и настала зима, он стал болеть еще сильнее. И отпало у него мясо от подбородка, и все нижние зубы выгнили, и нижняя челюсть перегнила. Он был вторым Иовом. И вошел в церковь святого великомученика Христова Георгия, желая принять причастие у своего духовного отца. Он вошел в малый алтарь, где священники снимают свои ризы. Тут он всегда имел обыкновение становиться. Он сел на стул, потому что не мог стоять из-за болезни. И, воздев руки к небу, молился со слезами, говоря: «Владыко, Господи Боже мой, взгляни на немощь мою, охватившую меня сейчас, и узри смирение мое; надеясь на тебя, терплю все это. Благодарю тебя, Господи Боже,— и при жизни получил от тебя благо, разве не смогу претерпеть зло? Как угодно твоему могуществу, так и случилось. Ты смирил мою душу — так прими меня причастником во царствии твоем, по молитвам пречистой твоей Матери, пророков, апостолов, мучеников, всех преподобных святых отцов, так как и они пострадали, угождая тебе, были искушены дьяволом, как злато в горниле, и по их молитвам, Господи, причисли меня к избранному твоему стаду, к десным овцам». Вернувшись из церкви, слег он и потом больше уже не выходил. И еще больше стал терять силы. И отпало у него все мясо с подбородка, и челюсть перегнила, и была видна гортань. И не ел он после этого семь недель ничего, кроме одной воды, и то понемногу. А в четверг ночью он совсем обессилел и к пению петухов почувствовал в себе, что дух его изнемогает к исходу души, и, посмотрев на небо, он воздал хвалу Богу, говоря так: «Бессмертный Боже, хвала тебе за все! Ты царь всему! Ты один воистину подаешь всему живущему наслаждение твоим безмерным богатством. Ты, сотворивший мир сей, наблюдаешь, ожидая души, которые ты послал, чтобы проживших добрую жизнь наградить, как Бог, а тех, которые не покорились твоим заповедям, предать суду. Весь праведный суд от тебя, и жизнь бесконечная от тебя, благодатью своей ты милуешь всех, кто обращается к тебе». Кончив молитву и воздев руки к небу, он предал душу свою в руки Божий и присоединился к своим отцам и дедам, отдав общий долг, которого не избежать никому из рожденных. На рассвете в пятницу так скончался благоверный, христолюбивый великий князь Владимир, сын Василька, внук Романа, прокняжив после отца своего двадцать лет. Смерть его произошла в городе Любомле, в год 6797 (1289), месяца декабря в

десятый день, на память святого Мины. Княгиня его и служители придворные омыли его и обвили оксамитом с кружевами, как подобает царям, и положили его на сани, и повезли во Владимир. Горожане от мала до велика, мужчины, женщины и дети, с плачем великим проводили своего господина.

Привезли его во Владимир, в епископию, в храм святой Богородицы, и так поставили его в санях в церкви, потому что было поздно. В тот же вечер по всему городу узнали про смерть князя.

На другой день, после того, как пропели заутреню, пришла княгиня его, и сестра его Ольга, и княгиня Елена, обе монахини, с плачем великим пришли они, и весь город сошелся, бояре, старые и молодые, все плакали над ним. А епископ владимирский Евсигний и все игумены, и игумен печерский Агапит, и священники всего города совершили над ним обряд отпевания, и проводили его с благопохвальными песнопениями и с кадилами благоухающими, и положили его тело в отцовской гробнице, и плакали по нем владимирцы, вспоминая его добросердие к себе. Больше всех плакали по нем слуги, слезами заливаясь, сослужили ему последнюю службу, обрядив его и положив его в гроб месяца декабря в одиннадцатый день, на память святого Даниила Столпника, в субботу.

Княгиня его непрестанно плакала, стоя у гроба, изливая слезы, как воду, и так она причитала, говоря: «О царь мой благой, кроткий, смиренный, правдивый! Справедливо было дано тебе при крещении имя Иоанн — ты был добродетелью подобен ему. Много досаждений принял ты от твоих родственников. Но я не видела, чтобы ты, господин мой, им противился — не воздавал ты за зло никаким злом, но все предоставлял Богу».

Провожая его, более всего плакали о нем знатные люди владимирские, говоря: «Добрый наш господин, нам бы умереть с тобой, давшим нам такую же свободу, как и дед твой Роман, который освободил нас от всех обид; ты же, господин, ему подражал и последовал по пути деда своего. А сейчас, господин, мы не можем тебя видеть, уже солнце зашло для нас, и мы остались в горе».

И так плакало над ним все множество владимирцев: мужчины, и женщины, и дети, иноземцы, сурожцы, новгородцы, иудеи, которые плакали, как во время взятия Иерусалима, когда их вели в Вавилонский плен, нищие, и убогие, и монахи. Он был милостив ко всем неимущим.

Сей благоверный князь Владимир был высок ростом, широк плечами, красив лицом, волосы у него были русые, кудрявые, бороду он стриг, руки и ноги у него были красивые, голос низкий, нижняя губа толстая. Он разъяснял книжное писание, потому что был он большой философ. И был он искусный и храбрый охотник; кроткий, смиренный, незлобивый, правдивый, не лихоимец, не прибегал он ко лжи и ненавидел воровство, никогда не пьянствовал. С любовью относился ко всем, особенно к своим братьям, в крестном же целовании тверд был по правде истинной, нелицемерной; исполненный страха Божия, он более всего любил творить милостыню, монастыри поддерживал, утешая монахов, и всех игуменов принимал с любовью. Он построил много монастырей, на все церковное устройство и на всех служителей церкви открыл Бог ему глаза и сердце; не помрачил он ума своего пьянством, кормильцем был монахам и монахиням, и убогим, и всякому сословию был как возлюбленный отец. Более же всего он проявлял милосердие в милостыне, слыша, что Господь говорит: «Что вы сделаете для моей братии меньшей, то и для меня сделаете». И Давид говорит: «Блажен муж, который милует и дает каждый день; надеясь на Бога, не споткнется». Мужество и ум в нем жили, правда и истина с ним ходили, и много других добродетелей у него было, а гордыни у него не было, потому что гордыня порицается Богом и людьми; лицо его всегда выражало смирение, с сокрушенным сердцем возносил он воздыхания из сердца и слезы изливал из очей, подражая Давиду в покаянии, плакал он о грехах своих, нетленное возлюбил он более, чем тленное, царство небесное больше, чем временное, царство со святыми у Бога Вседержителя более преходящего царства земного. Зато чести быть участником на небесах тебя Господь удостоил за твое благоверие, которое имел ты в своей жизни; добрый свидетель твоего благоверия — обитель святая, церковь святой Богородицы Марии, которую создал прадед твой по православному обычаю, и где лежит мужественное твое тело, ожидая трубы архангела. Верный свидетель — брат твой Мстислав, которого Господь сделал после тебя наследником твоей власти,— он не разрушает твоих установлений, но утверждает их; не умаляет того, что было заложено по твоей доброй вере, но прибавляет к этому; он не казнит, но исправляет, он завершает не законченное тобой, как Соломон завершил не законченное Давидом — построил своей мудростью светлый и великий дом Божий, на освящение и очищение твоему городу, и всяким украшением его украсил, золотом, серебром, драгоценными камнями, священными сосудами; этой церкви дивятся, и славится она во всех окружающих странах, и другой такой не найдется по всей северной земле от востока до запада. А твой славный город Владимир, величием, как венцом, украшенный! Ты вверил людей твоих и весь город святой преславной Богородице, скорой помощнице христианам; да будет городу словно приветствие архангела к Богородице. К ней было: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!», а к городу — «Радуйся, благоверный граде, Господь с тобою!»

Встань из гроба твоего, честная глава, встань, стряхни сон,— ты ведь не умер, ты спишь — до воскресения всех. Встань, ведь ты не умер! Нельзя тебе умереть, тебе, правильно веровавшему во Христа, подателя жизни всему миру. Отряхни сон! Подними глаза, и ты увидишь, какой чести Господь тебя удостоил! И на земле он оставил тебя не без памяти — в твоем брате Мстиславе. Встань, посмотри на брата своего, украшающего престол твоей земли, да насытишься созерцанием лица его! Молись о земле брата твоего, которую ты ему передал, и о людях, над которыми ты благоверно владычествовал, чтобы сохраниться им в мире и благоверии, чтобы прославилось в стране твоей православие, и да сохранит Господь Бог от всякой войны, захвата врагом, от голода, нашествия иноплеменников и междоусобной войны. Горячее всего помолись о брате своем Мстиславе, который добрыми делами без соблазна среди вверенных ему Богом людей установил порядок — чтобы ему встать вместе с тобой непостыдно перед престолом Вседержителя Бога, и за то, что он понес тяготы управления людьми, принять ему венец славы и нетления со всеми праведными. Аминь.

Взгляни и на благоверную свою княгиню, как хранит она добрую веру по твоему завету, как почитает имя твое. Знает она, что если не телом, то духом показывает тебе Господь все это — что твой благочестивый посев не иссушен зноем неверия, но дождем Божьей помощи принес добрые плоды.

Радуйся, учитель наш и наставник благочестия! Ты облекся в правду, препоясался твердостью и милостью, как гривной, золотым украшением, украсясь истиной,ты обвит и разумом увенчан! Ты был, о достойный почитания, нагим — одежда, алчущим — пища и жаждущим — утоление; вдовам — помощник, странникам — успокоитель; защита — не имеющим защиты, обиженным — заступник, бедным — обогащение, путешественникам — приют, и по другим твоим добрым делам получаешь ты на небесах все то благо, которое приготовил Бог любящим Отца и Сына и Святого Духа.

Князь Владимир за годы княжения своего многие города построил после отца своего. Построил он Берестье, а за Берестьем построил город на пустом месте, названном Лестне, и дал ему имя Каменец, потому что земля была каменистая. В нем он построил каменную башню высотой в семнадцать саженей, достойную удивления всех, кто ее видит. И поставил церковь Благовещенья святой Богородицы, и украсил ее иконами золотыми, и сковал серебряные сосуды служебные, и положил в ней Евангелие-апракос, окованное серебром, и Апостол-апракос, и паремийник, и Соборник отца своего, и крест воздвизальный вложил. Также и в Бельске церковь снабдил иконами и книгами. Во Владимире он расписал всю церквь святого Димитрия, сковал сосуды служебные серебряные и икону пресвятой Богородицы оковал серебром

с камением драгим, и завесами, шитыми золотом, и другими — оксамитными с дробницею, и всякими украшениями он украсил эту икону. В епископии же, в церкви святой Богородицы, он большой образ Спаса оковал серебром, и Евангелие, списав, оковал серебром и дал в церковь святой Богородицы, к Апостол списал апракос и в церковь святой Богородицы дал, и сосуды служебные жженого золота с драгоценными камнями дал в церковь святой Богородицы. Образ Спаса, окованный золотом с драгоценными камнями, поставил в церкви святой Богородицы в память о себе. В монастырь свой святых Апостолов он дал Евангелие-апракос и Апостол, им самим переписанные, и Соборник великий отца своего тут положил, и крест воздвизальный, и молитвенник дал. В епископию Перемышльскую дал Евангелие-апракос, окованное серебром с жемчугом, которое он сам когда-то переписал. А в Чернигов в епископию он послал Евангелие-апракос, писанное золотом, окованное серебром с жемчугом, посредине же его образ Спаса, в финифти. В Луцкую епископию дал большой серебряный позолоченный крест с частицей животворящего древа.

Построил он и многие церкви. В Любомле он поставил церковь каменную святого великомученика Христова Георгия и украсил ее иконами окованными, и сосуды церковные серебряные сковал, и воздухи оксамитные, шитые золотом с жемчугом, и на них херувимы и серафимы и индития вышиты золотом все, а другие из белой парчи, и на малый алтарь обе индитьи из белой паволоки, Евангелие-апракос написал, оковал его золотом и драгоценными камнями с жемчугом и деисус на нем кованный золотом, украшения большие с финифтью, замечательные на вид, а другое Евангелие-апракос, обтянутое оловиром, и на него возложено украшение с финифтью, а на нем изображение святых мучеников Бориса и Глеба. Апостол-апракос, Пролог списал на двенадцать месяцев, изложение жития святых отцов и деяния святых мучеников, как они увенчались за свою кровь, пролитую за Христа, и двенадцать миней списал, и триоди, и октоихи, и ирмологии. Списал он и служебник святому Георгию, и молитвы вечерние и утренние списал помимо молитвенника. Молитвенник же купил у протопопицы, дав за него восемь гривен кун, и дал его в церковь святого Георгия, а еще кадильницы две, одна серебряная, а другая медная, и крест воздвизальный дал в церковь святого Георгия, и икону наместную святого Георгия списал на золоте, и гривну золотую возложил на нее с жемчугом, и написал образ святой Богородицы наместный, на золоте, и на нее возложил золотое монисто с драгоценными камнями; и двери отлил медные; он начал расписывать храм, и расписал все три алтаря, и весь барабан был расписан, но не окончен, потому что помешала болезнь.

Отлил он и колокола удивительного звучания, каких не было по всей земле. А в Берестье он поставил башню каменную, такую же высокую, как в Каменце. Поставил и церковь святого Петра, и Евангелие-апракос, окованное серебром, дал и церковные сосуды кованые серебряные, и

кадильницы серебряные, и крест воздвизальный тут положил. И иные многие добрые дела совершил он в своей жизни, которые известны по всем землям. Тут мы окончим рассказ о княжении Владимира.

Когда этот благоверный князь Владимир, названный во святом крещении Иоанн, сын Василька, был положен в гроб, лежало его тело в гробнице незамурованной от одиннадцатого дня месяца декабря до шестого дня месяца апреля. Княгиня его не смогла успокоиться, но, придя с епископом Евсигнием и со всем клиром и открывши гроб, они увидели тело его цело и бело, и благоухание исходило из гроба, запах, как от многоценных ароматов, и, такое чудо увидев, прославили они Бога. И замазали гроб его месяца апреля в шестой день, в среду на Страстной неделе.

Начало княжения во Владимире великого князя Мстислава. В год 6797 (1289). Князь Мстислав не поспел на погребение тела брата своего Владимира, приехал после, со своими боярами и слугами, и он приехал в епископию в храм святой Богородицы, где положено было тело брата его Владимира, и плакал над гробом его великим плачем, как по своем отце короле.

И, кончив оплакивать, стал он посылать засады по всем городам. Хотел он послать в Берестье, и в Каменец, и в Бельск, но получил он известие, что уже есть засада князя Юрия и в Берестье, и в Каменце, и в Бельске. Потому что берестьяне учинили крамолу и, еще когда князь Владимир был болен, они поехали к князю Юрию и целовали крест, говоря: «Как только не станет твоего дяди, то мы твои и город твой, а ты наш князь».

Когда Владимир скончался и Юрий услышал это известие о дяде своем, он въехал в Берестье и стал в нем княжить, по совету своих безрассудных бояр молодых и крамольников-берестьян. Сказали Мстиславу бояре его и бояре его брата: «Господин, твой племянник покрыл тебя большим позором. Ведь это дано тебе Богом и твоим братом и по молитве деда твоего и отца твоего. Мы же, господин, готовы головы свои сложить за тебя, и дети наши. Пойди сперва займи его города Белз и Червен, а потом пойдешь в Берестье». Но князь Мстислав был мягок сердцем, и он сказал своим боярам: «Не дай мне Бог того сделать, чтобы пролить кровь неповинную, но я исполню все по Божьей воле и по благословению брата моего Владимира».

И он отправил послов к племяннику своему так сказать: «Племянник, разве ты не был в том походе и не слышал ничего? Но ведь ты сам все

хорошо слышал, и отец твой, и все войско слышало, что брат мой Владимир отдал мне всю свою землю и города после своей смерти, при царях и при их наместниках, и вам сказал, и я вам тоже сказал. Если ты чего-то хотел, почему не сказал мне тогда же, при царях? А скажи-ка мне: ты своей волей сел в Берестье или по повелению твоего отца, чтобы мне было известно. Не на мне будет та кровь, что прольется, а на виноватом, а правому Бог помощник и честной крест. Я хочу привести татар, а ты сиди. Если не поедешь добром, то злом поедешь оттуда».

Потом он послал епископа своего владимирского к брату своему Льву сказать ему: «Жалуюсь,— скажи,— Богу и тебе, потому что ты,— скажи, — мне старший брат перед Богом. Скажи мне, брат мой, правду: своей ли волей сын твой сел в Берестье или твоим повелением? Если он так поступил по твоему приказанию, то говорю тебе, брат мой, не тая: я послал призвать татар и сам готовлюсь к войне, и пусть меня Бог рассудит с вами, и не на мне будет та кровь, а на виноватом, на том, кто неправду учинил».

Лев очень этого испугался, потому что не сошла еще оскомина войны с Телебугой, и сказал он епископу брата своего: «Сын мой,— скажи,— поступил так без моего ведома, видит Бог, а своим молодым умом он так сделал, об этом,— скажи,— брат мой, не печалься,— я пошлю к нему: пусть едет сын мой вон из города». Епископ приехал к Мстиславу и поведал речь брата. Мстиславу это очень понравилось.

Потом Мстислав быстро послал гонца за Юрием, князем поросским, велел вернуть его назад, потому что он уже послал его призвать татар против своего племянника. Тогда Юрий Поросский служил Мстиславу, а раньше он служил Владимиру.

Услышав об этом, князь Лев послал своего дядьковича Семена к сыну своему с настойчивыми речами, говоря ему: «Уезжай из города, не погуби нашу землю: мой брат послал призвать татар. Если ты не уедешь прочь, то я буду помогать моему брату против тебя. А если я умру, то после смерти моей отдам всю землю свою брату своему Мстиславу, а тебе не отдам, потому что ты меня, отца своего, не слушаешься».

Когда Семен поехал к Юрию, Мстислав послал одновременно Павла Дионисиевича, потому что тот ездил ко Льву и знал о всех переговорах; послал с ним также своего духовного отца, сказав Павлу: «Если мой племянник поедет прочь, приготовь мне еду и питье, так же и в Каменце сделай».

Семен приехал к Юрию, сообщил ему слова отца, и наутро Юрий поехал из города с великим позором, пограбив все дома дяди своего, и не осталось камня на камне и в Берестье, и в Каменце, и в Бельске. Павел же сообщил Мстиславу: «Племянник твой уехал, и ты, господин, поезжай в свой город».

Мстислав поехал в Берестье. Когда он ехал к городу, встретили его горожане от мала до велика с крестами и приняли его с великою радостью, своего господина. А берестьяне, зачинщики крамолы, бежали вслед за Юрием в Дорогичин, ибо он им поклялся крестным целованием: «Не выдам вас моему дяде». Мстислав пробыл в Берестье немного времени и поехал в Каменец и в бельск, и рады были ему все люди. Он ободрил людей и оставил засаду в Бельске и Каменце.

И приехал он в Берестье и сказал боярам своим: «Есть ли здесь ловчее?» Они сказали: «Нет, господин, никогда не было». Мстислав сказал: «Я устанавливаю теперь на берестьян ловчее за их крамолу, чтобы мне не видеть пролития их крови». И велел писцу своему написать грамоту:

«Я, князь Мстислав, сын короля, внук Романа, устанавливаю ловчее на берестьян навсегда за их крамолу: с сотни по два лукна меду, и по две овцы, и по пятьдесят десятков льна, и по сту хлеба, и по пяти цебров овса, и по пяти цебров ржи, и по двадцати кур — по стольку со всякой сотни. А с горожан — четыре гривны кун, а кто мое слово нарушит, тот пусть станет со мной перед Богом. Я вписал в летопись их крамолу».

Князь Мстислав сел на столе брата своего Владимира в самый день Пасхк, месяца апреля в десятый день, и начал княжить после брата своего, прославясь справедливостью ко всем своим братьям, к боярам и к простым людям. И была радость великая тогда людям: вот Воскресение Господне, а вот князь вокняжился. Он держал мир с окрестными странами: с ляхами, с немцами и с литвой, владел всем пространством земли по пределы татарские, ляшские и литовские.

Тогда же литовский князь Будикид и брат его Будивид отдали князю Мстиславу свой город Волковыйск, чтобы он с ними сохранял мир.

Оставив отряд в Берестье, князь Мстислав поехал во Владимир. И когда он приехал во Владимир, к нему съехались бояре его, старые и молодые, бесчисленное множество. Тогда же приехал и князь Кондрат Семовитович к Мстиславу, прося себе помощи против ляхов, ибо он хотел захватить себе Сандомирское княжение. Мстислав обещал Кондрату помощь и, одарив его и его бояр, отпустил их, сказав: «Ты поезжай, а я пошлю войско вслед за тобой». Когда Кондрат уехал, Мстислав собрал свое войско и послал его, а воеводой назначил Чюдина. И так сел князь Кондрат на княжение в Сандоми-ре, благодаря Мстиславу, сыну короля, и с его помощью.

В год 6798 (1290). После Лестька княжил в Кракове Болеслав Семовитович, брат Кондрата. И пришел Индрих, князь Воротиславский, и изгнал его, желая княжить сам. Болеслав же собрал свою рать, и братьев своих Кондрата и Локотка, и пошли они против Индриха к Кракову. Индрих же не дождался их прихода и поехал прочь в Воротислав, а отряд свой оставил в Кракове: немцев, лучших своих людей, пообещав им богатые дары и земли, и привел их к крестоцелованию, что они не сдадут города Болеславу. Они целовали крест, говоря: «Мы можем головы свои за тебя сложить, а не сдадим город». Индрих оставил им большой запас пищи. Когда Болеслав пришел со своими братьями, он въехал в посад, а в кремль нельзя было ему въехать из-за ратников, потому что они отбивались крепко с помощью пороков и самострелов из города. Поэтому невозможно было приступить к городу. И стали они около города, объедая села, и однажды поехали в зажитье подальше от города, а местные жители не бились за Болеслава вместе с горожанами, говоря: «Кто сядет княжить в Кракове, тот и будет нашим князем». И так стояли они у города целый год, сражались у города, но ничего не смогли сделать.

В год 6799 (1291). Князь Лев, брат Мстислава, сын короля, внук Романа, сам пошел на помощь Болеславу. Когда он пришел к Кракову, очень обрадовались Болеслав, и Кондрат, и Локотко, как отцу своему обрадовались, потому что князь Лев был умен, храбр и силен на войне, и он показал свое немалое мужество во многих войнах.

И стал Лев ездить около городских стен, ища, откуда можно было бы взять город, и наводя страх на горожан, но ниоткуда нельзя было к нему подступиться, потому что весь город был построен из камня и сильно укреплен — были там пороки и самострелы коловоротные, великие и малые. После этого Лев поехал в свой стан.

А на другой день, встав, когда всходило солнце, пошел он к Тынцу, и бились они около него крепко, и едва города не взяли. Многие

горожане были перебиты ими, а другие ранены — а свои все целы были. И пришел Лев опять к Кракову, и велел воинам своим готовиться, желая идти сражаться к городу, и ляхам тоже велел. И пошли они все, и полезли под заборола, и бились те и другие очень крепко. И в то время пришла весть князю Льву, что идет против него большое войско. И велел он остановить бой. И стал он готовить свои полки, а Болеслав с Кондратом — свои полки, и послал сторожевой отряд, чтобы разузнать про неприятеля, но ничего не было. Это ляшские воеводы сами его устрашали, чтобы ему не взять города. Лев понял их обман, посоветовался со своими боярами и послал войско к Воротиславу, опустошить Индриховы земли. Они захватили бесчисленное множество челяди, скота, коней и товара, потому что никакая другая рать не входила так глубоко в его землю, и пришли они ко Льву с великой честью и множеством пленных. Лев очень радовался, что они все в добром здоровье и что много пленников.

Тогда же Лев поехал в Чешскую землю на встречу с королем, потому что было между ними полное согласие, и заключили они мир до самой своей смерти. Король одарил Льва всякими дорогими подарками и так отпустил его с большой честью, и поехал Лев к своим полкам. И рады были ему его бояре и слуги, увидев своего господина. А у города Кракова они ничего не добились. И пошел Лев к себе с великой честью, захватив бесчисленное множество пленных, челяди, скота, коней и всякого добра, славя Бога и его пречистую Матерь, которые ему помогали.

В тот же год. Вложил Бог в сердце князя Мстислава благую мысль, и создал он каменную часовню над могилой своей бабушки княгини Романовой в монастыре святого. Освятил он ее в честь праведных Иоакима и Анны и отслужил в ней службу.

В том же году он заложил каменную башню в городе Черторыйске.

В год 6800 (1292). Умер пинский князь Юрий, сын Владимира, кроткий, смиренный, справедливый. И оплакивали его княгиня его, и сыновья его, и брат его князь Демид, и все люди плакали по нем великим плачем.

В ту же зиму скончался Степанский князь Иван, сын Глеба. Плакали по нем все люди от мала до велика. И стал княжить вместо него сын его, Владимир.

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть о житии Александра Невского» в рукописях не имеет устойчивого названия и именуется «житием», «словом» или «повестью о житии». Это произведение представляет собою княжескую биографию, соединяющую в себе черты жития и воинской повести.

Составление «Жития Александра Невского» относят к 80-м гг. XIII в. и связывают с именами Дмитрия Александровича, сына Александра Невского, и митрополита Кирилла, с монастырем Рождества Богородицы во Владимире, где было погребено тело князя. Здесь в XIII в. начинается почитание князя как святого и возникает первая редакция его жития.

Автор жития, книжник из окружения митрополита Кирилла, называющий себя современником князя, свидетелем его жизни, по своим воспоминанням и рассказам соратников Александра Невского создает жизнеописание князя, прославляющее его воинские доблести и политические успехи. Составление полной биографии князя Александра не входило в задачи автора. Содержанием жития является краткое изложение основных, с точки зрения автора, эпизодов его жизни, которые позволяют воссоздать героический образ князя, сохранившийся в памяти современников: князя — воина, доблестного полководца и умного политика. Описания знаменитых побед Александра Невского в битве на Неве и на льду Чудского озера, его дипломатических отношений с Ордой и папой римским являются центральными эпизодами жития. Рассказ о деяниях князя отличается абстрагированностью. В житии нет ни одной годовой даты, автор почти не называет исторических имен, особенно это касается противников («король страны Римской из Полуночной земли» — шведский король; «сильный царь Восточной страны» — хан Батый; «римляне» — шведы; «жены моавитские» — жены татарские и др.); он не всегда точен в изложении событий. Повествование насыщено библейскими аналогиями, цитатами, литературными параллелями. Сравнения с Самсоном, Соломоном, Иосифом Прекрасным, Давидом, Езекией подчеркивают вечный, вневременный характер деятельности Александра, придают его деяниям величественность и монументальность. Автор постоянно напоминает о небесном покровительстве князю, стремясь показать, что «на таковые Бог призирает». Идея священности княжеской власти определяет особенности художественной структуры жизнеописания Александра Невского.

Текст «Жития Александра Невского» публикуется по одному (всего их 13) из древнейших списков, который датируется концом XV в. (*ГИМ*, Синодальное собр., № 154). Отсутствующие в этом списке рассказ о шести храбрецах и описание чуда за Ижорой внесены по тексту жития

в Лаврентьевской летописи (*РНБ*, F.IV.2); по этому же тексту исправляются явные ошибки списка, взятого за основной.

ОРИГИНАЛ

ПОВѢСТИ О ЖИТИИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВѢРНАГО И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

О Господѣ нашемь Исусе Христѣ, Сыне Божии.

Азъ худый и многогрѣшный, малосъмысля, покушаюся писати житие святаго князя Александра, сына Ярославля, а внука Всеволожа.[1] Понеже слышах от отець своихъ и самовидець есмь възраста его, радъ бых исповѣдалъ святое и честное и славное житие его. Но яко же Приточникъ[2] рече: «Въ злохытру душю не внидеть прѣмудрость: на вышнихъ бо краих есть, посреди стезь стояше, при вратѣх же силных присѣдит». Аще и грубъ есмь умомъ, но молитвою святыа Богородица и поспѣшениемь святаго князя Александра начатокъ положю.

Съй бѣ князь Александръ родися от отца милостилюбца и мужелюбца, паче же и кротка, князя великаго Ярослава и от матере Феодосии. Яко же рече Исайя пророк[3]: «Тако глаголеть Господь: Князя азъ учиняю, священни бо суть, и азъ вожю я». Воистинну бо без Божия повелѣния не бѣ княжение его.

Но и взоръ его паче инѣх человекъ, и глас его — акы труба в народѣ, лице же его — акы лице Иосифа,[4] иже бѣ поставилъ его египетьскый царь втораго царя въ Египтѣ, сила же бѣ его — часть от силы Самсоня,[5] и далъ бѣ ему Богъ премудрость Соломоню, храборъство же его — акы царя римскаго Еуспесиана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Иудейскую. Инѣгде исполчися къ граду Асафату[6] приступити, и исшедше гражане, побѣдиша плъкъ его. И остася единъ, и възврати к граду силу ихъ, къ вратом градным, и посмѣяся дружинѣ своей, и укори я, рекъ: «Остависте мя единого». Тако же и князь Александръ — побѣжая, а не побѣдимъ.

И сего ради нѣкто силенъ от Западныя страны,[7] иже нарицаются слугы Божия, от тѣх прииде, хотя видѣти дивный възрастъ его, яко же древле царица Южичьская[8] приходи к Соломону, хотящи слышати премудрости его. Тако и сей, именемъ Андрѣяшь,[9] видѣвъ князя Александра и, възвратився къ своимъ, рече: «Прошед страны, языкъ, не видѣх таковаго ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя».

Се же слышавъ король части Римьскыя от Полунощныя страны[10] таковое мужество князя Александра и помысли в собѣ: «Поиду и плѣню землю Александрову». И събра силу велику, и наполни корабля многы полковъ своих, подвижеся в силѣ тяжцѣ, пыхая духомъ ратным. И прииде в Неву, шатаяся безумиемь, и посла слы своя, загордѣвся, в Новъгородъ къ князю Александру, глаголя: «Аще можеши противитися мнѣ, то се есмь уже зде, плѣняя землю твою».

Александръ же, слышав словеса сии, разгорѣся сердцемъ, и вниде в церковъ святыя Софиа,[11] и, пад на колѣну пред олътаремъ, нача молитися съ слезами: «Боже хвалный, праведный, Боже великый, крѣпкый, Боже превѣчный, основавый *небо* и землю и положивы предѣлы языком, повелѣ жити не прѣступающе в чюжую часть». Въсприимъ же пророческую пѣснь, рече: «Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щитъ, стани в помощь мнѣ».[12]

И, скончавъ молитву, въставъ, поклонися архиепископу. Епископъ же бѣ тогда Спиридонъ,[13] благослови его и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утеръ слезы, нача крѣпити дружину свою, глаголя: «Не в силах Богъ, но въ правдѣ. Помянемъ Пѣснотворца,[14] иже рече: “Сии въ оружии, а си на конѣх, мы же во имя Господа Бога нашего призовемь, тии спяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом”».[15] Сии рѣк, поиде на нихъ в малѣ дружинѣ, не съждався съ многою силою своею, но уповая на Святую Троицу.

Жалостно же бѣ слышати, яко отець его, князь великый Ярославъ, не бѣ вѣдал таковаго въстания на сына своего, милаго Александра, ни оному бысть когда послати вѣсть къ отцю своему, уже бо ратнии приближишася. Тѣм же и мнози новгородци не совокупилися бѣшя, понеже ускори князь поити. И поиде на ня въ день въскресениа, иуля въ 15, имѣяше же вѣру велику къ святыма мученикома Борису к Глѣбу.

И бѣ нѣкто мужь старѣйшина в земли Ижерстей, именемъ Пелугий,[16] поручено же бысть ему стража нощная морская. Въсприя же святое крѣщение и живяше посреди рода своего, погана суща, наречено же бысть имя его въ святѣмъ крѣщении Филипъ, и живяше богоугодно, в среду и в пяток пребываше въ *алчбѣ*, тѣм же сподоби его Богъ видѣти видѣние страшно в тъй день. Скажемъ вкратцѣ.

Увѣдавъ силу ратных, иде противу князя Александра, да скажеть ему станы. Стоящю же ему при краи моря и стрежаше обою пути, и пребысть всю нощь въ бдѣнии. И яко же нача въсходити солнце, слыша шюмъ страшенъ по морю и видѣ насадъ[17] единъ гребущь по морю, и посреди насада стояща святая мученика Бориса и Глѣбъ въ одеждах чръвленых, и бѣста рукы дръжаща на рамѣх. Гребци же сѣдяху, акы мглою одѣани. Рече Борисъ: «Брате Глѣбе, вели грести, да поможемь сроднику своему князю Александру». Видѣв же таковое видѣние и слышавъ таковый глас от мученику, стояше трепетенъ, дондеже насадъ отиде от очию его.

Потомъ скоро поеде Александръ, *он же, видѣв князя Александра* радостныма очима, исповѣда ему единому видѣние. Князь же рече ему: «Сего не рци никому же».

Оттолѣ потщався наеха на ня въ 6 *час дне*, и бысть сѣча велика над римляны,[18] и изби их множество бесчислено, и самому королю възложи печать на лице острымь своимь копиемъ.

Здѣ же явишася 6 мужь храбрых с самѣм с ним ис полку его.

Единъ именем Гаврило Олексичь. Се наѣха на шнеку[19] *видѣв королевича, мча подъ руку, и възъѣха по досцѣ и до самогу коробля, по ней же хожаху с королевичем, иже текоша передъ ним, а самого, емше, свергоша и с конем в воду з доскы. И Божьею милостью невреженъ бысть, и пакы наѣха, и бися с самѣм воеводою середи полку ихъ.*

2 — именем Сбыславъ Якуновичь, новгородець. Се наѣха многажды на полкъ ихъ и бьяшется единѣм топоромъ, не имѣя страха въ души своей, и паде нѣколико от руку его, и подивишася силѣ и храбръству его.

3-и — Яковъ, родомъ полочанинъ, ловчий бѣ у князя. Се наѣха на полкъ с мечемъ, и похвали его князь.

4 — новгородець, именемь Мѣша. Се пѣшь натече на корабли и погуби 3 корабли з дружиною своею.

5-и — от молодыхъ его, именем Сава. Се въѣха в шатеръ великий королевъ золотоверхий и подъсѣче столпъ шатерный. Полци Олександрови, видѣвше шатра паденье, върадовашася.

6-и — от слугъ его, именем Ратмѣръ. Се бися пѣшь, и отсупиша и мнози. Он же от многых ранъ паде и тако скончася.

Си же вся слышах от господина своего великого князя Олександра и от инѣхъ, иже в то время обрѣтошася в той сѣчи.

*Бысть же в то время чюдо дивно, яко же во древьняя дни при Езекии цесари.**[20]** Еда приде Санахиримъ, асурийскый цесарь, на Иерусалимъ, хотя плѣнити град святый Ерусалимъ, внезапу изиде ангелъ Господень, изби и от полка асурийска 100 и 80 и 5 тысящь, и, въставше утро, обрѣтошася трупья мертвы вся. Тако же бысть при побѣдѣ Александровѣ, егда побѣди короля, об онъ полъ рѣкы Ижжеры, иде же не бѣ проходно полку Олександрову, здѣ обрѣтоша много множъство избьеных от ангела Господня.* [21] Останокъ же их побѣже, и трупиа мертвых своих наметаша корабля и потопиша в мори. Князь же Александръ возвратися с *побѣдою*, хваля и славя имя своего Творца.

Въ второе же лѣто по возвращении с побѣды князя Александра приидоша пакы от Западныя страны и возградиша град въ отечьствѣ Александровѣ.[22] Князь же Александръ воскорѣ иде и изверже град их из основания, а самых извѣша и овѣх с собою поведе, а инѣх, помиловавъ, отпусти, бѣ бо милостивъ паче мѣры.

По побѣдѣ же Александровѣ, яко же побѣди *короля*, в третий год, в зимнее время, поиде на землю немецкую в велицѣ силѣ, да не похвалятся, ркуще: «Укоримъ словеньскый языкъ ниже себе».

Уже бо бяше град Псков взят[23] и намѣстникы от немець посажени. Он же въскорѣ градъ Псковъ изгна и немець изсѣче, а инѣх повяза и град свободи от безбожных немецъ, а землю их повоева и пожже и полона взя бес числа, а овѣх иссече. Они же, гордии, совокупишася и рекоша: «Поидемъ и побѣдим Александра и имемъ его рукама».

Егда же приближишяся, и очютиша я стражие. Князь же Александръ оплъчися, и поидоша противу себе, и покриша озеро Чюдьское обои от множества вои. Отець же его Ярославъ прислалъ бѣ ему брата меньшаго Андрѣя на помощь въ множествѣ дружинѣ. Тако же и у князя Александра множество храбрых, яко же древле у Давыда царя силнии, крѣпции. Тако и мужи Александровы исполнишася духом ратнымъ, бяху бо сердца их, акы сердца лвомъ, и рѣшя: «О княже нашь честный! Нынѣ приспѣ врѣмя нам положити главы своя за тя». Князь же Александръ воздѣвъ руцѣ на небо и рече: «Суди ми, Боже, и разсу*ди* прю мою от языка непреподобна, и помози ми, Господи, яко же древле Моисию на Амалика и прадѣду нашему Ярославу на окааннаго Святополка».[24]

Бѣ же тогда субота, въсходящю солнцю, и съступишяся обои. И бысть сѣча зла,[25] и трусъ от копий ломления, и звукъ от сѣчения мечнаго, яко же и езеру померзъшю двигнутися, и не бѣ видѣти леду, покры бо ся кровию.

Се же слышах от самовидца, иже рече ми, яко видѣх полкъ Божий на въздусѣ, пришедши на помощь Александрови. И тако побѣди я помощию Божиею, и даша плеща своя, и сѣчахуть я, гоняще, аки по иаеру, и не бѣ камо утещи. Зде же прослави Богъ Александра пред всѣми полкы, яко же Исуса Наввина у Ерехона.[26] А иже рече, имемь Александра руками, сего дасть ему Богъ в руцѣ его. И не обрѣтеся противникъ ему въ брани никогда же. И возвратися князь Александръ с побѣдою славною, и бяше множество полоненых в полку его, и ведяхут босы подле коний, иже именують себе Божии ритори.

И яко же приближися князь къ граду Пскову, игумени же и попове и весь народ срѣтоша и пред градомъ съ кресты, подающе хвалу Богови и славу господину князю Александру, поюще пѣснь: «Пособивый, Господи, кроткому Давыду побѣдити иноплеменьникы и вѣрному князю нашему оружиемь крестным и свободи градъ Псков от иноязычникъ рукою Александровою».

И рече Александръ: «О невѣгласи псковичи! Аще сего забудете и до правнучатъ Александровых, и уподобитеся жидом, их же препита Господь в пустыни манною и крастелми печеными, и сихъ всѣх забыша и Бога своего, изведшаго я от работы изь Египта».

И нача слыти имя его по всѣмь странамъ, и до моря Хонужьскаго,[27] и до горъ Араратьскых, и об ону *страну* моря Варяжьскаго,[28] и до великаго Риму.

В то же время умножися языка литовьскаго и начаша пакостити волости Александрове. Он же выездя и избиваше я. Единою ключися ему выехати, и побѣди 7 ратий единѣмъ выездомъ и множество князей их изби, а овѣх рукама изыма, слугы же его, ругающеся, вязахуть их къ хвостомъ коней своихъ. И начаша оттолѣ блюсти имени его.

В то же время бѣ царь силенъ на Въсточнѣй странѣ,[29] иже бѣ ему Богъ покорилъ языкы многы, от въстока даже и до запада. Тъй же царь, слышавъ Александра тако славна и храбра, посла к нему послы и рече: «Александре, вѣси ли, яко Богъ покори ми многы языкы? Ты ли един не хощеши покорити ми ся? Но аще хощеши съблюсти землю свою, то приеди скоро къ мнѣ и видиши честь царства моего».

Князь же Александръ приидe в Володимеръ по умертвии отца своего в силѣ велицѣ. И бысть грозенъ приездъ его, и промчеся вѣсть его и до устья Волгы. И начаша жены моавитьскыя[30] полошати дѣти своя, ркуше: «Александръ едет!»

Съдумав же князь Александръ, и благослови его епископъ Кирилъ, и поиде к цареви въ Орду. И видѣвъ его царь Батый, и подивися, и рече велможамъ своимъ: «Истинну ми сказасте, яко нѣсть подобна сему князя». Почьстив же и честно, отпусти и.

По сем же разгнѣвася царь Батый на брата его меншаго Андрѣя и посла воеводу своего Неврюня[31] повоевати землю Суждальскую. По плѣнении же Неврюневѣ князь великый Александръ церкви въздвигну, грады испольни, люди распуженыа събра в домы своя. О таковых бо рече Исайа пророкъ[32]: «Князь благъ въ странах — тих, увѣтливъ, кротокъ, съмѣренъ, по образу Божию есть». Не внимая богатьства и не презря кровъ праведничю, сиротѣ и вдовици въправду судяи, милостилюбець, благъ домочадцемь своимъ и вънѣшнимъ от странъ приходящимь кормитель. На таковыя Богъ призирает, Богъ бо не аггеломъ любит, но человекомъ си щедря ущедряеть и показаеть на мирѣ милость свою.

Распространи же Богъ землю его богатьствомъ и славою, и удолъжи Богъ лѣт ему.

Нѣкогда же приидоша къ нему послы от папы из великого Рима,[33] ркуще: «Папа нашь тако глаголет: “Слышахом тя князя честна и дивна, и земля твоя велика. Сего ради прислахом к тобѣ от двоюнадесятъ кординалу два хытреша — Агалдада и Гѣмонта, да послушаеши учения ихъ о законѣ Божии”».

Князь же Александръ, здумавъ съ мудреци своими, въсписа к нему и рече: «Отъ Адама до потопа, от патопа до разделения языкъ, от разьмѣшениа языкъ до начяла Авраамля,[34] от Авраама до проитиа Иисраиля сквозе море,[35] от исхода сыновъ Иисраилевъ до умертвия Давыда царя, от начала царства Соломоня до Августа[36] и до Христова рожества, от рожества Христова до страсти и воскресения, от въскресения же его и на небеса възшествиа и до царства Константинова,[37] от начала царства Константинова до перваго збора и седмаго[38] — си вся добрѣ съвѣдаемь, а от вас учения не приемлем». Они же възвратишяся въсвояси.

И умножишяся дни живота его в велицѣ славѣ, бѣ бо иерѣелюбець и мьнихолюбець, и нищая любя, митрополита же и епископы чтяше и послушааше их, аки самого Христа.

Бѣ же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхут христианъ, веляще с собою воиньствовати. Князь же великый Александръ поиде к цареви, дабы отмолити людии от бѣды тоя.[39]

А сына своего Дмитрия посла на Западныя страны[40] и вся полъкы своя посла с нимъ и ближних своих домочадець, рекши к ним: «Служите сынови моему, акы самому мнѣ, всѣмь животомъ своимъ». Поиде князь Димитрий в силѣ велицѣ, и плѣни землю Нѣмецкую, и взя град Юрьевъ, и възвратися к Новугороду съ многымъ полоном и с великою корыстию.

Отець же его князь великый Александръ възвратися из Орды от царя, и доиде Новагорода Нижняго, и ту пребывъ мало здрав, и, дошед Городца, разболѣся. О горѣ тобѣ, бѣдный человече! Како можеши написати кончину господина своего! Како не упадета ти зѣници вкупѣ съ слезами. Како же не урвется сердце твое от корения! Отца бо оставити человекъ может, а добра господина не мощно оставити: аще бы лзѣ, и въ гробъ бы лѣзлъ с ним!

Пострада же Богови крѣпко, остави же земное царство и бысть мних, бѣ бо желание его паче мѣры аггельскаго образа. Сподоби же его Богъ и болший чин приати — скиму. И так Богови духъ свой предасть с миромъ месяца ноября въ 14 день, на память святаго апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилъ глаголаше: «Чада моя, разумѣйте, яко уже заиде солнце *земли* Суздальской!» Иерѣи и диакони, черноризци, нищии и богатии, и вси людие глаголааху: «Уже погыбаемь!»

Святое же тѣло его понесоша къ граду Володимерю. Митрополитъ же, князи и бояре и весь народ, малии, велиции, срѣтоша и въ Боголюбивѣмъ[41] съ свѣщами и с кандилы. Народи же съгнатахутся, хотяще прикоснутися честнѣмь одрѣ святаго тѣла его. Бысть же вопль, и кричание, и туга, яка же нѣсть была, яко и земли потрястися. Положено же бысть тѣло его въ Рожестве святыя Богородица, въ архимандритьи велицѣи,[42] месяца ноябриа, въ 24, на память святаго отца Амфилохия.

Бысть же тогда чюдо дивно и памяти достойно. Егда убо положено бысть святое тѣло его в раку, тогда Савастиян икономъ и Кирилъ митрополит хотя розьяти ему руку, да вложат ему грамоту душевную.[43] Он же, акы живъ сущи, распростеръ руку свою и взят грамоту от рукы митрополита. И приятъ же я ужасть, и одва отступиша от ракы его. Се же бысть слышано всѣмъ от господина митрополита и от иконома его Савастияна. Кто не удивится о семъ, яко тѣлу, бездушну сущю и везому от далних градъ в зимное время!

И тако прослави Богъ угодника своего.

---

[1] *...Александра, сына Ярославля, а внука Всеволожа.*— Александр Невский (ок. 1220—1263 гг.) был сыном великого князя Ярослава Всеволодовича и княгини Феодосии, внуком великого князя Всеволода III Большое Гнездо.

[2] *Приточникъ* — царь Соломон, который считается автором библейской Книги Притчей Соломоновых. Изречение Приточника имеет два источника: Прем. 1,4 и Притч. 8,2—3; во втором случае цитата неточная, в притчах Соломона читается: «Она становится на

возвышенных местах, при дороге, на распутиях; она взывает у ворот при входе в город...»

[3] *Исайя пророк* — ветхозаветный пророк. В библейской Книге пророка Исайи содержатся пророчества о судьбе народов, о явлении Мессии, осуждаются цари и вельможи, живущие неправедно. Автор жития берет слова из его Книги, 13,3.

[4] *Иосиф.*— Согласно Библии, Иосиф, сын Иакова, был наделен необыкновенным умом и красотой. Ненавидимый братьями, он был продан ими в Египет. Фараон, после того как Иосиф предсказал голод и указал пути спасения от него, «поставил его над всею землею Египетскою» (Быт. 30—50).

[5] *Самсон* — ветхозаветный герой, обладавший необычайной силой, прославился в борьбе с филистимлянами. О его жизни и подвигах повествуется в Книге Судей, 13—16.

[6] *...акы царя римскаго Еуспесиана... ко граду Асафату...*— Веспасиан Тит Флавий (9—79 гг.) — римский полководец, затем император. Автор жития напоминает об одном эпизоде Иудейской войны (66—73 гг.) — осаде крепости Иоатапаты, который известен ему, вероятно, по «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, древнерусский перевод этого произведения был распространен на Руси уже в XI—XII вв.

[7] *...от Западныя страны...*— Имеется в виду Ливония.

[8] *...царица Южичьская...*— По библейской легенде, царица южноаравийского государства Сабы (Царица Савская), наслышавшись о славе и мудрости Соломона, пришла в Иерусалим, чтобы испытать его, и была удивлена его мудростью.

[9] *...именемь Андрѣяшь...*— Андрей (Andreas) фон Фельвен, магистр Ливонского Ордена рыцарей.

[10] *...король части Римьскыя от Полунощныя страны...*— Имеется в виду шведский король Эрих. Однако поход 1240 г. возглавлял не он, а его зять Биргер, или Ульф Фаси.

[11] *...Святыя Софиа...*— Софийский собор в Новгородском кремле.

[12] *«Суди, Господи, обидящим мя... стани в помощь мнѣ».*— Пс. 34, 1—2.

[13] *Спиридон* — новгородский архиепископ (1229—1249 гг.).

[14] *Помянемъ Пѣснотворца...*— Библейский царь Давид, который считается автором одной из книг Библии — Псалтири.

[15] *«Сии въ оружии, а си на конѣх... мы же стахом и прости быхом».*— Пс. 19, 8—9.

[16] *...старѣйшина в земли Ижерстей, именемъ Пелугий...*— Ижорская земля (к югу от Невы, по реке Ижоре) была населена финно-угорскими народами, часть ижерян приняла христианство. Имя старейшины в списках жития передается по-разному: Пелгуй, Беглусич и др.

[17] *Насад* — вид речного судна.

[18] *...и бысть сѣча велика над римляны...*— Римлянами называли сторонников католической веры, в данном случае шведов. Битва со шведами произошла 15 июля 1240 г., недалеко от впадения реки Ижоры в Неву.

[19] *Шнек* — вид судна.

[20] *...при Езекии цесари.*— Езекия — один из иудейских царей. В его правление ассирийский царь Сеннахирим захватил почти всю Иудею, непокоренным остался Иерусалим. При осаде Иерусалима и произошло чудо, о котором напоминает автор жития. Об осаде Иерусалима рассказывается в Четвертой книге Царств, 19.

[21] *Здѣ же явишася 6 мужь храбрых... здѣ обрѣтоша много множъство избьеных от ангела Господня.*— Вставка сделана по Лаврентьевской летописи.

[22] *...возградиша град въ отечьствѣ Александровѣ.*— Имеется в виду крепость Копорье, построенная ливонцами в 1240 г. на земле, принадлежащей Новгороду; разрушена Александром в 1241 г.

[23] *Уже бо бяше град Псков взят...*— Псков был захвачен немцами в 1240 г., они имели в Пскове своих сторонников во главе с посадником Твердилой Иванковичем, которые и помогли немцам овладеть городом. Александр Невский освободил Псков в марте 1242 г.

[24] *...яко же древле Моисию на Амалика и прадѣду нашему Ярославу на окааннаго Святополка.*— Моисей — библейский пророк, выведший израильтян из Египта. На пути их в Палестину Амалик, вождь амаликитян, оказал сопротивление израильтянам. Только благодаря чудесному действию молитвы Моисея Амалику не удалось одержать победу (Исх. 17). Ярослав Владимирович Мудрый отомстил Святополку Окаянному за убийство братьев Бориса и Глеба. В 1019 г. на реке Альте, где был убит Борис, Ярослав разбил Святополка.

[25] *И бысть сѣча зла...*— Битва на Чудском озере (ледовое побоище) произошла 5 апреля 1242 г.

[26] *...яко же Исуса Наввина у Ерехона.*— Согласно Библии, Иисус Навин возглавил борьбу израильского народа за земли Палестины. Крепостные стены Иерихона, одного из древнейших палестинских городов, обрушились от криков и звука труб осаждавших во главе с Иисусом Навином. Об этом рассказано в Книге Иисуса Навина, 6.

[27] *...и до моря Хонужьскаго...*— Каспийское море.

[28] *...моря Варяжьскаго...*—Балтийское море.

[29] *...бѣ царъ силенъ на Въсточнѣй странѣ...*— хан Золотой Орды Батый; Александр совершил поездку в Золотую Орду в 1246 г.

[30] *...жены моавитьскыя...*— Моавитяне — племя, жившее на территории Палестины, враждебное израильтянам, потомки Лота. Здесь: татары.

[31] *...и посла воеводу своего Неврюня...*— Неврюево нашествие на Владимиро-Суздальскую землю произошло в 1252 г.

[32] *...рече Исайа пророкъ.*— Точного соответствия этим словам нет в Книге пророка Исайи.

[33] *...приидоша къ нему послы от папы из великого Рима...*— По-видимому, речь идет об одной из попыток папы Иннокентия IV подчинить католическому Ватикану Русь: за переход в католичество Иннокентий IV обещал помочь Руси в борьбе против Орды.

[34] *Авраам* — по библейскому преданию, праотец еврейского народа.

[35] *...до проитиа Иисраиля сквозе море...*— Согласно Библии, когда израильтяне бежали из Египта, Красное море расступилось перед ними, и они свободно прошли по его дну. Фараон с войском вслед за израильтянами вступил на морское дно, но волны сомкнулись, и море поглотило преследователей (Исх., 14, 21—22).

[36] *Август* — Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (63 г. до н. э.—14 г. н. э.) — римский император.

[37] *Константин* — Константин Великий, римский император.

[38] *...до перваго збора и седмаго...*— Первый Вселенский собор был в 325 г. Седьмой — в 787 г. в Никее.

[39] *...Александръ поиде к цареви, дабы отмолити людии от бѣды тоя.*— По приказу золотоордынского хана русские князья должны были присылать свои полки для участия в татарских походах. В 1262 г. Александр поехал в Орду и добился освобождения русских от обязанности выступать в войне на стороне татар.

[40] *...сына своего Дмитрия посла на Западныя страны...*— Имеется в виду поход на Юрьев в 1262 г.

[41] *...срѣтоша и въ Боголюбивѣмъ...*— Боголюбово — бывшая резиденция Андрея Боголюбского, недалеко от Владимира.

[42] *...въ Рожестве святыя Богородица, въ архимандритьи велицѣи...*— Александр Невский был погребен в монастыре Рождества Богородицы во Владимире. До середины XVI в. Рождественский монастырь считался первым монастырем Руси, «архимандритьей великой».

[43] *...да вложат ему грамоту душевную.*— Во время обряда погребения читается разрешительная молитва о прощении грехов. Текст ее после чтения вкладывают в правую руку умершего.

ПЕРЕВОД

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВЕРНОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

Во имя Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия.

Я, худой и многогрешный, недалекий умом, осмеливаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярославова, внука Всеволодова. Поскольку слышал я от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его, то рад был поведать о святом, и честном, и славном житии его. Но как сказал Приточник: «В лукавую душу не войдет премудрость: ибо на возвышенных местах пребывает она, посреди дорог стоит, при вратах людей знатных останавливается». Хотя и прост я умом, но все же начну, молитвою святой Богородицы и помощью святого князя Александра.

Сей князь Александр родился от отца милосердного и человеколюбивого, и более всего — кроткого, князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Как сказал Исайя-пророк: «Так говорит Господь: “Князей я ставлю, священны ибо они, и я веду их”». И воистину — не без Божьего повеления было княжение его.

И красив он был, как никто другой, и голос его — как труба в народе, лицо его — как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему Бог премудрость Соломона, храбрость же его — как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую. Однажды приготовился тот к осаде города Иоатапаты, и вышли горожане, и разгромили войско его. И остался один Веспасиан, и повернул выступивших против него к городу, к городским воротам, и посмеялся над дружиною своею, и укорил ее, сказав: «Оставили меня одного». Так же и князь Александр — побеждал, но был непобедим.

Потому-то один из именитых мужей Западной страны, из тех, что называют себя слугами Божьими, пришел, желая видеть зрелость силы его, как в древности приходила к Соломону царица Савская, желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреаш, повидав

князя Александра, вернулся к своим и сказал: «Прошел я страны, народы и не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей».

Услышав о такой доблести князя Александра, король страны Римской из Полуночной земли подумал про себя: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромной силой, пыхая духом ратным. И пришел в Неву, опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород к князю Александру, говоря: «Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою».

Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем и вошел в церковь Святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, ты повелел жить, не преступая чужих границ». И, припомнив слова пророка, сказал: «Суди, Господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне».

И, окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, утер слезы и сказал, чтобы ободрить дружину свою: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, который сказал: “Иные с оружием, а иные на конях, мы же имя Господа Бога нашего призываем; они повержены были и пали, мы же выстояли и стоим прямо”». Сказав это, пошел на врагов с малою дружиною, не дожидаясь своего большого войска, но уповая на Святую Троицу.

Скорбно же было слышать, что отец его, князь великий Ярослав, не ведал о нашествии на сына своего, милого Александра, и ему некогда было послать весть отцу своему, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться, так как поспешил князь выступить. И выступил против врага в воскресенье пятнадцатого июля, имея веру великую в святых мучеников Бориса и Глеба.

И был один муж, старейшина земли Ижорской, именем Пелугий, ему поручен был ночной дозор на море. Был он крещен и жил среди народа своего, бывшего язычниками, наречено же было имя ему в святом крещении Филипп, и жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу, потому и удостоил его Бог видеть видение чудное в тот день. Расскажем вкратце.

Узнав о силе неприятеля, он вышел навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему об их станах. Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоими путями, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад, плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнес Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру». Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял, устрашенный, пока насад не скрылся с глаз его.

Вскоре после этого пришел Александр, и Пелугий, радостно встретив князя Александра, поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: «Не рассказывай этого никому».

После того Александр поспешил напасть на врагов в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами, и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил печать острого копья своего.

Проявили себя здесь шесть храбрых, как он, мужей из полка Александра.

Первый — по имени Таврило Олексич. Он напал на шнек и, увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем; преследуемые им схватили Гаврилу Олексича и сбросили его со сходен вместе с конем. Но по Божьей милости он вышел из воды невредим, и снова напал на них, и бился с самим воеводою посреди их войска.

Второй — по имени Сбыслав Якунович, новгородец. Этот много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в душе своей; и пали многие от руки его, и дивились силе и храбрости его.

Третий — Яков, родом полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Меша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля.

Пятый — из младшей дружины, по имени Сава. Этот ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек столб шатерный. Полки Александровы, видевши шатра падение, возрадовались.

Шестой — из слуг Александра, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и обступили его враги многие. Он же от многих ран пал и так скончался.

Все это слышал я от господина своего великого князя Александра и от тех, кто участвовал в то время в этой битве.

Было же в то время чудо дивное, как в прежние дни при Езекии-царе. Когда пришел Сеннахириб, царь ассирийский, на Иерусалим, желая покорить святой град Иерусалим, внезапно явился ангел Господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и когда настало утро, нашли только мертвые трупы. Так было и после победы Александровой: когда победил он короля, на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом Господним. Оставшиеся же обратились в бегство, и трупы мертвых воинов своих набросали в корабли и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца.

На второй же год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр вскоре пошел и разрушил город их до основания, а их самих — одних повесил, других с собою увел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был безмерно милостив.

После победы Александровой, когда победил он короля, на третий год, в зимнее время, пошел он с великой силой на землю немецкую, чтобы не хвастались, говоря: «Покорим себе словенский народ».

А был ими уже взят город Псков и наместники немецкие посажены. Он же вскоре изгнал их из Пскова и немцев перебил, а иных связал и город освободил от безбожных немцев, а землю их разорил и пожег и пленных

взял бесчисленное множество, а других перебил. Немцы же, гордые, собрались и сказали: «Пойдем, и победим Александра, и захватим его».

Когда же приблизились немцы, то проведали о них стражи. Князь же Александр приготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. Отец же Александра Ярослав прислал ему на помощь младшего брата Андрея с большою дружиною. И у князя Александра тоже было много храбрых воинов, как в древности у Давида-царя, сильных и крепких. Так и мужи Александра исполнились духа ратного, ведь были сердца их как сердца львов, и воскликнули: «О княже наш славный! Ныне пришло нам время положить головы свои за тебя». Князь же Александр воздел руки к небу и сказал: «Суди меня, Боже, рассуди распрю мою с народом неправедным и помоги мне, Господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика и прадеду нашему Ярославу окаянного Святополка».

Была же тогда суббота, и когда взошло солнце, сошлись противники. И была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью.

А это слышал я от очевидца, который поведал мне, что видел воинство Божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так он победил врагов помощью Божьей, и обратились они в бегство, Александр же рубил их, гоня, как по воздуху, и некуда было им скрыться. Здесь прославил Бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона. А того, кто сказал: «Захватим Александра», — отдал Бог в руки Александра. И никогда не было противника, достойного его в бою. И возвратился князь Александр с победою славною, и было много пленных в войске его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя «Божьими рыцарями».

И когда приблизился князь к городу Пскову, то игумены, и священники, и весь народ встретили его перед городом с крестами, воздавая хвалу Богу и прославляя господина князя Александра, поюще песнь: «Ты, Господи, помог кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему оружием крестным освободить город Псков от иноязычников рукою Александровою».

И сказал Александр: «О невежественные псковичи! Если забудете это до правнуков Александровых, то уподобитесь иудеям, которых питал Господь в пустыне манною небесною и перепелами печеными, но

забыли все это они и Бога своего, избавившего их от плена египетского».

И прославилось имя его во всех странах, от моря Хонужского и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского и до великого Рима.

В то же время набрал силу народ литовский и начал грабить владения Александровы. Он же выезжал и избивал их. Однажды случилось ему выехать на врагов, и победил он семь полков за один выезд и многих князей их перебил, а иных взял в плен, слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали с того времени бояться имени его.

В то же время был в Восточной стране сильный царь, которому покорил Бог народы многие, от востока и до запада. Тот царь, прослышав о такой славе и храбрости Александра, отправил к нему послов и сказал: «Александр, знаешь ли, что Бог покорил мне многие народы? Что же — один ты не хочешь мне покориться? Но если хочешь сохранить землю свою, то приезжай скорее ко мне и увидишь славу царства моего».

После смерти отца своего пришел князь Александр во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его, и промчалась весть о нем до устья Волги. И жены моавитские начали стращать детей своих, говоря: «Александр едет!»

Решил князь Александр пойти к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И увидел его царь Батый, и поразился, и сказал вельможам своим: «Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему». Почтив же его достойно, он отпустил Александра.

После этого разгневался царь Батый на меньшего брата его Андрея и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую. После разорения Неврюем земли Суздальской князь великий Александр воздвиг церкви, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их. О таких сказал Исайя-пророк: «Князь хороший в странах — тих, приветлив, кроток, смиренен — и тем подобен Богу». Не прельщаясь богатством, не забывая о крови праведников, сирот и вдов по правде судит, милостив, добр для домочадцев своих и радушен к приходящим из чужих стран. Таким и Бог помогает, ибо Бог не ангелов любит, но

людей в щедрости своей щедро одаривает и являет в мире милосердие свое.

Наполнил же Бог землю Александра богатством и славою и продлил Бог лета его.

Однажды пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: «Папа наш так говорит: “Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух умнейших — Агалдада и Ремонта, чтобы послушал ты речи их о законе Божьем”».

Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, написал ему такой ответ: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до начала Авраама, от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа и до Христова рождества, от рождества Христова и до распятия его и воскресения, от воскресения же его и вознесения на небеса и до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора и седьмого – обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем». Они же возвратились восвояси.

И умножились дни жизни его в великой славе, ибо любил священников, и монахов, и нищих, митрополитов же и епископов почитал и внимал им, как самому Христу.

Было в те времена насилие великое от иноверных, гнали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю, чтобы отмолить людей своих от этой беды.

А сына своего Дмитрия послал в Западные страны, и все полки свои послал с ним, и близких своих домочадцев, сказав им: «Служите сыну моему, как самому мне, всей жизнью своей». И пошел князь Дмитрий в силе великой, и завоевал землю Немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился в Новгород со множеством пленных и с большой добычею.

Отец же его великий князь Александр возвратился из Орды от царя, и дошел до Нижнего Новгорода, и там занемог, и, прибыв в Городец, разболелся. О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не вырвется сердце твое с корнем! Ибо отца оставить человек может, но доброго господина нельзя оставить; если бы можно было, то в гроб бы сошел с ним!

Много потрудившись Богу, он оставил царство земное и стал монахом, ибо имел безмерное желание принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и больший чин принять – схиму. И так с миром Богу дух свой предал месяца ноября в четырнадцатый день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской!» Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые, и все люди восклицали: «Уже погибаем!»

Святое же тело Александра понесли к городу Владимиру. Митрополит же, князья и бояре и весь народ, малые и большие, встречали его в Боголюбове со свечами и кадилами. Люди же толпились, стремясь прикоснуться к святому телу его на честном одре. Стояли же вопль, и стон, и плач, каких никогда не было, даже земля содрогнулась. Положено же было тело его в церкви Рождества святой Богородицы, в великой архимандритье, месяца ноября в 24 день, на память святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное и памяти достойное. Когда было положено святое тело его в гробницу, тогда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту духовную. Он же, будто живой, простер руку свою и взял грамоту из руки митрополита. И смятение охватило их, и слегка отступили они от гробницы его. Об этом возвестили всем митрополит и эконом Севастьян. Кто не удивится тому чуду, ведь тело его душа покинула и везли его из дальних краев в зимнее время!

И так прославил Бог угодника своего.

СЛОВА И ПОУЧЕНИЯ СЕРАПИОНА ВЛАДИМИРСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова

ВСТУПЛЕНИЕ

Серапион, монах Киево-Печерского монастыря, в 1274 г. переведен во Владимир и поставлен епископом Владимирским, Суздальским и Нижегородским; умер 12 июля 1275 г., похоронен в Успенском соборе Владимира. Его имя редко упоминается в церковной литературе, однако в народе вплоть до XIX в. ему поклонялись как одному из заступников в тяжелых житейских обстоятельствах.

Достоверно Серапиону принадлежит пять «слов», почти все они довольно точно датируются по косвенным данным: первое написано около 1230 г., остальные — в последние два-три года жизни автора. Впоследствии под пером переписчиков произошло некоторое смещение или взаимное наложение текстов, но общая их тематика ясна: очевидец татаро-монгольского нашествия на Русь, Серапион с горечью всматривается в нравственное оскудение оставшихся в живых после погрома и борется за духовное очищение народа, временно порабощенного врагом. Объективно-беспристрастный (ср. его оценку завоевателей), справедливый (он не только упрекает своих современников, но и воздает им должное за их подвиги) и в меру терпимый (например, в рассуждениях об остатках язычества на Руси), он прежде всего патриот Руси — в конкретном, традиционном для конца XIII в. смысле; своими выступлениями он способствовал возрождению и укреплению русского патриотизма в самое тяжелое для Руси время, особенно твердо выступая против распрей удельных князей, раздиравших Русь на куски. Подобно митрополиту Кириллу, который покровительствовал Серапиону, Серапион в своих произведениях достигает высокой нравственной чистоты, выходя далеко за пределы церковной, формально обязательной для того времени морали; один из немногих интеллигентов своего времени, он четко осознал исторические задачи Руси в эпоху после Батыева погрома.

В своих произведениях Серапион опирается не только на клерикально-книжную мудрость (из Библии он извлекает лишь широко известные, броские афоризмы), но и на народную литературу (сказания, апокрифы), даже на бытующие в его время слухи и устную молву, связывая свои проповеди с наиболее важными событиями своего времени. Изложение он насыщает психологическими подробностями и образными сравнениями, внося в текст индивидуальные особенности своей творческой личности. «Слова» Серапиона произносились, а не читались, поэтому они столь динамичны, красочны и ритмичны. Автор широко использует русские слова, приспосабливая для своих слушателей и церковнославянский язык цитат; в целом язык его очень архаичен, что характерно для XIII в.

Пять «слов» Серапиона публикуются по спискам: Златая Цепь XIV в. *РГБ*, ф. 304/I, № 11; Паисиевский сборник около 1412 г. *РНБ*, Кирилло-Белозерское собрание, 297/1081; разночтения привлечены из нескольких русских Измарагдов (XIV в. *РГБ*, ф. 256, № 186; XV в. *РНБ*, Q.I.312) — по изданию: Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888, с. 1—15.

ОРИГИНАЛ

СЛОВО ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО СЕРАПИОНА

Господи, благослови, отче!

Слышасте, братье, самого Господа, глаголяща въ Евангелии: «И въ послѣдняя лѣта будет знаменья въ солнци, и в лунѣ, и въ звѣхдахъ, и труси по мѣстомъ и глади».[1] Тогда реченное Господомь нашимь ныня збысться — *при насъ*, при послѣднихъ людех. *Колико* видѣхомъ солнца погибша и луну померькъшю, и звѣздное премѣнение! Нынѣ же земли трясенье[2] своима очима видѣхомъ, земля, от начала оутвержена и неподвижима, повелѣньемь Божиимь нынѣ движеться, грѣхы нашими колѣблется, безаконья нашего носити не можеть. Не послушахомъ Еуаггелья, не послушахомъ Апостола, не послушахомъ пророкъ, не послушахомъ свѣтилъ великих,[3] рку: Василья и Григорья Богословца, Иоана Златоуста, инѣхъ святитель святыхъ, ими же вѣра оутвержена бысть, еретици отгнани быша, и Богъ всѣми языкы познанъ бысть, и тѣ оучаще ны беспрестани, а мы — едины безаконья держимся! Се оуже наказаеть ны Богъ знаменьи, земли трясеньемь его повелѣньемь: не глаголеть оусты, но дѣлы наказаеть. Всѣмъ казнивъ ны, Богъ не отьведеть злаго обычая. Нынѣ землею трясеть и колѣблеть, безаконья грѣхи многия от земля отрясти хощеть, яко лѣствие от древа. Аще ли кто речеть: «Преже сего потрясения бѣша *и рати, и пожары быша же*», — рку: «Тако есть, но — что потом бысть намъ? Не глад ли? не морови ли? не рати ли многыя[4]? Мы же единако не покаяхомъся, дондеже приде на ны языкъ немилостивъ попустившю Богу; и землю нашю пусту створша, и грады наши плѣниша, и церкви святыя разориша, отца и братью нашю избиша, матери наши и сестры в поруганье быша». Нынѣ же, братье, се вѣдуще, оубоимъся прещенья сего страшьнаго и припадемъ Господеви своему исповѣдающесь: да не внидем в болши гнѣвъ Господень, не наведемъ на ся казни болша первое. Еще мало ждеть нашего покаянья, ждеть нашего обращенья. Аще отступимъ скверныхъ и немилостивыхъ судовъ, аще примѣнимься *криваго* рѣзоимьства и всякого грабленья, татбы, разбоя и нечистаго прелюбодѣиства, отлучающа от Бога, сквернословья, лжѣ, клеветы, клятвы и поклепа, иныхъ дѣлъ сотониных,— аще сихъ премѣнимся, добрѣ вѣдѣ: яко благая приимуть ны не токмо в сии вѣкъ, в будущии, самъ бо *Господь* рече: «Обратитеся ко мнѣ, обращюся к вамъ, отступите

от всѣхъ, аз отступлю, казня вы». Доколѣ не отступимъ от грѣхъ нашихъ? Пощадим себе и чад своихъ: в кое время такы смерти напрасны видѣхомъ? Инии не могоша о дому своемь ряду створити — въсхыщени быша, инии с вечера здрави легъше — на оутрия не всташа: оубоитеся, молю вы, сего напраснаго разлученья! Аще бо поидемъ в воли Господни, всѣмъ оутѣшеньемь оутѣшить ны Богъ небесныи, акы сыны помилует ны, печаль земную отиметь от нас, исходъ миренъ подасть намъ на ону жизнь, идеже радости и веселья бесконечнаго насладимся з добрѣ оугожьшими Богу. Многа же глаголах вы, братье и чада, но вижю: мало приемлють, премѣняються наказаньемь нашимь; мнози же не внимають себѣ, акы бесмертны дрѣмлють. Боюся, дабы не збылося о нихъ слово, реченное Господомь: «Аще не быхъ глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли; нынѣ же извѣта не имуть о грѣсѣ своемь». Много бо глаголю вамъ: аще бо не *премѣнитеся*, извѣта не *имате* пред Богомь! Аз бо, грѣшныи вашь пастухъ, повелѣное Господомь створихъ, слово его предаю, вы же вѣсте, како куплю владычню оумножити. Егда бо придеть судить вселенѣи и въздати комуждо по дѣломъ его, тогда истяжеть от васъ — аще будете оумножили талантъ,[5] и прославит вы, в славѣ Отца своего, с Пресвятымь Духомь и нынѣ, присно, вѣкы.

ПОУЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРАПИОНА

Многу печаль в сердци своемь вижю вас ради, чада, понеже никако же вижю вы премѣнишася от дѣлъ неподобныхъ. Не тако скорбить мати, видящи чада своя боляща, яко же аз, грѣшныи отець вашь, видя вы боляща безаконными дѣлы. Многажды глаголахъ вы, хотя отставити от васъ злыи обычаи — никако же премѣнившася вижю вы. Аще кто васъ разбоиникъ, разбоя не отстанеть, аще кто крадеть — татбы не лишиться, аще кто ненависть на друга имать — враждуя не почиваеть, аще кто обидить и въсхватаеть грабя — не насытиться, аще кто рѣзоимець — рѣзъ емля не престанеть, обаче, по пророку: «Всуе мятется: збираеть, не вѣсть кому збираеть». Окаанныи и помыслить, яко нагъ родися — тако отходит, ничто же имый, но токмо клятву вѣчну; аще ли кто любодѣй — любодѣйства не отлучиться, сквернословець и пьяница своего обычая не останеться. Како оутѣшюся, видя вы от Бога отлучишасся? Како ли обрадуюсь? Всегда сѣю в ниву сердець ваших сѣмя божественое, николи же вижю прозябша и плод породивша. Молю вы, братье и сынове, премѣнитесь на лучьшее, обновитесь добрым обновлениемь, престаните злая творяще, оубойтесь створшаго ны Бога, вострепещете суда Его страшнаго! Кому грядем, кому приближаемся, отходяще свѣта сего? Что речемъ, что отвѣщаемъ? Страшно есть, чада, впасти въ гнѣвъ Божии. Чему не видѣмъ, что приди на ны, в семъ житии еще сущимъ? Чего не приведохомъ на ся? Какия казни от Бога не въсприяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша гради наши? Не вскорѣ ли падоша отци и братья наша трупиемь на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша въ плѣнъ? Не порабощени быхомъ оставшеи горкою си работою от иноплеменник? Се уже к 40 лѣт приближаеть

томление и мука,[6] и дане тяжькыя на ны не престануть, глади, морове животъ нашихъ, и в сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ, и въздыхание наше и печаль сушать кости наша. Кто жены сего доведе? Наше безаконье и наши грѣси, наше неслушанье, наше непокаянье. Молю вы, братье, кождо васъ: внидите в помыслы ваша, узрите сердечныма очима дѣла ваша,— възненавидѣте их и отверзете я, к покаянью притецѣте. Гнѣвъ Божии престанеть, и милость Господня излѣется на ны, мы же в радости поживемъ в земли нашей, по ошествии же свѣта сего придем радующеся, акы чада къ отцю, къ Богу своему и наслѣдим царство небесное, его же ради от Господа создани быхом. Великии бо ны Господь створи, мы же ослушаниемь малы створихомся. Не погубимъ, братье, величая нашего: «Не послушници дѣломъ и закону спасаються, но творци». Аще ли чимь пополземься, пакы к покаянью притецѣмь, любовь къ Богу принесѣмь, прослезимся, милостыню к нищимъ по силѣ створим, бѣднымъ помощи могуще, от бѣдъ избавляйте. Аще не будем таци — гнѣвъ Божии будеть на нас; всегда в любви пребывающи, мирно поживемъ. Слышимъ бо Ниневгыю град[7]: бывше великии множьством людии, полнъ же безаконья. Богу хотящу потребити, аки Содома и Гомора,[8] Иону пророка посла, да проповѣдаеть погыбель град их. Они же, слышавше, не пождаша, но скоро премѣнишася от грѣхъ своихъ, и кождо от пути своего злаго, и потребиша безаконья своя покаянием, постом, молитвою и плачем, от старець и до унотъ, и до сущихъ младенець, и тѣхъ бо млека отлучиша на 3 дни, но и до скота: и конемъ, и всеи животинѣ постъ створиша. И умолиша Господа, и томленье от него свободишася, ярость Божию премѣниша на милосердье и погибель избыша, Ионино пророчество вотще бысть, дондеже и потужи къ Богу, яко в бе-щестье створися пророчество его: градъ бо не погибе! Иона же, акы человѣкъ, погибели и градьскыя ожидаше; Богъ, видѣвъ их сердца яко воистину покаявшеся, обратишася кождо от своего зла дѣломъ и мыслью,— милость к нищимъ пусти. Мы же что о сихъ речемъ? Чего невидѣхомъ? Чего ли ся над нами не створи? Чим же ли не кажеть нас Господь Богъ нашь, хотя ны премѣнити от безаконии нашихъ? Ни единого лѣта или зимы прииде, коли быхомъ не казними от Бога — и никако лишимся злаго нашего обычая: но в нем же кто грѣсѣ вязить — в том пребываеть, на покаяние никто не подвигнеться, никто обѣщаеться къ Богу истиною зла не створити. Какыя казни не подыимемъ в сии вѣкъ и в будущии огнь неугасимый? Отселѣ престаните Бога прогнѣвающе, молю вы! Мнози бо межи вами Богу истиньно работають, но на сем свѣте равно со грѣшьникь от Бога казними суть, да свѣтлѣиших от Господа вѣнець сподобяться, грѣшьником же болшее мучение, яко праведници казними быша за их безаконье.

Се слышаще, оубойтеся, въстрепещите, престаните от зла, створите добро. Сам бо Господь рече: «Обратитесь ко мнѣ, аз обращюся к вамъ». Ждеть нашего покаянья, миловати ны хощеть, бѣды избавити хощеть, зла хощеть спасти! Мы же с Давидомь речем: «Господи, вижь смѣрение наше, отпусти вся грѣхы наша, обрати ны, Боже, спасителю нашь, възврати ярость свою от насъ, да не вѣкъ прогнѣваешися на ны, ни да простреши гнѣвъ свои от рода в родъ!» Ты бо еси Богъ небесный, и тебе

прославляемъ з безначальным Отцемь и с Пречистымь Духомь и нынѣ, и присно, вѣкы!

ПОУЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРАПИОНА

Почюдимъ, братье, человѣколюбье Бога нашего. Како ны приводить к себе? Кыми ли словесы не наказеть насъ? Кыми ли запрѣщении не запрѣти нам? Мы же никако же к Нему обратимся!

Видѣвъ наша безаконья умножившася, видѣв ны заповѣди его отвергъша, много знамении показавъ, много страха пущаше, много рабы своими учаше — и ничим же унше показахомься! Тогда наведе на ны языкъ немилостивъ, языкъ лютъ, языкъ, не щадящь красы уны, немощи старець, младости дѣтии; двигнухомь бо на ся ярость Бога нашего, по Давиду: «Въскорѣ възгорися ярость Его на ны». Разрушены божественьныя церкви, осквернены быша ссуди священии *и честные кресты и святыя книгы*, потоптана быша святая мѣста, святители мечю во ядь быша, плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снѣдь повержени быша, кровь и отець, и братья нашея, аки вода многа, землю напои, князии нашихъ воеводъ крѣпость ищезе, храбрии наша, страха наполъньшеся, бѣжаша, мьножайша же братья и чада наша въ плѣнъ ведени быша, *гради мнози опустѣли суть*, села наша лядиною поростоша, и величьство наше смѣрися, красота наша погыбе, богатьство наше онѣмь в користь бысть, трудъ нашь погании наслѣдоваша, земля наша иноплеменикомъ в достояние бысть, в поношение быхомъ живущимъ въскраи земля нашея, в посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ, ибо сведохомъ собѣ, акы дождь съ небеси, гнѣвъ Господень! Подвигохомъ ярость Его на ся и отвратихомъ велию Его милость — и не дахомъ призирати на ся милосердныма очима. Не бысть казни, кая бы преминула нас, и нынѣ беспрестани казними есмы: не обратихомся к Господу, не покаяхомся о безаконии наших, не отступихомъ злыхъ обычай наших, не оцѣстихомся калу грѣховнаго, забыхомъ казни страшныя на всю землю нашу; мали оставши, велицѣ творимся. Тѣм же не престають злая мучаще ны: завѣсть оумножилася, злоба преможе ны, величанье възнесе оумъ нашь, ненависть на другы вселися въ сердца наша, несытовьство *имѣния* поработи ны, не дасть миловати ны сиротъ, не дасть знати человѣчьскаго естьства — но, акы звѣрье жадають насытитися плоть, тако и мы жадаемъ и не престанемъ, абы всѣхъ погубити, а горкое то имѣнье и кровавое к собѣ пограбити; звѣрье ѣдше насыщаються, мы же насытитися не можемъ: того добывше, другаго желаемъ! За праведное богатьство Богъ не гнѣвается на насъ, но, еже рече пророкомъ: «С небеси призри Господь видѣти, аще есть кто разумѣвая или взискае Бога, вси уклонишася вкупѣ», и прочее: «Ни ли разумѣвают все творящи безаконье снѣдающе люди моя въ хлѣба мѣсто?» Апостол же Павелъ беспрестани въпиеть, глаголя: «Братье, не прикасайтеся дѣлехъ злыхъ и темныхъ, ибо лихоимци

грабители со идолослужители осудяться». Моисѣеви что рече Богъ: «Аще злобою озлобите вдовицю и сироту, взопьют ко мнѣ, слухом услышю вопль их, и разгнѣваюся яростью, погублю вы мечем». И ныне збысться о нас реченое: не от меча ли падохомъ? не единою ли, ни двожды? Что же подобаеть намъ творити, да злая престануть, яже томять ны? Помяните честно написано въ Божественыхъ книгахъ, еже самого Владыкы нашего болшая заповѣдь, еже любити другу друга, еже милость любити ко всякому человѣку, еже любити ближняго своего аки себе,[9] еже тѣло чисто зблюсти, а не осквернено будеть блюдомо, аще ли оскверниши, то очисти е покаяниемь; еже не высокомысли-ти, ни вздати зла противу злу ничего же. Тако ненавидить Господь Богъ насъ, яко злу помятива человѣка. Како речемъ: «Отче нашь, остави нам грѣхи наши», а сами не ставляюще? В ню же бо, рече, мѣру мѣрите, отмѣрит вы ся Богу нашему.

ПОУЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРАПИОНА

Малъ час порадовахся о васъ, чада, видя вашю любовь и послушание къ нашей худости, и мняхъ, яко уже утвердистеся и с радостию приемлете Божественое писание,— «на свѣтъ нечистивыхъ не ходите и на сѣдалищи губителеи не сѣдите». Аже еще поганьскаго обычая держитесь: волхвованию вѣруете[10] и пожигаете огнем невиныя человѣкы и наводите на весь миръ и градъ убийство; аще кто и не причастися убийству, но, в соньми бывъ въ единой мысли, убийца же бысть; или могай помощи, а не поможе, аки самъ убити повелѣлъ есть. От которыхъ книгъ или от кихъ писаний се слышасте, яко волхвованиемь глади бывають на земли и пакы волхвованиемь жита умножаются? То аже сему вѣруете, то чему пожигаете я? Молитеся и чтете я, дары и приносите имъ — ать строять миръ, дождь пущають, тепло приводять, земли плодити велять! Се нынѣ по три лѣта житу рода нѣсть не токмо в Русь, но в Латѣнѣ[11]: се вълхвове ли створиша? Аще не Богъ ли строить свою тварь, яко же хощеть, за грѣхы нас томя? Видѣ азъ от Божественаго написанья, яко чародѣици и чародѣйца бѣсы дѣиствують на родъ человѣкомъ и надъ скотомъ и потворити могуть; надъ тими дѣйствують, и имъ вѣрують. Богу попущьшу бѣси дѣйствують; попущаеть Богъ, иже кто ихъ боится, а иже кто вѣру тверду держить к Богу, с. того чародѣйци не могуть. Печаленъ есмь о вашемь безумьи, молю вы, отступите дѣлъ поганьскыхъ. Аще хощете град оцѣстити от безаконныхъ человѣкъ, радуюся тому; оцѣщайте, яко Давидъ пророкъ и царь[12] потребляше от град Ерусалима вся творящая безаконие: *овѣхъ* убитиемь, инихъ заточением, иних же темницами; всегда град Господень чистъ творяше от грѣхъ. Кто бо такъ бѣ судия, якоже Давидъ? Страхомъ Божиимъ судяше, Духомь Святымъ видяше и по правдѣ отвѣтъ даяше. Вы же как осужаете на смерть, сами страсти исполни суще? И по правдѣ не судите: иный по вражьдѣ творить, иный горкаго того прибытка жадая, а иный ума не исполненъ; толко жадаеть убити, пограбити, а еже а что убити, а того не вѣсть. Правила божественаго повелѣвають многыми послухъ осудити на смерть

человѣка. Вы же воду послухомь постависте и глаголете: аще утапати начнеть, неповинна есть; аще ли попловеть — волхвовь есть. Не может ли дияволъ, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузится, дабы въврещи въ душьгубьство; яко, оставльше послушьство боготворенаго человѣка, идосте къ бездушну естьству к водѣ приясть послушьство на прогнѣванье божие? Слышасте от Бога казнь, посылаему на землю от первыхъ род[13]: до потопа на гыганта огнем,[14] при потопѣ водою, при Содомѣ жюпеломъ, при фараонѣ десятью казнии, при хананиихъ шершенми, каменьемь огненымь съ небеси; при судьях ратьми, при Давидѣ моромь, при Титѣ плѣненьемь, потом же трясеньемь земли и паденьемь града. При нашем же языцѣ чего не видѣхом? рати, глади, морове и труси; конечное, еже предани быхом иноплеменникомь не токмо на смерть и на плѣненье, но и на горкую работу. Се же все от Бога бываеть, и симъ намъ спасение здѣваеть. Нынѣ же, молю вы, за преднее безумье покайтесь и не будьте отселѣ аки трость, вѣтромь колѣблема. Но аще услышите что басний человѣчьскыхъ, къ Божественому писанию притецѣте, да врагъ нашь дьяволъ, видѣвъ ваш разум, крѣпкодушье, и не възможеть понудити вы на грѣхъ, но посрамленъ отходит. Вижю вы бо великою любовью текущая въ церковь и стояща з говѣньемь; тѣм же, аще бы ми модно коегождо вас наполнити сердце и утробу разума Божественаго! Но не утружюся наказая вы и вразумляя, наставляя. Обида бо ми немала належить, аще вы такоя жизни не получите и Божия свѣта не узрите: не может бо пастухъ утѣшатись, видя овци от волка расхыщени, то како азъ *утѣшюсъ*, аще кому васъ *удѣеть* злый волкъ дьяволъ? Но поминающе си нашю любовь, о вашемь спасении потщитесь угодити створшему ны Богу, ему же лѣпо всяка слава честь.

СЛОВО БЛАЖЕНАГО СЕРАПИОНА О МАЛОВЕРЬЕ

Печаль многу имамъ въ сердции о васъ, чада. Никако же не премѣните от злобы обычая своего, вся злая творите в ненависть Богу, на погубу души своей. Правду есте оставили, любве не имате, зависть и лесть жирует въ васъ, и вознесеся умъ вашь. Обычай поганьский имате: *волхвамъ* вѣру имете и пожагаете огнемъ неповинныя человѣки. Гдѣ се есть въ Писаньи, еже человѣкомъ владѣти обильемъ или скудостью? подавати или дождь, или теплоту? О, неразумнии! вся Богъ творит, якоже хощет; бѣды и скудость посылаеть за грѣхи наша и наказая насъ, приводя на покаянье. О маловѣрнии, слышасте казни от Бога: в первыхъ родѣхъ потопа на гиганты, огнемъ пожьжени, а содомляне огнем же сожени, а при фараонѣ десять казней на Египетъ, при ханании каменее огненое с небесѣ пусти, при судьяхъ рати наведе, при Давидѣ моръ на люди, при Титѣ плѣнъ на Ерусалимъ, потомъ трясенье земли и паденьемъ града. И в наша лѣта чего не видѣхомъ зла? многи бѣды и скорби, рати, голодъ, от поганых насилье. Но никако же премѣнимъся от злыхъ обычай наших; нынѣ же гнѣвъ Божии видяши и заповѣдаете: хто буде удавленика или утопленика погреблъ,[15] не погубите людии сихъ, выгребите. О, безумье злое! О, маловѣрье! Полни

есми зла исполнени, о томъ не каемъся. Потопъ бысть при Нои не про удавленаго, ни про утопленика, но за людския неправды, и иныя казни бе-щисленыя. Драчь град 4 лѣта стоялъ[16] от моря потопленъ бысть и нынѣ в мори есть. В лясѣхъ от умноженья дождя[17] 600 людий потопло, а инии в Перемышли градѣ 200 потопоша, и глад бысть 4 лѣта. Тамо же се все бысть в сия лѣта за грѣхи наша. О человѣци, се ли ваше покаянье? сим ли Бога умолите, что утопла или удавленика выгрести? сим ли Божию казнь хощете утишити? Лучши, братья, престанемъ от зла, лишимъся всѣхъ дѣлъ злых: разбоя, грабленья, пьяньства, прелюбодѣйства, скупости, лихвы, обиды, татбы, лжива послушьства, гнѣва, ярости, злопоминанья, лжи, клеветы, рѣзоиманья. Аз бо грѣшный всегда учю вы, чада, велю вамъ каятися. Вы же не престанете от злыхъ дѣлъ. Егда кая на насъ казнь от Бога придет, то болѣ прогнѣваем, извѣты кладучи: того ради ведро, сего дѣля дождь, того дѣля жито не родиться; и бываете строители Божией твари, а о безумьи своемъ почто не скорбите? Погании бо, закона Божия не вѣдуще, не убивают единовѣрних своихъ, ни ограбляють, ни обадят, ни поклеплют, ни украдут, не заряться чужаго; всякъ поганый брата своего не продасть; но, кого в нихъ постигнет бѣда, то искупять его и на промыслъ дадуть ему; а найденая в торгу проявляют; а мы творимъся, вѣрнии, во имя Божие крещени есмы и, заповѣди его слышаще, всегда неправды есмы исполнени и зависти, немилосердья; братью свою ограбляемъ, убиваемъ, въ погань продаемъ; обадами, завистью, аще бы мощно, снѣли другъ друга, но вся Богъ боронит. Аще велможа или простый, то весь добытка жалает, како бы обидѣти ого. Оканне, кого снѣдаеши? не таковъ же ли человѣкъ, яко же и ты? не звѣрь есть, ни иновѣрець. Почто плачь и клятву на ся влечеши? или бессмертенъ еси? не чаеши ли суда Божия, ни возданья комуждо по дѣлом его? От сна бо въставъ не на молбу умъ прилагаеши, но како бы кого озлобити, лжами перемочи кого. Аще ся не останете сихъ, то горшая бѣды почаете по семъ. Но, моляся, вамъ глаголю: приимемъ покаянье от сердца, да Богъ оставит гнѣвъ свой и обратимъся от всѣхъ дѣл злыхъ, да Господь Богъ обратиться к намъ. Се вѣдѣ азъ, поучаю вы, яко за моя грѣхи бѣды сия дѣються. Придѣте же со мною на покаянье, да умолим Бога; вѣдѣ убо, аще ся покаевѣ, будемъ помиловании; аще ли не останетеся безумья и неправды, то узрите горша напослѣдь. Богу же *нашему*.

---

[1] *«И въ последняя лѣта будет знаменья... и глади»*.— Ср. Лк. 21, 11, 25.

[2] *Колико видѣхомъ солнца погибша... Нынѣ же земли трясенье...*— Говорится о землетрясении 3 мая 1230 г., особенно разрушительном в Киеве; перед этим речь идет о солнечном затмении 28 февраля 1206 г., затмении луны 3 февраля 1207 г., о кометах, бывших в 1223 и в 1230 гг.

[3] *...не послушахомъ свѣтилъ великих...*— Речь идет о знаменитых «отцах церкви», почитавшихся на Руси: Василии Великом (329—378), Григории Богослове (328—390), Иоанне Златоусте (347—407).

[4] *Не глад ли? не морови ли? не рати ли многыя?* — Согласно летописи, голод и мор обрушились на Русскую землю в 1230 г.; имеются также в виду первые столкновения русских с монголо-татарскими силами (1223) и постоянные сражения с южными соседями — половцами.

[5] *...аще будете оумножили талантъ...*— Согласно евангельской притче, господин дал рабам несколько талантов, и только один из них не пустил свою долю в оборот, закопав свой талант в землю. Именно этот раб и был наказан вернувшимся господином (Мф. 25, 15—30).

[6] *Не плѣнена ли бысть земля наша? ...к 40 лѣт приближаеть томление и мука...*— Здесь сказано, что монголо-татарское нашествие началось сорок лет назад, следовательно «Слово» произносилось в 1275 г.

[7] *Слышимъ бо Ниневгыю град...*— В библейской Книге Пророка Ионы говорится о пророчествах Ионы; по поручению Бога Иона предрек гибель Ниневии через сорок дней за великие грехи; жители, начиная с царя, покаялись и были прощены Богом, что раздражило Иону, пророчество которого оказалось несбывшимся. Этот текст сам Серапион немного расширяет; так, в Библии не говорится об отлучении младенцев от молока, нет и других подробностей.

[8] *...аки Содома и Гомора...*— В Библии говорится об ужасном разрушении этих городов, погрязших в грехе и разврате.

[9] *...еже любити друг друга... любити ближняго своего аки себе...*— Автор строит поэтическую градацию на нескольких афоризмах из Библии и при этом опускаст не актуальное в его время продолжение этого рода: любите врагов ваших.

[10] *...волхвованию вѣруете...*— «Слово» направлено против языческих обрядов и верований, очень распространенных в то время: ниже излагается смысл некоторых ордалий, например испытание водою.

[11] *...по три лѣта житу рода нѣсть не токмо в Русь, но в Латѣнѣ...*— Русские и западнославянские летописи говорят о неурожаях в 1271—1273 гг.; латина — собирательное название католиков, в том числе и западных славян.

[12] *...оцѣщайте, яко Давидъ пророкъ и царь...*— Царь Давид, отец Соломона, неоднократно истреблял восстававших жителей Иерусалима.

[13] *Слышасте от Бога казнь, посылаему на землю от первыхъ род...*— Серапион перечисляет упомянутые в Библии Божьи кары на людей: потоп, гибель Содома и Гоморры, десять египетских казней, божественную защиту иудеев в их войне с разными народами, мор при Давиде и т. д. Некоторые из упоминаемых здесь событий известны древнерусскому книжнику по светской литературе, например пленение

Иерусалима Титом — из сочинений Иосифа Флавия, переведенных еще в XI в.

[14] *...на гыганта огнем...*— Речь идет об исполинах, якобы живших на земле до потопа и женившихся на дочерях человеческих; в апокрифах, издавна известных на Руси (напр. «Книга Еноха праведного»), а также в переводных хрониках (например, в Хронике Иоанна Малалы, составленной в IX в.) рассказывается о том, что исполины распространили среди людей всяческие пороки, живущие до сих пор, и Бог покарал их огнем; см. также Библию (Книга Бытие).

[15] *...хто буде удавленика или утопленика погреблъ...*— Серапион говорит о поверье относительно самоубийц: их нельзя хоронить, иначе будет неурожай, мор и голод. Серапион борется с суеверием, которое устойчиво держалось до XIX в. (неоднократно описано этнографами).

[16] *Драчь град 4 лѣта стоялъ...*— Город Дураццо на восточном берегу Адриатического моря разрушен и затоплен в результате землетрясения 1273 г.

[17] *...В лясѣхъ от умноженья дождя...*— Польские летописи говорят о большом наводнении, бывшем в 1269 г.

ПЕРЕВОД

1. СЛОВО ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО СЕРАПИОНА

Господи, благослови, отче!

Вы слышали, братья, самого Господа, говорящего в Евангелии: «И в последние времена будут знамения на солнце, и луне, и звездах, и землетрясения по землям, и голод». Тогда сказанное Господом нашим ныне сбылось — при нас, при нынешних людях. Как часто видели мы исчезавшее солнце, и луну померкшую, и звезд изменения! Теперь же и землетрясенье своими глазами увидели: земля, от создания укрепленная и неподвижная, повелением Божиим ныне движется, от грехов наших колеблется, беззаконья нашего вынести не может. Не послушали мы Евангелия, не послушали мы Апостола, не послушали сказания пророков, не послушали святителей великих, назову: Василия и Григория Богослова, Иоанна Златоуста и прочих святителей святых, которыми вера утверждена была, еретики были изгнаны и Бог всеми народами познан был,— а они учили нас беспрестанно, но мы — все равно беззакония держимся! И вот уже поучает нас Бог предзнаменованьями, земля сотрясается по его повелению: хоть и не говорит устами, но делом поучает. Даже так наказав нас, Бог не отучил нас от злого нрава. Ныне — землю трясет и колеблет, грехи беззакония желая с земли отрясти, как листья с дерева. Если же скажет кто: «И до этого землетрясения войны и пожары бывали»,— то отвечу: «Да, верно,

но что же потом было с нами? не голод? не мор ли? не сражения многие? И все равно не покаялись мы, пока не пришел на нас немилостивый народ, как наслал его Бог; и землю нашу опустошили, и города наши полонили, и церкви святые разорили, отцов и братьев наших перебили, над матерями и сестрами нашими надругались». Теперь же, братья, все это признав, убоимся страшного этого наказанья и припадем к Господу своему с обещаньем: да не падет на нас еще больший гнев Господень, да не наведем на нас казни сильнее прежней. Недолго еще будет ждать он нашего покаяния, ждать нашего обращения. Если откажемся от греховных судов и безжалостных, если отстранимся от неправедного лихоимства и всякого грабежа, воровства, разбоя и грязного прелюбодейства, отлучающих от Бога, сквернословия, лжи, клеветы, божбы и доносов и прочих сатанинских деяний,— если в этом переменимся, хорошо я знаю: во благости примут нас не только в сей жизни, но и в будущей, ибо сам Господь сказал: «Возвратитесь ко Мне — вернусь и я к вам, отступитесь от всех — покину и Я вас, казня». Когда же отступим мы от наших грехов? Пожалеем себя и своих детей: когда еще столько внезапных смертей видели мы? Иные не успели порядка наладить в доме своем — и похищены были, иные с вечера в здравье легли — но утром не встали: устрашитесь, молю вас, такого внезапного расставанья! Если же предадимся мы воле Господней,— во всем утешит нас Бог небесный, как сыновей помилует нас, печаль земную снимет с нас, мирный исход в вечную жизнь дарует нам, где торжеств и праздника вечного сподобимся мы, вместе с достойно послужившими Богу. Многое я говорил вам, братья и дети мои, однако вижу: мало приемлете, учением моим исправляясь; многие же не относят его к себе, будто бессмертные — дремлют. Боюсь, как бы не сбылось над ними слово, реченное Господом: «Если бы я не говорил им, то не имели бы греха; теперь же нет им прощения в грехе их». Ибо часто говорю вам: если вы не изменитесь — прощенья не будет пред Богом! Я же, грешный ваш пастырь, завещанное Господом совершил, слово его передаю вам, вы же знаете, как преумножить Господень дар. Когда он придет судить мир и воздать каждому по делам его, тогда потребует с вас ответа — и если вы преумножите свой талант, то восславит вас в славе Отца своего с Духом Святым, ныне, присно и во веки веков!

2. ПОУЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАПИОНА

Большую печаль в сердце своем ношу из-за вас, дети мои, потому что нисколько, вижу, не отвратились вы от дел непотребных. Не так скорбит мать, видя в болезни детей своих, как я, грешный отец ваш, видя вас, страдающих от дел беззаконных. Говорил я вам много раз, желая отвратить вас от злых пороков,— но вижу: нисколько не изменились вы. Если кто-то из вас разбойник — разбоя не бросит, если крадет — воровства не оставит, если другого кого ненавидит — враждует без устали, если кто обижает и грабит — не насытится, если он ростовщик — не перестанет проценты взимать, ибо, согласно

пророку: «Суетится бесцельно: накопляя, не знает, кому собирает». Окаянный и не думает, что он как родится нагим — так и отходит, ничего не имея, кроме проклятья во веки; если кто любодей,— любодейства не бросит, сквернословец и пьяница,— привычек своих не оставит. Как же я утешусь, видя вас от Бога отошедшими? Чему я порадуюсь? Всегда сею в ниву ваших сердец семя божественное, но никогда не вижу, чтоб оно проросло и зерно породило. Умоляю вас, братья и дети мои, переменитесь к лучшему, обновитесь благим обновлением, перестаньте зло творить, устрашитесь создавшего вас Бога, вострепещите суда его страшного! К кому идем, к кому стремимся, отходя от жизни земной? Что скажем, что ответим? Страшно, дети, подпасть под Божий гнев. Почему не думаем, что нас постигнет, пребывающих в жизни такой? Чего не навлекли на себя? Какой казни от Бога не восприняли? Не пленена ли земля наша? Не покорены ли города наши? Давно ли пали отцы и братья наши трупьем на землю? Не уведены ли жены наши и дети в полон? Не порабощены ли были оставшиеся горестным рабством неверных? Вот уж к сорока годам приближаются страдания и мучения, и дани тяжкие на нас непрестанны, голод, мор на скот наш, всласть хлеба своего наесться не можем, и стенания наши и горе сушат нам кости. Кто же нас до сего довел? Наше безверье и наши грехи, наше непослушанье, нераскаянность наша! Молю вас, братья, каждого из вас: вникните в помыслы ваши, узрите очами сердца ваши дела,— возненавидьте их и отриньте, к покаянью придите. Гнев Божий престанет, и милость Господня на нас изольется, и все мы в радости поживем на нашей земле, по уходе от мира сего придем радостно, как дети к отцу, к Богу своему и наследуем царство небесное, ради которого Господом созданы были. Господь сотворил нас великими, мы же своим ослушаньем себя претворили в ничтожных. Так не погубим же, братья, величия нашего: «Не слышавшие завет праведны перед Богом, но — исполнившие его». Если же в чем совратимся, опять к покаянью прибегнем, любовь к Богу проявим, слезы прольем, милостыню нищим по силе сотворим, если сможете бедным помочь — от бед избавляйте. Если не станем такими — гнев Божий будет на нас; всегда пребывая в любви, спокойно мы заживем! Знаем о граде Ниневии: велик был обильем людей, но и полн беззаконья. Как только Бог пожелал истребить его, как Содом и Гоморру, послал Иону-пророка, чтоб предрек он погибель их града. Они же, услыхав, не медля, тотчас отошли от грехов своих и каждый — от бесчестной стези своей, поборов свои беззаконья раскаяньем, и постом, и молитвой, и плачем,— от стариков и до юных, до самых младенцев, которых на три дня от молока отлучили, даже и до скота: и коням, и скотине всей пост сотворили. Так умолили Господа, от казни его освободившись, Божию ярость переменили на милость — и погибель избыли. Предсказанье Ионы было напрасным, отчего он и Богу пенял, и роптал за бесчестье пророчеств своих: ведь град не погиб! Иона, как человек, погибели города ждал; но Бог, увидев в сердцах их истинное покаянье, увидев, что каждый из них отошел от своего зла и делом, и мыслью,— милость несчастным явил. Что же мы скажем об этом? Чего мы не видели? Чего не свершилось над нами? Чем не накажет нас Господь Бог наш, желая нас отвратить от беззаконий наших? Ни единого лета или зимы не прошло ведь, чтобы Бог не наказывал нас, но никак не отрешимся от подлой нашей привычки: кто завяз в каком

грехе — в нем пребывает, к покаянью никто не стремится, никто Богу не обещает искренне зла не творить. Какие кары не примем в сей жизни и в будущем огне негасимом? Так теперь же перестаньте Бога гневить, молю вас! Многие меж вами Богу искренне служат, но на этой земле равно с грешниками наказаны Богом — тем светлее венец получат от Господа, греховным же — больше мучений за то, что казнимы были и праведники за их беззаконья.

Слушая это, устрашитесь, вострепещите, отстаньте от зла и сотворите добро. Сам Господь сказал: «Обратитесь ко мне — обращусь и я к вам». Ждет раскаянья нашего — помиловать нас хочет, и избавить от бед хочет, от зла хочет спасти! Мы ж за Давидом скажем: «Господи, посмотри на смиренье наше и прости все грехи наши, направь нас, Боже, спаситель наш, отврати гнев твой от нас, да не вечно гневайся на нас, да не прострешь гнев твой от рода в род!» Ибо ты Бог небесный, и тебя прославляем вместе с изначальным Отцом и с Пречистым Духом и ныне, и присно, и вечно!

3. ПОУЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАПИОНА

Подивимся, братия, человеколюбию Бога нашего. Как нас к себе приближает? Какими словами ни поучает нас? Какими угрозами нам ни грозил? Мы же, мы — никак к нему не обратимся!

Видев наши прегрешенья умножившимися, видев нас, его заповеди отвергших, предзнаменований много явив, много страха насылал, много рабами своими поучал — и ничем не смог нас наставить! Тогда навел на нас народ безжалостный, народ лютый, народ, не щадящий красоты юных, немощи старых, младенчества детей; воздвигли мы на себя ярость Бога нашего, по Давиду: «Быстро распалилась ярость его на нас». Разрушены Божьи церкви, осквернены сосуды священные, честные кресты и святые книги, затоптаны священные места, святители стали пищей меча, тела преподобных мучеников птицам брошены на съедение, кровь отцов и братьев наших, будто вода в изобилье, насытила землю, сила наших князей и воевод исчезла, воины наши, страха исполнясь, бежали, множество братии и чад наших в плен увели, многие города опустели, поля наши сорной травой поросли, и величие наше унизилось, великолепие наше сгинуло, богатство наше стало добычей врага, труд наш неверным достался в корысть, земля наша попала во власть иноземцам: в поношение мы были живущим окрест земли нашей, в посмех — для наших врагов, ибо познали, будто небесный дождь, на себе гнев Господень! Мы воздвигли ярость его на себя и отвергли великую милость его — и не дали присматривать за нами милосердным очам. Не было кары, которая бы нас миновала, и

теперь непрестанно казнимы: не обратились мы к Господу, не раскаялись в наших грехах, не отступились от злых своих нравов, не очистились от скверны греховной, позабыли страшные кары на всю нашу землю; в ничтожестве пребывая, себя почитаем великими. Вот почему не кончается злое мучение наше: зависть умножилась, злоба нас держит в покорстве, тщеславие разум наш вознесло, к ближним ненависть вселилась в наши сердца, ненасытная жадность поработила, не дала нам оказывать милость сиротам, не дала познать природу людей — но как звери жаждут насытить плоть, так и мы жаждем и стремимся всех погубить, а горестное их имущество и кровавое к своему присоединить; звери, поев, насыщаются, мы же насытиться не можем: того добыв, другого желаем! За праведное богатство Бог не гневается на нас, но, как сказал пророк: «Господь с небес взглянул, чтобы видеть, есть ли кто, разумеющий или ищущий Бога, но все уклонились совместно», и далее: «Неужели не вразумятся творящие беззаконие, поедающие народ мой вместо хлеба?» Апостол же Павел непрестанно восклицает, говоря: «Братья, не участвуйте в злобных деяньях и темных, ибо лихоимцы и грабители вместе с идолослужителями осуждены будут». Моисею вот что сказал Бог: «Если обидой обидите вдову и сироту, возопят ко мне, слухом услышу вопль их, и разгневаюсь яростью, и погублю вас мечом». И ныне сбылось о нас сказанное: не от меча ли мы пали? не однажды, не дважды ли? Что же следует делать нам, чтобы грехи исчезли, те, что терзают нас? Вспомните истинно написанное в Божественных книгах, что и Владыки нашего самая важная заповедь — любите друг друга, милость имейте ко всякому человеку, любите ближнего своего как самого себя, тело свое сохраняйте чистым, не оскверняя его, а коль осквернили, то очистите его покаяньем; не возгордитесь, не воздайте злом за зло. Весьма ненавидит Господь Бог наш злопамятного человека. Как можем сказать: «Отче наш, отпусти нам грехи наши», а сами не прощаем? Какою, сказано, мерою мерите, той и отмерится вам. Богу нашему слава.

4. ПОУЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАПИОНА

Краткое время радовался я за вас, дети мои, видя вашу любовь и послушанье к нашей ничтожности, и подумал, что уже утвердились вы и с радостью приемлете Божественное писание, «на совет нечестивых не ходите и на собрании развратителей не сидите». Но вы еще языческих обычаев держитесь: в колдовство верите, и в огне сжигаете невинных людей, и тем насылаете на всю общину и город убийство; если же кто и не причастен к убийству, но мысленно с тем согласился, сам стал убийцей; или, если мог помочь и не помог — тот сам убить повелел. Из книг каких иль писаний вы слышали, будто от колдовства на земле наступает голод или что колдовством хлеба умножаются? Если же верите в это, зачем тогда сжигаете их? Молитесь вы колдунам, и чтите их, и жертвы приносите им — пусть правят общиной, ниспустят дожди, тепло принесут, земле плодить повелят! Вот нынче три года

хлеб не родится не только в Руси, но у католиков тоже — колдуны ль так устроили? А не Бог ли правит своим твореньем, как хочет, нас за грехи казня? Видел и я в Божественных книгах, что чародейки и чародеи с помощью бесов влияют на род людской и на скот — могут его уничтожить; над теми вершат, а им — верят! Если Бог допустит, то бесы вершат, попускает же Бог лишь тем, кто боится их, а кто веру крепкую держит в Бога — над тем чародеи не властны! В печаль я впал от ваших безумств; молю вас, откажитесь от языческих действий. Если хотите очистить город от неверных людей, я этому рад: очищайте, как Давид, царь и пророк, истребляя в граде Иерусалиме всех творящих беззаконие — тех убиеньем, других же заточеньем, иных темницами, но всегда град Господень от грехов очищал он. Кто же из вас таким был судьей, как Давид? Тот страхом Божиим судил, видел Духом Святым и по правде ответ свой давал. Вы же, как можете вы осуждать на смерть, если сами страстей преисполнены? И по правде не судите: иной по вражде это делает, другой — желая той горестной прибыли, третий — по недостатку ума; хотел бы убить да ограбить, а что и кого убивать — того и не знает! Божьи законы повелевают лишь при многих свидетелях осудить на смерть человека. Вы же только в воде доказательства видите и говорите: «Если начнет утопать — невиновна, коль поплывет — то колдунья!» Не может ли дьявол, видя ваше маловерье, ее поддержать, чтоб не утонула, чтобы и вас вовлечь в душегубство; как же, отринув свидетельство человека, создание Бога, идете к бездушной стихии, к воде, чтобы принять доказательства, Богу во гнев? Наверно, слыхали и вы, что от Бога бедствия на землю ниспосланы с самых древних времен: еще до потопа — на гигантов огнем, при потопе — водою, в Содоме — серой, во времена фараона — десятью казнями, в Ханаане — шершнями и огненным камнем с небес; при судьях — войной, при Давиде — мором, при Тите — плененьем, потом сотрясеньем земли и разрушением града. А в нашем народе чего не видали мы? войны, голод, и мор, и трясенье земли, и, наконец,— то, что отданы мы иноземцам не только на смерть и на плен, но и в горькое рабство. Это же все нисходит от Бога, и этим нам он спасенье творит. А теперь, умоляю вас, покайтесь в прежнем безумье, перестаньте быть тростником, колеблемым ветром. А если услышите некие басни людские, к Божественным книгам стремитесь, чтоб враг наш, дьявол, увидев ваш разум и твердую душу, не смог подтолкнуть вас на грех, но, посрамленный, убрался. Ибо вижу я вас, с великим желаньем идущих в церковь и благоговейно стоящих; о, если бы мог я сердце и душу каждого из вас наполнить Божественным разумом! Да не устану я, вас поучая, и вразумляя, и наставляя. Ведь безмерная жалость давит меня, что вы такой жизни лишитесь и Божьего света не узрите: ибо не может пастух успокоиться, видя овец своих волком расхищенных,— могу ли и я успокоиться, коль многих из вас похищает волк злобный — диавол?! И помня об этом желанье моем спасти вас, постарайтесь угодить сотворившему всех нас Богу, которого вечно достойна всякая слава и честь.

5. СЛОВО БЛАЖЕННОГО СЕРАПИОНА О МАЛОВЕРЬЕ

Печаль многую ношу в сердце о вас, дети мои. Никак не измените мерзких своих привычек, все злое творите, что ненавистно Богу на погибель душе своей. Правду отринули, любви не имеете, зависть и лесть процветают в вас, и вознесся ваш разум. Обычай языческий взяли: кудесникам верите и сжигаете на огне неповинных людей. Где вы найдете в Писанье, что люди властны над урожаем иль голодом? могут подать или дождь, или жару? О неразумные! все Бог сотворяет,как хочет; беды и голод насылает за наши грехи, нас наказав, приводя к покаянью. О маловерные! слыхали о Божьих вы казнях: в древние времена, до потопа, на гигантов — огнем сожжены, и содомляне огнем сожжены, при фараоне — десять египетских казней, при Ханаане раскаленные камни с небес напустил, при судьях войны навел, при Давиде — мор на людей, при Тите — плен на Иерусалим, а затем земли трясенье и разрушение града. И в наше время какого еще мы не видели зла? многие беды, и скорби, и войны, и голод, от неверных насилье. Но никак не изменим злых обычаев наших; ныне же, видя гнев Божий, решаете: если кто висельника или утопленника похоронил — чтобы не пострадать самим, вырываете снова. О, безумие злое! О, маловерье! Насколько мы зла преисполнены и в том не раскаемся! Потоп был при Ное не за повешенного, не за утопленного, но за людские неправды, как и прочие кары бесчисленные. ГородДурац-цо четыре года стоял, морем затоплен, и ныне в море лежит. В Польше от обилья дождя шестьсот человек утонуло, а двести других еще в Перемышле утонуло, и голод был четыре года. И все это было уж в наше время за наши грехи! О люди! это ли ваше раскаянье? тем ли Бога умолите, что утопленника или удавленника выроете? этим ли Божию кару хотите ослабить? Лучше, братья, отстанем от злого, прекратим все злодеянья: разбой, грабежи, пьянство, прелюбодейство, скряжничество, ростовщичество, обиды, воровство, лжесвидетельство, гнев и ярость, злопамятство, ложь, клевету. Я ведь, грешный, всегда вас учу, дети мои, велю вам покаяться. Вы же не прекращаете злых дел. И если когда на нас кара какая от Бога придет, еще больше прогневаем Бога, распространяя приметы: из-за этого — засуха, из-за этого — дождь, из-за этого хлеб не родится; распоряжаетесь Божьим созданьем, но о безумье своем почему не скорбите? Даже язычники, Божьего слова не зная, не убивают единоверцев своих, не грабят, не обвиняют, не клевещут, не крадут, не зарятся на чужое; никакой неверный не продаст своего брата, но если кого-то постигнет беда – выкупят его и на жизнь дадут ему, а то, что найдут на торгу, - всем покажут; мы же считаем себя православными, во имя Божье крещенными и, заповедь Божию зная, неправды всегда преисполнены, и зависти, и немилосердья: братьев своих мы грабим и убиваем, язычникам их продаем; доносам, завистью, если бы можно, так съели б друг друга, - но Бог охраняет! Вельможа или простой человек – каждый добычи желает, ищет, как бы обидеть кого. Окаянный, кого поедаешь?! Не такого ли человека, как сам ты? Не зверь он и не иноверец. Зачем же ты плач и проклятье на себя навлекаешь? Или бессмертен ты? Или не ждешь ни Божьего суда, ни воздаянья каждому по делам его? Ибо – от сна пробудясь, не на молитву ты ум направляешь, а как бы кого озлобить и ложью кого пересилить. А не прекратите, позже горшие беды вас ждут! Потому вам, моляся, говорю: раскаемся все мы от сердца – и Бог оставит свой гнев, отвратимся от всех злодеяний – и

пусть Господь Бог к нам вернется. Ведь знаю я и вам говорю, что за мои грези все эти несчастья творятся. Придите ж со мной на покаяние, и вместе умолил мы Бога, ибо я знаю: если покаемся мы – будем помилованы; если же не оставите вы безумья и неправды, то увидите худшее после. Богу же нашему слава.

ПОСЛАНИЕ ЯКОВА-ЧЕРНОРИЗЦА К КНЯЗЮ ДМИТРИЮ БОРИСОВИЧУ

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова

ВСТУПЛЕНИЕ

«Послание...» — один из ценнейших источников по истории русской культуры конца XIII в. и интересный памятник литературы того времени. Оно адресовано историческому лицу — Дмитрию Борисовичу (1253—1294), князю угличскому (с 1286 г.), а затем ростовскому (с 1289 г.). Это был воинственный князь, не гнушавшийся никакими неправдами и насилием в получении волостей, еще более раздробленных после нашествия татар; он сражался и с сыновьями Александра Невского, признанного тогда руководителя русской земли, с ближайшими родичами и даже с родным братом. Автор послания известен лишь по имени; судя по содержанню, это был духовник князя, очень часто подвергавшийся нападкам со стороны последнего. По разным соображениям время написания относят к 1281 г. или к последнему пятилетию жизни князя, когда тот стал ростовским владетелем.

Текст публикуется по рукописи конца XV в.: *РНБ*, Q.I.1130, л. 347—352, с поправками по изданию: *Смирнов С. И*. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912, с. 189—194.

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНЬЕ ИЯКОВА ЧЕРНОРИЗЬЦА КО КНЯЗЮ ДМИТРЕЮ БОРИСОВИЧУ

Добро бо от Бога къ Божию слузѣ начати,[1] великому князю Дмитрею отъ многогрѣшнаго черноризьца Якова.

Написалъ еси покаянье свое велми смирено, и жалостно слышати, понеже много с подъпаденьемъ. Да вѣсть умъ твой, иже тя разумомъ кормить, рече Господь о покаяньи единого человѣка «Вси ангели

радуются на небесехъ»,[2] и самъ хощеть обращенья, а не смерти, и на землю сниде не праведныхъ дѣля, но грѣшныхъ. Жертва бо Богу духъ скрушенъ, сердца смирена николи же не уничижить,[3] жертва бо Его подъ языкомъ ти, и законъ Его посредѣ чрѣва ти. И что ся сдѣяло про мене, того всего простить тя Господь Исусъ, всего мира грѣхи вземъ, отъ тайныхъ твоих очистить тя.

Молюся Ему отъ сердца, что ли же уже минуло, то и мы слабѣише будемъ, но буди всегда бъдръ и стражь тѣлу своему, блюдися запойства, того бо Духъ Святый бѣгает, и гордости, сему Господь противится, и безаконьнаго смѣса: всякъ бо грѣхъ кромѣ насъ есть, а блудяи свое тѣло оскверняеть.[4] Ни мужь честенъ не внидеть в калню храмину, а ли Богъ.

Соломонъ бо, се искусомъ приимъ, всѣмъ заповѣда, глаголя:[5] «Не внимай бо любодѣици, медъ бо каплеть отъ устъ ея, а послѣже горчае золчи и чемери», «не стрѣтай жены сничавы, отврати очи от жены красны», любодѣянья бо жены во высотѣ очью. Да не удолѣеть ти похоть чюжея доброты, и во слѣдъ очью не идеть сердце ти; видъ бо любодѣйци — стрѣла есть чемерита: уязви лицемъ и ядъ въ сердце вложи, и мысли аки мухи вязнуть в поставъ паучий, аки искра медливши в половахъ, пламеньмъ воспалится; неводъ бо сердце ея, и сѣти уды ея, и узы в руку ея, и ловление бесѣды ея, осилы устенъными заведеть во блудъ,— акы волъ поверъстъ послѣдуеть ей на заколенье, аки песъ жажелемъ, а не вѣсть, яко о души течеть. В добротѣ бо женьстѣ мнози заблудишася и пополъзнушася в пагубу, смертию въ адъ, жены бо честныхъ мужь душа уловляют.

Егуптянини не взору ли Иосифову восхотѣ,[6] скорбь и до смерти въведе, и про сестру его Дину,[7] сикимляне погибоша[8] и Самсонъ, с ним же Духъ Господень хожаше, и Давидъ, его же Богъ обрѣте по сердцу си, и бысть рабъ очному взору и двое зло створи, и Амомонъ сестры ради Фамары злѣ убьенъ,[9] и Соломонъ паче всѣхъ человѣкъ[10] имѣя премудрость, женами погибе, и старци, судьи Вавилону,[11] похотѣста Сусанѣ, побьена от людей. И Господь, провѣдый *душетлѣнный* вредъ, рече: «Всь возрѣвый на жену въ похоти ея, уже прелюбодѣвьствовавъ во сердци».[12] Гнушаеть бо ся Господь нечестивыхъ мысли, паче же ражающаго *ярь сердца* и мудрующаго со сластохотѣньемъ, акы Евга съ бесловеснымъ гадом бесѣдуя, съ змиемъ: поползни бо суть змиевы мысли, въ дрязгахъ темных вредъ *почивая*, гнѣздятся и свѣта не любять, но, акы нетопыреве, во тму пруть: во тмѣ бо есть учитель их.

Мужества бо не дошедль и ни разума еще имѣя, что соблазнихомся? Абы не попустил и нынѣ уносит играти собою, варуйся чресъестественыхъ, сверепа бо есть похоть, акы дикая быль, о себѣ возникъши, на недѣланѣ нивѣ. Имаши силу и удолѣти сеи страхом Божиимъ, аки тяжарь оттребляти садъ желѣзомъ чюжа прилогы, акы *кормьчии* волны минуя, *направляемъ* благодатью, и не съступи праваго пути. Имаши жену, матерь похотемъ, ея же ради остави отца и матерь и, по апостолу, не токмо не скверно ложе, ино честно.[13] Не сравнаеть бо ся смрадъ с вонею, ни зла воня со смрадом, ни безаконие со закономъ.

Живый въ чистотѣ, акы въ церкви святѣи потыкаемъ свѣстью в горнии Еросалимъ, и тамо в первѣньцѣхъ же вписанъ имаши быти, помня оного, иже по возлежании чертожнѣмь изгонима; гнѣвъ и ярость на согрѣшившая удержи и умалиши грѣхы.

Яко молишися Бога — остави ми, якоже оставихъ,[14] благорасуденъ буди, да ни единого вреда на *многиѣ* възидеть; ни мьщай врагу, пожди Господа,[15] дати поможеть: терпѣнье бо не на лици обрѣтаеться, но въ сердци, не рѣчью издаеться, но дѣлом.

И бысть неприпорно ти слышати, чюдно указанье: *сѣдяи* на хѣрувимѣхъ, Вседержьць воины водимъ связанъ, сѣдяи одесную Отца, на судѣ архиерѣю Пилату стоить, воспросим; и, слышавъ отъ него истину, гнѣваются; лице просвѣтивше си паче солкца, безаконьники ударяемъ, плеваху, храчюще на лице его; плюновеньемъ отъ рода слѣпаго исцѣливъ, а прочая вѣдома ти. Аще бо божий Сыкъ и мышца господня се подъятъ от человѣкъ без грѣха сы за насъ, да мы, человѣци, от человѣкъ тоже стража, не благодать воздаемъ, но искупаемся долгу.

Да не в годы мирныя Исусъ другъ буди, а в годъ ратенъ врагь.[16] Малъ квасъ око смутить, мало слово ярость родить и малыми болѣзньми большихъ изъбыти. Мужь бо терпѣливъ по терпѣнью знаеться, Соломонъ рече: «Терпѣливый лучши крѣпкаго обладый душею своею».[17] Мука есть в мысли тайна, симь и безъ желѣза можемъ быти мученици, аще бо бы молился за пакостьникы, того и бѣси бояться.

Полюби Христа, послушай глаголюща ко апостоломъ[18]: «Отъ сего вы разумѣють вси, яко мои ученици есте, аще любите друг друга, а не аще чюдеса творите», и Павелъ рече[19]: «И аще имѣю вѣру, яко и горы преставляти, и раздаю все имѣнье, любьве же не имѣю — ничтоже успѣю». Богословець рече[20]: «Любяй Господа преже и братью

возлюби»: указъ бо первому второе. Любы и Богъ есть сынотворенье человѣкомъ досяжено, море смиренью, бездна — долготерпѣнью, источьникъ и огньнъ, елико въскипить, толико жажущего душю запалить. Аще и чюдесы подражати апостолы хощеши, и се ти мощно: они хромым ходити створиша и рукы сухымъ исцѣлиша, а ты храмлющая о вѣрѣ научи, и нози текущихъ на игры къ церкви обрати, [21] и руцѣ исъсохши от скупости к нищимъ на подание простерти створи. И, страстемъ ихъ подражатель хотя быти, аще борения таковаго нѣсть, но вѣнцемъ такимъ не отступило время — и не отстала бо рать дьяволя, не гонять бо человѣци, но бѣси, не мучитель, но дьяволъ. Они терпѣша огнь, звѣри и мечи остры, а ты похоть възгарающюся и мысли звѣрины изутрь востаюша и языкы злыхъ человѣкъ, по реченному, обостриша, яко копья, языки своя.[22] Сего ради Павелъ велить присно вооруженым быти: милостивии помиловани будуть, милость бо на судѣ при всѣмь *лишше* хвалима есть и смерти избавляеть. «Сѣяи щадя, щадя и пожнеть»,[23] рече Павелъ. «Все вашею любовью да бываеть». И се ти будеть указъ: Ефъфая князя единородная дщи и убогия вдовы двѣ мѣдницѣ,[24] не вѣдѣ, сровналъ ли будеть? Кому то принесени быша правила, своего не остави противу силѣ, се же бы добро в тайнѣ: дѣвица бо хранима и любима внѣшними,[25] аще ли исходить, то всѣмъ годѣ есть, от инѣхъ прокудима.

Буди, аки пчела, извону нося цвѣты, а внутрь сты дѣлая, да не дымъ въ солнца мѣсто примеши. И не рцы, что зло творя: «Аще бы се не годно Богу, не попустилъ бы самъ». Власть далъ есть человѣку нераскаяненъ даръ его: не терпить идолослужащимъ и отмѣтающимся его, и еретиком, и дьяволу. Или, готову имѣя цѣлбу покаяньи, и будеши часто огражаяся, еже не любо Богу?

А без вѣсти и утрений день, а, рку, и днешний, и нѣсмѣ тому властели, и никтоже вѣсть о себѣ в тайных божиихъ судѣхъ, да вси трепещемъ о своемъ дѣлѣ. Позорище бо есмы ангеломъ и человѣкомъ, и ангелы знаменаются на всяк день, кто что предложить, и ты вникъ во сердци си и мыслью проиди всю тварь и расмотри и: торгъ житья человѣча как ся расходить, по писаному,[26] все стѣня и немощнѣе. И зри Господа с небесъ уже грядуща на судъ человѣческымъ тайнамъ и всѣмъ воздати по дѣломъ его. Вѣдомо ти буди: огнь нас ждеть и огньмь питану быти, и огньмь открывается житье же человѣчѣ, и огньмь искушена будуть дѣла наша. Буди, акы в геонѣ уже врящи! Се жестоко глаголю, да жестока не искусишь и преже времене сготовимъ ищемаго въ время. По пяти дѣвиць мудрыхъ[27] — се есть цѣла ума дѣло и свершеныхъ свершеное свѣршеньство. Аще знаема ти будуть Божия, то во свѣте еси Божий свѣтъ мирови, и възлюбить доброту сердца ти, и благословить мощь твою, и дѣла руку твою прииметь.

Се не ласкаясь тебѣ или явити хотя, что вѣдая, или самъ что добро творя, сердовидець есть Богъ, но от любви и от печали и о души твоей, абы ты успѣлъ на добрая. Моего ума, и самъ вѣси, разумъ несвершенъ и всякого невидѣнья исполнь, крыти немощно. Паулъ кореньфѣемь рече[28]: «Аще изумѣхомъся — то Богови, аще умудрихомся — то вамъ». Не уничижаю силы Божья всемощныя, ни отмещю дара, туне данаго ми: от скверна тѣла и от скаредна сердца, от нечистыи души и груба ума и нестроины мысли, от безърасудна языка, и отъ нищю устну слово богато силою и разумомъ Святыя Троица умножено, ни на небеси горѣ, ни на земли долѣ. И ничтоже боле сего, еже знати Господа и повиноватися десници Его, и шюйци Его, и твори-ти волю Его, и блюсти заповѣди Его. Имя бо велико не введеть во царство небесное, ни слово баздѣлно пользуеть слышащимъ, слово бо, дѣлы утворено, вѣры достойно ся творить. Ему же слава в вѣкы вѣком. Аминь.

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЕ ЯКОВА-ЧЕРНОРИЗЦА К КНЯЗЮ ДМИТРИЮ БОРИСОВИЧУ

Ведь хорошо от Бога к Божьему слуге начать — великому князю Дмитрию от многогрешного монаха Якова.

Прислал ты свое покаянье, такое смиренное — жалостно слышать, так много в нем уничиженья. Пусть знает твой ум, который разумом тебя насыщает, что сказал Господь о покаянье одного человека: «Все ангелы радуются на небесах», и сам он хочет спасенья — не смерти, и на землю сошел не праведных ради, но грешных. Жертва же Богу дух сокрушенный, смиренное сердце он никогда не презрит, жертва его на твоем языке, и закон его в сердце твоем. И все, что случилось со мною, за все то простит тебя Господь Иисус, принявший грехи всего мира, от скрытых грехов очистит тебя.

Сердцем молюсь ему, чтобы это минуло уже, нас не ослабив, всегда же будь бодр, храни свое тело, запойства блюдись, его избегает и Дух Святой, и гордыни, которой Господь противится, и беззаконных связей: ибо всякий грех вне нас, а блудливый тело свое оскверняет. И честный муж не войдет в оскверенный храм, а то ли Бог.

Соломон же, искушенья все испытав, всем заповедал, так говоря: «Любодейки не слушай: каплет мед с ее уст, а потом горче желчи и яда», «не встречайся с женщиной распутной, отврати очи от женщины красивой», потому что любодеянье женщин в глубине глаз. Пусть не

прельстит тебя похоть к чужой красоте, и вслед оку пусть сердце твое не идет; взор любодейки, как стрела, ядовит: поранит наружи и яд впустит в сердце, и мысли завязнут, как мухи в тканине паучьей, как искра, в соломе затлевши, огнем возгорится; и невод — сердце ее, и сети — члены ее, и узы — в ее руках, и приманка — речи ее, силками губ своих увлечет на блуд — и вот, как связанный вол, пойдет вслед за ней на закланье, как пес на цепи, и не ведает он, что душу теряет. В красоте ведь женской запутались многие и попали в беду, а по смерти — в ад, ибо уловляют женщины души честных мужей.

Египтянка не обратила ли взор на Иосифа, а скорбь довела до смерти, также сестра его Дина, и сихемляне погибли, и Самсон, с которым ходил Дух Господень, и Давид, которому Бог благоволил, стал рабом одного только взгляда и двойное зло совершил, и Амнон, из-за Фамары-сестры злобно убитый, и Соломон, наимудрейший среди всех людей, из-за женщин погиб, и старцы, вавилонские судьи, пожелавшие Сусанну, побиты людьми. И Господь, осознав душетленный вред, сказал: «Всякий, взглянувший на женщину с тайным желаньем, уже прелюбодействовал в сердце своем». Потому что гнушается Бог нечестивых помыслов, особенно тех, что рождают жар в сердце и сластолюбие в мысли, как Ева в беседе с гадом безмолвным, со змием, ибо змииные мысли ползучи: в темных чащах, вред сотворяя, гнездятся и света не любят, но, будто нетопыри, в мраке ныряют, ибо во мраке учитель их.

До зрелости еще не дойдя и разума мало имея, на что соблазняемся мы? Чтобы не дать и теперь юности шутить над собою, остерегайся разврата, ибо похоть свирепа, как дикое зелье, само по себе возникает на непаханой ниве. Имеешь ты силу ее одолеть страхом Божьим и, как земледелец, железом очистить от дикой поросли сад, как кормчий, волны минуя, благодатию правит и не собьется с верной дороги. Есть и жена у тебя, источник желаний, ради которой оставил мать и отца и, по слову апостола, имеешь ложе не только не порочное, но честное. Ведь не сравняется смрад с благовоньем, ни зловонье со смрадом, ни беззаконье с законом.

Живя в чистоте, как в церкви святой, устремленный совестью к горнему Иерусалиму, и там среди первых ты будешь записан, помня тех, кто после ложа в чертоге попадает в изгнанье; гнев и ярость на согрешивших сдержи и грехи тем уменьшишь.

Когда ты молишься Богу — прости меня, как и тебя я простил, и будь благоразумен, пусть никакого вреда не будет другим; не мсти врагу,

дождись Господа, пусть он поможет: ибо терпенье находится не на виду, но в сердце, не словом оно познается, но делом.

И было приятно слышать тебе объяснение чуда: сидящий на херувимах Вседержец — в путах влеком был охраной, сидящий одесную с Богом — на судилище пред архиереем Пилатом стоит на допросе, и, услышав от него истину, впадает Пилат в гнев; лицо, просветленное ярче солнца, ненавистники били, плевали, харкнув в лицо того, кто плевком исцелил от рожденья слепого; и прочее все известно тебе. Но если сын Божий и мышца Господня принял это от людей, безгрешный — за нас, то мы, человеки, от таких же людей пострадав, не благодать воздаем, но искупаем свой долг.

Да не будет Иисус нам другом только в мирные годы, а в ратные годы — врагом. Чуть кислоты око сожжет, малое слово ярость родит, малым страданьем — больших избыть. Муж терпеливый в терпенье познается, Соломон ведь сказал: «Терпеливый лучше сильного». Хранящий душу свою страдает тайною мыслью об этом.И без мучений можем стать мучениками, ибо если молишься за творящих злое — того и бесы боятся.

Возлюби Христа, послушай, что говорит он апостолам: «Потому признают вас все моими учениками, что любите вы друг друга, а не за то, что творите чудеса», и Павел сказал: «Если есть во мне вера — и горы могу своротить, и раздам все именье мое, но не имею любви — ничего не сумею». Богослов же сказал: «Любящий Господа, ближних сперва полюби: ибо символ первого — второе». Любовь — это Бог, достигнутое человеком благосыновство, море смиренья, бездна долготерпенья, огоненный источник, что, вспыхнув, жаждущего душу зажжет. Коль чудесами подражать апостолам хочешь — и это возможно для тебя: те дали хромым ходить и руки сухоруким исцелили, а ты охромевших в вере наставь и ноги бегущим на игры к церкви своей обрати, и руки усохших от скупости к нищим на подаянье направь. Ты и мучениям их подражать бы хотел, но если нет от стремленья такого, время венцу не прошло,— еще не отстали приспешники дьявола: не люди преследуют ведь, но бесы, не палач, но дьявол. Те претерпели огонь, и зверей, и острые мечи, ты — воспламененье похоти и мысли звериные, изнутри восстающие, и языки злых людей, о которых сказано: «Заострили, как копья, языки свои». Поэтому Павел велит всегда вооруженным быть; милосердные будут помилованы, ибо жалость на последнем суде будет славиться и от смерти избавит. «Сеющий скупо, скупо пожнет»,— сказал Павел.— «Будьте богаты на всякую щедрость». И вот тебе будет пример: Еффая-князя единственная дочь и убогой вдовы две жалкие монеты — не знаю, можно ли их сравнить? И кому даны были наставления к службе, своего не оставь и

насильно, ибо в сокровении благо: как дева любимая, от чужих взглядов укрытая, но если выходит — не всем это нравится, иные и осуждают.

Будь как пчела, извне нектар приносящая, внутри же соты творящая, чтобы дым не принять за солнце. И, делая зло, не говори: «Если бы то не угодно Богу, не допустил бы сам». Власть он дал человеку, дар непримиримости: не терпит язычников, и его отрицающих, и еретиков, и дьявола. Или, имея целебное покаяние, будешь часто защищаться, творя неугодное Богу?

Неизвестен и завтрашний день и, добавлю, сегодняшний, и над ними не властны мы, и никто не знает сам о себе в тайных Божьих сужденьях; так вострепещем же каждый о своих делах. Ведь все мы открыты взорам ангелов и людей, а всякий день означен ангелом, что тебе предстоит, и ты, вникнув в сердце свое, мысленно вспомни творенье и рассмотри торжище жизни людской, как, согласно завету, все проходит как тень, исчезая. И на Бога смотри, с небес грядущего на суд человеческих тайн, всем воздать по делам их. Знай же: ждет нас огонь, огнем нам насытиться, огнем открывается жизнь человека, огнем проверены будут дела наши. Будь как в геенне, уже кипящей. Говорю так сурово, чтоб не узнал ты суровее слов, раньше срока изготовимся к неизбежному сроку. Пять мудрых дев — это образ чистых умов и совершенных совершенное совершенство. Если известны тебе будут Божьи слова, тогда ты — в сиянье Божьего света для мира, и возлюбит доброту твоего сердца, и благословит силу твою, и деянья рук твоих примет.

Говорю так, не льстя тебе или показывая, что все знаю и творю добро, видит Бог, но от любви и в печали о душе твоей, чтобы успел ты добро совершить. Разум ума моего, и сам ты знаешь, нетверд, всякого незнанья исполнен, это и скрыть невозможно. Павел коринфянам сказал: «Если обезумеем — то Богу, если умудримся — то вам». Не принижаю силы Божьей всемощной, не отметаю дара, напрасно мне данного: из нечистого тела, из скупого сердца, из бесчестной души и грубого разума, в беспорядочной мысли с безрассудного языка и с нищих уст слово, силой богатое, приумножено смыслом Святой Троицы ни на небе вверху, ни на земле внизу. Нет ничего важнее, чем сознавать Господа, и повиноваться деснице его и шуйце его, и творить волю его, и соблюдать заповеди его. Потому что знатное имя не введет в царство небесное, и слово без смысла не на пользу слышащим, лишь слово, подтвержденное делом, веры достойным становится. Ему же слава во веки веков. Аминь.

НАСТАВЛЕНИЕ ТВЕРСКОГО ЕПИСКОПА СЕМЕНА

Подготовка текста, перевод и комментарии Д. С. Лихачева

ВСТУПЛЕНИЕ

Епископ Семен умер в 1288 г. Его «Наставление» включено в состав «Мерила праведного», сохранившегося в рукописях середины XIV—XVI вв. Текст печатается по списку середины XIV в.— *РГБ*, Троицкое собрание, № 15.

ОРИГИНАЛ

СЕМЕНА ЕПИСКОПА ТФѢРЬСКАГО НАКАЗАНИЕ

Костянтин князь полотьский нарицяемый Безрукий, у собе в пиру хотя укорити тивуна своего нѣочемь, рече епископу пред всѣми: «Владыко, кдѣ быти тивуну на ономь свѣтѣ?» Семен епископ отвѣчалъ: «Кдѣ и князю!» Князь же, не улюбивъ того, молвить епископу: «Тиунъ неправду судить, мьзду емлеть, люди продаеть, мучить, лихое все дѣеть; а язъ что дѣю?» И рече епископ: «Аже будеть князь добръ, богобоин, жалуеть людий, правду любить,— исбираеть тиуна или коего волостеля — мужа добра и богобоина, страха Божия полна, разумна, правдена, по закону Божию все творяща, и суд вѣдуща, И князь в рай, и тивун в рай. Будеть ли князь без Божия страха, христьян не жалуеть, сирт не милуеть, и вдовицями не печалуеть,— поставляеть тивуна или коего волостеля — человека зла, Бога не боящася и закона Божия не вѣдуще, и суда не разумѣюще, толико того дѣля, абы князю товара добывал, а людий не щадить. Аки бѣшена человѣка пустилъ на люди, дав ему мечь, — тако и князь, дав волость лиху человѣку губити люди. Князь во ад и тиун с нимь во ад!»

ПЕРЕВОД

НАСТАВЛЕНИЕ ТВЕРСКОГО ЕПИСКОПА СЕМЕНА

Полоцкий князь Константин, прозванный Безруким, собираясь укорить у себя на пиру за что-то своего тиуна, сказал при всех епископу: «Владыко, где будет тиун на том свете?» Епископ Семен отвечал: «Где и князь!» Князь же, рассердившись, говорит епископу: «Тиун неправедно судит, взятки берет, имущество людей с торгов продает, мучит, злое все делает, а я тут при чем?» И говорит епископ: «Если

князь хороший, богобоязненный, людей бережет, правду любит, то выбирает тиуном или иным начальником человека доброго и богобоязненного, исполненного страха Божия, разумного, праведного, творящего все по законам Божиим и судить умеющего. Тогда князь — в рай, и тиун — в рай. Если же князь лишен страха Божия, христиан не бережет, сирот не милует и вдовиц не жалеет, то ставит тиуном или начальником человека злого, Бога не боящегося, закона Божия не знающего, судить не умеющего,— только для того, чтобы добывал князю имущество, а людей не щадил. Как взбесившегося человека напустить на людей, вручив ему меч,— так и князь, дав округу злому человеку, губит людей. Тут и князь — в ад, и тиун с ним — в ад!»

СКАЗАНИЕ ОБ ИНДИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова

ВСТУПЛЕНИЕ

Греческое литературное произведение (XII в.) «Послание» мифического индийского царя-христианина Иоанна византийскому императору Мануилу попало на Русь в XIII или в XIV в. На русской почве, видоизменяясь и переплетаясь с другими произведениями, оно зажило собственной жизнью. В числе других произведений испытала влияние «Сказания» и былина о Дюке Степановиче. Для читателей русского средневековья «Сказание об Индийском царстве», очевидно, играло ту же роль, какую в современной нам литературе играет утопия. Отрывок первой русской редакции «Сказания» сохранился в составе сербской «Александрии». Два самых ранних списка «Сказания» (второй половины XV в.) дают уже вторую его редакцию; эта редакция и представлена здесь по одному из этих списков (*РНБ*, Кирилло-Белозерское собрание, № 11/1088, лл. 198—204); незначительные исправления неясных по смыслу мест сделаны согласно другому списку (*РГБ*, Волоколамское собрание Московской Духовной академии, № 309 (667), лл. 1—7). Во всех списках «Сказания», за исключением положенного здесь в основу Кирилло-Белозерского, текст речи царя Ивана обрамлен предисловием и заключением. Вот перевод на современный язык предисловия и заключения по Волоколамскому списку: «Царь Греческой земли Мануил послал своего посла к индийскому царю Ивану, и послал к нему много даров, и повелел послу расспросить о величестве его силы и о всех чудесах Индийской земли. Дойдя до Индийской земли и отдав дары царю Ивану, посол попросил его начать говорить. Царь же Иван принял дары с великою любовью, дал в ответ многие дары и сказал: “Передайте царю своему Мануилу: если хочешь узнать мою силу и все чудеса моей земли, продай всю свою Греческую землю и приходин ко мне сам послужить у меня; я сделаю тебя вторым или третьим слугой; а затем ты вернешься в свою землю. Будь ты и в десять раз выше, не описать тебе на хартии со всеми книжниками твоими царства моего даже до исхода души твоей. А цены твоего царства не хватит тебе на хартию, потому что невозможно тебе

описать моего царства и всех чудес моих”». И заключение: «И отпустил посла греческого с великою честью и со многими дарами к царю Мануилу. И после этого других послов не было в Индийской земле. Богу нашему слава. Аминь».

ОРИГИНАЛ

Азъ есмь Иоаннъ, царь и попъ, над цари царь, имѣю под собою 3000 царей и 300. Азъ есмь поборникъ по православнои вѣрѣ Христовѣ. Царство мое таково: итти на едину страну 10 месяць, а на другую немощно доитти, занеже тамо соткнуся небо з землею. Есть у мене в единой странѣ люди нѣмы, а в ыной земли люди рогаты, а в ыной странѣ люди трепяцдци, а иныя люди 9-ти саженъ, иже суть волотове, а иныя люди четвероручны, а иныя люди о шти рукъ. А иныя у мене земля, в нейже люди пол пса да пол человѣка, а иные у мене люди в персех очи и рот, а во иной земли у мене люди верху рты велики, а *иные* у мене люди скотьи ноги имѣюще. Есть у мене люди пол птици, а пол человѣка, а иныя у мене люди глава песья; а родятся у мене во царствии моемъ звѣрие у мене: слонови, дремедары, и коркодилы и велбуди керно. Коркодилъ звѣрь лютъ есть, на что ся разгнѣвает, а помочится на древо или на ино что, в той час ся огнем сгорит. Есть в моей земли пѣтухы, на нихже люди яздят. Есть у меня птица ногой, вьет себѣ гнѣздо на 15 дубовъ. Есть в моемъ царствии птица финиксъ, свивает себѣ гнѣздо на новъ месяць и приносить от огня небеснаго и сама зажагаеть гнѣздо свое, а сама ту тоже сгараеть; и в том же попелѣ заражается червь, и опернатѣеть, и потом та же птица бываеть едина, болѣ того плода нѣтъ той птици, 500 бо лѣт живеть. А посреди моего царства идеть рѣка Едемъ из рая, в той рѣцѣ емлют драгий камень акинф и самфиръ, и памфиръ, и измарагдъ, сардикъ и аспидъ, *тверд* же и *аки* угль горящь. Есть камень кармакаулъ, той же камень господинъ всѣм камениемъ драгим, в нощи же свѣтит, аки огнь горить. Есть у мене земля, в ней же трава, еяже всякъ звѣрь бѣгаеть. А нѣтъ в моей земли ни татя, ни разбойника, ни завидлива человѣка, занеже моя земля полна всякого богатьства. А нѣтъ в моей земли ни ужа, ни жабы, ни змеи, а хотя и воидеть, ту и умреть. Есть у меня земля, в ней же ражается перець, вси людие по то ходять. Опроче всѣх есть у нас море, пѣсочное езеро, да николиже не стоить на едином мѣстѣ, отколѣ *ветр потянеть, ино поидеть валъ* и восходять тѣ валы на брег за 300 верстъ. Того же моря не преходить никаков человѣк ни кораблем, ни которым промыслом. И за тѣм морем не вѣдает никаковъ человѣк, есть ли тамо люди, нѣт ли, и с того моря в нашю землю текут рѣкы многи, в нихже рыбы сладкы; и посторонь того моря за 3 дни суть горы высокы, от них же течеть рѣка каменна; валится камение великое и малое по себѣ 3 дни. Идет же то камение в нашю землю в то море пѣсочное, и покрывают валове моря того и. Близ тоя рѣкы едино днище есть горы пусты высокы, ихже верха человѣку не мощно дозрѣти, и с тѣх горъ течеть рѣка под землею невелика; но во едино время разступается земля над рѣкою тою, и кто узрѣвъ да борзо воскочит в рѣку ту, того ради да бы ся о немъ земля не соступи, а что похватить и вынесеть борзо, оже камень, той драгий камень видится, а яже пѣсок похватить, то великы женчюгъ возмется. Та же рѣка течеть в великую рѣку, люди же тоя земли ходят на устье рѣкы, а емлють драгый камень четьи и

женчюгъ, а кормят свои дѣти сырыми рыбами; и понираються в рѣку ту иныя на 3 месяци, а иныя на 4-ре месяци, ищуть камения драгаго. За тою рѣкою едино днище есть горы высокы и толсты, нелзѣ на них человѣку зрѣти. И с тѣхъ горъ пылаеть огнь по многым мѣстом, и в том огни живут черви, а безо огня не могуть жити, аки рыбы без воды, и тѣ черви точать ис себе нити, аки шиду, и в тѣх нитех наши жены дѣлагот намъ порты, и тѣ порты коля ся изрудят, водою их не мьют, вергут ихъ в огонь, и како разгорятся, ини чисти будут. Есть у мене во иной странѣ звѣзда именем Лувияарь.

А егда поидем на рать, кому хощем болшей работѣ предати, идут пред мною и несут ту 20 крестовъ и 20 стяговъ. Тѣ же кресты и стязи велици злати с драгими каменми и с великыми женчюги здѣлани, в нощ же свѣтят аки в день. Тѣ же кресты и стязи идут на 20-ти колесницах и 6-ти, а у которыя же колесница служат по 100 тысящ конник, а по 100 тысящ, пѣшие рати, опричь тѣх, которыя на нас брашно везут. А коли поидем к нарочиту мѣсту на бой, ини несут пред мною единъ крестъ древянъ, на немже изображено Господне распятие, того ради да быхом поминали Господню страсть и распятие. Сторонь того креста несут блюдо злато велико, на немже едина земля: на землю зряще, поминает, яко от земля есми создани и паки в землю поити имамы. А се с другую страну блюдо несут другое злато, на немже драгий камень и четей женчюг, на ньже зряще величается наше господьство. Идут же пред мною 3 проповѣдници, возглашают велиимъ гласомъ. Единъ вопиеть: «Се есть Царь царемъ, Господь господемъ», а другий вопиеть: «Силою крестною а Божиею благодатью и помощию». А третий вопиеть умилным гласомъ, яко: «От земли есмы сътворени и в землю паки поити имамы». И пакы же престанемъ глаголати. О силѣ же не глаголю, якоже бо рекох.

Дворъ у мене имѣю таковъ: 5 ден ити около двора моего, в немже суть полаты многы златыя и сребреныя и древяни изнутри украшены, аки небо звѣздаи, а покровены златом. И в той полатѣ огнь не горить; аще ли внесут, в той часъ огнь погаснет. Есть у мене иная полата злата на осмидесят столповъ от чистаго злата, а всякий столп по 3 сажени в толстоту, а 80 саженей в высоту. В тойже полатѣ 50 столпов чистаго злата, на всѣх же столпѣх по драгому камени. Камень самфир имат свѣт бѣл, камень тонпазъ аки огнь горить. В той же полатѣ есть столпа два: на едином столпѣ камень, имя ему тропъ, а на другом столпѣ камень, имя ему кармакаулъ, в нощи же свѣтить камень той драгый, аки день, а в день, аки злато, а оба велики, аки корчаги. В той же у мене полатѣ огнь не горить: аще внесут, то борзо погаснет: развѣ бо той огнь горит, идеже идеть из древа негнеющаго, имя древу тому шлема. Того мира вливают в паникадила и зажигают, ино той огнь горить и тѣмъ миром в которую верству помажется человѣк, старъ или молод, болѣ того не старѣется, а очи его не болят. Та же полата выше всѣх полат. Верху тѣх полат учинена два яблока златы, в нихже вковано по великому каменю самфиру, того ради, дабы хоробрость наша не оскудѣла. Суть бо 4

камени на столпѣх того ради, дабы потворници не могли чаровъ творити над нами. Есть у мене иная полата злата велика, какъ очима видети, на столпѣх златых; два велики камени кармакаулъ в нощи свѣтять в той же полатѣ у мене.

А обѣдають со мною на трапезѣ по вся дни 12 патриархов, 10 царей, 12 митрополитов, 45 протопоповъ, 300 поповъ, 100 диаконов, 50 пѣвцевъ, 900 крилосников, 365 игуменов, 300 князей; а во зборной моей церкви служать 300 игуменовъ да 65, да 50 попов, да 30 диаконов, и обѣдают со мною; а столничают у мене и чаши подають 14 царей да 40 королей, да 300 боляръ; а поварню мою вѣдают два царя да два короля опроче боляръ и слугъ. Тѣ же цари и короли бывъ, да прочь ѣдут, а иныя приѣжчают.

А еще у мене лежить апостолъ Фома.

Есть у мене земля, в нейже суть люди, очи у них в челах. Есть у мене полата злата, в неиже есть зарцало праведное, стоить на 4-рех столпѣх златых. Кто зрит в зерцало, той видить своя грѣхи, яже сътворил от юности своея. Близ того и другое зерцало цкляно. аще мыслить зло на своего господаря, ино в зерцалѣ том зримо лице его блѣдо, аки не живо. А кто мыслить добро о осподарѣ своем, ино лице его в зерцалѣ зримое, аки солнце. А во дворѣ моем церквей 150, ины сътворены Богомъ, а ины руками человѣческыми.

ПЕРЕВОД

Я — Иоанн, царь и поп, над царями царь; под моей властью три тысячи триста царей. Я поборник православной веры Христовой. Царство же мое таково: в одну сторону нужно идти десять месяцев, а до другой дойти невозможно, потому что там небо с землею встречается. И живут у меня в одной области немые люди, а в другой — люди рогатые, а в иной земле — трехногие люди, а другие люди — девяти сажен, это великаны, а иные люди с четырьмя руками, а иные — с шестью. И есть у меня земля, где у людей половина тела песья, а половина человечья, а у других моих людей очи и рот в груди. В иной же моей земле у людей сверху большие рты, а другие мои люди имеют скотьи ноги. Есть у меня люди — наполовину птица, наполовину человек, а у других людей головы собачьи; родятся в моем царстве звери: слоны, дромадеры, крокодилы и двугорбые верблюды. Крокодил — лютый зверь: если он, разгневавшись на что-нибудь, помочится — на дерево или на что-либо иное,— тотчас же оно сгорает огнем. Есть в моей земле петухи, на которых люди ездят. Есть у меня птица ног, она вьет себе гнездо на пятнадцати дубах. Есть в моем царстве птица феникс; в новолунье она

свивает себе гнездо, приносит с неба огонь, сама сжигает свое гнездо и сама здесь тоже сгорает; и в этом пепле зарождается червь, покрывается перьями и потом становится единственной такой же птицей, другого плода у этой птицы нет; а живет она пятьсот лет. Посреди же моего царства течет из рая река Эдем, в этой реке добывают драгоценные камни: гиацинт, сапфир, памфир, изумруд, сардоникс и яшму, твердую и, как уголь, сверкающую. Есть камень кармакаул; этот камень — господин всем драгоценным камням, ночью он светится, как огонь горит. Есть у меня земля, а в ней трава, которую всякий зверь избегает. И нет в моей стране ни вора, ни разбойника, ни завистливого человека, потому что земля моя полна всякого богатства. И нет в моей земле ни ужа, ни жабы, ни змеи, а если и появляются, сразу умирают. Есть у меня земля, где родится перец; за ним все люди ходят. Помимо же всего прочего, есть у нас песчаное море, оно никогда не стоит на одном месте: откуда подует ветер, оттуда идет вал; и находят те валы на берег за триста верст. Этого моря не может перейти никакой человек — ни на корабле, ни иным способом. Ни один человек не знает, есть ли за тем морем люди или нет, и из этого моря в нашу землю текут многие реки, в которых водится вкусная рыба; в стороне от этого моря, в трех днях пути, находятся высокие горы, с которых течет каменная река: большие и малые камни валятся сами по себе три дня. Идут же те камни в нашу землю, в то море песчаное, и покрывают их валы этого моря. Вблизи от той реки, на расстоянии одного дня пути, есть пустынные высокие горы, вершины которых невозможно человеку увидеть, и с тех гор течет под землею небольшая река; в определенное время земля расступается над этой рекой, и если кто, увидев это, быстро прыгнет — так, чтобы земля над ним не сомкнулась,— в ту реку, схватит что попало и сразу же вынесет, то камень оказывается драгоценным камнем, а песок схватит — крупный жемчуг возьмет. Эта река течет в большую реку; люди же той земли ходят на устье реки и собирают отборные драгоценные камни и жемчуг, а детей своих они кормят сырыми рыбами; в ту реку ныряют некоторые на три месяца, некоторые на четыре,— ищут драгоценные камни. В одном дне пути за той рекой есть горы высокие и мощные, на которые человеку нельзя смотреть. В этих горах по многим местам пылает огонь, и в том огне живут черви, а без огня они не могут жить, как рыбы без воды, и те черви точат из себя нити, как шелк, а из тех нитей наши жены делают нам одежду, и когда та одежда загрязнится, водою ее не моют: бросают в огонь, и как только раскалится, вновь становится чистой. Есть у меня в иной стране звезда именем Лувияарь.

А если идем на войну, когда хотим кого-нибудь покорить, предо мною идут и несут двадцать крестов и двадцать стягов. А кресты те и стяги большие, сделаны из золота с драгоценными камнями и с крупными жемчужинами, ночью же светятся, как и днем. Кресты эти и стяги везут на двадцати шести колесницах, а у каждой колесницы служат по сто тысяч конников и по сто тысяч пешего войска, не считая тех, кто за нами везет пищу. А когда идем к назначенному месту на бой, другие люди несут предо мною один деревянный крест с изображением распятия Господня, чтобы мы вспоминали Господни страдания и

распятие. Рядом с крестом несут большое золотое блюдо, а на нем — одна земля: на землю глядя, вспоминаем, что из земли мы созданы и в землю же уйдем. А с другой стороны несут другое золотое блюдо, на нем драгоценные камни и отборный жемчуг: и те, кто видят их, прославляют нашу державу. И идут предо мною три проповедника, возглашая громким голосом. Один восклицает: «Вот — Царь царей, Господин господ»; другой восклицает: «Силою крестною, Божиею благодатью и помощью». А третий восклицает умильным голосом: «Из земли мы сотворены и в землю же уйдем». Впрочем, довольно об этом говорить. О войске же не говорю, так как уже сказал.

Двор у меня вот каков: пять дней надо идти вокруг двора моего; в нем много палат золотых, серебряных и деревянных, изнутри украшенных, как небо звездами, и покрытых золотом. В одной палате огонь не горит; если внесут, сразу же погаснет. Есть у меня другая палата золотая на восьмидесяти столбах из чистого золота; а каждый столб по три сажени в ширину и восемьдесят саженей в высоту. В этой палате пятьдесят столбов чистого золота, и на всех столбах по драгоценному камню. Камень сапфир цвета белого и камень топаз,как огонь горит. В той же палате есть два столба, на одном из которых камень, называемый троп, а на другом столбе камень, называемый кармакаул, ночью же светит тот драгоценный камень, как день, а днем — как золото, а оба велики, как корчаги. В той палате у меня огонь не горит: если внесут, то быстро погаснет; только тот огонь горит, который от дерева негниющего, называют то дерево шлема. Миро из него вливают в паникадила и зажигают; тот огонь горит; и если тем миром помажется человек какого бы то ни было возраста, старый или молодой, после того не старится,и глаза его не болят. Та же палата выше всех палат. Вверху тех палат устроены два золотых яблока, а в них вковано по большому камню сапфиру — для того, чтобы не оскудела наша храбрость. И четыре камня находятся на столбах для того, чтобы чародеи не могли чар творить над нами. Есть у меня другая золотая палата на золотых столбах, столь высокая, сколь можно глазами обозреть; два больших камня кармакаула ночью светят у меня в той палате.

А обедают со мной за столом каждый день двенадцать патриархов, десять царей, двенадцать митрополитов, сорок пять протопопов, триста попов, сто дьяконов, пятьдесят певцов, девятьсот клиросников, триста шестьдесят пять игуменов, триста князей, а в соборной моей церкви служат триста шестьдесят пять игуменов, пятьдесят попов и тридцать дьяконов, и все обедают со мною; а стольничают у меня и чаши подают четырнадцать царей, сорок королей и триста бояр; а поварней моей ведают два царя и два короля, помимо бояр и слуг. Одни цари и короли, побыв, прочь едут, а иные приезжают.

А еще у меня лежат мощи апостола Фомы.

Есть у меня земля, а в ней люди, у которых очи во лбу. Есть у меня палата золотая, а в ней — правдивое заркало, оно стоит на четырех золотых столбах. Кто смотрит в зеркало, тот видит свои грехи, какие сотворил с юности своей. Вблизи того зеркала есть другое зеркало, стеклянное. Если мыслит кто-нибудь зло на своего господина, то лицо его в том зеркале выглядит бледным, как бы неживым. А кто хорошо думает о господине своем, то лицо его в зеркале сияет как солнце. А во дворе моем сто пятьдесят церквей, одни сотворены Богом, а другие человеческими руками.

ФИЗИОЛОГ

Подготовка текста, перевод и комментарии О. А. Белобровой

ВСТУПЛЕНИЕ

Физиолог — природоведческое сочинение — о животных, птицах, камнях, деревьях — основанное как на естественно-научных представлениях древних греков, так и на аллегорических истолкованиях, почерпнутых в христианской среде из Священного писания. Эта нравоучительная книга анонимна, текст ее не был устойчив. Он переводился и распространялся в течение всего средневековья в странах христианской культуры — и на Западе,и на Востоке.

Известны различные редакции Физиолога. Древнейшая, или Александрийская, встречается в древнерусских списках XV—XVII веков. Вторая редакция — Византийский Физиолог — дошла в двух разных переводах, в древнерусской и южнославянской традиции. Иногда переводу подвергался греческий текст, соединявший черты обеих его редакций.

Нами привлечен древнерусский список XVI в., который относится к редакции Византийского Физиолога. Он сохранил текст неполностью (*ГИМ*, собр. Уварова, № 515, лл. 367 об.—375 об.), но отличается литературно-поэтическими достоинствами: примечателен образ горлицы (привлекавший в свое время Владимира Мономаха), рассказ о Медузе Горгоне и т. д. Некоторые списки Физиолога дополнялись красочными иллюстрациями-миниатюрами.

ОРИГИНАЛ

Фисилогъ и о лвѣ. Три естества имат левъ. Егда бо раждает лвица мьртво и слепо раждает, седит же и блюдет до третьего дьни. По трех же днех приидет левъ и дунет в ноздри ему и оживет. Тако и о вѣрных языцѣхъ. Прежде бо крещениа мьртви суть, по крещении же просвѣщаються от Святаго Духа.

Второе естество лвово. Егда спит, а очи его бдита. Тако и Господь наш рече ко июдеом, якоже: «Азъ сплю, а очи мои божественыа и сердце бдита»[1].

А третье естество лвово: егда отбегает лвица, хвостом своим покрывает стопы своя. Да не может ловець осочити слѣда его.

Тако и ты, человѣче. Егда твориши милостыню, да не чюет леваа рука, что творит десница твоя. Да не возбранит дьяволъ дѣло помысла твоего.

О утропѣ. Утропъ имать два рога. Живет же близъ рѣкы акиана на крайны земли. Да егда ся вожедает, пьет от нея и упиваеться и бореться со землею и чешет роги своими. И есть же тамо древо нарицаемо танисъ, подобно зѣло виннѣй *лозѣ* добрами вѣтми и густо прутиемъ и чеша прутиемъ соплетаеться в них и обрѣтаеть его ловець и удолѣеть ему.

Тако и человѣкъ. В рогъ мѣсто далъ ему есть Бог оба Завѣта, Вѣтхаго и Новаго. Рогы противныа сили, якоже рече пророкъ Давидъ: «О тобѣ врагы наша избодем рогы».[2] Рѣка акианьска есть богатъство. Танис же — сласть житейскаа. Да въплетаяся человѣкъ не брѣжет о вѣрѣ, но обрѣтъ и дьяволъ и удолеет ему.

О слонѣ. Слонъ живетъ на горах. Слоница обрящет былие, нарицаемое мандрагураи[3] и взимает от нея. Тако же и слонъ и гиниться с нею. И егда раждаеть, взаиит в реку до вымене и раждаеть в воде. Спить же при древѣ. Да егда падется от него, вопиеть и приидет слонъ великъ и не может возвести его и пакы друзии 12. Да ни ти. Да тогда же возопиете оба на десяте. И приидет инъ малъ и подложитъ ротъ свой и возмѣть и.

Сиречь первый слонъ Евга, вторый Адамъ. Былие древо преслушаниа. А еже вкуси, яко преступи. А еже «увы мнѣ», яко съгрѣши. И что озеро? Рожеству рай. И что приклоннаа древеса? Оплота райскаа. И кто сикырою изпадаа? Дьяволъ. И кто сикира? Языкъ змиевъ. И еже паде, яко изгнан бысть. И кто великий слонъ? Моиси. И кто 12 слона не могше извести его[4] и кто изведе его? Христос. То бо возведе того Адама от ада[5].

О елени. Елень живеть 50 лѣт. И по сем ходит по странах и во дрязгах горьских пухает змии, да идеже налезет ю, облинавшюю трижды, обухает ю и помѣтаетъ ю. И шедъ пьеть воду. Аще ли не пьеть, то умирает. Аще испьеть, да живет другую 50 лѣт. Да сего дѣля рече пророкъ, якоже желает елень на источьники водныя.[6]

Тако и ты, человѣче, три обновлениа имаши в собѣ: крещение, покоание и неистлѣние. Да егда согрѣшиши, тѣци ко церкви и ко источнику живу книжну и на сказание пророческое и пий воды живы, сиречь святое комкание.

О орлѣ. Орелъ живет лѣт сто. И ростеть конець носа его. И ослепнете очи его. Да не видит и не может ловити. Да возлетит на высоту, свержет себе на камень и уломиться конецъ носа его и куплеться во златѣ езерѣ. И сядет прямо солнцю. Да егда ся согрѣет, спадут чешюи с него и пакы птенець будет.

Тако и ты, человѣче, егда много согрѣшиши, взыди на высоту, сиречь в вѣру и плачися предложение грѣха и измыйся слезами своими. Согрѣйся въ церкви и сверзи с себѣ грѣхи.

О финиксѣ. Финиксъ красна птаха есть паче всѣх и павы краснѣй. Пава бо ни златом, ни сребром образъ имѣта, а финиксъ уакинфовъ[7] и камениа многоцѣнна. Вѣнець носит на главѣ и сапогы на ногу, якоже царь. Есть же близъ Индѣя, близъ Солнечна града.[8] Лежить же лѣт 500 на кедрех ливаньских безъ брашна. Питаеть же ся от Святаго Духа. И по пяти сотъ лѣт исполняеть крылѣ свои от добрых вонь. И клепает ереи Солнечнаго града и идет птаха та ко иерееви и входит во церковь. И сядет на степени олтарном[9] иерей со птахою. И будет все попелъ. И заутра прииде ерей и обрящет птицю птенець младъ бывшь. И по двою дньма обрящеть ю совершену, якоже и преже была. И целует ю иерей и пакы отиде на свое мѣсто.

Да како неразумнии жидовѣ не яша вѣры тридневному воскресению Господа нашего Иисус Христа. Яко сию птицу самъ оживляеть, да какъ самъ себѣ не востави. Сего дѣля пророкъ Давидъ глаголеть: «Праведникъ яко финиксъ процвѣтеть, яко кедръ ливаньский умножится, насаждение в дому Господни».[10]

О иряби. Ирябь много яець пологает на гнѣзде своем. Любива же и чадом своим. Да идет на чюжда гнѣзда и крадет яйца ихъ. Да ся умножать чада ея.

Тако и ты, человѣче, елико богатьство сбираеши не имаши сыти, но еси на все несытъ.

О горлици. Горлица мужелюбица птах есть. Да аще бо погибнет единъ ею, отходит другаа в пустыню и сядет на усохле древѣ, плачющись подруга своего. И к тому не спряжеться сь имъ николиже.

Тако и ты, человѣче, отлучился еси жены своея к тому не приле-пися к ней.

О неясыти. Неясытъ чадолюбива птах есть. Проклеваеть бо жена ребра птенцем своимъ. А онъ приходит от кормли своей. Проклюет ребра своя, да исходящи кровь оживляет птенца.

Тако и Господь наш, от жидовъ копием ребра его прободоша. Изыиде кровь и вода. И оживи вселеную, сиречь умершаа.

Сего дѣля и рече пророкъ яко уподобихся неясыти пустыннѣй.[11]

О ластовици. Ластовица в пустыни гнѣздо имат на распутии. Егда же ослепнет едино от птенець ея, идет в пустыню и принесет былие и положит на очию его. И прозрит.

Тако и ты.человѣче, егда съгрѣшиши, иди к молитвѣ и приими покоание и единосущныя ради Троица избавишися грѣха того.

О вдодѣ. Овдод творит гнѣздо свое и воспитает птенца своя. И посемъ облинают сами и будут нази. Да исходит единъ от птенець их и приносит пищу родителемъ своим, дондеже опернатеють и возлетита оба.

Тако и ты, человѣче. Егда ся состарееши, не отчай себѣ, но шед к церкви помолися и обрящеши милость.

О дятлѣ. Дятелъ пестра птица есть, живет же в горах и ходит на кедры и клюет носом своим. Да гдѣ налезѣть мякко древо, ту творит гнѣздо свое.

Тако и дьяволъ бореться со человѣкы. Да в нем же налезет слабость и небрежение молитвы, внидет в онь и вогнѣздяться. В нем же ли обрящет бодрость; бежит от него.

О лисици. Лисица егда будет голодна, идеть на мѣсто солнечно и ляжет на присолньи и держит душю свою надмѣться. Видѣвше же ее птици, мняще мьртву, приидут да едят. Да егда ся приближат к ней воскочивши и имет от них и есть. И тако ся кормит[12].

О жене и о мужи. Есть жена на западе, а мужь на востоцѣ. Да совокупляетася оба. И изьес мужа своего жена главу и зачнет и родит двое. Да яко же родит, ту изьедят своя чада. И абие умрет. И отидет мужь на востокъ, а жена на западъ.

Тако и ты, человѣче, егда ти найдет житейскаа напасть, теци въ церковь и прослезися и возопи. И отступить от тебѣ неприазнъ.

О Горґони. Вързгони[13] обличие имат жены красны и блудница. Владь же главы своеа суть змиа. А видение ея смерть. Играет же и смѣеться во время свое. Живет же в горах западных. Да егда приидут днье ея, да ся гонит. Станеть и начнет звать. Наченши от лва и прочаа звѣри, от человѣка до скотины и птиць и змиа, глаголющи: «Идете ко мнѣ». Да елико их услышат глас ее, идуть к ней. И видевше ю, измирают.

Тако бо разумѣет всякъ языкъ всем звѣрем, которым же образомъ уловляеть ю волхвъ, разумѣет хитростию своею от звѣздъ день, в ня же ся гонит. И поидеть на мѣсто ея, волхвуя отдалеча. Она же начнет звати, наченши от лва и прочая звѣри.

Егда же доидет языка волхвова, отзовется ей, глаголя: «Ископай яму на мѣсте и вложи в ню главу свою, да ее не вижу и умру. И прииду и лягу с тобою». И сотворит тако.

Тогда шедше волховъ посечеть ю за ся зря и не видить главы ея, да не умреть. И вложит ю во сосудину. Да егда узрит змиа или человѣкъ или звѣрь, кажеть имъ главу Горгонину и абие оцепенѣють и Александръ[14] бо имяше ю и одоляше языком всем. И ты, человѣче, имѣй смыслъ ко Господу и удобь одолееши противным силамъ.

О змии. Змиа егда поидет пити води, ядъ свой въ гнѣздѣ своем оставляет. Да не последи пьющиа уморит.

И ты, человѣче, егда идеши во церковъ святую, всяку злобу остави домаси.

И пакы, егда состареет змиа и не видит, шедши влезеть в камену расселину узку и поститься днии 40 и смирит себѣ и излинет и пакы млада будет.

И ты, человѣче, постился еси 40 день, да совлачися от льсти дьяволя и облечися в новый, обновляющийся во Христа.

И пакы, егда узрит человѣка змиа, бѣжить от него. Аще ли не узрит его совлечена, пришедши бореться с ним. Аще ли есть оболоченъ вѣрою, бежит от него.

Сего ради Господь рече: «Бывайте умни, яко змиа и цѣли яко голуби».[15]

О голуби. Голубъ славно есть во птицах. Разумѣй же о бѣлей и о чернѣй голубици, како ходят белыи и пестрыа и черныа и чермьныя и кормят птенци свои во сыне голубичи. Да не могут о собѣ возлетати, дондеже обыйдет чермнаа голубица и подаст имъ пищу не возлетять.

Тако и Спасово пришествие рѣша пророци, Моиси и Аронъ, Самуилъ, Данилъ, Малахиа, Исайя, Иеремиа и прочии пророци о Иисусѣ. И не могоша урѣснити своего слова, дондеже прииде черьмнаа голубица, Иоан Креститель, то бо крести Иисуса, глаголя: «Се агнець Божий, воземляй грѣхы всего мира»[16]. И ты, человѣче, не вдаляй себѣ от церкви; да не вуслышиши: «Не вѣде васъ».

О ехиднѣ. Ехидна есть, от полу и выше имать образъ человѣчь. А полъ ея и ниже имат образ коркодилъ. Ходита же и мужь и жена оба накупь, Да егда ся разгорит жена и хощется гонити, идеть к мужеви, изьесть лоно его. И зачнет и абие умрет муж ея. Да егда приближать родит жена, изьедят чрева ея чада своя. И умрет и та. И потом изыидут отцюубийци и материубийци, якоже и жидовѣ отцуубийци и материубийци.

Убиша отца, сиречь Христа, убиша матерь, сиречь церковь. Сего ради Иоан поноси ими, глаголя: «Чада ехиднова, кто показа вам бежати от грядущаго гнѣва?»[17]

О стерце. Стеркъ чадолюбива птица есть. Да егда мужь принесет кормлю, блюдет жена его птенца. И измѣняета кождо их корьмлю. И блюдета гнѣздо свое.

Тако и ты, человѣче, ни вечеръ, ни за утра ушибайся молитвы, ни церкви. Николи же ти удолеет дьяволъ.

О утропѣ. Утропъ имать от пулу и до выше образ коневъ, а полъ его и до ниже образъ рыбий китовъ. Ходить же в мори и есть воевода всѣм рыбам. На странѣ же крайнѣй земли стоить рыба злата и не приходит от мѣста своего, да погрѣшится ловцем, ходя ко утропу. Да то акы воевода сый рыбам, идет на крайную землю ко златой той рыбѣ. Оближеть ю и того пакы облизают вси мужи рыбии. И отходят на своа мѣста мужи прежде, а жены послѣди. И помѣтают сѣмя мужи, а жены идучи послѣди, беруть й и будут чреваты. И за седми деньми раждають. Егда же ходят на крайны земли, ставят рыбари мрежа своя на пропутие рыбамъ. Понеже будут чреваты, потоле не влавляют их.

Утроп же сказаемо есть *Моисий* начал пророчества. Море же весь миръ, а рыбы человѣци. Златаа рыба сказаеться вход правовѣрию. Ходят бо прежде пророци и облизаються Святаго Духа. Лижуще бо человѣци от учениа пророчества, последующе берут духовную благодать. Рыбари же суть бѣси. Мрежа же есть пагуба и льстиваа вождеваа, иже не идоша во слѣд утропа, сиречь Моисеова закона, но отдалишась и впадоша во мрежа рыбарь тѣх и погыбоша. А шедших во слѣд пророкъ *ни* сѣть, ни мрежа не постиже их.

О стерце и о прочих птахахъ. Стеркъ добра птица есть. Егда бо настанет весна, сберуться вси накупь со иными прочими птицами, со гусми и утками и всякъ птиць род, от Египта и Лувиа и Срацинъ[18]. И возлетять вси и приидут во Лукию на реку нарицаемую Ксанфонъ[19] и составят тамо брань со вранми и вронами, и галицами, и гиппосы, и елико плотоядець есть.

Достоить и тѣмъ вѣдущим врѣмя обрѣстися тамо всѣмъ. Да неясыче воинъство и жеравино и прочих водных птиць и житоядець на единой странѣ рѣкы той исполчится по бѣрегу. А враново и прочих всех плотоядець птиць на друзѣм берѣзѣ рѣкы.

Строять же ся, бо шесть месяць соберуться на брань. Вѣдят бо и дьни, в ня же ся хотят бити. Да есть слышати до небеси голву и кровь тѣкущу во брани бьюшимся птицам и отпадению пѣрию бес числа.

Тѣм же и лукиане вси перины имѣют на постѣлях своих от них. По расходу же брани той видят враны уязвлены и прочих плотоядець птиць множество такоже и стерково. И неясытиць немало и прочих птиць. Многы же от нихъ во брани той падають мьртвы.

Брань же ихъ межи собою творять, знамение являет от обоих побѣда всѣм человѣком. Аще бо стерково воинъство побѣдит, да будет гобина пшени-ца и прочих всъх семенъ. Аще ли враново побѣдит, да будет множество овець и говядъ и инехъ четвероногъ.

Стеркови же имѣють и другое естество изрядно. Егда бо ся состаре-ють родители их и не могут летаги, чада их оба полы дръжаще и под пазуха-ми преносят от мѣста на мѣсто. Тако ся кормят. Аще ли не видети начнут, да влагають имъ кормлю во уста чада своя. Да глаголеться от них мъзда и воздание.

---

[1] *Азъ сплю... сердце бдита.*— Песн. 5, 2.

[2] *О тобѣ... избодем рогы.*— Пс. 43, 6.

[3] *...мандрагураи...*— Искаженное «мандрагора» — многолетняя трава, растущая в Средиземноморье.

[4] *И кто 12 слона не могше извести его...*— На этот риторический вопрос в списке нет ответа. Вероятно, здесь выпал такой ответ: 12 апостолов.

[5] *...Евга... Адамъ... возведе того Адама от ада.*— Ссылка на библейский сюжет о грехопадении Адама и Евы в раю и на апокрифическое сказание о выведении Христом Адама и Евы из ада.

[6] *...желает елень на источьники водныя.*— Пс. 41, 2.

[7] *...уакинфовъ...*— Иакинф — название драгоценного камня.

[8] *...близъ Индѣя, близъ Солнечна града.*— Имеется в виду африканская Индия и Гелиополь в Египте.

[9] *И сядет на степени олтарном...*— То есть на алтарном возвышении (на солее).

[10] *...Праведникъ яко финиксъ... насаждение в дому Господни».*— Ср. Пс. 91, 13—14.

[11] *...рече пророкъ яко уподобихся неясыти пустыннѣй.*— Пс. 101, 7.

[12] *И тако ся кормит.* — Далее в списке отсутствует толкование. Очевидно, эта часть статьи была выпущена при переписке.

[13] *О Горгони. Въргони...*— Статья представляет собой пересказ античного мифа о Медузе Горгоне.

[14] *...Александръ...*— Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.).

[15] *«Бывайте умни... яко голуби».*— Ср. Мф, 10, 16.

[16] *«Се агнецъ Божий... всего мира».*— Иоан. 1, 29.

[17] *«Чада ехиднова... от грядущаго гнѣва?»* — Мф. 12, 34.

[18] *...и Срацинъ...*— Сарацины — арабы.

[19] *...во Лукию на реку... Ксанфонъ...*— Лукия — Ликия в Малой Азии с главным городом Ксанф на реке Ксанфон.

ПЕРЕВОД

СЛОВО И СКАЗАНИЕ О ЗВЕРЯХ И ПТИЦАХ

Физиолог о льве. Три свойства имеет лев. Когда львица родит, то приносит мертвого и слепого детеныша, сидит она и сторожит его до трех дней. Через три же дня приходит лев, дунет ему в ноздри, и детеныш оживет. То же и с верными народами. До крещения они мертвы, а после крещения очищаются Святым Духом.

Второе свойство льва. Когда спит, то глаза его бодрствуют. Так и Господь наш говорит иудеям: «Я сплю, а глаза мои божественные и сердце бодрствуют».

А третье свойство льва,— когда львица бежит, то следы свои заметает своим хвостом, и охотник не может отыскать ее следов.

Так и ты, человек. Когда творишь милостыню, то пусть левая рука не знает, что делает твоя правая. Да не помешает дьявол делам помысла твоего.

Об антилопе. У антилопы два рога. Живет она около реки-океана на краю земли. Когда же захочет пить, то пьет из реки и упивается, упирается в землю и роет ее рогами своими. И есть там дерево, называемое танис, сильно напоминающее виноградную лозу широкими ветвями и густыми прутьями,— и, продираясь сквозь прутья, антилопа запутывается в них,— тогда охотник ее ловит и одолевает.

Так и человек. Вместо рогов Бог дал ему оба Завета, Ветхий и Новый. Рога — это сопротивление силе; как говорит пророк Давид: «С тобою избодаем рогами врагов наших». Река океанская — это богатство. Танис же — житейские наслаждения. Запутывается в них человек, который не заботится о вере, и находит его дьявол и одолевает его.

О слоне. Слон живет в горах. Слониха находит траву, называемую мандрагорой, и поглощает ее. Так же и слон; и сходится с нею. А когда слониха рожает, то входит в реку до вымени и рожает в воде. Спит же слон стоя около дерева. А если упадет, то вопит, и приходит большой слон, но не может поднять его; и затем приходят другие двенадцать. Но и они поднять не могут. И тогда завопят все двенадцать слонов. И приходит маленький слон, и подставляет хобот свой, и поднимает его.

Таким образом, первый слон — это Ева, второй — Адам. Трава — древо ослушания. И если вкусил, то совершил преступление. А «увы мне»— это значит согрешил.— А что такое озеро? — Рождества рай. А что такое склоненные деревья? — Оплот райский. И кто от топора падет? Дьявол. А что топор? — Это язык змеи. И когда упал, то был изгнан. А кто большой слон? — Моисей. А кто двенадцать слонов, которые не могли поднять его, и кто поднял его? — Христос, который вывел того Адама из ада.

Об олене. Олень живет пятьдесят лет. А затем уходит в долины и горные леса, и учует запах змеи, и где найдет ее, трижды сменившую кожу, обнюхивает ее и отбрасывает ее. И после этого идет и пьет воду. Если же не пьет, то умирает. Если же выпьет, то живет другие пятьдесят лет. Об этом говорит пророк: как стремится олень к источникам водным.

Так и ты, человек, заключаешь в себе три обновления: крещение, покаяние и нетление. А когда согрешишь, то устремись к церкви, и к живому книжному источнику, и к пророческому сказанию, и испей живой воды, то есть святого причастия.

Об орле. Орел живет лет сто. И растет кончик клюва его. И ослепнут глаза его, так что он не видит и не может охотиться. Тогда он взлетает в высоту, бросается на утес, и отломится кончик клюва его; и искупается в золотом озере. А потом садится на солнцепек. Когда же он согреется, с него сходит чешуя, и он опять становится птенцом.

Так и ты, человек, если много нагрешишь, возвысься, то есть обратись к вере, и оплакивай проявление греха, и умойся слезами своими. Отогрейся в церкви и сбрось с себя грехи.

О фениксе. Феникс самая красивая птица из всех, и красивее павлина. У павлина в обличье ни золота, ни серебра, а у феникса — иакинфы и многоценные камни. Голова его украшена венцом, а на ногах — сапоги, как у царя. Обитает же феникс близ Индии, около Солнечного города. Возлежит он лет пятьсот на кедрах ливанских без еды. Питается же от Святого Духа. И по пятьсот лет наполняет крылья свои благовониями. И бьет в било иерей Солнечного города, и та птица идет к иерею и входит в церковь. Иерей же садится на солее с птицей. И превращается птица в пепел. А назавтра приходит иерей и находит птицу в виде малого птенца. А через два дня он находит ее зрелой, какой была раньше. И целует ее иерей, а она опять уходит на свое место.

А неразумные иудеи не верят в тридневное воскресение Господа нашего Иисуса Христа. И что эту птицу он сам оживляет и будто сам себя не воскрешает. Сего ради пророк Давид говорит: «Праведник процветает, как феникс, как кедр ливанский, умножится насаждение в доме Господнем».

О куропатке. Куропатка кладет много яиц в гнезде своем. Она весьма чадолюбива. И даже идет к чужим гнездам и таскает оттуда яйца. Только чтобы увеличить число птенцов своих.

Так и ты, человек: когда собираешь богатство, не можешь насытиться, и все тебе мало.

О горлице. Горлица — птица-однолюб. Если погибнет одна из четы, то другая улетает в пустыню, садится на сухом дереве и оплакивает супруга своего. И уже не сочетается больше ни с кем другим никогда.

Так и ты, человек, если разлучился с женой своей, то не прилепись к другой.

О пеликане. Пеликан — чадолюбивая птица. Самка проклевывает ребра птенцам своим. А самец прилетает с кормом, раздирает клювом грудь свою и вытекшей кровью оживляет птенца.

Так и Господь наш. Его ребра прокололи иудеи копьем. Выступили кровь и вода. И оживил он вселенную, то есть умерших.

Сего ради и говорит пророк, что уподобился пеликану в пустыне.

О ласточке. Ласточкино гнездо в пустыне на распутье. Когда ослепнет один из птенцов ее, она отправляется в пустыню, и приносит травы, и кладет их на очи его. И он прозревает.

Так и ты, человек, когда согрешишь, то обратись к молитве и прими покаяние, и ради единосущной Троицы ты избавишься от того греха.

Об удоде. Удод свивает гнездо свое и выкармливает птенцов своих. А затем птицы линяют и делаются нагими. Тогда выходит один из их птенцов и приносит пищу родителям своим, пока они не оперятся и не взлетят оба.

Так и ты, человек. Когда состаришься, не отчаивайся, но, идя в церковь, помолись и обретешь милость.

О дятле. Дятел — пестрая птица, живет она в горах, садится на кедры и стучит своим клювом. А где найдет мягкое дерево, там делает себе гнездо.

Так и дьявол борется с людьми. И когда в ком-то найдет слабость и пренебрежение к молитвам, то войдет в него и угнездится. Если же в другом найдет крепость, то бежит от него.

О лисице. Лисица, когда будет голодна, идет на солнечное место, и ложится на солнцепеке, и сдерживает свое дыхание. Увидев это, птицы, принимая ее за мертвую, слетаются, чтобы клевать ее. Когда же они приблизятся к ней, она вскакивает, хватает какую-нибудь из них и съедает. Так и кормится.

О жене и о муже. Жена на западе, а муж на востоке. И вот они сходятся, и жена съедает голову своего мужа, и зачнет, и родит двойню.

А как родит, сразу тут съедает своих детей. И тотчас умирает. И уходит муж на восток, а жена на запад.

Так и ты, человек. Когда настигнет тебя житейская беда, устремись в церковь, прослезись и плачь. И отступит от тебя неудача.

О Горгоне. У Горгоны обличие красивой женщины и блудницы. Волосы же на ее голове — змеи. А взгляд ее — смерть. Играет она и все время смеется. Живет она в горах на западе. И когда приходит ее брачная пора, встанет она и начнет звать. Начиная от льва и прочих зверей, от человека до домашних животных и птиц и змей, зовет, говоря: «Идите ко мне!» Как только они услышат ее зов, то идут к ней. А увидев ее, умирают.

И знает она язык всех зверей. Каким же образом одолевает ее волхв: он своей мудростью по звездам узнает день ее брачной поры. И идет на место ее, волхвуя издалеча. Она станет звать, начиная от льва и всех прочих зверей.

Когда же дойдет до языка волхвов, он ей отзовется так: «Выкопай на этом месте яму и вложи в нее свою голову, чтобы я не видел ее и не умер. Тогда я приду и лягу с тобой». И она сделает так.

Тогда волхв, придя, убьет ее, не глядя на нее и не видя головы ее, поэтому и не умирает. И прячет голову в сосуд. А если он увидит змею или человека, или зверя, то покажет им голову Горгоны, и тотчас они оцепенеют; и Александр ведь имел эту голову и победил все народы. И ты, человек, имей уважение к Господу и непременно одолеешь вражьи силы.

О змее. Когда змея идет пить воду, то яд свой в гнезде своем оставляет. Чтобы не отравить пьющих после нее.

И ты, человек, когда идешь в церковь святую, всякую злобу оставь дома.

И еще: когда состарится змея и не видит, влезает в узкую расселину в скале, и постится сорок дней, и затаится, и полиняет, и опять станет молодой.

И ты, человек, постился сорок дней, чтобы сбросить с себя лесть дьявола и принять новый облик, обновляющийся во Христе.

И еще: когда змея видит одетого человека, то убегает от него. Если она увидит его раздетым, то нападает и борется с ним. Если же он защищен верою, то она бежит от него.

Сего ради Господь говорил: «Будьте мудры, как змея, и чисты, как голуби».

О голубе. Голубь — славнейшая из всех птиц. Различай же белую и черную голубку, как ходят белые, и пестрые, и черные, и красные и кормят птенцов своих как сына по-голубиному. Не могут они сами возлететь,— пока красная голубка не появится и не подаст им пищу, они не возлетят.

Так и Спасово пришествие предсказали пророки Моисей и Аарон, Самуил, Даниил, Малахия, Исайи, Иеремия и прочие пророки о Иисусе. И не могли удостоверить свое слово, пока не пришла красная голубка — Иоанн Креститель; он же и крестил Иисуса, говоря: «Это агнец Божий, принявший грехи всего мира». И ты, человек, не отдаляйся от церкви, чтобы не услышать: «Не знаю вас».

О ехидне. Ехидна от пояса и выше имеет человеческий образ. А от пояса и ниже — образ крокодила.Идут же и самец и самка на соитие. И когда распалится самка и хочет сойтись с самцом, она идет к самцу, съедает лоно его. И зачинает, и тотчас умрет самец. А когда приблизятся роды у самки, съедают чрево ее детеныши. И она умирает. И потом выходят отцеубийцы и матереубийцы, как и иудеи отцеубийцы и матереубийцы.

Они убили отца, то есть Христа, убили мать, то есть церковь. Того ради Иоанн поносил их, говоря: «Порождения ехиднины! кто велел вам бежать от грядущего гнева?»

Об аисте. Аист — чадолюбивая птица. И когда самец приносит корм, то сторожит самка его птенца. И по очереди кормят птенцов. И сторожат гнездо свое.

Так и ты, человек, ни вечером, ни утром не забывай молиться, не забывай и церкви. И никогда не одолеет тебя дьявол.

О водном коне. От пояса и выше имеет образ коня, а ниже пояса образ рыбы кита. Плавает же в море и воевода над всеми рыбами. На окраинной же стороне земли стоит золотая рыба и не сходит со своего места, чтобы не попасться рыбакам на пути к водному коню. А он как воевода над рыбами идет на окраину земли к той золотой рыбе. Оближет ее, и затем ее облизывают все рыбьи самцы. И уходят на свои места сначала самцы, а потом самки. И самцы мечут семя, а самки, идя за ними, принимают его и становятся чреваты. И через семь дней родят. Когда же они ходят на окраинные земли, то рыбаки ставят сети свои на пути рыб. Пока же будут чреваты, их не ловят.

Водный конь толкуется: Моисей начал пророчества. Море же — весь мир, а рыбы — люди. Золотая рыба толкуется как вход-правоверия. Идут же прежде пророки и приобщаются к Святому Духу. Люди, приобщающиеся к учению пророчества, от них получают духовную благодать. Рыбаки же — это бесы. Сеть же — это пагуба и льстивые вожделения,— если не следуют водному коню, то есть Моисееву закону, тогда отдаляются и попадают в сети тех рыбаков и погибают. А идущих за пророками не настигнет ни сеть, ни невод.

Об аисте и о прочих птицах. Аист — добрая птица. Когда настанет весна, соберутся все вместе с другими прочими птицами, с гусями и утками и со всякими птичьими родами, из Египта, и Ливии, и из Сарацин. И взлетают все, и прибудут в Лукию на реку, называемую Ксанфон, и вступают там в бой с воронами и воронами, и галками, и коршунами, и сколько хищников есть.

Следует и тем знающим время находиться там всем. Да пеликаново воинство, и журавлиное, и прочих водных птиц и травоядных выстроится по берегу на одной стороне реки. А вороново и всех прочих хищных птиц — на другом берегу реки.

Строятся же шесть месяцев и соберутся на бой. Знают же и дни, в которые хотят биться. Да слышен до небес шум, и течет кровь птиц, дерущихся в бою, и выпадают перья без числа.

Оттого-то лукиане все имеют перины на постелях своих. По окончании же боя того видят ворон раненых и прочих хищных птиц множество, а также и аистов. И пеликанов немало, и других птиц. Многие же из них в бою том падают замертво.

Бой же их между собой и победа одной из сторон являет собой знамение всем людям. Если аистово воинство победит, то будет изобилие пшеницы и прочих всех злаков. Если же вороново воинство победит, то будет множество овец, и коров, и других четвероногих.

Аисты же имеют и другое примечательное свойство. Когда состарятся их родители и не могут уже летать, тогда их дети, поддерживая с обеих сторон и под пазухи, переносят их с места на место. Так и кормятся. А если начнут слепнуть, то их дети влагают корм им в рот. И таковы им награда и воздаяние.

ПЧЕЛА

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова

ВСТУПЛЕНИЕ

Византийский сборник изречений, наставлений, коротких рассказов, анекдотов, поговорок, цитат, расположенных по типу и характеру пороков или добродетелей, был составлен в XI в. и получил поэтическое название «Мелисса» («Пчела»). С тем же названием, но не полностью он был переведен на Руси в конце XII в. и до самого XVIII в. пользовался большой популярностью, часто переписывался, дополнялся или, наоборот, сокращался, его тексты использовались или каким-то образом обыгрывались в оригинальных произведениях древнерусской литературы, переосмыслялись в соответствии с условиями русской жизни, породив множество поговорок, широко известных русским читателям. В 71 главе русского текста содержится более 2500 высказываний на морально-этические, нравственно-политические, научные и педагогические темы; сборник по своему материалу делится на две части: большую представляют известные христианскому книжнику цитаты из Евангелия, Апостола, Псалтыри и других книг Священного писания, другую же составляют афоризмы и сентенции из античных и более поздних греческих и римских языческих поэтов,

философов, ораторов, историков, политических деятелей — «внешних мудрецов», которые в данном издании и представлены наиболее интересными фрагментами. При этом авторство многих цитат или изречений явно вымышлено, иногда эти изречения заимствованы из биографической или исторической литературы, часто приписываются различным авторам в греческом оригинале и в древнерусском переводе.

Текст приводится по новгородской рукописи XIV в. *РНБ*, F.п.I.44, в издании: *Семенов В*. Древнерусская «Пчела» по пергаменному списку. СПб., 1893, с. 1—444.

ОРИГИНАЛ

КНИГЫ «БЧЕЛА».

РѢЧИ И МУДРОСТИ ОТ ЕУАГЕЛЬЯ, И ОТЪ АПОСТОЛА, И ОТ СВЯТЫХ МУЖЬ, И РАЗУМЪ ВНѢШНИИХЪ ФИЛОСОФЪ[1]

О ЖИТИИСТѢИ ДОБРОДѢТЕЛИ И О ЗЛОБѢ

Соломонъ. Да не прельстять тебе мужи нечестивии, ни ходи в путь с ними, но уклони ногы своя от стезь ихъ, ногы бо ихъ на зло текуть, и скори суть на пролитье кръви.

Яко же от оскомины пакость зубомъ, и дымъ — очима, тако и безаконие требующимъ его.

Всякъ, держайся добрыя дѣтели, не можеть быти безъ многыхъ врагъ.

Не мѣсто добродѣтелии, но добродѣтель мѣсто можеть украсити.

Нускыи. Престанье от зла — починокъ добродѣтели.

Плутархъ. Свѣтлость добродѣтелии видима есть, яко и злато въ кровѣх; пища же сладъка является стражущим, а добродѣтель наказанымъ.

Лукавии мужи, аще и *благою рѣчью* свѣщають, но нрава ради невѣрни суть.

Идола образъ украшаеть,[2] а мужа дѣанья.

Тако въсхощи жити, да ни боле тебе могущеи быша тебе обидѣли, но ни ты будеши страшенъ меньшимъ своимъ.

Мужу нѣкоему насилье створившу Плутарху и бѣгаюшю и стыдящюся усрѣтатися с нимъ, Плутархъ, единою усрѣтъ, рече ему: «Не тебѣ подобаеть мене бѣгати, но мнѣ тебе, занѣ праведенъ еси».

Аще нынѣшнее время добрѣ исправимъ, то и будущаго времени добра чаи.

Сократъ рече. Достоино основанью храминному и корабльному тверду быти, тако же и починку дѣломъ истинну и праву быти.

Сократ. Се видѣвъ ученика своего, селу прилежаща, а учения небрегуща, и рече: «Блюдися, друже, еда село хотя сдѣлати, а душу пусту оставиши и несдѣлану».

И тъ же. Сеи видѣвъ друга своего, тъснущася к письцемъ, да быша написали на камени образъ его, и рече ему: «Ты ся тъснеши, да бы камень былъ подобенъ тебѣ, а о семъ въскую ся не печеши, а бы ты ся не уподобилъ камени?»

Медляя починаи дѣло, поченже, въборзѣ кончаи.

Диоген. Поноси ему нѣкто, яко по нечистымъ мѣстомъ ходить, и отвѣща: «И солнце такоже нечистая мѣста осияеть, но не оскверняеться».

Пиперид мудрый рече. Достойно благому являти при словесныхъ, яже мыслить, а при дѣлѣхъ — яже творить.

Аристотель рече. Богъ можеть створити, елико хощеть, человѣкъ же тъ добръ, иже полезная промыслить.

Мужьскому добродѣянию знаменье бываеть не починанье дѣлъ, но скончание.

О МУДРОСТИ

От апостола. Не дѣти бывайте умомъ, но злобою млади будите, а умомъ же свершени.

Лѣствица, утвержена и устроена твердо на здание, при трусѣ не распадеться, тако и сердце, утвержено мысльми, во время думы не устрашиться.

Сирах. Нѣкто рече от златолюбець сице: «Уне ми имѣти каплю вазни, нежели ботарь ума». Ему же отвѣщавъ, любомудрець и рече: «А бы ми капля ума, негли глубина вазни».

Сократъ. Егда думаеши, помысли о преже бывшихъ и приложи она къ нонѣшьнимъ; тѣмъ бо не явленымъ, явленая скоро разумѣються.

Лѣпа бо рѣчь велика знаменья доброумью являеть.

Диодоръ. Мудра дума паче многыхъ рукъ, и мудрый паче крѣпкаго.

Аристотель рече. Думы нѣсть ничтоже ино, но оскудѣнье ума. Невѣдуще бо, что подобаеть створити, или — ни, того ради и думаемъ; воля бо когождо не въдасть смотрити, яже подобаеть.

Нѣкто впраша Вианта, кто есть добрый думца, и рече: «Время».

Фавоpинъ рече. Достойно намъ, конець вещи преже смотривше, и тако начатье ихъ творити.

О ЧИСТОТѢ И О ЦѢЛОМУДРИИ

Иовъ. Аще въслѣдова сердце мое женѣ мужатѣ, или при дверехъ ея сѣдѣл, да тако бы и моя супруга угодна бы иному была.

Не льютъ мюра въ скверный съсудъ.

Плутархъ. Агисилаось, лакедѣмоньскый воевода, нѣкоторѣй женѣ краснѣй приступивши к нему, о тяжи въпрашающи, възврати лице въспять, рече: «Луче ми такымъ не покоритися, негли многомужный градъ взяти, уне бо ми есть своея съблюсти свободы, нѣгли инѣхъ поработити».

Но и Александръ царь не стерпѣ прити на видѣние Дарьевы жены, прекраснѣ ей сущи; но приходя къ матери еѣ, старѣй ей сущи, не стерпяше младое и красное зрѣти. Мы же, на сѣдло и на столцѣ, женьскыя очи попущающе, изъ оконець выничюще, како не мнимъся съгрѣшающе?

Эпиктит. Иже хощеши кромѣ работы быти, самъ ся отпусти от работы, свободенъ бо будеши, аще ся отпустиши от похоти.

Менедем рече. Уношѣ нѣкоему рекшю: «Велико дѣло есть, иже кто улучить вся, ихъ же жадаеть»,— онъ же рече: «Се есть болѣ, иже не жадаеть неполезнаго».

Ксанфъ. Ксанфъ мудрый, видѣвъ домогубца мужа при дверехъ красны жены, и рече: «Сия сладость малая купить великую напасть».

О МУЖЕСТВѢ И О КРѢПОСТИ

Сократъ. Сь, видѣвъ коринфѣйская врата твердо замчена, и рече: «Ци жены здѣ живуть?»

Александръ. Се, молимъ сы от дружины нощью напасти на супостаты, и рече: «Не царьскыя есть крѣпости побѣда».

Леонидий рече. Сь Леонидий лакедѣмоньскый, мало имѣя вои, иде на персы, и ему нѣкто рече: «Како с малыми вои идеши на толику землю?» Он же отвѣща: «С малыми иду, но съ хотящими и съ довлѣющими битися».

Аристотель рече. Крѣпльший есть, иже желание побѣждает, нигли ратники. Се бо есть лютъ и храборъ, аще кто собѣ одолѣеть.

О ПРАВДѢ

Цесарь Филипъ. Нѣкоего Антипатрова друга пристави с судьями судити; потомъ же, поразумѣвъ извѣсто, яко вапомъ красить браду и главу, и сведе и от судийскаго стола рече: «Аще власомъ своимъ невѣренъ еси, то како людемъ и суду вѣренъ можеши быти?»

Менадръ. Да грабить мя богатъ, нѣгли убогъ, да обидить мя лучьший мене, нѣгли хужьшии. Уне бо есть терпѣти вышьших себе насильство, нѣгли пущьшихъ.

Ипиридъ рече. *Двоея* дѣля вины человѣци от правды отступаюҭь — или страха ради, или срама ради.

Пифагоръ. Злѣй стражеть *своими* страстьми мучим и свѣстьми, иже кого обидѣлъ, неже бьем по тѣлу ранами и боденъ.

О БРАТОЛЮБЬИ И О ДРУЖБѢ

Иже строить протива лицю друга своего тенето, то самъ своею ногою увязнеть въ немъ.

Не остави друга древняго; новый бо не будеть ему подобенъ.

Филонъ. Мужь правдивъ есть не иже не обидитъ, но иже обидѣти мога, то не въсхощеть.

Аще другу не можеши угодити, то како можеши чюжему вѣренъ быти?

Все новое лучьши — и съсуды, и порты, а дружьба ветхая.

Земнии плоди от лѣта до лѣта ражаються, а дружба по вся дни.

Аристотель. Стяжанье достойно есть приобрѣсти другъ дѣля, неже другы стяжанья дѣля.

Се поношенъ бысть, яко съ лукавыми живеть[3], и отвѣща: «Добрый врачь есть, иже иметься лѣковати больных и отчаяныхъ всѣми врачи».

Критий. Иже всегда бесѣдують съ другомъ сладъкая, то сладость напослѣдокъ на вражьство възвращаеться.

Антигонъ цесарь рече. Се же рабомъ моляшесь, да быша и съхранили от мнимых другъ. И нѣкоему въпросившю его: «Въскую таку молбу твориши?» — отвѣща: «Занѣ отъ враг сам ся съблюдаю, вѣдая ихъ».

Агисилаосъ рече. Нѣкто перескокъ прииде къ нему из нѣмець, а властелемъ велящимъ ему поручити вои свое, и рече: «Не подобает поручити чюжихъ побѣгшему от своихъ».

О МИЛОСТЫНѢ

Питаконъ. Сь, обидимъ бысть нѣ от кого, и власть имѣя мъстити себе, и отда, рече: «Прощенье есть лучьшее мъщения: ово бо кроткаго есьства речеться, ово же звѣринаго».

Разбойникъ нѣкый утапаше въ мори и нагъ выбреде къ брегу. Исократъ же, видѣвъ и зимою умирающа, и одѣ и, и обу и пищу давъ ему и отступи и. И поносимъ же бысть от нѣкоего, зане незнаемаго разбойника снабдѣ, и отвѣща: «Не аки человѣка разбойника почьстихъ, но человѣчьское естество почьстихъ».

О БЛАГОДАТИ

Змию кормити и блудному даяти подобно есть: от обою бо ничто же добромыслно ражаеться.

Дионисий цесарь, слушая гудьца, добрѣ гудуща, обѣща ему даръ дати капь злата. Утру же бывшю и приде гудець проситъ обѣщанаго, он же отвѣща: «Ты вчера гуда възвеселилъ мя еси пѣсньми, а яз такожде обѣщаньем възвеселихъ васъ, нынѣ же отиде от ушию моею веселие твое, а от тебе упованье мое».

Нѣкоему другу, хотящю дщеръ въдати замужь, и просящу у Олександра имѣнья по ней, сей повелѣлъ вдати по ней 50 талантъ злата. Иному же рекшю: «Довлѣеть 10 талантъ», Олександръ отвѣща: «Тобѣ достойно толико просити, а мнѣ достойно толико даяти, елико есмь реклъ».

Сь, исполнивъ костий блюдо, посла къ Диогену, куньскому философу. Онъ же приимъ и рече: «Куньское брашьно се, но не цесарьский даръ»[4].

Диогенъ рече. Сьй, въпрашаемъ бывъ от иного, которыя дѣля вины человѣци просящимъ дають, а мудролюбцемъ не въдають, и отвѣща: «Зане хромоты и слѣпоты чають над собою и иныѣ проказы, мудрости же не чають».

Опикуръ. Не отмѣтай малаго дарованья: будеши бо невѣренъ къ большимъ.

О ВЛАСТИ И О КНЯЖЕНИИ

Плутархъ. Притча глаголеть: дѣтемъ ножа не давай; азъ же рьку: ни дѣтемъ богатьства, ни мужемъ ненаказанымъ силы и власти подавати.

Дионъ Римьскый. Всячьская, сущимъ яже велишь *подъ тобою* — быти и творити, то преже самъ твори, потомъ же учи. Тѣмъ бо луче ихъ накажеши, неже законъным мучением: ово бо подра*жание* имѣеть, а сь — страхъ, да уне есть с подражаньемъ, неже съ боязнъю вънити въ лучьшее.

Димокритъ. Любимъ въсхощи быти при житьи, нежели страшенъ: егоже бо вси бояться, и тъ всѣхъ боиться.

Цесарь ума вѣнець не приищеть, умъ бо цесарьствуеть.

Агафонъ. Князю достойно три вещи въспоминати: первое — яко на человѣкы владѣеть; второе — яко законъ ему порученъ от господа; третье — яко власть си временъна сущи истлѣваеть.

Апаминда Фивѣйскый видѣ много вои без добра воеводы и рече: «Великъ звѣрь, но главы не имать».

Фивѣемъ гордящимъ, зане обладаша Лакедѣмоньею, слышавъ же Коту, фракийский цесарь, и рече: «Азъ много ручаи видѣхъ, болша рѣкъ бывающихъ, но на мало время».

О ЛЖИ И КЛЕВЕТѢ

Уне есть злое слышати, нежели злаго молвити.

Къ сему пришедъшю клеветнику[5] и рекшю: «Онъсии пред мною сице лаяшеть тебѣ» — и отвѣща: «Аще бы того не сладъко слушал, онъ бы мнѣ не лаялъ».

Нѣкому рекъшю к нему[6]: «Оньсии злѣ ти лаяшеть»— и отвѣща: «Ръци ему: атъ мя и бьеть кромѣ суща!»

Диогенъ. Сей, лаемъ от нѣкоего плѣшива, и рече: «Азъ лаяньемъ на въздаю тебѣ, но хвалю власы главы твоея, занѣ, испытавъши главу твою безумьную, и отбѣгоша!»

Аристипъ. Сей, от иного лаемъ, отступаше, затокъ уши. Оному же рищющу по немъ и кличющю: «Чему бѣжиши?» — он же рече: «Ей же, ты бо власть имаши злѣ молвити, азъ же власть имамъ ни стояти, ни слышати тебе».

Филимонъ. Иже лаяние претерьпить, крѣплии есть всѣхъ. Аще бо лаемъ не твориться ни слышая, то лающему есть горьчай смерти.

Димостенъ рече. И иному лающю ему, и рече: «Не борюся с тобою: имъ же бо одолѣю тебѣ, тѣмъ яко одолѣнъ буду».

Дионъ Римьскый. Якоже очьная болѣзнь видѣние омрачает и възбраняеть лежащая предъ собою видѣти, такоже и неправедное слово, аще вънидет въ праведныхъ разумъ, то омраченьемъ гнѣвнымъ не дасть видѣти истины.

Дионисий цесарь реч. Сьй, слышавъ, цесарь, яко *два уноши* много молвиста на нь и на цесарьство его въ пиру, и повелѣ възвати я къ собѣ на обѣдъ. Видъ же единого упивъшася и много суетная глаголаше, а другаго съ страхомъ пьюща и съ блюденьемъ, оного отпусти, занѣ пьяница естьствомъ былъ, а оного посѣче, яко злоумьника и волею блудяща.

О ЛАСКАНЬИ

Плутархъ. Ласканье подобно есть щиту нетверду, вапомъ украшену: на нь же зрѣти сладъко, а потребы в немъ нѣсть ни единоя.

Фитионъ рече. Морьстѣи свиньи пловуть съ пловущими до самого брега морьскаго, на брегъ же не выходять. Такоже и ласкавци до тихости пребывають съ своими другы; а имъ же преклоняться друзи его на убожьство и на жесточѣишее житье, то отходять.

О БОГАТЬСТВѢ, И О УБОЖЬСТВѢ, И О СРЕБРОЛЮБЬИ

Богатый възглаголеть — и вси умолкоша, и слово его възвысиша до облакъ.

Нускый рече. Луче есть мало имѣти съ добрымъ, нежели много съ злымъ.

Диогений. Сь, въпросимъ от инѣхъ, въскую злато блѣдо есть, и отвѣща: «Занѣ мнози на нь помышляють».

Тимодинъ. Сь, въпросимъ, что есть вышьши, богатьство ли или мудрость, и отвѣща: «Не вѣмъ, но обаче вижю мудрыя, къ вратомъ богатаго ходяща».

О УДОБЬИ

Луче хлѣбъ съ солью въ молчаньи и бес печали, нежели предложение брашномъ многоцѣнъным съ мятежемъ и съ ужасомъ.

Климий. Всякое чресъ мѣру пакостно.

Филонъ. Книголюбець, мало пищи и питья приемьля[7], стоить межи смертью и бесмертием: смертна бо тѣла дѣля приемлеть нужное, и душа его, бесмертия желающи, многоцѣнныя пища не ищеть.

О МОЛИТВѢ

Епикуръ рече. Аще бы богъ, послушая молитвы всѣхъ человѣкъ, и сътворилъ бы въслѣдъ моленья ихъ, то весь род человѣческый погыблъ бы, зане много зла другъ на друга молит.

О УЧЕНИИ И О БЕСѢДѢ

Богослов[8]. Негласно дѣло лучи есть, нежели слово несвершено.

Уне есть на себѣ узду носити и от инѣхъ хытрыхъ коньникъ исправливатися, нежели намъ инѣхъ убо обуздати и коньникомъ быти.

Дѣи словесная, а не глаголи дѣяния.

Плутархъ. Сь глаголаше, яко Клеанфии и Ксенократий, тупа суща паче инѣхъ ученикъ, поношена быста. Она же отвѣщаста: «Вѣ подобна съсудомъ тонкожерлымъ, яже, едва приемля лѣемая, твердо и добрѣ хранять и».

Филиппъ цесарь. Гудьцю ладящю гусли своя, и Филипъ, сѣдя, и рече: «Криво ладиши, инако было». И гудець отвѣща: «Да не тако попустить богъ гнѣвъ свой на тя, цесарю, яко тобѣ лучьши мене умѣти гусльная!»

Якоже и коневи рзание, и псу брехание, и волови рютье, и лютому звѣри риканье дано есть, да то ихъ знаменье есть, такоже и человѣку слово, да то его знаменье, то же его градъ, то же его сила, то же оружье, то же и стѣна, сь животенъ боголюбенъ кромѣ всѣх животъ симъ почтенъ есть.

Мосхионъ. Егда бесѣдуеши съ инѣми, преже смотри, аще луче тебе есть correspondingовѣстьникъ тъ или хужьши, или равенъ тебѣ. Аще разумѣеши и лучьиа себе — то покорися ему, аще же хужьши — то покори и, аще ли ровенъ тобѣ — то одиноумися с нимъ.

Солонъ. Сь глаголаше, яко слово — образъ есть дѣлу[9].

Иродот. Равное добро есть, о цесарю, аще кто самъ о себѣ добро мыслить и иного, глаголющаго добро, хочеть послушати.

О НАКАЗАНИИ

Еврипидий. Вси есмы хитри наказати, а сами не вѣмъ, что сътворимъ.

Осопъ. Сь рече: «Кождо насъ два мѣха носить: единъ пред собою, а другый — за собою. В предний же кладемъ чюжие грѣхы, а въ задний — свои».

О ЛЮБОМУДРИИ И О УЧЕНИИ ДѢТИИ

Златоустъ. Рьци ми, кто васъ, домовь шедъ, книгы взялъ крестьяньскыя въ руку и чтение челъ, и испыталъ писание? Никто же можеть того изрещи. Но тавлѣи и шахы въ многых васъ обрѣтаеми суть, а книгъ ни въ кого же, развѣ и въ малыхъ, но и ти таци же, якоже и не имѣюще: съгнувъше бо я, и кладуть въ лари — а въсе имъ тъщание на харатийную тонкоту и на грамотную красоту, а о чтеньи не пекуться. Не душевныя пользы ради стяжають книгы, но хотяще явити богатьство свое и гордость. Тако преумножися въ них тъщеславие, а никто же слыша рькуща: «Вѣмъ книжную силу!»

Невозможно есть велика учения начати мало учивъся.

Климий. Мудрость въслѣдуеть дѣянию, якоже и тѣлу стѣнь.

Дѣлатели, видящи класы, клонящася к земъли, радуються, вѣдуще, яко исполнени суть жита; аще же прости стоять, печаль возложать дѣлателемъ, вѣдущимъ, яко тъщи суть. Такоже и уношѣ, тягости тъщеѣ и мудростьноѣ не имуще, с шатанием живуть, и образъ хожения, и лица ихъ буява, и обиды испольнена, имъ же не щадять всего. Наченше же съзирати и плодъ събирати от слова, тогда гордыньну укору отмѣтають. Якоже съсудъ тощь, въздуха исполнен есть, нальянъ же водою или виномъ, или инымъ чимъ исполненъ, воздухъ отходит, такоже и человѣци, исполнивъшеся истинънаго блага, отступаеть тщеславие.

Еронъ. Сь цесарь сикелиискыи въпроси Ксенофонта о творци Омирѣ, и, оному же хулившю его, пакы въпроси его: «Колико рабъ имѣеши?» А тому рекшу: «Два, и тою едва могу укормити»— и отвѣща ему Иеронъ: «Не стыдиши ли ся, охуляи Омира, иже по своеи смерти кормить боле ста тысячь своим творениемъ?!»

Лаосъ рече. Сь, въпросимъ, что есть мудрость, и рече: «Искушение».

Чьто есть человѣку умну тяжелѣ всего работати? Отвѣтъ: А тяжелѣ всего человѣку умну работати глупа и упряма учити человѣка.

О БОГАТЬСТВѢ И О УБОЖЬСТВѢ

Сирахъ рече. Въспомяни гладъ въ время сытости, убожьство и скудьство во время богатьства: от утра и до вечера премѣняеться время.

Вазнь, якоже стрѣлець, овогда улучаеть, стрѣляющи въ насъ яко въ начичь, овогда же на прилежащая ближняя.

Димонаксъ. Кажеть побѣда храбраго, а напасть умнаго.

Димитрий. Иже не можеть крѣпъко держати печали, то радости не терпить.

Добровазнье мню, якоже и овощь: времени же минувшю исъхнеть.

О ЯРОСТИ И О ГНѢВѢ

Сирахъ. Ярость и гнѣвъ умаляеть дни.

Плутархъ. Ярость подобна есть суцѣ: якоже она слѣпа ражаеть щенята, такоже и от ярости слѣпы вины исходять.

Лютъ конь уздою въздержиться, а скоръ гнѣвъ умомъ обуздаеться.

Кротъко слово сазрушаетъ гнѣвъ.

Сотионъ. Сей рече: «Бѣста два мужа мудра, а гнѣвлива — Араклитъ и Димокрит. Единъ же, разгнѣвався, прослезися, а другый — смѣяшеться, и тѣмъ нравомъ отбѣгоста ярости».

О МОЛЧАНИИ И О ТАЙНѢ

Богословъ. Глаголи, когда чюеши слово луче molъчания, молчанье же люби, еже чюеши луче глаголанья.

Пупо риторъ. Не хотя слышати многы рѣчи, повелѣ рабомъ своимъ протива прашанья отвѣщевати бес приложения. Потомъ же, почтити хотя Клавдия князя обѣдомъ, и посла зватъ его и устроивъ свѣтелъ пиръ. Наставъшю же часу обѣдьнему, и инии звании все приехаша, а Клавдия вси чаяху, и многажды посылаше обычнаго зватая съ загляданиемъ, аще идеть. Вечеру же бывъшу, отчаянъ бывъ Клавдии и рече рабу, звавшему и́: «Звалъ ли еси?» — онъ же рече: «Ей!» И рече: «Како не приде?» — и онъ рече: «Яко не бѣ часъ». И онъ рече: «Въскую ми еси исперва не повѣдалъ?» И онъ рече: «О томъ бо еси мене не прашалъ».

Зинонъ философъ. Мучимъ цесаремъ Дмитром, да бы проявилъ которую тайну своего отечьства, и нудимъ сый, укуси языка своего и рождьвавъ, выплюну на нь.

<Аристотель>. Сь, въпросимъ, что люто во всемъ житии, и отвѣща: «Молчати, яже льзѣ глаголати».

<Сократ>. Сь, въпросимъ, кто тайну может хранити, и отвѣща: «Иже угль горячь можеть возложити на языкъ».

Нѣкому поносящю ему, яко воняеть ему душа, и отвѣща: «Многы бо тайны изъгнили суть въ моемъ горлѣ».

О МНОГОПЫТАНИИ И О МОЛЧАНЬИ

Алькивиадъ. Сей имѣ пса красна; и седмь тысящь злата въдасть на немъ — и отрѣза ему хвостъ. Нѣкому въпрошьшю его, что ради тако сътвори, и рече: «Да быша о томъ молвили люди, а не о мнѣ».

Мосхионъ. Нѣкому рекъшю к нему: «Чему села не брежеши, а собою печешися?» — и рече: «Того дѣля пекуся, его же дѣля и село стяжахъ».

Герионъ. Сь, узрѣвъ мужа, на небо зряща и звѣзды пытающа,— и въ пропасть въпадъшася, и рече: «По достоянью еси приялъ, иже, земнаго не свѣдая, и небесныхъ пытаеши!»

О МНОГОИМАНЬИ И ОБИДѢ

Иже, чюже грабяи, създидаеть имъ домъ свои, то яко каменье собра въ рѣку зимьнюю.

Диогенъ. Се засталъ татя, крадуща каменье его, и, оному запирающуся и глаголющю, яко: «Не вѣдая, твоя суща, украдохъ»— и рече: «Аще не вѣдалъ еси, яко — не твоя суть?»

Аще яже имѣемъ, не требуемъ, а яже не требуемъ, ищемъ, то от обоего лишени будемъ: овыхъ приключенья дѣля, а овыхъ — себе дѣля.

О ЧЬСТИ РОДИТЕЛЬ

Иже хотять промыслити своими отци, да позрять на стеркы. Они же, узрѣвше своего отца и старостью безъ крылъ суща, окрестъ его стояще,

набьдять своими крылы и корьмлю без зависти подаютъ, и, егда летѣти хочеть, помагають ему, по малу облегчающе своими крилы.

Прокопий <софист>. Якоже удеса телесная наших дѣтии от рожьства повива*ють*ся, да быша крѣпка и права, и была дебела, такоже исперва подобаеть нам нравъ дѣтиный исправливати.

Такъ буди родителем своимъ[10], акъ бы молилъ быти дѣтемъ своим.

Никоклисъ. Женѣ его поносящи ему[11], зане сына своего, блудна суща, не прииметь, онъ же рече, плюнувъ: «И си слины от мене суть, но не на потребу ми есть!»

О СТРАСТИ

Лиственая трясанья устрашають заяци, а мужии некрѣпъкыхъ — стѣнь невещьный.

Виасъ. Сь, въпросимъ, что въ семъ житии без страха есть, и отвѣща: «Свѣсть права».

О СКОРОВОЗВРАЩАЮЩИМСЯ И О ПОКАЯНИИ

Соломон. Мужь, ворочаяся языкомъ, падеть въ зло.

Имъ же простъ на измѣнение бываеть умъ, тѣхъ и житье бесщинъно есть.

Человѣци подобни суть облакомъ, иногда въ ино мѣсто воздухомъ носими.

Тѣхъ мнимъ безумъныхъ, иже скоро преклоняться на обѣ странѣ, якоже вихръ вертимъ, и гворове воднии, и морьскыя волны нестаемы.

Садъ, часто пресажаем, плода не носить.

Епихаръ. Мудру мужу недостойно каятися, но промыслити.

О ГРѢСѢ И О ИСПОВѢДАНЬИ

Плутархъ. Ни огня возможно покрыти ризою, ни скверна дѣла с лѣты.

О ЧРЕСѢ СЫТОСТИ ЧРЕВУ УГАЖАЮЩЕ

Душа, насытившися, и медвена гнушаеться ста.

Стужающю чреву, съмѣряеться сердце, веселящю же ся ему — гордить умъ.

Сь, званъ на пиръ[12], не обѣщася, преже даже не въпроси, котории звани суть, и рече, яко въ одиномъ корабли плути можеть терпѣти, или въ одиномъ дому жити, а въ пиру съ злыми съсмѣситися — без ума есть.

Катонъ. Сь рече: «Люто есть чревомъ повѣсти дѣяти, ушью не имѣющу».

Волкъ, видѣвъ пастуха, ѣдуща чюжи овци отай въ кучѣ, и рече: «О, колико бысте голкы съставили, оже быхъ то я створилъ!»

О ПЕЧАЛИ И О БЕСПЕЧАЛЬИ

Соломонъ. Яко моль ризѣ и червь древу, тако и печаль мужеви пакостить сердцю.

Святаго Василья. Якоже черви въ изгнилѣ древѣ ражаються, такоже и печаль въ мякъкыя человѣкы входить.

Сократъ. Сеи, въпросимъ, что опечалить благыхъ, и рече: «Слава лукавыхъ».

Безумнии временем забудуть печали, а умнии — словомъ.

О СЪНѢ

Плутархъ. Въ дни спящу Филипу цесарю, и властелемъ его приѣздившимъ къ нему и пред враты стоявше, и жалующим продолженья лежанья дѣля, Пармении же, выникъ, и рече имъ: «Не чюдитеся, еже нынѣ Филипъ спитъ: когда бо вы спасте, тогда онъ бьдяше!»

О ПЬЯНЬСТВѢ

Куръ цесарь, слышавъ, яко уноши, пьюще, много хулы изрекоша на нь, и, утру бывъшю, всѣ повели привести предъ ся и въпроси перваго, аще тако изъглаголаша о немъ. Онъ же отвѣща: «Тако рекохомъ, цесарю, и боле сихъ быхомъ изорькли, аще быхомъ боле имѣли вина!»

Диогенъ. Сему въдаша много вина въ пиру, и, въземъ, пролья. Инѣмъ же поносящимъ ему, занѣ губить вино, и се отвѣща: «Аще бы вино не погыбло мною, то азъ быхъ погыблъ виномъ».

Нахаръсосъ. Сеи рече: «Егда сядеши в пиру, первую чашю испьеши здоровью, а въторую сладости, а третиюю безумью, а послѣднюю — бѣсовьствию!»

Софоклисъ. Сь, въпросимъ, рече: «Лоза три розгы ражаеть: первый съ сластью, вторый пьяньства, третьюю безумью».

О ДЕРЗОСТИ И О ОБЛИЧЕНИИ

Сему древле послану от Афиней[13] къ Филипу цесарю и съ дерзновениемъ бесѣдующю, и Филипъ рече: «Не убоиши ли ся, занѣ повелю усѣкнути главу твою?» И онъ рече: «Ни, аще бо ты усѣкнеши ю, то мое отечьство бесмертиемъ почьстить ю».

Врагъ, истину исповѣдавъ, луче лицемѣрна друга.

О СТРАДАЛЮБИИ

Димостенъ. Сь, въпросимъ, како риторикию училъ, и рече: «Склочилъ масла боле вина».

О ТЩЕСЛАВИИ

Не хвались, егда ся явиши лучши злыхъ, но печалуйся, егда добрых не пристигнеши.

Буесть отнимаеть бытье мудрьное.

Тать ненавидить солньца, а гордый — кроткаго.

Сей, узрѣвъ отрока[14], о многоцѣнне хламидѣ гордяща, и рече ему: «Престани гордя о овчии волнѣ!»

О ИСТИНѣ И ЛЖИ

Соломон. Иже ся утвержает лъжею, тотъ пасеть вѣтры и птицѣ крилатыя.

Богословъ. Истина одина есть, а лъжи многомыслены.

Осопъ. Сь, въпросимъ, что польза от лъжи лъжющимъ, и рече: «Аще и право молвять, не имуть имъ вѣры».

О ХВАЛЕНИИ

Феофилактъ. Истинъная хула лучеи есть лицемѣрныя славы.

Исократъ. Вѣрных мни не тѣхъ, иже по твоему слову молвять, но иже противяться глаголемымъ тобою по криву.

О КРАСОТѣ

Сирах. Не похвали мужа красоты его ради, красота человѣческая познаеться възрастомъ сѣдинъ.

Плутархъ. Приникни къ зерцалу и смотри лица своего: да аще и красенъ ся явиши, твори протива своей красотѣ и не посрами еѣ злыми дѣлы; аще же злообразенъ еси, то личьное оскудѣние украси добродѣяньемъ.

Красны жены лобзания блюдися, яко змиина ѣда злаго.

О СЛАВѢ

Бещестье стерпѣти — велико и крѣпко, а еже славѣ причяститися — великы душѣ требуеть и зѣло умны, дабы не отпалъ славы приимый. Но оже хощеши славу обрѣсти,— отжени славу; аще ли гониши славу — отпадеши славы, та бо слава — стѣнь славѣ.

Никто же, на стѣнѣ вапомъ написана хлѣба зря, аще и велми гладенъ есть, и иде укуситъ его.

Александръ. Сь плѣнилъ индѣянина, славна стрѣлыда и нарочита. И онѣмъ рекшимъ: «Сь можеть сквозѣ перьстень прострѣлити» — повелѣ ему явити хытрость его пред собою. И не хотящу ему повелѣ посѣщи. Ведущимъ же его на посѣчение, глагола къ водящимъ, яко: «Много время минуло, яко въ руку лука не прияхъ и убояхся, еда, погрѣшивъ, погублю си славу». Слышавъ же, Александръ дивися и отпусти и съ дары, занѣ умрѣти изволи, нежели славу свою погубити.

О МНОГОМОЛВЛЕНИИ

Евагрий. Молви, яже достойно, и егда достойно, и о нихъ же достойно — и не услышиши, яже не достойно.

Мигдольный цвѣтъ мразомъ гыбнеть, занѣ ранѣи всѣхъ цвететь, человѣци же многымъ скоромолвлениемъ истляють. Подобаеть беспрестани умом възбраняти языку и въздержати струя его, да не будемъ безумнѣише гусии. Ти бо, егда прилетять от Киликия и къ Таурмении, вѣдуще, яко исъполнена мѣста та суть орлии, емлють въ уста каменье, яко *замокъ гласу*, и нощь прелетять.

Сь, въпросимъ, како двѣ уши имѣемъ[15], а единъ языкъ, и рече: «Занѣ достойно сугубо слышати, а одиною молвити».

О СМИРЕНИИ

Нилъ. Блаженъ мужь, иже имѣеть житье высоко, умъ же смѣренъ.

О ВРАЧѢХЪ

Никоклий. Сь, слышавъ злаго лѣчьца, яко глаголаше, велику силу имѣеть, и рече: «Како бо не хощеши тако рещи, иже толико людий убивъ, и яко неповиненъ ходиши!»

О ПАМЯТИ

Платонъ рече. Дѣти и старѣи равно *неп*амятиви суть: ови растуще, ови изнемагающе. Что есть память? Держание видимых и слышаныхъ, погонение же ихъ испоминание наречеться. Тѣмъ бо тупии памятиви суть, а хитрии въспоминаньливи.

О ЗАВИСТИ

Якоже мухы сдравая удеса прелѣтають, а къ гнойнымъ мѣстомъ прилипають, тако же и завистивии.

Что стонеши, завистьливыи, о своей ли напасти, цили о чюжем блазѣ?

Анахарсъ рече. Сь скутьскый философъ, въпросимъ бысть, коеи вины дѣля человѣци печальни суть воину, и рече: «Яко не токмо о своихъ напастехъ пекуться, но и о чюжемъ доброваньствѣ».

Зависть — есть струпъ правьдѣ.

Агафонъ. Аще бы не была въ человѣцѣхъ зависть, то вси быхомъ равни были.

О ВОЛЬНѢМ И НЕВОЛЬНѢМ

Уне ти есть волею печальну быти, нежели неволею радоватися.

О РАЗУМѢ И О СОБѢ

От Евангелия. Что зриши сучьца въ оцѣ брата своего, а въ своемъ бервьна не видиши!

Платонъ. Начало разуму — разумѣнье невѣжьства своего; мы же, не вѣдуще ничтоже, мнимся всевѣдуще.

Ираклий. Сь, уноша сый, приведенъ бысть пред учителя, вънегда философью учаше, и, въпросимъ сы от него: «Что, уноше, училъ ся еси?», и онъ отвѣща: «Се училъ ся есмь, яко не вѣмъ ничтоже». Слышавъ же, учитель чюдися, и вси, окрестъ стоящеи учителя, кликоша: «Воистину сь уноша хитрѣе всѣхъ насъ есть!»

О ЗАКОНѢ

Дионъ. Достойно лежащий законъ твердо хранити и ни единого ихъ не измѣняти, уне бо древний *держати* законъ, нежели новый, аще и лучии мнитъся.

Залевк. Законъ подобенъ есть паучинѣ, якоже паучина, яже въ ню вълетить муха или комаръ, то увязнеть въ ней, аще ли бчела или шершень, то, исторгавше, вылѣтають. Тако же и законъ: аще въпадеть убогъ и простый мужь, то увязнеть въ немъ, аще ли богатъ или силный, то, рѣчью исторгавше, отидуть.

О БЕЗУМЬИ

Пѣсокъ и соль, и желѣза крици удобь подъяти, нежели человѣка безумна.

Зинон. Нѣкто безумный уноша в Акадимии пряшеться о душѣ, Зинонъ же рече: «Что ся приши? Не омочивъ языка въ умѣ, много съгрѣшишь въ словѣ».

О БЛУЖЕНИИ

Диогенъ рече. Сь, приступивъ къ нѣкоему уношѣ, испортивъшю отчю власть, и просяше у него десяти литръ злата. Уношѣ же рекшу: «Въскую въ инѣхъ по цятѣ просиши, а у мене десяти литръ?»— и отвѣща: «У инѣхъ бо чаю взяти что, а у тебе ничьтоже».

Зинонъ. Сь пряся с раздавающимъ имѣние безума блудънымъ и, оному отвѣщавшу.яко от множьства мало исклачиваемъ, онъ же рече: «Или повари безумны суть, иже, пересоливъше брашно, и рекуть: “Много бо соли у нас есть?”»

О БЛАГОРОДИИ И О ЗЛОРОДЬИ

Димостенъ. Не та пшеница добра мниться, иже на добрѣ поли пожата, но яже полоньна и на пищу угодна есть; такоже и мужа расудимъ не от славнаго рода, но от нрава.

О СМѢСѢ

Соломон. Буявый въ смѣхъ възносить глас свой, мужь же мудръ едва с кротостью улыснеться.

Епиктит. Смѣхъ отгони и смѣху начальникъ не буди: мѣсто бо то полъзъко къ хулѣ.

О СЪНѢ

Сонъная видѣния дньныхъ помыслъ суть възглашения, иже во снѣ видимь любимая, тѣмъ и утѣшаеться.

Паче мѣры спати подобаеть мертвымъ, нежели живымъ.

О БЕЗЛОБИИ И О НЕВОСПОМИНАНИИ ЗЛУ

Есхиний. Сь осуженъ бысть от афинѣй, а Димостенъ, иже бѣ наставникъ граду, посла к нему 10 тысящь злата, утѣшая и, дабы мужьскы терпѣлъ осужение и нужю бес бечали. Онъ же рече: «А како могу не печаловатися, выгонимъ сы от таковаго отечьства, въ немъ же обидимии пользують обидящимъ?»

О НЕПОСТОЯНИИ ЖИТЬЯ

Егда вся житья твоего исправливаються по твоей воли, тогда и чай измѣнения; и пакы, егда неначаемыя напасти обыдуть тя, тогда чай добра и лучьша.

Димокритъ. Подобиться житье се подърумию, въ немъ же многажды добрии падають, а хужьшии — на лучьшая мѣста выступають.

ЯКО ДОСТОЙНО ЧЬСТИТИ БЛАГОДАТЬ, А ЗЛОБУ ОТГНАТИ

Сократъ. Сей, въпросимъ бысть, который град добрѣ стоитъ, и отвѣща: «Въ немъ же съ закономъ живуть, а обидящихъ казнятъ».

Солон. Тот град твердъ, в немъ же добрии в чьсти суть, немощенъ въ немъ же элии чьстни.

ЯКО ПРОСТА ЕСТЬ ЗЛОБА. *И* ОДВА СЯ ГОДИТЪ БЛАГОДѢАНИЕ ЧЕЛОВѢКОМЪ

Диогенъ. Сеи въ день древле свѣщю въжег, хожаше по граду, и нѣкоему и просивъшу: «Въскую се твориши, о философе?»— он же рече: «Человѣкъ ищу!»

О САМОЛЮБЬИ

Критиас. Люто есть, еда человѣкъ не уменъ сы, мниться уменъ быти.

Диогенъ. Друзии человѣци инѣхъ учат, а сами своего ученья не слушающе; то ти подобьни суть гуслемъ, иже человѣкомъ добръ глас испущают, а сами не слышатъ.

О СМЕРТИ

Отъ сего житья добро изити, яко ис пиру: ни жажуща, ни упивъшася добрѣ.

Сократ. Уне славну мужьскы умрети, нежели жити съ срамомъ.

Виасъ. Узрѣвъ на пути лежащь мечь и рече: «Кто тя погуби или кого еси погубилъ?»

О МИРѢ И О РАТИ

Фавиинъ сынъ рече къ отцю: «Исполчимся прямо ратнымъ, и сто от насъ не погыбьнеть». Онъ же рече: «А кто вѣсть, аще ты будеши от ста единъ?»

Брань славна лучьши есть мира скудъна.

О УПОВАНИИ

Плутархъ. Ни корабль единомъ якоремъ спасеться, ни се житье единою надеждою.

О ЖЕНАХЪ

Уне жити въ пустыни съ львомъ и съ змиею, неже жити с женою лукавою и язычною.

<Солон>. Сь, въпросимъ от иного, аще велить ему оженитися, онъ же рече; «Ни! Аще бо злообразну поимеши — мука ти будеть, аще ли красну — инии на ню хотять зрѣти!»

Диоген. Сь, видѣвъ жены прящася, и рече: «Зрите: како аспида отъ ехыдны зелья просить!»

Въ триехъ нужахъ был есмь: въ грамотикыи, въ убожии, у люты жены; да двою нужю убѣжахъ, а злы жены не могу утечи!

О ПРОТИВОСЛОВЬИ И О ШАТАНИИ

Феофрасъ. Срамляй самъ ся, да от иного не посрамленъ будеши.

О СТАРОСТИ И О УНОСТИ

Не хули мужа въ старости его, ти бо от насъ старѣються.

Троего възненавиди, душе моя, и зѣло ми мерзитъ животъ ихъ: стара блядива, богата лжива, убога хупава.

Сь, видѣвъ стару жену, красящюся вапомъ, и рече: «Аще къ живымъ красишися — то облазнилася еси, аще ли къ мертвымъ — то не облѣнися!»

Димокритъ. Старъ мужь унотою былъ есть, унота же не вѣсть, аще дойдеть старости.

---

[1] *...и разумъ внѣшниихъ философъ.*— В средневековой литературе внешними (по отношению к христианским) назывались античные и вообще языческие философы и писатели, хотя многие их произведения высоко почитались и со временем стали важнейшей составной частью христианской культуры.

[2] *Идола образъ украшаеть...*— Речь идет об изображении языческого бога (идола – от греч. ἐίδωλον – «подобие, изображение», что восходит к греч. ἐίδος – «вид, образ»; «красота»); славянский переводчик не смог передать игру слов греческого оригинала, в котором одновременно говорится о внешнем виде, изображении и красоте его.

[3] *Се поношенъ бысть, яко съ лукавыми живеть...*— В греческом варианте это высказыванне приписывается Демосфену.

[4] *...къ Диогену, куньскому философу... Куньское брашьно се, но не цесарьский даръ».*— В греческом оригинале игра слов: «κύνικος» одновременно означает и «собачий», и «кинический», то есть

относящийся к последователям учения киников (циников) — от того же слова; этот дар Диогену по легенде, отраженной в этой цитате, приписывают Александру Македонскому (ему и его отцу царю Филиппу Македонскому в «Пчеле» отводится много места).

[5] *Къ сему пришедъшю клеветнику...*— Высказывание приписывается софисту Исократу.

[6] *Нѣкому рекъшю к нему...*— Изречение приписывается Демокриту.

[7] *Книголюбець, мало пищи и питья приемьля...*— Ошибка в древнерусском тексте, в котором книголюбець стоит на месте греч. «σπουδαῖος»— «добродетельный, порядочный, честный».

[8] *Богослов.*— Здесь и ниже имеется в виду Иоанн Богослов.

[9] *Сь глаголаше, яко слово — образъ есть дѣлу.*— Игра слов, основанная на многозначности славянского слова образъ — «вид», «подобие», «изображение», «призрак», «признак», «образец», «пример».

[10] *Такъ буди родителем своимъ...*— Приписывается Исократу.

[11] *Никоклисъ. Женѣ его поносящи ему...*— В греческом тексте изречение приписывается Сократу.

[12] *Сь, званъ на пиръ...*— Изречение приписывается лакедемонянину Хилону, одному из «семи мудрецов», жившему в начале VI в. до н. э.

[13] *Сему древле послану от Афиней...*— Афинский посланник Демокрит.

[14] *Сей, узрѣвъ отрока...*— Приписывается Аристотелю.

[15] *Сь, въпросимъ, как двѣ уши имѣемъ...*— Изречение приписывается Демосфену.

ЧУДО ГЕОРГИЯ О ЗМИЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова

ВСТУПЛЕНИЕ

Повесть основана на широко известном многим народам эпическом сказании о герое-змееборце; это сказание оказало большое влияние на развитие многих жанров народного творчества, в том числе и русского (былины, сказки, духовные стихи), отразилось в изобразительном искусстве и сделало популярным в народной среде имя Георгия Победоносца. Древняя повесть представляет собою отдельный легендарный эпизод из биографии этого мученика. Первоначальный перевод был сделан с греческого языка в XI в., а уже в конце XII или в

начале XIII в. возникла русская переработка текста, так называемая «вторая русская редакция», которая здесь публикуется. От переводного текста она отличается лаконичностью, характерной для оригинальных древнерусских произведений, яркой образностью языка, здесь заменены некоторые собственные имена (например, город Лаодикия на неведомый Гевал), сокращены некоторые побочные эпизоды повествования, несколько приглушена христианская сторона повествования (например, в мотивировке действий Георгия).

Древнерусская редакция повести публикуется по списку XVI в. — *РНБ*, Погодинское собрание, 808, лл. 178—186 об.; исправления по спискам, изданным в кн.: Рыстенко А. В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах. — Записки Новороссийского университета, т. 112. Одесса, 1909, с. 36—42.

ОРИГИНАЛ

ЧУДО, БЫВШЕЕ С СВЯТЫМЪ ВЕЛИКОМУЧЕНИКОМЪ ГЕОРГИЕМЪ О ЗМИИ

Благослови, отче!

Како изреку страшную сию и преславную тайну? Что возглаголю или что помышлю? Како начну глаголати и повѣдати дивное сие и преславное слышание? Азъ убо грѣшенъ есмь человѣкъ, но надѣюся на милосердие святого и великого мученика и страстотерпьца Христова Георгия; возвѣщаю вам чюдо сие, избранное во всѣхъ чюдесехъ его.

Бысть во она лѣта нѣкии град, именем Гевалъ, во странѣ Палестиньстей, и той бяше великъ зѣло и множество много людей в немъ; и вси вѣроваху во идолы, почитающе ихъ по преданию и по велѣнию царскому, отступиша бо отъ Бога, и Богъ отступи от них.

Близь еже бяше града того езеро велико, имѣя воду многу. По вѣре и по дѣломъ ихъ воздастъ имъ Богъ: бысть убо змий великъ во езере том, и, исходя отъ езера оного, людей града того изьядаше. Инѣхъ же свистаниемъ уморяше, других же удавляя восхищаше въ езеро. И бяше скорбь велика и плачь неутѣшимъ во градѣ томъ звѣря оного ради.

Во един же отъ днии собрашася вси людие града того и идоша ко царю своему, глаголяще: «Что сотворим — яко погибаемъ злѣ отъ змия сего?» Глагола имъ царь: «Аз, еже ми явиша бози, то и возвѣщаю вамъ, да

сотворим убо совѣтъ сии: кийждо вас во вся дни сына своего или дщерь свою да подастъ на снедение змию по ряду, дондеже и на мя приидетъ число: дам и азъ единородную мою дщерь». И годѣ бысть сей совѣтъ всѣмъ людем, и отъвѣщавше рекоша ко царю: «Воистину, о царю, сердце твое в руках боговъ есть; благодать же исповѣдуем имъ, отъкрывшим тебѣ совѣт сей». И шедше по ряду творяху повелѣние царево, наченьше отъ больших князь и до нижних, и по вся дни чада своя даяху на пищу змиеви при краи езера, ово убо сына своего, другии же дщерь свою, кричаще и плачюще зѣло. Исхожаше змий и восхищаше и ядяше.

Егда же вси людие отъдаша своя чада, абие пришедше, рекоша ко царю: «Владыко, вси мы отъдахомъ своя чада единъ отъ другаго, кождо нас по ряду. Что убо велиши по сих?» И отъвѣщавъ царь и рече: «Дам и азъ единородную мою дщерь, и по сих, еже ми явят безсмертнии бози, то паки и совѣщаемъ». Призвав же царь единородную свою дщерь и облече ю въ багряницу и облобызавъ ю, и плакався много, и повелѣ вести ея на погибель ко змию. Приведше же и поставиша ю при езере.

Святый же и великий мученикъ и страстотерпецъ Христовъ Георгие, почтенный отъ небеснаго царя воинъ, *и по смерти живый*, сияя великими чудесы, по смотрению убо Божию хотя спасти насъ погибающихъ и избавити града нашего отъ толикия бѣды, в той убо часъ приста на мѣсте том, якоже нѣкии воинъ, грядый отъ рати, и со тщанием во свое отечество идый. Видѣв же отъроковицу великий и преславный мученикъ Георгий при краи езера, и вопроси ея, глаголя: «Что здѣ стоиши, отроковице?» Она же рече ему: «Отойди, господи мой, отсюду, скоро отойди, да не злѣ умреши». Отъвещав же святый Георгий, и рече ко отъроковицы: «Что глаголеши, о дѣвице, разбойницы ли суть здѣ или ино что?» Отроковица же рече: «Змий есть страшен, внутрь гнездяся во езере сем; нынѣ убо молю тя, господи мой, отъступи отъсюду: вижду убо добрый твой зракъ и возрастъ и свѣтлость, и красоту лица твоего, и молю тя: отоиди отсюду скоро, да не злѣ умреши». Глагола ей святый и великий мученикъ Георгий: «Ты же почто сѣдиши здѣ, а не отъходиши?» Глагола отъроковица: «Много есть слово мое, еже изрещи тебѣ и сказати, еже о мнѣ, еда како приидетъ змий и тебе со мною восхитит». И глагола ей святый и великий мученикъ Георгий: «Рцы ми, отъроковице, *истину*, не бойся — не оставлю тебе». И отъвѣща ему отроковица трепещущи: «Видиши ли, господи мой, яко град сей великъ и добръ есть зѣло, и велие угобзение его во всем: и не хощетъ отецъ мой изыти и оставити град сей. Есть убо здѣ змий великъ и страшен зѣло во езере семъ, и снедает людей много, и совещаша гражане со царемъ, отцемъ моимъ, и даша по вся дни кийждо их по ряду чада своя в пищу змиеви; прииде же ряд и на царя, отца моего, и мене, единородну имѣя дщерь едину и не хотя разорити повелѣния своего, повелѣ и мене дати на снѣдение змию. И уже, господи мой, вся тебѣ исповѣдах; отъиди отъсюду скоро, преже даже не приидет змий и восхитит тя».

Слышав же сия великий мученикъ и страстотерпецъ Христовъ Георгий, и глагола к женѣ: «Не бойся, отъроковице!» Абие же возрѣвъ на небо рабъ Божий и помолися, глаголя: «Безначалне, живоначалне, Боже всего мира, не имый начала ни конца, положивый времена и лѣта, солнце на область дней, луну же на просвѣщение нощи, послушавый святыхъ твоихъ апостолъ пославъ имъ Духъ той Святый, послушай и мене, недостойнаго раба твоего, и покажи на мнѣ древняя твоя милости и покори лютаго сего звѣря под ногами моима, да видятъ и вѣру имутъ вси, яко ты ес единъ Богъ и развѣе тебе иного не вѣмы». И сия рекшу святому и великому мученику Георгию, прииде ему глас с небеси, глаголя: «Дерзай, Георгие, *не обратится тощь глаголъ твой, еже аще возглаголеши*».

Внезапу же отъроковица возопи, глаголющи: «Бѣжи, о человѣче, отъсюду: се бо змий свища грядетъ». *И абие, мало поступивъ, святый мученикъ Христовъ Георгие зря, езеро возмутившюся взятся превеликий змий, воздвиже главу свою, яко камару, изину, яко пропастию, грядый же, рыкая на святого, понеже и на девицу*. Сотвори же абие знамение Христово на земли святый Георгие и рече: «Во имя Исуса Христа, сына Божия, покорися, горки звѣрю, и гряди вослѣдъ мене». И абие силою Божиею и великого мученика и страстотерпца Христова Георгия паде под колѣньми ногъ его страшный онъ змий. И глагола святый и великий мученикъ Георгий отроковицы: «Отрешивши поясъ твой и уже узды коня моего и свяжи змия за главу; влецы его и поиди во град». Она же сотвори, якоже повелѣ ей святый и великий мученикъ Христовъ Георгий. И идяше вослѣдъ ея страшный онъ змий, пресмыкаяся по земли, яко овча на заколение. Отъроковица же влечаше его, радующеся и веселящися.

Царь же, отецъ ея, и мати ея в той день рыдающе бяху и плачущеся зѣло отъроковица ради. И внезапу видевше отроковицу, влекущу змия, и чудотворца святаго Христова и великого мученика и страстотерпьца Георгия, преди идуща, ужаснув же ся зѣло, начатъ бежати. Святый же и великий мученикъ Христовъ и чюдотворецъ Георгий возгласи имъ велиимъ гласомъ, глаголя: «Не бойтеся! аще вѣруете во Христа, въ негоже азъ вѣрую, узрите свое спасение днесь». Царь же стрѣтъ его и глагола ему: «Како нарицается имя твое, господи мой?» Он же рече ему: «Георгие нарицается». Тогда воздвигоша людие вси единъ глас, глаголюще: «Тобою вѣруемъ во единаго Бога Вседержителся и во единороднаго Сына его, Господа нашего Исуса Христа и во Святый животворящий Духъ». Тогда святый и великий чюдотворецъ Георгие простеръ руку и извлекъ мечь свой, отсѣче главу лютаго оного звѣря. Тогда видѣвъ царь и вси людие, приступиша абие и поклонишася ему, хвалу воздающу Богу и угоднику его великому чюдотворцу Георгию. И повелѣ царь создати церковь во имя преславнаго и великого мученика и страстотерпьца Христова Георьгия и украси церковь ону златомъ и

сребромъ и камениемъ драгимъ. И повелѣ память его творити месяца апрѣлия въ 23 день.

Видѣвше же святый и великий мученикъ Христовъ Георгие вѣру ихъ, яко отъ всея душа своея вѣроваша в Господа нашего Исуса Христа, глагола к ним святый: «Покажу вамъ и ино чюдо и знамение и силу Господа Бога моего». И егда создана бысть церкви она и скончашася ея зиждущеи, посла имъ щитъ свой и повелѣ повѣсити его верху святыя трапезы. Силою же и дѣйствиемъ Святаго Духа и до днешняго дне виситъ на воздусѣ, недержимъ никим же, во времена и лѣта, на вѣру невѣрнымъ.

Такова суть страшна и преславна чюдеса преславнаго и великаго чюдотворца и мученика Христова Георьгия. Не токмо же сия таиньства содѣваются именемъ его святым, но и исцеления многа творитъ Богъ молитвами его, приходящимъ въ церковь его святую съ вѣрою: хромии ходят, слѣпии прозираютъ, глусии слышатъ, страждущеи отъ духовъ нечистыхъ свобождаются, и многа радость бываетъ по вся дни чюдодѣяниемъ его. Сего ради и мы, братие, послѣдующе дадимъ славу милосердому Богу, да молитвами его святаго и преславнаго и великаго мученика и страстотерпьца Христова Георьгия улучимъ вѣчныхъ и не мимоходящихъ благъ о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, ему же подобаетъ всяка слава и держава, честь и покланяние со Отъцемъ и со Святымъ и животворящимъ его Духомъ и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПЕРЕВОД

ЧУДО СО ЗМЕЕМ, БЫВШЕЕ СО СВЯТЫМ ВЕЛИКОМУЧЕНИКОМ ГЕОРГИЕМ

Благослови, отче!

Как изреку ужасную эту и преславную тайну? Что возглашу и о чем подумаю? Как передам и поведаю удивительное это и преславное предание? Ибо грешный я человек, но надеюсь на милосердие святого и великого мученика и страстотерпца Христова Георгия; возвещаю вам чудо это, самое дивное из всех чудес его.

Был в древние времена один город, под названием Гевал, в земле Палестинской, и был он очень большой, и множество людей в нем жило; и все поклонялись идолам, почитая их согласно преданиям и по царскому повелению, отвернулись они от Бога, и Бог отвернулся от них.

Около города этого было большое озеро, весьма полноводное. По вере и по делам их воздал им Бог: появился огромный змей в этом озере и, выходя из озера, жителей города этого поедал. Некоторых свистом своим умерщвлял, других же, удушив, утаскивал в озеро. И была великая скорбь, и плач неутешный в городе том из-за этого зверя.

Собрались однажды все жители этого города и пошли к царю своему, говоря: «Что будем делать — ведь зло погибаем от этого змея?» Ответил им царь: «Все, что сказали мне боги, то вам возвещаю, и давайте сделаем это: каждый из вас ежедневно сына своего или дочь свою пусть отдаст на съедение змею в черед свой, пока не наступит и мой срок: отдам и я единственную мою дочь». И угодно было это всем жителям, и, отвечая, сказали они царю: «Воистину, о царь, сердце твое в руках богов; хвалу же им вознесем за то, что вложили в тебя эту мысль». И, удалившись, поочередно исполнили царское повеление, начиная с главных князей и до самых незнатных, ежедневно отдавая детей своих в пищу змею на берегу озера, тот сына своего, другой же дочь свою, рыдая и плача безмерно. Выходил змей, и уносил их, и поедал.

Когда же все жители отдали своих детей, снова придя, сказали царю: «Господин, все мы отдали своих детей одного за другим, каждый из нас по очереди. Что повелишь ты теперь?» И, отвечая, сказал царь: «Отдам и я единственную мою дочь, а затем — что откроют мне бессмертные боги, так и решим». Призвав единственную свою дочь, обрядил царь ее в багряницу и, поцеловав и горько оплакав, повелел отвести на погибель к змею. И, отведя, оставили ее у озера.

Святой же и великий мученик, страдалец за веру Христову Георгий, чтимый небесным царем воин, который жил и по смерти, сияя великими чудесами, по Божьему соизволенью желая спасти нас, гибнущих, избавить город наш от этой напасти, в тот же час оказался на месте том в виде простого воина, идущего с битвы и спешащего в родные места. Увидев на берегу озера отроковицу, великий и славный мученик Георгий спросил ее, так говоря: «Зачем здесь стоишь ты, отроковица?» Она же ответила ему: «Отойди, господин мой, отсюда, скорее отойди, чтоб не погибнуть жестоко». Отвечая, святой Георгий сказал отроковице: «О чем говоришь ты, девица, разбойники здесь или что другое?» Отроковица же сказала: «Змей страшный здесь есть, гнездящийся в озере этом; теперь же тебя умоляю, господин мой, уйди

отсюда: я вижу приятный твой вид, и младость, и блеск, и красоту лица твоего, и тебя умоляю: отойди отсюда скорее, чтоб не погибнуть жестоко». Спросил ее святой и великий мученик Георгий: «А ты почему здесь сидишь, не уходишь?» Ответила отроковица: «Многое могла бы я тебе поведать и рассказать, говоря о себе, но как бы змей не пришел и со мною тебя не похитил». И сказал ей святой и великий мученик Георгий: «Говори мне правду, отроковица, не бойся — не оставлю тебя». И отвечала ему отроковица дрожа: «Видишь ли, господин мой, как город этот велик, и очень красив, и процветает во всем: потому и не хочет отец мой уйти и оставить город этот. Однако живет здесь, в озере этом, змей, огромный и страшный безмерно, и поедает много людей; и порешили жители вместе с царем, отцом моим, и давали они ежедневно, каждый в черед свой, детей своих на съедение змею; дошел черед и до царя, отца моего, и меня, хотя имел он одну-единственную дочь, но, не желая нарушить решенье свое, повелел и меня отдать на съедение змею. И вот, господин мой, все я тебе рассказала; уходи отсюда скорей, пока не явился тот змей и тебя не унес».

Услышав же это, великий мученик и страдалец за веру Христову Георгий отроковице сказал: «Не бойся, отроковица!» И тут же, на небо воззрев, помолился раб Божий, так говоря: «Безначальный, живоносный, Бог мира всего, не имеющий ни конца, ни начала, создавший времена и годы, солнце в течение дней и луну в освещение ночи, внимавший святым своим апостолам, передавший им Дух свой Святой, выслушай и меня, недостойного раба твоего, и покажи на мне прежние твои милости, и повергни лютого этого зверя к ногам моим, пусть видят и пусть все поверят, что ты лишь один — Бог, и, кроме тебя, другого не знаем». И только сказал так святой и великий мученик Георгий, раздался голос с небес, говорящий: «Георгий, дерзай, не останется тщетным твой глас, когда ты попросишь».

Внезапно отроковица вскричала, говоря: «Беги, человек, отсюда: вот уж змей с посвистом идет». И тут же, отпрянув слегка, страдалец за веру Христову святой Георгий увидел, как из взбурлившего озера явился огромный змей, поднял голову свою, точно свод, и пасть раскрыл, будто пропасть, и с ревом пошел на святого и на девицу. Но тотчас, знамение Христово начертав на земле, святой Георгий сказал: «Во имя Иисуса Христа, сына Божия, покорись, жестокий зверь, и ступай вслед за мною». И сразу же силою Божьей и великого мученика и страдальца за веру Христову Георгия рухнул к ногам его страшный змей. И сказал святой и великий мученик Георгий отроковице: «Сними пояс твой и поводья коня моего и свяжи ими голову змея, волочи его и иди в город». Она и сделала то, что велел ей святой и великий мученик за веру Христову Георгий. И шел вслед за нею страшный тот змей, волочась по земле, как овца на закланье. Отроковица же волокла его, радуясь и веселясь.

Царь же, отец ее, и мать ее в тот день рыдали и плакали очень об отроковице этой. Но, внезапно увидев отроковицу, волочащую змея, и чудотворца святого, великого мученика и страстотерпца Георгия, идущего впереди, испугавшись ужасно, пустились бежать. Святой же и великий мученик за веру Христову и чудотворец Георгий воскликнул громким голосом, говоря: «Не бойтесь! если веруете в Христа, в которого верую я, то увидите ныне спасенье свое». Царь же, выйдя навстречу ему, сказал ему: «Как зовут тебя, мой господин?» Он же ответил: «Георгием зовут». Тогда воскликнули люди все как один, говоря: «Тобою веруем в единого Бога Вседержителя и в единого Сына его, Господа нашего, Иисуса Христа, и в Святой животворный Дух». Тогда святой и великий чудотворец Георгий, протянув руку, извлек меч свой и отрубил голову лютому зверю. Увидев все это, царь и все жители тотчас подошли и поклонились ему, Богу хвалу воздавая и угоднику его великому чудотворцу Георгию. И повелел царь построить церковь во имя многославного и великого мученика и страдальца за веру Христову Георгия и украсил ту церковь золотом и серебром и дорогими каменьями. И повелел поминать его в месяц апрель в двадцать третий день.

Святой и великий мученик за веру Христову Георгий, увидев их веру, что всей душой уверовали они в Господа нашего Иисуса Христа, сказал им: «Покажу вам и новое чудо, знаменье и силу Господа Бога моего». И, когда была завершена эта церковь и окончили ее мастера, послал им свой щит и велел повесить его над святым алтарем. Силой и действием Духа Святого и доныне висит в воздухе,— никто этот щит не держит,— во все времена и года на веру неверным.

Таковы удивительные и достославные чудеса преславного и великого чудотворца и мученика за веру Христову Георгия. И не только эти таинства совершаются святым его именем, но также исцеления многие Бог совершает по молитвам его всем, приходящим с верой в церковь его святую: хромые ходят, слепые прозревают, глухие слышат, страдающие от нечистых духов освобождаются, и большая радость бывает всегда от чудесных его деяний. Потому и мы, братья, подражая ему, восславим милосердного Бога, чтоб молитвами его святого и преславного и великого мученика и страдальца за веру Христову Георгия и нам получить вечные и бесконечные блага по милости Иисуса Христа, Господа нашего, которому всякая слава и власть, честь и преклонение с Отцом и со Святым и животворящим его Духом и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.